
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

N. O. BADER

EARLIEST CULTIVATORS in Northern Mesopotamia

The Investigations of Soviet Archaeological Expedition in Iraq at Settlements Tell Magzaliya, Tell Sotto, Kül Tepe

Edited by
R. M. MUNCHAJEV

MOSCOW «NAUKA» 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н. О. БАДЕР

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ Северной Месопотамии

Исследования
Советской археологической экспедиции
в Ираке
на поселениях телль Магзалия,
телль Сотто, Кюльтепе

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. М. МУНЧАЕВ

МОСКВА «НАУКА» 1989

ББК 63.4(3)
Б15

Рецензенты:
доктора исторических наук
В. И. Сарианиди, Н. Я. Мерперт

Бадер Н. О.

Б15 Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии.— М.: Наука, 1989.— 368 с., ил.
ISBN 5-02-009429-3

Северная Месопотамия — земля древней цивилизации, входящая в один из основных центров возникновения производящей экономики. Советская археологическая экспедиция открыла здесь ряд раннеземледельческих памятников VII—VI тысячелетий до н. э., позволивших проследить истоки земледельческо-скотоводческого хозяйства в этом районе. Среди них телль Магзалия — первое, исследованное в Месопотамии, укрепленное поселение VII тысячелетия до н. э., а также не известные ранее протохассунские памятники телль Сотто и Кюльтепе — древнейшие земледельческие поселения на подгорной равнине Синджара. Подробная публикация этих оригинальных материалов и их анализ на фоне памятников с сопредельных территорий позволяют выявить некоторые общие закономерности первоначального становления производящих форм хозяйства на Ближнем Востоке.

Научное издание

БАДЕР Николай Оттович

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ
Северной Месопотамии

*

Утверждено Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художник О. В. Камаев
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технические редакторы И. В. Бочарова, И. Н. Жмуркина
Корректор А. Б. Васильев

ИБ № 37939

Сдано в набор 21.02.89. Подписано к печати 22.05.89. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 29,9. Усл. кр. отт. 29,9. Уч.-изд. л. 30,8. Тираж 1500 экз. Тип. зак. 2644
Цена 5 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Б $\frac{0504000000\text{-}180}{042(02)\text{-}89}$ 168-89

ББК 63.4(3)

ISBN 5-02-009429-3

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Ближний Восток дает, пожалуй, самые яркие материалы о зарождении земледелия и скотоводства. Незаметные остатки поселений древних земледельцев рядом с развалинами дворцов и крепостей открывают перед исследователями удивительную картину жизни той отдаленной эпохи, помогают понять общие закономерности исторического развития в переломный момент, когда человечество от охоты и собирательства перешло к земледелию и скотоводству.

Несколько десятилетий скромные раннеземледельческие памятники Ближнего Востока привлекают внимание исследователей наряду с древними городами шумеров и столицами ассирийских царей с их клинописными библиотеками. Начиная с X тысячелетия до н. э. история Ближнего Востока пронизана на первый взгляд незначительными событиями, которые, накапливаясь и нарастая, в конечном счете определили весь дальнейший ход исторического развития. В своей первооснове они обусловлены возникновением и распространением производящих форм хозяйства, которые и привели к сложению цивилизации.

Раннеземледельческие памятники Ближнего Востока очень редки. Во всем регионе сегодня исследовано всего три-четыре десятка поселений VIII—VII тысячелетий до н. э. До начала работ советской археологической экспедиции на территории Ирака Джармо было единственным поселением докерамического неолита, а о хассунской культуре можно было судить лишь по раскопкам эпонимного памятника — телль Хассуны. Работы советской экспедиции на севере Ирака вместе с работами английской экспедиции в Умм Дабагии и японской — в Телюль эс-Таласате принципиально расширили исходные материалы по истории ранних земледельцев Северной Месопотамии, изменили представления о времени возникновения и первых шагах земледелия и скотоводства в этом районе, позволили определить и исследовать некоторые узловые моменты становления производящих форм хозяйства и подойти к реконструкции конкретных исторических условий, в которых проходили эти процессы.

До самого последнего времени памятники Палестины, Анатолии, Месопотамии и Загроса оставались изолированными, не давали достаточно материала для реконструкции истории всего региона, культурных и исторических связей, заимствований, обмена сырьем и идеями. Особенно важным в этом отношении был район Верхней Месопотамии. Лишь в 1970-е годы, параллельно с работами советской экспедиции в Синджаре, этот пробел начинает быстро заполняться благодаря работам французской экспедиции под руководством О. Оранша и Ж. Ковена в Мурейбите, эл-Кум и на других памятниках Верхнего Евфрата, А. М. Т. Мура в Абу Хурейре. В это же время Х. Чембел и Р. Брейдвуд ведут широкие исследования в Чейеню Тепеси в Юго-Восточной Анатолии. Поблизости аналогичные поселения открыты сегодня в Джефер Гуюке, Гритиле и в ряде других пунктов. Вместе с материалами совет-

ской экспедиции они принципиально расширяют наши знания не только об общих процессах становления земледелия и скотоводства, но и истории этого очень важного района, выводят исследования на новый уровень.

Советские исследователи всегда проявляли большой интерес к археологии Ближнего Востока; она дает уникальный материал для изучения общих закономерностей социально-экономического развития первобытности, помогает понять исторический процесс на территории юга СССР. До последнего времени мы вынуждены были пользоваться ими только по публикациям.

В 1969—1980 гг. экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Р. М. Мунчаева провела на подгорной равнине Джебел Синджара, на севере Ирана, 12 полевых сезонов. Исследовано шесть раннеземледельческих поселений, характеризующих последовательное развитие культуры от VII до IV тысячелетия до н. э. В 1985 г. работы были возобновлены в районе г. Эски-Мосула на Тигре. Многолетние работы на поселениях Ярымтепе дали эталонные материалы по хассунской, халафской и убейдской культурам. Параллельно с этими работами в прилегающем районе экспедицией открыто, а затем исследовано несколько более древних поселений. Три из них: телль Сотто, Кюльтепе и телль Магзалия раскопаны автором и публикуются в настоящей работе.

Работы на Сотто вскрыли совершенно новый, не известный ранее пласт раннеземледельческих памятников, предшествующих хассуне, но тесно связанных с ней генетически. Материалы Кюльтепе почти точно повторили комплекс телль Сотто и подтвердили их преемственную связь с архаической хассуной. Впоследствии аналогичная картина была прослежена и в нижних слоях Ярымтепе I. Новые материалы позволили выделить памятники типа Сотто, характеризующие ранний, до сих пор неизвестный этап хассунской культуры, и проследить ее истоки. Однако и они целиком принадлежали земледельческому населению и не дали ответа на вопрос о происхождении земледелия на подгорной равнине Синджара. Дальнейшие поиски привели к открытию телля Магзалия — богатейшего, обнесенного мощной стеной поселения VII тысячелетия до н. э. с каменной архитектурой, без керамики и с медными орудиями.

Если памятники типа Сотто позволили найти истоки хассунской культуры, телль Магзалия показала, что район Джебел Синджара входил в обширный регион возникновения производящих форм хозяйства на Ближнем Востоке. Магзалия вводит нас в широкий круг проблем докерамического неолита и неолитической революции. Вместе с тем обе эти группы памятников характеризуют два последовательных этапа в развитии земледелия Северной Месопотамии и дают богатый материал для восстановления конкретной истории важного региона. Основная цель настоящей работы состоит в полной публикации результатов раскопок теллей Магзалия, Сотто и Кюльтепе.

Исследования этих древнейших памятников органично связаны с работами всей экспедиции, проводились при участии всего коллектива. Под руководством Р. М. Мунчаева проведены широкие раскопки халафского и убейдского поселений Ярымтепе II и Ярымтепе III. Работы на хассунском поселении Ярымтепе I возглавил Н. Я. Мерперт [1]. В постоянный состав экспедиции вошли сотрудники Института археологии АН СССР

[1] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

В. А. Башилов, В. И. Гуляев, А. В. Куза и автор. Постоянным участником полевых работ был сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР О. Г. Большаков. В организацию экспедиции большой вклад внес П. Д. Даровских. В работах принимали также участие О. М. Джапаридзе (1972 г., Тбилисский университет) и И. Г. Нариманов (1973—1976 гг., Институт истории АН АзССР). В 1977—1978 гг. палеоботанические работы в экспедиции проводила Г. Н. Лисицына. М. У. Юнисов (Институт этнографии АН СССР) выполнял большой объем ежедневных организационных дел и во многом способствовал общему успеху работ.

Автор начал работы в экспедиции на поселении Ярымтепе I (1969 г.) и Ярымтепе II (1970 г.), а в 1977 г. участвовал в раскопках Ярымтепе III. Одновременно им проводились разведки более древних памятников в прилегающем районе. Эти работы были бы невозможны без постоянной поддержки всех членов экспедиции, их постоянным участником был В. И. Гуляев. В 1970 г. В. А. Башилов и В. И. Гуляев обнаружили телль Сотто. В этом же году автор начал раскопки этого поселения. Позже автором были открыты Кюльтепе (1975 г.) и телль Магзалия (1977 г.). Начиная с 1973 г. в исследовании телль Сотто, Кюльтепе и телль Магзалии постоянно принимал участие А. В. Куза, сделавший для их исследования особенно много. Его опыту и высокому профессионализму, непременной самоотверженной помощи в повседневной работе и тактичной товарищеской поддержке автор особенно обязан. К сожалению, ему не суждено было завершить эту работу. В 1979 г. на телль Магзалии работали также В. А. Башилов и В. И. Гуляев, а в 1980 г. раскопки этого поселения вели В. А. Башилов, О. Г. Большаков и А. В. Куза. Начиная работы на раннеземледельческих теллях с сырцовой архитектурой, экспедиция столкнулась с вопросами методики раскопок и фиксации материала на этих сложных и своеобразных памятниках. В их решение большой вклад внес О. Г. Большаков. Работы на телль Сотто, Кюльтепе и телль Магзалии часто велись в очень сложных условиях и постоянно отвлекали силы от основных объектов экспедиции в Ярымтепе. Их успех был бы невозможен без энергичной поддержки начальника экспедиции Р. М. Мунчаева.

Экспедиция неизменно пользовалась поддержкой Государственной организации древностей и культурного наследия Ирака. В разные годы руководившие Департаментом древностей Ирака д-р Фейсал аль Ваили, д-р Исса Сальман, генеральный инспектор раскопок профессор Фуад Сафар, президент Государственной организации древностей и культурного наследия Ирака д-р Муайад Демерчи, генеральный директор северных древностей и музеев Ирака д-р Бехнам Абу аль-Сууф неоднократно бывали в экспедиции и много сделали для ее успеха. В работах принимали участие представители Государственной организации древностей Ирака: Исмаил Хиджара (1969—1971), Зухейр Раджаб (1970, 1972), Ясин Рашид (1973), Саллах Сальман аль Гумури (1974), Музаххим Махмуд (1975), Сабах Абуд (1976, 1977) — мы приносим им сердечную благодарность.

Проведение широких раскопок было бы невозможно без профессиональных рабочих из района Шургата на среднем Тигре во главе с Халафом Джасимом и местных рабочих из окрестных деревень, которые не только выполнили огромный объем земляных работ, но и освоили сложную методику раскопок. Большинство из них проработали в экспедиции более десяти лет без перерыва.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды института этнографии
AAAS – Annales Archéologiques Arabes Syriennes
AASOR – Annual of the American Schools of Oriental Research
Acta Bot. Neerl.– Acta Botanica Neerlandica
BAR – British Archaeological Reports, International Series
BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BSPF – Bulletin de la Societé Préhistorique Française
CNRS – Centre National Research Scientific
Hum. Biol.– Human Biology
JAS – Journal of Archaeological Science
JFA – Journal of Field Archaeology
JNES – Journal of Near Eastern Studies
JWH – Journal of World History
MANE – Monographs on the Ancient Near East
PEQ – Palestine Exploration Quarterly
Phis. Antropol.– Journal of Phisical Antropology
PPS – Proceedings of the Prehistoric Sociery
SAOC – Studies in Ansient Oriental Civilisation. The Oriental Institute of the University of Chicago
TAVO – Tübinger Atlas des Vorderen Orients

I

ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

*

В конце 1967 — начале 1968 г. по приглашению Департамента древностей Ирака Н. Я. Мерперт и автор предприняли поездку вдоль западных склонов Загроса, посетили раскопки английской экспедиции в Мандели на юге страны, Джармо и другие памятники, в долине Шемшемаль, в районе городов Эрбиля и Мосула на севере, а также приняли участие в работах департамента в Телль эс-Савване [1]. В результате этих рекогносцировок для стационарных работ экспедиции была избрана подгорная равнина Синджара. Разнообразие физико-географических условий давало надежду встретить здесь разновременные памятники с различным хозяйственным укладом, в том числе древнейшие земледельческо-скотоводческие памятники. Можно было ожидать, что район Синджара, лежащий на стыке Месопотамии, Анатолии и Леванта, даст важные материалы для решения многих исторических вопросов. Наконец, к началу работ экспедиции этот богатейший археологическими памятниками район стационарно оставался совершенно неисследованным.

Еще в конце 1930-х годов С. Ллойд провел разведки между Белед Синджаром и Телафаром [2]. Позднее работы продолжил Д. Отс, сменивший С. Ллойда на посту директора британской археологической школы в Багдаде, однако материалы остались неопубликованными. В это же время подробная археологическая карта подгорной долины Синджара составлена Департаментом древностей Ирака. Мы имели возможность познакомиться с ней при выборе места работ.

Все исследователи отмечали в Ассирийской степи большое количество хассунских, халафских и убеидских памятников. До начала работ советской археологической экспедиции телль Хассуна была древнейшим земледельческим поселением Северной Месопотамии. Отсутствие более ранних земледельческих памятников в этом районе объяснялось тем, что в основании телля авторы работ С. Ллойд и Ф. Сафар обнаружили очень бедный слой без построек, который был определен как временное стойбище охотников и собирателей. До наших работ телль Хассуна оставалась единственным раскопанным поселением хассунской культуры [3].

В начале 70-х годов английская экспедиция проводила исследования ассирийского укрепленного лагеря на телль Римахе, в 16 км к юго-востоку от Телафара [4], а экспедиция Токийского университета работала в 10 км северо-восточнее Телафара на холмах Телюль эс-Таласат, по преимуществу хурритского времени. В основании одного из теллей был обнаружен слой с очень архаичной керамикой, однако опубликованы эти материалы

не были, а их полной интерпретации не было предложено [5]. Девид и Джоан Отс познакомили нас с подъемными материалами некоторых теллей. Большой интерес представляла коллекция обсидиановых пластин, собранная на одном из холмов к юго-западу от Телафара. Однако древнейшие слои перекрыты здесь мощными напластованиями ассирийского времени. Мы также собрали много обсидиана в основании телля, однако увязать эти находки с определенным слоем не удалось.

Экспедиция видела свои основные цели в изучении процессов первоначального становления производящих форм хозяйства в Северной Месопотамии. Их решение требовало стационарных исследований поселений хассунской, халафской и убеидской культур, которые были известны здесь только по подъемным материалам. Выбор памятников для таких работ был прост и сложен одновременно. На подгорной равнине Джебел Синджара прямо с шоссе Телафар—Белед Синджар видны сотни теллей, от едва возвышающихся над поверхностью до мощных ассирийских крепостей. На совершенно плоской равнине человек обычно старался выбрать для поселения не заливаемые во время весенних дождей возвышения. Неудивительно, что каждое новое поселение возникало на развалинах старого. И сегодня почти все мелкие хутора стоят на вершинах раннеземледельческих теллей. В основании почти всех ассирийских крепостей также лежат древние поселения. Ни один из этих памятников не подвергался раскопкам.

Для исследования было избрано несколько холмов в 7 км к юго-западу от Телафара, в месте пересечения р. Абры дорогой на поселок Шарайю. Местность получила название Ярымтепе, по названию одного из теллей, наполовину размытого рекой. На обоих берегах здесь расположено три крупных и несколько более мелких холмов. Памятники находятся на подгорной равнине и приурочены к пересыхающему руслу р. Абры, которая берет начало поблизости в холмистых отрогах гор и течет на юго-восток в вади Тартар. В 4—5 км к северо-востоку равнину обрамляют пологие холмистые отроги Синджарского хребта. В 15—20 км к югу плодородная степь постепенно переходит в полупустыню. Ярымтепе I целиком сложен отложениями хассунской культуры. Ярымтепе II — поселение с мощным халафским слоем. Самый крупный холм — Ярымтепе III — заселялся дважды. На вершине большого халафского поселения здесь возникла деревня убеидского времени.

Основным объектом стал Ярымтепе I — древнейший из памятников. За восемь полевых сезонов поселение исследовано на площади 1600 кв. м, причем 600 кв. м доведено до материка. Яркая коллекция остатков материальной культуры и уникальные данные о планировке поселения принципиально расширили представления о хассунской культуре и наглядно показали, что это не древнейшая земледельческая культура Месопотамии. Параллельно велись работы на Ярымтепе II, а затем на Ярымтепе III [6].

Одновременно со стационарными исследованиями вокруг Ярымтепе в радиусе 10—15 км была проведена сплошная археологическая разведка. В результате этих работ на площади 100—150 кв. км было обследовано более 50 памятников убеидского, халафского, хассунского и дохассунского времени. Первоначально было выделено около десятка едва возвышающихся над равниной маленьких теллей с очень архаичной кухонной керамикой на поверхности. Широкие работы на телль Сотто, проводившиеся автором в 1971, 1973—1975 гг. вскрыли под слоем архаической хас-

суны, в основании холма, небольшое земледельческое поселение с глинобитными домами и очень примитивной керамикой [7]. Работы на Кюльтепе в 1976 г. повторили материал телль Сотто и целиком подтвердили выводы о генетической связи комплекса Сотто и архаической хассуны [8].

Памятники типа Сотто удревнили истоки земледелия в Северной Месопотамии, однако не дали ответа на вопрос о его происхождении. Им должна была предшествовать еще более древняя земледельческая культура в том же районе. Направление дальнейших разведок определили три наблюдения: все памятники типа Сотто расположены в идентичных условиях, вдоль вади на подгорной равнине; все они очень близки по материальным остаткам, а значит, и по времени; наконец, самые тщательные поиски на равнине не дали более древних поселений. Создавалось впечатление, что это древнейшие земледельческие памятники на подгорной равнине Синджара, которые знаменуют ее первоначальное освоение земледельцами.

На лёссовой равнине с меняющими русло небольшими сезонными речками очень трудно обнаружить остатки временных стойбищ мезолитических охотников. Можно ожидать, что постоянные поселения охотников тяготели к холмистым отрогам гор, обрамляющим равнину. Физико-географические условия в этом районе также благоприятнее для поисков. Рельеф фиксирован скальными выходами, непересыхающие речки прорезали глубокие каньоны в известняках, местами их берега террасированы. В 1977 г. в этом районе и были проведены систематические поиски. Отдельные орудия мустьерского, мезолитического и, по-видимому, раннеолитического времени, собранные на поверхности, подтвердили перспективность начатых работ. К сожалению, по разным причинам их не удалось довести до конца. Одна из них — открытие поселения телль Магзалии и начало широких работ на этом памятнике. Правильность выбора района разведок в предгорной зоне подтвердила несколько позже и находка небольшого охотничьего лагеря с микролитическим набором орудий, сделанная уроженцем этих мест С. С. Юнусом на западной окраине Телафара [9]. Результаты же наших разведок оказались несколько неожиданными. На холме телль Магзалия, в верховьях р. Абры, нами было обнаружено богатейшее, обнесенное стеной поселение докерамического неолита. В 1977—1980 гг. его удалось исследовать на площади более 600 кв. м на всю глубину отложений.

Раннеземледельческие поселения с глиняной архитектурой сохраняют уникальный по богатству материал для восстановления жизни людей, реконструкции хозяйства и общественных отношений. Богатство памятников делает их крайне сложными для исследования и предъявляет высокие требования к фиксации материала. Просчеты в методике неизбежно влекут потерю части информации.

Многометровые напластования культурных слоев сложены остатками сырцовых построек. Небольшие дома строились в разное время и быстро разрушались, а значит, постоянно подновлялись, ремонтировались и перестраивались. Скученность построек и интенсивность жизни на поселениях обычно очень велики. В процессе своего существования поселение постоянно перемещалось по поверхности телля, поэтому его первоначальный центр обычно не совпадает с современной вершиной холма. Постройки из глины лежат в лёссовом слое, перекрыты и забутованы развалами стен таких же построек.

Телли возвышаются на плоской равнине и во все времена были удобны для поселения. Поэтому все они сильно разрушены большим количеством

перекопов, древними и современными ямами. На большом, длительное время обитаемом телле культурные слои, как правило, не горизонтальны, и отложения у подножия телля могут быть позже слоев на его вершине. Все это создает большие трудности при раскопках, требует точной и подробной фиксации. Однако такие сложные памятники позволяют проследить большое количество деталей, подробно восстановить картину жизни и развития поселения, дают яркий материал для хозяйственных и социальных реконструкций.

Шесть исследованных сегодня экспедицией теллей проявляют не только большое сходство, но и некоторые различия. Культурные напластования крупных поселений насыщены постройками, и стратиграфическое расчленение материала обычно идет по постройкам. Мелкие поселения, к которым относятся телль Сотто и Кюльтепе, имеют более редкую и менее регулярную застройку. Мелкие памятники при внешней простоте требуют особого внимания к мелким невыразительным слоям, по которым часто приходится расчленять материал и которые позволяют сопоставить во времени архитектурно не связанные, часто удаленные друг от друга постройки.

Все памятники на равнине имеют чисто глиняную архитектуру. На единственном поселении в холмистых отрогах Синджара — телль Магзалии — глиняные дома ставились на мощные каменные фундаменты. Это наложило отпечаток на характер всего слоя. Культурный слой памятников, расположенных на равнине, целиком лёссовый. На телль Магзалии он насыщен известковой супесью, а глина для построек приносилась со стороны, поэтому стены обычно хорошо выделяются по цвету и плотности. Слой четко маркируется каменными фундаментами и вымостками полов, гипсовыми обмазками, зольниками. Все это облегчает расчленение и разборку культурной толщи, однако такая четкость напластований в известной мере обманчива. Одна из причин состоит в том, что фундаменты старых домов часто разбирались при строительстве новых, а камень использовался вторично. Поэтому накопление слоя на Магзалии не было таким спокойным, как на лёссовых памятниках, где разрушившееся глинобитное здание просто выравнивалось под фундамент следующей, сменяющей ее постройки. Поэтому при кажущейся ясности и выразительности разрезов на Магзалии не всегда легко провести увязку построек или определить перестройки внутри зданий.

Большие размеры построек и насыщенность слоя крупными каменными глыбами очень затрудняют работу с частыми тонкими бровками. Каменные фундаменты обычно имеют высоту от 40 до 60 см при толщине до 80 см. Поэтому и мощность строительных горизонтов в среднем составляет не меньше полуметра. Все это вынудило, а равно и позволило отказаться от тонких разрезов через 2,5 м и перейти к работе с 50-сантиметровыми бровками через каждые пять метров. Каменные конструкции усложнили фиксацию стратиграфии. В то же время они дали дополнительный материал к расшифровке порядка застройки. В разрезе обычно не видны все мелкие перестройки монументального здания. Убедительный материал для этого дают наблюдения за конструкцией фундаментов, типами кладок, характером сочленения стен. Точная фиксация всех камней построек и замеры их глубин позволили значительную часть информации по микростратиграфии извлечь из планов.

Ключевым вопросом расчленения материала во время раскопок, его фиксации в поле и анализа в лаборатории, безусловно, является выяв-

ление синхронных построек и связанных с ними вещевых комплексов, выделение этапов застройки — иными словами, стратиграфия памятника.

Большой опыт работ на лёссовых раннеземледельческих теллях имеет английская археологическая школа. Раскопки ведутся квадратами 5 × 5 с 50-сантиметровыми бровками. Как правило, бровки сохраняются на всю глубину до конца раскопок. Это позволяет наглядно сопоставлять слои между собой, но затрудняет синхронизацию слоев соседних квадратов, выявление и фиксацию крупных построек. Тонкие прослойки, которые так важны при точной хронологической увязке помещений, практически невозможно протянуть сквозь полуметровую бровку, не разобрав ее. Разрезы через каждые 5 м создают хорошую фактическую основу для выявления последовательности застройки и дробного расчленения материала, однако в публикации и, как видно, при лабораторной обработке стратиграфии не уделяется достаточно внимания, и материал публикуется суммарно.

Тщательно ведут разборку культурного слоя и фиксацию материала японские исследователи, однако они практически не сталкивались с вопросами, возникающими в процессе работ большими площадями [10]. Совершенно не оправдала себя методика раскопок большой площади квадратами 2 × 2 м, вскрываемыми в шахматном порядке, предложенная некогда американской экспедицией во время работ на Джармо [11]. В маленьких квадратах трудно выявить постройки и проследить их планировку, а точная прямая увязка стратиграфии соседних квадратов практически невозможна. Благодаря этому, в частности, на Джармо остались стратиграфически не связанными два основных раскопа. Существенно, что один из них дал керамику, а в другом она не встречена совсем.

Методические приемы работы советской экспедиции были разработаны во время раскопок хассунского поселения Ярымтепе I, первого и наиболее широко исследованного памятника. За семь лет огромная стратиграфическая работа на раскопе площадью около 1600 кв. м проведена здесь В. А. Башиловым и О. Г. Большаковым. Обладая большим опытом работ на среднеазиатских памятниках, О. Г. Большаков оказал влияние на выработку приемов раскопок и фиксации материала. В. А. Башилов предложил методику камеральной обработки и обобщения стратиграфического материала [12].

При исследовании телль Сотто, Кюльтепе и телль Магзалии, которые проводились параллельно с раскопками основных объектов на Ярымтепе, мы столкнулись с аналогичными методическими вопросами. Работа велась квадратами 2,5 × 2,5 м. Между квадратами оставлялись 20-сантиметровые бровки. Все разрезы фиксировались в масштабе 1 : 20. Бровки сохранялись на толщину одного строительного горизонта, затем их верхняя часть разбиралась при исследовании построек, а после фиксации плана они восстанавливались на прежнем месте. Планы построек чертились в масштабе 1 : 50. Весь материал брался по квадратам 2,5 × 2,5 м с точной привязкой к помещениям, положению на квадрате, принадлежностью к слою, характеристикой особенностей слоя и с отметками глубины от нулевого репера. При работах на телль Магзалии много внимания было уделено разборке и полной фиксации каменных построек, выявлению приемов кладки, их последовательности и перестройкам. Основное различие состояло в том, что вся документация (разрезы, планы, фиксация материала) велась на основе 5-метрового квадрата. Разрезы и планы чертились в масштабе 1 : 20.

В поле нумерация построек и строительных горизонтов велась сверху вниз, в порядке их исследования. Она, естественно, нашла отражение и в полевых отчетах и предварительных публикациях. В настоящей итоговой работе мы хотели проследить историю поселений от их возникновения до гибели. Поэтому в окончательной стратиграфической схеме памятников горизонты застройки пронумерованы снизу вверх, в порядке их накопления. Кроме того, во время камеральной обработки материала со всей раскопанной площади в них пришлось внести ряд уточнений. Все они нашли отражение в окончательной номенклатуре слоев. В поле номера конструкциям давались по мере их исследования. При камеральной обработке постройки телль Магзалии перенумерованы в порядке их постройки, начиная с нижнего слоя.

Как обычно, работы на таких больших и сложных памятниках приходилось вести небольшими площадями, иногда одновременно на различных концах поселения, а отдельные постройки часто копались в течение нескольких полевых сезонов. Поэтому разрезы каждого участка фиксировались максимально подробно. Объем стратиграфической информации со значительной площади таков, что разрезы требуют специальной камеральной обработки и обобщения. На материалах телль Сотто было испробовано для этого несколько путей. Первоначально мы попытались обрабатывать стратиграфический материал по квадратам 10 × 10 м. Для этого полевые чертежи просматривались и сопоставлялись между собой. Прослеживались выразительные маркирующие слои, выяснялись стратиграфические связи между сооружениями, в том числе между удаленными комплексами, которые не могли быть прослежены в поле. Неточности в расчленении и фиксации мелких слоев проверялись по соседним дублирующим разрезам. Расхождения никогда не превышали один слой и не выходили за границы горизонта. При членении по горизонтам массового материала находки из пограничных слоев выделялись как стратиграфически недостоверные.

Практически в процессе обработки материала с 10-метрового квадрата прорабатывалось два-три наиболее выразительных разреза, а затем все разрезы прогонялись по кругу. Когда материал с квадрата был достаточно освоен, все слои нумеровались и на разрез составлялась стратиграфическая схема. Схема разреза передает соотношение слоев по вертикали и их протяженность. Для облегчения восприятия материала все слои показываются горизонтальными и одной толщины. Таким же образом составляются стратиграфические схемы 10-метровых квадратов и всего раскопа. При обработке материала сначала просматривались насыщенные центральные квадраты, затем периферийные.

На основании обобщенных таким образом стратиграфических данных нетрудно вычертить планы синхронных построек и планы распространения основных слоев. Синхронные планы могут быть объединены в планы поселка по горизонтам.

Как показала проверка, итоговая схема правильно и полно отражает действительную картину. Однако в процессе этой работы пришлось столкнуться с рядом трудностей. Формальное членение материала на квадраты затруднило осмысление элементов планировки и истории поселка в целом. К материалам каждого квадрата приходилось неоднократно возвращаться с точки зрения материалов соседних площадей. Учтя это, мы проработали материал еще раз, но не формально, по квадратам, а по реальным архитектурным комплексам, связанным с ними выразительным культурным

толщам. В итоге мы получили представление об одновременных архитектурных комплексах и связанных с ними слоях, их распространении на вскрытой площади, соотношении во времени и делении на горизонты.

Анализ стратиграфического материала по квадратам и толщам привел нас к аналогичным результатам. Однако последний лучше соответствует задачам исследования, менее формален, легче и быстрее позволяет выявить ошибки при фиксации и интерпретации материала.

Ряд преимуществ дает членение стратиграфического материала по данным реперного участка. Однако выбор его во многом случаен, во всяком случае ограничен вскрытой площадью. В большом раскопе любой, пусть самый сложный, участок не отражает всю стратиграфическую колонку. Перестраиваясь, поселение постоянно перемещается по образовавшемуся теллю. На разных участках стратиграфическая картина может существенно меняться.

Наши знания о памятнике всегда ограничиваются раскопанной, как правило небольшой, площадью, а эталонный участок почти никогда не отражает всего разнообразия памятника. Насколько он характерен в действительности, можно сказать только после того, как будет раскопано все поселение. Представления о стратиграфии памятника всегда меняются в процессе работ по мере расширения исследуемой площади. Правильный выбор места раскопа и эталонного квадрата может облегчить и ускорить стратиграфическую расшифровку памятника, однако не должен влиять на ее конечные результаты.

Многометровая культурная толща теллей достаточно однородна, и ее расчленение требует выработки определенных принципов. Она образована повторяющимися гумусными, золисто-углистыми, суглинистыми слоями. Обычно поселения существовали длительное время, и культурные слои накапливались непрерывно. При фиксации разреза в поле раскопщик старается быть максимально объективным и точным, однако чертеж нельзя рассматривать просто как фотографию разреза. На чертеже исследователь не может отразить все разнообразие толщи, выделяет основные слои так, как он их видит. Поэтому уже при фиксации в чертеж неизбежно вносятся элементы интерпретации стратиграфического материала.

Культурная толща делилась нами на жилые поверхности, культурные слои, свиты однородных слоев, культурные горизонты и периоды существования памятника. За первичную стратиграфическую единицу принят структурно-однородный культурный слой. Разнообразные по характеру культурные отложения могут быть сведены к нескольким основным типам. В жилых помещениях или на хозяйственных площадках типичны тонкие слои черного гумуса. На периферии хозяйственных комплексов встречаются аморфные рыхлые слои гумуса на месте свалок. Гумус может иметь зеленоватый оттенок. Вокруг печей скапливались рыхлые зольники. Тонкие углисто-золистые слои прослеживаются на большие расстояния и часто приобретают значение маркирующих.

Слои часто маркирует плотная жилая поверхность, образовавшаяся в результате интенсивной жизни на определенном участке поселения. Внутри помещений или на хозяйственных площадках жилые поверхности часто также подмазывались гипсом, покрывались гипсовым полом. Полы могли быть и глиняными. Жилые поверхности могли чистить, просто подметать, поэтому накопление слоя на таких полах в местах интенсивной

жизни шло тонкими, хорошо членимыми слоями. Жилые поверхности очень важны для синхронизации конструктивно не связанных построек, имеют важное маркирующее значение.

Во время раскопок не удается выделить и зафиксировать все однородные тонкие слои. Вместе с тем видно, что они накопились в одинаковых условиях за короткое время и отражают один небольшой эпизод в жизни поселения. Таковы культурные напластования внутри жилого дома, многократные углисто-золистые выбросы из печи, однородные по характеру слои мусора на свалках за стенами домов и т. д. Такие толщи выделялись нами в свиты (пачки) слоев — структурно тождественных и накопившихся в одних условиях.

Горизонт объединяет несколько культурных слоев, отражающих определенный этап в жизни поселения. На исследуемых нами поселениях он обычно связан с архитектурными комплексами или группой построек, по сути является строительным горизонтом.

Под архитектурным комплексом нами понимается одна или несколько построек, объединенных конструктивно или единой планировкой. Архитектурный комплекс хорошо увязывается в единое целое как в плане, так и многочисленными стратиграфическими связями. Практически это основная единица при стратиграфической работе. Текущая полевая работа обычно сводится к выявлению перестроек внутри архитектурных комплексов и увязке соседних комплексов между собой.

Массовый материал достоверно расчленяется на хронологические группы также по постройкам, которые связаны планировкой в жилые и хозяйственные группы и образуют архитектурные комплексы. Существенно, что различные культурные горизонты неодинаково и часто неадекватно отражаются на ограниченной раскопанной площади. Поскольку глинобитные постройки нуждались в постоянном ремонте и часто перестраивались, накопление слоя шло быстро и время существования строительного горизонта обычно невелико.

Наконец, несколько горизонтов объединяются нами в период существования поселения — крупный законченный этап существования поселения, связанный с широкой перестройкой и сменой планировки всего поселения. Это понятие в равной мере как стратиграфическое, так и хронологическое, ибо обычно отражает изменения не только в архитектуре поселения, но и в его материальной культуре.

Намеченная шкала подразделения культурной толщи хорошо накладывается на историю застройки поселения, позволяет дробно расчленить массовый материал и проследить эволюцию материальной культуры. Слои могут быть связаны с определенными постройками, горизонты объединяют архитектурные комплексы в их развитии, периоды отражают основные этапы существования всего поселения. Культурный слой мог отложиться в дни, месяцы, иногда годы. Горизонт, связанный с определенным архитектурным комплексом, существовал годы и вряд ли дольше нескольких десятилетий, период существования поселения мог тянуться десятки и даже сотни лет.

Трудно проследить различия в материальной культуре из соседних слоев и даже горизонтов. Очевидно, она может существенно эволюционировать на протяжении периодов существования поселения. Однако накопление новых признаков на непрерывно существующем памятнике происходило в целом постепенно. В связи с этим встает вопрос: каким образом расчленить массовый материал при анализе? Совпадают ли перио-

ды существования памятника с этапами развития материальной культуры? Действительно ли культура развивалась на памятнике постепенно и преемственно или могут быть намечены какие-то определенные поворотные моменты в ее развитии? В первом случае членение материала на группы может быть условным, во втором такое условное членение, в особенности по крупным периодам, может привести к известному смешению материала, механическому объединению различных, в действительности несовместимых признаков.

Все это вынуждало первоначально обрабатывать материал по возможно мелким слоям и горизонтам, затем сопоставлять эти группы между собой и объединять только тождественные или близкие. Такой подход должен был помочь избежать схематизма при анализе материала, выявить истинную динамику развития культуры.

Объем стратиграфических материалов слишком велик, чтобы он мог быть опубликован целиком. Нет возможности опубликовать все разрезы с памятника, тем более что они весьма насыщенны и при большом уменьшении потеряют значительную часть смысловой нагрузки. На Сотто и Кюльтепе на квадрат 10 × 10 м чертилось 100 погонных метров разрезов, т. е. один метр разреза на один квадратный метр вскрытой площади. На Сотто, где раскоп доведен до 500 кв. м., вычерчено 470 м разрезов, а на телль Магзалии (при раскопе 600 кв. м и бровках через 5 м) — 325 погонных метров. Однако даже полная их публикация не избавила бы нас от их специальной обработки, обобщения и интерпретации. Выборочная публикация дает представление о характере культурного слоя. Стратиграфические схемы не могут передать всего этого объема информации, однако точно суммируют их и отражают соотношение построек во времени. Схемы выполнены без масштаба. Взаиморасположение условных обозначений конструкций отражает их относительное время.

Все эти материалы, по нашему мнению, дают основание достаточно детально восстановить реальную жизнь на поселениях — основной археологический источник социальных и экономических реконструкций, а их публикация — провести собственный анализ и по мере накопления новых данных уточнить и переосмыслить выводы.

[1] *Abu al-Soof Behnam.* Tell es-Sawwan: Fifth season's excavations (1967—1968) // Sumer. 1971. Vol. 27, N 1/2.

[2] *Lloyd S.* Iraq Government sounding at Sindjar // Iraq. 1940. Vol. 7. P. 13—21.

[3] *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna: Excavations by Iraq Government Directorate of antiquities in 1943—1944 // JNES. 1945. Vol. 4, N 4. P. 255—289.

[4] *Oates D.* The excavation at tell al Rimach 1966 // Iraq. 1967. Vol. 29; *Oates D.* The excavations at Tell al Rimach 1968 // Ibid. 1968. Vol. 30.

[5] *Fukai S., Hariuchi D., Matsutany T.* Telul eth-Thalathat: The excavations of Tell II // The Tokyo University Iraq-Iran archaeological expedition. Tokyo, 1970. Rep. II; *Fukai S., Matsutani T.* Telul eth-Thalathat: The excavations of Tell II: The fifth season (1976). Vol. 4. The Tokyo University Iraq-Iran archaeological expedition. Tokyo, 1981. Rep. 17.

[6] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981; *Munchajv R., Merpert N.* Soviet expeditions research at Yarim Tepe III. Settlement in Northern Iraq, 1978—1979 // Sumer. 1984. Vol. 43, N 1/2. P. 54—68; *Munchajv R. M., Merpert N. Ya., Bader N. O.* Archaeological studies in the Sinjar Valley, 1980 // Ibid. P. 32—53.

[7] *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973, 1974 гг..) // СА. 1979. № 2.

[8] *Бадер Н. О.* Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

[9] *Watkins T., Baird D.* The excavation of

an aceramic neolithic settlement near Tel Alar // Dep. Archaeol. Univ. Edinburgh. Project Pap. 1987. N 6.

[10] *Fukai S., Hariuchi K., Matsutami T.* Telul eth Thalathat. The excavations of Tell II; *Fukai S., Matsutany T.* Excavations at Telul eth-Thalathat, 1976 // Sumer. 1977. Vol. 33, N 1. P. 48–54; *Fukai S., Matsutany T.* Telul eth-Thalathat. The Excavation of Tell II. The Fifth season (1976). V. IV. Tokio. 1981.

[11] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. 1960. Vol. 31; Braidwood R. The Iraq Jarmo project // Archaeological researches in retrospect. Cambridge (Mass.), 1974; Prehistoric archaeology along the Zagros flanks./Ed. L. S. Braidwood et al. Chicago, 1983. (Univ. Chicago Orient. Inst. Publ.; Vol. 105).

[12] *Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В.* Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке // СА. 1980. № 1.

II

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ VII ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

*

Телль Джебел Магзалия (в переводе с арабского — холмы стрекоз) находится в 7,5 км к северо-востоку от Ярымтепе на северной окраине деревни Абра Наджар и в одном километре к северу от села Абра Чибира, которое стоит на старой дороге Телафар — Белед Синджар. Поселение находится на правом берегу р. Абры, приблизительно в одном километре от выхода ее на равнину. Холм возвышается на 50—70 м над подгорной равниной. Почвы в окрестностях поселения содержат большое количество щебня, во многих местах на поверхность выходят известковые скалы, где сейчас добывается строительный камень. Современная граница пашни и пастбищ проходит рядом с поселением. Река течет здесь в живописном ущелье у подножия телля (рис. 1). Из-под скал бьют родники, а в километре вверх по течению в реку впадает небольшое подземное русло. Рядом находится удобный водопой, куда и сегодня бедуины пригоняют стада со всего прилегающего района. В 1,5 км выше по течению река прорезает первую гряду холмов, опоясывающих долину. В целом район вокруг поселения более удобен для охоты и собирательства, чем для земледелия.

Восточный склон телля образует почти вертикальное обнажение, переходящее в скалистое ущелье реки. Вершина холма возвышается над уровнем воды почти на 30 м (рис. 2). Со стороны равнины поселение видно за много километров, в том числе из Ярымтепе и с телль Сотто. Крутые склоны телля делают его похожим на окружающие естественные холмы.

Холм вытянут вдоль реки. Слой хорошо укреплен большим количеством каменных конструкций, поэтому имеет очень крутые склоны (рис. 3). Памятник не был застроен и не распахивался. На вершине и южной половине холма находится современное действующее кладбище. Первоначально телль занимал около 0,65 га. После прекращения жизни на поселении его восточная часть была сильно разрушена рекой, а северный склон — широкой промоиной, по которой сейчас проходит дорога к водопою. Сохранившаяся часть поселения занимает площадь около 4500 кв. м, т. е. разрушено около 1/3 холма. Мощность культурного слоя в центре поселения составляет 8,2 м. С севера к нему примыкает большая, не менее гектара, почти ровная площадка в излучине высокого обрывистого берега реки. Здесь на пашне собрано большое количество кремневых отщепов и несколько орудий, типологически близких орудиям с поселения. Основное отличие между ними состоит в том, что на площадке отсутствует обсидиан, тогда как на самом памятнике он преобладает.

К северу от основного телля, за промоиной и идущей по ней дорогой, культурные слои также образуют небольшой холм. На его склонах и поверхности видны каменные фундаменты, аналогичные исследованным на основной площади. По-видимому, это останец разрушенной северной части поселения. Дорога прорезала культурные отложения до скального основания, поэтому их прямая стратиграфическая увязка невозможна. Судя по высотным отметкам, культурные напластования останца в основном соответствуют древнейшему периоду жизни поселения.

Севернее останца на поле в излучине реки также встречается подъемный материал. Культурные остатки рассеяны по всей площади, остатков каменных конструкций нет. Вместе с тем ясно, что эта площадка на высоком берегу реки у подножия телля постоянно посещалась жителями поселения.

На занятой кладбищем южной половине телля на поверхности видны каменные фундаменты древних построек. Нам пришлось ограничиться работами в северной половине телля. Основной раскоп был заложен на площадке к северу от его вершины, где легко можно было выявить планировку поселения. Второй раскоп в северо-восточной части обнажения дал представление о культуре в основании телля. Работы на обнажении позволили легко увязать оба раскопа между собой, исследовать среднюю часть отложений и сомкнуть стратиграфическую шкалу поселения.

В 1977 г. проведена зачистка обнажения по линиям 9 и 10 от вершины холма до его основания. Квадрат М-10 вскрыт до материкового слоя на всей площади. На остальных квадратах выходящие на обнажение фундаменты построек зачищены ступенями. На вершине холма, на квадратах L, М-7 вскрыты постройки верхнего культурного слоя. Площадь раскопа составила около 150 кв. м.

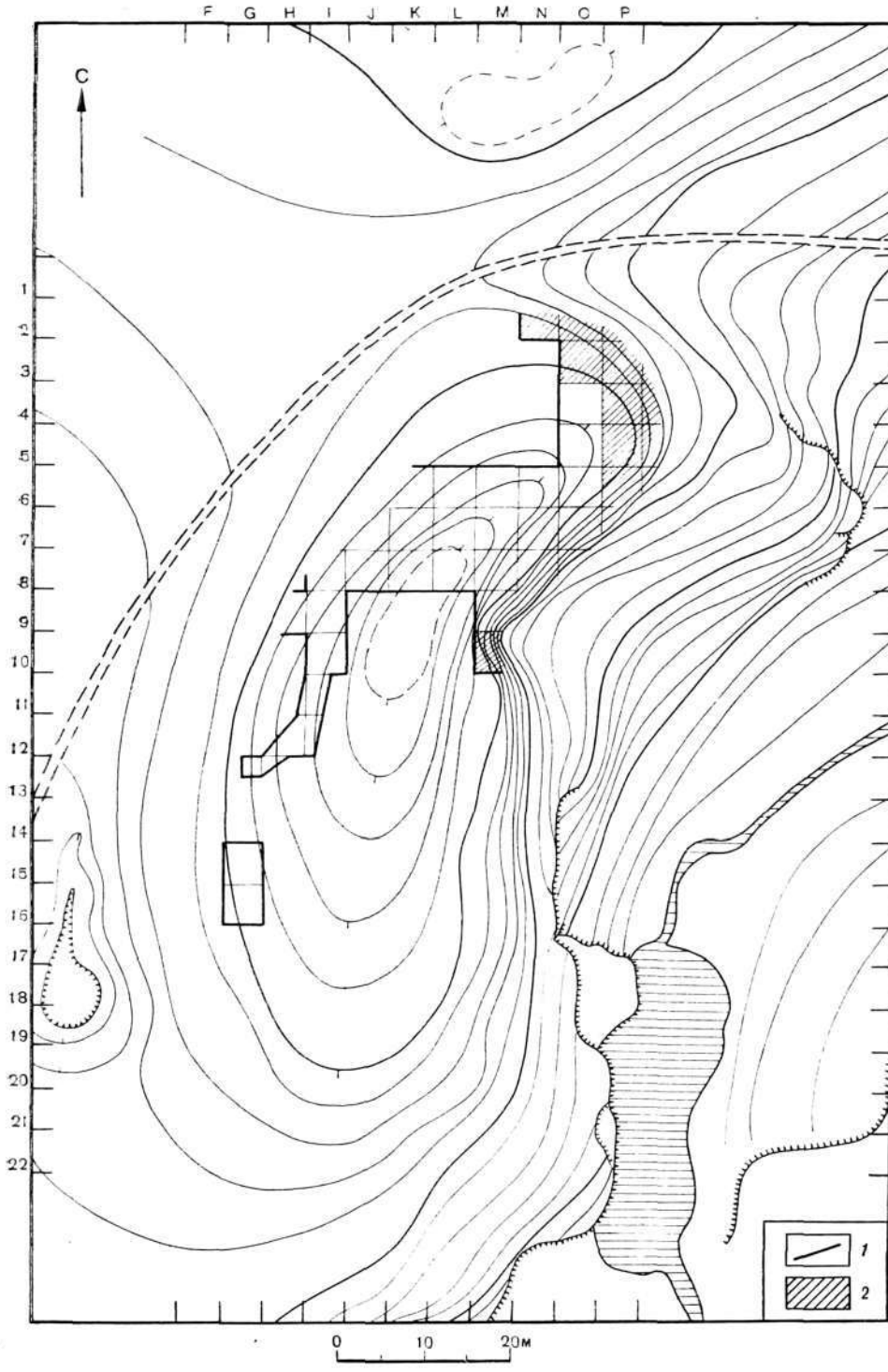
В 1978 г. общая исследованная площадь доведена до 400 кв. м. Работы велись тремя раскопами. На вершине холма (кв. М-6, М-7, М-8, Н-6, Н-7) исследовалась архитектура и планировка поселения, собран большой археологический материал. Раскоп здесь доведен до 200 кв. м и исследован на глубину 3—4 м от вершины холма. Во втором раскопе (кв. Р-3, Р-4) вскрыты древнейшие культурные слои. Третий раскоп (кв. О-5, О-6, Р-5) соединил стратиграфически первые два и дал новый материал из средней части отложений. К важнейшим открытиям этого года относится оборонительная стена, ограничивающая поселение на верхнем раскопе и погребения в основании телля.

В 1979 г. площадь раскопа расширена до 600 кв. м. На верхнем раскопе продолжено углубление квадратов К-7, L-7, М-7, К-8, L-8, а также начаты работы на западном склоне холма на кв. J-8, L-8, Н-9, J-9, J-10. На разных участках достигнуты глубины от 290 до 380 см ниже репера. Изучено несколько жилых домов и окружавшая их оборонительная стена, получено общее представление о поселении за оборонительной стеной. Одновременно велись работы на нижнем раскопе (кв. N-2, О-3, О-4, Р-4, О-5, Р-5). Исследование квадратов О-4, О-5 доведено до отметки 550 см, остальные вскрыты на всю глубину. Получен материал из основной толщи, выявлен характер культурных напластований, целиком исследован жилой дом на кв. Р-4.

→

РИС. 1. Телль Магзалия. План холма

1 — толстой линией показан контур раскопа; *2* — заштрихованы квадраты, исследованные до материка

F G H I J K L M N O P
C
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
1
2
0 10 20м

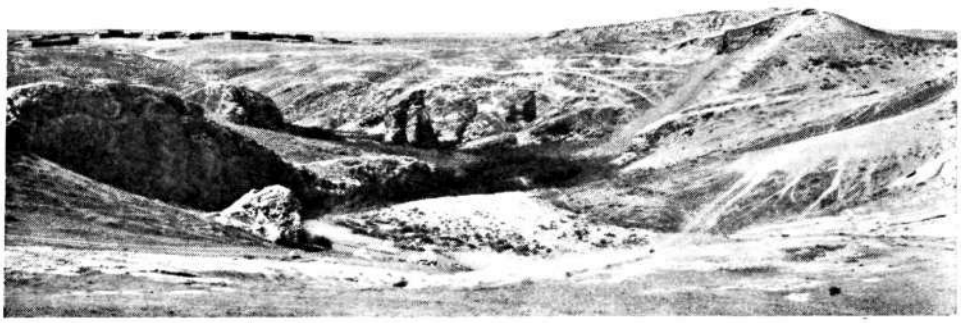

РИС. 2. Телль Магзалия. Вид на поселение с северо-востока через р. Абру

РИС. 3. Телль Магзалия. Вид на поселение с северо-запада. На переднем плане видны цоколи оборонительной стены 264 (на юге) и встроенной в стену башни 236 (на севере)

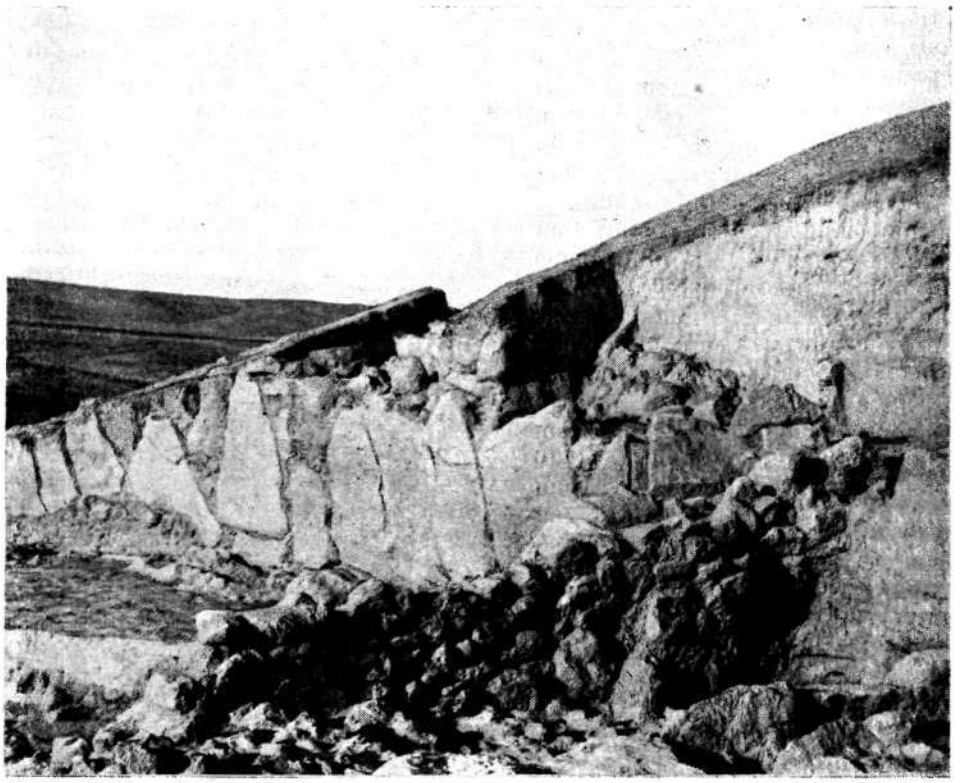

РИС. 4. Телль Магзалия. Западный фасад оборонительной стены с перестройками (стены 264, 267)

В 1980 г. на верхнем раскопе В. А. Башилов продолжил исследование построек в основании 4 горизонта (кв. К-7) и оборонительной стены на кв. J-8, 9, 10, 12, 13 и Н-10. А. В. Куза и О. Г. Большаков углубили раскоп на квадратах М-7, 8, 9; N-7, 8; О-5, 6, 7 и Р-6 и тем самым провели более строгую стратиграфическую увязку верхнего и нижнего раскопов. Н. О. Бадер в этом году участия в работах не принимал из-за болезни.

Наконец, в 1984 г. были уточнены некоторые разрезы и завершена фиксация построек на верхнем раскопе.

В результате четырехлетних работ общая изученная площадь поселения достигла 625 кв. м, т. е. раскопками затронута приблизительно 1/10 часть телля. На вершине холма, в верхнем раскопе, вскрыто 375 кв. м. Сопоставив границы прослеженной здесь оборонительной стены 3—4 горизонтов с контуром нераскопанной части телля на тех же высотных отметках, можно достаточно точно вычислить площадь поселения за стенами, которая составляла не менее 1000 кв. м. Иными словами, было исследовано около 1/3 поселения этого времени. Более чем на 50 м прослежена оборонительная стена, ограничивающая поселение (рис. 4). Почти целиком исследовано и несколько многокомнатных домов. Их площадь достигала 100 кв. м, поэтому в каждом горизонте мог быть полно прослежен только один из них. И все же изученные дома за оборо-

нительной стеной дают важный материал для реконструкции планировки поселения. Средний и нижний раскопы площадью 250 кв. м позволяют судить о стратиграфии северной половины поселения и развитии культуры на всем протяжении его существования, а также о характере построек на первых этапах жизни поселения.

СТРАТИГРАФИЯ, АРХИТЕКТУРА И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ

Телль целиком сложен из остатков построек из глины на каменных фундаментах, хорошо видных на поверхности холма и в обнажении. Культурный слой насыщен известковой супесью, а глина для построек приносилась со стороны, поэтому стены хорошо выделяются по цвету и плотности. Слои четко маркируются каменными фундаментами, вымостками обмазанных гипсов полов и зольниками. Каменные фундаменты достигают высоты 60 см (табл. 1—4).

Вся документация (разрезы, планы, фиксация материала) велась на основе 5-метрового квадрата. За нулевую отметку принята условная точка на вершине холма в северо-восточной четверти квадрата L-9. После завершения работ на памятнике оставлены два репера. Первый (—370 см ниже нулевой отметки) находится в восточной части квадрата L-11, прямо над обрывом к реке, и представляет небольшой камень с подтесанной нами поверхностью. Второй репер (—400 см ниже нулевой отметки) находится на вершине останца телля к северу от дороги, расположен на квадрате линии М и представляет помеченный крестом камень.

В 1977 г. при зачистке обнажения вся культурная толща была условно расчленена на 15 строительных горизонтов мощностью 50—60 см каждый. Дальнейшие работы в целом подтвердили это деление. При исследовании больших каменных фундаментов основной материал для характеристики последовательности застройки давала фиксация конструктивных особенностей кладок и их сочленений, изменения плана сооружений. Основной единицей членения культурной толщи был строительный горизонт, объединявший одновременные сооружения с перестройками. Каждый горизонт дает целый комплекс связанных между собой построек. Постройки соседних горизонтов часто повторяют друг друга в плане и объединяются в четыре крупных периода существования поселения. Границы между периодами определяются по крупным перестройкам и изменениям планировки поселения.

Жизнь на поселении не прерывалась периодами запустений. Преемственность в планировке перекрывающих друг друга построек хорошо видна в верхнем раскопе. В средней и нижней части толщи также нет перерывов в культурных напластованиях. Материальная культура поселения однородна.

Большая мощность культурной толщи объясняется размерами каменных сооружений. Накопление слоя могло происходить достаточно быстро. Время существования горизонта фактически определяется продолжительностью жизни входящих в него построек, а значит, измеряется не сотнями, а десятками лет. Время существования построек может быть определено лишь очень условно. Современные глинобитные дома в районе работ редко стоят более 30 лет и требуют ежегодного ремонта после зимнего сезона дождей. Трудно допустить, что большие дома на каменных цоколях, открытые на телль Магзалии, существовали более 50 лет. Со-

временные глинобитные дома обычно служат одному поколению, т. е. около 25 лет, а может быть, и меньше. Комплекс с оборонительными стенами мог существовать и дольше. Все сказанное позволяет условно предположить, что жизнь на поселении могла продолжаться 500—800 лет.

НИЖНИЙ РАСКОП

В северном раскопе материк достигнут на кв. N-2, О-2, О-3, Р-3, Р-4, Р-5 и Р-6 на площади немногим более 125 кв. м. Квадраты линии 2 и линии Р выходят на склон и в разной степени разрушены (рис. 2). Материк достигнут также на квадрате М-10, под вершиной холма, однако прямой увязки подматериковых слоев на обеих площадках сделать не удалось. На кв. О-4 и О-5 раскоп доведен до отметок —580 см, на кв. О-6 и О-7 — до 680—700 м. Поверхность материка на вскрытой площади понижается на юг, повторяя естественную поверхность склона, от —670 см на кв. N-2, до —730 см на кв. Р-6. На кв. М-10 под вершиной холма она зафиксирована на отметке —820 см. Нижние слои полнее исследованы на кв. О-4, 5 и Р-4, 5, 6 под северной полой телля. В меридиональных разрезах по линии «0» хорошо видно падение слоев с севера на юг, обратное современной поверхности. По-видимому, они обозначают поверхность одного из древних погребенных холмов. Восточный край поселения разрушен рекой, а северный — промоиной и дорогой. Судя по современной конфигурации телля, западная граница могла проходить где-то по линии М. Во время работ 1980 г. начали выявляться контуры еще одного древнего холма (южного). На квадратах N, О-6, 7, 8 слои падают с юга на север, навстречу склону северного холма. Древние перекопы не позволили четко зафиксировать перекрытие одного холма другим. Южный холм уходит под центральную часть телля. О его площади и характере судить пока трудно.

Возможны две реконструкции древнейшего поселения. По первой оно возникло на берегу реки под северной полой телля и постепенно разрасталось с севера на юг. По второй было образовано цепочкой домов вдоль берега реки. На вскрытой площади северный холм охватывает 1—6 строительные горизонты (рис. 5).

Первый (нижний) горизонт. Объединяет 8 очажных и хозяйственных ям, выкопанных с поверхности материка или из предматерикового слоя (101, 106, 108, 144, 144а, 145), кострище и зольник 105, гипсовый пол 134 (табл. 5). Их объединяет слабо насыщенный культурный слой на поверхности материка. Его мощность не превышает 10 см. Остатков жилых домов или хозяйственных построек в этом горизонте не выявлено. Ямы 144 и 144а находятся непосредственно под стенами дома 120 (горизонт 2), а остальные перекрыты связанными с домом жилыми слоями.

Яма 101 (кв. N-2, глубина —670—678 см) вырыта в плотной жилой поверхности, подстилающей дом 120, и прорезает поверхность материка на глубине —675 см. Она имеет неправильную овальную форму, 88×66 см при глубине около 10 см и целиком заполнена обломками известняка, стенки не обожжены.

Зольник 105 в центре северной половины кв. О-3 лежит на глубине —695 см на поверхности материкового слоя и занимает площадь 70×80 см. Сложен из золы и угля с небольшим количеством мелких обломков известняка, его мощность в центральной части достигает 5 см. Глина под зольником прокалена.

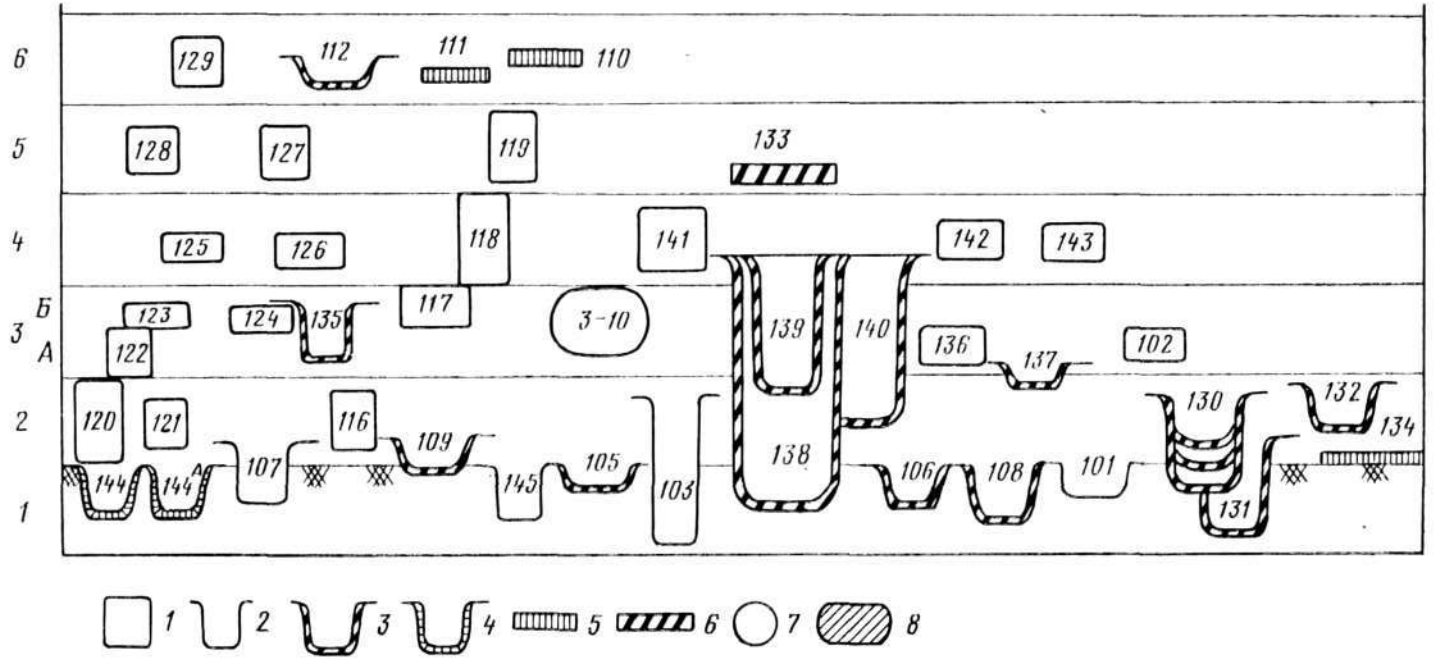

РИС. 5. Телль Магзалия. Стратиграфическая схема нижнего раскопа (кв. N – 2; O – 3, 4, 5; P – 3, 4, 5)

1 — каменные и глинобитные постройки;
2 — ямы;
3 — ямы с обожженными стенками, очаги;
4 — ямы, обмазанные гипсом;
5 — полы и другие поверхности, обмазанные гипсом;
6 — обожженные поверхности;
7 — погребения;
8 — большие многокомнатные дома.

Цифры на конструкциях обозначают их порядковый номер. Горизонтальные линии отмечают условные границы между культурными горизонтами. Цифры слева по вертикали указывают порядковый номер горизонта от основания холма

Очажная яма 106 (кв. О-3, глубина —700—711 см) вырыта с поверхности материка. Край ямы и основание стоящего выше дома 116 (горизонт 2) разделены тонким аморфным слоем суглинка. Контур ямы овальный, 60×30 см. Слегка наклонные стенки плавно переходят в округлое дно, вся поверхность прокалена. В заполнении много мелких слегка обожженных известняковых камней, примесь золы и угля невелика. Много камней было и около ямы.

Яма 145 прослежена в западной бровке кв. О-3 на глубине —680—710 см, выкопана с поверхности материка, имеет немногим более 40 см в поперечнике, глубина около 30 см. Стенки не обожжены. Заполнение суглинистое, с небольшой примесью гумуса.

Очажная яма 108 (кв. О-3, глубина —692—702 см) вырыта с поверхности материка. Размер ямы 20×40 см, глубина около 10 см, стенки почти вертикальные, плоское дно слабо обожжено. В заполнении небольшая примесь угля и золы, без камней.

Яма 144а (кв. Р-4, глубина —700—742 см) вырыта в материке с его поверхности и перекрыта углом дома 120; подпрямоугольная в плане (128×68 см при глубине 40 см), имеет почти вертикальные стенки и плоское дно. Вся поверхность обмазана гипсом, заполнение суглинистое, без камней, золы или гумуса. Стенки обмазаны глиной, но не обожжены. Яма могла использоваться как хранилище.

Яма 144 (кв. Р-4; глубина —699—719 см) вырыта в материке с его поверхности и перекрыта жилыми слоями у основания дома 120 (горизонт 2). Овальная в плане (52×44 см, глубина 20 см), со слегка наклонными стенками и округлым дном. Тщательно обмазана толстым слоем гипса. Заполнение глинобитное, без камней, золы и гумуса. Судя по гипсовой обмазке, это могла быть ванна для воды.

Гипсовый пол 134 прослежен в юго-западном углу кв. Р-5 на поверхности —720 см. Обмазка отделена от материка тонким, около 5 см, невыразительным культурным слоем. К гор. 1 отнесена условно. Безусловной стратиграфической увязки пола 134 и дома 120 провести не удалось. По положению над материком он может соответствовать основанию дома. Неровные края обмазки обломаны еще в древности, толщина в центральной части не превышает 1 см.

Все конструкции первого горизонта объединяет тонкий, слабо насыщенный находками суглинистый культурный слой, перекрытый остатками жилых домов 116 и 120 второго горизонта. Конструкции первого горизонта могут быть сгруппированы в две сменяющие друг друга группы. Первая включает сооружения, сделанные на поверхности материка. Это кострище 105, очажные ямы 106 и 108, яма 145, бассейны 144 и 144а. Все они могут считаться синхронными. Вторая объединяет яму 101 и гипсовый пол 134, связанные с поверхностью предматерикового культурного слоя. В аморфной толще не удалось точно увязать их между собой и с основанием построек второго горизонта. Стерильных прослоек или выразительного культурного слоя между ними нет. Массивный фундамент дома 120 частично разрушил тонкий культурный слой первого горизонта, однако вырытые в материке ямы 144 и 144а и очажная яма на кв. О-3 перекрыты фундаментами домов 120 и 116.

На исследованной площади не найдено построек первого горизонта. Описанные выше «ванны» и очажные ямы обычно группируются на хозяйственных площадках вокруг жилых домов, как это видно в горизонте 2. Можно допустить, что жилые постройки находятся на перекопанной пло-

щади к западу, а исследованные очаги и ямы приурочены к краю поселения на берегу реки. Осталось неясным назначение ям с необожженными стенками. По внешнему облику они не отличаются от очажных. В заполнении тех и других много камней. О площади поселения первого горизонта судить пока трудно. Раскопками затронута его восточная часть, а западная граница не выходит за границы телля. Дорога отрезает от поселения его северный останец, который практически не исследовался. Не ясна и южная его граница. Судя по слабой насыщенности слоя, поселение этого времени было небольшим.

Второй культурный горизонт объединяет жилые дома 120 и 116, обрывок стены 121 на хозяйственной площадке около дома 120 и одновременные этим постройкам печи 130, 131, 132, очаг 109 и ямы 103 и 107 (рис. 5; табл. 5).

Яма 103 (кв. О-3, глубина —657—731 см) прорезала поверхность материка на глубине —686 см. С поверхностью ямы связываются тонкие углистые слои и перекрывающая их плотная жилая поверхность, местами обмазанная гипсом. На кв. Р-3 эти отложения связаны с верхней частью каменного цоколя дома 116. Яма имеет неправильную овальную форму (100×64 см), вертикальные стенки и плоское дно. Глубина ямы около 50 см. Стенки не обожжены. Заполнение суглинистое, с большим количеством известковых камней. Самые крупные из них достигают 20—25 см в поперечнике. Бытовых остатков в яме не найдено.

Яма 107 под восточной бровкой кв. О-3 на глубине —689—699 см была вырыта вскоре после постройки дома 116. Тонкая свита жилых слоев соединяет поверхность бытования ямы с нижней частью цоколя дома. Яма имеет удлиненно-овальную форму (74 × 32 см), вертикальные стенки около 10 см высотой и плоское дно. В суглинистом заполнении было несколько мелких обломков известняка, стенки не обожжены.

Очажная яма 109 в юго-восточной четверти кв. О-3 зафиксирована на отметках —660—680 см. Дно ямы совпадает с поверхностью материка. Тонкий золистый слой на отметках около —670 см в восточной бровке квадрата связывает яму со средней частью каменного цоколя 116 на кв. Р-3. Яма почти круглая (диаметр 40 см, глубина 10 см), с пологими, слабо обожженными стенками, целиком заполнена мелкими необожженными обломками известняка.

Каменный цоколь 116 в центре кв. Р-3 сосуществовал с домом 120, но построен несколько позже, находится на отметках —655—675 см. Оба сооружения одинаково ориентированы по странам света. Фундамент дома подстилает тонкий, около 10 см, культурный слой, накопившийся около дома 120. Две жилые поверхности соединяют их между собой. Разрушены дома одновременно. В доме 116 пол выложен крупными плитами вровень с поверхностью кладки цоколя стен. Юго-западный угол дома разобран еще в древности.

Дом 120 в северо-западной половине кв. Р-4 стоит на поверхности древнего материкового слоя, на отметках около —700 см. Тонкий первый культурный горизонт мог быть разрушен при нивелировке площадки под его фундамент. На него указывают остатки обмазанной гипсом ямы 144 под углом дома. Поверхность цоколя находится на отметках —660—670 см. Глинобитные стены на них прослежены на высоту 10—20 см. Нет сомнений, что перед нами не заглубленный фундамент, а наземный цоколь постройки. Жилые слои прямо утыкаются в камни цоколя. Видно, как они накапливались во время существования дома.

Прямоугольная постройка имеет площадь 240 × 170 см, приурочена к берегу реки и ориентирована почти точно по странам света. Цоколь аккуратно выложен в один ряд камней. Наружная поверхность кладки тщательно выровнена. В основании пола также лежит каменная вымостка. Весь цоколь образует невысокую платформу. Вымостка пола перекрыта хорошо утрамбованным слоем глины мощностью до 5 см. Глина была специально принесена на поселение с берега реки. Глинобитная стена тоньше цоколя, поэтому его край выступает из-под стены. Структуру стены установить не удалось. В некоторых местах ее внутренняя поверхность сохранила красноглиняную обмазку, выполненную заодно с обмазкой пола.

Все помещение делится на четыре почти равные части тремя контрфорсами. Их границы были найдены по контуру обмазки пола. Удалось уловить и глиняную обмазку их торцов. Таким образом, дом делился перегородками на соединяющиеся между собой отсеки, а не на изолированные помещения. Стены и все контрфорсы вылеплены без швов, т. е. строились одновременно. Наружная дверь не найдена. У стены стояла большая прямоугольная глиняная печь. Устье обращено внутрь помещения. Противоположный торец сильно заглублен в стену дома. Очевидно, здесь было вытяжное отверстие. Основание пода выложено мелкой речной галькой с песком и затем обмазано слоем глины толщиной около 3 см. Печь сильно прокалена. Судя по наклонным остаткам стен, печь была сводчатой. Площадка около печи в углу дома также выложена мелкой галькой и обмазана глиной. У центральной внутренней перегородки в ямке под полом найдено скопление кремневых желваков, приготовленных для обработки.

Каменный цоколь стены 121 (кв. Р-4, глубина —660—690 см) пристроен к дому 120. Поверхность материкового слоя проходит здесь около —710 см от вершины холма. По-видимому, это часть ограды двора или развалины какой-то хозяйственной постройки у стен дома, которая была разобрана еще в древности.

Очажная яма 130 (кв. Р-5, глубина —680—740 см) на 20 см врезана в материковый слой, вырыта на месте аналогичной ямы 131 и частично нарушила ее. Золистые выбросы из очага примыкают к верхней части цоколя дома 120.

Очаг представляет овальную (40×115 см) яму глубиной 60 см. Она расширяется в придонной части, стенки плавно закругляются в плоское дно. Вся внутренняя поверхность ямы тщательно промазана глиной и сильно обожжена. В заполнении ямы смесь золистой земли и камней. Площадка вокруг очага также покрыта золой и углем. Судя по прокаленным глиняным обмазкам, очаг дважды реставрировался, при этом яма вычищалась не до дна. Никаких признаков свода над ямой нет. Не ясно, как обеспечивалось эффективное горение в таких глубоких ямах. Судя по большому количеству известнякового камня в заполнении, яма могла служить для обжига гипса.

Очажная яма 131 (кв. Р-5, глубина —700—780 см) прорезала материковый слой почти на 60 см. Углисто-золистые выбросы из ямы примыкают к основанию цоколя дома 120, т. е. она связана с началом его существования. Яма 38×120 см имеет вертикальные параллельные стенки, загругленные торцы и плоское дно. Поверхность ямы обмазана толстым слоем глины и сильно обожжена. Яма до верха заполнена золистой землей и мелким известковым камнем. Четких углисто-золистых слоев в аморфном заполнении нет. Никаких следов свода над ямой не было.

Очажная яма 132 (кв. Р-5, глубина —670—691 см) перекрывает стену 121, сопоставляется с самым концом существования дома 120 и связана с верхней частью мощной углисто-золистой линзы. Очевидно, уголь не может целиком происходить из одного очага. Он слишком мал для этого и сам выкопан в зольнике. Очажная яма почти круглая, диаметром 60 см и глубиной не больше 20 см, с вертикальными стенками и плоским дном. Весь очаг сильно обожжен и заполнен углем и золой с небольшим количеством камней.

Все постройки второго горизонта объединяют культурные отложения вокруг жилых домов 116 и 120. Их нижнюю границу определяет основание цоколя 120, верхнюю — суглинистый развал глиняных стен домов. Мощность горизонта достигает 60 см. Стратиграфическое сопоставление построек внутри этой толщи затруднено из-за слабой насыщенности культурного слоя. Мелкие хозяйственные постройки вокруг домов сооружались хаотично, каждая из них существовала недолго.

Этапы застройки второго горизонта не выделяются. Дома 116 и 120 длительное время сосуществовали, однако построены были не одновременно. Фундамент дома 116 подстилает тонкий слой, накопившийся у основания дома 120. Разрушены оба дома одновременно. Перекрывающая суглинистая толща представляет развал их глиняных стен. Ямы 107, 109, 103 последовательно сменяли друг друга у стен дома 116. Яма 103 связана с плотной жилой поверхностью, обмазанной гипсом. К югу от дома 120 на кв. Р-4, Р-5 зафиксированы мощные углисто-золистые выбросы из очажных ям. Очаги 131, 130 и 132 сменяли друг друга.

Печь и место для приготовления пищи около нее, хозяйственные остатки и хранилище кремня под полом дома 120 не оставляют сомнений в его назначении. Дом 116 не сохранил выразительных деталей, однако по планировке и технике кладки ничем не отличается от первого. Оба дома ориентированы почти одинаково, по странам света, фасадом к реке. Несомненно, что строители дома 116 учитывали положение уже стоявшего дома 120. Конструктивных связей между ними нет. Плохо сохранившиеся стены у дома 116 и стены у дома 120 могли быть остатками изгородей или небольших подсобных хозяйственных построек. Очаги 130, 131, 132 тяготеют к дому 120, хозяйственные ямы и очаги на кв. О-3 могут быть условно отнесены к дому 116.

Третий культурный горизонт объединяет цоколи 117 и 136, скопления камней 102, очажные ямы 135, 137, развалы каменных кладок 122, 123 и 124. Остатки дома 117 и стены 136 на вскрытой площади занимают центральное положение. В нижней части толщи третьего горизонта в культурном слое найдены также погребения 3—10 (рис. 5; табл. 6).

Дом 117 (кв. Р-3, глубина —615—655 см) стоит на склоне к реке и стратиграфически увязывается со скоплениями камней 123, 124. Цоколь стен дома, выложенный в один ряд крупных камней, и вымостка пола образуют монолитную кладку.

Скопление камней 122 (на границе кв. Р-3, Р-4, глубина —625—652 см) прямо перекрывает дом 120. Камни из развала могли использоваться при строительстве дома 117.

Камни 124 (кв. Р-4, глубина —615—635 см) не образуют единого целого и могли быть развалом кладки. Кладки 123 и 124 могут считаться одновременными.

Очажная яма 135 фиксируется в западной бровке кв. Р-4 на глубине —620—660 см и одновременна дому 117. Золистые выбросы из очага перекрывают кладки 123—124. Овальная яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, обмазана глиной и сильно обожжена. В суглинистом заполнении ямы много мелкого известнякового камня и золы.

Кладка 136 (кв. О-3, глубина —614—640 см) перекрывает ямы 130 и 145 первого горизонта и подстилает вышележащие кладки 141—142. Вырытые из четвертого горизонта ямы 138 и 140 нарушили кладку.

Очажная яма 137 (кв. О-3, глубина —637—647 см) имеет наклонные обожженные стенки и округлое дно, заполнена мелким камнем и золой. Углистые выбросы из очага уходят под основание кладки 136.

Вымостка 102 (кв. N-2, глубина —635—655 см) из мелких камней укрепляла склон к реке. Стратиграфически увязывается с кладкой 136.

Третий горизонт слабо насыщен остатками, невыразительные слои плохо прослеживаются. Большинство конструкций развалено в древности. Границы горизонта устанавливаются по перекрывающим друг друга конструкциям. Дома второго и третьего горизонтов на кв. Р-3, Р-4 прямо перекрывают друг друга. Верхняя граница горизонта проведена по основанию построек 118 и 141.

Выделяется два периода застройки третьего горизонта. К первому относится развал кладки 122, очаг 137, скопление камней 102 и стена 136. Очаг 137 и скопление 102 сделаны около кладки 122, которая сооружена несколько раньше. Второй период условно объединяет вымостки 123 и 124, очаг 135 и дом 117, причем камни из кладки 122 могли использоваться при новом строительстве. Дневная поверхность очага 135 перекрывает развалы 122, 123, 124.

На исследованной площади поселение третьего горизонта характеризуется бессистемностью застройки. Обветшалые постройки разрушались, а камень из них использовался для новых. Развал 122 может быть остатками жилого дома, около которого находились очаг 137 и вымостка 102, а затем выстроена и стена 136. Дом 117 построен на развалах дома 122. Эта небольшая прямоугольная постройка близка по площади и планировке домам второго горизонта. У стен дома был очаг 135. Раскопками вскрыта периферия поселения, однако небольшие, беспорядочно стоящие дома, по-видимому, характерны для древнейшего поселения.

Четвертый строительный горизонт исследован на кв. N-2, О-2, О-3, Р-3, Р-4, Р-5 и включает цоколи домов 118 и 141, расположенные вокруг подсобные постройки 125, 142 и 143, яму 126 и очаги 138—140 (рис. 5; табл. 7).

Конструкция 118 (кв. Р-3, глубина —588—605 см) представляет угол цоколя дома по высоте в два ряда камней. Более крупные наружные и внутренние камни выровнены, пространство между ними забито щебнем. Вся кладка выполнена без швов. К северу цоколь 118 продолжает кладка, выполненная в иной технике. Точно увязать их стратиграфически не удалось. С запада к конструкции примыкает обрывок ограды, небрежно выложенный в один ряд мелких камней. Интенсивный эолисто-угольный выброс из очагов 138—140 связывает этот комплекс с сооружениями 141, 142 и 125, 126.

Кладка 125 (кв. Р-3, Р-4, глубина —590—612 см) выполнена в один камень. Большая ее часть разобрана еще в древности, а сохранившиеся камни развалены. Первоначально это могла быть открытая хозяйственная постройка около дома 118. В заполнении помещения, как и вокруг

него, много золы и угля. Скопление мелких камней 126 (кв. Р-4, глубина —600—620 см) могло быть заполнением ямы около дома.

Цоколь дома 141 (кв. О-3, глубина —584—598 см) уходит на нераскопанную площадь. Пространства между крупными камнями кладки, как и ее стык с кладкой 142, тщательно заложены мелкими кусочками известняка.

Вымостка 142 (кв. N-2, глубина —585—600 см) состоит из свободно разбросанных мелких камней. Западный и восточный края вымостки образуют прямые линии. Возможно, это вымостка пола небольшого подсобного помещения.

Очажные ямы 138—140 на кв. О-3 были выкопаны с поверхности —590—600 см, однако частично нарушают друг друга. Мощные золистые выбросы из очагов объединяют все вскрытые постройки горизонта. Круглая яма 140 диаметром чуть более одного метра имеет глубину около 60 см. Плоское дно несколько шире устья. Внутренняя поверхность обмазана глиной, перед обмазкой дно аккуратно выложено тонким слоем мелкого камня. Этот прием характерен как для Магзалии, так и для памятников типа Сотто. Стенки сильно прокалены. Заполнение суглинистое с примесью золы, на дне много камней. Овальная (60 × 130 см) яма 138 достигала одного метра глубины. Стенки обмазаны глиной и сильно обожжены, заполнена камнями. Овальная (56 × 96 см) яма 139 имеет глубину около 40 см и целиком вписывается в очаг 138. Стенки ямы вертикальные, дно плоское, поверхность обмазана глиной и обожжена, заполнение суглинистое с примесью золы и угля, без камней. Все три очага сменяли друг друга на площадке между жилыми домами.

Центральное место в четвертом горизонте занимают постройки 118 и 141. Основание горизонта лежит на развале дома 117, верхняя граница проходит по вершине развала дома 118, а на кв. Р-3, Р-4 он перекрыт постройками пятого (127) и шестого (129) горизонтов. Дом 118 охватывает весь горизонт, остальные постройки построены несколько позже. Показательно, что на кв. Р-3 жилые дома близкого плана и ориентировки трижды, во 2, 3 и 4 горизонтах, перекрывают друг друга. Четвертый и пятый горизонты разделяет суглинистый слой, свободный от архитектурных остатков.

Плохо сохранившиеся постройки 118 и 141 могли быть небольшими прямоугольными однокомнатными домами, а вымостка 143 и кладка 125 — маленькими хозяйственными постройками. Картину жизни дополняют заваленная камнями яма 126 и интенсивно использовавшиеся очаги 138—140.

Пятый строительный горизонт вскрыт на всей площади нижнего раскопа, однако постройки были только в квадратах по линии Р (рис. 5, 6). Цоколь 119 (кв. Р-3, глубина —512—560 см) стоит на склоне к реке. Стыки между крупными камнями кладки заложены мелкими обломками известняка. Крайний западный камень положен поперек кладки и образует угол постройки. Цоколь 127 (кв. Р-4, глубина —526—574 см) также стоял на склоне к реке. От подстилающей постройки 125 его отделяет несколько культурных слоев без построек. На поверхности цоколя расчищен развал глиняной стены. Вымостка 128 (кв. Р-4, глубина —565—578 см) представляет скопление свободно лежащих мелких камней на поверхности золистых выбросов из кострища 133. *Кострище 133* (кв. Р-4, глубина —572—577 см) находится в большом зольнике. Его основание обмазано глиной и сильно прокалено. Края обмазки обломаны в древности.

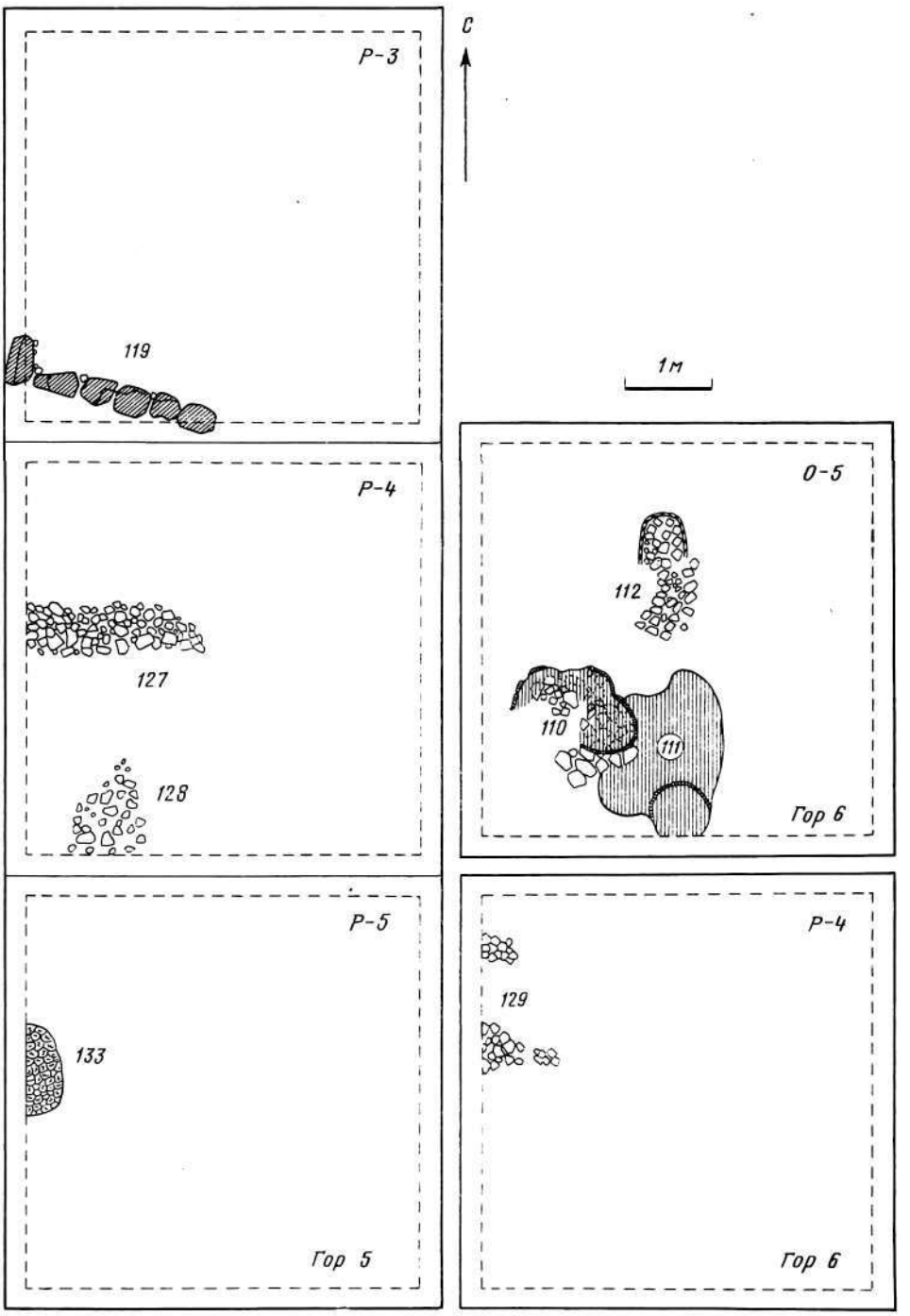

РИС. 6. Телль Магзалия. Нижний раскоп. Планы конструкций горизонта 5 (кв. Р – 3, Р – 4, Р – 5) и горизонта 6 (кв. О – 5, Р – 4). Условные обозначения смотри на таблице 5

Пятый строительный горизонт исследован на склоне к реке на сильно разрушенной периферии поселения. Золистые линзы связывают стенку 127 и кострище 133. Вымостка 128 относится ко второму периоду существования постройки 127, а стена 119 могла быть сделана уже после ее гибели.

О планировке поселения этого времени судить преждевременно. Зольник на кв. Р-5 уходит на нераскопанную площадь и связан не только с кострищем 133.

Несомненно, что основные постройки пятого горизонта находятся на неисследованной площади к западу.

Постройки пятого и четвертого горизонтов на исследованной площади разделены культурным слоем без конструкций. Выклинивающийся на склоне 6 горизонт представлен остатками только одной конструкции и почти не исследован. Он также отделен от построек пятого горизонта культурными слоями без остатков архитектуры. Однако обе контактные толщи содержат находки. По-видимому, раскоп захватывает здесь крайнюю периферию поселения.

Шестой строительный горизонт на площади нижнего раскопа выходит на поверхность и почти не сохранился (рис. 5). Развалины цоколей двух параллельных стен 129 (кв. Р-4, глубина —483—503 см) отделены от подстилающей конструкции 127 тонким суглинистым слоем почти без находок. Стены находятся в интенсивной углисто-золистой толще, уходящей на нераскопанную площадь. Обе кладки из мелкого камня развалены в древности. С этой постройкой условно могут быть сопоставлены очаг 112 (кв. О-5, глубина —516—526 см), заполненный мелким камнем, и гипсовые обмазки 110 (кв. О-5, глубина —500 см) и 111 (кв. О-5, глубина —510 см). Обломанные края обмазок загибаются вверх. Это могли быть и плоские днища ям. Верхняя часть всех трех построек разрушена.

СРЕДНИЙ РАСКОП

Средний раскоп условно ограничен северной бровкой квадратов линии 6 и западной бровкой квадратов линии М. Раскоп исследован на различную глубину (рис. 7). До материка доведены выходящие на обнажение и частично разрушенные квадраты Р-6 и М-10. Квадраты О-6, 7 раскопаны до отметок —660—700 см ниже репера. До глубины —600—630 см изучены квадраты N-7, 8 и М-8, 9. Наконец, верхний уступ раскопа на квадратах М-6, 7 выведен на глубину —400—440 см и смыкается с линией 6 верхнего раскопа.

Нижняя часть толщи в среднем раскопе исследована меньше. Поэтому стратиграфические колонки нижнего и среднего раскопов даются раздельно и затем сопоставляются между собой.

Первый строительный горизонт достигнут на кв. Р-6 (глубина —725 см) и кв. М-10 (глубина —820 см). На кв. Р-6 предматериковая культурная толща состоит из интенсивных гумусных и углисто золистых слоев, без построек. В западной бровке на глубине —680—690 см зафиксирован слой суглинка, который может быть развалом глинобитной постройки. В северной бровке поверхность материкового слоя падает к реке. На кв. М-10 на поверхности материка, выше на глубине —790—800 см и —760—780 см расчищено три перекрывающих друг друга кладки. Все эти постройки остались неисследованными и могут быть объединены в один строительный горизонт условно.

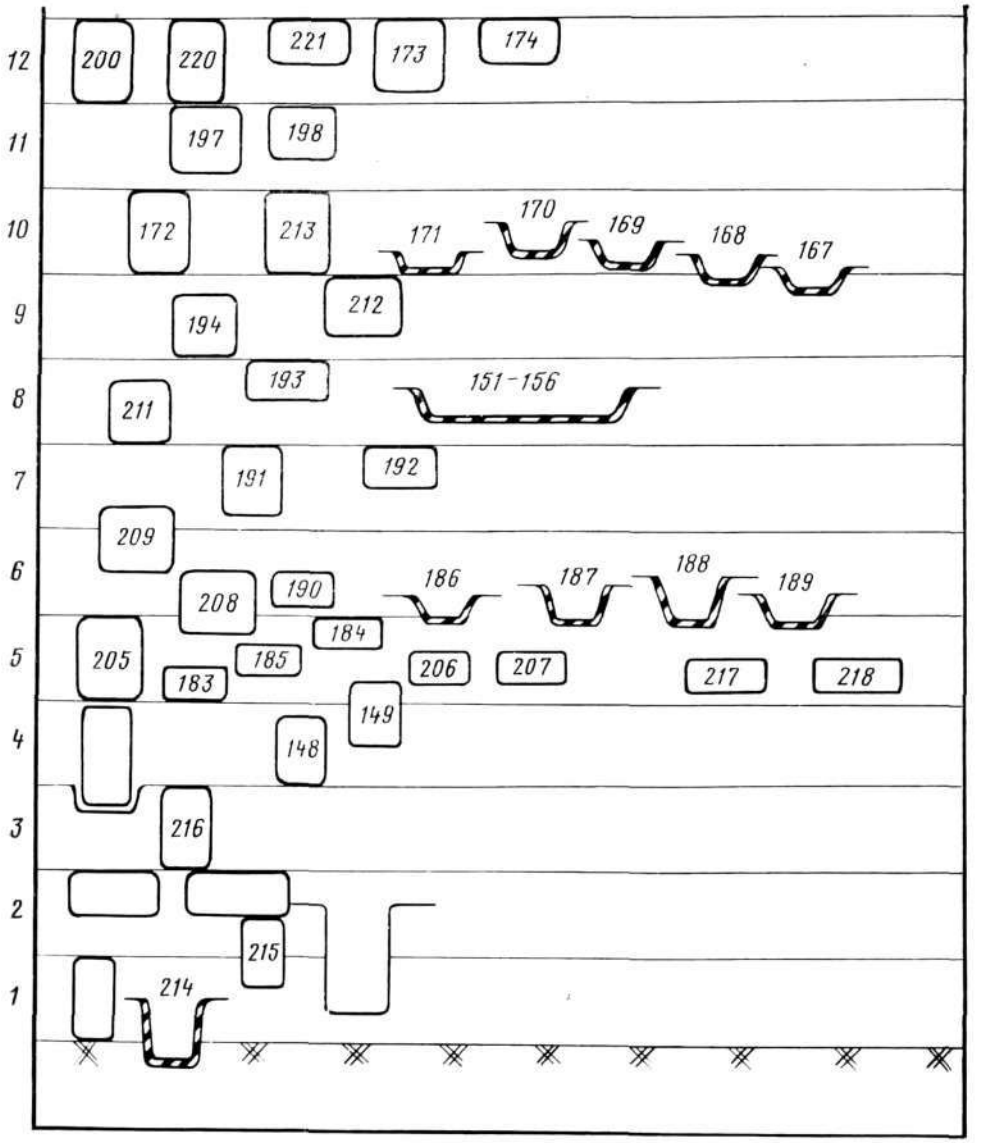

РИС. 7. Телль Магзалия. Стратиграфическая схема среднего рископа (кв. М – 7, 8, 9, 10; кв. N – 7, 8)

Прямоугольная печь 214 (кв. М-10, глубина —760—850 см) связывается с вершиной цоколя древнейшей постройки (табл. 8). Печь 120×220 см заглублена на 40—50 см. От наземной конструкции сохранились глиняные стены на каменном фундаменте высотой 30 см. Глиняная стена не имела следов слоистости. Дно и внутренняя поверхность печи обмазаны толстым слоем глины и сильно обожжены. В заполнении сохранились мелкие обломки сводов. Печь дважды перестраивалась. От первой реконструкции сохранились куски двойной обмазки задней стенки. Затем печь была укорочена. Внутренняя перегородка также выложена мелким камнем

и обмазана глиной. Отгороженное пространство забито обломками стен и пода с золой. Много золы в печной яме и вокруг нее. Внутренние стенки сильно прокалены. Судя по наземным стенкам на каменном цоколе, это была высокая сводчатая печь.

Примитивный необожженный глиняный сосуд 215 (кв. М-10, глубина —720—780 см) связан с концом первого строительного горизонта или временем его разрушения. Сосуд имеет форму усеченного конуса высотой 65 см. Плоское дно расплющено, стенки толщиной 3—4 см деформировались при лепке. В придонной части четко прослежено круглое отверстие диаметром около 10 см. Заполнение рыхлое гумусное. И сегодня емкости с такими отверстиями используются для хранения зерна. Сосуд нельзя было переносить.

Второй строительный горизонт объединяет синхронные кладки (кв. М-10, глубина —730—740 см) в западной бровке квадрата. Северная выложена из крупных плоских плит, южная сделана из мелкого камня.

Третий строительный горизонт выделен по единственной постройке 216 (кв. М-10, глубина —650—720 см) (рис. 10, табл. 8). Размеры здания не восстанавливаются. По планировке оно напоминает большие многокомнатные дома верхних горизонтов. Глиняные стены сделаны в технике «тоф». В основании стен — слегка выступающий каменный цоколь в один ярус камней. Глиняная обмазка пола лежит на забутовке из мелких кусков известняка. Постройка стояла на склоне к реке на восточном краю поселения, находившегося под современной вершиной телля.

Четвертый строительный горизонт на кв. М-10 охватывает почти метровую культурную толщу на отметках —565—670 см (табл. 8). Зольный слой мощностью до 30 см в основании горизонта может быть связан с печами на нераскопанной площади к северу. Перекрывающий слой суглинка мощностью 20—25 см разделен несколькими углистозолистыми линзами, лежащими на плотных жилых поверхностях. В верхней части горизонта (глубина —565—610 см) расчищены остатки большой постройки. Глиняная стена сделана в технике «тоф». Толщина конструктивных слоев составляет 6—7 см. Фундамент из шести рядов тонких известняковых плит заглублен в подстилающий суглинок. Это единственный четко зафиксированный заглубленный фундамент на поселении. Вымостка пола из таких же плоских плит лежит вровень с верхним ярусом кладки.

На кв. N-7 этой постройке соответствуют конструкции 148 и 149, однако точную их стратиграфическую увязку провести не удалось. Постройки удалены друг от друга, слои между ними не горизонтальны и в нескольких местах нарушены перекопами. Небольшой прямоугольный дом 148 (кв. N-7, глубина —602—625 см) уходит под западную бровку квадрата. Глиняные стены были выровнены под постройки перекрывающего горизонта. Цоколь сложен из камней разного размера в один ярус, однако фасад аккуратно выровнен. Пол также выложен мелким камнем. Кладка 149 (кв. N-7, глубина —597—614 см) по глубине сопоставляется с верхом дома 148, однако могла быть заглублена при строительстве из перекрывающего слоя. Постройка почти полностью разобрана в древности. Сохранившаяся часть выложена из крупных камней в два яруса. Мелкие камни у основания кладки могли быть вымосткой пола.

Пятый строительный горизонт дал архитектурные остатки на кв. М-8, 9, 10; N-8. Квадраты N-7, О-5, 6; Р-5 построек не содержали. Скорее всего, здесь проходил северный край поселения (табл. 81). Горизонт мощностью около 70 см лежит на отметках —490—580 см. Дом 205 (кв. М-9, М-10, глубина —580—496 см) ориентирован вдоль реки и почти целиком уходит на нераскопанную площадь. Исследованы каменный цоколь и массивная глинобитная стена восточного фасада дома. В основании цоколя лежат десять плоских прямоугольных каменных плит более полуметра в поперечнике. Стыки между плитами заложены, а поверхность кладки выровнена мелкими камнями. Глинобитная стена на цоколе сделана в технике «тоф». Дом разделен двумя поперечными глиняными стенами толщиной 30—40 см. Полы во внутренних помещениях забутованы мелким камнем почти вровень с верхним камнем цоколя. Несомненно, это остатки большого многокомнатного дома.

Вскоре после постройки дома около него сложены каменная стена 184 (кв. М-8, глубина —552—575 см) и плохо сохранившиеся конструкции 217 и 218 на кв. N-8. Затем склон около дома был выровнен и укреплен подпорной кладкой 185 (кв. М-8, глубина —530—560 см), которая дошла до нас практически целиком. Судя по падению слоев на север и северо-запад, она находилась на краю древнего тепля. Широкий южный конец конструкции состоит из мелких, небрежно наваленных камней. Толщина кладки здесь уменьшается и не превышает 20—30 см. Внешний, северный фас стены выложен крупными каменными плитами, поставленными под углом 45°. Южный край образован положенными горизонтально плоскими плитами. Внутри конструкция забита хаотично лежащими камнями различной величины. О назначении кладки говорит ее положение на древнем склоне холма. Нижние по склону плиты поставлены вертикально, внутренние лежат плашмя. Поверхность кладки горизонтальна. Никакой глиняной забутовки в ней не прослежено.

Каменная изгородь 206 (кв. М-9, глубина —535—550 см) и скопление камней 207 (кв. М-9, глубина —537—549 см) стояли на той же площадке и могут быть связаны со временем перестроек дома. Скорее всего, скопление камней представляет остатки заготовленного и оставшегося неиспользованным материала. Наконец, массивная стена 208 (гор. 6) построена в самом конце существования дома или сразу после его гибели. Ясно, что она функционировала после того, как дом был разрушен. В плане обе постройки совершенно не увязываются. Уходящий под основание стены 208 мощный слой глины, по-видимому, является развалом стен дома. Пятый и шестой горизонты тесно связаны друг с другом. Развал дома 205 и вымостка 185 около него были еще видны на поверхности и учитывались при выборе места строительства, однако план построек шестого горизонта совершенно сменился.

Шестой строительный горизонт включает два уровня построек (табл. 9). Центральное место занимают целиком повторяющиеся в плане дома 208 и 209. Цоколь 208 (кв. М-9, глубина —474—533 см) стоит на поверхности кладки 205. Ненарушенная часть кладки 208 из крупных плит имеет четкие прямые углы, северный конец частично разобран в древности. Были взяты более крупные и ценные для строительства камни наружной облицовки стены, забутовка из мелкого камня осталась на месте. Небольшие овальные очажки 186—189 вырыты на склоне холма за стеной 208, по-видимому крайней на поселении. Кладка 190 (кв. М-8, глубина —490—520 см) сделана несколько позже и перекрывает

очажные зольники. Она могла служить и подпорной стеной у постройки 209. Под ее основание положен слой щебня и мелких камней. Цоколь 209 в кв. М-9 возведен на отметках —430—490 см на месте стены 208.

Седьмой строительный горизонт представлен кладкой 191 и связанной с ней вымосткой 192 на кв. М-8 (табл. 9). Небольшой изгиб стены 191 повторяет древний контур холма. Ее южный конец лежит на отметках —410—419 см, северный — —410—437 см. Поверхность кладки горизонтальна. Она сложена в два яруса мелких камней. Оба фаса облицованы более крупными плитами. Следов глинобитной конструкции на поверхности кладки не сохранилось. Глиняная забутовка толщиной около 10 см найдена на небольшой площадке у западного конца стены. Кладка повторяет направление склона. По-видимому, она ограничивала северо-западный край поселения седьмого горизонта. Севернее на склоне были лишь кучи мусора. Стена может быть частью какой-то ограды или подпорной кладки на краю поселения.

Восьмой строительный горизонт объединяет сменяющие друг друга глинобитную стену 211 (кв. М-9, глубина —360—425 см) и прямоугольный цоколь 193 (кв. М-8, глубина —380—420 м). С последним связаны очажки 151—156 (кв. N-7, глубина —365—405 см).

Выше, в горизонтах 9 и 10 на кв. М-8, М-9 прослежено несколько ярусов построек, почти точно повторяющих друг друга в плане. Все три горизонта характеризуют преемственное развитие поселения в небольшой промежуток времени. Членение толщи по постройкам на такой небольшой площади неизбежно условно.

Массивная глинобитная стена 211, несомненно, представляет часть большой долговременной постройки (табл. 10). На отметке около —400 см проходил уровень перестройки стены. С запада на уровне пола к стене примыкает забутовка из мелкого камня. Стену подстилает постройка 209. Сверху она перекрывается вымосткой у стены 212. Небольшой прямоугольный однокомнатный дом 193 стоял на северном краю поселения в начале склона холма. Он построен сейчас же после гибели стены 211, а связанные с ним жилые поверхности перекрывают стену 191. После гибели дома на его месте была выровнена площадка под постройку 194 (гор. 9). Дом занимал прямоугольник 3,5 × 5 м. По периметру цоколь выложен крупными блоками. Пол забутован мелким камнем. Очаги 151—156 расположены на склоне древнего холма за стеной дома, действовали не одновременно. Глубина ям составляет 20—30 см, стенки некоторых из них заметно обожжены. В заполнении ям и на площадке вокруг много золы.

Девятый горизонт на исследованной площади представлен двумя одновременными конструкциями, 194 и 212 (табл. 10). Гипсовая подмазка на междомовой площадке связывает их между собой. Прямоугольный дом 194 (кв. М-8, глубина —316—385 см) перекрывает дом 193 (гор. 8) и близок ему в плане. Дом стоял на северном склоне телля на краю поселения. Цоколь построен с учетом склона. Северная его стена выложена в три ряда камней, причем каждый следующий ярус положен несколько отступя. Все пространство между стенами забутовано мелким камнем вровень с поверхностью цоколя. На цоколе местами сохранились остатки глиняных стен. Внутренних перегородок нет. Если предположить, что дом был квадратным, его площадь составляла 16 кв. м. Глинобитная стена 212 (кв. М-9, глубина —340—360 см) построена на месте стены 211. Поверхность стены обмазана гипсом. Слои в основании стены связывают ее с конструкцией 194. *Дом 213* (гор. 10) перекрывает стену сверху.

Десятый горизонт объединяет постройки 213, 172 и очаги 167—171 (табл. 11). Цоколь дома 213 (кв. М-9, глубина —300—350 см) построен на развале стены 212. Площадь постройки вряд ли превышала 8—10 кв. м. Дверной или вентиляционный проем в северной стенке цоколя заложен более мелкими камнями. Пол выложен подогнанными друг к другу плитами и покрыт толстым слоем красной глины. Часть пола обмазана гипсом. Судя по четкой северной границе обмазки, она упиралась во внутреннюю стенку. Здесь могла быть выгородка для хранения запасов. Остатки глинобитной стены дома были видны в западной бровке квадрата. Скопление камней 172 (кв. М-7, глубина —330—340 см) находится в перекопах и трудно сопоставимо с другими постройками. Прямой юго-восточный край скопления мог быть ограничен глиняной стеной. В этом случае все скопление, скорее всего, служило вымосткой под пол.

Очажные ямы 167—171 (кв. М-7, глубина —320—388 см) связаны с нижней частью скопления камней 172. Дом 194 древнее горизонта печей. Глубина ям 30—40 см, профиль округлый, прямоугольный или сводчатый с плоским дном; стенки обожжены и иногда обмазаны глиной, заполнение суглинистое с золой и углем. Яма 168 частично нарушала яму 167. Слой вокруг очагов аморфен. Тесное расположение и разная глубина залегания позволяют предположить, что они сменяли друг друга.

Одиннадцатый горизонт исследован на кв. М-8, где на отметках —295—315 см через весь участок проходили массивные стены крупной постройки 197 (табл. 11). В юго-западном углу квадрата на этом цоколе сохранились остатки глинобитной стены, которая дублирована или укреплена второй глиняной стеной, 198. Судя по небольшому изгибу кладки 197, это изгородь, а не стена. Сверху и снизу постройка маркируется остатками соседних горизонтов.

Двенадцатый горизонт прослежен как в среднем, так и в верхнем раскопе (табл. 12). Конструкция 200 (кв. М-8, глубина —262—286 см) и стена 220 (кв. К, L-7, 8, глубина —285—325 см) сомкнулись в одну большую постройку на северо-западном склоне древнего телля. Мелкие камни рядом с кладкой цоколя относятся к вымостке пола. В верхнем раскопе основание постройки осталось нерасчищенным. Общая длина северной стены достигает 10 м, площадь постройки — 80—100 кв. м.

Севернее (кв. М-7, глубина —270—304 см) расчищена кладка 173. Она стояла несколько ниже по склону и в целом одновременна дому 220—200. В плане обе стены явно образуют прямой угол. Стена 173 сложена из очень крупных блоков, местами поставленных на ребро. Центральная часть стены сдублирована. Вся постройка скорее может быть понята как часть обводной стены, а не стена замкнутого помещения. На северной периферии поселения были лишь развалы камней 174 и 221. Большой развал 174 (кв. М-7, глубина —254—300 см) не имеет единого фасада, а с юга подсыпан более мелким камнем. Стена 221 на глубине —283—300 см продолжает развал до соседней постройки 220. По-видимому, стены 173, 174 и 221 функционально едины и были прообразом оборонительной стены 13 горизонта. Она строилась небольшими участками, первоначально не была сплошной, а соединяла внешние стены домов на краю поселения.

Сложнее увязать средний и нижний раскопы. Соединяющая их контактная толща проходит на уровне 5—6 горизонтов, сильно нарушена перекопами, а в нижнем раскопе выклинивается на склоне телля. В этих условиях трудно увязать между собой отдельные постройки, однако сами

горизонты на всей исследованной площади выделены четко. Поверхность материка образует два горизонтальных уступа: на кв. Р-2, Р-3, Р-4 на глубине около —700 см и на кв. М-10 на глубине —820 см. Соединяющий их склон был на кв. Р-5, Р-6. Культурный слой на поверхности материка распространен равномерно.

Древнейшее поселение было вытянуто вдоль реки, также по странам света ориентированы и дома. По этому признаку 1—5 горизонты могут быть объединены в первый период жизни поселения. В шестом горизонте происходит значительная перестройка, и привязка построек к реке теряется.

Второй период (гор. 6—12) объединяет большую и достаточно разнообразную толщу отложений. Большинство построек ориентировано под 45°. Двенадцатый строительный горизонт — последний с диагональной ориентировкой построек. Выше все дома ориентированы по странам света. Граница между 12 и 13 горизонтами одновременно отделяет второй и третий периоды в жизни поселения и прослежена четко. Хорошо видны частые перестройки, при этом камень из разрушенных домов использовался при строительстве новых. Часто дома возобновлялись на старом месте и повторяют друг друга в плане.

В небольшом среднем раскопе в нескольких местах прослежен меняющийся край поселения. На кв. М-9 в толще —400—500 см падение слоев достигает 20 см на 1 м. Дома 109 и 211 были крайними. Направление склона повлияло на ориентировку построек. На кв. М-8 в толще ниже —540 см падение слоев на запад фиксирует западный край телля для того времени. Его центральная часть была разрушена рекой. В западной бровке кв. М-6 ниже уровня —280 см падение слоев с юга на север фиксирует северный край поселения второго периода. По этой же линии выстроена оборонительная стена в третьем периоде. По-видимому, она была не единственной. В горизонте 7 выявлен небольшой участок изгороди на краю поселения (кладка 192), а в горизонте 12 более мощная обводная стена 173. К сожалению, планировка поселения в средней части культурной толщи осталась практически не исследованной.

В основании холма явно преобладают небольшие прямоугольные однокомнатные дома. Многокомнатные дома, по-видимому, были известны, но встречаются реже. На это указывают массивные длинные стены в основании холма на кв. М-10. В среднем раскопе количество их постепенно возрастает, а на поселении за стенами на вершине холма встречаются только многокомнатные постройки.

ВЕРХНИЙ РАСКОП

Верхний раскоп заложен на вершине холма на квадратах восточнее линии N и к северу от линии 9. На основной площади он доведен до отметок около —320 см ниже репера. Впоследствии линия М была еще углублена и надежно соединена со средним раскопом. В верхнем раскопе на широкой площади исследованы планировка поселения, крупные жилые постройки и характер культурного слоя. Современное кладбище на вершине холма не позволило расширить раскоп к югу. Это можно было сделать на западном склоне, где исследованы оборонительная стена и край примыкающих к ней построек (кв. HJ — 9, 10, 11, 12 и кв. G-15, 16). Здесь раскоп местами доведен до отметок около —500 см ниже репера (рис. 8).

Тринадцатый строительный горизонт объединяет большой дом 1 и окружавшую его оборонительную стену (конструкции

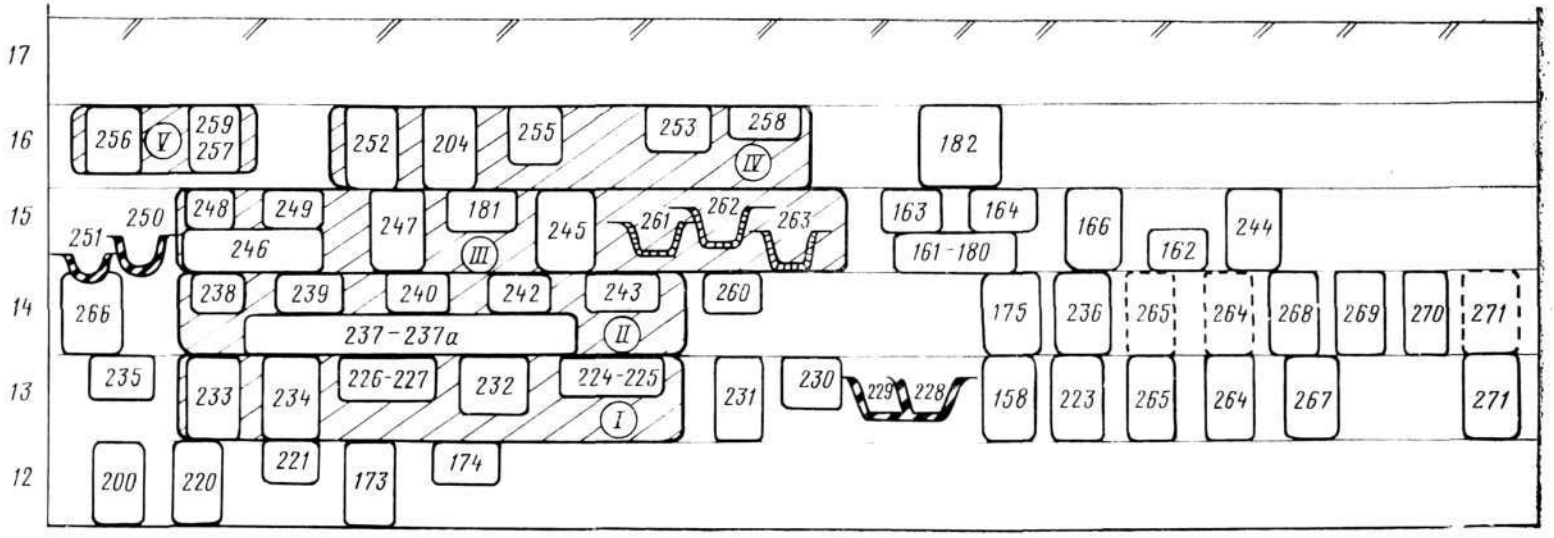

РИС. 8. Телль Магзалия. Стратиграфическая схема верхнего раскопа (кв. f, k, L, M — 6, 7, 8; кв. G, H, I - 9, 10, 11, 12, 13)

264, 265, 158 и 223; табл. 13, 14). Начиная с тринадцатого горизонта, все жилые дома ориентированы по странам света.

Дом I строился постепенно. Центральные помещения 233 и 234 были древнейшими. Это глинобитная постройка без фундамента. Стены сделаны из красной глины без швов. Контур стен подчеркивает глиняная обмазка пола. Основание выходящей на склон западной стены укреплено камнями. Жилая комната 233 имеет площадь немногим более 10 кв. м (2 × 5 м). Пол покрыт гипсом. В северной стене расчищен дверной проем шириной около 50 см. В углу в глубине дома тонкими глиняными стенками выгорожено небольшое хранилище. Соседнее узкое помещение 234 неудобно для жилья. В нем могло быть хранилище. Вероятно, оно крайнее в доме. Позже к дому пристроены помещения 226—227 и 232.

Первоначально *помещение 226—227* не имело перегородки, а на ее месте стоял небольшой глиняный очаг, может быть со сводом. Затем северная часть комнаты была отгорожена глиняной стенкой, ее пол вымощен камнем. К сожалению, стены между комнатами 226—227 и 233 сохранились плохо. Были ли они соединены дверью, установить не удалось.

Помещение 232 почти квадратное, площадью более 25 кв. м. Два обмазанных гипсом контрфорса у южной стены делят его на три равные части. На линиях контрфорсов в центре помещения две небольшие ямы от столбов, которые могли поддерживать балки крыши. Остатки кладок сохранились на месте западной и северной стен, однако какое-то время они могли оставаться разобранными, а помещение открытым. Пол обмазан гипсом. В центре обмазку нарушала небольшая круглая яма глубиной 30—35 см, заполненная перегноем. Два дверных проема соединяют помещение с соседними комнатами дома.

К дому пристроено и *помещение 224—225*. Его глиняная стена на каменном цоколе отделена от центральной части дома четким швом. Впоследствии помещение было разделено перегородкой, а пол стал обмазываться гипсом. Сохранилось несколько слоев обмазки. Дверной проем соединял его с комнатой 232. У западного фасада дома сохранился цоколь еще одной небольшой пристройки (235).

Площадь дома I со всеми пристройками составляет около 100 кв. м. Его южная наружная стена, скорее всего, проходила в полуметре от края раскопа. Жилыми могли быть комната 233 и помещение 226—227 до его разделения перегородкой. Неудобные для жилья помещения 234, 235, 224, 225, по-видимому, служили кладовыми. Большое помещение 232 могло иметь какое-то общественное назначение, это мог быть и хозяйственный навес.

Хозяйственная площадка находилась между восточной стеной дома и оборонительной стеной. Здесь в неглубокой яме было два сменивших друг друга очага, 228 и 229. Стенки очажных ям обмазаны глиной и обожжены, заполнение золисто-гумусное. Остатки небольших хозяйственных построек 230 стояли к востоку от дома. Их цоколи повторяют контуры лежащих ниже стен 173 и 174 (гор. 12), однако иначе сложены. Сверху они перекрыты стеной 175 (гор. 14) и нарушены перекопами с этой поверхности. С юга эту площадку и дом I ограничивает большое здание 231. Существенно, что оно ориентировано под углом к дому и не вписывается в широтную планировку поселения.

С севера поселение окружала стена с бастионом в центре (табл. 13, 14). *Бастион 223* (кв. L-6, глубина —260—310 см), площадью около 4 кв. м, выдавался за линию стены на склон холма. Падение слоев на кв. M-6

составляет 0,6—0,7 м на 5 м. Количество камней в кладке колеблется на склоне от 2 до 4. В основании северной и западной стен бастиона большие плиты поставлены на ребро. Внутренняя часть кладки сложена из более мелких камней, поверхность выровнена тонкими плитками под основание глиняной стены. С востока бастион конструктивно объединен со стеной 158 (глубина —240—310 см), с запада — со стеной 265 (глубиной —260—340 см). На крутой незастроенный склон холма за бастионом и стенами сваливали мусор.

Принципиально важно проследить соотношение оборонительной стены и построек 13 горизонта. Стена стояла на склоне холма за поселением, поэтому ее цоколи несколько ниже цоколей одновременных ей построек. Их поверхность горизонтальна и практически одинакова. Оборонительная стена проходит в полуметре от внешней стены дома и повторяет ее в плане. Свиты мелких жилых слоев связывают их между собой. Также синхронизируются стена 158 и постройка 230, а в горизонте 14 стена 175 и верхний бастион 236. Однако конструктивно они никак не связаны. Фундаменты той и другой сложены из крупных, тщательно выровненных плит. Узкое пространство между стенами местами завалено мелким камнем. Ясно видно, что оборонительная стена была возведена независимо вскоре после завершения постройки дома.

На северо-западном склоне телля стена была разрушена. Кладка 264 (кв. J, I-8, 9, глубина —290—440 см) продолжает ее за западной стеной дома I и далее на юг. Стена 264 сложена из больших, поставленных на ребро каменных плит. Пустоты между ними заложены мелким камнем на глиняном растворе. Некоторые плиты в поперечнике достигают полутора метров. Установить их стоило большого труда. Стена не только защищала поселение, она укрепляла склон холма и позволила выровнять площадь поселения под строительство большого дома. Эти сложные трудоемкие работы могли выполняться только всем коллективом по единому продуманному плану.

Цоколь дома стоит на вершине стены 264. Однако на этом крутом участке склона цоколь стены мог одновременно выполнять подпорные функции. Большие плиты почти не заглублены, а укреплялись подсыпкой со стороны склона. Глиняные стены просто не могли уместиться на торцах стоящих вертикально каменных плит, они стояли на краю образовавшейся площадки. Естественно, что основание плит находится значительно ниже цоколей одновременных им домов.

Комплекс кладок 267 (кв. J-9) вписывается в оборонительную стену, связан с ней конструктивно и интерпретируется как проход на поселение. Это вымостка из мелких камней на естественном склоне холма, ограниченная с двух сторон каменными кладками. Северная связана со стеной 264, южная проходит приблизительно в двух метрах южнее и параллельна ей. Вымостка объединяет обе кладки. На западе она выклинивается на современной поверхности телля. Площадь к востоку осталась не исследованной. Вымостка сильно наклонена и не может быть вымосткой пола.

Западный участок стены на линии G разрушен на склоне холма. Южнее стена продолжается кладкой 271 (кв. G-15, 16, 17, глубина от —477—520 см на севере до —440—470 см на юге). Она прослежена по лежащим на поверхности плитам длиной до 1,5 м. По-видимому, это нижняя часть кладки. Южный и северный участки стены стратиграфически не были увязаны, однако хорошо совмещаются на плане. На кв. G-16 стена разрывается еще одним проходом (южные ворота) шириной чуть более метра.

Как и западные ворота, он ограничен поперечными стенами. Северная из них сложена заодно с обводной стеной. Южный угол прохода нарушен. В какой-то момент проход был заложен несколькими небольшими камнями.

Продолжение стены прослеживается по отдельным камням на поверхности вокруг южного конца поселения вплоть до обрыва к реке.

Таким образом, поселение 13 горизонта было окружено стеной. Она исследована на протяжении почти 50 м и прослежена на поверхности вокруг всего холма. На севере ее образуют связанные конструктивно стена 158, башня 223 и стена 265. На западном склоне сохранился мощный цоколь 264 и связанный с ним проход 267, на юге — остатки цоколя с проходом 270. Разные участки сложены из камня разного размера в различной технике, однако в трех случаях установлена конструктивная связь между ними. Стена строилась постепенно. Вместе с тем она не связана с соседними постройками на поселении. Все участки хорошо объединяются на плане.

Четырнадцатый строительный горизонт выделен по остаткам большого многокомнатного дома II (табл. 17, 18, 19). Однажды дом был принципиально перестроен и несколько раз подновлялся и реконструировался в деталях. Дому соответствуют поздняя перестройка башни 236 и связанные с ней оборонительные стены. Снизу и сверху горизонт четко маркируется развалами домов I и III. По перестройке горизонт разделен на два яруса.

Дом II (горизонт 14а) занимал площадь около 60 кв. м (7 × 8 м). Основу наружных стен составляет кладка из крупных плит, внутренняя стена выложена из мелкого камня (рис. 9). Северо-западная четверть дома выходит на современный склон холма и совершенно не сохранилась. Фундаменты восточной и северной стен частично разобраны при перестройке дома. Сохранившиеся части кладки увязываются по глубине залегания и положению на плане. Капитальная стена делит дом приблизительно пополам (помещения 237, 237а), западная половина, в свою очередь, разделена двумя поперечными долговременными стенами на три прямоугольных помещения. В центральном из них сохранилась гипсовая обмазка пола.

Дом II (горизонт 14в) исследован гораздо полнее (рис. 10; табл. 18, 19). Он целиком перестроен, однако часть старого фундамента использована вторично. Южная стена смещена к югу, а цоколь для нее выстроен заново. Мощная глиняная восточная стена почти целиком совпадает со старым фундаментом. Северо-восточный угол дома несколько расширен, а цоколь северной стены частично обновлен на старом месте. В глиняных стенах видна примесь соломы, фасы стен обозначены гипсовыми подмазками полов. Швы в глиняных стенах указывают на последовательность их постройки.

После перестроек дом достиг площади почти 100 кв. м. Жилой была центральная комната 239. Это вытянутое прямоугольное помещение чуть больше 20 кв. м (2 × 10 м). Судя по остаткам обмазки в углах, весь пол был покрыт гипсом в несколько слоев. В южном торце хорошо прослежен дверной проем. В основании проема — красноглиняный порог высотой чуть больше 20 см, обмазанный гипсом. В углу комнаты направо от входа — выгородка, вероятно для хранения зерна. У стены в глубине комнаты — небольшой очаг, ограниченный глиняным валиком высотой 15—20 см. Его стенки сильно обожжены, в заполнении

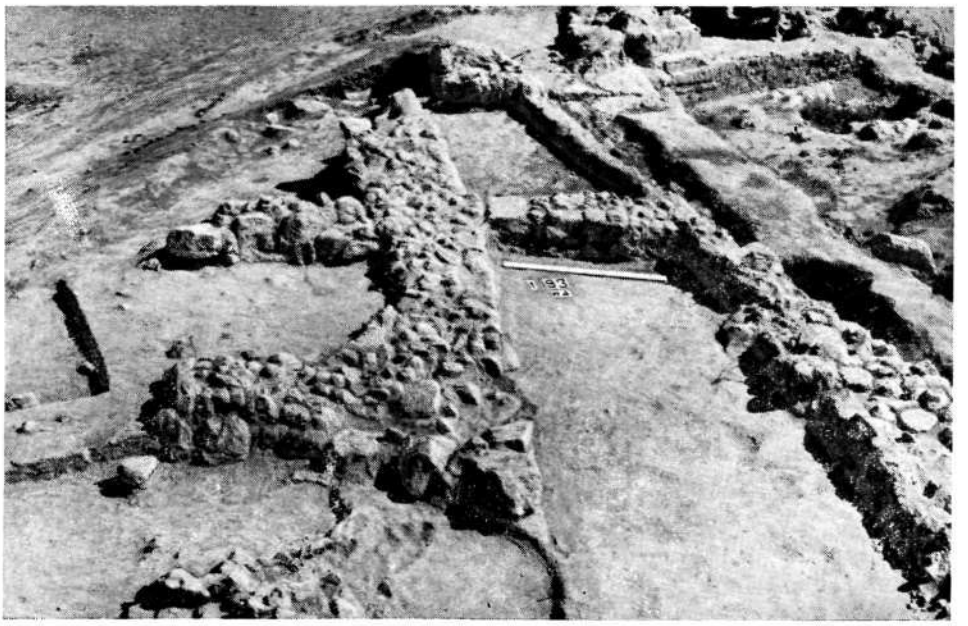

РИС. 9. Телль Магзалия. Горизонт 14а. Помещение 237 в доме 11. Вид с юго-запада

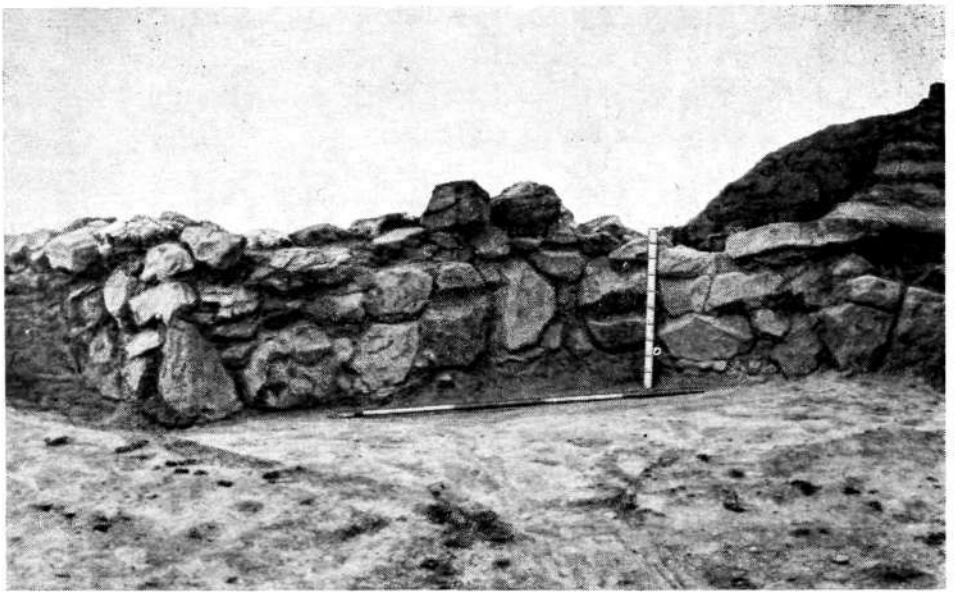

РИС. 10. Телль Магзалия. Горизонт 14в. Западная стена башни 236

много золы и угля. У противоположной стены в полу выкопана неглубокая яма, также целиком забитая золой и углем.

В узком (5,2 × 0,8 м) помещении 240 могла быть кладовая. Пол неоднократно тщательно подмазывался гипсом. Никаких хозяйственных деталей или характерных находок в заполнении помещения не найдено. Маловероятно, что столь узкая комната использовалась для жилья. Если здесь хранилось зерно, становится понятной тщательная гипсовая обмазка пола. И в других исследованных домах похожие длинные хранилища, обмазанные гипсом, находились рядом с жилыми комнатами.

Западная часть дома, как и в предшествующей постройке, была разделена на несколько помещений. Трудно сказать, почему южная стена помещения 243 была сдублирована. Вполне вероятно, что в действительности это невысокая лежанка. Комната 238 площадью 2 × 3,5 м также могла быть жилой. В ней сохранились только куски толстой гипсовой обмазки.

Южнее линии 8 сплошной площадью исследованы квадраты I-9, 10; J — 9. Дом 266 одновременен дому II в, их разделял проход не более двух метров, ориентировка идентична. Дом стоял на склоне на краю развала построек 13 горизонта. Цоколь выравнивает разницу высот. Крупные плиты тщательно подобраны и, может быть, даже оббиты. Глиняная стена на цоколе прослежена на 50 см. Пол внутри помещения забутован красной глиной.

В 14 горизонте оборонительная стена во многих местах перенесена вверх по склону, в результате площадь поселения несколько уменьшилась (рис. 13; табл. 20). На старом месте полностью перестроена башня (цоколь 236). Она могла быть расширена только после того, как склон за стеной был завален мусором. Глубина ее основания на склоне колеблется от —240 до —280 см. Плоская поверхность кладки находится на отметке —230 см. Южная часть постройки сложена в один ярус камней, северная, лежащая ниже по склону, в два камня. Внутри помещения было кострище с обожженным подом и большим количеством золы. Расстояние между стенами бастиона и дома II не превышает метра, и они надежно связаны свитой культурных слоев.

Северный участок оборонительной стены восточнее бастиона перенесен на полметра к югу (цоколь 175, кв. М-7, глубина —240—270 см). Кладка 175 делалась в три приема (табл. 18). Сначала выложен южный ряд крупных камней. Затем он был дополнен средней, диагональной, кладкой. Наконец, выложен северный фас. По-видимому, в это же время сделана и вымостка из мелких камней между домом, бастионом и стеной. Северный участок стены западнее бастиона также отнесен на метр к югу и стоял на цоколе дома I, который был еще виден на поверхности. Узкий проход между стенами был завален мусором и мелким камнем. Северо-западный угол стены за стенами дома II разрушен на склоне холма. Перенесен вверх по склону и спрямлен западный участок стены. Ее основание совпадает с основанием дома 266. Стык старой и новой стен разрушен, однако в плане хорошо увязывается. На участках J-12 и Н-12 высота цоколей 268 и 269 прослежена на 0,9—2,5 м, а на кв. Н-13 выклинивается на склоне холма. Основание фаса стены местами укреплено вертикально поставленными плитами. Северный конец кладки 268 имеет два уровня, разделенные линзами глины. Стена могла подстраиваться по мере накопления слоя на поселении. Публикуемый план снят по верхнему ряду камней и не передает этой перестройки.

За домом 266, между конструкциями 264 и 268 в стене был разрыв. В плане обе кладки продолжают друг друга. Под дерном между ними прослежен плохо сохранившийся заклад из мелких камней, а выше по склону функции оборонительной могла исполнять стена дома 266. Между домом 266 и кладкой 268 мог быть проход или встроенное в стену помещение шириной 1,5 м. Поперечные стены восстанавливаются по нескольким крупным блокам, пол был обмаза гипсом. Еще один разрыв в верхней части кладки был на кв. J-11. Его южный край ограничен несколькими крупными камнями, образующими какую-то конструкцию в теле стены. Пролом не затрагивает нижней части кладки и в какой-то момент был заложен большой каменной глыбой. Далее к югу стена опять смыкается с фундаментами горизонта 14. Позднейшие перестройки здесь не сохранились.

Таким образом, на протяжении двух горизонтов поселение было окружено стеной. Безусловно, она была построена с оборонительными целями. Стена проходит за стенами домов, но не связана с ними конструктивно. Напротив, сложенные в разной технике отдельные участки стены связаны между собой. В стене не было встроенных жилых построек. Башня не замкнута и, по сути, представляет подковообразный выступ стены. Южные и западные ворота вели на поселение. За стеной была свалка, построек нет. Западный участок стены, безусловно, нес и подпорные функции, площадка за стеной была выровнена. Однако это было не единственное ее назначение. На пологом северном склоне цоколи стены и башни стояли на поверхности и были даже выше цоколей соседнего дома, а на поверхности каменной кладки сохранились остатки глиняной стены (табл. 21, 24).

Пятнадцатый строительный горизонт на исследованной площади объединяет жилые дома 111 и 166 (табл. 21—24). Дома построены практически одновременно и долгое время сосуществовали. Их соединяют тонкие стены каких-то подсобных построек. Дом III разрушен несколько раньше, и на его месте некоторое время было две мелких ямы.

Дом 166 целиком разрушен речным обрывом. Сохранившийся угол цоколя ориентирован по странам света. Толщина кладки достигает метра. Наружный и внутренний фас выложены из крупных каменных плит, внутреннее заполнение стены из мелкого камня. У западной стены дома на краю поселения, в начале склона, находился навес 161—180 (кв. М-6, М-7, глубина —213—246 см). Четко прослеженная прямоугольная обмазка пола не была замкнута стенами. Лишь с востока площадку могла заслонять легкая деревянная загородка, от которой сохранились отпечатки кольев. Южную половину обмазки подстилает вымостка из тонких, тщательно подогнанных друг к другу известняковых плит. Северная половина повторяет поверхность склона. В центре, по линии бровки, крышу подпирали три деревянных столба, закрепленные в ямах мелким камнем. Глубина ям 40 см. Контур ям 40 × 50 см прослежен по границам гипсовой обмазки пола. В разрезе зафиксирована связь обмазки 180 с нижней частью цоколя дома 166, обмазки 162 и стены 244. Позже на месте навеса сложена стена 163, отгородившая от склона площадку между домами.

Дом III претерпел одну большую перестройку, а входящие в него жилые помещения 248 и 249 перестраивались дважды. Первоначально он состоял из трех длинных помещений, 245, 246 и 247 (рис. 11). По характеру кладки видно, что древнейшая постройка сложена одновременно по

РИС. 11. Телль Магзалия. Горизонт 15а. Помещения 245 и 246 (на переднем плане) в доме III. Вид с юга

единому плану. Стена 244 сложена заодно с фундаментом дома. Часть западной и северной стен дома разрушена в древности. Внутренний фас южной стены прослежен в бровке раскопа.

Цоколь каменной кладки дома выполнен в обычной технике. Камни лежат в два яруса. Поверхности стен выложены крупными плитами, внутреннее пространство забито мелким камнем. На цоколе во многих местах видны остатки глинобитных стен. Заполнение помещений маловыразительно. Только в северо-восточном углу жилой комнаты 247 сохранились остатки небольшой прямоугольной выгородки из мелкого камня, обмазанной глиной. Судя по скоплению золы и угля, в противоположном углу мог быть небольшой очаг. Соседние узкие помещения использовались как хранилища. Весь дом занимал площадь около 50 кв. м. Полезная площадь жилой комнаты была около 12 кв. м, двух подсобных помещений — 8 и 5 кв. м.

На вымощенной мелким камнем площадке у западной стены дома найдены очажные ямы. *Яма 250* (диаметр — около 1 м, глубина 40 см) заполнена камнями с золой, слабо обожжена. Яма 251 (70 × 160 см, глубина 60 см) имела сводчатые стенки и плоское широкое дно, сильно обожжена. Камней в заполнении нет.

После некоторого запустения дом III был принципиально перестроен с использованием сохранившихся фундаментов. Пролом в западной стене цоколя заделан. Новая кладка из мелкого камня перенесена несколько в сторону от первоначальной. Глинобитные стены помещений 248, 249 максимально смещены к востоку в пределах старого фундамента. Помещение 246 было разделено поперек на две равные части. Каменная кладка в основании перегородки стоит на полу помещения, верх был глиняным. Пол и стены новых комнат 248, 249 покрыты толстой, в несколько слоев обмазкой. Через некоторое время перегородка была разобрана, и на ее месте построена новая, без каменного цоколя: ее толщина в средней части не превышает 15 см. Это мог быть обмазанный глиной плетень. После второй перестройки гипсовая обмазка была возобновлена. Хорошая сохранность гипса позволила проследить некоторые бытовые детали в комнате 249. В восточной стене на уровне пола была ниша около 50 см ширины и глубиной 30 см, а у противоположной стены — лавка или лежанка с небольшими нишами-хранилищами между ножками. По числу гипсовых обмазок на ножках видно, что сначала сделаны две северные, затем к ним пристроены две южные. При обмазке пола перед ними делался небольшой глиняный валик. Сверху ножки могли перекрываться деревянным настилом. Все бытовые детали указывают на то, что комната была жилой. Ее полезная площадь не превышает 6 кв. м (3 × 1,7 м).

Помещение 245 возобновлено на старом места, а помещение 247 расширено вплоть до стены 181. После реконструкции площадь дома почти не изменилась и составила около 50 кв. м. Стена 181 не имеет каменного фундамента. Характер помещения 247 (кв. L-8) остался не совсем ясным. Трудно было перекрыть крышей такую площадь без подпорных столбов, следов же столбовых ям не обнаружено. Стена 181 вписывается в план дома, но слишком тонка для наружной стены большой постройки. У стены на полу помещения 247 расчищено три ванны для воды. Они напоминают большие заглубленные в землю сосуды. В действительности это были правильные овальные ямы с вертикальными стенками и плоским дном, тщательно обмазанные толстым слоем гипса, причем верхний край обмазки возвышался над краем ямы в виде прямого округлого венчика. Пол вокруг ванн обмазан тем же гипсом, а яма 262 частично нарушала яму 261. Исследованные ванны имели размер 40 × 50 см и 50 × 65 см и глубину около 30 см, а уходящая под бровку ванна 263 была еще больше. Ванны сменяли друг друга на традиционном месте. По форме и совершенству изготовления они, безусловно, могут расцениваться как прообраз гипсовой и глиняной посуды.

Шестнадцатый строительный горизонт, позднейший на поселении, занимает несколько меньшую площадь на вершине телля и не был огорожен оборонительной стеной. После гибели дома III занятая им площадка долгое время оставалась незастроенной и была занята двумя большими мусорными ямами (кв. L-7, L-8, K-8). Обе имеют глубину 30—40 см, пологие стенки и целиком заполнены перегноем и золой. Между ямами сохранился угол небольшой каменной кладки. Дом 166 в это время мог еще существовать. Вскоре на месте был построен

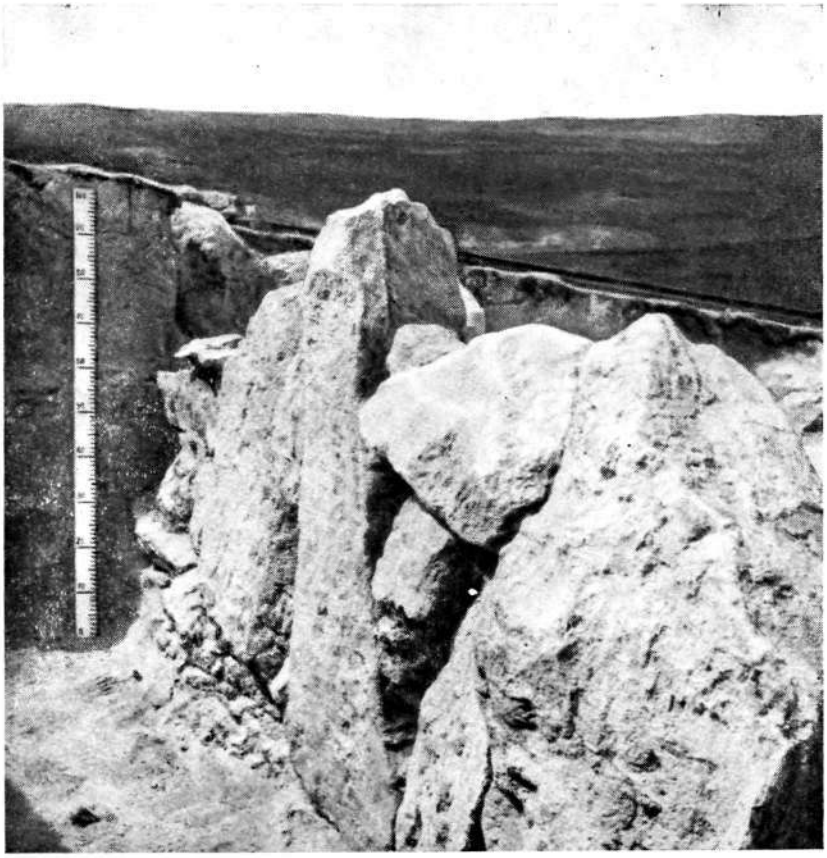

РИС. 12. Телль Магзалия. Горизонт 16. Часть южной стены помещения 253, вид с юга

дом IV. Перекопы с поверхности сильно нарушили постройку. Дом неоднократно перестраивался. От первоначальной конструкции до нас дошла часть восточной стены из аккуратно подогнанных известковых плит в два яруса. Судя по фундаментальности тщательно выполненной кладки, это остатки большого многокомнатного жилого дома. Длина сохранившейся части одной из наружных стен составляет около 8 м, общая площадь дома могла достигать 80—100 кв. м. К внутренней стене дома пристроено небольшое помещение 255. Видно, как оно подновлялось, может быть, уже после того, как дом перестал существовать. Западная стена выложена из больших плит, толстая южная стенка забита мелким камнем.

После того как дом IV был разрушен, а его фундамент в значительной части разобран, на его месте сделаны две последовательно сменивших друг друга постройки. Помещение 253 сложено из поставленных на ребро плоских плит высотой до 80 см (рис. 12, табл. 25). Трудно представить, как они могли быть перекрыты. Скорее, это изгородь для скота на краю поселения. После перестройки северной стены она была переделана в помещение 258, также сложенное из поставленных вертикально, но более

мелких плит. Площадь постройки около 10 кв. м (2,5 × 4 м). Пространство у западной стены вымощено мелким известняковым камнем со щебнем. С перестройкой может быть связана и закладка пролома в капитальной восточной стене.

К югу от дома IV за узким проходом расчищена наружная стена и часть *двух комнат* (256 и 257) второго большого дома V. Его основание несколько выше основания дома IV. Наружные и внутренние стены сложены одновременно и связаны конструктивно. На поверхности фундамента видны остатки глинобитной стены. Ширина западного помещения не превышает 80 см. Это типичное для построек верхнего раскопа длинное хранилище. Соседнее помещение 257 могло быть жилым. Сразу после сооружения дома полы обеих комнат обмазаны гипсом. После серьезной перестройки наружной стены гипсовая обмазка возобновлена только в помещении 256, в соседнем пол был подсыпан глиной.

Наконец, массивная, из крупных блоков в два яруса, стена 182 на северном краю раскопа может быть остатками третьего дома, разрушенного на склоне. Все три дома ничем не отличаются от исследованных ниже многокомнатных домов верхнего раскопа. В заключение характеристики стратиграфии и архитектуры телль Магзалии остается сделать некоторые общие оценки. На протяжении всей жизни поселения приемы строительства оставались практически неизменными. Дома с глинобитными стенами, вылепленными в технике «тоф», ставились на каменные цоколи, а полы мостились мелким камнем. По мере увеличения размеров построек совершенствовалась и становилась более разнообразной лишь техника каменных кладок. Заметно меняется планировка домов и всего поселения.

Слой накапливался постоянно, в заселении телля не было перерыва. Большие периоды жизни поселения могут быть выделены по крупным перестройкам. Сейчас можно представить, что древнейшее поселение было образовано цепочкой домов, стоящих вдоль высокого берега реки, прорезавшей себе русло в известняках. Этот *первый период* объединяет 1—5 строительные горизонты. Первые постройки под северной полой и центром (кв. М-10) телля остались прямо не увязанными и сопоставляются только через перекрывающие отложения 5—6 горизонтов. Сейчас трудно сказать, как первоначально застраивалось и в каком направлении росло первое поселение. По-видимому, дома под северной полой холма были древнейшими, и оно расширялось вниз по склону, к югу. Для древнейших слоев характерны небольшие прямоугольные однокомнатные жилые дома, однако массивные стены 216 (кв. М-10, гор. 3) показывают, что были известны и большие многокомнатные постройки. Расчищенные параллельные стены 216, в частности, могут быть остатками длинного узкого помещения-хранилища, которые так типичны для больших многокомнатных домов на вершине телля. Стена 205 (кв. М-9, 10, гор. 5) также представляет остатки большого дома. К концу первого периода культурные отложения составили уже довольно большой холм. Прослеженная на его склоне подпорная кладка 185 позволяет говорить, что дом 205 стоял на вершине телля.

Граница первого и *второго периодов* может быть проведена лишь условно. Постройки шестого горизонта не привязаны своим фасадом к реке, а ориентированы в зависимости от контуров телля по диагонали к ней. Часто дома соседних горизонтов строились на том же месте и повторяли друг друга. Насколько можно судить, диагональная ориентация построек характерна для всего второго периода (горизонты 6—12), однако плани-

ровка поселения этого времени осталась практически не исследованной, объединение этой значительной толщи в один период нуждается еще в проверке. Небольшие однокомнатные дома продолжают часто встречаться в это время. Последним горизонтом с диагонально ориентированными постройками был двенадцатый. Здесь, на северном краю поселения исследованы какие-то большие постройки, местами окруженные стеной.

Третий период объединяет 13—16 строительные горизонты на вершине холма. В это время поселение состояло из больших прямоугольных многокомнатных домов и было обнесено оборонительной стеной (горизонты 13, 14). Горизонты 15, 16 характеризуют начавшееся запустение, застройка становится менее интенсивной, оборонительная стена не возобновляется.

Планировка домов на вершине холма достаточно стандартна. Это прямоугольные подквадратные многокомнатные постройки площадью 80—100 кв. м. В каждом доме только одна комната площадью 10—15 кв. м с очагом и загородкой для зерна несомненно может считаться жилой. Окружающие ее длинные помещения неудобны для жизни и могли служить хранилищами. Если это так, трудно представить, что в доме жило больше 10—15 человек.

В каждом из четырех верхних горизонтов полно исследован только один дом. Однако хорошо прослеженная оборонительная стена дает определенное представление о планировке всего поселения. При сплошной плотной застройке за стенами одновременно могло стоять 8 домов. Если допустить существование хозяйственных площадок, незастроенных участков, может быть, незастроенной площадки в центре, их было не больше шести. Можно предположить, что дома стояли вдоль реки в два ряда. Восточный ряд почти целиком разрушен рекой. От него сохранился восточный угол большой постройки 166 (гор. 15). На северном краю поселения в западном ряду стояли дома I—IV, а южнее за ними — дом 266 (горизонт 14). Узкие проходы между домами 16 горизонта указывают на большую плотность застройки. Площадь поселения за оборонительной стеной 13, 14 горизонтов составляет около 1500 кв. м.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИИ

В толще 3 горизонта на кв. Р-3 и Р-4 вскрыто восемь погребений (3—10). Все они приурочены к нижней половине толщи, находились между кладками 117, 122, 123, 124 и несколько ниже них, т. е. сделаны на поселении его обитателями. Топографически погребения объединяются в две группы, южную и северную. Южная, основная, включает погребения 3—7 на кв. Р-4, северная — погребения 8—10 на кв. Р-4 (рис. 13, 14, 15).

Погребение 3 (кв. Р-4, глубина —630—635 см) перекрыто вымосткой 124. Камни и кости скелета разделял тонкий, 1—2 см, слой суглинка. Границы вымостки не совпадают с погребением и не связаны с ним. Захоронен ребенок 3—5 лет. Сохранились следы черепа, позвоночника и нескольких ребер, одна из лопаток, плечевые и бедренные кости. Умерший был положен на левый бок, головой на восток, в скорченном положении. Сильно согнутые ноги подтянуты к животу. Следов ямы или каменной кладки в погребении не было.

Погребение 4 (кв. Р-4, глубина —633—650 см) частично перекрыто скоплением камней из заполнения ямы 126 (гор. 4). Контуры ямы и по-

РИС. 13. Телль Магзалия. Погребения 5, 6, 7 на кв. Р-4

гребения не совпадают и не связаны между собой. Покойный был положен почти на поверхность рядом с вымосткой 124. Контур погребения может быть намечен по нескольким мелким камням в ее заполнении, дно могилы улавливается по границе подстилающего красноглиняного развала стен второго горизонта и рыхлой желтой супеси заполнения погребения. Погребен взрослый, по-видимому женщина. Кости раздавлены камнями из перекрывающей ямы и сохранились плохо. Умерший лежал на левом боку, головой на юг, в сильно скорченном положении. Кости рук покоятся у лица. В заполнении могилы найдено несколько случайных обломков кремня и костей. Крупные камни в могиле связаны с определенным ритуалом. Под голову покойного были положены две небольшие плоские плиты. Сверху тело также было накрыто несколькими аккуратно положенными известковыми плитами.

Погребение 5 (кв. Р-4, глубина —623—656 см) частично перекрыто скоплением камней 124. Каменная кладка в центральной части скопления не совпадает с контуром могилы и не может быть ее закладкой. Стенки могильной ямы обложены поставленными на ребро каменными плитами (рис. 14). Верхний край плит отмечает край ямы на глубине —630 см. Крупные плиты обкладки, первоначально возвышавшиеся над краем могилы, были развалены в стороны. Западный край могилы перекрыт погребением 3. Оба захоронения почти одновременны, однако их границы и планы погребений не совпадают, и говорить о двойном захоронении или погребении ребенка в могиле взрослого нет оснований. Судя по костям конечностей, в могиле 5 погребен подросток. Умерший лежал на правом боку, головой на юг, в сильно скорченном положении. Спина слегка согнута, колени подтянуты к подбородку, руки охватывали колени, кисти рук около лица. Под плечевой костью правой руки найдена бочонковид-

РИС. 14. Телль Магзалия. Погребение 5

ная с плечиками бусина из мрамора. Первоначальное положение бусины неясно (табл. 39, *13*)

Погребение 6 (кв. Р-4, глубина —630—640 см) перекрыто камнями вымостки 124. Стратиграфическое положение могил 4, 5, 6 адекватно. Последовательность этих захоронений установить не удалось. Овальная могильная яма погребения обложена камнями неправильной формы. Глубина ямы 20—30 см. Границы могилы и вымостки не совпадают и не связаны между собой. Судя по массивным костям и состоянию зубов, погребен мужчина средних лет. Умерший лежал на правом боку, головой строго на юг, в сильно скорченном положении. Колени и локти прижаты к туловищу, спина слегка согнута, несохранившиеся кисти рук должны были быть около лица. Никакого сопровождающего инвентаря в погребении не было.

Погребение 7 (кв. Р-4, глубина —650 см) лежало под погребением 6, которое нарушило его, однако оба погребения не связаны между собой. Контур овальной могильной ямы погребения 7 восстанавливается по нескольким камням обкладки. Оба захоронения сделаны с одной поверхности. Погребение принадлежит взрослому. Умерший положен на левый бок, головой на юг, в скорченном положении. Правая рука согнута в локте,

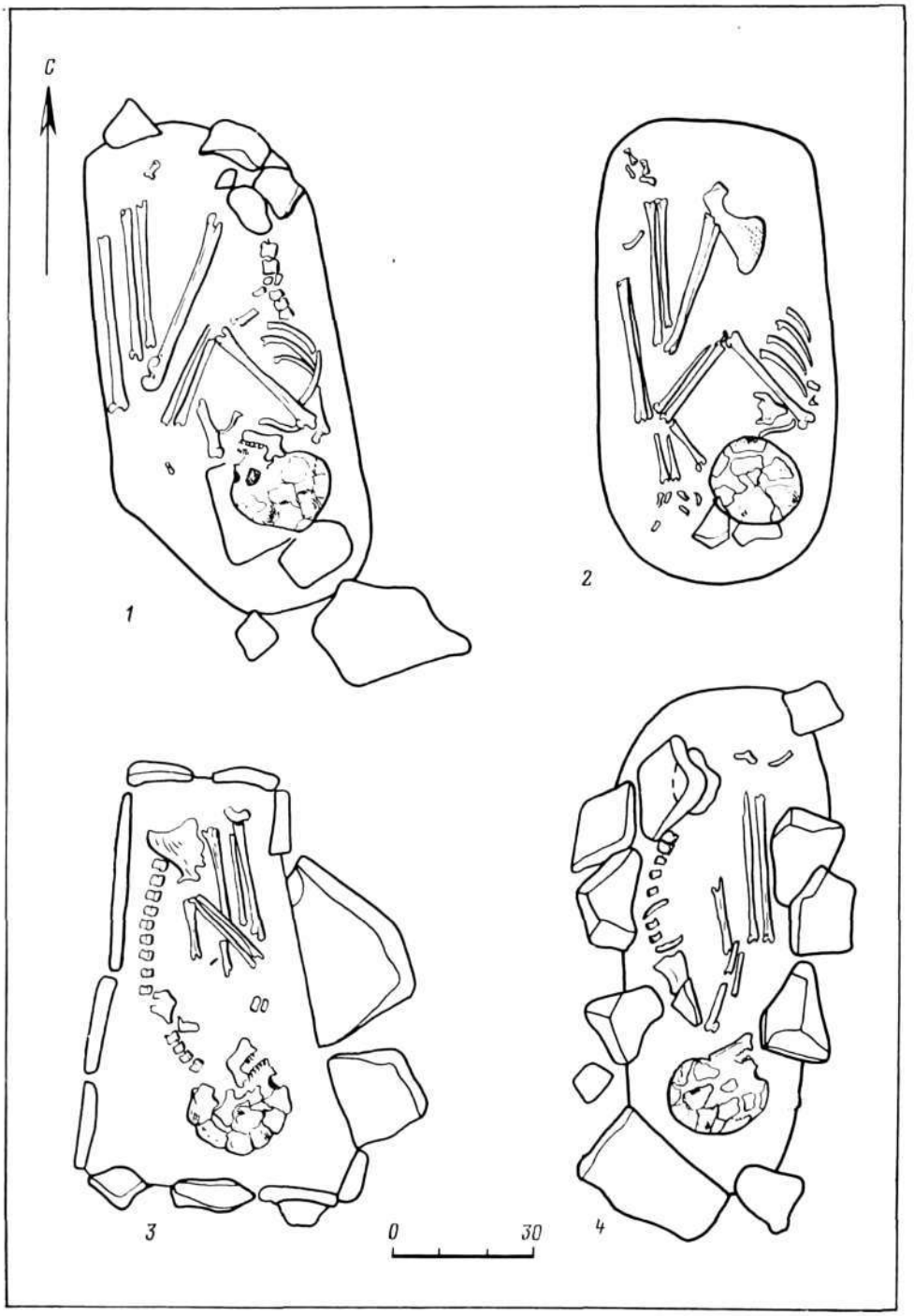

РИС. 15. Телль Магзалия. Планы погребений на поселении

1 — погребение 7; *2* — погребение 4; *3* — погребение 5; *4* — погребение 6

кисть около лица. Кисть слегка согнутой левой руки лежала на животе. Под голову покойного подложены две известковые плиты. Никаких вещей в погребении нет (рис. 13).

Погребение 8 (кв. Р-3, глубина —628—652 см) сделано под стеной дома 117. Крупные камни цоколя стены над погребением вынуты из кладки и заменены более мелкими. Могильная яма 55 × 25 см прослежена по каменной обкладке стенок и темному заполнению. Обкладка выполнена небрежно. Яма ориентирована строго меридионально. В южной половине ямы расчищены остатки черепа младенца, других костей не сохранилось. Около черепа лежало два небольших камня, которые, однако, могут быть из заполнения ямы.

Погребение 9 (кв. Р-3, глубина —637—650 см) расположено под полом дома 117. Каменная вымостка пола была разобрана при захоронении и затем опять заложена более крупными камнями. Под закладкой выявлена яма, заполненная гумусом и золой. Захоронение было сделано в жилом доме. Овальная яма 50 × 40 см ориентирована строго по линии север — юг. Несколько камней по периферии ямы могут быть связаны с обкладкой стенок. Погребение принадлежит взрослому. Умерший лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на север. Руки, по-видимому, были согнуты в локте. Несомненно смещены кости черепа и челюсть. Нарушения могут быть объяснены какими-то случайными причинами и не связаны с обрядом расчленения тела. Никакого инвентаря с умершим нет.

Погребение 10 (кв. Р-3, глубина —650—660 см) находится точно под погребением 9. При сооружении могильной ямы были вынуты камни из угла нижележащего дома 116. По-видимому, оба захоронения были сделаны с небольшим перерывом в одну могилу. Умерший лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на север. Кисти согнутых рук покоились у лица. Кости очень плохой сохранности, принадлежат взрослому. Сопровождающего инвентаря нет.

Все погребения, найденные в нижней части третьего культурного горизонта, делались под полами жилых домов и делятся по этому признаку на две группы. Погребения 3—7 синхронизируются с цоколем плохо сохранившейся постройки 122, погребения 8—10 сделаны с полов дома 117. Обе эти постройки прямо сменяют друг друга. О последовательности захоронений внутри каждой группы говорит перекрытие могил: погребения 9 и 10 в доме 117, погребения 3 и 5, 6 и 7 в южной группе. Внутри групп погребения хорошо увязываются между собой топографически. Погребения 4—6 расположены в ряд, на равном удалении друг от друга. Очевидно, все они, включая лежащее немного ниже погребение 7, сделаны на памяти одного поколения.

Захоронения сделаны в неглубоких ямах, а детское погребение 3 могло быть просто присыпано на поверхности. Стенки могильных ям часто обкладывались каменными плитами, могилы 5, 6 тщательно выложен камнем; могилы 7, 8, 9 имеют частичную обкладку стенок. Все погребенные положены в скорченном положении. Ноги довольно сильно притянуты к животу, кисти согнутых рук находятся у лица. Лишь в одном случае, в погребении 7, кисть правой руки была у лица, а левая покоилась на животе. Одинаково характерно положение как на правом, так и на левом боку, один взрослый, похороненный в доме 117, лежал на правом, другой — на левом боку. В южной группе среди четырех захоронений взрослых два было на правом и два на левом боку. Все погребения взрослых ориентированы в меридиональном направлении. Оба взрослых из дома 117

лежат головой на север, а все погребения, кроме детского, из южной группы — головой на юг. Единственное погребение младенца (№ 3) ориентировано головой на восток. Скорченное, на левом боку, положение тела ничем не отличается от положения в других погребениях. Детское погребение 8 практически не сохранило костных остатков. Обломки черепа в южном конце могильной ямы как-будто говорят о южной ориентировке. Однако трапециевидная могильная яма широким основанием ориентирована на восток, что хорошо прослеживается по каменной обкладке могилы. Тело удобно положить именно в ее широкой части, как это было сделано в погребении 5. Все, за единственным исключением, погребения бесинвентарные. Дважды, в погребениях 4 и 7, под голову умершего был положен плоский камень. По-видимому, эта традиция достаточно характерна. В заполнении погребения 4 лежало несколько камней. Тело могло быть преднамеренно придавлено ими.

ОРУДИЯ ТРУДА ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИИ

По облику материальной культуры телль Магзалия целиком вписывается в круг ближневосточных памятников VII тысячелетия до н. э. Близкие аналогии, в том числе полное совпадение отдельных форм орудий, позволяют говорить о прямых связях телль Магзалии с рядом одновременных поселений в верхнем течении Тигра и Евфрата. В этом же направлении происходил далекий обмен сырьем, прежде всего обсидианом и медью.

Материальную культуру телль Магзалии определяют совершенная техника раскалывания камня и разнообразные орудия на ножевидных пластинах из обсидиана и кремня, шлифованные орудия, резная кость и совершенные орудия из кости, мраморные сосуды, браслеты и подвески, глиняные и зооморфные фигурки, наконец, мелкие кованые орудия из самородной меди. В телль Магзалии совершенно нет глиняной, но уже встречается примитивная гипсовая посуда, совершенные плетеные изделия. Орудия для охоты сочетаются с земледельческими, в том числе жатвенными ножами и зернотерками.

Техника расщепления и обработки камня сохраняет мезолитические традиции (рис. 16, табл. 26). Во всех слоях обсидиановые орудия преобладают над кремневыми. Нуклеусы встречаются клиновидной и конической формы. Обсидиановые пластины абсолютно преобладают над отщепами. Предварительная обработка обсидиана, несомненно, проводилась в местах его добычи, на памятник приносился полуфабрикат. Желтый высококачественный кремень, по-видимому, также не местный. Во всяком случае, в раннехассунских памятниках этого района он совершенно не встречается и заменяется низкосортным галечным кремнем.

Большинство ножевидных пластин, в особенности мелкие пластины из обсидиана, использовались неретушированными. Тщательно обработанные пластины редки. Одинаково распространена ретушь со стороны спинки и брюшка. Своеобразие всему комплексу придает крупная зубчатая ретушь, нанесенная под острым углом к продольной оси орудия.

Найдено всего два геометрических вкладыша из кремневых ножевидных пластин — сегментовидное острие и трапеция (табл. 27). Мелкой крутой ретушью со стороны спинки обработаны лишь концы орудий.

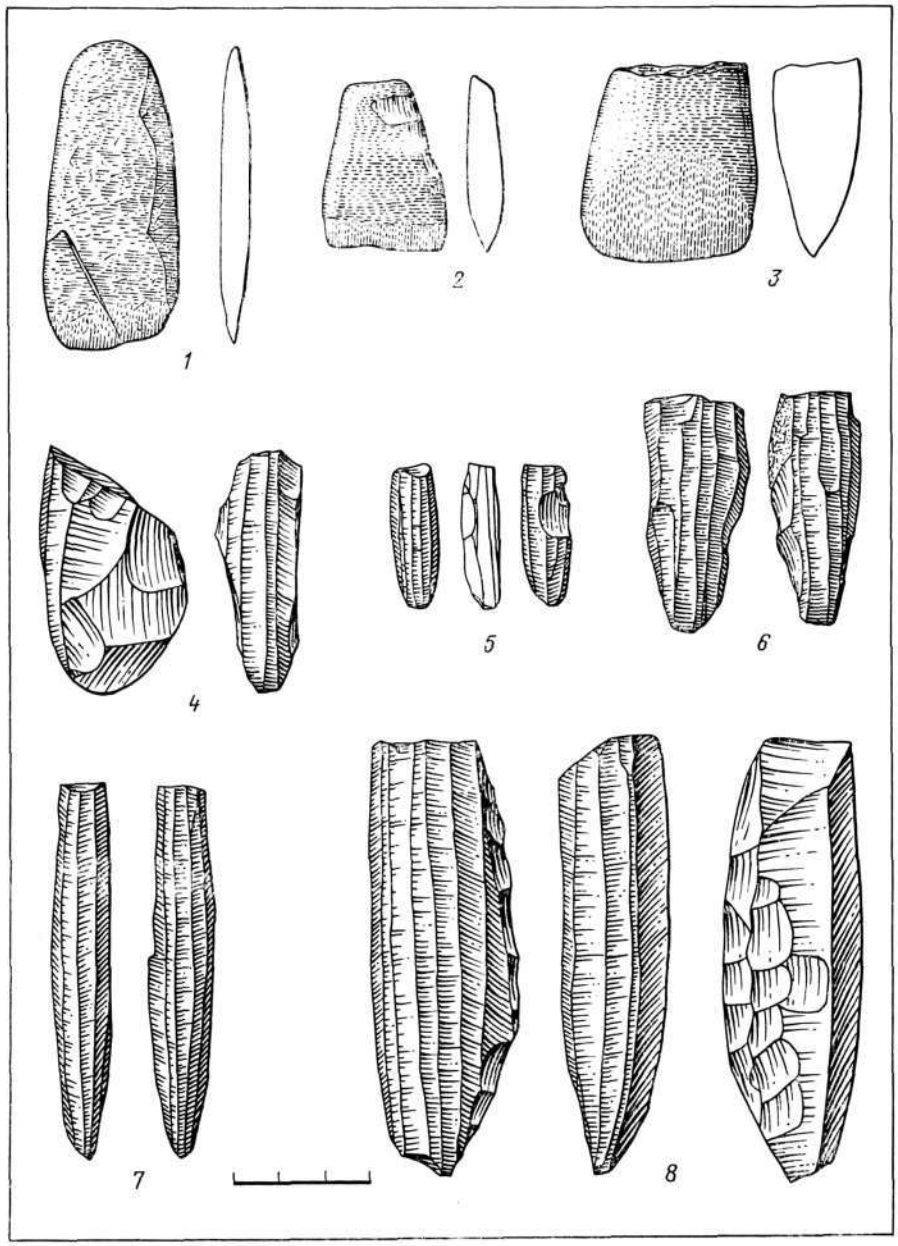

РИС. 16. Телль Магзалия. Шлифованные топоры (*1–3*), кремневые нуклеусы (*4–6*), нуклеусы из обсидиана (*7*, *8*)

Большую серию составляют кремневые наконечники стрел на ножевидных пластинках (табл. 27). Не найдено ни одного наконечника из обсидиана. Встречаются как черешковые, так и листовидные наконечники. В большинстве случаев острие ретушировано слабо, черешок выделялся крутой ретушью со спинки. Концы орудий обычно подправлены плоской крутой ретушью со стороны брюшка. Оригинален широкий листовидный наконечник из нижнего раскопа. Эта форма может рассматриваться как наиболее архаичная, однако вместе с ним найдены и черешковые наконечники, типичные для вышележащих слоев.

Жатвенные ножи встречаются двух типов (табл. 26, 28). Первую группу образуют правильные крупные ножевидные пластины из высококачественного желтого кремня, скорее всего импортного. Пластины не ретушированы, но имеют явные следы работы. Наиболее интересны ретушированные жатвенные ножи из обсидиана. Зубчатая ретушь нанесена с брюшка или со спинки под острым углом к рабочему краю. Многие орудия имеют на одном из концов неретушированный выступ и по этому характерному признаку могут быть названы жатвенными ножами с шипом. В большинстве случаев шип несет следы работы. Можно предположить, что он оставлялся для облегчения захвата стеблей при резании. В Шимшаре найдено целое такое орудие. Оно склеено из двух больших обсидиановых пластин при помощи битума и не имело костяной или деревянной основы. Один из концов имел описанный шип. П. Мортенсен называет его кинжалом. Точно такие же орудия в большом количестве встречены в Чейеню Тепеси. Тождественны форма и техника обработки. Рабочий конец орудия, как правило, образует шип с остатками ударного бугорка. Х. Чембел обратила внимание на то, что следы работы заходят далеко на брюшко пластины и реже видны на спинке, и на этом основании считает их скобелями, по-видимому, для обработки дерева.

Многочисленные обсидиановые пластины тщательно ретушированы по обеим граням крутой ретушью со спинки. Они не имеют следов работы и обычно сохранились в обломках. Определить их назначение трудно.

Резцов много, однако типологически они очень однородны. Преобладают орудия на углу сломанной пластины с единственным рабочим сколом, реже встречаются боковые резцы на пластинах. Скошенный конец орудий тщательно ретушировал (табл. 26).

Среди скребков преобладают концевые орудия на ножевидных пластинах и округлые скребки на отщепах, реже встречаются массивные скребки на кремневых плитках. Скребки делались как из кремня, так и из обсидиана (табл. 26).

Шлифование широко использовалось при изготовлении орудий труда, мраморных сосудов, украшений из камня (табл. 29, 30). Массивные шлифованные топоры имеют неширокий овальный край (рис. 16, табл. 31). Иногда подшлифован только рабочий конец орудия, а обушковая часть сохранила следы оббивки. Вместе с топорами встречаются небольшие трапециевидные тесла с прямым широким рабочим концом. Аналогичные орудия обычны в протохассунских памятниках типа Сотто. Для обработки дерева могло использоваться и грубое дисковидное рубящее орудие из низкосортного кремня диаметром около 15 см. Шаровидные навершия булав, или утяжелители, изготовлялись из известняка.

О высокой технике обработки кости говорят великолепная резная головка газели с реалистически проработанной мордой и небольшими изо-

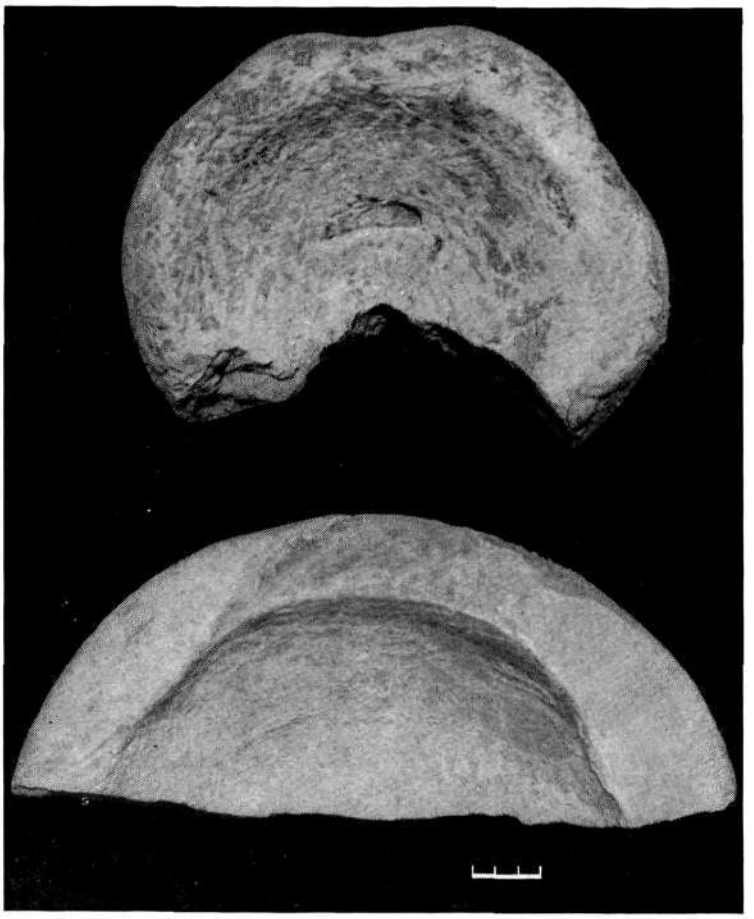

РИС. 17. Телль Магзалия. Каменные ступы (*1*, *2*)

гнутыми рожками, тонкие иглы с ушком, многочисленные обломки костей с нарезками (табл. 32—34). Много трубчатых костей овцы или козы с тщательно обрезанными эпифизами (табл. 35). Иногда они покрывались резным ромбическим орнаментом. Из них могли составляться ожерелья. Можно предположить, что они служили рукоятками для мелких каменных орудий, однако следов закрепления или целых орудий найдено не было. Длинные тонкие лощила из ребер быка могли служить для обработки кож. Вместе с этими тщательно выполненными орудиями широко использовались костяные проколки из случайных обломков трубчатых костей с зашлифованным рабочим концом. Обрабатывалась кость боковыми и угловыми резцами на пластинах.

Большую выразительную группу орудий труда составляют зернотерки, терочники и песты (рис. 17, табл. 36). Наиболее характерна большая серия терочных камней стойкой формы. Это небольшие прямоугольные орудия с закругленными углами и слегка выпуклыми рабочими поверхностями. На некоторых сохранились следы охры, на поверхности одного

из орудий было несколько неглубоких сверлин. Однако, судя по количеству, размерам и стандартной форме, они служили для помола зерна. Тонкие овальные зернотерки имеют слегка вогнутую рабочую поверхность. Для пестов использовались длинные гальки с забитыми концами. Они могли использоваться и как отбойники.

КАМЕННАЯ И ГИПСОВАЯ ПОСУДА, УКРАШЕНИЯ, ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИНА ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИИ

Жители Джебел Магзалии широко использовали глину при строительстве и, безусловно, стояли на пороге освоения глиняной посуды. В слое найдено много комков мятой сырой глины. Единственный обломок керамики был вынут из слоя с глубины 470 см при зачистке обнажения на кв. М-9. Это маленький, плохо обожженный, рыхлый, с растительными примесями, красноватого цвета обломок небольшой ребристой чаши или горшка.

Обнаруженный фрагмент соответствует представлениям об архаической керамике, но его стратиграфическое положение не безусловно.

Примитивные плоскодонные открытые миски с прямыми стенками и корыта делались из гипса (рис. 18, табл. 29). Гипсом или битумом обмазывались и корзины различной формы (табл. 37). По отпечаткам хоро-

РИС. 18. Телль Магзалия. Сосуды из глины и гипса (*1*, *2*)

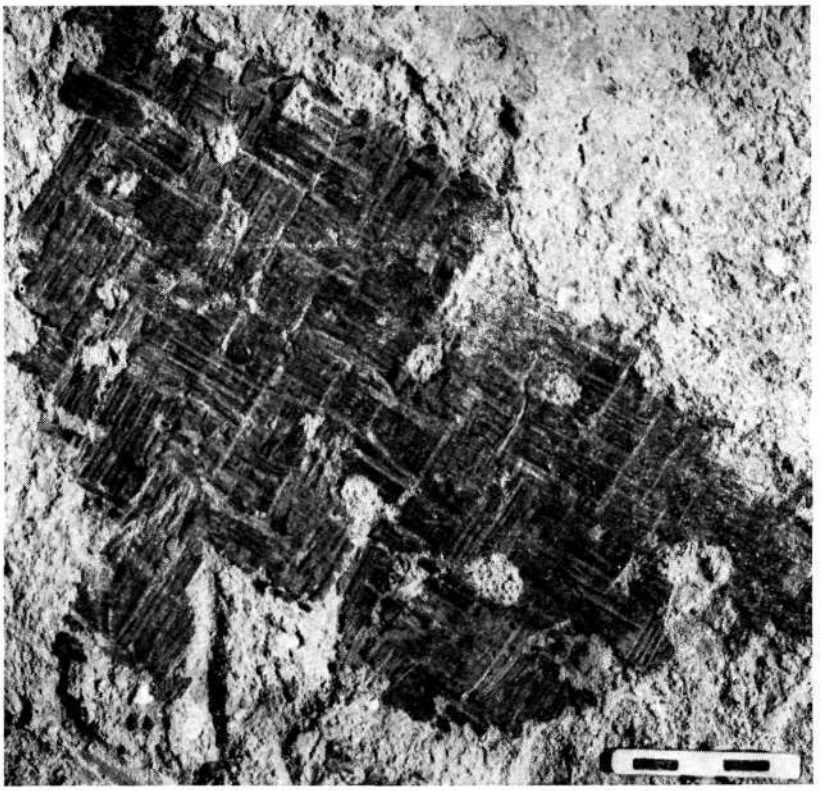

РИС. 19. Телль Магзалия. Отпечаток цитовки на битуме

шо восстанавливается сложная техника плетения (рис. 19). Сохранились отпечатки придонной части большой корзины, свернутой из циновки, плоской плетеной миски из тонких прутиков, скрепленных какими-то волокнами, небольшой плоский кошель из широких стеблей. Безусловно, корзины обмазывали, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Гипсом обмазывались небольшие ямы-хранилища или бассейны. Из гипса делались большие овальные корчаги. Они не вкапывались, однако были слишком громоздки, чтобы их можно было переносить. В одном случае такой наземный бочонковидный сосуд-хранилище был вылеплен из глины. Он имел высоту около 70 см, не обжигался, а в придонной части имел круглое отверстие около 10 см диаметром. Сегодня такие сосуды используются для хранения зерна.

Много обломков мраморных сосудов различной формы. Среди них большие плоскодонные чаши, маленькие сферические сосудики, кубки. Найденная заготовка позволяет восстановить технологию их изготовления. Первоначальная форма сосуду придавалась оббивкой, выемка внутренней полости также начиналась долблением, обработка завершалась шлифовкой.

В культурном слое много мелких галек, безусловно отобранных и принесенных сюда обитателями поселения. Преобладают цилиндрические, плоские овальные и грушевидные формы. Первые часто окрашены

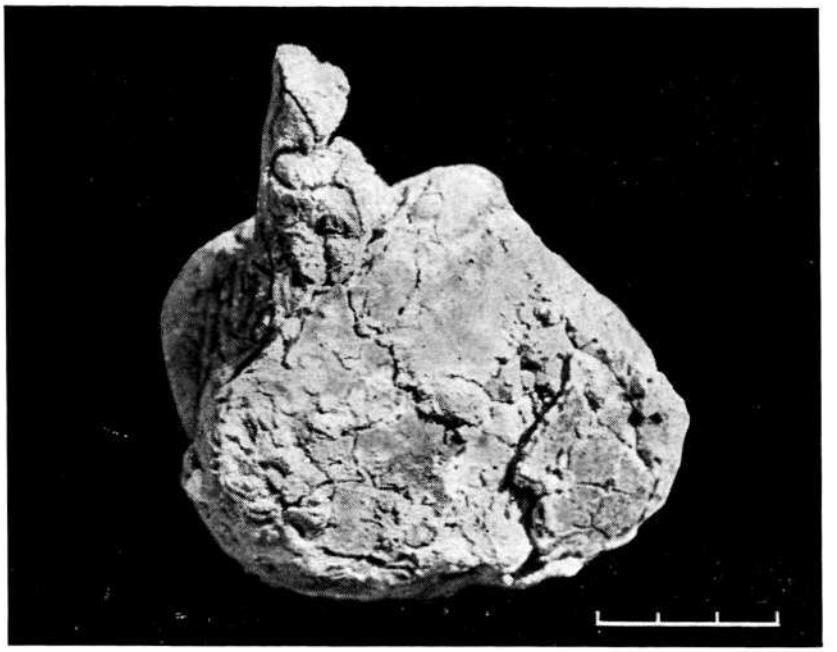

РИС. 20. Телль Магзалия. Горизонт 15. Глиняная женская статуэтка, вид сбоку

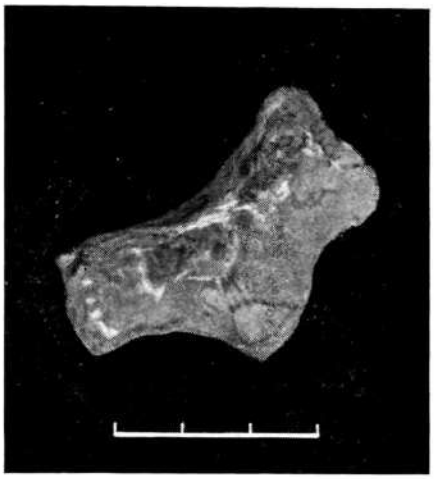

РИС. 21. Телль Магзалия. Горизонт 12. Глиняная зооморфная фигурка

охрой и использовались как пестики. Иногда им преднамеренно придавалась конусовидная форма. Плоские гальки служили излюбленным материалом для украшений.

В коллекции 18 каменных дисков-подвесок с отверстием в центре (табл. 38). Они встречались во всей толще отложений. Несколько найденных вместе дисков были, по-видимому, нанизаны на шнурок. Отверстие делалось встречным сверлением, в одном случае сверлины с обеих сторон аккуратно обведены тонким кругом, выполненным с помощью какого-то приспособления. Толщина дисков составляет от 0,5 до 1 см, диаметр ра-

вен 4—6 см. Диаметр отверстия обычно не превышает 6—8 мм, т. е. оно удобно для нанизывания на шнурок и недостаточно для укрепления диска на жестком стержне.

Встречаются браслеты с круглым и овальным сечением, гладкие и с орнаментом на наружной поверхности (табл. 39). В одном случае браслет был украшен продольной канавкой и поперечными насечками, в другом уплощенный браслет имеет декоративный продольный валик. Точно такие браслеты известны в Чейену Тепеси.

Много мелких цилиндрических и бочонковидных каменных бус, некоторые из них имеют валик на концах. Интересен диск из серого камня с резным орнаментом и отверстием в центре. Две перекрещивающиеся линии делят его на четыре равные доли. Каждая из них украшена прямоугольным орнаментом. Диаметр диска 2,6 см. Это могла быть подвеска, пуговица, мог он использоваться и как печать.

Несколько подвесок изготовлено из обсидиана. Плоская обсидиановая подвеска в виде усеченного овала 4,8 × 4 см тщательно отшлифована и имеет два тонких отверстия на концах прямого края. Подвеска просвечивает. Сквозь слегка матовую поверхность видна красивая структура обсидиана. Другая обсидиановая пластинка обколота в виде овала. Два тонких отверстия на ее концах могли служить для нашивания на одежду.

Две каменные подвески имитируют раковины. Обломок одной имеет спиральную форму и продольное отверстие. Вторая сделана в виде раковины улитки, отверстие для крепления выполнено сбоку, как ушко на пуговице.

Многочисленны мелкие поделки из глины, женские и зооморфные фигурки (рис. 20, табл. 40—42). Все поделки слабо обожжены. Встречаются глиняные стержни и конусы. Зооморфные фигурки, по-видимому, изображают быков (рис. 21).

Сидячие женские статуэтки в большинстве случаев дошли до нас в обломках. Две почти целые фигурки помогают понять назначение мелких обломков и восстановить технику лепки. Размер и форма статуэток различны, техника изготовления и приемы стилизации близки. Обе фигурки сидячие, с непропорционально большим торсом. Туловище вылеплено в виде высокого конуса с небольшим овальным расширением, имитирующим бюст. Судя по найденным ранее обломкам, маленькая голова не прорабатывалась в деталях, иногда лицо обозначалось защипом. Ноги и туловище лепились раздельно, затем все три части соединялись. Именно эти детали статуэток чаще всего встречаются в слое. Цилиндрический стилизованный торс находит некоторые аналогии в Джармо. Массивные ноги статуэток такой же формы характерны для нижнего слоя Сотто. Головки статуэток обычно обозначались простым защипом. Однако не всегда они столь стилизованы. На одной из головок видна прическа в виде обернутой вокруг головы косы, переданной глиняным налепом.

На протяжении существования телль Магзалии культура не претерпевает заметных изменений. Для всех горизонтов характерна высокая техника раскалывания камня, практически неизменными остаются соотношение основных групп орудий и их типология. Повторяются типы кремневых наконечников стрел, формы костяных лощил, зернотерок, женских статуэток со стилизованным торсом. Всю коллекцию можно рассматривать как единый целостный комплекс.

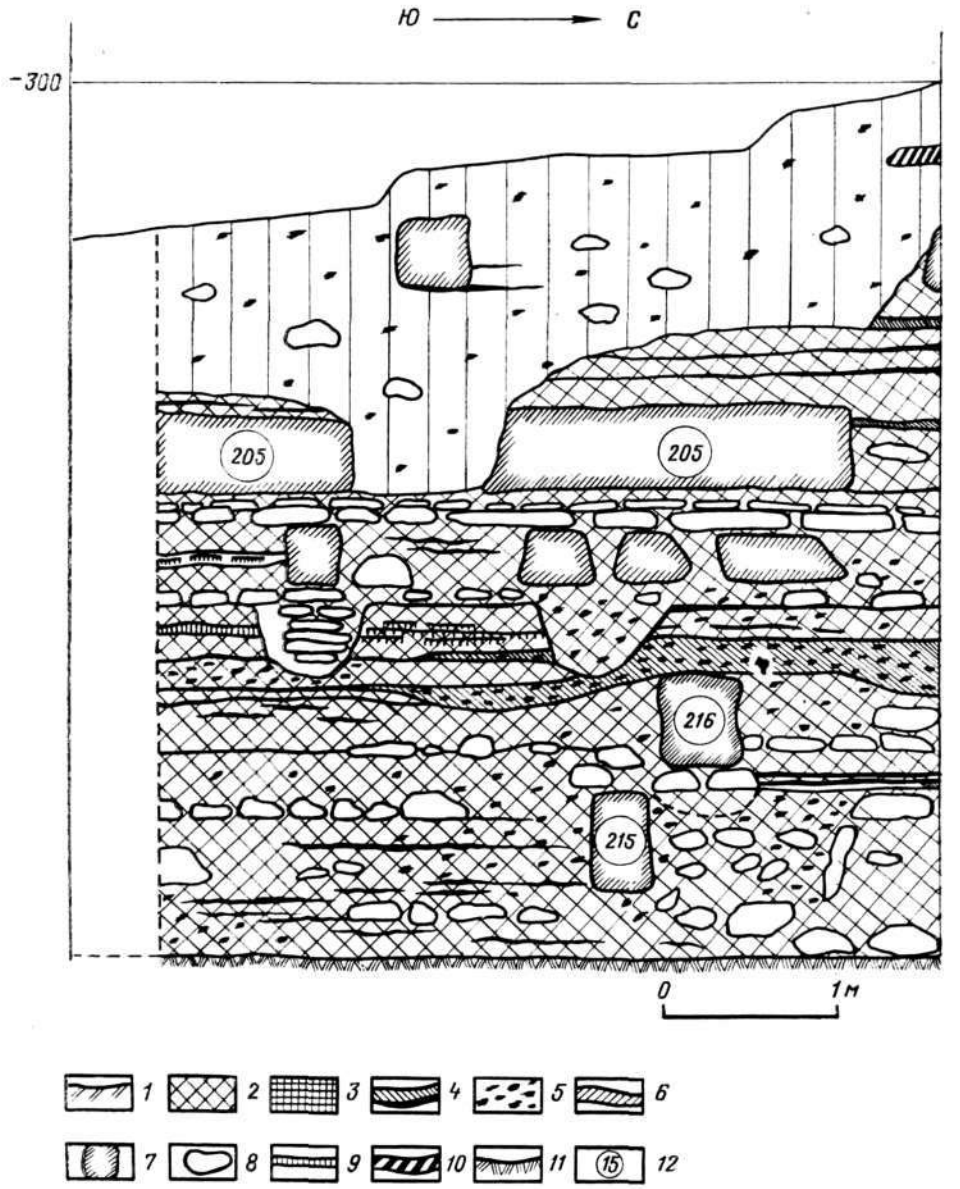

ТАБЛ. 1. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадрата М – 10

1 — современная поверхность; *2* — суглинок; *3* — плотная глина, развалы глинобитных стен; *4* — углисто-золистые слои; *5* — скопления золы и угля; *6* — гумусные слои; *7* — глинобитные стены; *8* — камни и каменные кладки; *9* — гипсовые обмазки полов; *10* — прокаленная глина, под печи; *11* — поверхность материка; *12* — номера конструкций, римскими цифрами обозначены многокомнатные дома

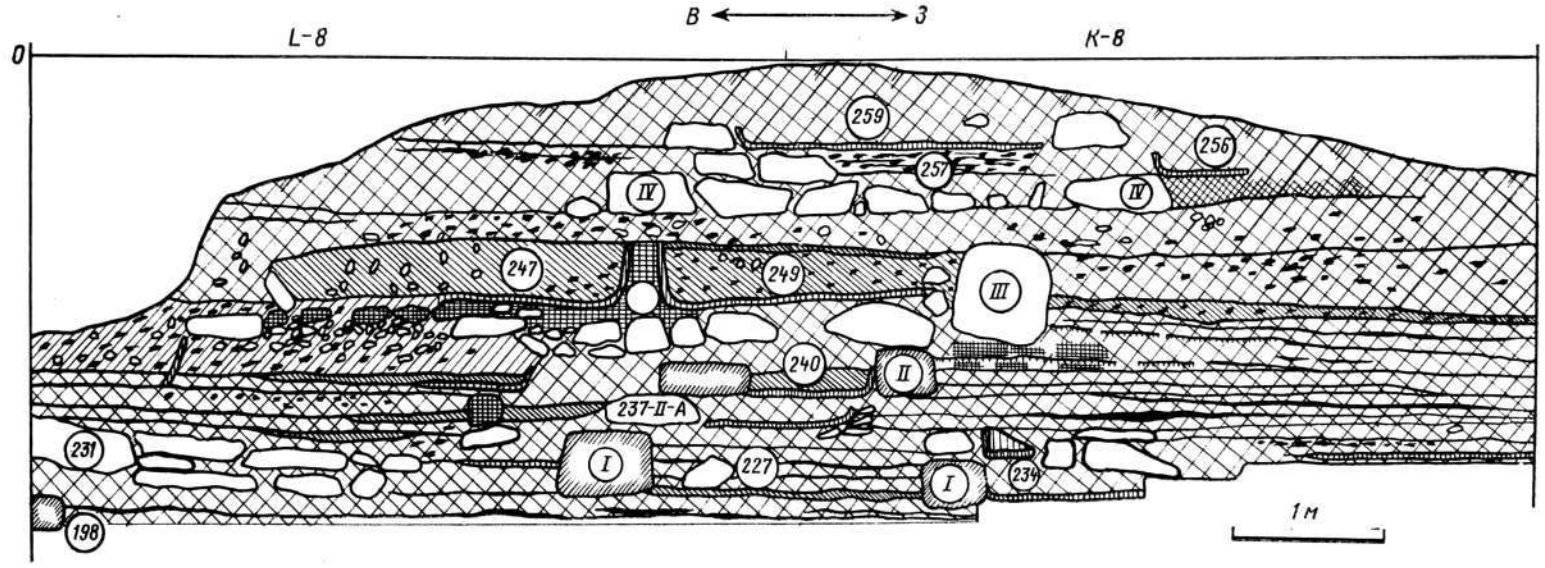

ТАБЛ. 2. Телль Магзалия. Разрез по южной стенке квадратов L, K – 8

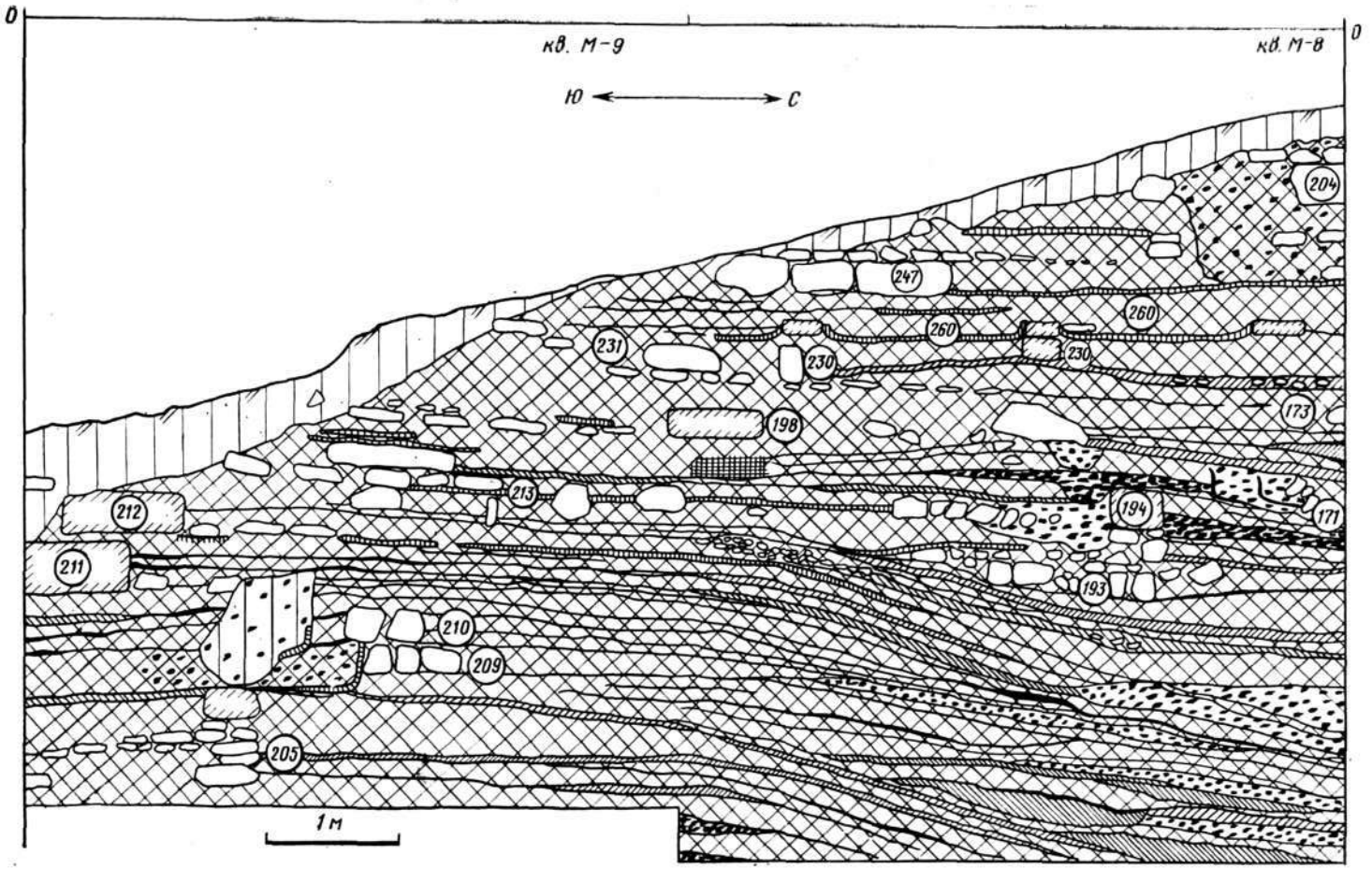

ТАБЛ. 3. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадратов М – 8, М – 9

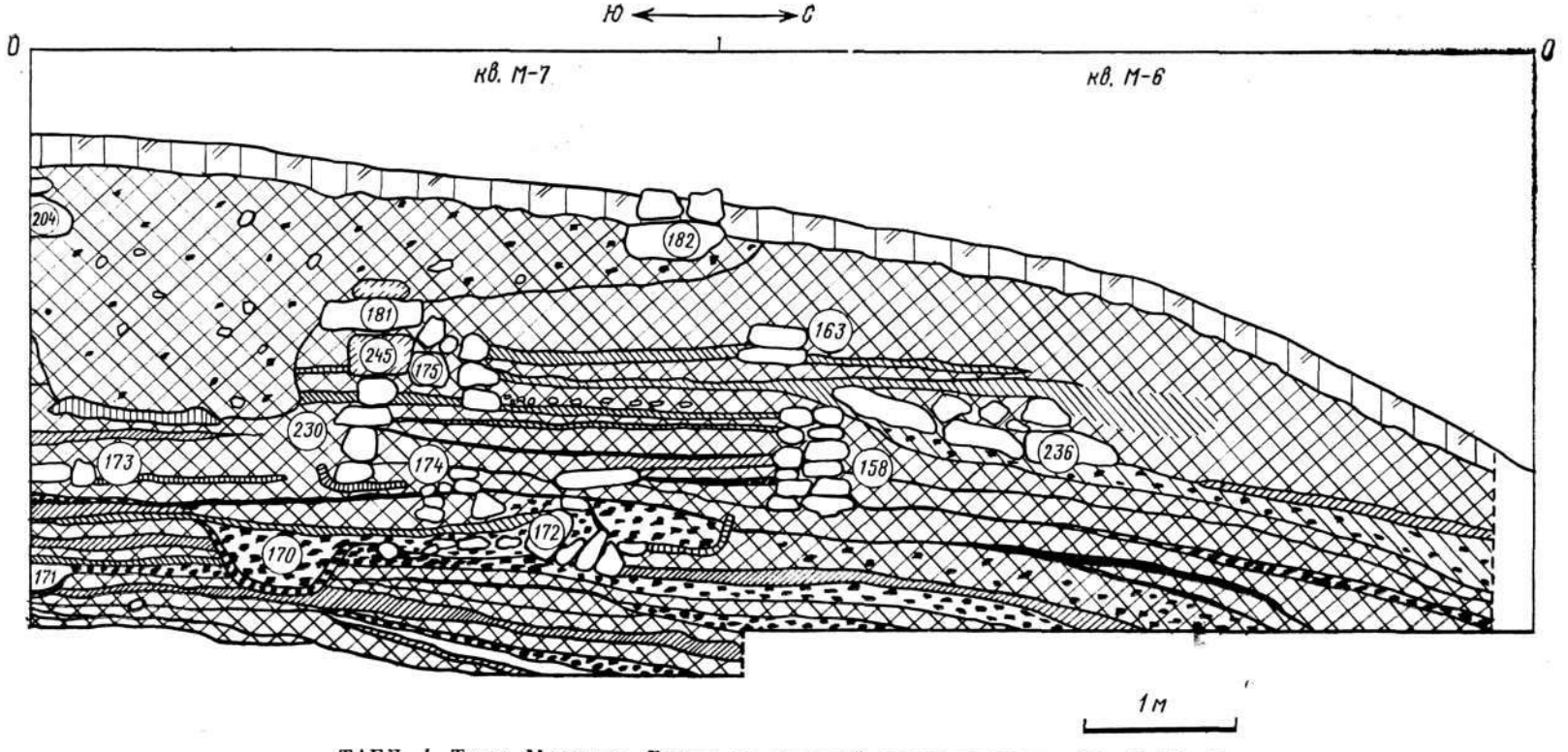

ТАБЛ. 4. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадратов М – 6, М – 7

ТАБЛ. 5. Телль Магзалия.
План построек горизонтов 1, 2

1 — каменные кладки и отдельные камни. Косой линией заштрихованы лицевые камни стен. Толстой линией показана лицевая поверхность стен. Пунктиром обозначены камни в основании глинобитных стен, гипсовых обмазок, или нижний ряд камней в кладке; *2* — глинобитные стены; *3* — развалы глинобитных стен; *4* — скопления плотной глины, развалы глинобитных стен; *5* — обожженный под печи, обожженные поверхности, гипсовые обмазки; *6* — гипсовые обмазки полов и других поверхностей; *7* — скопления золы и угля; *8* — контуры ям с обожженными стенками; *9* — контуры ям; *10* — контуры скоплений камней, золы, основания колоколовидных ям; *11* — разрушенные стены; *12* — границы обнажения; *13* — номера конструкций. Границы квадратов обозначены толстой сплошной линией, пунктиром — линии бровок. Буквенно-цифровой индекс указывает номер квадрата. Цифры на конструкциях указывают их порядковый номер

1м

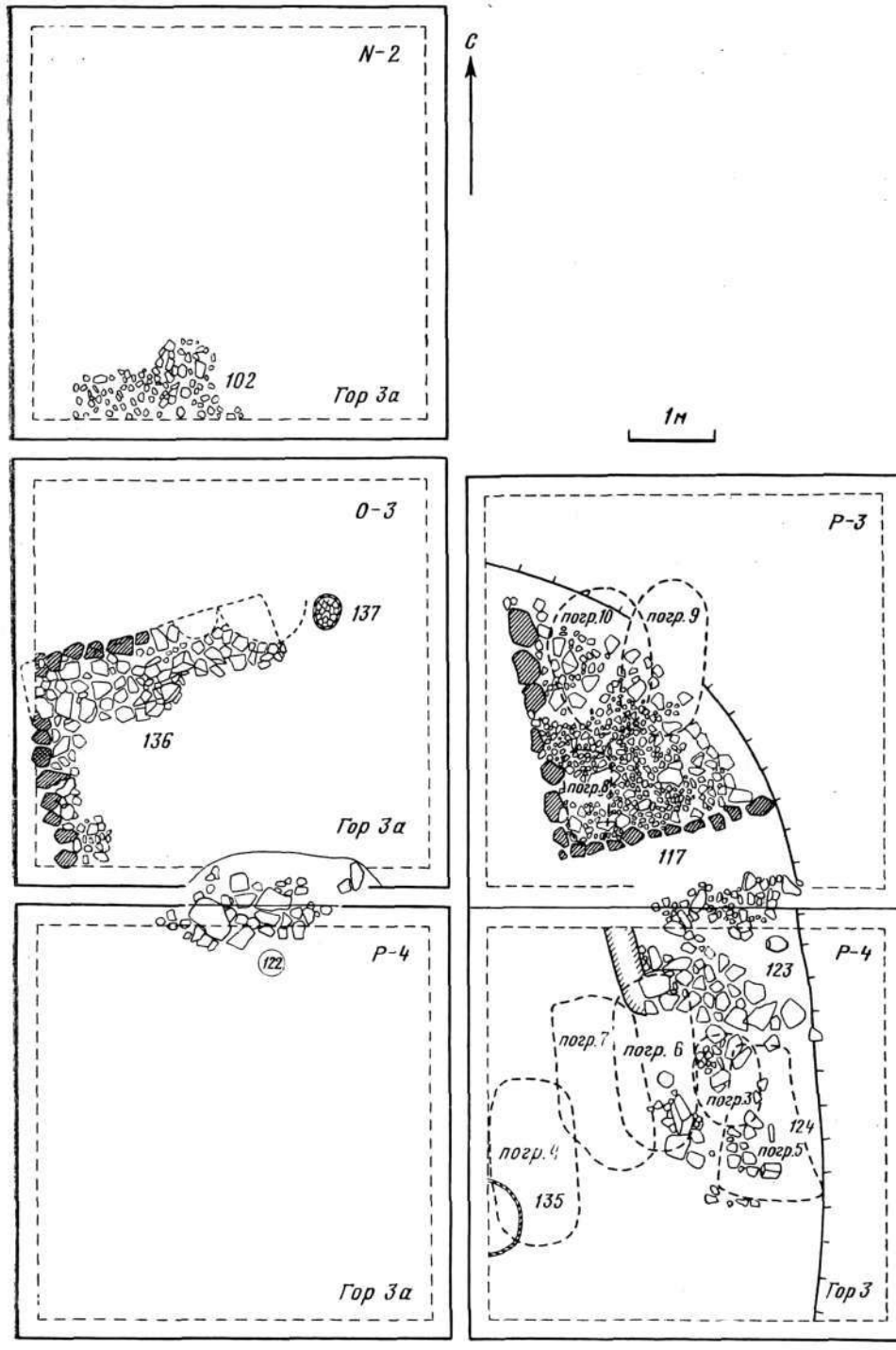

ТАБЛ. 6. Телль Магзалия. План построек горизонта 3

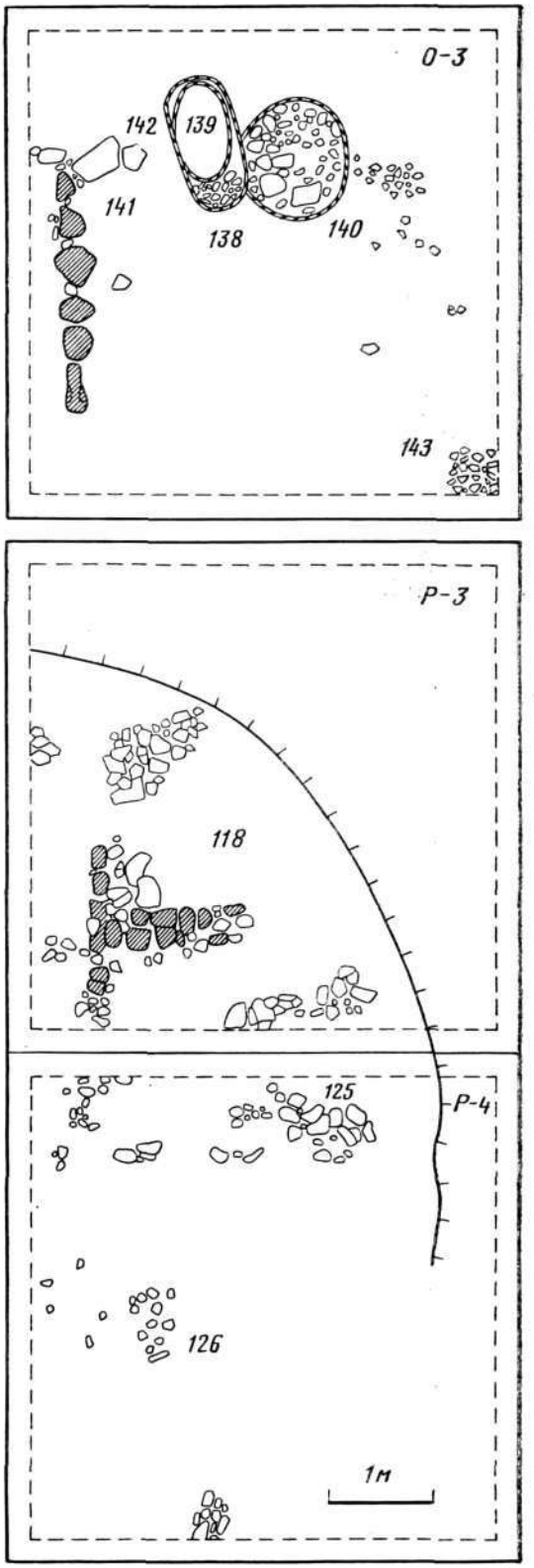

ТАБЛ. 7.
Телль Магзалия.
План построек
горизонта 4

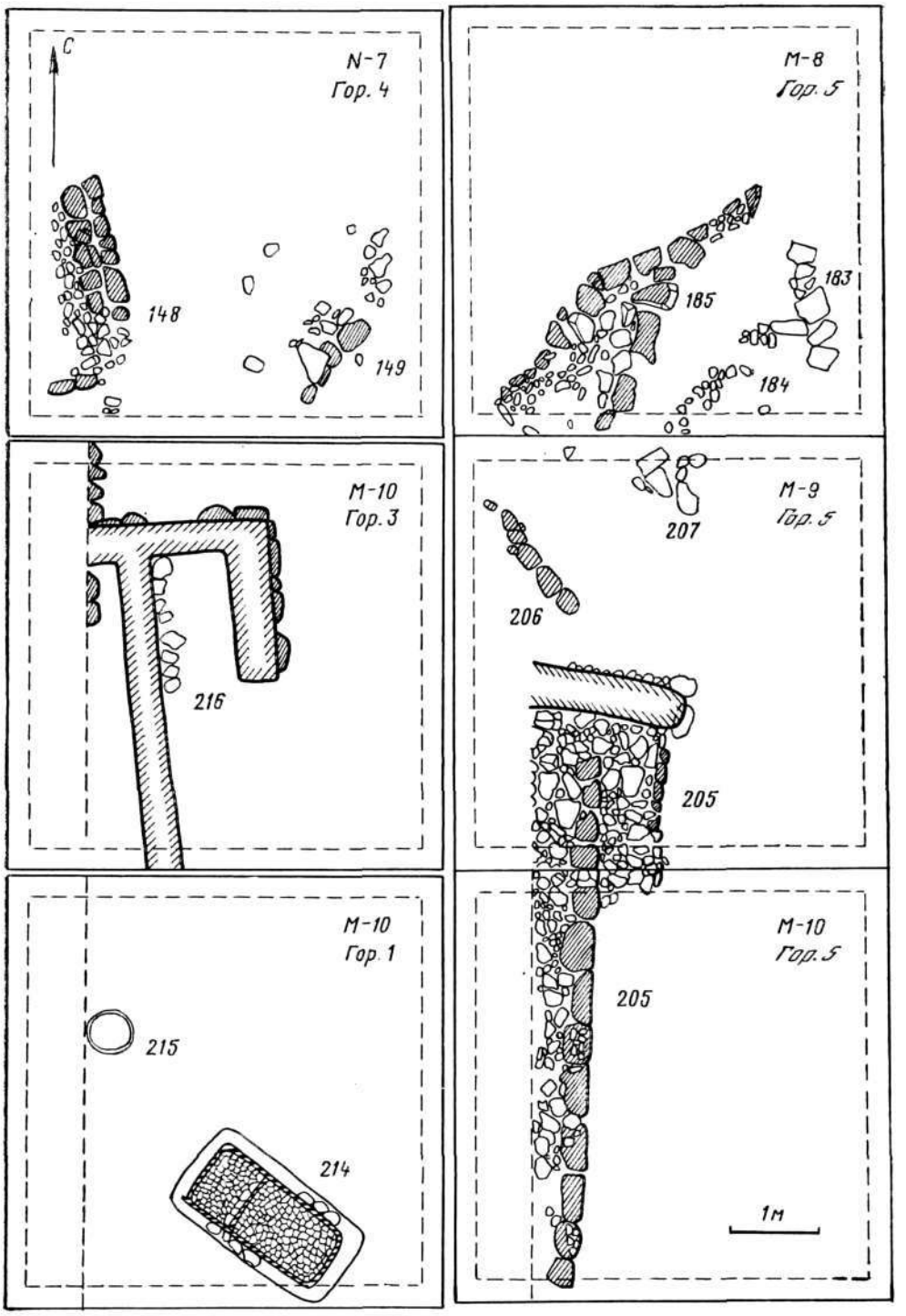

ТАБЛ. 8. Телль Магзалия. Средний раскоп. Планы построек горизонтов 1–5

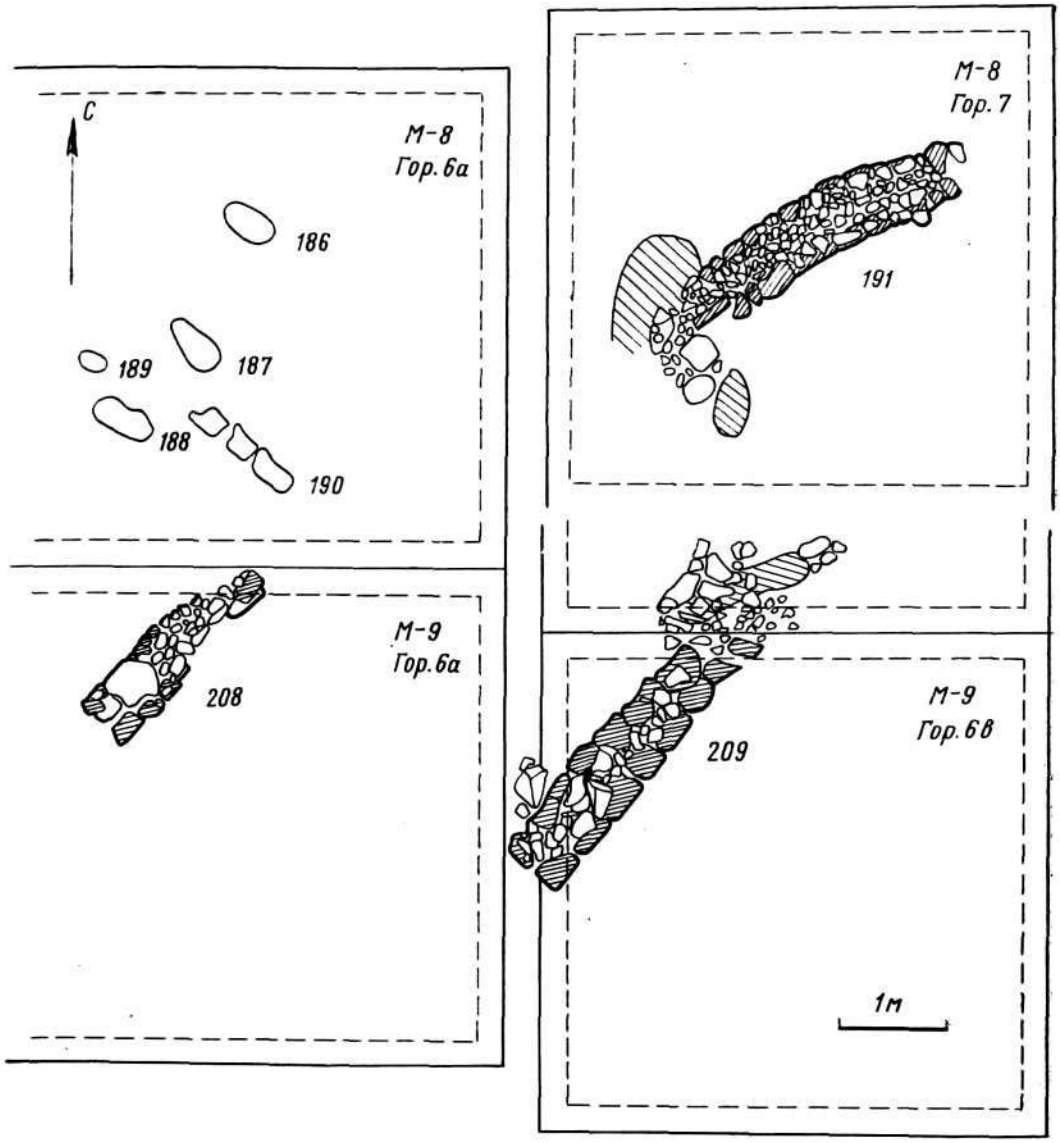

ТАБЛ. 9. Телль Магзалия. Средний раскоп. Планы построек горизонтов 6, 7

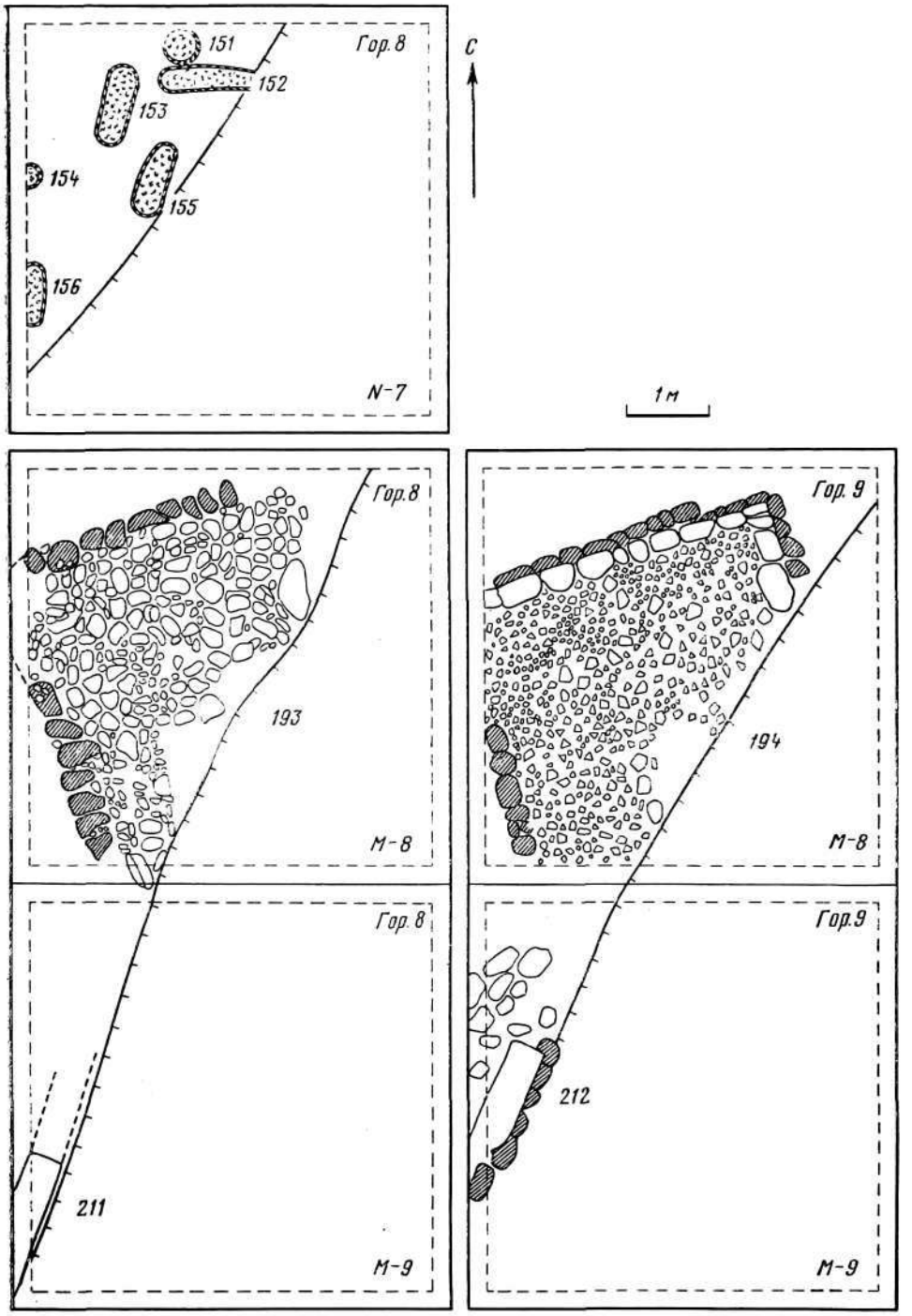

ТАБЛ. 10. Телль Магзалия. Средний раскоп. Планы построек горизонтов 8, 9

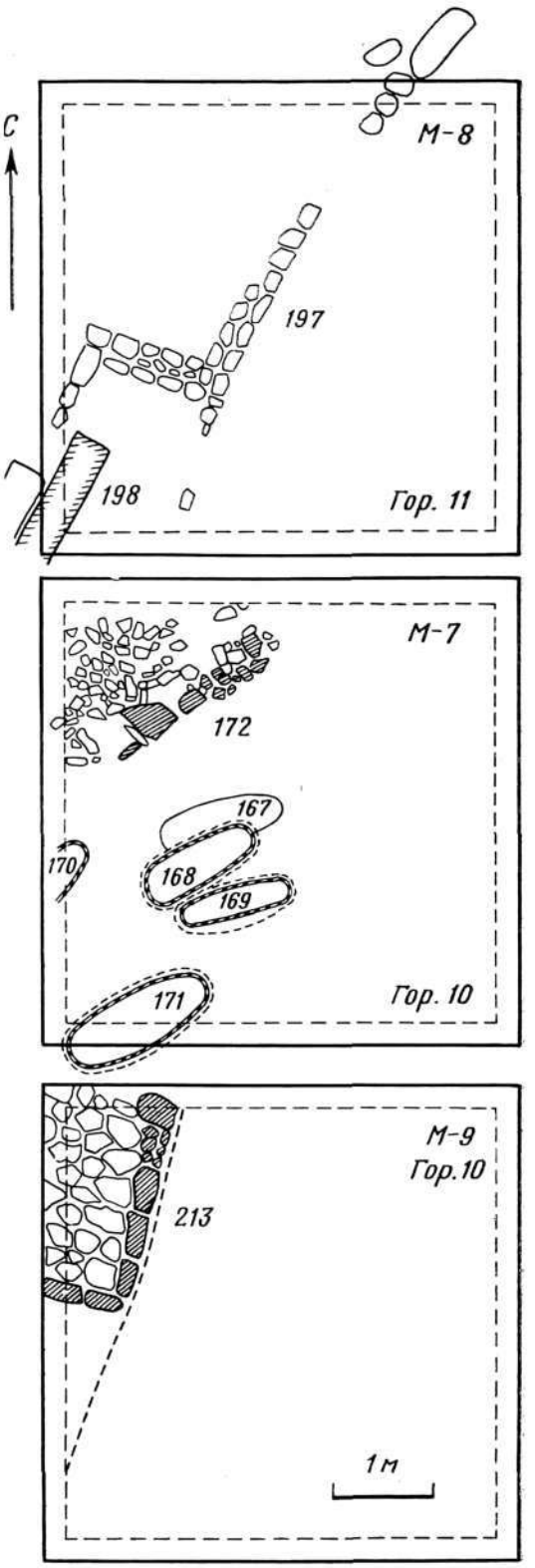

ТАБЛ. 11
Телль Магзалия.
Средний раскоп.
Планы построек
горизонтов 10, 11

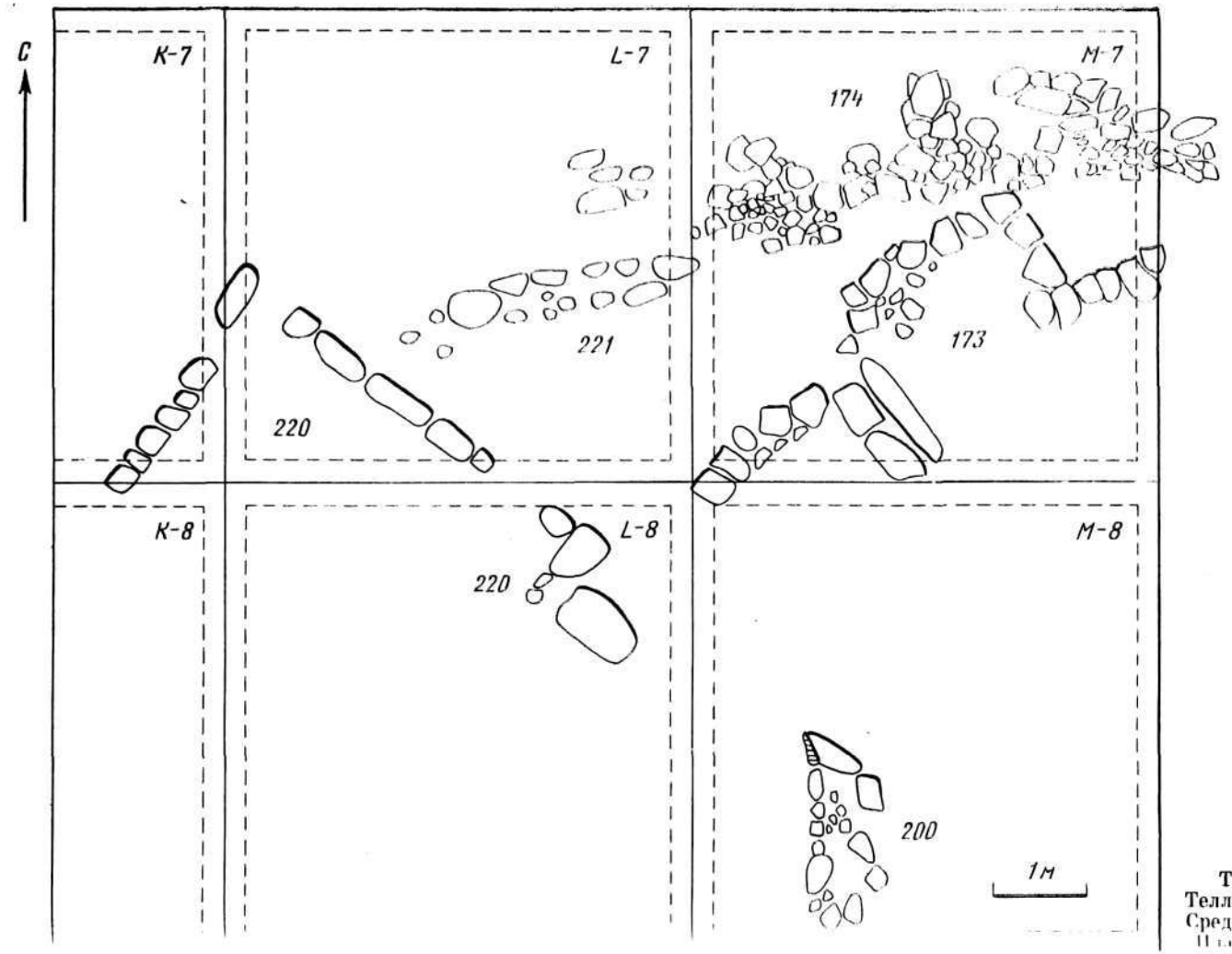

ТАБЛ. 12.
Телль Магзалия.
Средний раскоп.
План построек

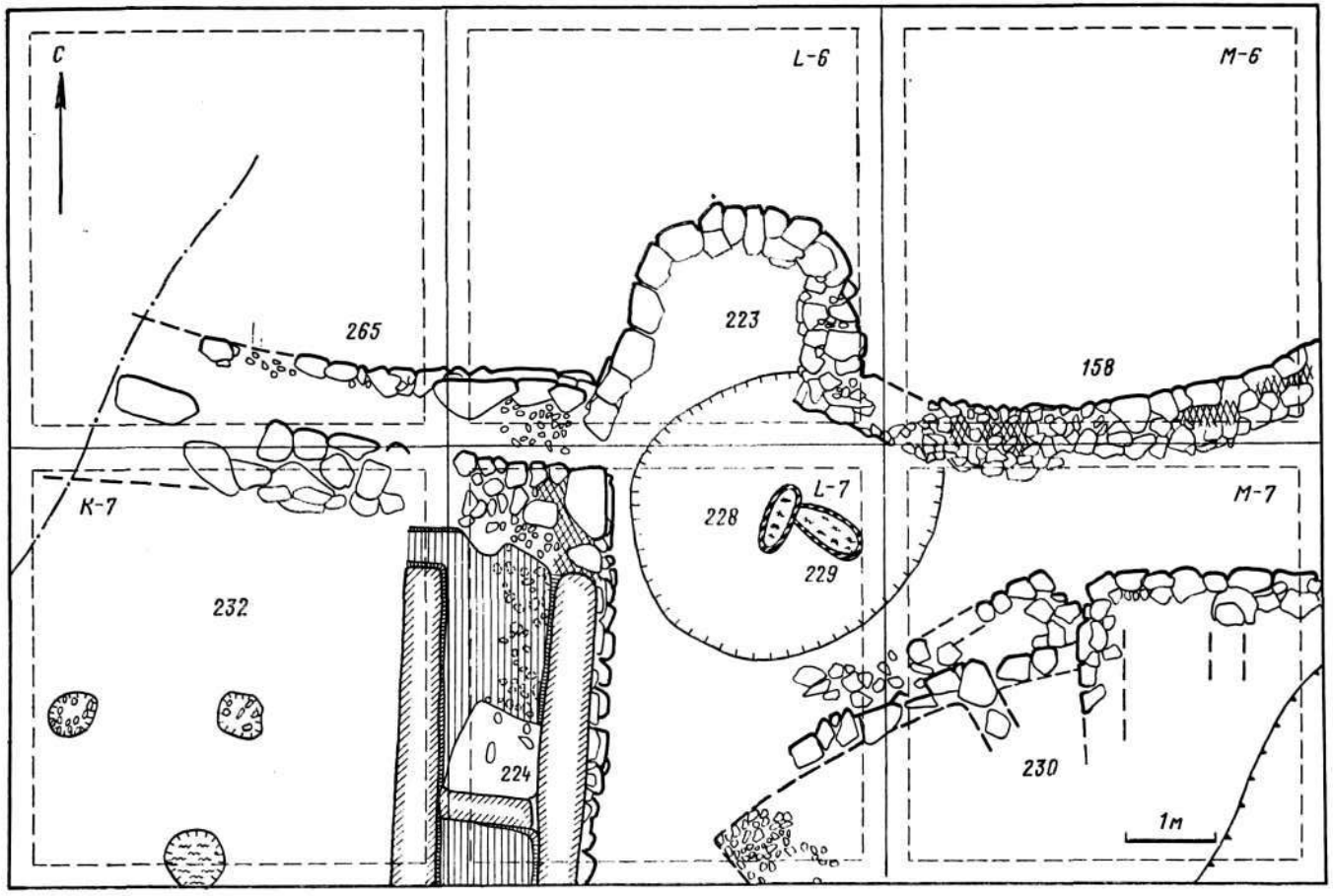
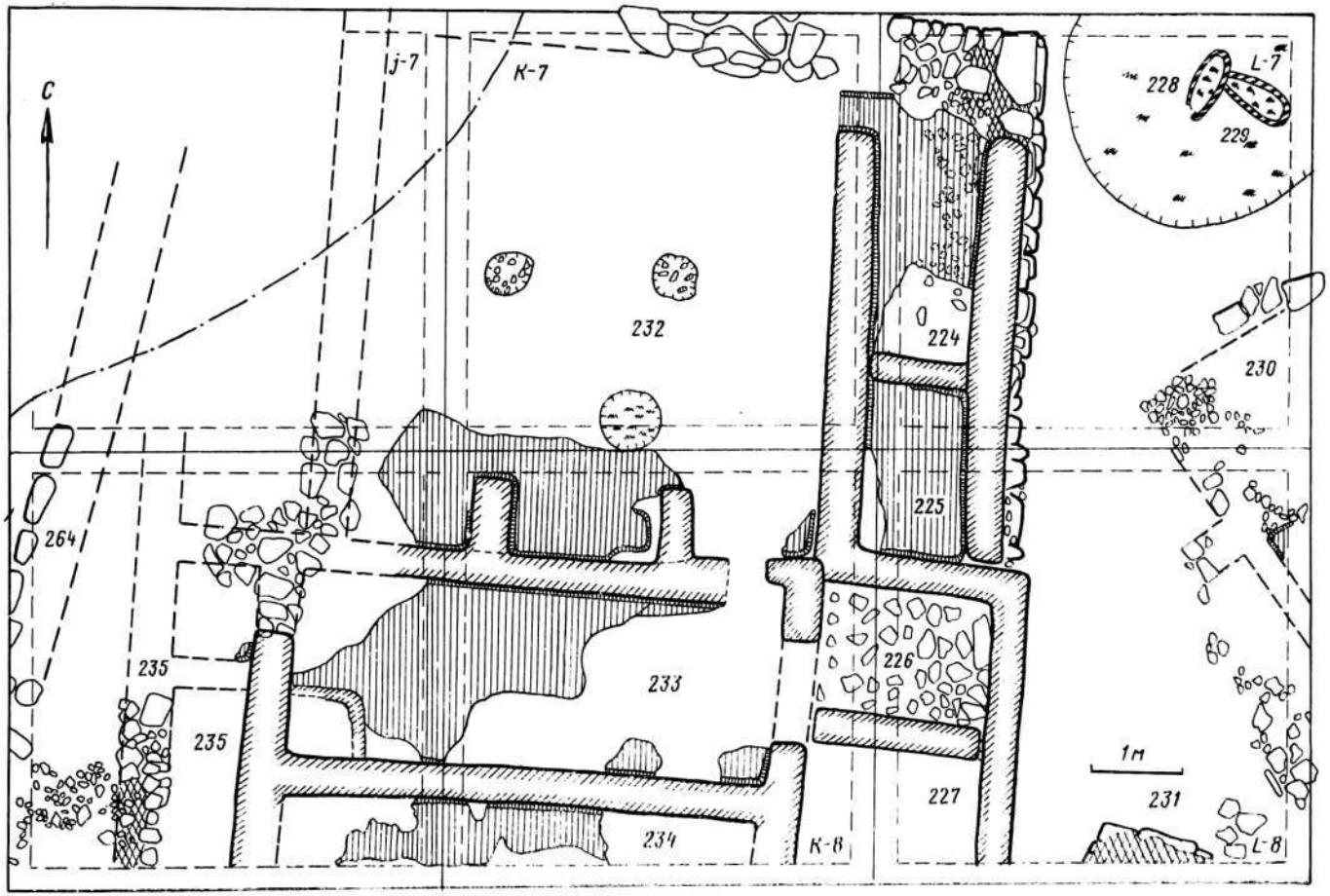

ТАБЛ. 13. Телль Магзалия. План оборонительной стены и построек горизонта 13 (линии квадратов 6, 7)

ТАБЛ· 14. Телль Магзалия. План построек горизонта 13 (линии квадратов 7, 8)

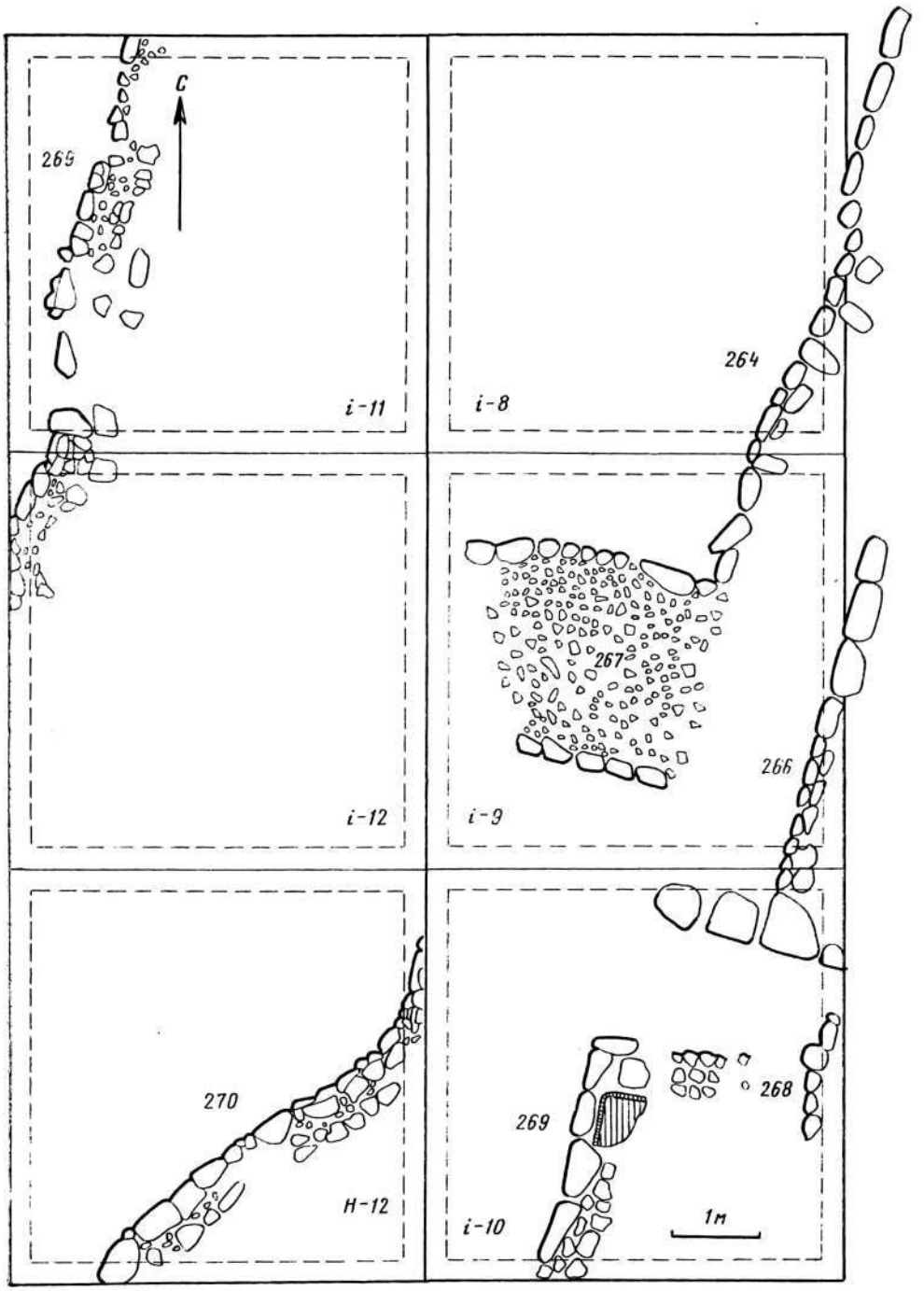

ТАБЛ. 15. Телль Магзалия. Западный участок оборонительной стены

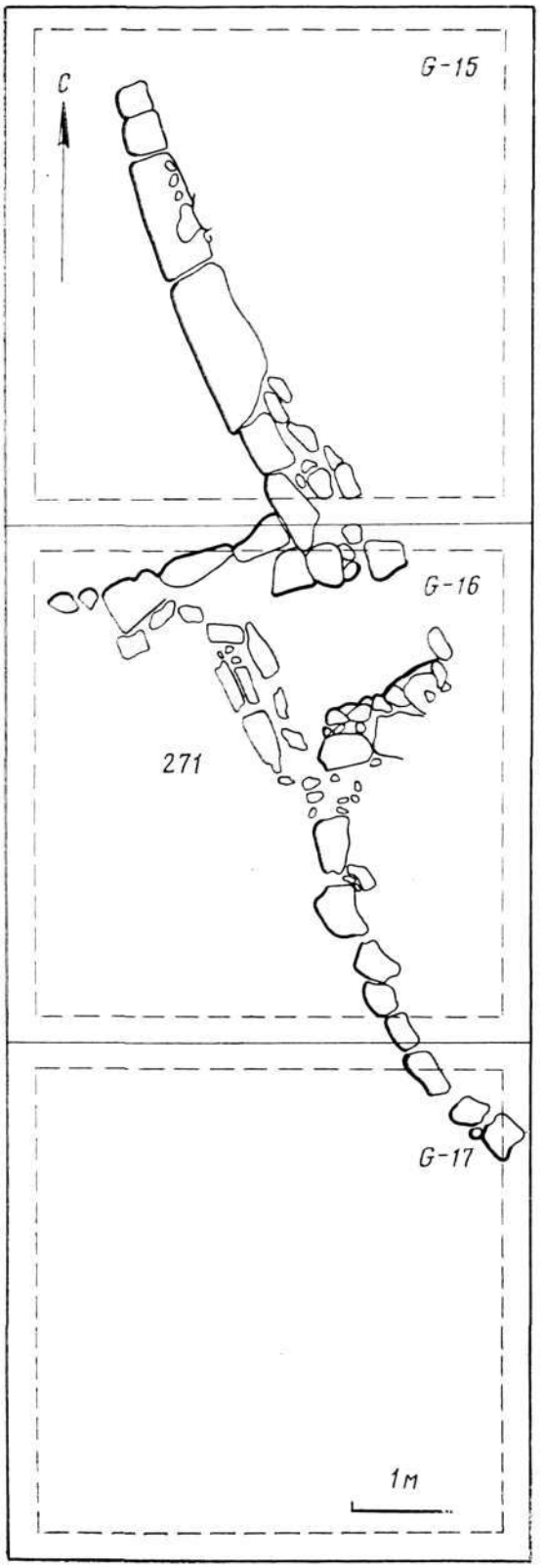

ТАБЛ. 16
Телль Магзалия.
Южный участок
оборонительной
стены

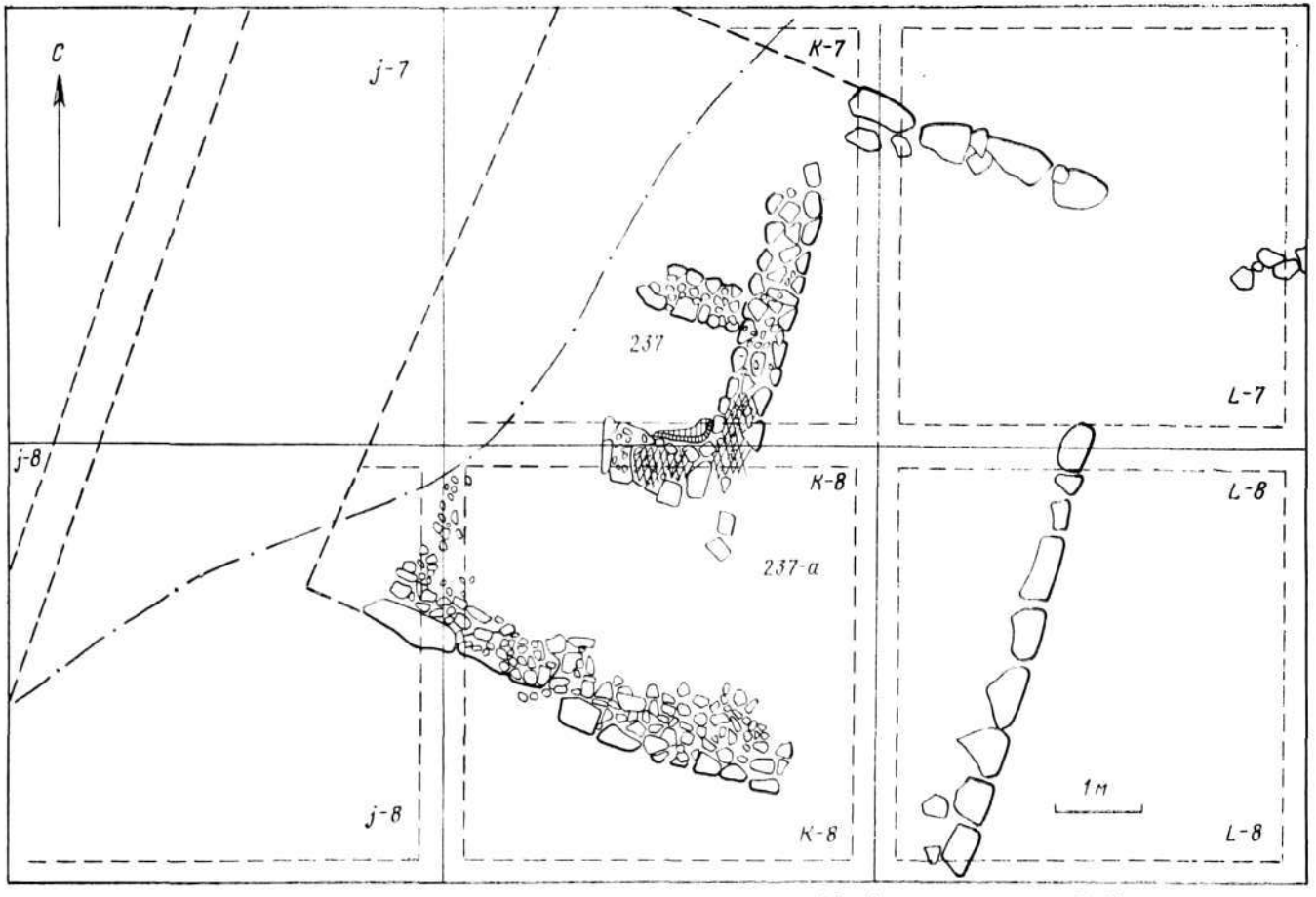

ТАБЛ. 17. Телль Магзалия. План построек горизонта 14а (линии квадратов 7, 8)

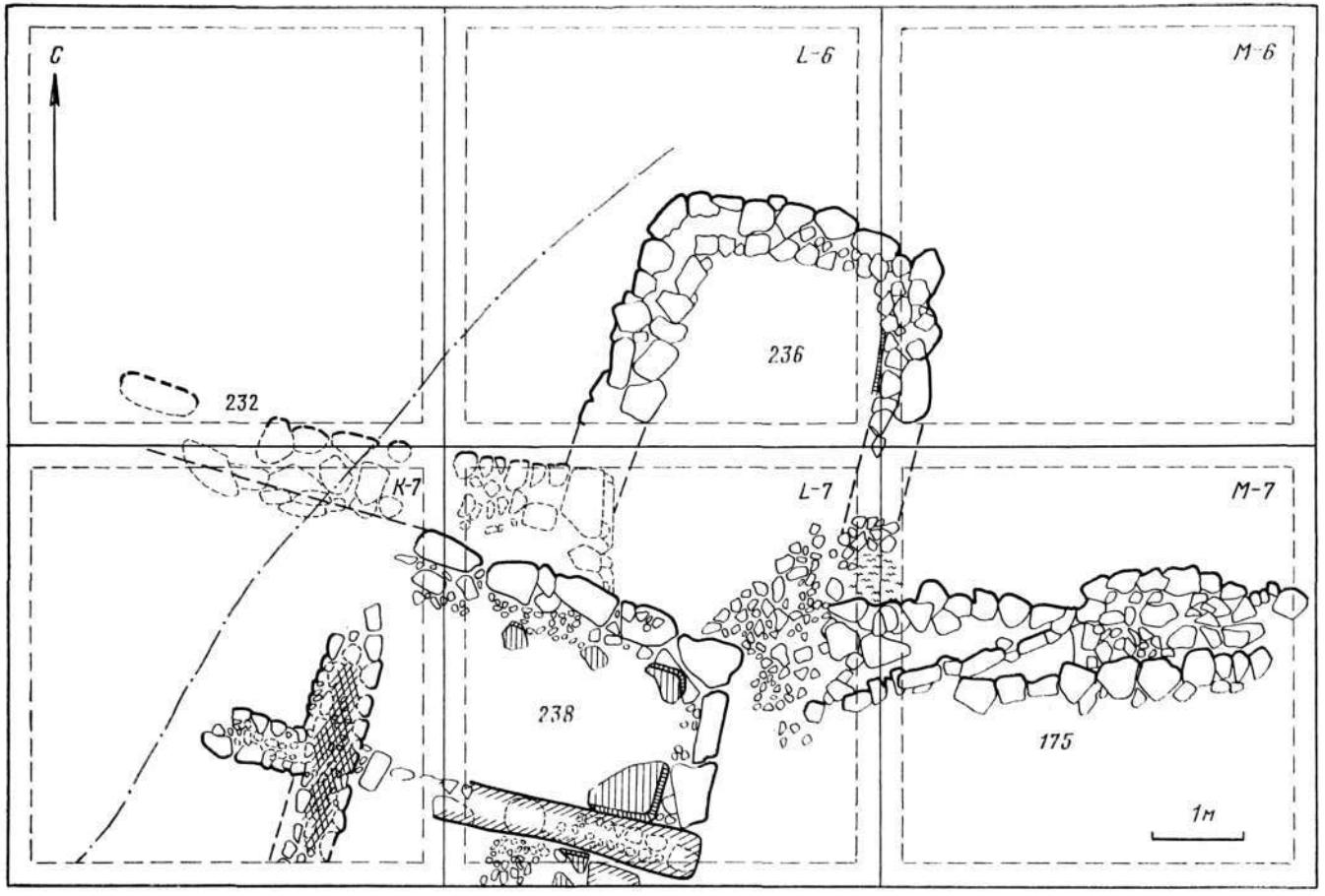

ТАБЛ. 18. Телль Магзалия. План оборонительной стены и построек горизонта 14в (линии квадратов 6, 7)

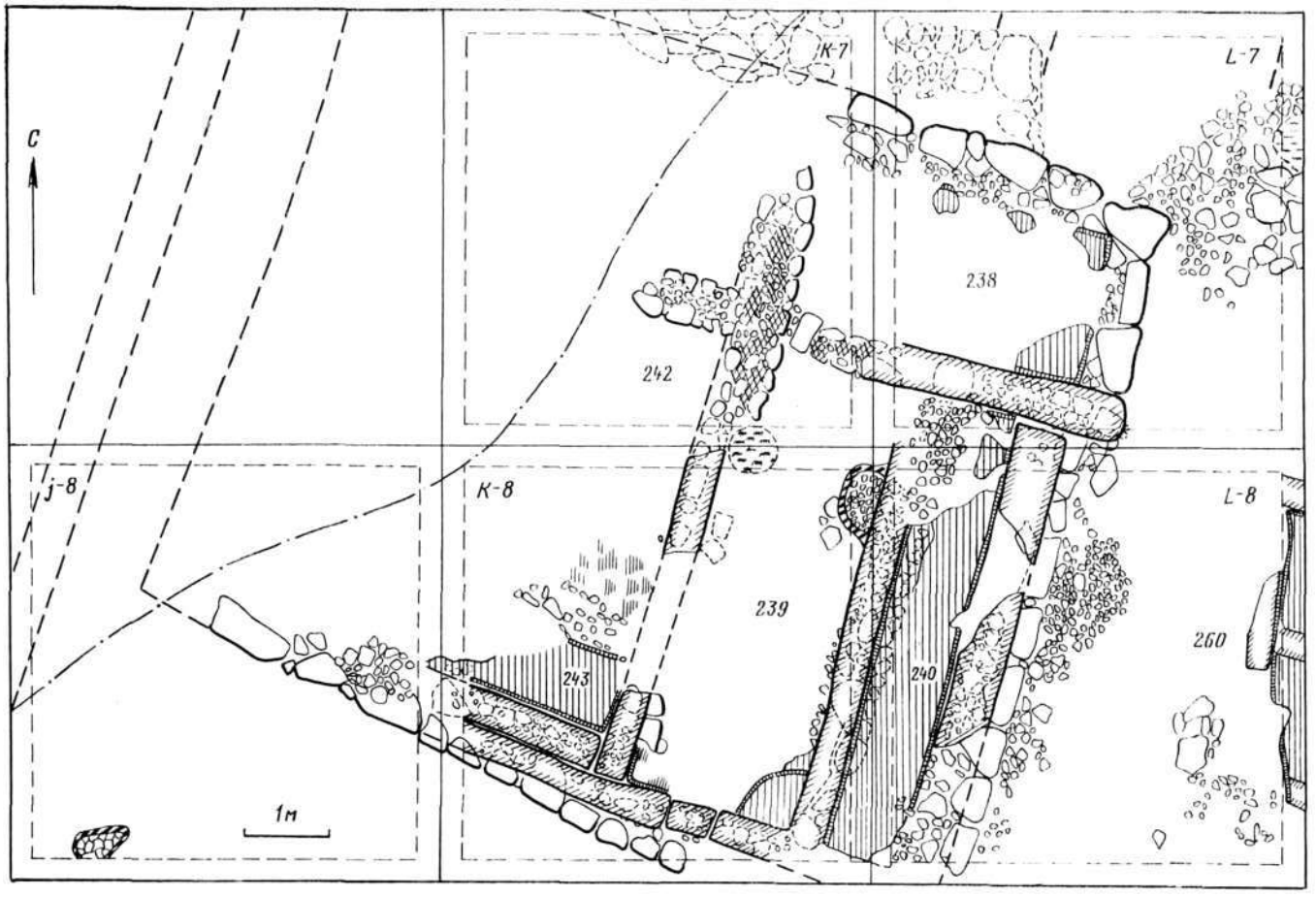

ТАБЛ. 19. Телль Магзалия. План построек горизонта 14в (линии квадратов 7, 8)

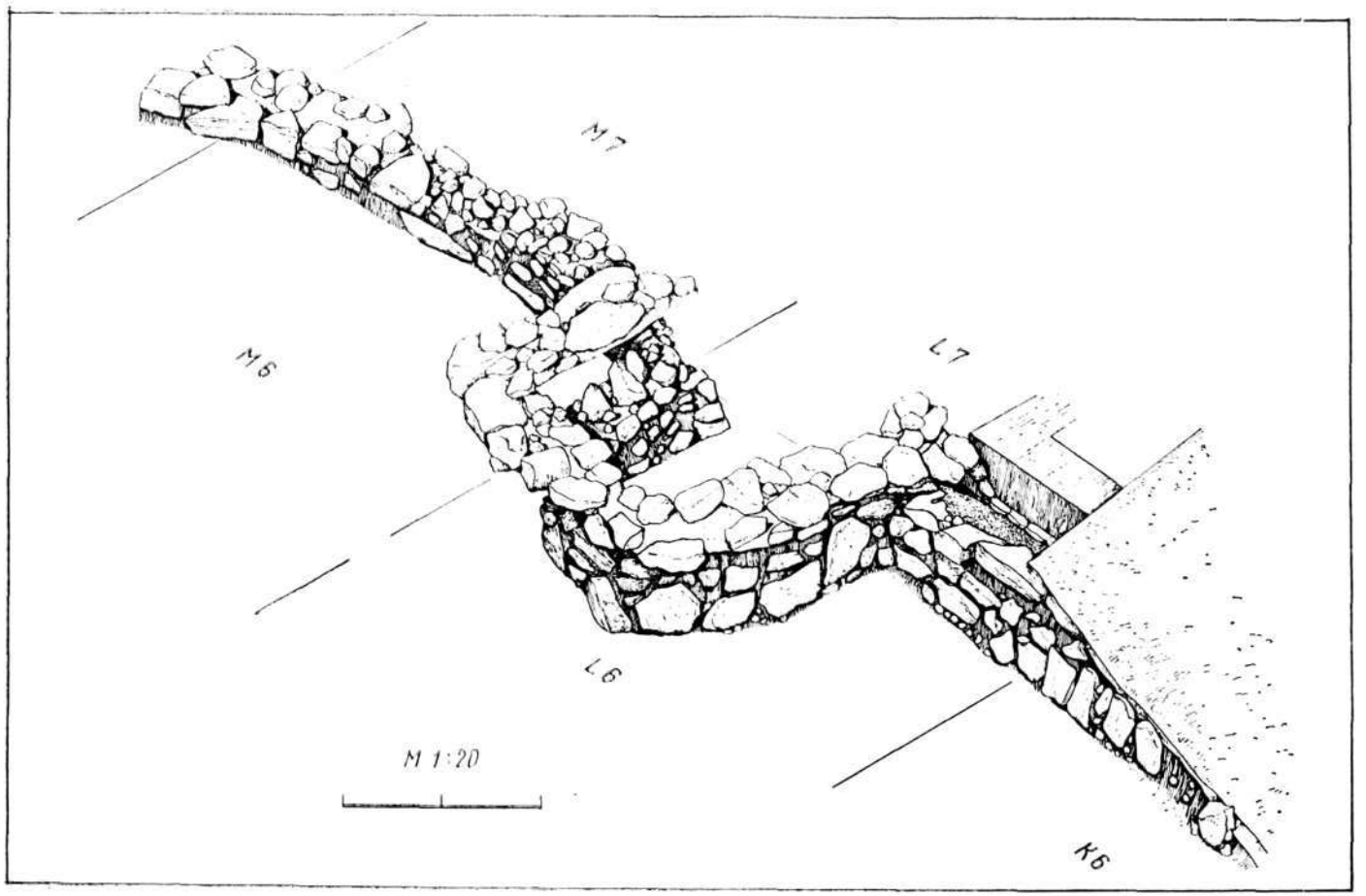

ТАБЛ. 20. Телль Магзалия. Бастион 236. Аксонометрия

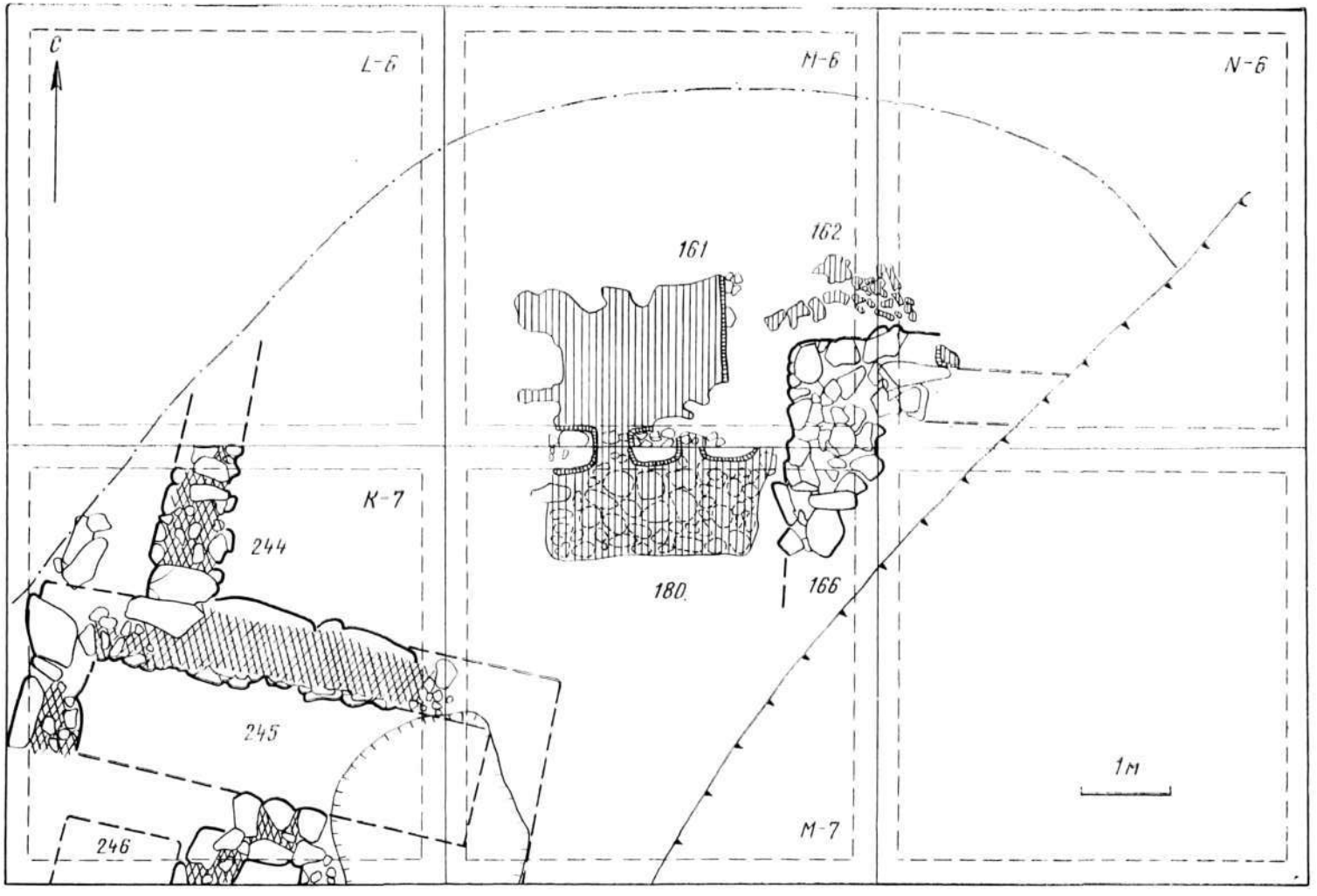

ТАБЛ. 21. Телль Магзалия. План построек горизонта 15а (линии квадратов 6, 7)

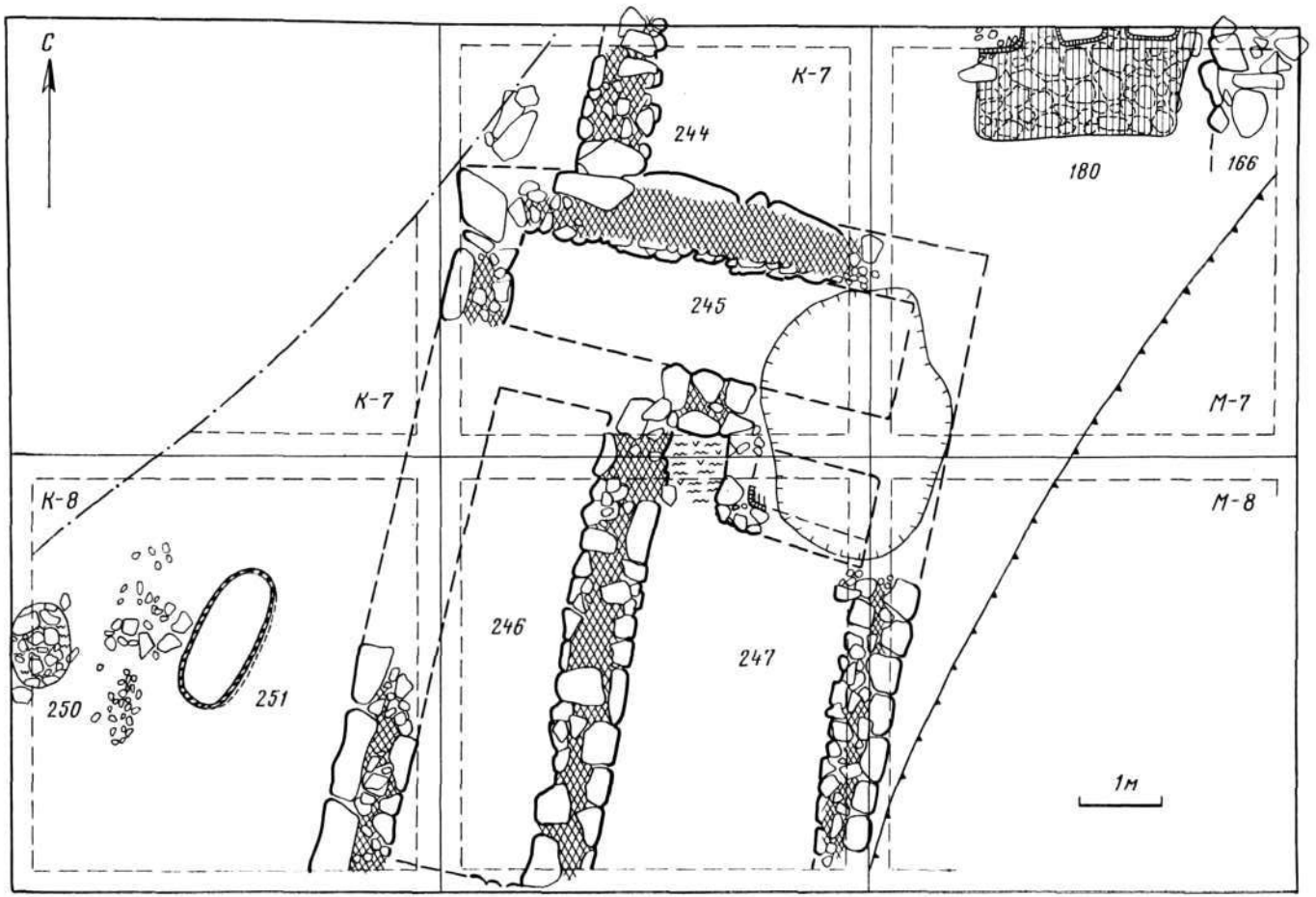

ТАБЛ. 22. Телль Магзалия. План построек горизонта 15а (линии квадратов 7, 8)

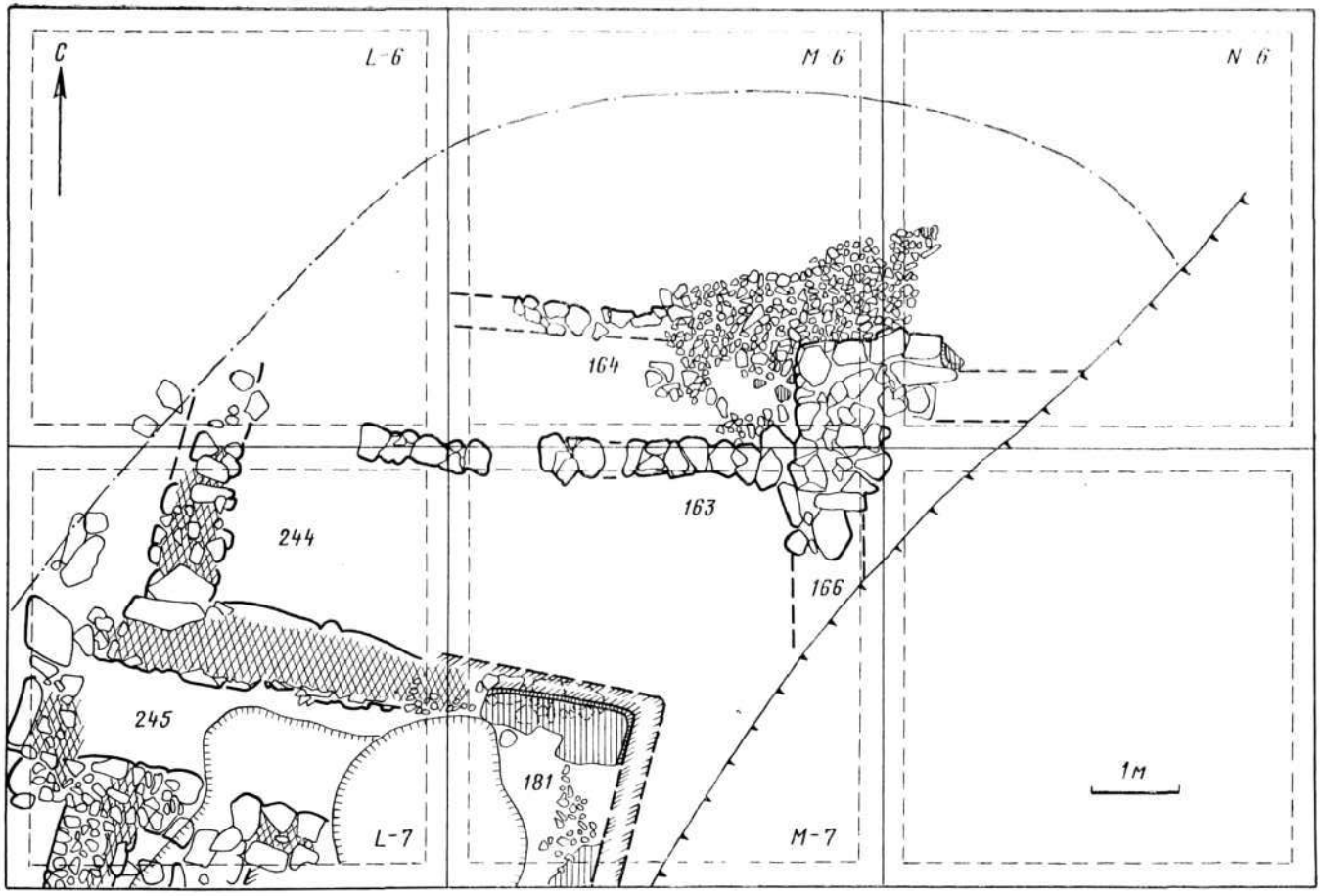

ТАБЛ. 23. Телль Магзалия. План построек горизонта 15в (линии квадратов 6, 7)

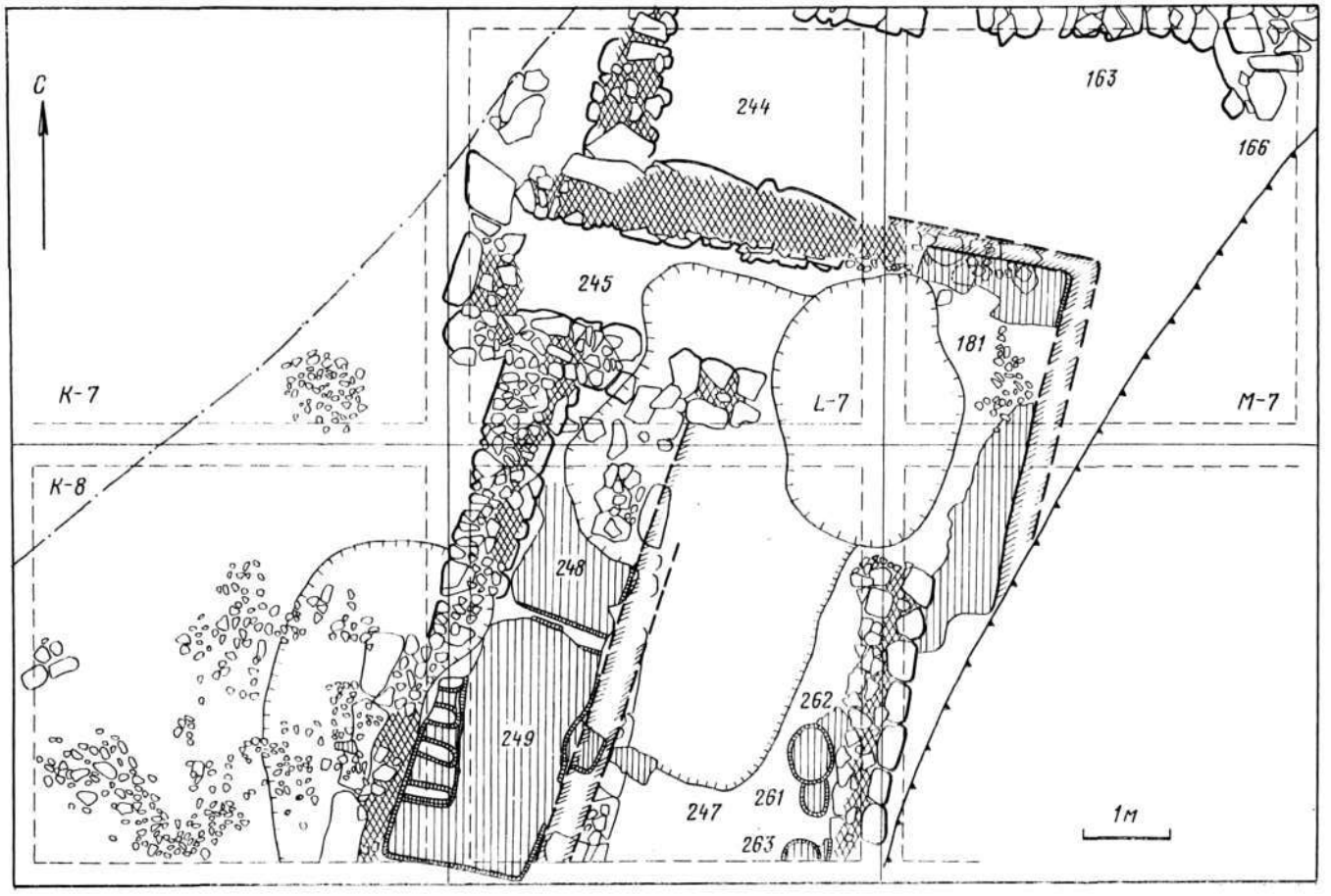

ТАБЛ. 24. Телль Магзалия. План построек горизонта 15в (линии квадратов 7, 8)

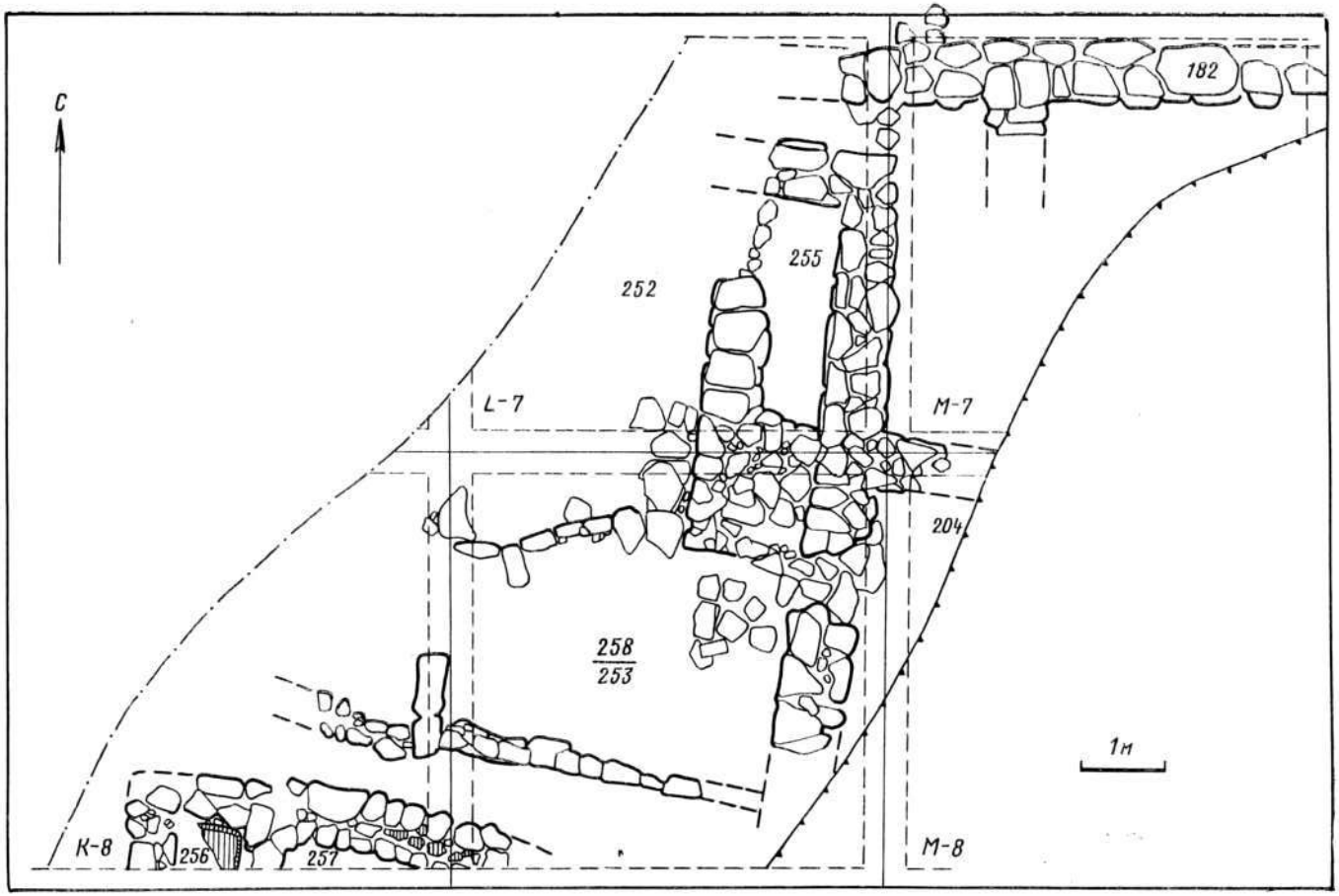

ТАБЛ. 25. Телль Магзалия. План построек горизонта 16 (линии квадратов 7, 8)

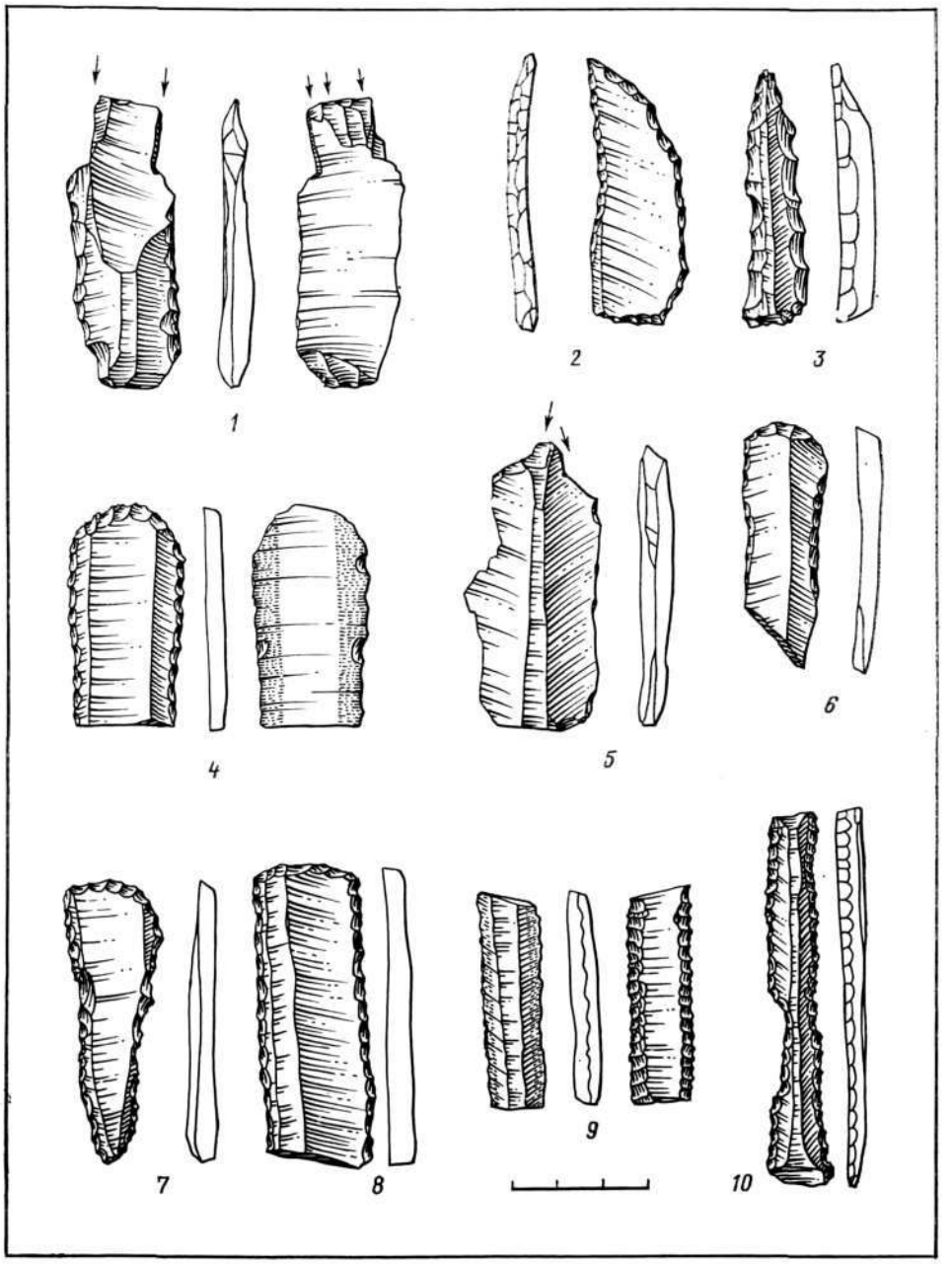

ТАБЛ. 26. Телль Магзалия. Кремневые и обсидиановые орудия (*1–10*)

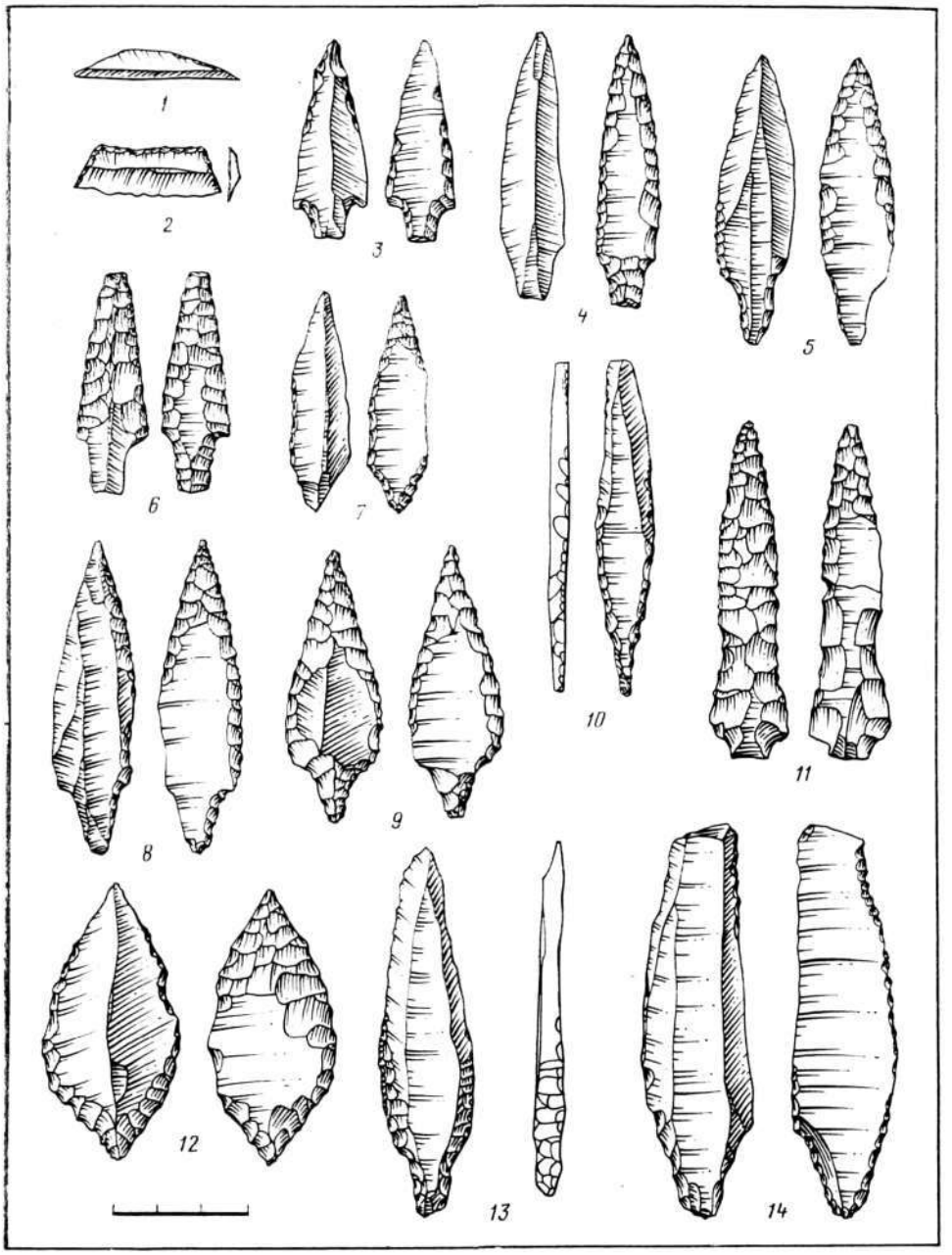

ТАБЛ. 27. Телль Магзалия. Геометрические вкладыши и кремневые наконечники стрел (*1—14*)

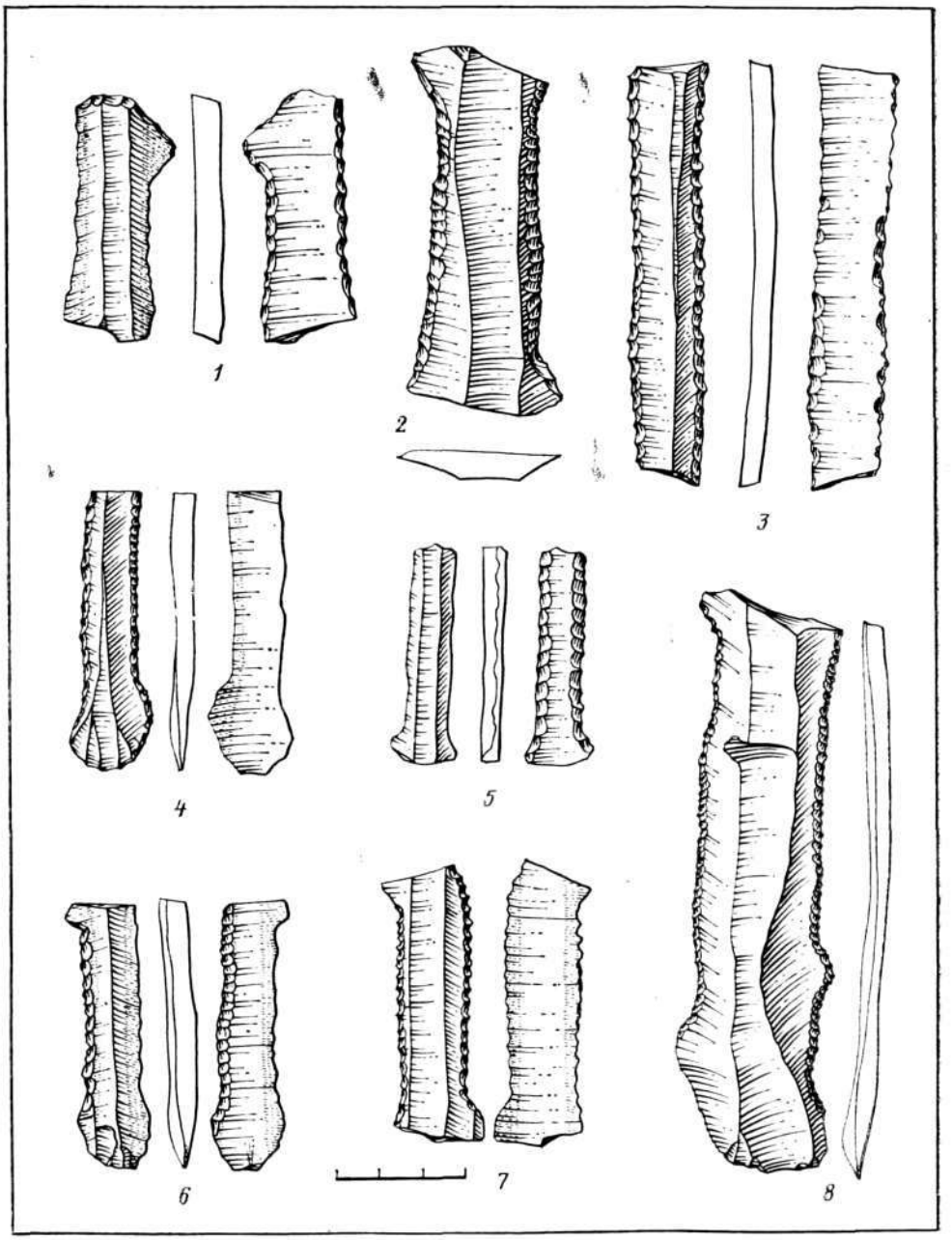

ТАБЛ. 28. Телль Магзалия. Жатвенные ножи и стребки из обсидиана (*1–8*)

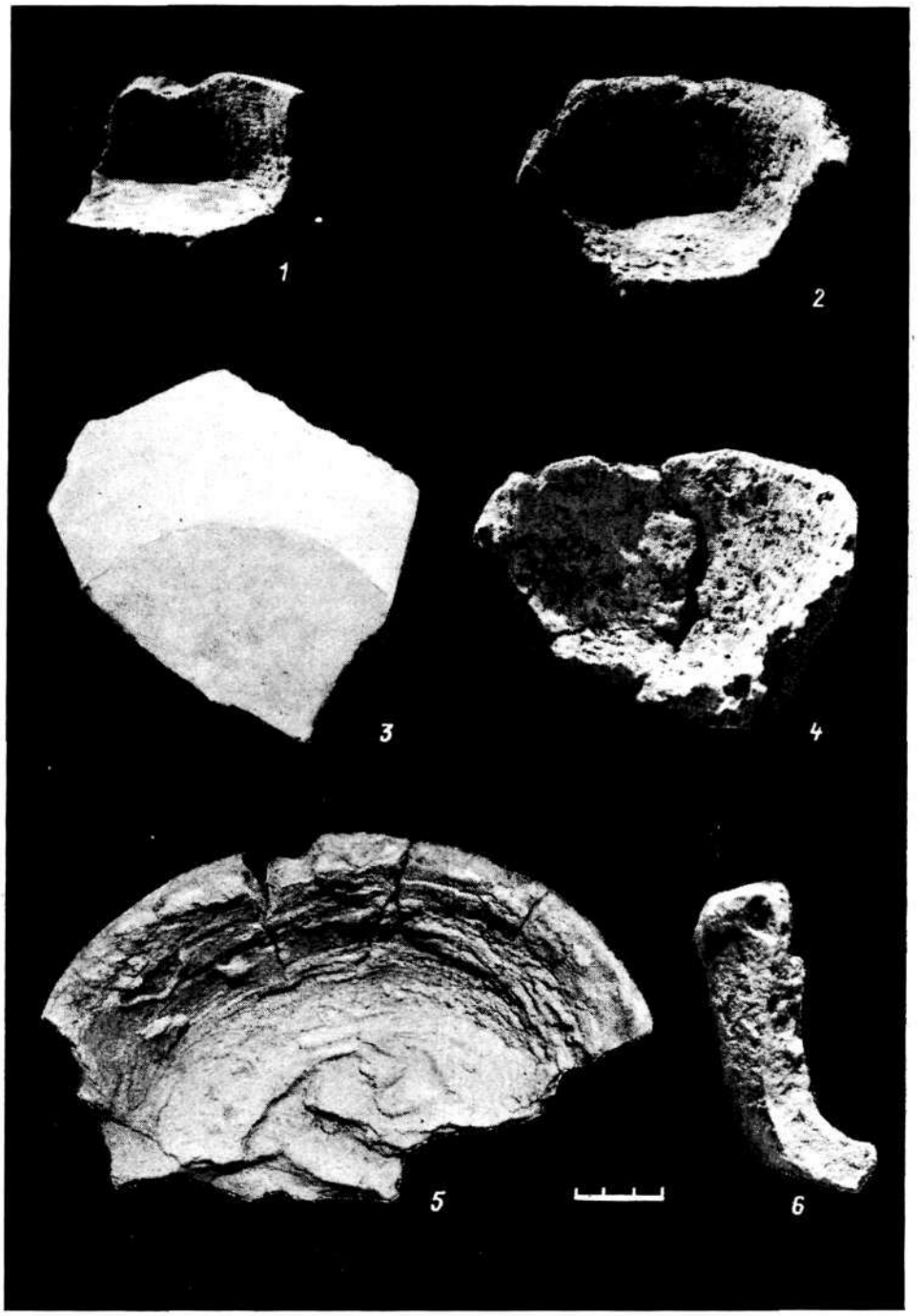

ТАБЛ. 29. Телль Магзалия. Обломки гипсовых и мраморных сосудов (*1–6*)

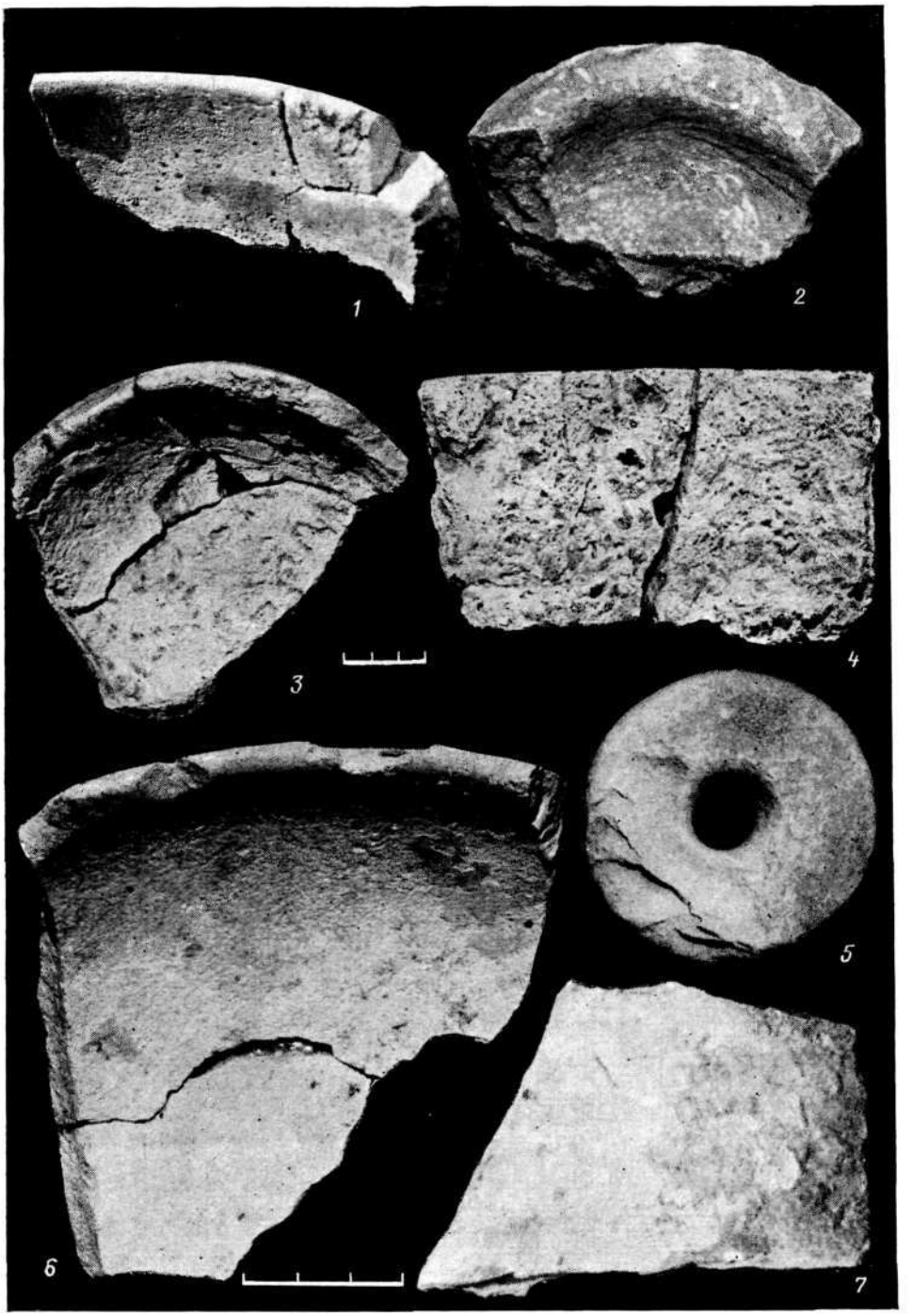

ТАБЛ. 30. Телль Магзалия. Обломки гипсовых и каменных сосудов, каменная булава (*1–7*)

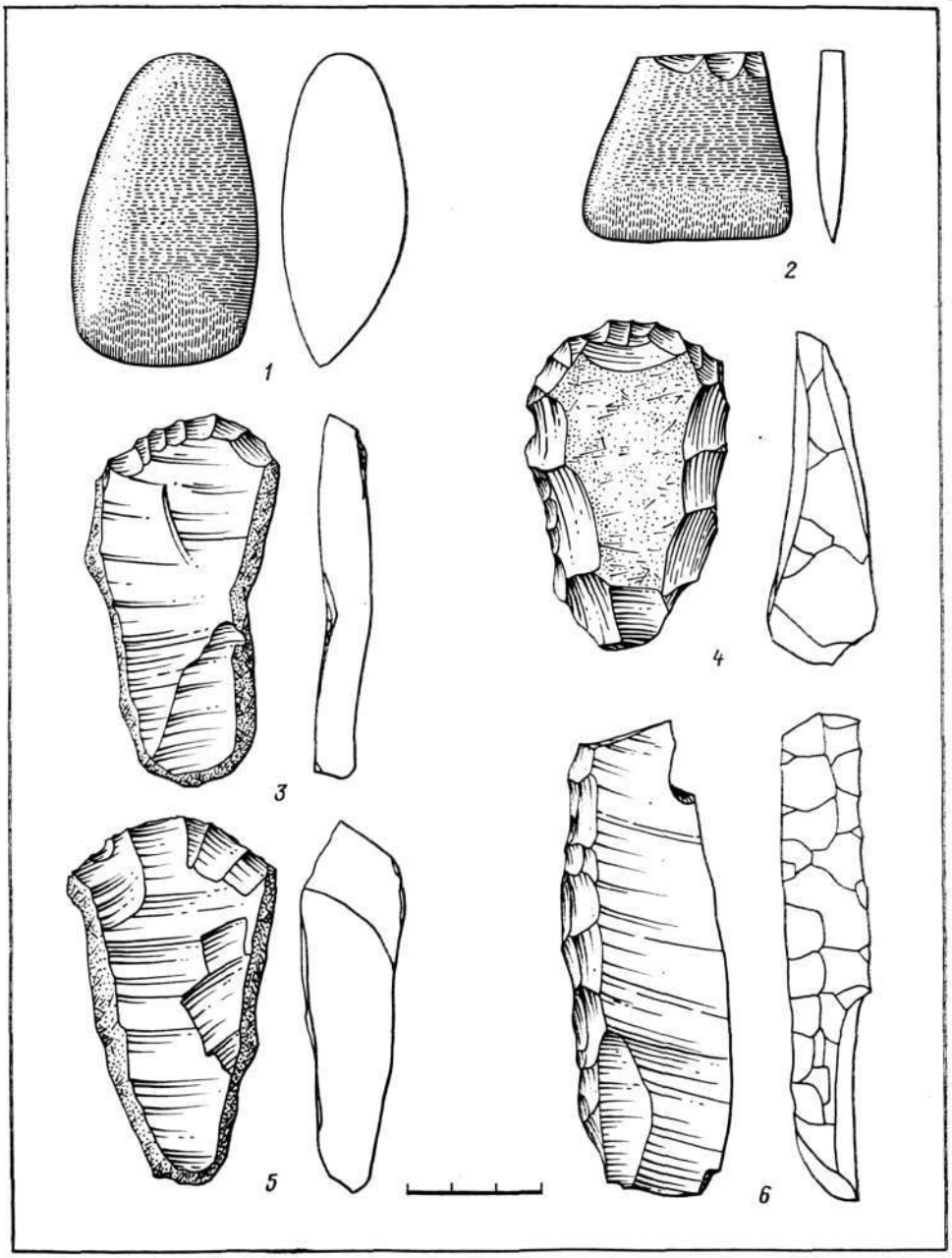

ТАБЛ. 31. Телль Магзалия. Кремневые шлифованные топоры, каменный терочник и утяжелители (*1–6*)

ТАБЛ. 32. Телль Магзалия. Костяные шилья (*1–14*)

ТАБЛ. 33. Телль Магзалия. Костяные лощила (*1—10*)

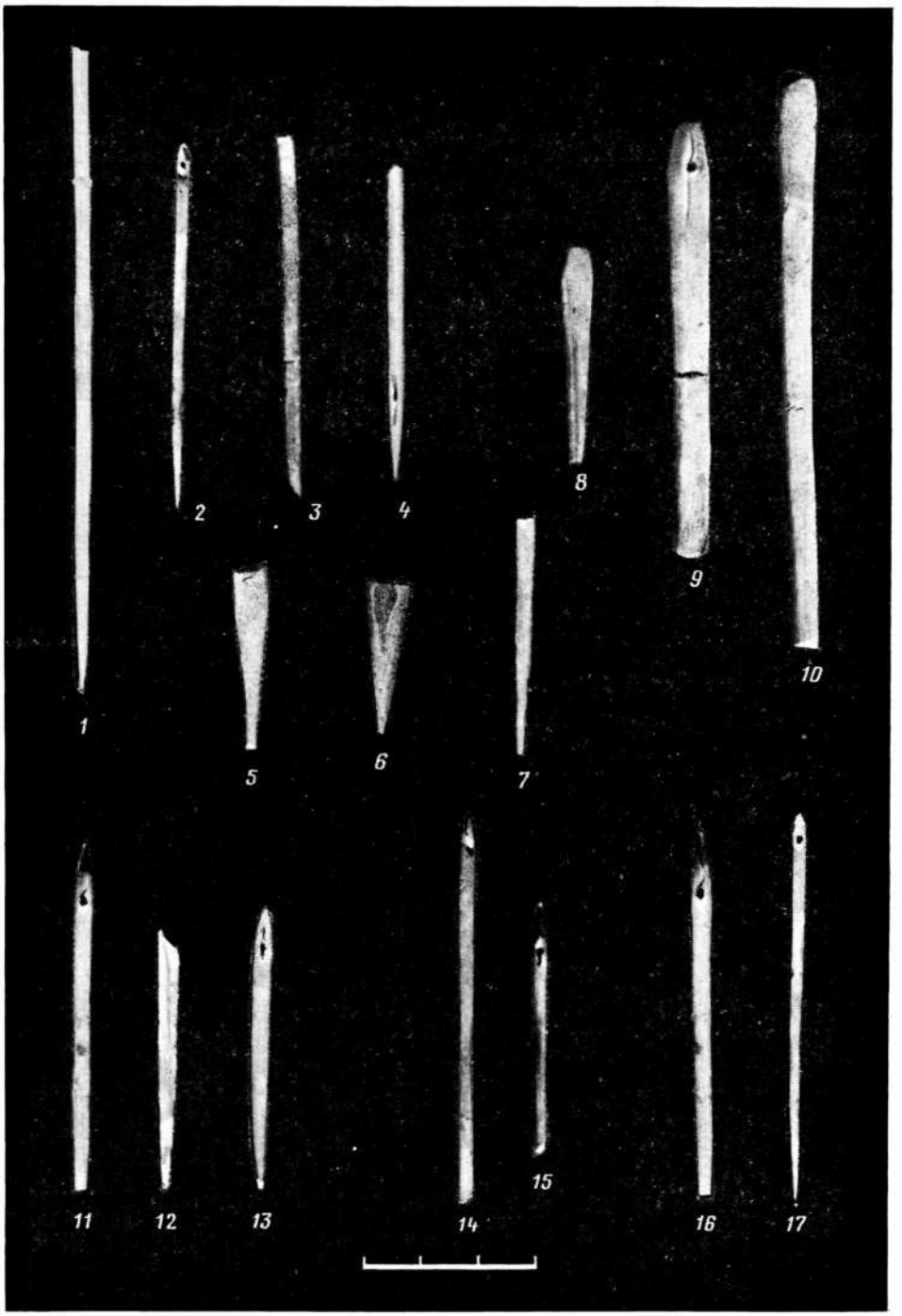

ТАБЛ. 34. Телль Магзалия. Костяные иглы с ушком (*1—17*)

ТАБЛ. 35. Телль Магзалия. Трубчатые кости с обрезанными эпифизами, резьба по кости (*1—15*)

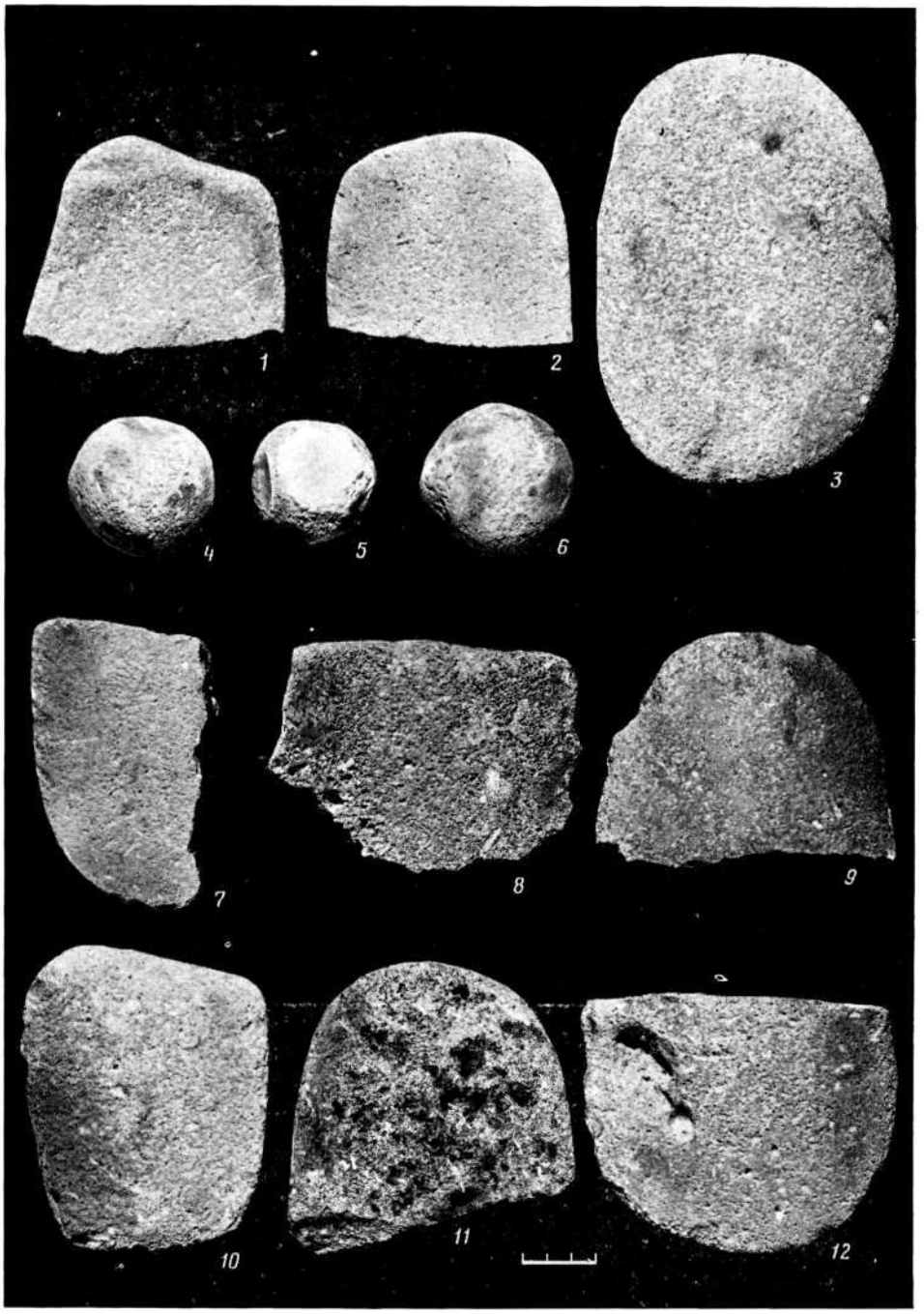

ТАБЛ. 36. Телль Магзалия. Базальтовые зернотерки и терочники (*1–12*)

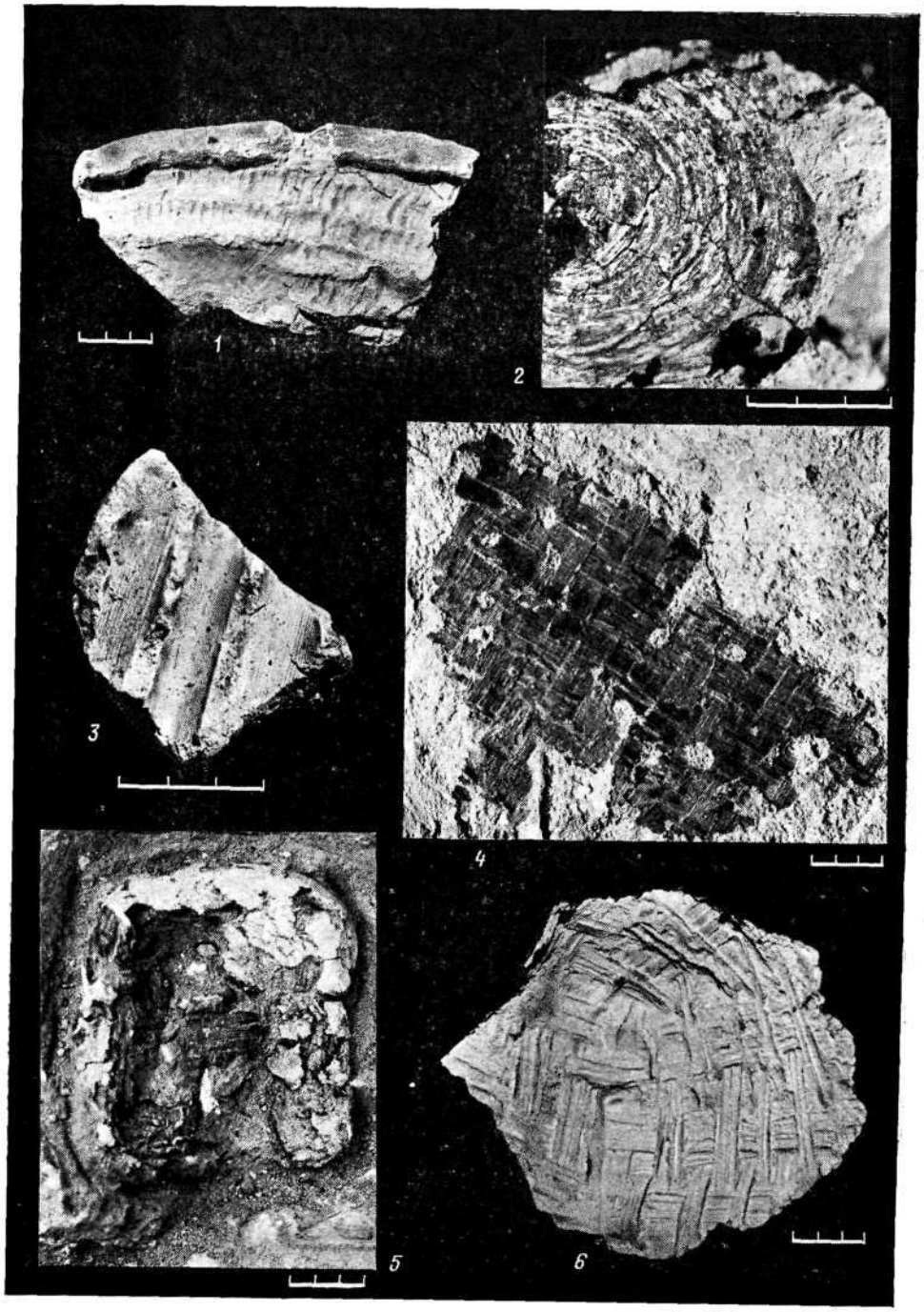

ТАБЛ. 37. Телль Магзалия. Отпечатки плетений (*1–6*)

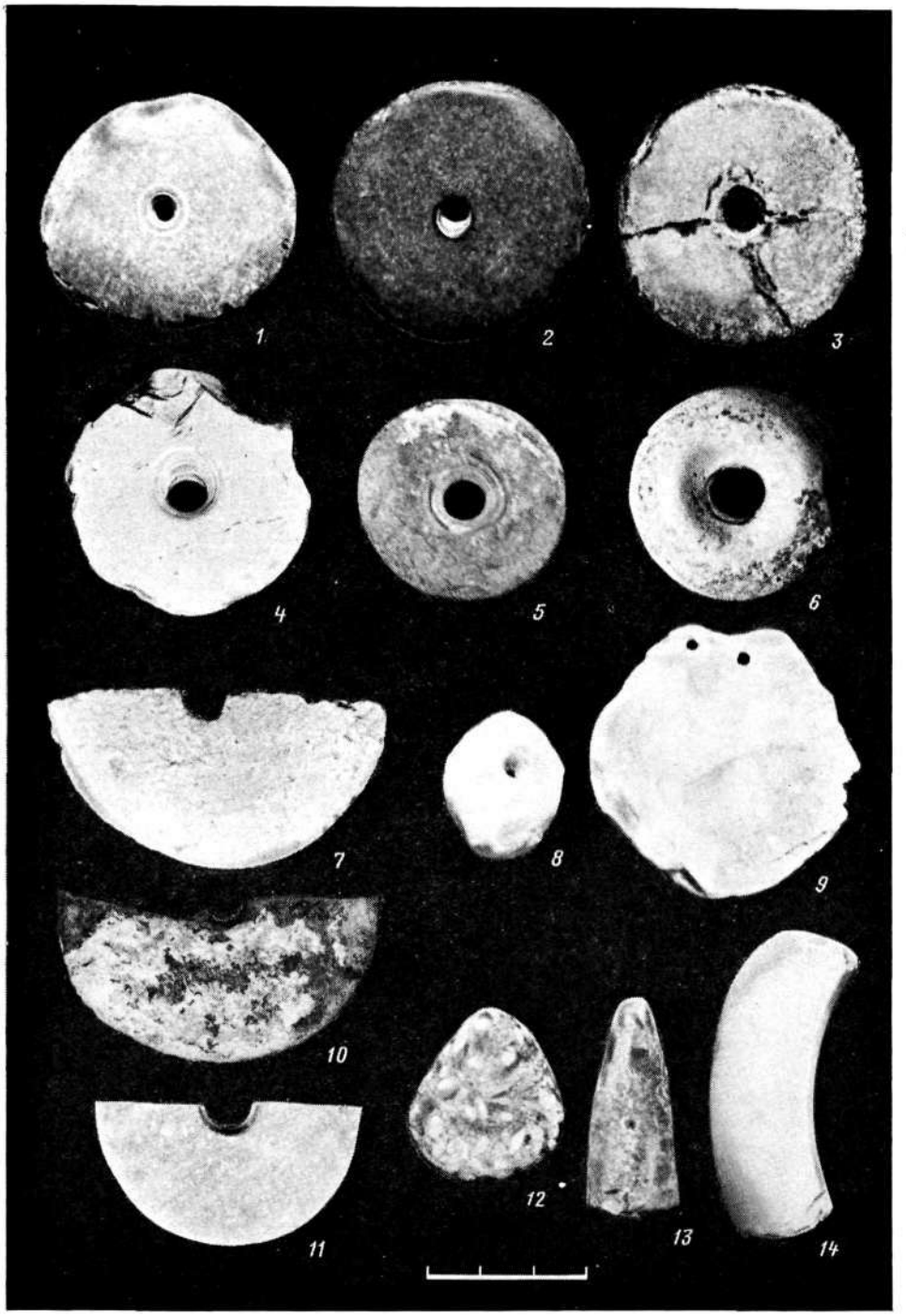

ТАБЛ. 38. Телль Магзалия. Дисковидные подвески из речных галек, заготовки подвесок из галек, пестик из гальки, обломки мраморных браслета и сосуда (*1—14*)

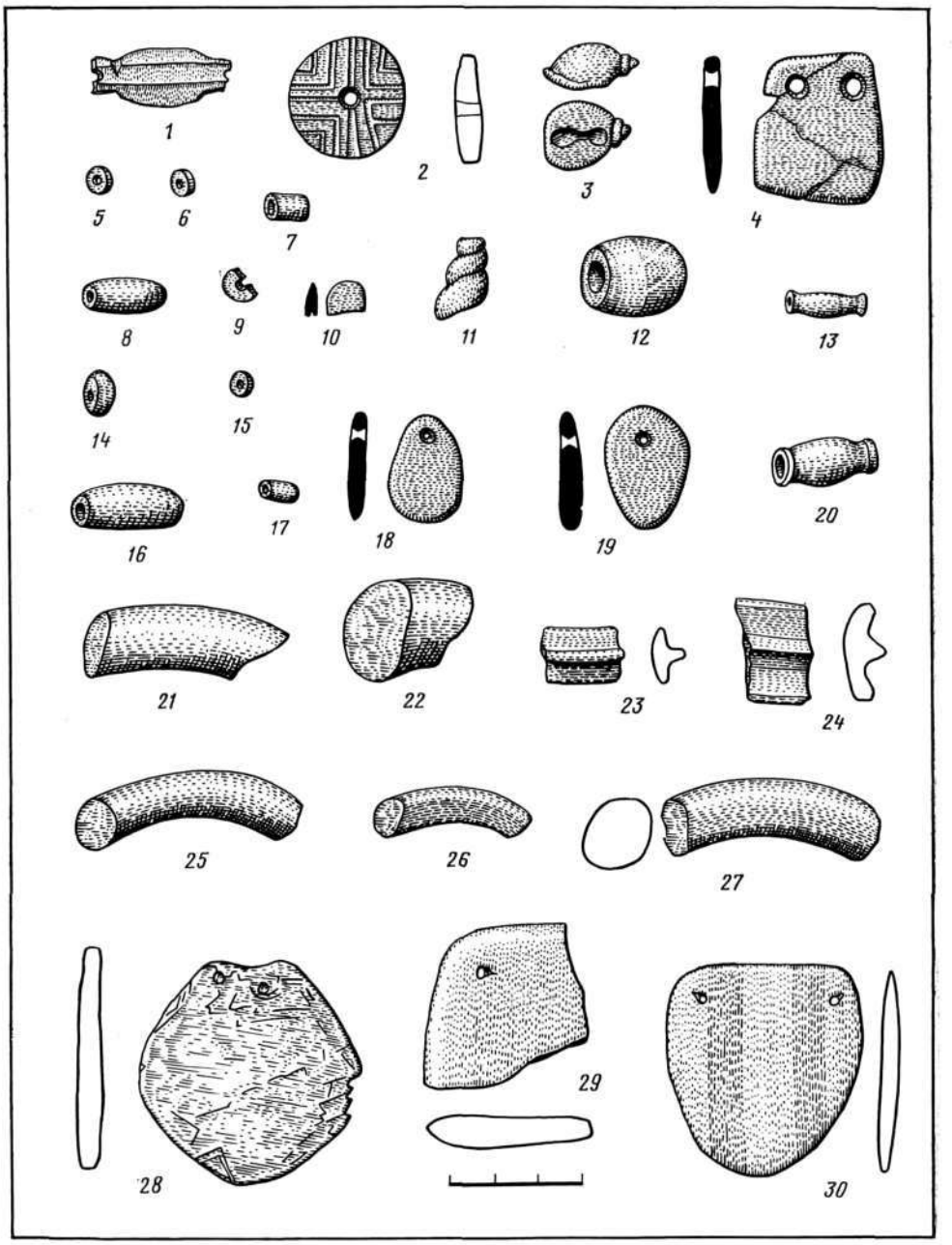

ТАБЛ. 39. Телль Магзалия. Каменные бусы, подвески, печать обломки браслетов и другие поделки (*1–30*)

23, 30 — горизонт 2; ***3, 13, 16*** — горизонт 3; ***12, 15, 18*** — горизонт 4; ***11, 21, 25, 26, 28*** — горизонт 5; ***5, 19, 24*** — горизонт 6; ***2, 8, 9*** — горизонт 7; ***10*** — горизонт 9; ***4, 27*** — горизонт 10; ***22*** — горизонт 12; ***17*** — горизонт 13; ***6, 7, 20*** — горизонт 14; ***14, 29*** — горизонт 16; ***1*** — горизонт 17

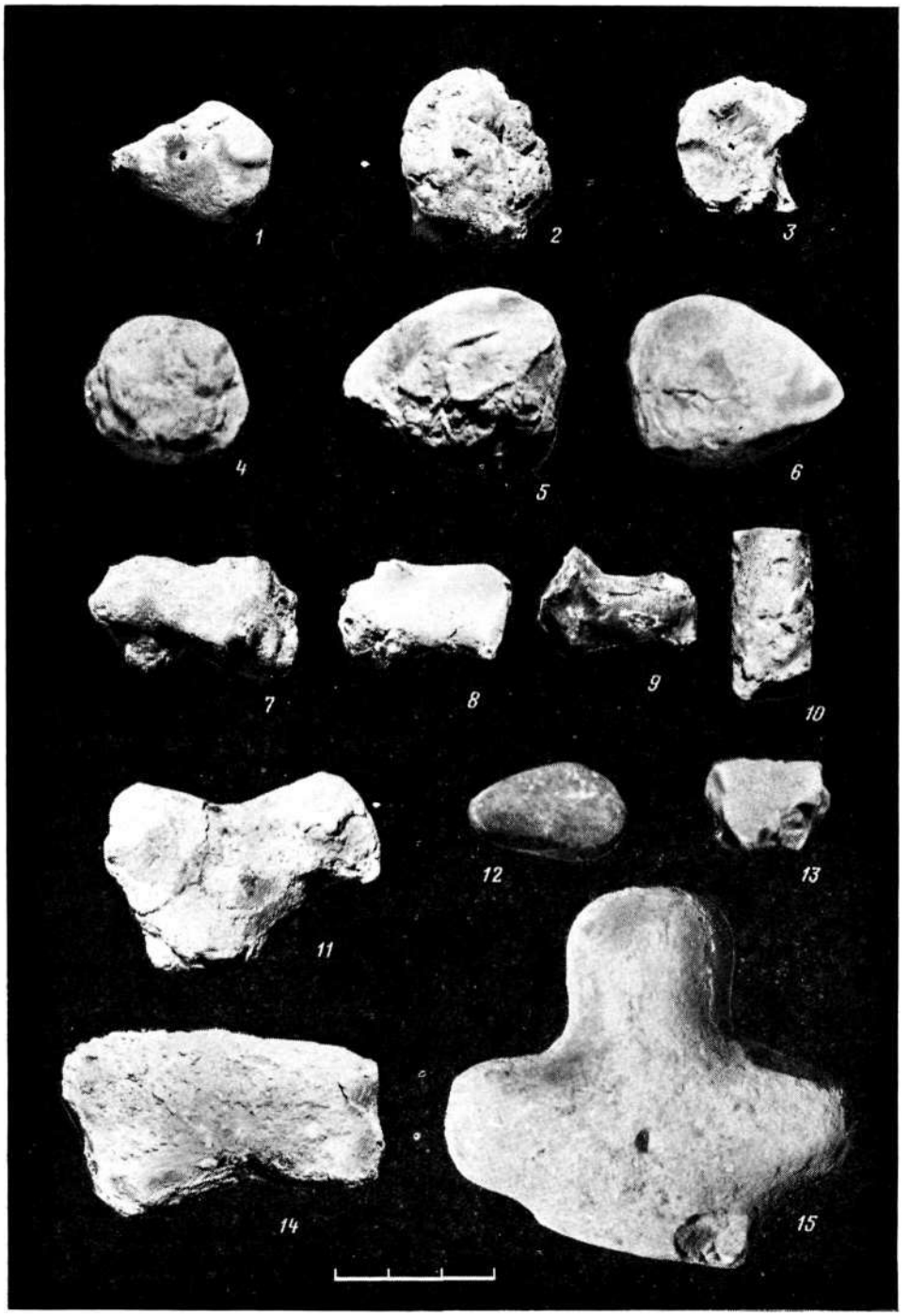

ТАБЛ. 40. Телль Магзалия. Обломки антропо- и зооморфных фигурок из глины и камня (*1–15*)

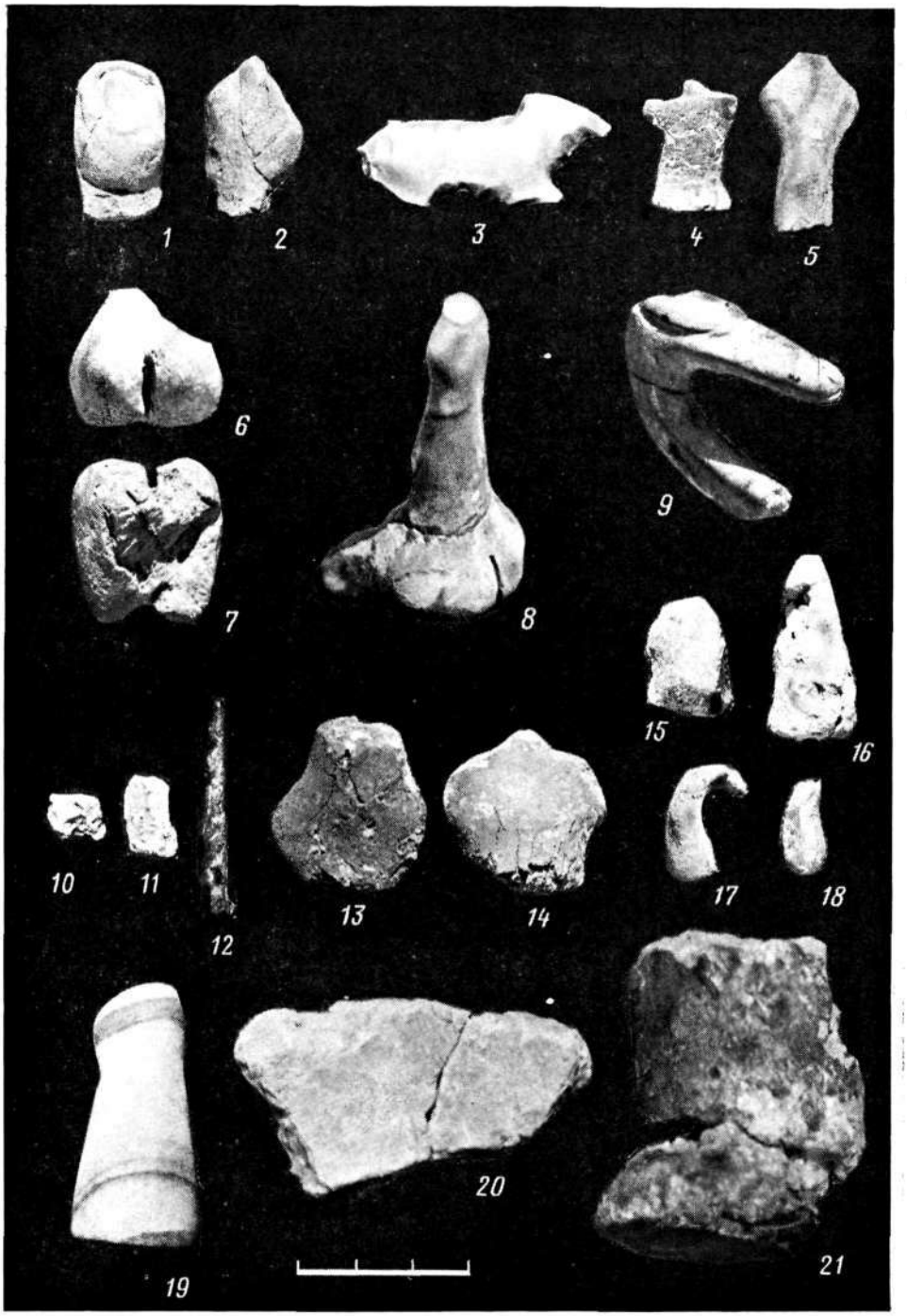

ТАБЛ. 41. Телль Магзалия. Глиняные женские статуэтки, кремневая зооморфная фигурка, медное шило и куски руды, костяная головка газели, мраморный пестик, обломок глиняного сосуда (*1–21*)

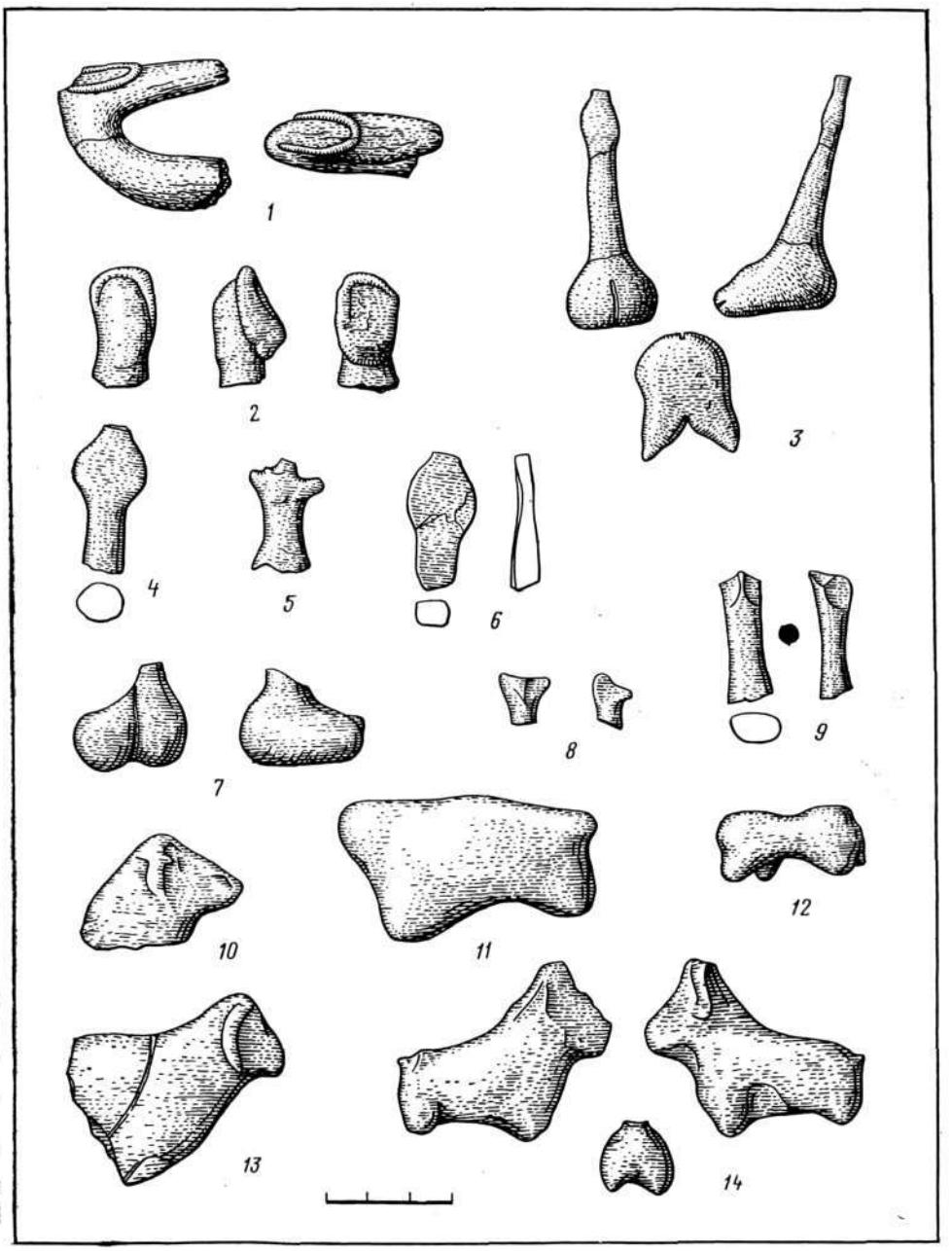

ТАБЛ. 42. Телль Магзалия. Обломки антропо- и зооморфных глиняных фигурок, поделки из глины (*1–14*)

Большое количество обсидиана, высококачественный желтый кремень и медь были принесены на поселение издалека, при этом обмен сырьем был очень интенсивным. На протяжении существования поселения количество обсидиана постепенно сокращается (приложение 7). На первом этапе (горизонты 1—5) обсидиановые орудия труда и отходы производства составляют почти три четверти коллекции; в средней части толщи (горизонты 6—12) — около двух третей; на поселении за стенами количество кремня и обсидиана сравнивается, а начиная с 14 горизонта кремень начинает преобладать.

Поселение возникло на традиционных путях обмена сырьем, во всяком случае обсидиана больше всего в нижних слоях, с момента его основания. Строительство оборонительной стены и сильное сокращение количества обсидиана могут быть связаны между собой и объяснены конфликтами из-за сырья, а запустение памятника — нарушением сложившихся торговых путей.

Важно определить источники сырья. К. Ренфрю провел выборочные анализы обсидиана с нескольких поселений Загроса [1]. Массовый материал расчленен по цвету. На памятниках преобладал серый или черный и зеленый обсидиан. В Загросе до сих пор не известно месторождений обсидиана. Скорее всего, он распространялся из нескольких месторождений в районе озера Ван, в Восточной Анатолии. Источником зеленого обсидиана может быть вулкан Немрут у его западного берега, или хребет Бингель, приблизительно в 100 км к северо-западу. Серый и черный обсидиан точно не идентифицирован. Судя по ореалу распространения на археологических памятниках, он может происходить из района к востоку от озера. В телль Шимшаре (слои 9—16) обсидиан составляет 87,6% от кремневых изделий, в том числе зеленый — чуть больше 20%, серый — 80% от общего количества. На памятниках, расположенных восточнее, обсидиана меньше. Лишь в тепе Гуране его 63%, в Джармо — всего 36% [2]. Обсидиан из телль Магзалии химически не проанализирован. Во всех слоях абсолютно преобладает черный прозрачный обсидиан. На свету он может быть определен и как темно-серый или дымчатый. Вся коллекция очень однообразна. Зеленый обсидиан нами не был выделен. Нет разноцветного, непрозрачного или коричневого обсидиана. Обсидиановые орудия из Шимшары, выставленные в багдадском музее, по внешнему виду неотличимы от найденных на Магзалии.

По-видимому, обмен сырьем обычно осуществлялся между родственными племенами. Во всяком случае, он неизбежно сопровождался заимствованиями и, в конечном счете, вел к сближению культур. Чейеню Тепеси находится недалеко об обсидиановых месторождений Немрутдага и совсем близко от медных рудников Эргани Маден. Естественно предположить, что культурные контакты Магзалии и Чейеню сопровождались импортом сырья. Однако можно допустить обмен сырьем и между удаленными разнокультурными группами, или существование общего источника за пределами их расселения. К сожалению, источники обсидиана Чейеню точно не определены. Ссылаясь на работы геологов, Р. Брейдвуд и Х. Чембел констатируют, что выходы обсидиана в Восточной Анатолии исследованы совершенно недостаточно [3], и для их выявления необходима постановка специальных работ [4].

Детальный анализ медного шила из Магзалии совершенно неожиданно показал, что использованная для него медь происходит не из Эргани Маден, а из далекого месторождения Талмеси в Иране (приложение 5).

Медь из Талмеси использовалась в Али Кош, культура которого имеет некоторые аналогии в Джармо и заметно отличается от культуры Магзалии.

Быструю смену фауны на Магзалии также трудно объяснить простым преемственным развитием хозяйства или какими-то природными явлениями (приложение 3). Маловероятно, что на первом периоде существования поселения человек охотился преимущественно на онагра, а на втором — на диких баранов и коз. Онагр мог временно откочевать, но вряд ли его поголовье вообще сократилось так резко. Скорее, быстрая и необратимая смена фауны произошла в результате распространения домашних животных. При этом трудно допустить, что одомашнение произошло на месте за время накопления 5—6 культурных горизонтов. Вывод о заимствовании домашних животных представляется вполне вероятным, заслуживает серьезного внимания и требует самой тщательной проверки.

Все эти незначительные на первый взгляд наблюдения помогают проследить далекие и разнообразные связи обитателей телль Магзалии с соседними территориями Тавра и Загроса.

[1] *Renfrew C.* Tell Shimshara and the Trafic in Obsidian // Mortensen C. Tell Shimshara. The Hassuna Period. Kobenhavn. 1970. P. 139—144.

[2] Ibid. P. 140, 141.

[3] *Gale N. H.* Mediterranean Obsidian Source Characterization by Strontium Isotope Analysis // Archaeometry. 1981. N 23. P. 41—51.

[4] *Braidwood L. S., Braidwood R. J.* Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eight millennium B. C. site at Çyaönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains // BAR. Oxford. 1982. V. 138. P. 12.

III

ПРОТОХАССУНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ СОТТО И КЮЛЬТЕПЕ НА ПОДГОРНОЙ РАВНИНЕ СИНДЖАРА

*

В результате разведок в радиусе 10 км вокруг базы экспедиции в Ярым тепе было открыто 10 небольших хассунских памятников. На вершине холма на поверхности обычно преобладала архаическая хассунская керамика, на склонах и у его подошвы, в основании отложений, встречался необычный и еще более архаичный материал хассунского облика. Четко расчленить подъемный материал помогли широкие раскопки одного из вновь открытых памятников — телль Сотто, а контрольные раскопки на Кюльтепе подтвердили сделанные наблюдения. Все эти материалы позволили выделить и исследовать на подгорной равнине Синджара новую группу протохассунских памятников, предшествующих известной ранее культуре архаической хассуны.

ТЕЛЛЬ СОТТО

Поселение находится в 3 км к западу от Ярымтепе. Азимут на холм с вершины Ярымтепе II составляет 98°30′. Холм возвышается над равниной всего на 2,5 м, имеет пологие склоны и целиком распахивается. Его общая площадь вместе с пологими склонами составляет 3500 кв. м (50 × 70 м), центральная его часть занимает не более 2000 кв. м, однако в каждый период своего существования поселение было значительно меньше (рис. 22). По плану можно определить, что хассунское поселение на вершине холма занимало не более 500 кв. м. Древнейшее поселение с конструкциями (слой 2) расположено под восточной полой телля. Под вершиной холма этот слой почти целиком выклинивается и не содержит построек. На север и восток оно также не уходило далеко за границы раскопа. Осталась невскрытой площадь на кв. 16—17. Была исследована центральная часть древнейшего поселения. Его площадь вряд ли превышала 500—600 кв. м. Общая мощность культурного слоя достигает 2,5 м. Ямы, вырытые в материке, с его поверхности уходят еще глубже.

Исследована восточная половина телля (рис. 23). В западной части холма на поверхности вместе с архаической грубой чаще встречалась стандартная хассунская керамика. Более крутой восточный склон был меньше нарушен перекопами. Можно было ожидать, что именно здесь было древнейшее поселение. Так оно и оказалось в действительности.

За нулевую отметку принята точка на вершине холма в юго-западном углу кв. 10, которая почти точно совпадает с действительной вершиной телля. Вся документация велась на основе квадрата 2,5 × 2,5м.

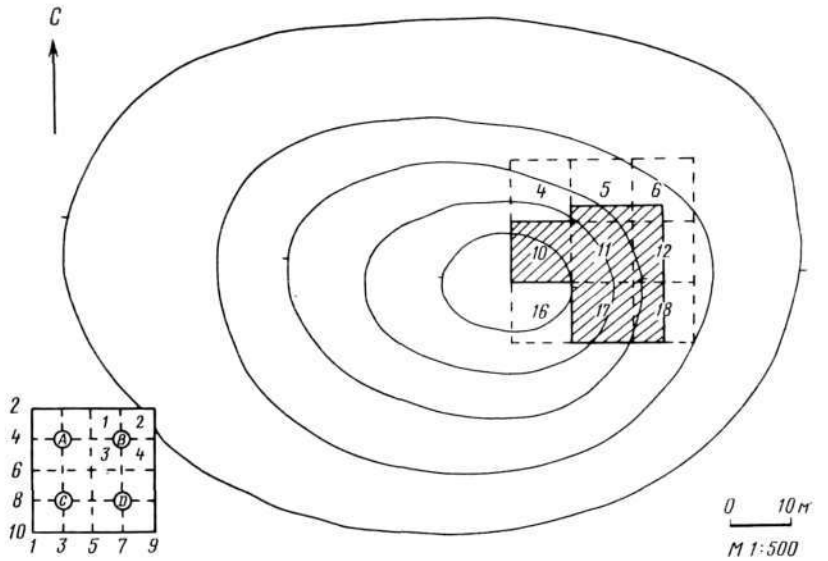

РИС. 22. План. холма телль Сотто. Пунктиром показана сетка квадратов. В левом углу дана схема квадрата 10×10 м и нумерация разрезов на квадрате

РИС. 23. Телль Сотто. Момент раскопок

Работы складывались следующим образом. В 1971 г. заложена ступенчатая траншея на восток от вершины холма. Минимально нарушая памятник, она дала представление о его стратиграфии, архитектуре и характере материала. В 1973 г. траншея расширена в небольшой раскоп на кв. 10 и 11. В 1974, 1975 гг. площадь раскопа доведена до 475 кв. м, весь раскоп исследован до материка. В итоге работ изучены центральная часть древнейшего протохассунского поселения и стратиграфия перекрывающих хассунских слоев.

СТРАТИГРАФИЯ, АРХИТЕКТУРА И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ

Судя по отсутствию стерильных прослоек в культурной толще, в заселении телля не было длительных перерывов. Вместе с тем на исследованной площади несколько раз сменялись все постройки, что могло сопровождаться кратковременными запустениями. Выделено восемь культурных горизонтов. Каждый из них объединяет комплекс синхронных или постоянно сменяющих друг друга построек. Периоды внутри горизонта связаны с частичной перестройкой. Границы между горизонтами определены по полной смене построек. Мощность их различна. Горизонты 3 и 7 выделены по отдельным постройкам, горизонты 4, 5, 6 включают минимум по две постройки. Лучше других исследованы горизонты 1 и 2 (рис. 24—29, табл. 43—45).

Первый (нижний) культурный горизонт условно объединяет около десяти древних ям (табл. 46). Часть из них явно предшествовала постройкам, однако связанный с ямами культурный слой был нарушен при постройке первых домов (горизонт 2), и их точная стратиграфическая увязка трудна. Все ямы выкопаны в материке с его поверхности, но не все были строго одновременны. Ямы 17, 8, 9 нарушали друг друга. Ямы 10 и 11 прямо перекрыты домом 29, а ямы 9 и 17 — постройкой 57. Остальные расположены вокруг построек, а яма 14 прямо связана с ними в плане. Из ям могли брать глину на строительство домов. Судя по остаткам, назначение их было различным. Яма 12 и большая яма 19 с интенсивным гумусно-углистым заполнением могли быть жилыми, однако кухонных очагов в ямах не найдено. Судя по остаткам керамических шлаков, яма 10 служила для обжига керамики. Яма 14 заполнена жилым мусором второго периода. Хозяйственные ямы 7, 14, 23 прямо связаны с постройками.

Коротко охарактеризуем каждую из ям. Яма 21 (квадраты 5, 6, глубина —260—310 см) почти круглая, диаметром 1,5 м и глубиной 0,5 м, с вертикальными стенками и плоским дном, заполнена однородным суглинком с примесью гумуса, перекрыта зеленоватым гумусом, лежащим на поверхности материка. Яма 22 (кв. 5, 6, глубина —260—310 см) частично нарушает яму 21 с крутыми стенками и плоским дном. В заполнении прослежено два уровня гумуса, верхний слой связан с выбросами из дома 101.

Ямы 17, 9, 8 последовательно сменяли друг друга. Яма 17 (кв. 10, глубина —255—300 см) круглая, с пологими стенками и плоским дном, заполнена однородным суглинком с примесью гумуса, нарушена ямой 9. Яма 9 (кв. 10, глубина —350 см) состоит из двух частично совмещенных круглых ям диаметром 2 и 2,5 м. Стенки ям пологие, дно круглое, обе заполнены перемежающимися слоями гумуса, золы и суглинка с боль-

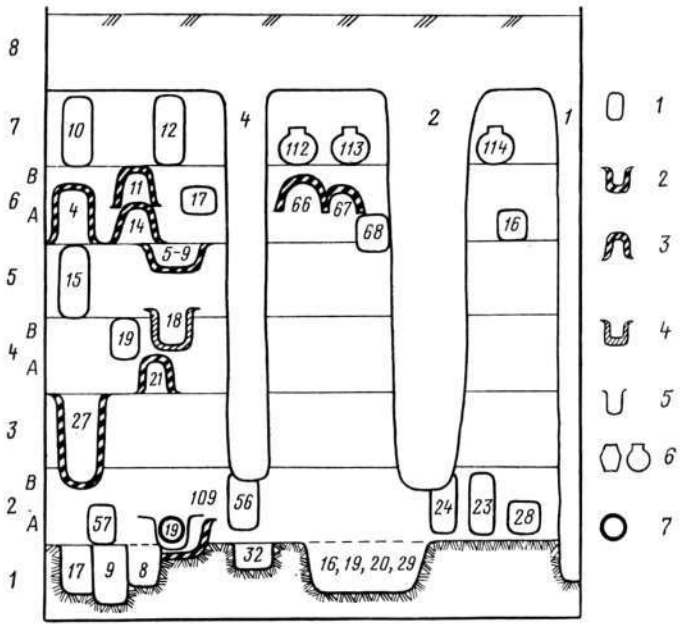

РИС. 24. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 10

1 — глинобитные стены; *2* — очажные ямы; *3* — печи; *4* — ямы, обмазанные гипсом; *5—6* — крупные сосуды; *7* — погребения

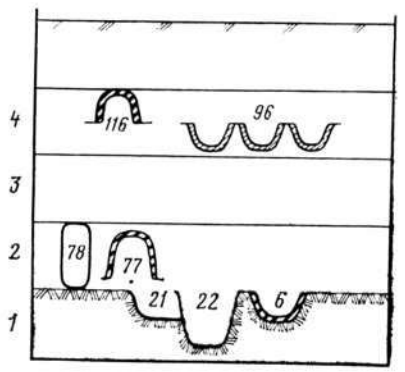

РИС. 25. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадратов 5, 6

шим количеством керамики. Яма прорезает очажную яму 58, также выкопанную в материке, и сама нарушена ямой 8. Сверху ее перекрывает стена 57 (горизонт 2).

Яма 9 (кв. 10, глубина —280—350 см) перекрыта стеной 57 и очагом 109, однако основание стены и поверхность материка в этом месте разделяет тонкий гумусный слой. Он может быть сопоставлен как с поверхностью ям первого горизонта, так и с низами жилых домов второго горизонта. Также могут быть датированы ямы 16 и 29. *Яма 16* (кв.10, глубина —255—295 см) круглая, диаметром около 1,6 м и глубиной 30 см, имеет пологие стенки и круглое дно, заполнена гумусом и перекрыта культурными слоями второго горизонта. *Яма 29* (кв. 10, глубина —255—300 см) залегает в аналогичных условиях. *Яма 32* (кв. 10, глубина —260—300 см) перекрыта стенами 56 (горизонт 2) и явно предшествует им. Диаметр ямы 1,6 см, стенки пологие, дно плоское. Заполнение состоит из переслаивающихся гумусных линз с обломками грубой кухонной посуды. Ямы 19 и 20 (кв. 10, глубина

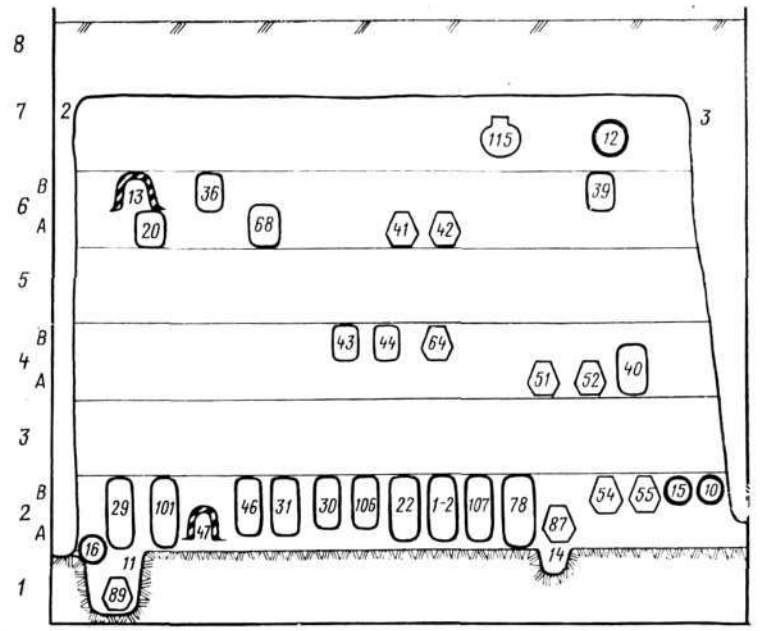

РИС. 26. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 11

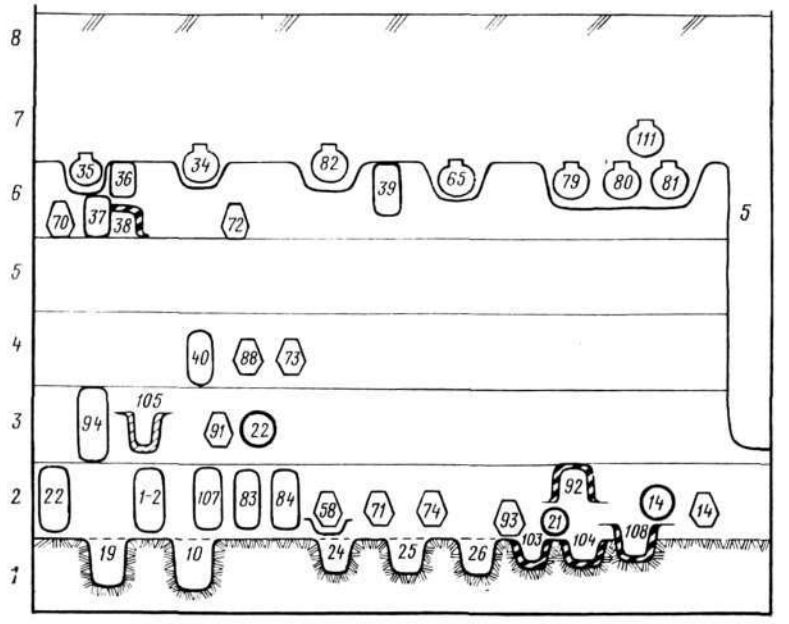

РИС. 27. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 17

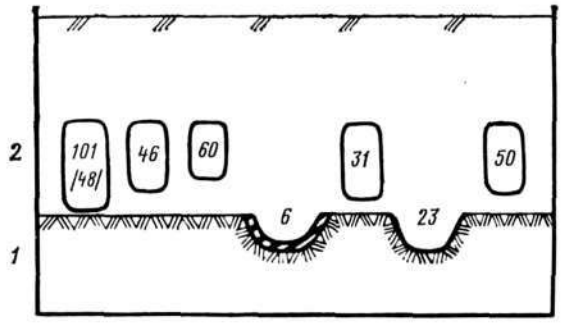
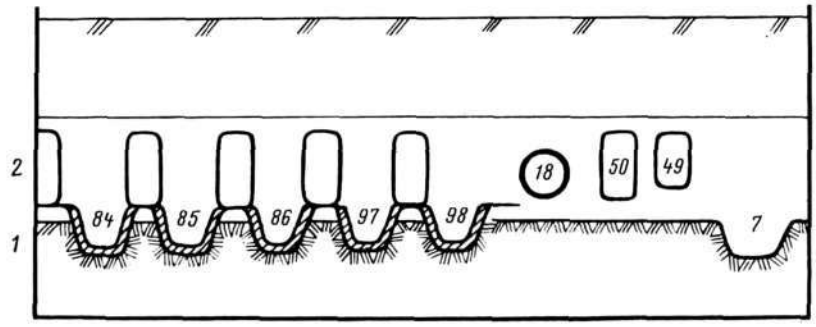

РИС. 28. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 12

РИС. 29. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 18

—270—340 см) смыкаются и одновременны. Пологие стенки плавно переходят в поверхность материка. Суглинистое заполнение делится гумусными и золистыми линзами.

Яма 11 (кв. 11, глубина —280—380 см) прямо перекрыта стенами жилого дома 29 и предшествует ему. Вместе с тем при строительстве дома она была заполнена еще не целиком. Мягкое гумусное ее заполнение продолжало оседать под стенами дома, которые сползли в яму, после чего были усилены. Очаг внутри дома также приурочен к ее краю. Яма почти круглая, диаметром чуть более двух метров, с вертикальными стенками и плоским дном. С севера верхний край ее разрушен или выбран. Она целиком заполнена аморфным гумусом. В придонной части на всей площади ямы прослежено две линзы зеленого гумуса, разделенные тонкой глинистой прослойкой. В гумусных линзах много обломков грубой керамики. Прямо на дне стоял большой ребристый сосуд 89 и около него несколько обломков терочных камней. Яма могла быть жилой, а впадина с севера— служить входом. Зеленоватые слои гумуса, аналогичные гумусным линзам на дне ямы, распространены по поверхности материка на кв. 11 и уходят под стены бассейнов 83, 84 на кв. 17, вокруг ямы они были перекопаны при строительстве дома. Средняя часть ямы заполнена мусором. Очаг в доме 29 выкопан в мягком заполнении ямы.

Яма 10 (кв. 17, глубина —270—370 см) перекрыта глинобитной стеной, подмазанной к внешней стене дома 29. В плане яма хорошо вписывается в пространство между стенами 29 и 107. В средней и верхней части заполнения ямы прослежены слои зеленоватого гумуса, аналогичного гумусу под основанием стены 107 и соседних бассейнов 83, 84. Яма могла быть вырыта до строительства дома 29 и комплекса бассейнов, однако оставалась и при них. Если яма 11 под домом 29 явно ему предшествует,

то яма 10 может частично с ним сосуществовать. Точно сопоставить их в перекопанном слое не удалось. Площадь ямы 4 × 4,5 м, стенки прямые, почти вертикальные, дно разделено на две части глиняным валом высотой около 40 см. На дне большей из них сделано еще несколько ямок. Создается впечатление, что в яме добывалась глина. Придонная часть обеих ям заполнена интенсивными углисто-золистыми слоями мощностью до 50—60 см и сильно обожжена. В золе найдены несколько кусков керамического шлака и ошлакованные черепки толстостенных грубых ребристых сосудов. По-видимому, яма использовалась для обжига глиняной посуды. Средняя и верхняя части ямы заполнена гумусными слоями мусора.

Яма 12 (кв. 17, глубина —280—350 см) вырыта в материковой глине с поверхности материка. Контуры ямы неправильные, стенки пологие, дно неровное. В придонной части яма разделена глинистым валом высотой 40 см. Стенки местами обожжены, заполнение углисто-золистое. Слои зеленоватого гумуса в верхней части ямы смыкаются с гумусом под основанием стены 107. Соседние ямы 10 и 12 по-видимому, одновременны. Из ямы 12 могли брать глину на строительство. Большое количество золы в заполнении, как и в яме 10, позволяет предположить, что она также использовалась для обжига керамики.

Яма 19 (кв. 16, 17, глубина —270—370 см) вырыта в материке с его поверхности. Как и яма 10, она запечатана зеленоватым гумусом. Диаметр ямы достигает 5,5 м, глубина около 1 м, стенки наклонены под 45°, дно прямое. На всю глубину яма заполнена интенсивными углисто-золистыми и гумусными линзами с большим количеством обломков грубой посуды. Судя по характеру заполнения, в яме могли жить.

Ямы 24, 25, 26 частично исследованы в южной и западной бровках кв. 17, все выкопаны в материке с поверхности материка и перекрыты предматериковым гумусом. Трудно судить об их размерах и очертаниях. Яма 25 (—270—320 см) имеет сложную конфигурацию и неровное дно. Северная и южная ее части разделены глиняным валом. Заполнение ямы, с большой примесью гумуса и золы, содержит много обломков грубой кухонной посуды. В придонной части толщи выявлена свита тонких углисто-гумусных слоев. По-видимому, перед нами часть большой ямы с интенсивным заполнением. Яма 26 (—270—300 см) имеет сложную форму и однородное суглинисто-гумусное заполнение. О действительных размерах и заполнении ямы по исследованной части судить трудно. Можно ожидать, что все они занимают значительную часть кв. 16 и 23.

Второй культурный горизонт сохранился лучше всего и богаче других по количеству вскрытых сооружений и находок. Именно он дал яркий протохассунский материал, позволивший выделить памятники типа Сотто как древнейший этап хассунской культуры (рис. 30). В это время на поселении возведены первые постройки. Практически все три жилых дома возведены на поверхности материка и могут считаться одновременными. Тонкие гумусные слои, связанные с предшествующими ямами, были разрушены при строительстве.

Жилой дом 29 (кв. 11, глубина —260—300 см) перекрывает древнюю яму 11. Связанный с заполнением ямы гумусный слой в основании дома сильно нарушен. По вершинам стен дом перекрыт интенсивными гумусными слоями 3—4 горизонтов. Наружные стены 35—40 см толщиной сделаны в технике «тоф». Изнутри стена покрыта несколькими слоями глиняной штукатурки. Так же обмазаны полы дома.

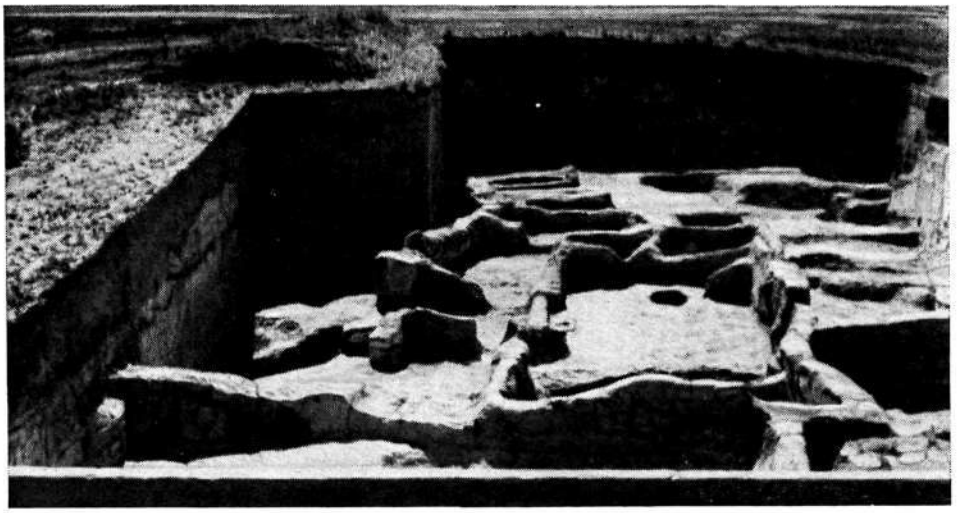

РИС. 30. Телль Сотто. Общий вид западной половины раскопа (горизонт 2)

Дом имеет форму правильного вытянутого прямоугольника с внутренними размерами 7 × 2,1 м, его жилая площадь равна 14,7 кв. м. В северной стене прослежен дверной проем. Удалось расчистить глиняную штукатурку косяков и глиняный пол в основании проема. В западном конце дома в обоих его углах радиальными стенами выгорожены два хранилища для зерна. Вместе с большим количеством обломков керамики в них найдены скопления зерен злаков, а в южном отсеке лежала великолепная зернотерка. До постройки закромов на полах помещения успел накопиться значительный культурный слой. Между стенами закромов и дома прослежены швы. У стены около зернохранилищ стоял большой грубый сосуд из необожженной глины, отгороженный коротким контрфорсом, а перед ним лежал большой обломок зернотерки.

В северо-восточном углу дома двумя стенами выгорожено почти квадратное хозяйственное помещение площадью около метра. Одна из его стенок сделана заодно с наружной стеной и служила подпоркой северной стены уже по первоначальному плану. Вторая имеет шов с внешней стеной. В культурном слое, заполнявшем помещение, было довольно много гумуса, обломков керамики и золы, которая происходила из небольшого очага в восточной части дома. Очаг находился в углублении, образовавшемся на месте древней ямы 11. Наконец, около очага в небольшой яме под полом было сделано захоронение ребенка (погребение 16). Со всех сторон дом окружали хозяйственные площадки и небольшие вспомогательные помещения.

Жилой дом 101 (кв. 10, 12, глубина —215—260 см) сложен из красной глины, отличной от заполняющей толщи. Наружные стены выполнены без швов. В некоторых местах между ее основанием и поверхностью материка зафиксирован тонкий слой гумуса. Дом в плане образует вытянутый правильный прямоугольник с жилой площадью около 20 кв. м. Восточная часть дома была разгорожена на мелкие ячейки-хранилища. В западной половине находилась небольшая круглая печь, пристроенная к внутренней перегородке. Хорошо сохранились устье и сильно обожженный под печи.

В основании обмазки пода была вымостка из мелкой речной гальки. Этот прием характерен для памятников типа Сотто. Встречен он и в телль Магзалии. Судя по сильному наклону стен, печь была сводчатая. В жилом отсеке дома пол сильно утрамбован и покрыт тонкими линзами угля и золы. Дверной проем в южной стене прослежен по обмазкам косяков и пола. Восточная половина дома разгорожена на четыре приблизительно равных прямоугольных отсека. Сначала сделана стена 46 из красной глины. Ее основание лежит на одной глубине с основанием дома, а от наружных стен отделяют швы. Перегородка между ячейками 99 и 61 сделана из зеленоватой глины, а основание несколько выше. Стена между отсеками 100 и 62 имеет сложную структуру. Основание сделано из красной глины заодно с наружными стенами. Верхняя часть вылеплена из зеленоватой глины и имеет шов со стеной. Все стены сделаны в технике «тоф». О хозяйственном назначении отсеков говорит гумусное заполнение с большим количеством обломков керамики.

Первоначально дома 29 и 101 были разделены узким проходом, который затем был перегорожен несколькими поперечными стенами. В проход выходили обе двери жилых домов. После постройки перегородок входы стали обособленными. Восточная перегородка с дверным проемом была поставлена на поверхности —270 см вскоре после постройки жилых домов. Стены 30 и 106 стоят на поверхности —230 см и подстилаются свитой гумусных слоев, накопившихся около домов. Все перегородки сделаны из зеленоватой глины в технике «тоф». Образующие стену слои составляют 5—6 см, красноглиняные прослойки между ними — 1—1,5 см. Различия в цвете глины позволили проследить и вертикальные швы, расстояние между которыми обычно составляет около 85 см. Помещения 30 и 106 разделили коридор на две несообщающиеся половины, а выходы из домов стали обособленными. В дом 101 можно было войти только через тамбур 30 и 31, а в дом 29 — через тамбур 106.

У восточных стен дома 101, перед входом в помещение 31, находилась яма 23. Ее глубина не больше 30 см, стенки пологие. Яма целиком заполнена зеленоватым гумусом. Она хорошо вписывается в пространство между стенами и могла быть перекрыта навесом. Рядом с ней стояла ванна 60 — прямоугольная яма глубиной 20 см, тщательно обмазанная гипсом. Весь этот комплекс за стенами дома мог использоваться для содержания скота.

У северной стены дома находилась очажная яма 6 (кв. 12, глубина —260—295 см), выкопанная в материковом слое с его поверхности. Правильной овальной формы, с наклонными стенками и округлым дном яма прокалена на 2—3 см. Углистое заполнение содержит большое количество обломков керамики, в том числе несколько фрагментов одного грубого ребристого горшка с кнопочными налепами и обломки открытой миски на ножках.

Жилой дом 78 (кв. 5, 11, глубина —200—260 см) стоит на поверхности материка (рис. 31). Скорее всего, все три дома сосуществовали и были связаны единой планировкой. Четыре гумусных слоя общей мощностью 40 см в заполнении дома 78 говорят о длительности его жизни. Стены толщиной 35—40 см сделаны в технике «тоф». Дом имеет форму вытянутого прямоугольника.

В северной части помещения находилась большая печь 77. Она стояла около восточной стены и соединялась с ней коротким контрфорсом. Если предположить, что печь находилась в углу дома, который уходит на нерас-

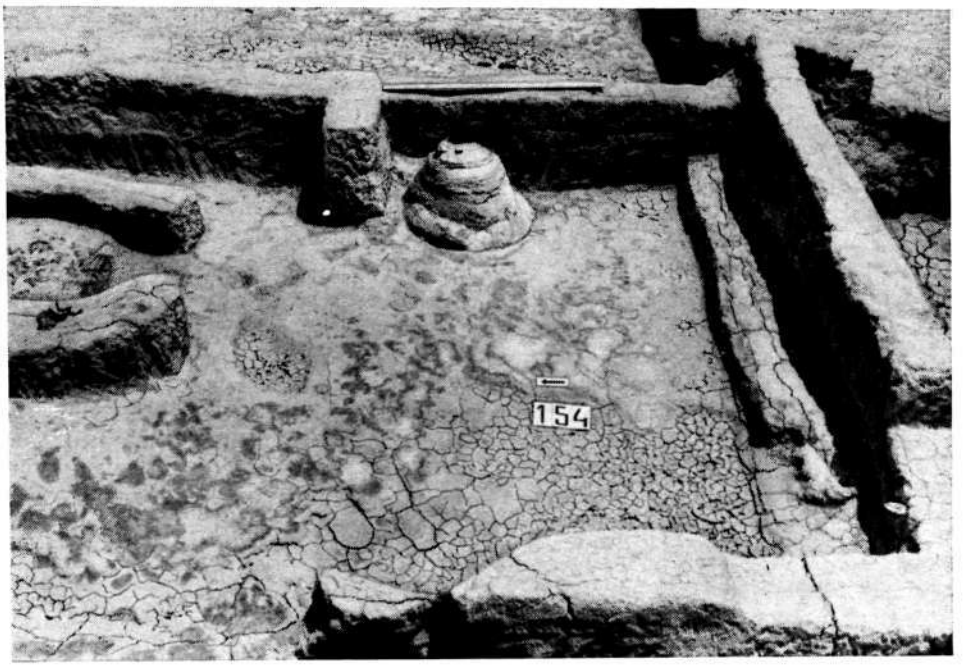

РИС. 31. Телль Сотто. Дом 78 (горизонт 2)

копанную площадь, то его полезная площадь будет равна 11 кв. м. Жилая площадь разделена на две приблизительно равные части двумя короткими, расположенными друг против друга контрфорсами. К южной стене изнутри прислонена невысокая лежанка. Наконец, у восточной стены в пол вкопан большой ребристый сосуд-хранилище (сосуд 67). Стены не штукатурились, пол не подмазывался, однако хорошо утрамбован и перекрыт тонкими интенсивными линзами золы и гумуса.

Печь 77 (в доме 78) имеет в плане необычную форму высокой трапеции. Стены завалены внутрь, очевидно она была сводчатая. В заполнении печи много золы, однако стенки обожжены не сильно. Обмазка пода сделана по вымостке из большого количества черепков. Под печи прямо переходит в пол помещения и составляет с ним единое целое. Сосуд 87 был вкопан в пол помещения 78 на глубину около 30 см (—290 см). Это грубая ребристая корчага-хранилище высотой 54 см и диаметром 59 см, с массивным расплющенным плоским дном (табл. 47). Прямой венчик почти не отогнут. Ребро находится на трети высоты сосуда. Сильный прогиб придонной части мог возникнуть еще до обжига, под тяжестью массивных стенок. Орнамента и налепов по венчику нет. Тесто с примесью соломы. Поверхность черепка шероховатая незаглаженная, обжиг плохой. Сосуд заполнен большим количеством битых черепков, среди которых был тонкий залощенный и покрытый охрой обломок небольшого ребристого сосудика. В сосуде найдено также несколько небольших плоских галек-терочников, камни без следов работы, одна пуля для пращи.

Площадка между домами на кв. 11 занята неглубокой ямой 14, а с запада ограничена двумя большими ребристыми сосудами 54 и 55. Глу-

бина ямы не превышает 50 см. Северная стенка под стеной дома почти вертикальная, южный край пологий. Яма вырыта около домов и заполнена отбросами второго горизонта.

Сосуд 55 (кв. 11) стоял на поверхности —240 см (табл. 47). Никакой ямы вокруг сосуда проследить не удалось. Он находился в однородной глинистой забутовке. Напротив, углисто-золистые линзы в основании сосуда хорошо выражены и могут быть увязаны с последними фазами существования жилых домов нижнего культурного слоя. По-видимому, сосуд был почти не вкопан. Именно поэтому нижняя его часть была раздавлена. Стенки хорошо сохранились под развалом дома.

Сосуд диаметром 64,5 и высотой 57 см имеет выраженное ребро. Стенки ниже ребра вогнуты, выше — почти прямые. Венчик слегка отогнут. Массивное плоское днище расплющено. На венчике симметрично друг другу находилось два одинаковых двойных налепа, представляющих сочетание горизонтального валика и кнопки под ним. Весь сосуд обмазан толстым слоем гипса. В сосуде сделано детское погребение 15. Никакого инвентаря в заполнении нет.

Сосуд 54 (кв. 11) стоит на поверхности около —260 см на слоях, сопоставимых с верхней свитой отложений второго культурного горизонта (табл. 47, 6). Следов ямы не выявлено. Положение сосудов 54 и 55 практически тождественно. Сохранилась только придонная часть сосуда. Его диаметр около 72 см. Днище маленькое (всего 18,6 см), совершенно плоское, сильно расплющенное. Ребро резко выражено. Придонная часть стенок вогнута. Стенки выше ребра почти прямые. Сосуд был очень высоким. Стенки обмазаны гипсом.

Большую хозяйственную площадку на восточной периферии поселения с юга ограничивает комплекс ям — одно из самых крупных сооружений на поселении. Стена 107 соединяет их с домом 29.

Конструкции 83—86 (кв. 17, 18, глубина —230—275 см) представляют параллельные друг другу неглубокие корытообразные ямы, разделенные стенами (рис. 32). На востоке они выходят на поверхность и нарушены большим перекопом. Весь комплекс построен одновременно по единому плану. Основание всех стен отделяет от поверхности материка тонкий слой зеленоватого гумуса, перекрывающий яму 10 и примыкающий к основанию жилого дома 29. В основании стен нигде не было видно глиняных выбросов из ям. Скорее всего, сначала были возведены стены, а затем выкопаны ямы между ними. Они имеют почти вертикальные стенки и пологое дно. Их глубина от основания стен не превышает 40—45 см. Заполнение ям не дало ничего интересного.

Назначение постройки не совсем ясно. На параллельных стенах мог быть настил для сушки зерна. Аналогичные конструкции известны в Мурейбите, Шимшаре, хассунских поселениях. Такие же параллельные ямы, но меньших размеров прослежены еще дважды в телль Сотто. Некоторые материалы для понимания построек дает конструкция ячейки 84. Яма и нижняя часть стен ячейки обмазаны толстым слоем гипса. Северная приустьевая часть ямы перегорожена небольшой поперечной стенкой уже в процессе ее использования и осталась не покрытой гипсом. С юга стены ячейки еще при строительстве были соединены короткой поперечной стеной. В ней было проделано отверстие и канавка. Один ее конец спускался в яму, другой проходил под стеной и выклинивался к югу. Отверстие в стене и желоб четко выделены благодаря гипсовой обмазке. Можно предположить, что по канавке яма заполнялась водой, может быть дождевой.

РИС. 32. Телль Сотто. Конструкции 83, 84, 85 (горизонт 2)

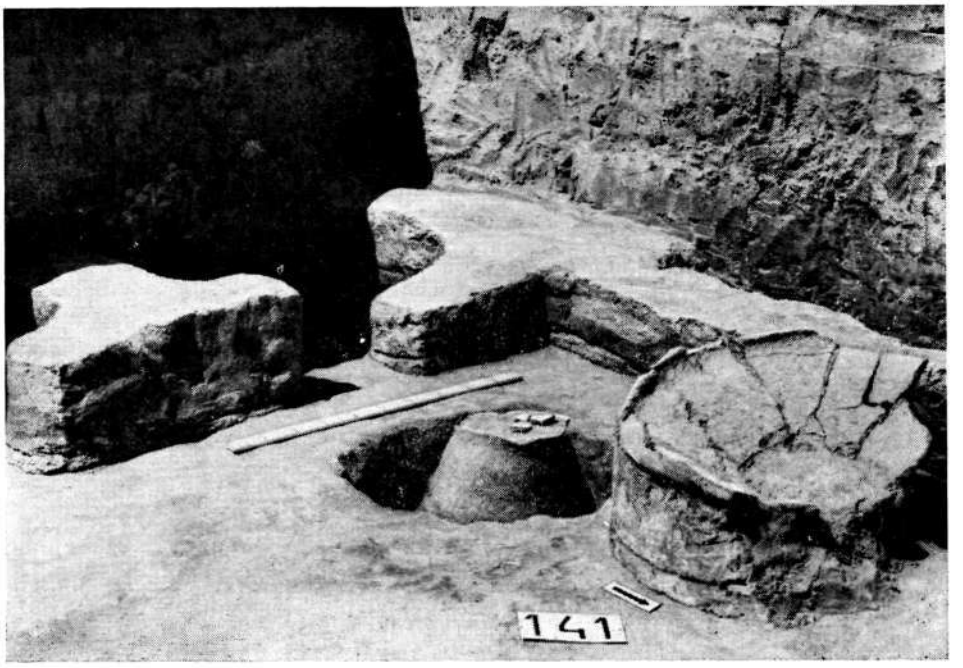

РИС. 33. Телль Сотто. Сосуды 74, 71 перед конструкцией 83 (горизонт 2)

Также могли использоваться и соседние резервуары. Впрочем, эта интерпретация остается проблематичной.

Устья ям выходят на площадку, со всех сторон ограниченную невысокими стенами. Площадка имеет хорошо утрамбованную жилую поверхность, покрытую гумусными линзами. В центре была постройка 50, затем здесь же была вырыта яма 7. У стены 107 стояло три больших хозяйственных сосуда. В юго-восточном углу площадки под полами сделано детское захоронение 18.

Стены постройки 50 (кв. 12, 13) отделяет от материка тонкая линза зеленоватого гумуса, которую мы видим и в основании бассейнов. Вся постройка, включая внутреннюю перегородку, сделана из красной глины без швов. Она разделена на две равные ячейки 50 × 100 см. В их заполнении найдено большое количество обломков керамики. Сейчас похожие сооружения используются местными жителями для сушки зерна. Примыкающие стены сохранились плохо и остались непонятыми.

Постройка 50 соединена с бассейнами тонкой стеной из зеленой глины. Хорошо видны швы между ней и соседними сооружениями. По-видимому, это был невысокий, небрежно сделанный из подручного материала забор, защищавший площадку с востока. Яма 7 вырыта с поверхности материка на глубину около 30 см, имеет пологие стенки и округлое дно, заполнена слоями гумуса. К тому же хозяйственному комплексу относятся и сосуды-хранилища у западной стенки площадки.

Сосуд 74 на 40 см врыт в материк прямо перед устьем бассейна 83 (рис. 33). Его дно находилось на отметке —300 см, горло едва возвышалось над нижней свитой слоев седьмого горизонта, связанных с жизнью на площадке. Сосуд диаметром 45 и высотой 47 см несколько асимметричен. Горло широкое, венчик чуть отогнут. Поверхность шероховатая, обжиг неровный. Тесто с примесью соломы, черепок крошится, в разломах черного цвета. Поверхность неоднородного цвета, от серо-желтого до розового. Стенки — с четким ребром. Широкое плоское дно сильно расплющено. В заполнении — рыхлая земля с примесью темного гумуса, находок нет. Два других сосуда поставлены рядом несколько позже.

От *сосуда 71* сохранилась только придонная часть, вкопанная для устойчивости в землю. Верх был разбит и растащен. В разрезе хорошо зафиксировано стратиграфическое положение сосуда относительно стены 107. Дно стоит на глубине —260 см ниже репера. Если принять за поверхность его бытования уровень, по которому он был разбит, то сосуд сопоставляется с верхними жилыми слоями у стены 107. Он имеет широкое, сильно расплющенное и поэтому четко выделенное днище, стенки разделены острым ребром, придонная часть вогнута. Стенки выше ребра довольно сильно наклонены внутрь, т. е. сосуд был не очень высоким.

Сосуд 58 стоял в аналогичных стратиграфических условиях. Дно находилось на отметке —260 см. Слегка заглублена была только придонная часть. Как и сосуд 71, он сопоставляется с верхними гумусными слоями, примыкающими к стене 107. Можно считать, что оба сосуда были одновременны и стояли рядом. Сохранилась только придонная часть его. Стенки относительно тонкие. Дно плоское, небольшое, четко выделенное. Стенки в придонной части слегка вогнуты. Ребро относительно толстое, четкое. Стенки выше ребра ориентированы почти вертикально, сосуд имел высокое тулово. В гумусном заполнении сосуда найдена зооморфная фигурка из глины.

Площади к западу и югу от жилых домов не дали построек. На кв. 10

слои второго горизонта становятся менее интенсивными и постепенно выклиниваются. Можно предположить, что это периферия древнейшего поселения. Неисследованные постройки могли быть южнее. В юго-западном углу кв. 17 найдено несколько очажных ям в материке и большая круглая печь. Они одновременны исследованным домам, но не связаны с ними единством плана и, вполне вероятно, тяготеют к каким-то постройкам на кв. 16, 23. Очаги 103, 104, 108 перекрывают друг друга и не могли функционировать одновременно, однако их стратиграфическое положение почти идентично. Очаг 104 выкопан в материковой глине на глубине —270—280 см. Глубина ямки не превышает 10 см, стенки и дно округлые, сильно обожжены. Большой очаг 103 лежит на отметках —270—295 см, приурочен к поверхности рыхлого заполнения ямы 24. Очажная яма сильно обожжена и заполнена золой. Оба очага относятся к древнейшим слоям второго горизонта и непосредственно сменяют друг друга. Очаг 108 перекрывает первые два, но находится ниже печи 92. Мелкая яма с округлым дном хорошо прокалена. Большая круглая печь 92 (кв. 17, глубина —245—265 см) перекрывает все три очага, стоит на нижней свите слоев второго горизонта и сопоставляется с заключительным периодом существования жилых домов. Диаметр печи составляет почти два метра, внутренняя поверхность покрыта прокаленной глиняной обмазкой. Сверху из горизонта 3 в стену печи вкопан ребристый сосуд 91. Здесь же в слое найдены две глиняные сковороды, сделанные в своеобразной технике. Сковорода 93 (кв. 17, глубина —255 см) связана с нижней свитой слоев второго горизонта. Она сделана из необожженной глины. Диаметр не более 45 см, стенки высотой 4—5 см, дно плоское. По-видимому, это просто обмазанная глиной ямка. Стенки значительно толще, чем дно, ребро прямое. Наружная поверхность стенок очень неровная. Дно слегка обожжено, стенки по верхнему обрезу обмазаны гипсом. Заполнение гумусное. Назначение «сковороды» осталось неясным. Рядом в похожем сосуде сделано детское погребение 21 (кв. 17, глубина —210—220 см). Оно находилось в аморфной суглинистой толще, по-видимому связанной с развалом стен второго горизонта. Это миска или сковорода диаметром 26 см; не обожжена, однако изнутри тщательно обмазана толстым слоем гипса. Наклонные стенки высотой 4 см плавно переходят в плоское дно. Среди хозяйственной посуды такая форма сосудов не встречена.

К западу и югу от дома 29 раскопаны *помещения 22, 23, 24* (кв. 11-C, 10-D, глубина —210—270 см). Основания стен стоят на поверхности материка, в некоторых местах — на тонких линзах гумуса. Сохранность стен плохая. Заполнение комнат содержало значительное количество гумуса и обломков грубой керамики. Помещения 23, 24 не пригодны для жилья, их поперечник не превышает 2,25 м. Помещение 22, скорее, представляет проход между постройками. В северо-восточном углу помещения 2 (кв. 17, глубина —260 см) под полом закопано 11 желваков галечного кремня. Некоторые из них оббиты. За южной стеной помещения 22 (кв. 11, глубина —250—260 см) найден сосуд с детским погребением 14. Он состоял из двух больших фрагментов и был разбит при погребении, так как оказался слишком мал. Рядом лежал маленький, грубо вылепленный стакан, по-видимому также связанный с погребением.

Прямоугольная печь 28 (кв. 10, глубина —250—270 см) стоит на поверхности материка. Стены монолитные, обожжены слабо, не обмазаны. Устье прослежено по прокаленному поду печи. Суглинистое заполнение с небольшой примесью золы.

На кв. 10 древние ямы первого культурного горизонта перекрывают *остатки построек 56* (глубина —225—265 см) и *57* (глубина —265—295 см). Столь глубокое положение стен относительно других построек второго горизонта обусловлено тем, что они стоят на рыхлом заполнении ям. Стены 56 и слои около них разрушены поздней ямой 4.

Стены 57 связаны с верхними слоями заполнения ямы 9 и перекрыты золистыми линзами, примыкающие к стене 56. Постройки сменяют друг друга. Очаг 109 и сделанное в нем погребение 19, по-видимому, одновременны стене 56. Нет материала, который бы определенно указывал на назначение постройки. С ней связаны довольно рыхлые гумусные слои. К постройке может принадлежать небольшой открытый очаг в овальной яме, частично расчищенный в северной бровке квадрата.

Постройка 57, по-видимому, жилая, сделана из красной глины без швов. К южной стене изнутри пристроена вторая стенка, которая могла служить лежанкой. Помещение заполнено чередующимися слоями суглинка и гумуса. Обмазок пола и стен нет. Одновременно с домом мог функционировать очаг 109 (кв. 10, глубина —260—300 см). Очажная яма обычной овальной формы с округлым дном сильно обожжена и целиком заполнена углем, золой и обломками прокаленной глиняной обмазки очага. В юго-западном конце очажной ямы находилось погребение 19. Оно было сделано вскоре после того, как очаг перестал существовать. Кости не обожжены. Следов ямы из перекрывающего слоя нет. Связь границы погребальной ямы с контуром очага, по-видимому, объясняется тем, что крепкую обожженную стенку очажной ямы просто трудно было пробить. Очаг с погребальным обрядом не связан.

Таким образом, во втором горизонте исследовано три одновременных, тесно стоящих жилых дома, сложный комплекс ям и хозяйственные площадки с подсобными постройками, очагами и большими вкопанными в землю грубыми сосудами для воды и припасов. Каждый из домов занимает площадь не более 18—20 кв. м, их полезная площадь за наружными стенами составляет около 15 кв. м. Очень проста планировка домов. Это однокомнатные постройки в форме вытянутого прямоугольника с печью, большим сосудом, зернотеркой и загородками по углам для хранения зерна. В таком доме могла жить одна малая семья. Существенно, что входы в соседние дома со временем были разделены.

По-видимому, исследована центральная часть древнего поселения. Найдены северный, восточный и западный его края. Можно допустить существование нескольких построек на неисследованной площади к юго-западу (кв. 16, 23). Так или иначе, на телль Сотто могло жить 3—4 малых семьи. Работы на Кюльтепе и материалы разведок показывают, что такие маленькие поселения характерны для времени Сотто.

Третий культурный горизонт представлен только двумя сооружениями (табл. 48). Оба лишь частично исследованы в западной бровке кв. 17 и уходят на нераскопанную площадь (кв. 16). Мощная стена 94 (кв. 17, глубина —210—245 см) стоит на интенсивной гумусно-углистой толще, которая отделяет ее от лежащих ниже очага 103 и ямы 24. Разрушенный северо-восточный конец стены переходит в большую глиняную забутовку (развал стены), занимающую весь центр кв. 17. Севернее (кв. 11) хорошо видно, как гумусные слои скатываются с вершины стен дома 29 второго горизонта под стену 94. Стена достигает толщины 50 см, сложена из красной глины в обычной технике «тоф». Контуры и структура стены четко прослежены. Заполнение вокруг слабо насыщено гумусом

и находками. По-видимому, стена составляла часть какой-то крупной постройки. Рядом со стеной в сосуде 91 сделано детское погребение 22.

Два *бассейна 105* (запад кв. 17, глубина —230—235 см) хорошо сопоставляются со стеной по ориентировке и стратиграфически связаны с ее верхней частью. Северный край конструкции разрушен поздней ямой 5. Тонкая, разделяющая бассейны стена не сохранилась. Ванны четко выделены по толстой гипсовой обмазке.

Исследован самый северо-восточный край поселения третьего горизонта. Судя по контуру холма, оно также не могло быть большим. Открытые конструкции, однако, показывают долговременный характер построек.

Четвертый культурный горизонт объединяет два жилых дома (19 и 40), хозяйственную постройку 43 и печь 44 около нее, систему из трех ям 96, небольшую печь 77 и обособленно стоящие очаги 21 и 27. Центральное место занимают жилые дома, расположенные в понижениях вокруг развалин построек второго горизонта (рис. 26, табл. 49). Хорошо сохранился жилой дом 40 (кв. 17, глубина —190—215 см). Только его западный угол разрушен поздней ямой 5. Постройка прямо перекрывает стены 1, 2, 107 и жилые слои у помещений 22—24 второго культурного горизонта. На стены дома прямо ложится постройка 15 (5 горизонт). Жилые слои, прослеженные вокруг дома 40, уходят под основания стен 19. По-видимому, дом 19 построен, когда дом 40 уже стоял, и просуществовал несколько дольше. Хранилище 43 и печь 44 в целом одновременны дому 19.

Стены дома 40 имеют толщину 40—50 см и сложены в обычной технике «тоф». Слои толщиной 5—6 см из зеленоватой глины с соломой разделены красноглиняными швами не более 1 см. Вся кладка, включая противолежащие внутренние контрфорсы, сделана одновременно по единому плану и не имеет швов. В доме прослежено две мощных свиты гипсовых полов, разделенных гумусно-золистым слоем. Одна из них относится ко времени строительства, вторая — расцвета существования дома. Каждая из гипсовых толщ состоит из многих тонких подмазок. Пол был чистый и постоянно подновлялся. В северной стене дома видна была красноглиняная закладка шириной 55 см. Гипсовый пол уходит под нее и подчеркивает ее края. Гипсом подмазана и одна из стен проема. Скорее всего, это заделанное вентиляционное отверстие. Узкий дверной проем в восточной стене также фиксирован толстой гипсовой обмазкой. Через проемы обмазка выходила наружу, за стены дома. Большая площадка за его южной глухой стеной также обмазана гипсом.

Дом 40 почти квадратный (4,2 × 3,6 м), его полезная площадь составляет 9,5 кв. м. Как и дом 78 нижнего горизонта, он разделен противолежащими контрфорсами на две почти равные части. Их концы и пол между ними подмазаны гипсом. Несомненно, это не сплошная перегородка. В углу напротив входа на полу лежал сосуд 88. Он не был вкопан, а со стороны комнаты ограничен невысоким глиняным блоком, который мог служить хозяйственным столом. Хорошая сохранность наземного сосуда наводит на мысль, что дом был неожиданно оставлен жильцами. Напротив, у одного из контрфорсов, в нише под стеной в небольшой яме стоял второй сосуд 73. Границы ямы хорошо прослежены по контуру пробитого для этой цели гипсового пола. Оба сосуда заметно отличаются от грубых высоких корчаг нижних горизонтов: тонкостенные, с выпуклыми стенками выше ребра, они могут считаться переходными к сферической хассунской кор-

чаге. Печи в доме не было, однако жилой характер постройки не вызывает сомнений.

Около дома 40, в одинаковых стратиграфических условиях, стояло два больших сосуда 51 и 52 (кв. 11, глубина —190—210 см). Гипсовые вымостки, связанные с сооружениями 43 и 44, явно перекрывают их. Следов ям с этой поверхности вокруг сосудов нет. Скорее всего, они не вкапывались и могли переноситься. Сосуд 51 обмазан гипсом, горло закрыто большим черепком, в заполнении — рыхлая коричневая земля. Стены сосуда относительно тонкие, тесто с растительными примесями, поверхность грязно-желтая, шероховатая, обжиг слабый. На венчике — один непарный подковообразный налеп. Вычурно выгнутая стенка сосуда выше ребра и характер отогнутого венчика заметно отличают сосуд от грубых высоких корчаг нижних горизонтов.

Сосуд 52 также сделан из грубого теста с растительными примесями, обжиг слабый, поверхность шероховатая, грязно-желтая, местами зеленоватая. В рыхлом заполнении сосуда без следов перегноя найдены кремневая ножевидная пластина и ребро небольшого животного, может быть ягненка.

С нижними жилыми поверхностями около дома 40 могут быть синхронизированы небольшая печь 21 (кв. 10, глубина —200—223 см) и овальный очаг 27 (кв. 10, глубина —220—258 см) на склоне к западу от развалин поселения второго культурного горизонта. Точной стратиграфической увязки этих построек мешает находящаяся между ними поздняя яма 5. Небрежно сделанная печь, по-видимому, просто вылеплена из глины. Монолитные стены и внутренняя поверхность сильно обожжены. Южная половина печи разрушена ямой 5. Очаг 27 обычной овальной формы имеет округлые обожженные стенки, заполнен золой и углем.

Дом 19 (кв. 10—А, В; глубина —185—218 см) нарушен поздними ямами 2 и 4, однако контуры его восстанавливаются практически полностью. Дом построен одновременно с хранилищем 43 и печью 44, которые стоят на одной поверхности. Дом 40 уже существовал во время строительства дома 19 и был разрушен до его гибели. Перекрывающие слои уходят под основание постройки 15 п я т о г о г о р и з о н т а и стены 16. От подстилающих построек второго горизонта основание дома отделяют 60 см плотного суглинка и лежащие на нем гумусные линзы. Суглинок связан с развалом стен второго горизонта, суглинистые линзы — с началом существования дома 40 четвертого горизонта.

Стены дома 19 сделаны из красной глины и четко выделяются в заполняющих отложениях. Поверхность стен не оштукатурена, пол внутри дома обмазан гипсом. Жилое помещение разделено контрфорсом на две половины. В торце контрфорса у южной стенки в пол вкопан небольшой сосуд с ребром, сферическими стенками и налепом на венчике. За северной стеной около дома стоял второй сосуд аналогичной формы. По планировке дом ничем не отличается от исследованных ранее в нижних горизонтах поселения. По-видимому, нарушенная ямой западная стена проходила поблизости от сохранившихся стен и жилая площадь дома составляла 13—15 кв. м.

Конструкции 43 (кв. 11, глубина —170—190 см) и *44* (кв. 11, глубина —170—190 см) стояли на золистом слое, уходящем под дом 19, и одновременны с ним. Постройка 43 сложена в обычной технике «тоф» из разноцветных, красных и зеленоватых, пластов глины. Пол внутри помещения многократно подмазывался гипсом. Гипсом покрыты и большие площадки за западной и восточной стенами. Гипсовые слои соединяют по-

стройку и с печью 44. Следов огня и каких-либо находок в заполнении помещения нет. Полезная площадь постройки — 3,75 кв. м.

Печь 44 очень плохо сохранилась. Основание пода печи выстлано сплошным слоем битых черепков, а поверхность пода и стенки неоднократно тщательно обмазаны гипсом, что совершенно необычно для печей. По гипсовой обмазке четко прослежено и устье печи. На полу сохранился тонкий золистый слой, однако стенки остались почти непрокаленными. Гипсовая обмазка не могла выдержать высокой температуры. Печь могла служить для сушки продуктов питания. К северу от построек 43 и 44 находился комплекс ям 96, обмазанных гипсом. По-видимому, все эти постройки связаны в плане и функционально.

Ванны 96 (кв. 5, глубина —185—195 см) находятся под дерном. Хорошо сохранились только их гипсовые обмазки. По их контуру можно говорить о трех расположенных параллельно прямоугольных ямах, возможно разделенных стенами. Очаг 116 (кв. 5, глубина —170—190 см) находился на площадке перед ваннами. Хорошо сохранился обожженный под печи. В его основании расчищена вымостка из грубых черепков. В заполнении много золы, однако стены прокалены слабо.

За стенами помещения 43, на площадке около бассейнов и печи 44, найдена большая корчага 64 (кв. 11, глубина —180 см). Сосуд лежал на боку и сохранился в развале. Он вылеплен из грубого теста с примесью соломы и обмазан гипсом, ребро четко выражено, венчик не сохранился. Ориентировочная высота и диаметр корчаги составляют около 70 см.

Уже говорилось, что дом 40 возведен несколько раньше остальных построек четвертого горизонта, однако вместе они образуют единый комплекс. Поздняя группа построек (дом 19, помещение 43, бассейны 96, очаги 43 и 116), по-видимому, синхронна, дом 40 сосуществовал с ними частично. В небольших домах могли жить малые семьи. Судя по контуру холма и распространению слоев, территория к востоку и югу не была заселена. Бассейны 96 и печь 116 также может обозначать край поселения. Оно могло занимать еще некоторую площадь к западу, куда уходят довольно интенсивные слои. Маловероятно, что здесь находилось больше 1—2 домов.

Пятый культурный горизонт объединяет лишь две конструкции на кв. 10 и на этих материалах может быть выделен лишь условно. Помещение 15 (кв. 10-D-3, глубина —180—220 см) стоит на склоне, образованном развалом дома 19. Плотная жилая поверхность, перекрытая гумусно-золистыми линзами, в основании постройки перекрывает вершины стен 19. Конструкция 16 стоит на площадке, забутованной развалом стен 15, и перекрывает обе постройки. Постройка 68, прямо увязанная с хранилищем 20, также прямо перекрывает дом 19, ее отношение к стенам 15 и пятому горизонту осталось неясным. Несомненно, слой накапливался непрерывно, и никакого разрыва между горизонтами не было.

Сохранность стен помещения 15 очень плохая. Пол подмазан тонким слоем гипса. Заполнение со слабой примесью гумуса и золы. Соседняя *яма 18* (кв. 10-D-1, глубина —180—215 см) выкопана с жилой поверхности около помещения. Северный ее край нарушен поздней ямой 2. Стенки обмазаны сплошным слоем гипса. Яма могла служить для воды. На запад от постройки 15 уходят насыщенные углисто-гумусные слои мощностью до 40—50 см, подстилающие зольник печи 4 (горизонт 6). Вполне вероятно, на кв. 9 и находятся связанные с ними постройки 5 горизонта.

Шестой строительный горизонт связан с обильными углисто-золистыми выбросами из печей на отметках —140—180 см ниже репера. Зольники распространены на значительной площади, но особенно интенсивны на кв. 10 и далее к западу. По-видимому, поселение 5 горизонта тяготело к юго-западному склону холма предшествующего времени. Шестой горизонт — последний с интенсивными остатками жизни (рис. 24, 26, 27). Основания построек 10 и 12 (горизонт 7) отделены от поверхности углистого шестого горизонта тонкой суглинистой прослойкой и были возведены после того, как перестали действовать лежащие ниже очаги. Граница между горизонтами четкая.

На вскрытой площади пятый горизонт объединяет три больших круглых хранилища, три плохо сохранившиеся прямоугольные постройки, шесть круглых печей и несколько круглых очагов в ямах. По-видимому, они строились по мере необходимости и не связаны единством планировки. Признаки обитания имеет только помещение 37.

Все исследованные конструкции группируются в два больших периода застройки (табл. 50, 51). К первому относятся печи 4 и 14, прямоугольная постройка 68, круглое хранилище 20, прямоугольная постройка 37 и связанные с ней печи 38, 90 и хранилище 39. Второй период объединяет печи 11, 13, 66, 67 и прямоугольную постройку 36. К самому началу второго периода относится хранилище 17.

Печь 4 (кв. 10-С-3, глубина —160—200 см) — одна из самых больших и интенсивно использовавшихся. Самая нижняя на древнем склоне холма, она стояла на одной поверхности с постройками 14 и 20, однако просуществовала дольше них. Мощные рыхлые выбросы угля и золы вокруг печи достигают 40 см и перекрывают их. Сохранившаяся на большую высоту стена печи определенно наклонена внутрь, т. е. печь была сводчатой. Под и внутренняя стена печи сильно прокалены. Хорошо видно, что она была тщательно обмазана слоем глины толщиной 2—3 см. В рыхлом золистом заполнении печи встречаются обожженные куски этой обмазки, скорее всего со свода.

Печь 14 (центр кв. 10, глубина —140—160 см) была разрушена и выровнена при строительстве печи 11 и перекрыта золистыми выбросами из последней. Печи 14 и 4 стоят на одной поверхности. Они были сделаны почти одновременно, однако печь 4 функционировала более интенсивно и простояла дольше. Углистые выбросы из нее перекрывают стену 14. Еще в древности печь 14 была сильно нарушена перекопами из вышележащего слоя. Хорошо сохранился сильно обожженный под печи. Внутренний диаметр печи достигает 185 см.

Постройка 68 (кв. 10-В, 11-А, глубина —150—165 см) стоит на поверхности, перекрывающей вершину стен дома 19 (4 горизонт). Слои пятого горизонта здесь практически выклиниваются, а гумусные линзы от основания хранилища 17 выходят на поверхность постройки. Наконец, она нарушена последовательно сменяющими друг друга печами 67 и 66. С юга к ее стенам примыкал слой с гипсовой подмазкой. Постройка могла иметь подсобное хозяйственное назначение.

Хранилище 20 (кв. 11-С-1, глубина —153—169 см) по основанию синхронизируется с печами 4 и 14 , а сверху прямо перекрыто печью 13, т. е. печи 11 и 13 продолжали использоваться после того, как хранилище было разрушено. Стены постройки 20 сделаны в технике «тоф», а снаружи оштукатурены слоем красной глины толщиной 2—3 см. Следов огня, равно как и хозяйственных остатков, в помещении не было. Диаметр постройки около 165 см.

На хозяйственной площадке между прямоугольной постройкой 68 и круглым хранилищем 20 найдены большие сосуды 41 и 42 (кв. 11-А-3, глубина по дну —160 см). Оба лежали на боку на жилой поверхности, оба синхронны постройкам. У того и другого сохранилась только придонная часть. Типологически, по размерам и технике изготовления сосуды близки. Тесто грубое, шероховатая поверхность от желтого до красного цвета, разлом черный. Черепок рассыпается, обжиг слабый. Дно и ребро на стенке четко выражены. В рыхлом гумусном заполнении сосудов находок нет.

Помещение 37 (кв. 17-А-2, В-1, глубина —154—190 см) в целом одновременно суглинистой толще, связанной с хранилищем 20. Основание стен лежит прямо на остатках печи 38. Лежащий ниже дом 40 и основание стен 37 повсеместно разделяет суглинистый слой мощностью до 10 см. Сверху помещение перекрыто углистыми выбросами, связанными с концом существования печей 4 и 14. Стены постройки монолитные. Внутри помещения стояло два грубых сосуда. По этому признаку можно говорить о его жилом назначении. Один из сосудов сохранился плохо, и форма его не восстанавливается. Второй (сосуд 70) мог быть врыт у стены с поверхности пола. Его дно находилось на отметке —208 см. Сосуд имеет расплющенное плоское дно, ребро на высоте 24 см и почти вертикальные стенки. Аналогичные формы типичны для верхних слоев (фаза 3) Умм Дабагии.

Под полом помещения 37 на глубине —190 см в небольшой яме найдено 18 кремневых желваков, которые были положены сюда перед обработкой, чтобы сохранить материал сырым. Весь кремень галечный, желваки мелкие, некоторые грубо оббиты.

Сосуд 72 находился за стенами постройки 37 (кв. 17-В-4, глубина —180—200 см), но четко синхронизируется с ней по гипсовой обмазке пола. Сосуд не был вкопан и поэтому несколько наклонился на бок. Его верхняя часть была обломана и растащена при накоплении вышележащего слоя (гор. 6а). Корчага могла стоять у несохранившегося восточного угла постройки 37.

Печь 38 (кв. 17-В-1, глубина —170—185 см) была разрушена и выровнена при строительстве помещения 37. Обе постройки стоят на одном полу и прямо сменяют друг друга. Хранилище 39 связано с концом существования помещения 37 и также перекрывает печь. Печь 38 имеет форму овала 75 × 120 см, сильно обожжена. Ширина устья около 40 см. Стены толщиной 15—20 см сложены из красных и зеленоватых слоев глины одинаковой толщины, 5—7 см. Красная глина была принесена со стороны и хорошо отличается от заполняющего слоя. Длина одной из расчищенных лепешек всего 25 см.

Хранилище 39 (кв. 17-В-2, глубина —150—165 см) подстилается хорошо выраженным гипсовым полом, подмазанным к соседней постройке 37. Значительная часть хранилища разрушена почвенными водами и перекопами на склоне, однако его стены сложены из красной глины и были хорошо видны в заполнении. Кладка стены монолитная, четких полос внутри постройки нет. Характерных вещей в заполнении также не найдено.

Очажная яма 90 (кв. 17-А-3, глубина —165—195 см) выкопана с поверхности, связанной с верхней частью помещения 37. Очаг представляет овальную яму около 50 см в поперечнике и глубиной 30—40 см. Он целиком заполнен золой и имеет интенсивные выбросы. Никаких стен вокруг ямы нет.

Очаги 5—9 (кв. 10-С-4, 10-D-3, 4, глубина —170—190 см). Находятся в нижней части толщи углистых выбросов из печей. Точно увязать их с соседними конструкциями в рыхлом однородном заполнении не удалось. По-видимому, они одновременны древней группе печей. Очаги представляют неглубокие ямки диаметром 40—60 см. Некоторые из них обмазаны глиной, все обожжены и заполнены золой и углем.

Печи 11, 13, 66, 67 и связанная с ними постройка 36 выделены в позднюю группу построек шестого горизонта.

Печь 11 (центр кв. 10, глубина —115—152 см) расположена на юго-западном склоне древнего холма, глубина ее основания колеблется от—142 до —152 см и выходит на вершину стены соседней печи 14. Выше по склону выбросы из нее смыкаются с выбросами из печи 13, т. е. они сосуществовали. Их основания увязать не удалось. Печь 11 имеет монолитную стену толщиной до 35 см и сильно обожженный под мощностью около 2,5 см. Во время ремонта ее южная часть была усилена изнутри и площадь печи несколько уменьшена. По следам прокаленной глины расчищено устье печи шириной около 35 см. Оно обращено к западу, вниз по склону. К югу от печи выбросы из нее были сконцентрированы в большой выемке на склоне глубиной до 60 см и диаметром около 2,5 см. Следы тех же выбросов распространены по всей юго-западной части раскопа. Печь использовалась длительное время и очень интенсивно.

Печь 67 (кв. 10-В-2, глубина —150—165 см), по-видимому, относится к концу существования печей 4 и 14. Она разрушила стену 68, а сама была разрушена печью 66 и перекрыта выбросами из печи 11. Монолитные стены имеют неправильные очертания, под печи сильно прокален, в заполнении—зола и уголь. Печь 66 (кв. 10-В-2, глубина —150—165 см) мало отличается от предыдущей. Устье печи прослежено по обожженному поду. Обе печи небольшие, внутренний их диаметр не превышает 75 см.

Печь 13 (кв. 11-С-1, глубина —112—140 см) по основанию и золистым выбросам целиком смыкается с печью 11, стоящей ниже по древнему склону. Обе печи практически синхронны. Хорошо сохранился обожженный глиняный под печи. Структура стены не прослежена. Внутренний диаметр печи составляет около 185 см. Интенсивные выбросы смыкаются с зольниками вокруг печи 11.

Хранилище 17 (кв. 10-А-3, глубина —153—168 см) стоит на западном склоне древнего холма. Снизу основание стены 17 и печи 14 разделяет линза суглинка мощностью до 20 см, а зольники у верхней части стены 17 перекрывают печь 14. Сверху стены хранилища перекрыты выбросом из печи 11. Хранилище представляет круглую постройку с внутренним диаметром 5 м. Гипсовый пол тщательно подмазан к стенам. На полу найдены обломки керамики, золы в заполнении постройки нет. Структура стен не установлена. Судя по небольшой толщине, постройка не могла быть долговременной. Скорее всего, в ней было хранилище.

Стена 36 (кв. 17-А,В, глубина —120—152 см). Основание стены 36 и вершина стены 37 разделены углисто-золистой линзой, по-видимому связанной с концом существования печей 4 и 14. По основанию ее стены синхронны с печью 13. Они частично разрушены поздней ямой 5, по-видимому, образуют угол какой-то прямоугольной постройки. На этих же глубинах за стенами стояли сосуды 34 и 35. Стены толщиной до 35 см сделаны из красной глины, несколько отличной от заполняющего слоя. Скорее всего, она была монолитной.

При общей оценке строительных остатков 6 строительного горизонта бросаются в глаза количество и однотипность больших круглых хранилищ и крупных печей, которые использовались одновременно и очень интенсивно. Создается впечатление, что все постройки связаны с какой-то определенной хозяйственной деятельностью. Можно предположить, что жилые дома находились в западной неисследованной части холма. Здесь могло быть размещено не больше 2—3 больших построек, подобных найденным ниже. Неясно, можно ли увязать с ними такое количество больших очагов и хранилищ. Вполне вероятно, в это время на холме и не было долговременного поселения, а хранилища и очаги были оставлены жителями соседних поселений, которые приходили, а может быть и жили здесь, во время полевых работ.

Седьмой культурный горизонт прослежен на вершине холма на кв. 10, ниже по склону выходит на поверхность. На вскрытой площади горизонт объединяют две постройки (10 и 12) на отметках —90—135 см. Выше лежит аморфный суглинистый слой 8 горизонта. От золисто-углистых слоев 6 горизонта основание построек отделяет линза невыразительного суглинка без конструций. Вскоре после сооружения обе постройки были объединены хорошо утрамбованной, местами подмазанной гипсом, жилой поверхностью на отметках —105—115 см и связанными с ней линзами гумуса. Постройки возведены практически одновременно и сосуществовали.

Конструкция 10 (кв. 10-0-1, глубина —90—135 см) представляет угол прямоугольной постройки. На глубине —100—110 см к стенам внутри помещения и к востоку от него подмазан гипсовый пол, который четко связывает ее с синхронной стеной 12. На полу внутри помещения лежали покрытая охрой миска с лощеной поверхностью и большой обломок грубого сосуда с невыразительным резным орнаментом. За стеной на том же полу найдено плохо обожженное глиняное пряслице.

К югу от постройки, на том же гипсовом полу, стояли две большие сферические корчаги, также обмазанные гипсом. Одна корчага сменила другую на одном и том же месте. Корчага 113 (кв. 10-С-3, глубина по дну —110 см) лежала на боку на гипсовом полу. Сохранилась ее нижняя половина. Наружная поверхность обмазана гипсом, дно осталось необмазанным. Изнутри сосуд покрывался дважды, сначала охрой, а затем тонким слоем красной необожженной глины. Возможно, охрой сосуд и не обмазывался специально, однако ее следы на стенках видны хорошо. От корчаги 112, наоборот, сохранилась только верхняя половина (кв. 10-С-3, глубина —120 см по основанию). По размеру они несколько отличаются. После того как сосуд прохудился, его верхняя половина была слегка вкопана в землю с поверхности гипсового пола и обмазана толстым слоем гипса изнутри и снаружи. Наружная подмазка переходит в подмазку пола. Внутренняя фактически заменила отсутствующее дно. Сосуд заполнен рыхлым гумусом без находок. По технике изготовления и фактуре оба сосуда идентичны. Хорошо видна примесь соломы в тесте. Черепок ломкий, черный в разломе, неровного плохого обжига.

Сосуд 114 (кв. 10-А-3, глубина по дну —160 см) находился в заполнении круглого хранилища 17. По-видимому, он был впущен сюда из вышележащего слоя (гор. 7). Сосуд сферической формы, дно почти не выделено. Тесто с грубыми растительными примесями, обжиг слабый.

Конструкция 12 (кв. 10-В-3, глубина —90—123 см) представляет обрывок глиняной стены. Ее основание практически горизонтально. По

подмазанному к ней гипсовому полу она синхронизируется с постройкой 10. В разрезе и при разборке стены хорошо прослежена ее структура. Стена состоит из чередующихся слоев красной глины и зеленоватого гумуса. Толщина глинистых слоев составляет 8—10 см, гумусных —2—3 см. В глине видны примеси соломы.

На восточном склоне холма, на периферии поселения, с седьмым горизонтом может быть связан сосуд 115 (кв. 11-С-3, глубина —100 см). Фрагменты горла находились прямо под современной поверхностью, дно на уровне линз гумуса шестого горизонта. Типологически сосуд идентичен всему керамическому комплексу седьмого горизонта.

Культурный слой этого времени уходит на нераскопанную площадь к западу. На южном и восточном склонах холма он выклинивается, построек нет. Эта часть холма использовалась жителями лишь эпизодически, архаический хассунский материал найден здесь под дерном. Три сферические корчаги 79, 80, 81 на кв. 17-С-2 залегали в древних перекопах ниже дернового слоя на отметках —150—170 см и также могут быть условно отнесены к седьмому культурному горизонту.

Сосуд 79 лежал на боку, днище и горло не сохранились. Тулово сферическое, без ребра. Диаметр сосуда 40—50 см. Сосуд 80 диаметром около 40 см имеет маленькое днище, незаметно переходящее в тулово. Изнутри и снаружи аккуратно обмазан гипсом. Сосуд 81 также сферический, диаметром 36 см, дно почти круглое. В заполнении много черепков и большой камень. Около сосудов лежало два обломка зернотерок.

С седьмым горизонтом могут быть связаны еще четыре сосуда. *Сосуд 82* (кв. 17-С-2, глубина —150 см) стоял в древнем перекопе. Плотный черепок желтого цвета по поверхности и черный в разломе, с растительными примесями. Форма сферическая, диаметр 30—40 см. *Сосуд 111* (кв. 17-А-3, глубина —160 см) связан с верхними гумусными слоями ниже дерна, перекопов в сухом слое проследить не удалось. Сосуд сферической формы, диаметром 50 см, с маленьким, четко выделенным дном. Сосуд лежал на боку.

Сосуд 34 (кв. 17-А-1, глубина дна —135 см) расположена под стеной 32, причем частично нарушал ее. По-видимому, он был вкопан сюда из вышележащего слоя. Сосуд лежал на боку, сохранилась только часть сферической стенки. Судя по ее отпечатку, его диаметр около 50 см. По фактуре черепка и форме сосуд не отличается от описанных выше. *Сосуд 35* (кв. 17-А-2, глубина дна —165 см) врыт в стену 37. Верхнюю границу ямы в сухом аморфном слое проследить не удалось. Сохранившаяся придонная часть имеет сферическую форму с невыделенным дном, диаметр по сохранившемуся краю 39 см, возможный максимальный диаметр — около 50 см. По технике изготовления сосуд не отличается от описанных выше.

Сосуд 65 (кв. 17-А-4, глубина —160 см по дну) вкопан в поверхность стены 37, по стратиграфическому положению хорошо сопоставляется с корчагами 34 и 35. Форма сосуда почти сферическая, с едва выделенным дном и ребром по стенке. Тесто грубое, с растительными примесями. Черепок ломкий, черный в разломе. Обжиг плохой. В заполнении сосуда несколько обломков трубчатых косточек.

Таким образом, на кв. 17 на ограниченной площади найдено около десятка больших сосудов в сходных стратиграфических условиях. По-видимому, южный склон холма на периферии построек седьмого горизонта был излюбленным местом каких-то хозяйственных работ.

Восьмой культурный горизонт выделен на вершине холме на отметках —40—100 см ниже репера, на исследованной площади не выходит за пределы кв. 10 (рис. 24). Представляет толщу плотного коричневатого суглинка, слабо расчлененную жилыми поверхностями, бедную культурными остатками и без построек. Она непосредственно перекрывает вершины построек седьмого горизонта. Выше лежит слой, нарушенный пахотой. В центре холма толща восьмого горизонта не потревожена, в северо-восточной части квадрата 10 она выклинивается на склоне холма. Материал из всей толщи однороден. На отметке около —60 см в толще суглинка залегала гипсовая обмазка, переходящая в жилую поверхность, уплотненную большим количеством мелких обломков гипса. Выше, на отметках—55—50 см, находилась свита тонких жилых золистых слоев. Связанные с ними постройки еще могут быть открыты на нераскопанной площади к западу.

На поверхности и под дерном, преимущественно на вершине и в западной нераскопанной части холма, с черепками грубой кухонной керамики в небольшом числе встречены обломки стандартной расписной и резной хассунской керамики. Здесь же найдена хорошо обожженная женская статуэтка из глины. На поверхности встречены также отдельные халафские черепки.

На вскрытой площади комплекс стандартной хассуны не связан со слоем. Возможно, он мог быть на западном склоне телля. Однако здесь могло разместиться лишь несколько мелких построек. Скорее всего, холм в это время уже не был постоянно заселен, а лишь периодически посещался жителями больших хассунских поселений, расположенных поблизости. Помимо Ярымтепе I, разведками в округе выявлено несколько таких памятников.

ДРЕВНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕЛЛЬ СОТТО

Древние погребения совершены на действующем поселении под полами жилых домов или около них, часто — в сосудах. Большинство погребений детские (табл. 52). Обряд захоронений очень близок хассунскому, характерно расчленение тела. Заметной эволюции обряда не улавливается.

Погребение 10 (кв. 11-С-4, глубина —220 см). Это детское захоронение в сосуде. Корчага с широким горлом, чуть отогнутым венчиком, ребром в нижней части тулова и плоским дном вкопана придонной частью в один из верхних полов помещения 22, т. е. погребение может быть отнесено к верхней половине толщи второго горизонта. Сосуд был расплющен еще в древности. Обломки венчика найдены в заполнении погребения. Прямо под сосудом лежал обломок перевернутой вверх дном веялки, которым могло быть выровнено дно ямы.

Тело младенца втиснуто в сосуд, многие кости смещены. Голова обращена на восток. Скелет почти не сохранился. По расположению зубов и костей ног можно предположить, что ребенок был положен на спину, левая рука откинута за голову и согнута в локте. Никакого сопровождающего инвентаря с покойным не было.

Погребение 12 (кв. 11-А-3, глубина —130 см) найдено под дерном в непотревоженной толще, связанной с углистыми выбросами из печей горизонта 6в; судя по форме сферической корчаги, в которой лежало тело, оно может быть отнесено к перекрывающему горизонту 7. Погребальной ямы не прослежено. Сохранилась лишь часть черепа и несколько костей

рук. Младенец лежал на дне тесного сосуда в сильно скорченном положении, на спине или правом боку. Голова обращена на юг, лицо — на восток. Никакого сопровождающего инвентаря с покойным не было. От погребального сосуда сохранилась только небольшая часть. По глиняному тесту и форме он близок корчагам, найденным у помещения 10 (горизонт 7).

Погребение 14 (кв. 17-А-1, глубина —250—260 см). При расчистке полов второго горизонта к югу от помещения 22 обнаружен грубый ребристый сосуд 14 в трех больших фрагментах. Детское погребение лежало на большом обломке стенки сосуда и было прикрыто днищем. Скорее всего, сосуд оказался мал для погребения и был преднамеренно разбит. Рядом аккуратно поставлен маленький глиняный кубок и прикрыт третьим обломком того же сосуда. Захоронение совершено в культурном слое, в неглубокой ямке. Ноги не поместились под сосудом и были утрачены. Тело положено в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на запад и лицом на север. Возраст умершего — один-два года. Погребальный сосуд ничем не отличался от ребристых корчаг нижнего слоя. Сопровождавший погребение грубо вылепленный глиняный кубок стоял за спиной умершего (табл. 42, *2*).

Погребение 15 найдено в сосуде 55 (кв. 11-А-3, стоял на поверхности —235—240 см), связанном с последним периодом существования второго горизонта. Погребен младенец. Зубы и эпифизы костей не сохранились. Череп лежал лицевой частью вниз и был раздавлен. По-видимому, голова была отделена от туловища. Затем туловище было расчленено вдоль на две части, о чем можно судить по положению лопаток, ребер и тазовых костей. Конечности также могли быть расчленены и небрежно брошены в сосуд. Длинные кости лежат хаотично, фаланги рук и ног разбросаны. Инвентаря с погребенным не было. Погребальный сосуд принадлежит к типичным грубым ребристым корчагам нижних слоев (табл. 47, *9*; табл. 52).

Погребение 16 открыто в восточной части дома 29 в углу между северной наружной стеной и внутренней перегородкой в неглубокой яме под полами. Тело ребенка около одного года втиснуто в яму головой вниз. Череп лежал лицевыми костями на север, нижняя челюсть повернута подбородочной костью вверх. Остатки позвоночника располагались почти вертикально вдоль стены. Здесь же в анатомическом порядке найдено несколько ребер. Выше лежали бедренная кость и голень. Положение рук не восстанавливается. У головы в яму поставлен обломок гипсового сосуда. Другого сопровождающего инвентаря в могиле нет.

Погребение 18 (кв. 18-А-3, глубина —260 см) сделано в углу между легкими стенами, ограничивающими хозяйственную площадку около бассейнов, с поверхности нижних полов второго горизонта. Тело младенца положено на правый бок, головой на восток—юго-восток. Прямые ноги притянуты к туловищу. Руки согнуты в локте. Сохранность костяка плохая, сопровождающего инвентаря нет.

Погребение 19 (кв. 10-В-2, глубина —275—290 см) совершено в древней яме 109. Стенки ямы сильно обожжены, она могла использоваться как очаг. Заполнение ямы содержит большое количество обломков керамики. Костяк не обожжен. Погребен ребенок 10—14 лет. Тело расчленено. От туловища отделены голова, руки и ноги. Ноги отсечены вместе с половиной тазовой кости, руки — вместе с лопатками. Конечности брошены в могилу сверху. Одна из ног вытянута, другая сильно согнута. Обе руки согнуты в локте. Челюсть лежала в нижней части туловища. Череп нахо-

дился между ногами, на левом боку, лицом на восток. Туловище осталось нерасчлененным. Сохранившаяся часть позвоночника и ребра лежали в анатомическом порядке. Инвентаря с умершим не было.

Погребение младенца 21 (кв. 17-D-3, глубина —210—220 см) совершено в плоской глиняной миске, найденной в верхней части толщи второго горизонта, и перекрыто сверху остатками помещения 40. Тело было частично расчленено и с трудом втиснуто в миску. От лицевых костей осталось два передних зуба. Голова обращена на северо-восток. Одна из рук закинута за голову. Ноги отделены от туловища и брошены сверху. Инвентаря в погребении не обнаружено. Глиняная миска, в которой лежало тело, не обожжена, изнутри обмазана гипсом.

Погребение 22 (кв. 17-C-1, глубина —210—230 см) обнаружено в сосуде, стоявшем в перекопах около дома 40 (гор. 4). Сосуд разбит на две почти равные части. Тело положено в скорченном положении на левый бок в придонную часть сосуда и накрыто второй его половиной. Голова обращена на восток. Череп совершенно раздавлен, а нижняя челюсть лежала рядом зубами вверх. По-видимому, погребение было едва присыпано.

Умершему ребенку было два-три года. Его сопровождал богатый инвентарь. В нижней части туловища стояла набольшая плоскодонная мисочка. Диаметр ее по венчику 8 см, по дну около 4 см. Она хорошо обожжена, не орнаментирована и не залощена; поверхность красноватого цвета. В миске лежал обломок трубчатой кости животного. На шее ребенка было ожерелье из бус. Среди них: четыре бусины из маленьких просверленных раковин, цилиндрическая бусина из розового камня (длина 1,8 см, диаметр 0,5 см), цилиндрическая бусина из белого с розовыми прожилками мрамора (длина 0,9 см, диаметр 0,4 см), дисковидная бусина из бирюзы (диаметр 0,5 см, толщина 0,2 см), сферическая бусина из бирюзы (диаметр 0,4 см при длине 0,6 см), две медные, сильно окислившиеся бусины. Обе имеют отверстия. Изготовлены они из кусков медной руды или свернуты из медного листа. Форма грубой ребристой корчаги, в которой лежал умерший, и налепы на ней типичны для керамического комплекса Сотто. Погребение взято монолитом для музея г. Мосула и осталось недоисследованным (табл. 47, *1*).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ ТЕЛЛЬ СОТТО

Наиболее полное представление об этнографических особенностях культуры, преемственном развитии, точном месте среди других однотипных памятников и исторических связях с соседними территориями дает анализ керамики. По составу теста, характеру обработки поверхности и качеству обжига все разнообразие форм древнейшей посуды Сотто может быть объединено в пять технико-типологических групп.

Первая включает обломки больших грубых толстостенных сосудов. В тесте много рубленой соломы. На поверхности видны отпечатки выгоревших растительных примесей. Поверхность шероховатая, не заглаженная, росписи нет. Обжигалась такая посуда в ямах или просто на костре, при невысокой температуре. Цвет поверхности—неравномерный от грязно-бурого, иногда желтоватого, до серого, местами зеленого. Ломкий рыхлый черепок в разломе всегда черный. Внутренняя поверхность также обычно темнее, иногда почти черная, может быть, от следов использова-

ния. Как показывает типологический анализ, эта группа целиком совмещается с типом больших ребристых, биконических сосудов-хранилищ. Иногда они украшены налепами по венчику. Сюда же относятся корыта и веялки с характерным ребристым дном.

Вторая группа технологически повторяет первую, фактически составляет ее подгруппу. Отличие состоит в явно меньшей толщине стенок и размерах сосудов. Типологически они хорошо совмещаются с обычной грубой посудой (кубки, ребристые чаши, миски, блюда).

Третья группа легко отличается технологически. В нее входят небольшие сосуды из хорошо отмученного теста с мелкой, едва заметной растительной примесью и ровным обжигом. Температура обжига также невысока. Черепки мягкие, легко крошатся ногтем. Равномерность обжига может объясняться небольшими размерами сосудов. Розовый, иногда почти красный черепок одноцветен в разломе. Поверхность целиком покрыта охрой или расписана по венчику и затем тщательно заглажена. Охра могла быть нанесена уже после обжига, поэтому легко смывается в воде. Группа объединяет тонкостенную столовую посуду, среди которой особенно многочисленны небольшие чаши.

Таковы три основные технологические группы керамического комплекса Сотто. Подавляющее большинство сосудов, тем более черепков, относится к грубой кухонной керамике (первая и вторая группы). Тонкая столовая посуда (третья группа) гораздо менее многочисленна.

Еще две группы представлены единичными образцами. Четвертая группа включает все индивидуальные формы, выпадающие из предложенной шкалы и требующие особого описания. Наиболее интересна среди них серия около десятка «вишневых» и серых лощеных черепков, которые образуют группу, отличную от керамики комплекса Сотто. Плотные, с минеральными примесями (в том числе белые вкрапления толченой раковины), сильного ровного обжига; поверхность тщательно залощена, росписи или орнамента нет. Часть черепков сочного темно-вишневого цвета. Все эти сосуды изготовлены в совершенно иной, более высокой технике. Всего найдено 12 фрагментов этого типа.

По сообщению М. Ковен, серая и вишневая лощеная керамика известна в керамическом Мурейбите. Позже она была широко распространена в Сиро-Киликии (Сакча Гёзу, Мерсин). Подробнее технологическая характеристика керамики дана в приложении 9.

Пятая группа объединяет керамику сильного ровного обжига с мелкой растительной примесью, с лощеной или ангобированной поверхностью. Цвет варьирует от желтого до светло-коричневого. Эта техника характерна для стандартной хассунской керамики. На телль Сотто и Кюльтепе она встречалась в мешаном дерновом слое и в поздних ямах. В шестой и седьмой культурный горизонты плотные черепки попали по кротовинам. Безусловно, эта керамика обжигалась уже в печах. Именно появление керамических печей способствовало распространению новой технологии. Этот переход, как многие технические нововведения, мог произойти достаточно быстро.

Форма посуды и ее типология хорошо восстанавливаются по большому числу целых сосудов и крупных формообразующих фрагментов. Особенно богат керамикой второй культурный горизонт, который и дал полное представление о древнейшем комплексе. В третьем — шестом горизонтах выделенные здесь типы повторяются, постепенно развиваясь. Можно сказать, что керамика Сотто однообразна. При небольшом количестве

РИС. 34. Телль Сотто. Сферические корчаги 112, 113 из горизонта 7

основных типов в коллекции много переходных форм, что может быть связано с большой архаичностью комплекса.

Нами выделено 12 основных типов керамики Сотто. При всем многообразии форм четко выделяются крупные биконические сосуды. Очень характерны овальные веялки с рифленым дном и однотипные с ними гладкодонные корыта. Разнообразны ребристые чаши. Многие из них отличаются только размерами. Вместе с тем ясно видно, что они должны были иметь различное назначение. Основные выделенные типы также должны были различаться функционально. Формы каждого типа отражают местные традиции, этнографические особенности культуры.

Т и п 1. Биконические (ребристые) сосуды имеют массивное, сильно расплющенное при формовке, четко выделенное, плоское дно и характерный перелом (ребро) в нижней трети стенки (табл. 53, *11*, *12*). По технике изготовления сосуды целиком соответствуют первой группе. Самые крупные корчаги имеют диаметр от 75 до 90 см; их высота, по-видимому, превышала метр. Обычны сосуды 30—40 см диаметром. В поздних формах дно становится тоньше и не так резко выделено, ребро выражено мягче. Постепенно меняются и пропорции сосудов. В нижних горизонтах верхняя половина корчаг имеет форму высокого усеченного конуса с почти прямыми стенками. Форма ребристых сосудов развивается от слоя к слою. Сосуды верхних горизонтов относительно и шире и ниже, стенка выше ребра постепенно становится сферической, а венчик сильнее отогнут. Таким образом, биконическая форма постепенно трансформируется в сферическую. Сосуды никогда не расписываются, зато часто украшаются разнообразными налепами по венчику.

Т и п 2 включает сферические сосуды архаической хассуны (табл. 53, *8*). Маленькое округлое дно едва выделено. Средняя часть тулова может

быть несколько вытянута. Высокий венчик четко выделен, в поздних типах имеет форму высокого вертикального воротничка, часто украшен ленточным орнаментом, нанесенным красной охрой. Сферические корчаги (кв. 10 горизонт 7) имеют высоту около 80 см. По технике изготовления и температуре обжига сферические сосуды целиком соответствуют первой керамической группе.

Тип 3 объединяет веялки архаической хассуны, а по технике изготовления целиком входит в первую технологическую группу керамики. Это большие плоские овальные корыта с невысокими прямыми, несколько отогнутыми наружу стенками. Их длина достигает 70—80 см, высота обычно не больше 12—15 см. Дно расплющено при формовке и имеет четкий край. Край прямого венчика закруглен. Внутренняя поверхность дна рифленая. В ранних типах она покрыта несистематическими защипами или тычками острой щепкой, в поздних — параллельными канавками поперек длинной оси веялки. По общему мнению, эти сосуды служили для лущения колоса.

Тип 4 включает овальные корыта с низкими стенками, по форме и размерам аналогичные веялкам, но с гладким дном. Технологически тип целиком входит в группу грубой керамики (табл. 54, *14*; 55, *1*, *2*).

Тип 5. Сковороды близки по форме корытам, но имеют очень низкую стенку. При диаметре или поперечнике более 30 см их высота не превышает 3 см. По назначению они также должны были отличаться. По технике изготовления тип относится к группе грубой керамики. Встречаются сковороды и из необожженной глины (табл. 54, *5*, *6*).

Тип 6. Ребристые чаши. Имеют широкое плоское дно и почти вертикальные стенки с четко выраженным ребром. После ребристых сосудов это самый многочисленный и характерный тип посуды. Очень варьируют их размеры, от 12 до 35 см и более в диаметре. Высота обычно составляет около двух третей ширины сосуда. Иногда верхняя часть стенок немного наклонена внутрь, однако в целом все сосуды открытой формы. Венчик чуть отогнут. Расписные ребристые чаши очень редки. Большинство из них изготовлено из грубого теста (табл. 56,*6*, *12*; 57, *9*, *12*, *13*).

Тип 7. Округлые чаши—небольшие открытые сосуды с округлыми стенками, незаметно переходящими в маленькое плоское дно. Край короткого венчика плавно отогнут, иногда залощен по верхнему обрезу. Диаметр сосудов обычно колеблется между 10—15 см, высота редко превышает половину диаметра. Все чаши изготовлены из хорошо отмученного теста и относятся к третьей технологической группе. Большинство из них расписано лентой по венчику снаружи и изнутри, некоторые целиком покрыты охрой. Безусловно, это столовая посуда (табл. 57, *8*, *11*; 58, 12, 15).

Тип 8. Прямостенные миски — сосуды с широким плоским расплющенным массивным дном, почти прямыми, слегка отогнутыми наружу стенками и прямым венчиком. Относятся к первой технологической группе. Обычно не орнаментировались. По форме миски напоминают корыта третьего и четвертого типов, но отличаются от них небольшими размерами. Преобладает круглая форма. Диаметр найденных экземпляров колеблется от 10 до 20 см (табл. 54, 2, *3*, *12*; табл. 59, *18—20*).

Тип 9. Округлые миски. Открытые низкие сосуды с округлыми стенками, плавно переходящими в маленькое плоское дно. От чаш (тип 7) миски отличаются небольшой глубиной, высота более чем в три раза меньше ширины. Диаметр обычно колеблется от 20 до 30 см. Встречаются как грубые,

так и тонкие миски, т. е. они принадлежат к первой и третьей технологическим группам (табл. 54, *1*, *4*, *7*; 60, *14*, *16*).

Тип 10. Блюда. Имеют большое плоское дно или ленточный круговой поддон, почти плоские, без стенок, с прямым краем. Диаметр сосудов обычно составляет 25—40 см. Отдельно найдены массивные короткие ножки, которые также могут принадлежать блюдам. Одно из них целиком обмазано гипсом, причем сделано это не для ремонта, а с какими-то функциональными целями или для украшения (табл. 54, *10*, *11*).

Тип 11. Ребристые кубки. Небольшие сосуды с высотой больше ширины. Стенки практически вертикальные, переход к днищу образует резкий перелом. Обычный диаметр составляет 7—10 см, высота 10—20 см. Кубки сделаны как из грубого (1 технологическая группа), так и тонко отмученного теста (3 группа). Тонкие кубки украшались ленточной росписью по венчику (табл. 61, *9—11*).

Тип 12. Округлые кубки. Небольшие закрытые сосуды с округлыми стенками, плавно переходящими в маленькое плоское дно. Край венчика прямой или слегка отогнут, часто украшен ленточной росписью. Высота сосуда равна или превышает ширину. Встречаются кубки как первой, так и второй технологической группы (табл. 57, *1—3*; 58, *1—4*).

Описанные типы керамики и их соотношение в различных горизонтах заметно меняются на протяжении существования памятника по мере развития культуры.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ ТЕЛЛЬ СОТТО

В основании культурных напластований Сотто выявлен очень архаичный культурный комплекс, предшествующий архаической хассуне и названный нами комплексом Сотто. Аналогичные материалы известны в телль Хассуне, в Телюль эс-Таласате и Умм Дабагии. Однако в накоплении культурной толщи всех трех памятников есть перерывы, и только Сотто позволяет полно проследить судьбы этой культуры. Как показано в стратиграфическом разделе, культурная толща на Сотто накапливалась непрерывно. К этому приводит и анализ материальной культуры. Охарактеризуем ее по горизонтам.

Первый и второй горизонты тесно связаны стратиграфически и едины культурно. Представляется, что, придя на место будущего поселения, человек действительно некоторое время мог жить в специально оборудованных ямах (яма 11). Однако уже очень скоро он приступил к строительству первых домов. Жилые ямы и дома могли делать одни и те же люди.

Керамика придает комплексу особое своеобразие. Грубые сосуды с ребром и ребристые чаши, овальные веялки и корыта наиболее архаичных форм составляют 90% посуды. Они изготовлены в грубой технике (I группа). В тесте много хорошо видной на глаз крупно рубленной соломы. На плохо заглаженной шероховатой поверхности — отпечатки выгоревших примесей. Обжиг неровный, при низкой температуре, в костре или яме.

Около десятка грубых ребристых биконических сосудов сохранились целиком или хорошо реконструируются и образуют выразительную серию. Обычно они вкапывались основанием в землю и использовались на месте в качестве хранилищ как в помещениях, так и на хозяйственных площадках. Поэтому и сохранилась их придонная часть. Обломки стенок крупных

сосудов — самая частая находка в слое, среди них — много формообразующих фрагментов (табл. 53, *9—15*).

Ребристые сосуды отличаются большими размерами. Диаметр некоторых достигает 85 см. Такие сосуды трудно было переносить. Они имеют массивное расплющенное дно небольшого диаметра. Ребро на стенке обычно расположено в придонной части, не выше трети высоты сосуда. Стенки ниже ребра слегка вогнуты, может быть еще при формовке, до обжига. Верхняя часть сосуда образует усеченный конус, часто достаточно высокий. Край короткого венчика может быть немного отогнут. Сосуды никогда не расписывались, однако часто украшались рельефными налепами по венчику, которые могли иметь и функциональное назначение (табл. 62, 63, 64). Большинство налепов встречено в 1, 2 горизонтах, в 3—6 горизонтах их меньше, но типология не меняется. В горизонте 7 налепов совсем не встречено. По другим памятникам известно, что в архаической хассуне простейшие ручки-налепы есть только на веялках.

Налепы делались из глины и прикреплялись вдоль венчика. Особенно интересны антропо- и зооморфная группы налепов. Целиком сохранилась выполненная аппликацией фигурка человека с поднятыми к небу руками. Стилистически она прямо повторяет контур глиняной женской статуэтки. Антропоморфным фигуркам может принадлежать и часть обломков. Два параллельных валика очень напоминают человеческий глаз.

Среди зооморфных неоднократно встречаются налепы в виде извивающейся змеи. Целые фигурки с хорошо вылепленной головкой не оставляют сомнения в таком сходстве. Некоторые налепы напоминают летящую птицу или рогатую головку барана. Встречаются обломки сложных, по-видимому также зооморфных, налепов. Среди обычных налепов встречаются кнопки, которые особенно многочисленны, прямые и изогнутые в виде ушка валики и разнообразные их сочетания. Иногда кнопка окружена кольцевым валиком или нарезкой. Кнопки могут располагаться вдоль всего венчика, попарно или группами. Часто кнопки имеют форму горизонтального овала, который может быть прорезан по длинной оси. Иногда налеп делается в виде горизонтального тонкого жгута. Они могут располагаться и попарно, параллельно друг другу.

В двух случаях сосуд опоясан кольцевым валиком. Некоторые миски имеют на венчике отверстия для прикрепления мягкой, веревочной или кожаной ручки.

В целом сосуды-хранилища первого-второго горизонтов отличаются своей архаичностью. Ребро и дно четко выражены. Стенки выше ребра почти прямые. Лишь в одном случае они приобретают слегка сферическую форму, что характерно для более поздних перекрывающих слоев.

Вторую характерную группу посуды нижнего культурного комплекса составляют веялки, плоские и глубокие корыта, сковороды. Среди всех этих типов часто встречаются, а может быть и преобладают, овальные формы. Шероховатое дно веялок выполнено защипами или тычками концом палочки. Ребристых днищ, характерных для хассунских веялок, здесь вообще нет. Плоское дно имеет расплющенный острый край. Прямые стенки слегка отогнуты, венчик вообще не выделен. Сковороды отличаются низкими толстыми стенками, плавно переходящими в днище. Некоторые из них остались необожженными. Часто посуда этих типов превышает в поперечнике 50 см. Несколько маленьких мисочек повторяют эти формы в миниатюре.

Ребристые чаши — один из наиболее характерных и многочисленных

типов посуды керамического комплекса Сотто (табл. 61, *12*, *13*, *15*). Во втором горизонте они особенно выразительны и разнообразны. Четко выраженное ребро на стенке сближает их с биконическими сосудами. Размеры и формы чаш очень разнообразны. Самые крупные из них превышают в поперечнике 35 см. У низких чаш высота составляет менее половины ширины, у высоких они почти равны. Стенки обычно чуть загнуты внутрь, реже вертикальные или отогнуты наружу. Венчик обычно почти прямой, реже слегка отогнутый, с острым, закругленным или расплющенным краем.

Остальные типы посуды встречаются гораздо реже. Кубки представлены только несколькими экземплярами, а горшки могут быть выделены условно по отдельным фрагментам. В небольшом количестве встречаются миски с плоским или округлым дном. Очень своеобразны блюда на кольцевом поддоне (табл. 54, *10*, *11*). Были, по-видимому, блюда и на коротких ножках. Довольно распространены прямоугольные формы глиняной посуды, среди них — миски и сосуды, напоминающие шкатулки. Вся эта посуда сделана в грубой технике. Отдельные экземпляры украшены росписью. Обычно охрой снаружи и изнутри покрывался верхний край венчика, реже внешняя поверхность сосуда целиком закрашивалась охрой. Роспись треугольниками во втором горизонте вообще не встречена.

Тонкая посуда очень редка. Преимущественно это небольшие чаши с округлыми стенками, плавно переходящими в днище. В целом керамический комплекс второго культурного горизонта характеризуется абсолютным преобладанием грубой ребристой посуды. Округлые формы, в том числе тонкой керамики, составляют не более 5—10% комплекса. Он может быть определен как архаический комплекс Сотто.

По технологическим характеристикам керамический комплекс Сотто очень однороден (приложение 8, таблицы 1—4). По-видимому, все крупные сосуды обжигались в ямах, как это было прослежено во время раскопок. Столовая посуда несколько более высокого качества и могла обжигаться в кухонных печах. На протяжении существования Сотто и Кюльтепе постепенно меняется удельный вес различных групп керамики. В 1—2 горизонтах Сотто большие корчаги абсолютно преобладают, а тонкой мягкой керамики в верхних слоях относительно больше, чем в нижних. При этом основные технологические приемы изготовления посуды остаются неизменными. Данные специального анализа не противоречат этому выводу (приложение 9). Принципиальные усовершенствования в технике изготовления посуды произошли лишь при переходе к стандартной Хассуне и связаны с резким улучшением качества обжига в керамических печах.

Представление об эволюции глиняной посуды Сотто дает анализ ее типологии (приложение 8, таблицы 5—9). Общая тенденция развития состоит в постепенной трансформации ребристой посуды в сферическую через целый ряд промежуточных форм. Этот процесс оправдан технологически и хорошо выявляется статистическими подсчетами. Округлые и сферические сосуды становятся меньше, улучшается их транспортабельность.

Наиболее наглядны изменения формы крупных сосудов-хранилищ. В первом и втором горизонтах, которые и дают характерный керамический комплекс Сотто, абсолютно преобладают три типа сосудов: большие, биконические корчаги с четко выделенным расплющенным плоским дном, резко выраженным ребром и прямыми стенками с едва заметным венчиком; овальные тазы и крупные ребристые чаши. Небольших горшков, которые бы повторяли по форме сосуды-хранилища, в нижних слоях Сотто нет, что также говорит о неразработанности форм и большой архаичности ке-

рамики этого времени. Довольно много прямостенных глиняных сосудов, часто на ножках, напоминающих шкатулки. Скорее всего, они повторяют плетеные и деревянные емкости. В верхних слоях эти формы исчезают. Крупные сосуды имеют налепы вдоль венчика: кнопочные, зоо- и антропоморфные. В верхних горизонтах сложные формы налепов практически исчезают. Чаши и миски часто украшены простейшей росписью в виде ленты и треугольников вдоль венчика, а часто целиком покрыты охрой. Она легко смывается и могла быть нанесена после обжига. Практически все фрагменты, исследованные под микроскопом, сохранили следы охры на поверхности (приложение 9). Охрой покрывалась не только столовая посуда, но и большие корчаги, ее следы сохранились как на наружной, так и на внутренней поверхности сосудов. По-видимому, этот обычай преследовал не только декоративные, но и магические цели.

В третьем горизонте телль Сотто количество ребристых корчаг и корыт несколько сокращается. В 4—6 горизонтах становится заметно больше биконических корчаг с отогнутым венчиком, а в горизонте 7 появляются сферические корчаги с узким высоким горлом, оформленным вертикальным четко выделенным венчиком. Начиная с 4 горизонта начинает сокращаться количество ребристых чаш, а округлых мисок становится больше. Горизонт 6 по соотношению основных технологических групп и форм посуды еще целиком принадлежит комплексу Сотто, а несколько большее количество стандартной керамики объясняется простым смешением на склонах холма, где древние слои выходят на поверхность. Между сферическими корчагами горизонтов 6 и 7 может быть небольшой типологический разрыв. Полная смена планировки поселения подтверждает это наблюдение. Горизонт 8 и сборы на поверхности телль Сотто содержат преимущественно грубую архаическую керамику. Со времени архаической Хассуны памятник не только не был заселен, но и редко посещался. Случайные обломки стандартной хассунской керамики были принесены сюда со стороны. Культура развитого Сотто гораздо полнее представлена в Кюльтепе и Ярымтепе I.

ОРУДИЯ ТРУДА, УКРАШЕНИЯ, ГЛИНЯНЫЕ СТАТУЭТКИ

Каменные орудия телль Сотто изготовлены из местного галечного кремня низкого качества. Традиционные пути доставки обсидиана в это время нарушаются и на Сотто он почти не известен. Вся коллекция орудий и отходов производства заметно меньше, чем в Магзалии. Типичных карандашевидных нуклеусов нет, а ножевидные пластины невысокого качества встречаются редко. Наиболее типичны нуклевидные ядрища с короткими несистематичными сколами. В целом, техника раскалывания камня поразительно низка. В Магзалии еще сохраняются некоторые микролитические черты предшествующей мезолитической эпохи, в Сотто они совершенно утрачиваются. По технике раскалывания камня Сотто целиком тяготеет к хассунской культуре.

В телль Сотто найдено всего два черешковых наконечника стрел на кремневых ножевидных пластинах, меньше становится скребков и резцов (табл. 69, *1*). Скребки, как правило, изготовляются на отщепах и обломках кремня, а резцы делались только угловые. Мелкие тесла и топорики из цветного камня, найденные на Сотто, находят точные аналогии в Магзалии (табл. 70). В отличии от Магзалии, для Сотто характерны большие зернотерки с вогнутой рабочей поверхностью и округлые терочные камни. Типичные для Магзалии крупные жатвенные ножи, в том числе с шипом,

в Сотто вытесняются мелкими вкладышами для серпов из кремневых неретушированных пластин. Об их назначении говорит залощенность рабочего края, следы битума сохранились от закрепления в рукоятке. Шилья на обломках трубчатых костей имеют залощенный рабочий конец (табл. 71). Они могли заменить не известные на Сотто костяные иглы с ушком. Костяных лощил найдено лишь несколько экземпляров.

Наряду с традиционными орудиями из камня и кости, в Сотто широко распространяются глиняные пули для пращи, заменившие наконечники стрел, и пряслица в форме колесика с отверстием в центре (табл. 72). Некоторые из них имеют такое тонкое отверстие, что могли использоваться только как грузики (табл. 72). Большое количество пряслиц в Сотто позволяет говорить о ткачестве. Предпосылки для его возникновения можно видеть в развитых приемах плетения, зафиксированных в Мазгалии. К сожалению, не приведено химического анализа медной бусины из погребения 22 с телль Сотто. Она представляет тонкий листок меди, прокованный и согнутый в полтора оборота в виде трубочки.

Как уже говорилось, в Сотто широко распространена глиняная посуда. Женские статуэтки, как и керамика, делались из глины с растительными примесями. Судя по найденным фрагментам, все фигурки были сидячими. Раздельно лепились массивные ноги и торс статуэток. Также изготовлены статуэтки Мазгалии. Длина основания одной из фигурок составляет 9 см (табл. 73). В той же технике вылеплена единственная целая статуэтка высотой менее 2 см. (табл. 73, *1*). Найдено всего два торса. Один из них сохранился плохо, однако явно напоминает стилизованные торсы Мазгалии (табл. 73, *4*). Вторая фигурка имеет широкие плечи и реалистично проработанную грудь, чем сильно отличается от фигурок Мазгалии (табл. 73, *2*). В связи с этим интересен и антропоморфный налеп на сосуде, выполненный в виде женской фигурки с поднятыми вверх руками (табл. 63, *34*; табл. 64, *1*). Лишь один небольшой обломок статуэтки может быть понят как головка рогатого животного, напоминающего головку быка из Кюльтепе (табл. 73, *3*). Наконец, великолепная беломраморная подвеска из телль Сотто выполнена в виде фигурки барана с массивными загнутыми вниз рогами (табл. 69, *4*). Зооморфные налепы встречаются и на глиняных сосудах из телль Сотто (табл. 64). На имеющемся материале можно заключить, что статуэтки Мазгалии и Сотто аналогичны по технике лепки, близки по композиции и формам, однако в Сотто становятся более реалистичными. Характерно, что в телль Сотто все статуэтки найдены в двух нижних горизонтах, а в Кюльтепе антропоморфных фигурок нет совсем. Таким образом, статуэтки встречаются на ранних этапах существования культуры Сотто и продолжают традиции докерамического неолита. В развитом Сотто они исчезают и вновь появляются лишь в стандартной Хассуне, как это хорошо видно на материале Ярымтепе I и телль Хассуны.

Различия в формах и наборе орудий труда Сотто и Мазгалии в значительной степени могут быть объяснены изменениями в хозяйстве и качестве исходного сырья. От охотничьего инвентаря зависит успех охоты и он всегда искусно изготовлен. С переходом к земледелию количество охотничьих орудий сокращается, а орудия для обработки дерева, кожи и кости постепенно начинают играть чисто служебную роль. Усиление роли земледелия в хозяйстве связано с выходом земледельцев на равнину и могло произойти достаточно быстро. Вместе с тем, ряд мелких черт в культуре позволяет говорить об определенных исторических связях между этими памятниками. В Сотто сохраняются традиции шлифования камня и ка-

менная посуда, так характерная для Магзалии и других памятников докерамического неолита. Наконечники стрел из Сотто типологически близки черешковым наконечникам Магзалии. В хассунских памятниках они совсем исчезают. В Сотто и Магзалии много каменных бус и подвесок близких типов. Особенно интересны мраморные браслеты из телль Сотто, аналогичные браслетам Магзалии (табл. 69, *2*). Вместе с ними уже в нижнем слое Сотто встречены уплощенные биконические бусы из глины, точно повторяющие каменный прототип, типичный для хассунских памятников (табл. 69). Глиняные бусы этого типа известны и в телль Хассуне. Таким образом, при определенном сходстве, в культуре Магзалии и Сотто ощущается небольшой хронологический разрыв, который будет заполнен лишь с открытием новых памятников.

ПОСЕЛЕНИЕ КЮЛЬТЕПЕ

Кюльтепе находится приблизительно в 6 км по прямой строго на запад от Ярымтепе. Группа состоит из двух теллей (рис. 35). Оба они расположены на левом берегу вади Шарайя, в 2 км к северу от деревни Шарайя и в 1,5 км южнее деревни Шарайя-Шемали. В 800 м к северо — северо-востоку от Кюльтепе возвышается телль Ахмед Фоттотепе, содержащий остатки халафской культуры. Местность Кюльтепе (золистый холм) названа по имени небольшого, наполовину размытого рекой холма. В обнажении хорошо виден золистый культурный слой. В 100 м к югу-востоку от Кюльтепе находится другой небольшой телль, не имеющий названия, который и был выбран для раскопок. Этот основной объект назван нами Кюльтепе 1 (или просто Кюльтепе). Разрушенный рекой телль получил название Кюльтепе 2. Пологие склоны холмов почти смыкаются.

Кюльтепе 2 имеет высоту 2,5 м и диаметр 50 м. Холм круглый, с пологими склонами. Река разрушила немногим менее половины телля. Судя по сборам на обнажении, он целиком относится к архаической хассуне. Площадь телля составляет 1500—2000 кв. м, высота над пашней 2 м.

Кюльтепе 1 удален приблизительно на 100 м от реки и сохранился целиком. Холм слегка вытянут с северо-запада на юго-восток и занимает площадь 60 × 80 м. Площадь поселения в каждый из периодов его жизни была значительно меньше. По-видимому, телль стоит на небольшом естественном возвышении. Высота телля над пашней немногим более двух метров. На вскрытой площади поверхность материкового слоя образует небольшой склон, обращенный на восток, в противоположную от реки сторону. Под современной вершиной телля она находится на отметке —215 см, в восточном конце траншеи —245 см. Высота холма 2—2,5 м. На распахиваемой поверхности собрана архаическая хассунская керамика с большим количеством грубой кухонной посуды. Особенно много грубой керамики было на более крутом, восточном склоне холма. Естественно предположить, что поселение росло по направлению к реке, в этом случае древнейшие слои находятся под его восточной полой. Работы целиком подтвердили это.

Раскопками вскрыто 125 кв. м. Первоначально была заложена ступенчатая стратиграфическая траншея от вершины холма на его восточную полу, длиной 20 м и шириной 2,5 м. Траншея вписана в ориентированную по странам света сетку квадратов. Впоследствии она была расширена в квадратный раскоп, северо-западный угол которого приходится на вершину холма. На западном склоне холма на линии траншеи заложен шурф

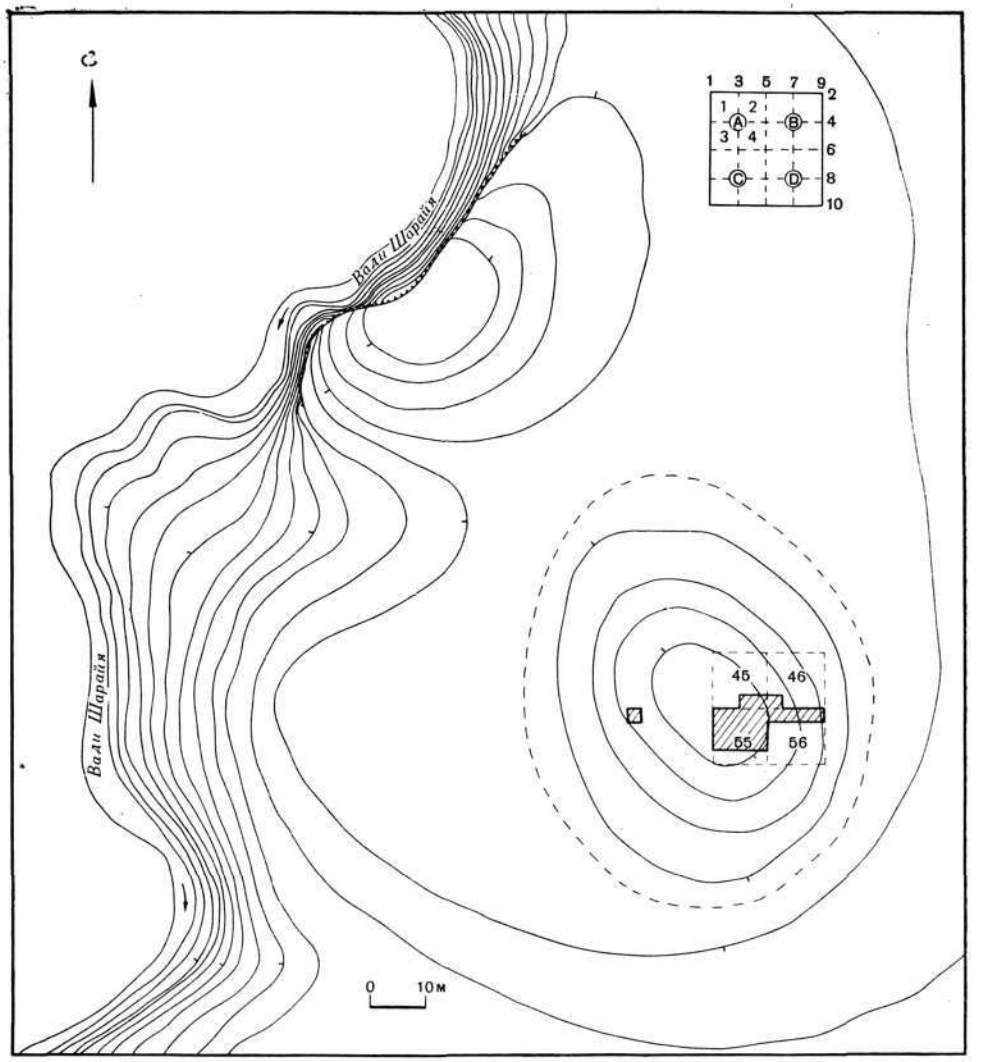

РИС. 35. План холмов Кюльтепе

2,5 × 2,5 м. Вся площадь доведена до материка (рис. 35). Раскопки Кюльтепе велись в методике, выработанной на телль Сотто. За нулевую отметку принята точка на вершине холма в северо-западном углу кв. 55. Запасный репер с отметкой —100 отнесен на 16 м к югу от нулевой точки.

СТРАТИГРАФИЯ, АРХИТЕКТУРА И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ

Мощность культурного слоя не превышает 2,25 м. Выявлено четыре строительных горизонта, в ряде случаев с перестройками (рис. 36). Заметных перерывов в накоплении культурного слоя нет, однако на вскрытой площади каждый из выделенных горизонтов связан с полной сменой построек. Мощный нижний горизонт дал материал типа Сотто (табл. 74—76).

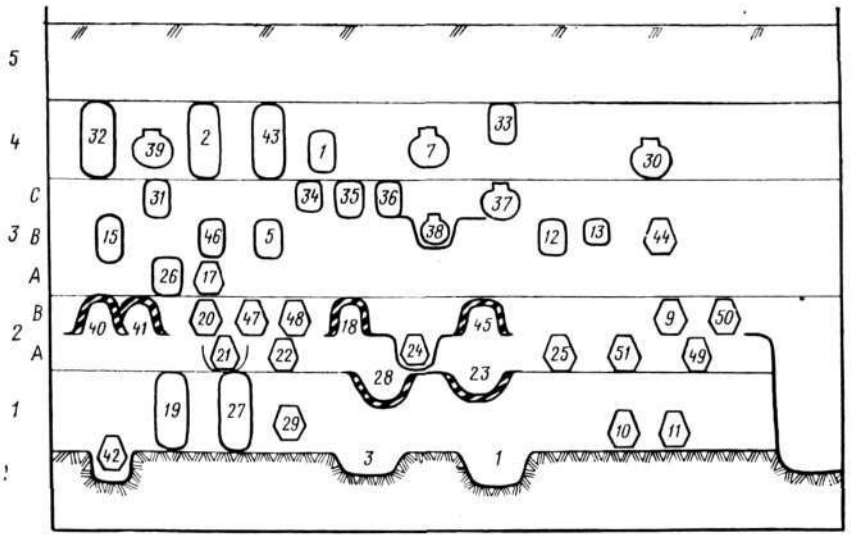

РИС. 36. Кюльтепе. Стратиграфическая схема раскопа

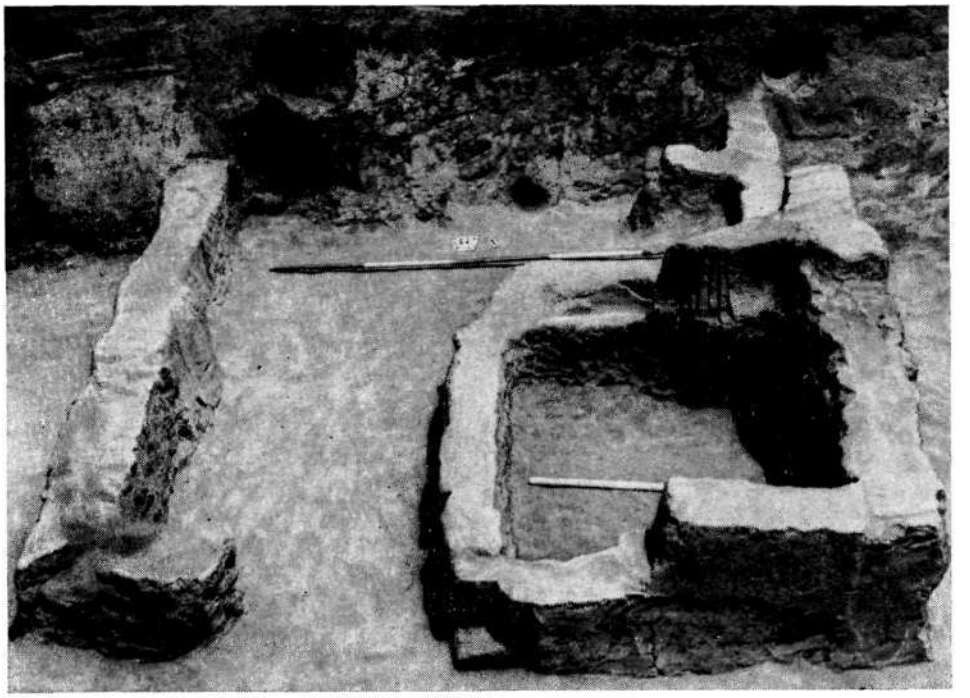

РИС. 37. Кюльтепе. Жилое помещение дома 27

Первый (нижний) горизонт выявлен под восточной полой холма. На вскрытой площади он объединяет развалины одного дома и несколько небольших ям вокруг него. Слой постепенно выклинивается к западу и совсем не обнаружен в шурфе на западном склоне холма. Дом стоит на материковом слое. Нет сомнений, что весь комплекс возведен одновременно. Ни одна из ям не уходит под стены дома, все они расположены по его периферии. Из ямы 1 могла браться глина для строительства. Яма вырыта в материке, ее глубина не превышает 50 см, край неровный, стенки пологие. Рядом — несколько мелких углублений. Яма заполнена глинистым натеком с небольшой примесью гумуса и отдельными черепками. Среди них преобладают обломки грубой кухонной посуды, в том числе с налепами, несколько крашеных черепков. Небольшая круглая яма 3 у наружной стены дома глубиной 30 см, имеет ровную круглую стенку. В гумусном заполнении на дне — обломки ребристого сосуда. Последовательность сооружения ям не установлена (табл. 77).

Дом 27 — единственная исследованная постройка нижнего горизонта. Стены хорошо сохранились (рис. 37). Все открытые помещения образуют единый комплекс, состоящий из жилой комнаты и соединенных с ней кладовых. Помещения правильной прямоугольной формы расположены симметрично. Полезная площадь жилой комнаты 14 кв. м (2,5 × 5,5 м). Входной проем шириной 1 м (после реконструкции — 70 см) сделан в южном торце постройки. Помещение разделено контрфорсами на три почти равных отсека. В первом отсеке у входа выгорожено хранилище. Образующая его перегородка имеет шов со стенками дома, ее основание стоит на глиняном полу дома. Изнутри отсек несколько раз тщательно обмазан толстым слоем глины. В заполнении найдены следы угля и отпечатки горелого зерна. Здесь могло быть зернохранилище.

В центральном отсеке у стены в пол вкопана грубая ребристая корчага диаметром около 80 см с 12 кнопочными налепами по венчику (сосуд 29). В углу между стеной и сосудом на полу было закопано более десятка кремневых желваков, подготовленных для обработки.

Хозяйственные ячейки имеют внутренние размеры 1,25 × 1,4 и 1,4 × 1,7 м (рис. 38). Их полы и стены также обмазаны глиной. Заполнение глинистое. На полу посреди восточной ячейки найдено три целых каменных сосуда. По-видимому, они были спрятаны здесь и забыты. Исследована лишь часть постройки. Жилое помещение по размерам и характерной выгородке для зерна близко напоминает дома нижнего слоя телль Сотто. Оно объединено с комплексом симметрично спланированных мелких хранилищ, напоминающих постройки второго и третьего слоев Умм Дабагии. Схожи и монументальные приемы строительства. Толщина стен составляет более 40 см. Отсутствие швов в наружной стене, симметричность и стандартные размеры ячеек-хранилищ показывают, что все здание сделано по единому плану. Стены сложены из глины с примесью темного гумуса и большого количества соломы, снаружи покрыты многослойной, неоднократно возобновлявшейся красноглиняной обмазкой. Торцы контрфорсов также установлены по подмазкам пола. В нижней части стен ячеек в двух местах зафиксирована обычная для техники «тоф» слоистость кладки. Толщина слоев составляет 6—7 см. Вертикальный шов выявлен лишь в одном случае. Стены прослежены на высоту 40—80 см. Заполнение помещений выше полов однородное, почти без находок. Скорее всего, дом был оставлен сразу и долгое время находился в запустении.

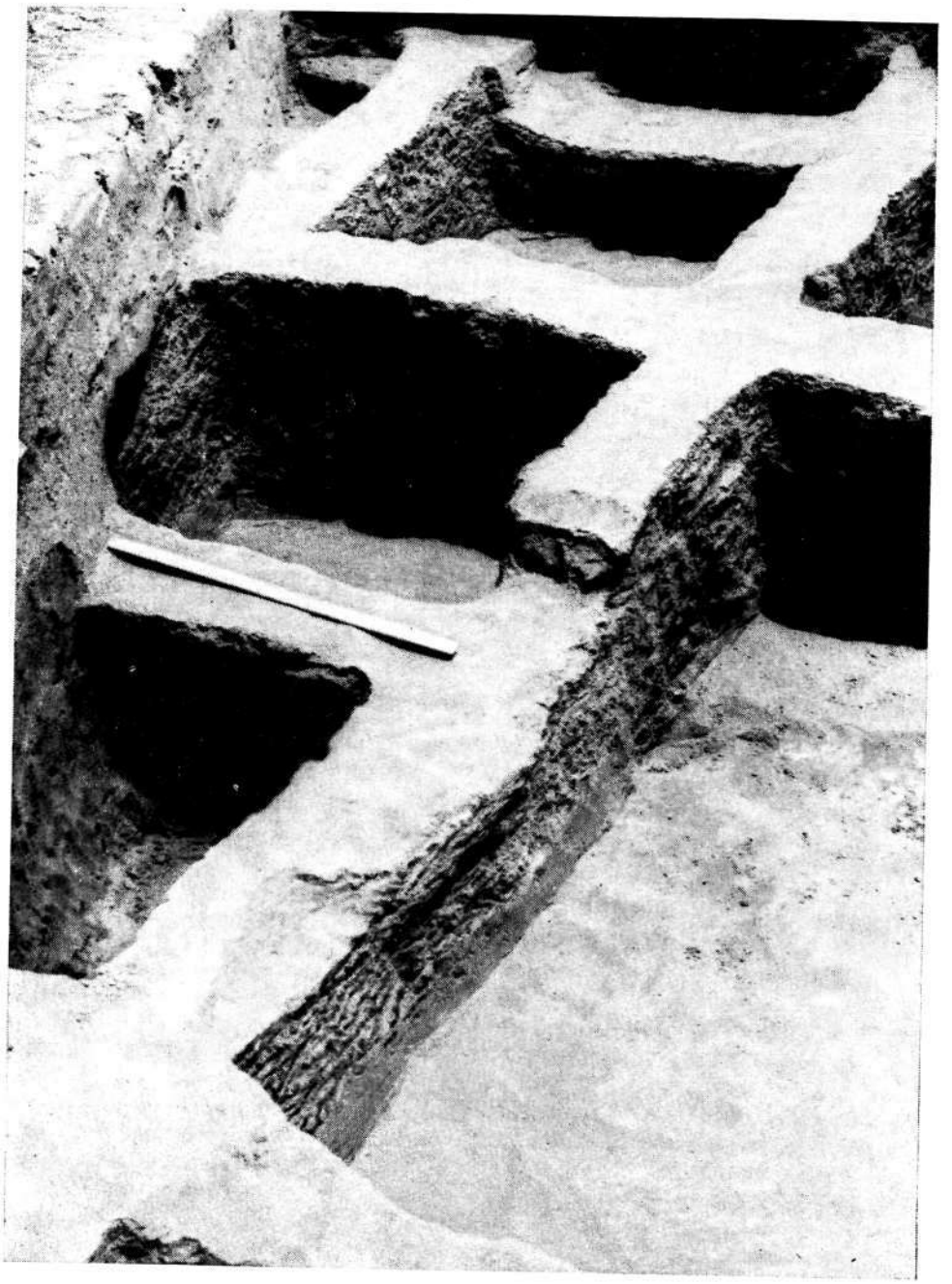

РИС. 38. Кюльтепе. Подсобные помещения дома 27

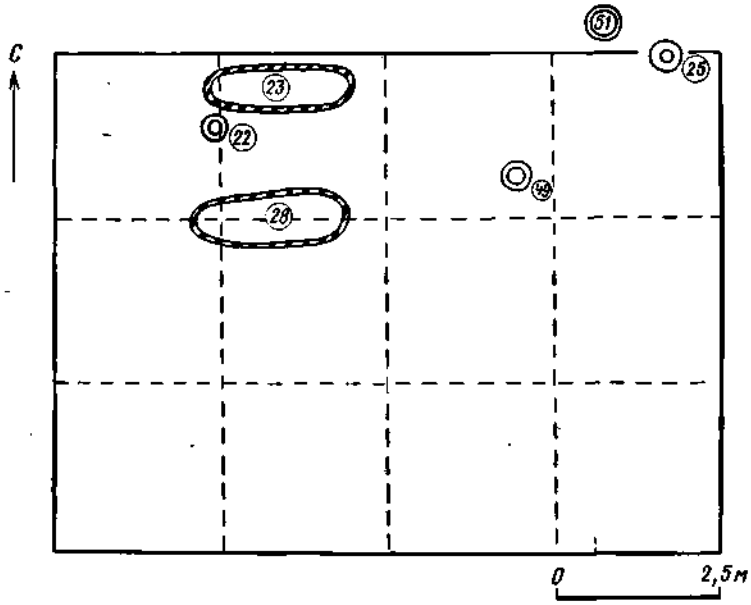

РИС. 39. Кюльтепе. Квадрат 55. План построек горизонта 2а

Стена 19 (кв. 55-А-1) древнее дома 27 и с трудом прослежена на небольшой площади по обмазкам поверхности. Интересен объект 42 (кв. 55-А-3). Это сферическая яма диаметром 40 см, выкопанная в материке с его поверхности. Изнутри яма аккуратно обмазана слоем глины толщиной около 3 см. В заполнении ямы был рыхлый гумус, находок нет.

В шурфе на кв. 53-В-1 в предматериковом слое также не встречено построек. Видимо, где-то здесь проходил западный край древнейшего поселения. Найденные в предматериковом слое сосуды 10 (кв. 53-В-1, глубина —205—220 см) и 11 (кв. 53-В-1, глубина —180—200 см), безусловно, сопоставимы по своему стратиграфическому положению с первым горизонтом основной площади. Ребристая форма сосудов подтверждает эту связь.

Второй культурный горизонт объединяет два слоя (рис. 39, табл. 77). Первый связан с двумя овальными очажными ямами 23 и 28. Второй — с четырьмя большими круглыми печами 18, 40, 41 и 45. Все печи стояли на обращенном к реке западном склоне холма, на развалинах дома 27. Горизонт хорошо выделяется по углисто-золостым выбросам из печей. В западной части кв. 55 их мощность достигает 120 см, в восточной, на вершине древнего холма над центром разрушенного дома, практически выклинивается. Очаги 23 и 28, по-видимому, были одновременны или быстро сменили друг друга. Выбросы из них не удалось расчленить. Рядом с ними стояли грубые корчаги-хранилища 22, 25, 49, 51. На других исследованных поселениях такие очаги обычно расположены на хозяйственных площадках около домов и служили для приготовления пищи. На Кюльпете связанные с ними постройки находятся, возможно, к северу и западу на неисследованной площади. Ямы близки по размерам (90 × × 40 — 45 см при глубине 30—35 см). Стенки сильно обожжены, вероятно, они были предварительно покрыты глиняной обмазкой. Очаги целиком заполнены золой и углем, в яме 28 много обломков керамики.

Сосуды 22, 25, 49, 51, стоявшие вокруг очагов,— небольшие, тонкостенные, почти сферической формы. Ребро на стенке едва заметно. Сосуды Кюльпете заметно отличаются от больших высоких корчаг с четко выраженным ребром на стенке, характерных для керамического комплекса нижнего слоя Сотто. При этом вся группа достаточно разнообразна по формам. Невысокий почти вертикальный венчик на сосуде 25 покрыт красной лентой росписи (табл. 78, *5*).

Верхняя свита слоев второго горизонта мощностью местами до 50 см представляет выбросы из четырех круглых наземных печей — 18, 40, 41, 45 (табл. 77). Печи не сосуществовали, а сменяли друг друга. Древнейшая печь 41 частично нарушена построенной на ее месте печью 40, выбросы из печей 18 и 45 четко перекрывают обе предыдущие. При этом стена 45, высотой всего 10—15 см, прямо перекрыта зольниками из печи 18, и, по-видимому, была срублена при строительстве последней. Печь 18 проработала дольше других. Связанные с ней выбросы прослежены на всей площади раскопа. Стена печи толщиной около 15 см сложена из глины с большой примесью гумуса, монолитна по структуре. Она хорошо прослежена по всему периметру и нигде не прерывается устьем. По-видимому, топочное отверстие было выше уровня пола. Наружная поверхность стены покрыта желтой обмазкой. Под и внутренняя поверхность печи сильно обожжены. Хорошо прослежены четыре слоя внутренней обмазки. Мощность каждого слоя достигает 3 см. Другие печи второго горизонта сохранились хуже. Яма 2 вырыта с поверхности бытования печи 45. Из нее могла браться глина на строительство. Яма целиком заполнена выбросами из печей.

Вокруг печей найдено несколько больших корчаг (9, 20, 21, 24, 47, 48, 50). Выявить и точно увязать между собой связанные с ними жилые поверхности не удалось. Сосуд 20 лежал на боку в небольшой яме и поэтому хорошо сохранился. Яма перекрыта стеной 26 (горизонт 3а). Типологически сосуд несколько отличается от остальных. Это сферическая корчага с максимальным диаметром 56 см, плоским дном, слабо отогнутым невысоким венчиком и едва выраженным переломом на переходе к днищу. Тесто грубое, с растительными примесями, обжиг слабый, росписи нет. Сосуд заполнен золистой землей, черепками, среди которых два мягких тонких обломка столовой посуды, крупными костями животных.

Корчага 24 (кв. 55-В-1, глубина —102—150 см) также лежала в яме, заполненной выбросами из печей второго горизонта (табл. 79, *3*). Корчага имела диаметр 60 см, небольшое хорошо выделенное плоское дно, четкое ребро и высокое тулово с выгнутыми толстыми стенками. Она вылеплена из грубого теста с растительными примесями. Черепок черный в разломе, неровного слабого обжига. Орнамента нет. Сосуд заполнен рыхлой гумусной землей с черепками, костями животных и пестом из цилиндрической гальки. На рабочих концах песта были видны следы охры.

Объект 47 представляет яму диаметром около 50 см, выкопанную в форме сосуда и обмазанную глиной. Стенки не обожжены. В заполнении ямы найдено 6 глиняных пряслиц, в том числе 2 крашеных, две пули для пращи, терочные камни, обсидиановый вкладыш на обломке пластины с ретушированными концами, обломки камней, кости животных.

Сосуд 48 лежал на боку на обожженной поверхности, связанной с печью 45, и был прикрыт куском пода печи. В рыхлом гумусном заполнении с горизонтальными глинистыми линзами найдено два обломка тонких крашеных полусферических мисок. Корчага имеет плоское дно, четкое ребро и высокое тулово со слабо выгнутыми стенками (табл. 79, *5*).

Целиком сохранился и хорошо стратиграфически зафиксирован *сосуд 49* в западной бровке кв. 45-D-3. Он имеет небольшое плоское дно, полусферические стенки выше подкоса и короткий довольно сильно отогнутый венчик.

Сосуд 50 лежал в маленькой яме, вырытой в развале дома первого горизонта. Черепок грубый, с растительными примесями, слабого обжига. Форма восстановлена по отпечатку сосуда в слое. Дно плоское, с массивным расплющенным краем, ребро четкое, тулово высокое с почти прямыми стенками. Максимальный диаметр сосуда составляет около 45 см, венчик не сохранился (табл. 79, *4*).

Сосуд 9 в золистой толще второго горизонта сильно деформирован. В заполнении найдены кусок грубого гипсового днища и венчик тонкой ребристой миски слабого обжига. Небольшое плоское дно слабо выделено, форма сосуда приближается к сферической, однако сохраняет еще ребро, венчик низкий, почти вертикальный (табл. 78, *6*).

При общей оценке второго горизонта обращают на себя внимание размеры печей, интенсивность их использования и большие скопления золы вокруг них. Прилегающие площади поселения слишком малы, чтобы на них можно было допустить существование больших жилых домов. Вполне вероятно, что телль в это время не был заселен постоянно, а посещался для производства каких-то хозяйственных работ.

Третий горизонт объединяет около десяти плохо сохранившихся небольших построек. Снизу он легко отделяется от золистых слоев горизонта печей, сверху перекрывается довольно крупной постройкой четвертого горизонта. Слои третьего горизонта малоинтенсивны, сохранившиеся обрывки стен плохо увязываются между собой. Не все постройки синхронны, они могли непосредственно сменять друг друга. Стены имели плохую сохранность и залегали в аморфном слое. Точно установить последовательность построек не всегда удается. Условно выделены три последовательных периода застройки горизонта (рис. 36).

Древнее других *постройка 26*. Связанные с ней слои прямо перекрывают горизонт печей. Красноглиняная, сделанная в обычной технике «тоф» и оштукатуренная изнутри глиной постройка хорошо прослежена в гумусном заполнении помещения. За стеной стоял сосуд 17, закрытый большим куском гипсовой обмазки. Рыхлое гумусное заполнение без находок. Сосуд имеет округлое дно, плавное невыраженное ребро, выпуклое тулово и слегка отогнутый венчик (табл. 78, *4*).

Второй период объединяет близкие по времени постройки 5, 15, 46, 12, 13. Четкого стратиграфического подтверждения их синхронности получить не удалось. Толстая стена 46 могла принадлежать большой, может быть жилой, постройке. Контрофорс сделан заодно со стеной. Изнутри и снаружи стена обмазана глиной с примесью соломы. К стене и контрофорсу подмазана лежанка. Стена сложена из перемежающихся красноглиняных и темных гумусных слоев толщиной по 15 см каждый.

Стена 15 (кв. 55-A-1, глубина —95—115 см) и стена 5 (кв. 45-D-4 и 55-B-3, глубина —97—127 см) стоят в однородной суглинистой толще. По структуре обе отличаются от капитальной стены 26. Около стены 5 лежала на боку раздавленная корчага 44 диаметром около 90 см. Толстые грязно-желтые по поверхности и черные в разломе стенки слабо обожжены, росписи нет. Дно плоское, плавное ребро разделяет придонную часть и выпуклое тулово. Низкий венчик слабо отогнут.

Стена 12 выполнена из зеленоватого гумуса и несколько раз штукатурилась глиной. К ней пристроена полукруглая стена 13. Помещение 31 прослежено на высоту всего 10 см. Все три постройки имели, по-видимому, хозяйственное назначение. Заполняющие слои невыразительны.

Постройки 31, 34, 36 и стоявшие у их стен сосуды 14, 30, 38 условно объединены в позднейшую группу построек третьего горизонта. Все конструкции размыты проникающими с поверхности дождевыми водами, а на южном склоне нарушены перекопами. Стена 34 была построена позже конструкций 12 и 13, а постройка 31 в целом одновременна стене 34. Большое прямоугольное помещение с тамбуром, внутренними контрфорсами образуют стены 34, 35, 36, при этом стены 35 и 36 разделены швом. В углу помещения в яме стоял сосуд 38 (кв. 55-D-2, глубина по дну около —150 см). Форма сосуда не восстанавливается, тесто грубое, плохого обжига. В заполнении сосуда много золы и угля. Яма со вкопанным в нее сосудом могла использоваться как очаг.

К северу от стены 34 вкопана корчага 37 (кв. 55-В-4, глубина по дну —150 см). Ее диаметр около 40 см, форма не восстанавливается. Толстый черепок из грубого теста с примесью соломы, плохого обжига.

Четвертый, верхний горизонт поселения образован остатками дома 43 (табл. 80). Условно связанные с ним постройки 32 и 33 могут относиться и ко времени последних перестроек третьего горизонта. Выгородка 1 в жилом помещении дома стоит на его полах и имеет шов с наружной стеной. Внутри загородки стоял большой сосуд 7, а рядом с ней — известняковая ступка 2 и сосуд 39 сферической формы, с отогнутым венчиком (кв. 55-В-3, глубина по дну —83 см). Сосуд 7 был совершенно раздавлен, шаровидный, с плоским слабо выделенным дном, плавным подкосом выпуклых стенок и коротким, слегка отогнутым венчиком. В тесте — грубые растительные примеси, росписи нет. В помещении 2 не найдено никаких хозяйственных предметов, однако в заполнении много гумусных линз.

В мелких ячейках частично исследованной постройки 32 могли быть хранилища. *Сосуд 30* (кв. 55-С-1, глубина —80—100 см) врыт с жилых слоев около дома 43 (табл. 78, *2*). Сосуд имеет сферическое тулово, высокий вертикальный венчик и кнопочный налеп в верхней части стенки. Обжиг слабый, черепок ломкий, тесто с растительными примесями.

Вскрытая на Кюльпете площадь 100 кв. м не позволяет восстановить реальную планировку поселения. В первом, третьем и четвертом горизонтах в разной степени исследовано всего по одному дому. С далекими пологими склонами, незаметно переходящими в распахиваемую равнину, телль занимает около 2500 кв. м. Интенсивно могла быть заселена только центральная его часть площадью не более 1500 кв. м. Каждый из выделенных четырех горизонтов занимал еще меньшую площадь. Площадь телля на высоте третьего-четвертого горизонтов составляет около 900 кв. м. Печи второго горизонта явно тяготели к западному склону холма. Нижний горизонт дал самые фундаментальные постройки, однако и в это время площадь поселения вряд ли превышала 1000 кв. м. Можно уверенно сказать, что в каждом горизонте одновременно стояло три-пять жилых домов.

Ни один из домов Кюльтепе не удалось исследовать целиком. В основе их планировки лежат жилые комнаты и связанные с ними маленькие ячейки-хранилища. Полезная площадь жилой комнаты 27 в доме первого горизонта вместе с выгородками для зерна составляет 12 кв. м., а поме-

щение 43 четвертого горизонта — около 10 кв. м. На телль Сотто исследовано несколько таких домов. Для этих поселений, безусловно, типичны однокомнатные дома, однако это не значит, что большие постройки вообще не были известны в это время. Они хорошо исследованы в Умм Дабагии. Мощные стены первого дома Кюльтепе также позволяют предположить, что вскрыта только небольшая часть постройки, а мелкие квадратные ячейки-хранилища в доме близко напоминают найденные в Умм Дабагии.

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА, ОРУДИЯ ТРУДА, УКРАШЕНИЯ КЮЛЬТЕПЕ

Кюльтепе дало выразительную коллекцию глиняной посуды, очень близкую керамическому комплексу Сотто, и целиком повторяет его типологию. Как и в Сотто, ребристые сосуды составляют в этом комплексе самую многочисленную, определяющую группу керамики; однако представлены они уже не архаичными, а развитыми типами. Большие прямостенные корчаги с четким ребром, характерные для 1—2 горизонтов Сотто, в Кюльтепе отсутствуют. Здесь они мельче, постепенно приобретают сферическую форму. Стенки становятся выпуклыми, ребро — более плавным, днище меньше и не так резко выделено, а венчик выше и сильнее отогнут. Налепы встречаются часто, но типологически более однообразны. Не найдено декоративных зооморфных налепов. Стандартный кнопочный налеп становится функциональным. В верхнем (4) горизонте ребро на сосудах практически исчезает (табл. 78), однако они еще явно отличаются от сферических корчаг с прямым вертикальным венчиком, характерных для архаической Хассуны.

Корыта и веялки Кюльтепе тесно связаны с аналогичными формами Сотто (горизонты 1, 2), однако более совершенны по исполнению (табл. 81). В Сотто они имеют обычно прямую отогнутую стенку и сплющенное днище. В Кюльтепе характерны корыта со слегка выпуклыми стенками, плавно переходящими в дно. Рифленое дно веялок Кюльтепе выполнено уже не защипами или тычками, а рельефными параллельными полосами, как это делалось в хассунское время.

Почти совсем исчезают ребристые формы мисок и чаш, их заменяют стандартные сферические типы (табл. 82). Каменные сосуды повторяют глиняные прототипы.

Тонкая столовая посуда покрыта простой росписью охрой (табл. 81—83). Поверхность сосуда часто залощена по росписи. Роспись легко смывается и могла наноситься после обжига. Мотивы росписи очень просты. Часто сосуд целиком покрывался охрой. Венчик обычно украшался широкой лентой по краю. Реже она дополнялась поясом крупных треугольников, которые наносились двумя приемами. В одном случае пояс закрашенных охрой треугольников чередуется с треугольниками, оставшимися не покрытыми краской. В другом — весь сосуд покрыт охрой, а незакрашенными оставлены только треугольники вдоль венчика. Этот орнаментальный мотив специфичен для Кюльтепе.

Коллекция орудий труда из Кюльтепе невелика, но очень выразительна (рис. 44—46). Уже в нижнем горизонте распространены биконические глиняные пряслица обычных форм, шилья на эпифизах трубчатых костей, костяная игла. Среди них — дисковидная бусина, обломок браслета со сверлиной, обломок овальной мраморной палетки со следами охры, несколько обломков мраморных сосудов, один обломок толстостенного алебастрового сосуда. Обычны находки пестов и зернотерок из черного туфа.

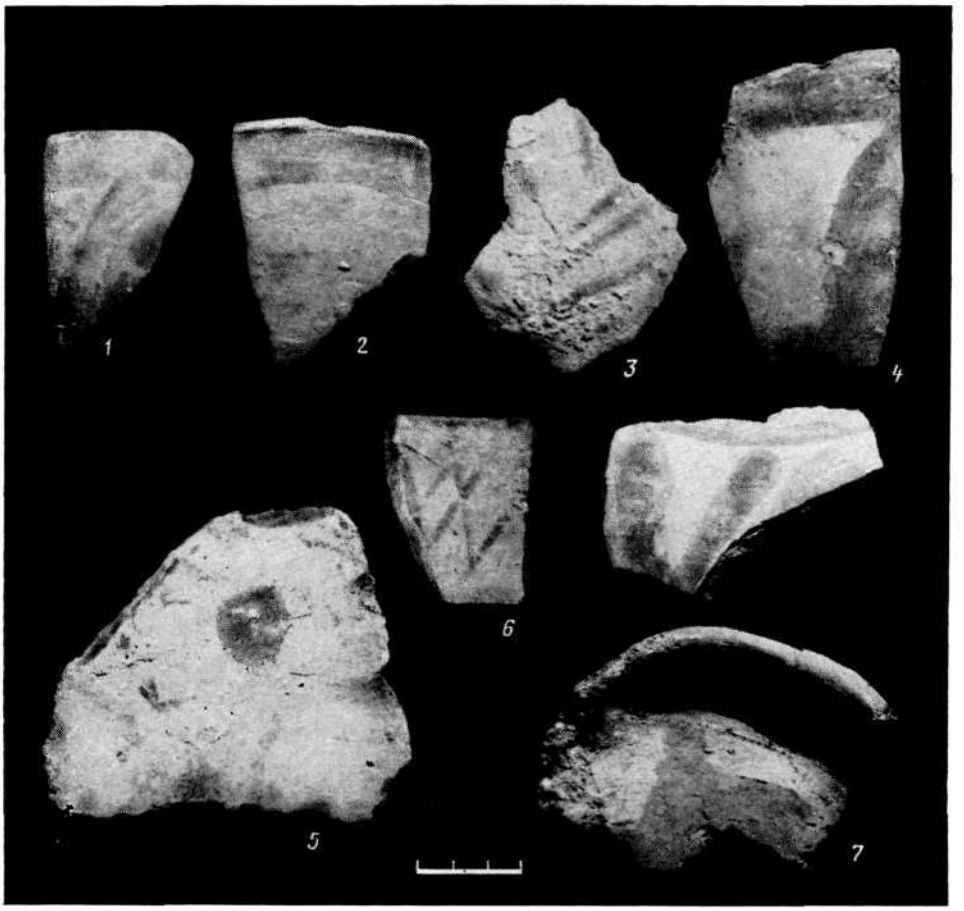

РИС. 40. Кюльтепе. Орнаментированные фрагменты тонкой керамики, горизонты 1, 2 (*1–7*)

Интересен тщательно полированный в форме параллелепипеда (8×4,5× × 2,5 см) брусок из черного камня с сетчатой насечкой и двумя крупными желобками (рис. 46). Находка сделана у восточной стены дома 27 на его нижних полах (глубина —193 см). Орудие можно использовать для обработки костяных и деревянных стержней или как полировальный камень. Однако особенно важны три целых мраморных сосуда, найденные вместе на полу восточного хозяйственного помещения большого дома 27. Это миска из желтоватого известняка с хорошо выделенным плоским дном, слегка выпуклыми стенками и простым венчиком, сферический сосуд из розового мрамора с округлым дном, тонкими выпуклыми стенками и отогнутым венчиком. Наиболее специфичен беломраморный овальный плоскодонный сосуд. Его днище представляет овал 9,5 × 7,5 см, высота сосуда 11 см. Стенки почти прямые. Венчик выделен небольшой канавкой по краю сосуда. Сосуд асимметричен, массивен, с толстыми стенками и дном. Из туфа делались миски простых форм и ступки.

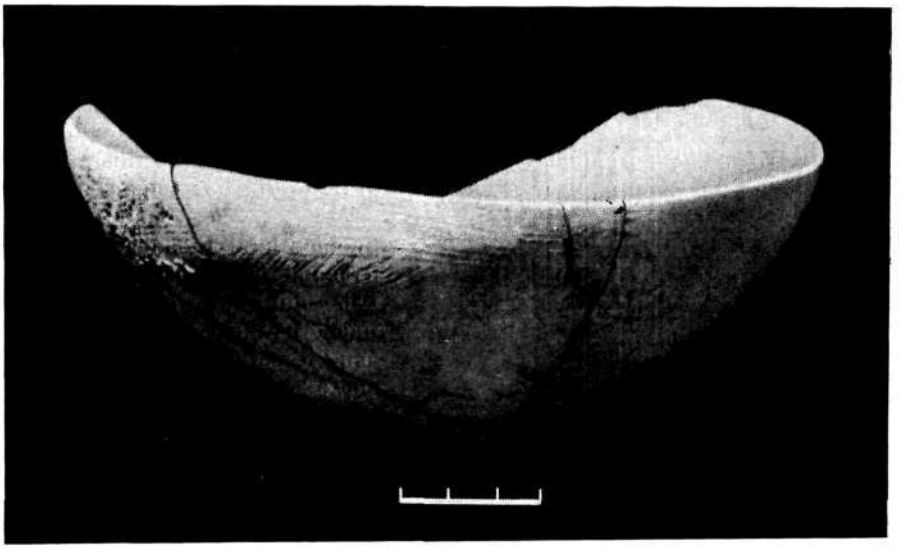

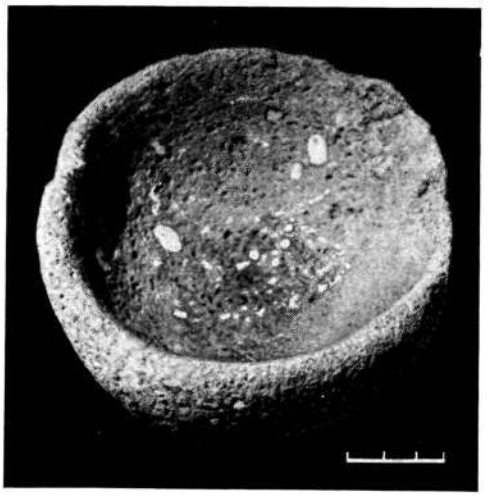
РИС. 41. Кюльтепе. Миска из известняка

РИС. 42. Кюльтепе. Мраморные сосуды из горизонта 1 (*1–2*)

Орудия труда из камня и кости невысокого качества. Для каменных орудий использовался местный низкокачественный галечный кремень. Обсидиан встречается очень редко. Кремневые ядрища случайной формы с короткими сколами характеризуют низкий уровень раскалывания кремня. Обычны находки кремневых отщепов; кремневые пластины, небольшие скребки на отщепах, угловые резцы на пластинах и отщепах редки. Несколько залощенных от работы вкладышей для серпов на небольших кремневых пластинах, без предварительной подправки. Встречаются и

РИС. 43. Кюльтепе. Сосуд из туфа

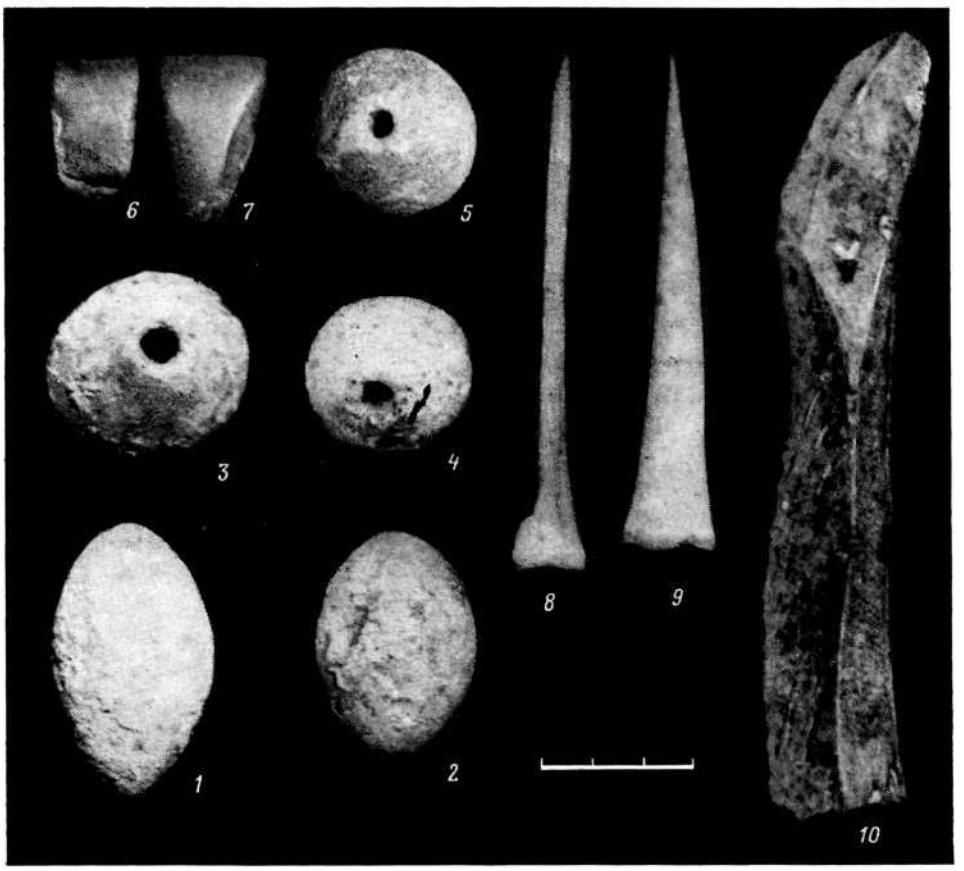

РИС. 44. Кюльтепе. Изделия из камня, кости и глины (*1—10*)

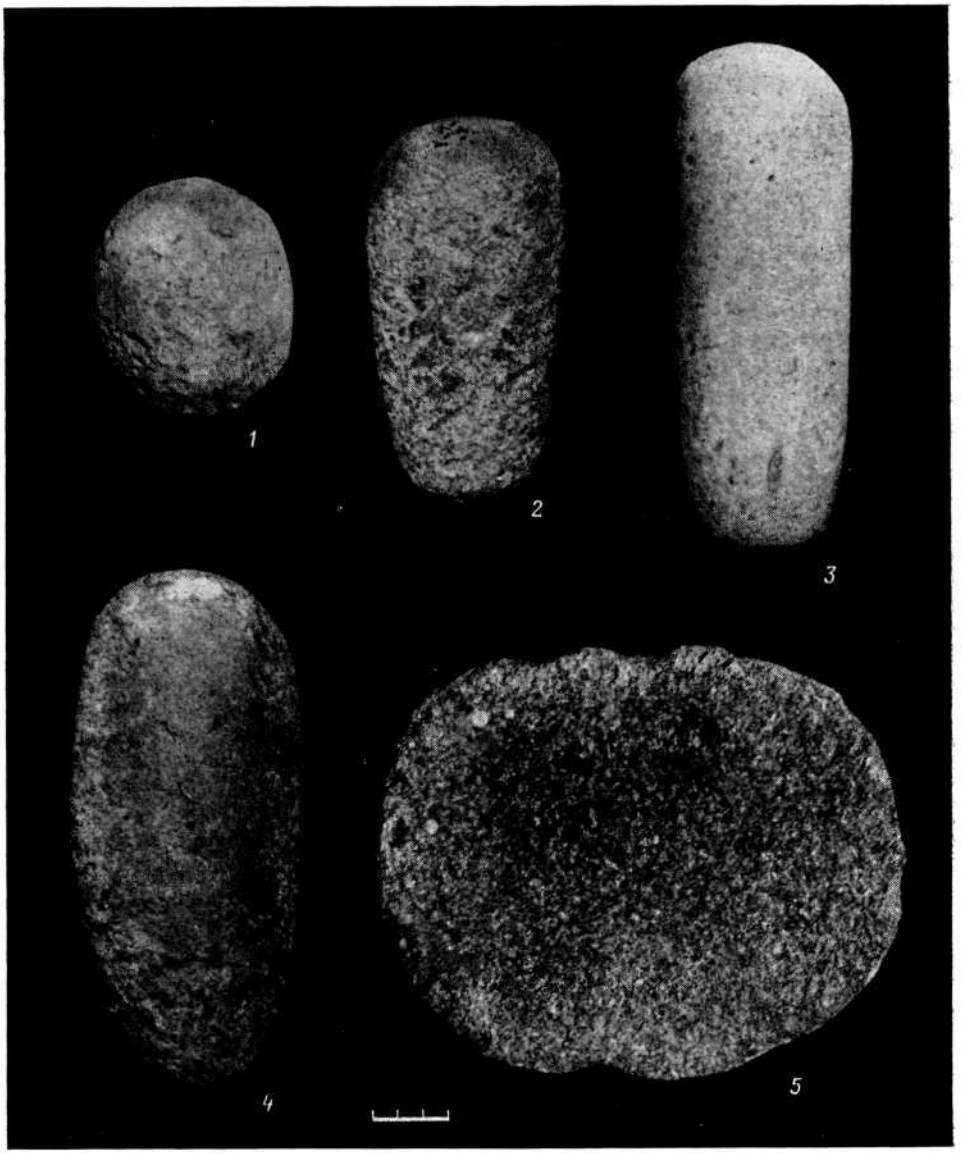

РИС. 45. Кюльтепе. Туфовая зернотерка и песты (*1–5*)

небольшие клиновидные шлифованные топоры из кремня. Среди орудий из кости наиболее типичны проколки на обломках трубчатых костей. Зашлифован только рабочий конец орудия. Набор орудий труда и их формы остаются неизменными на протяжении существования поселения.

Керамический комплекс Кюльтепе, как и Сотто, технологически и типологически един (приложение 8). Подъемный материал повторяет материал из слоя. Со времени архаической Хассуны памятник запустевает и больше уже не был заселен. Слои стандартной хассунской культуры про-

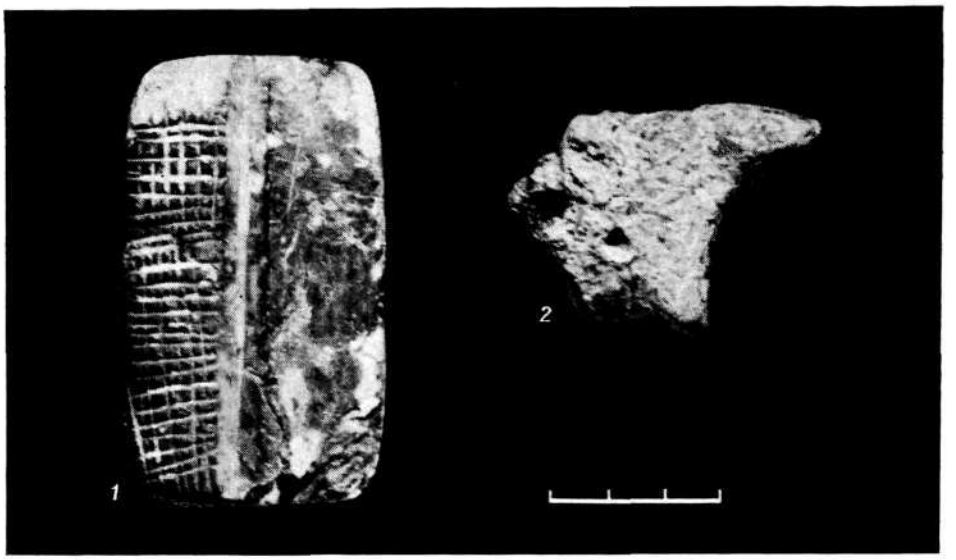

РИС. 46. Кюльтепе. Каменное точило с насечками (горизонт 1), глиняная головка быка (горизонт 2) (*1—2*)

слежены в обнажении соседнего холма Кюльтепе 2. На протяжении существования поселения соотношение основных групп керамики и приемы ее обработки остаются неизменными, несколько меняется форма сосудов. В первом горизонте заметно больше биконических корчаг с налепами, встречаются ребристые чаши. Во втором горизонте возрастает количество сферических сосудов с вертикальным венчиком и прямостенных чаш, а в третьем они вытесняются округлыми чашами и мисками. Присутствие во втором горизонте веялок с защипами показывает, что этот архаичный прием бытует достаточно долго. В Кюльтепе заметно больше, чем в Сотто, расписной керамики, появляются ребристые сосуды небольшого размера.

Культурно и хронологически Кюльтепе соответствует развитому Сотто. Во всех горизонтах Кюльтепе вместе с небольшим количеством ребристых прямостенных корчаг распространены округлые корчаги с отогнутым венчиком. Уже в 1—3 горизонтах появляются сферические сосуды с вертикальным венчиком, а в 4 горизонте их количество значительно увеличивается. По этим признакам 1—3 горизонты Сотто древнее Кюльтепе и выделяются как наиболее архаичные, 4—6 горизонты Сотто сближаются с 1—3 горизонтами Кюльтепе, а 7—8 горизонты Сотто — с 4 горизонтом Кюльтепе. Керамический комплекс древнейшего поселения в основании Ярымтепе I (горизонт 12) близок 1—3 горизонтам Кюльтепе. 7—8 горизонты Сотто и 4 горизонт Кюльтепе, в которых ведущей формой становятся сферические горшки с прямым вертикальным венчиком, могут быть отнесены уже к архаической Хассуне.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕЛЛЬ СОТТО И КЮЛЬТЕПЕ

Сегодня памятники типа Сотто — древнейшие поселения с керамикой в Северной Месопотамии. Уместно задать вопрос, может ли керамика Сотто считаться древнейшей по технологическим и типологическими

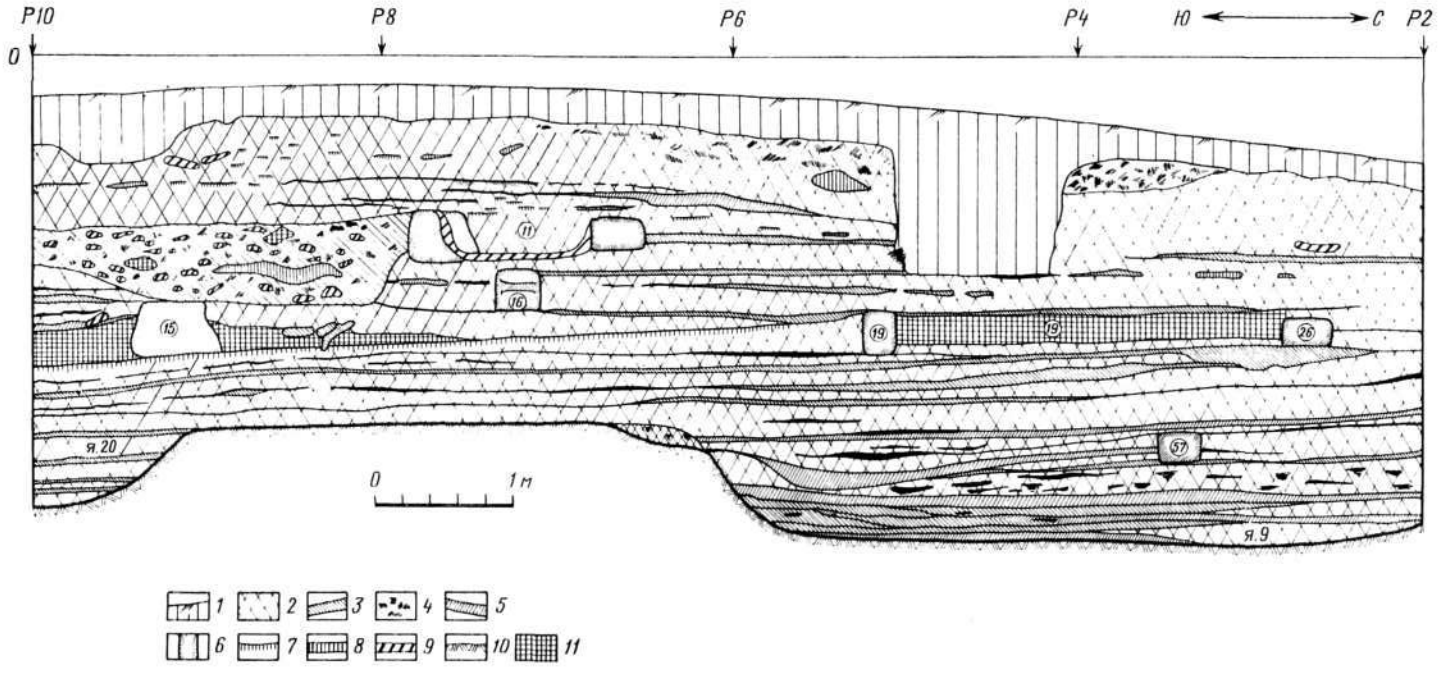

ТАБЛ. 43. Телль Сотто. Квадрат 10. Разрез 5

1 — дерн; *2* — суглинок; *3* — углисто-золистые слои; *4* — скопления угля и золы; *5* — гумусные слои; *6* — глинобитная стена; *7* — плотная жилая поверхность; *8* — гипсовая обмазка; *9* — прокаленная глина, под печи; *10* — поверхность материка; *11* — плотная глина, развал глиняных стен, глиняная забутовка

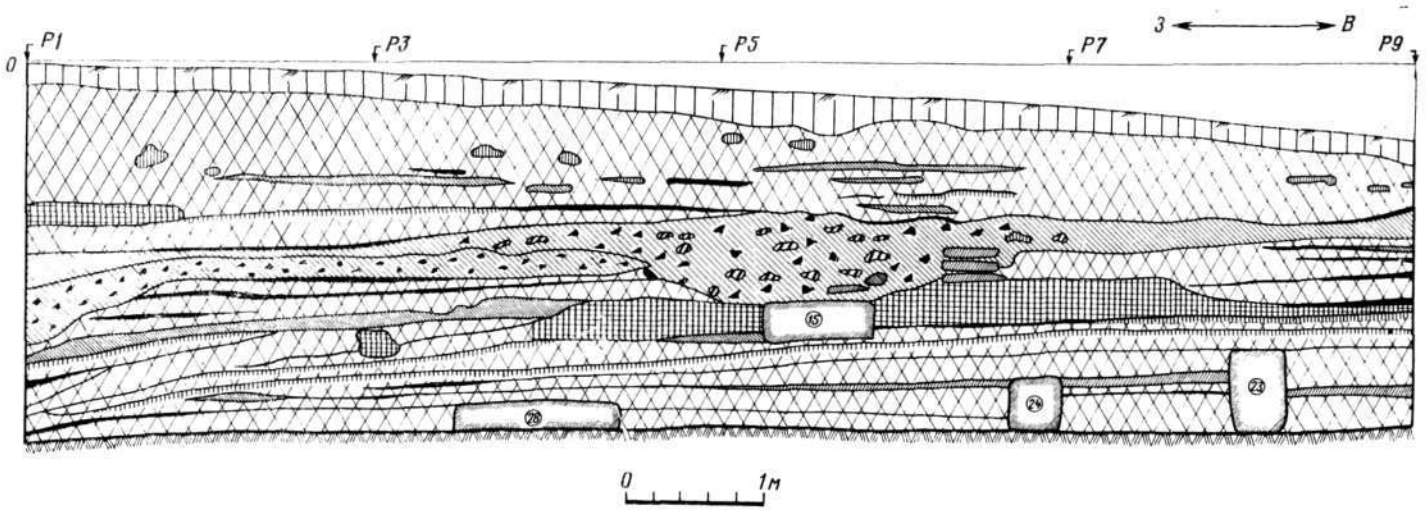

ТАБЛ. 44. Телль Сотто. Квадрат 10. Разрез 8

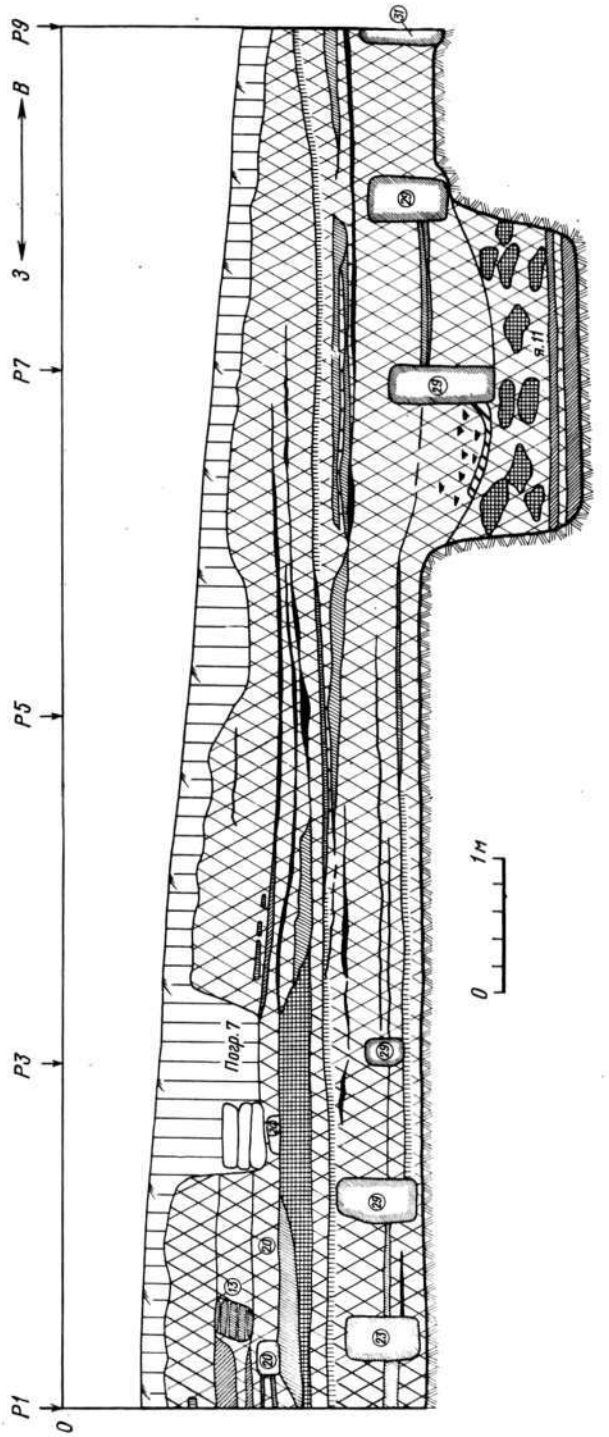

ТАБЛ. 45. Телль Сотто. Квадрат 11. Разрез 8

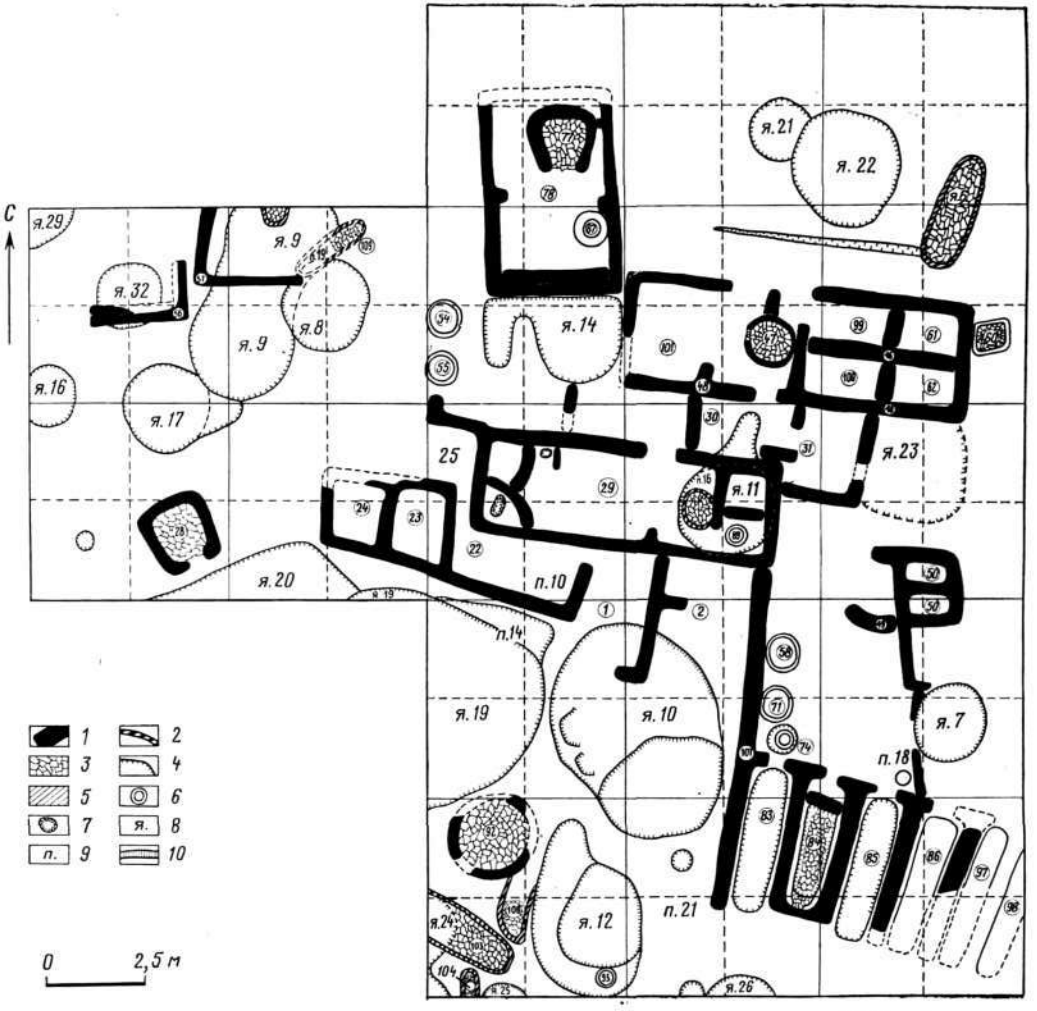

ТАБЛ. 46. Телль Сотто. План древних ям и первых построек (горизонты 1, 2)

1 — глиняные стены;
2 — очажные ямы;
3 — прокаленная глина под печи; гипсовые обмазки полов;
4 — контур ямы;
5 — плотная глиняная забутовка;
6 — глиняные сосуды;
7 — зернотерки;
8 — контуры ям;
9 — погребения;
10 — гипсовые обмазки.
Цифрами обозначены номера конструкций, сосудов, погребений

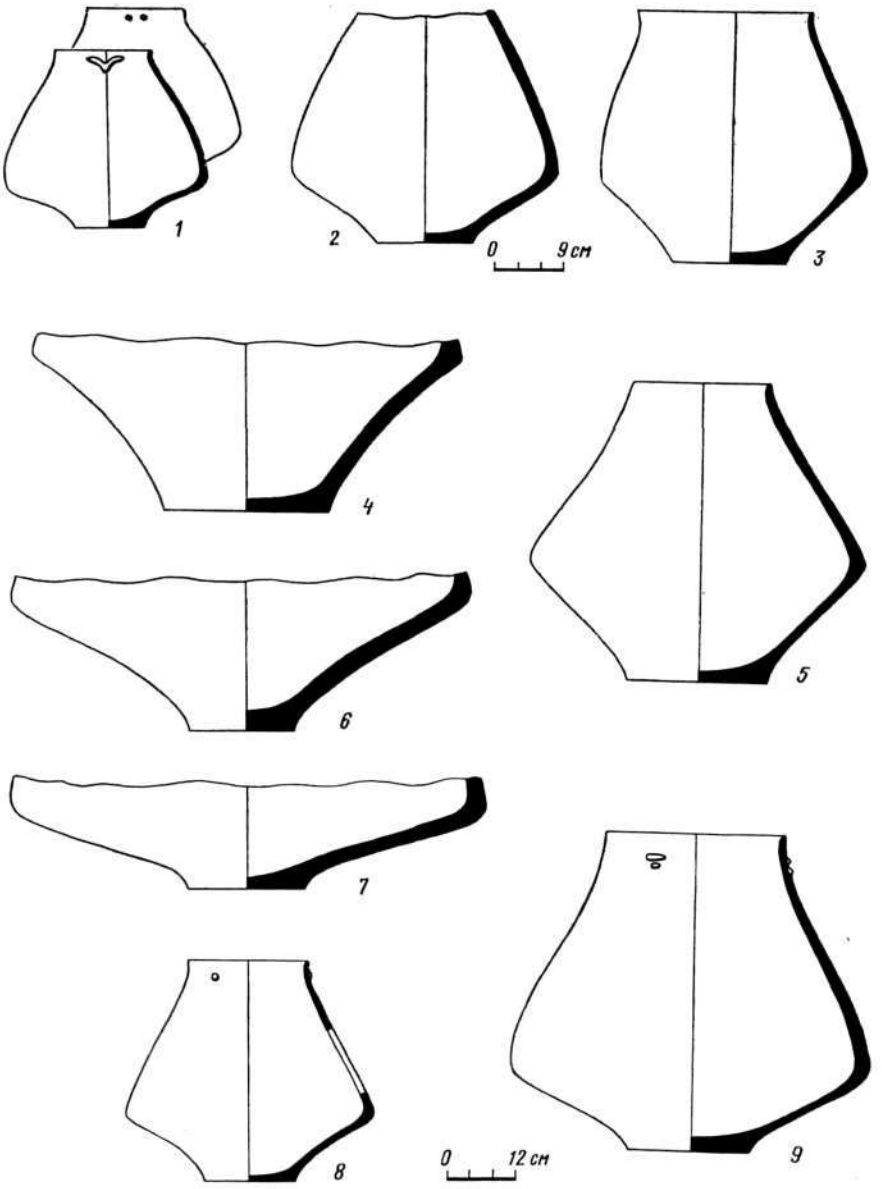

ТАБЛ. 47. Телль Сотто. Горшки с ребром из горизонтов 1, 2, 3

1 — сосуд 91 с погребением 22, *2* — сосуд с погребением 14, *3* — сосуд 74, *4* — сосуд 71, *5* — сосуд 87, *6* — сосуд 54, *7* — сосуд 58, *8* — сосуд 89, *9* — сосуд 55; *1* — из горизонта 3; *2*—*7*, *9* — из горизонта 2; *8* — из горизонта 1

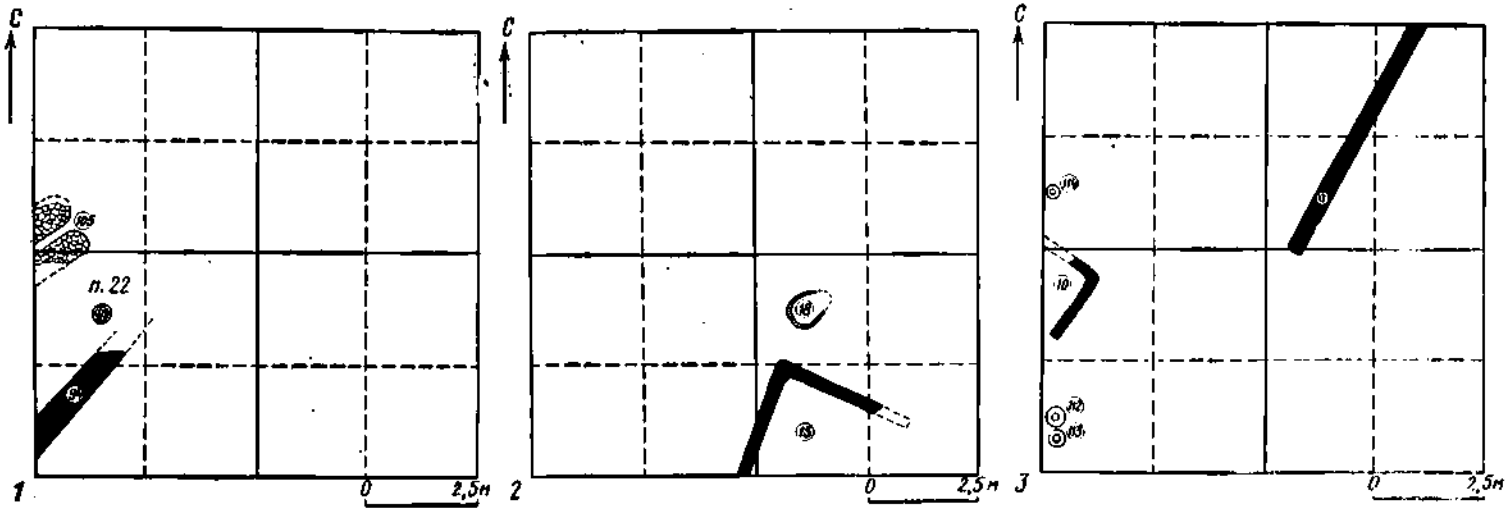

ТАБЛ. 48. Телль Сотто. План построек

1 — квадрат 17, горизонт 3; *2* — квадрат 10, горизонт 5; *3* — квадрат 10, горизонт 7

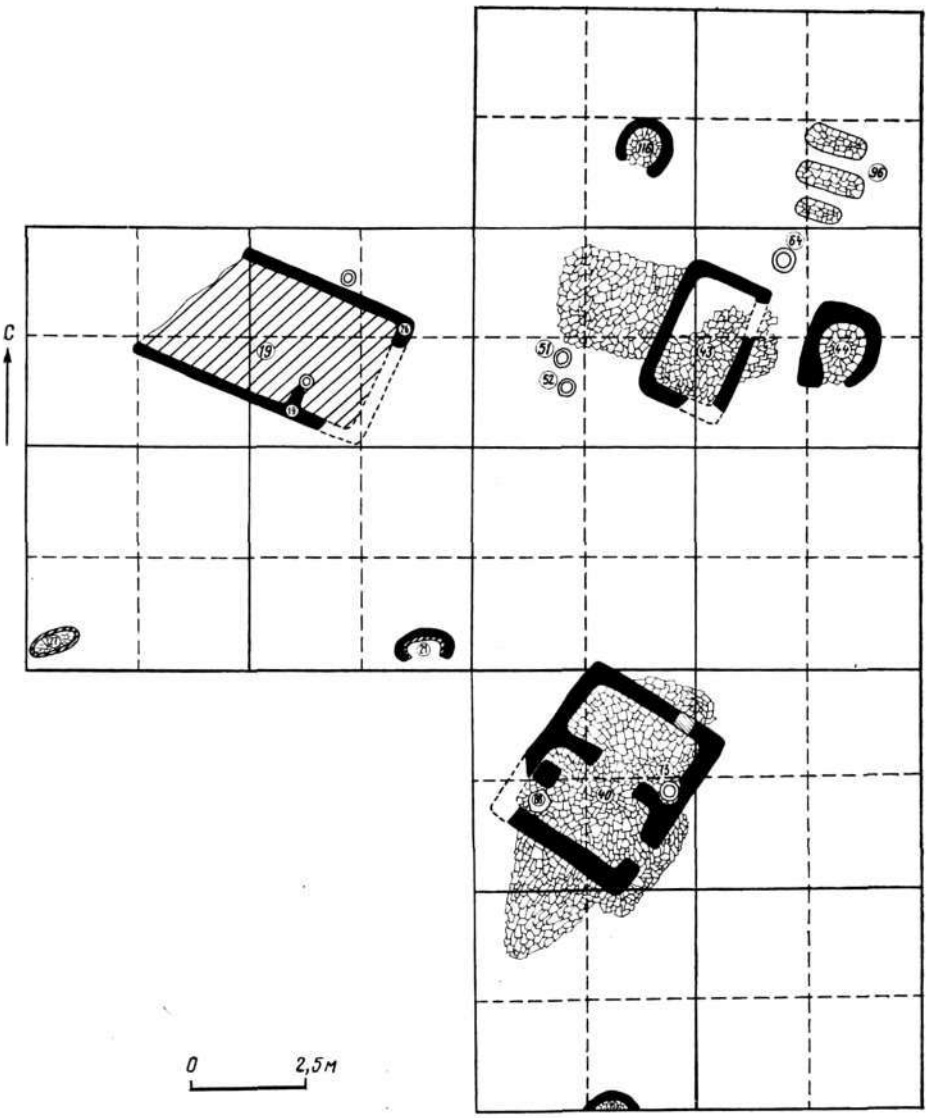

ТАБЛ. 49. Телль Сотто. План построек горизонта 4

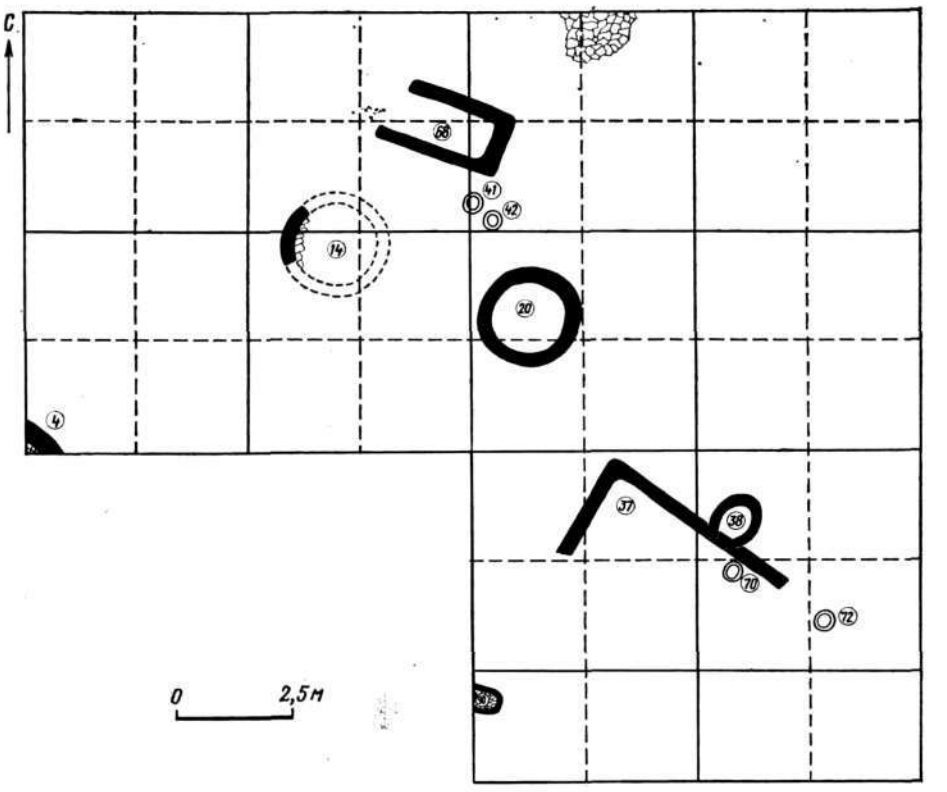

ТАБЛ. 50. Телль Сотто. План построек горизонта 6а

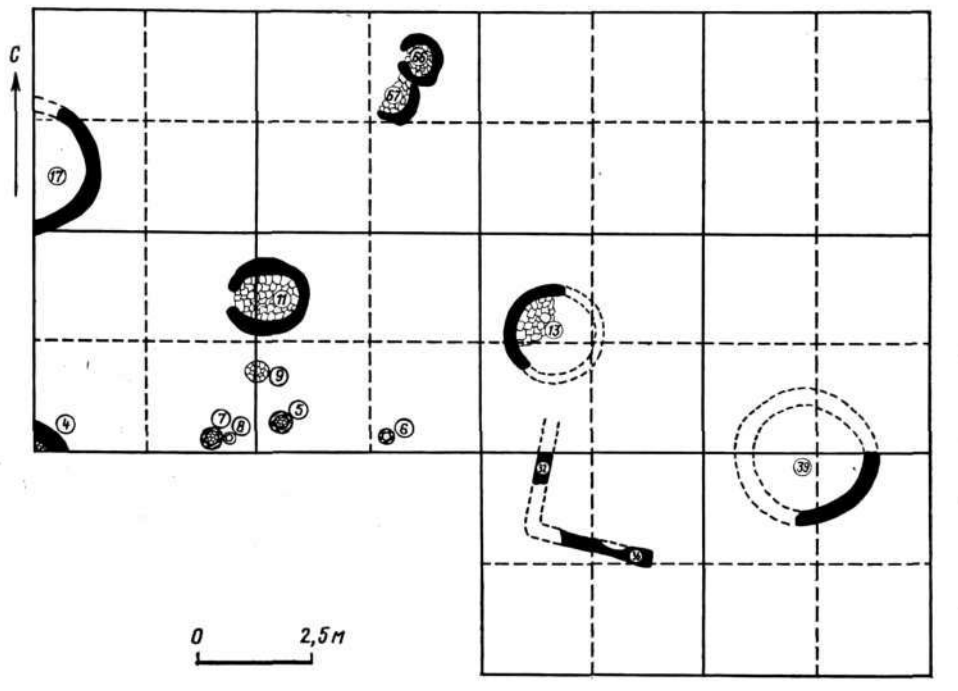

ТАБЛ. 51. Телль Сотто. План построек горизонта 6в

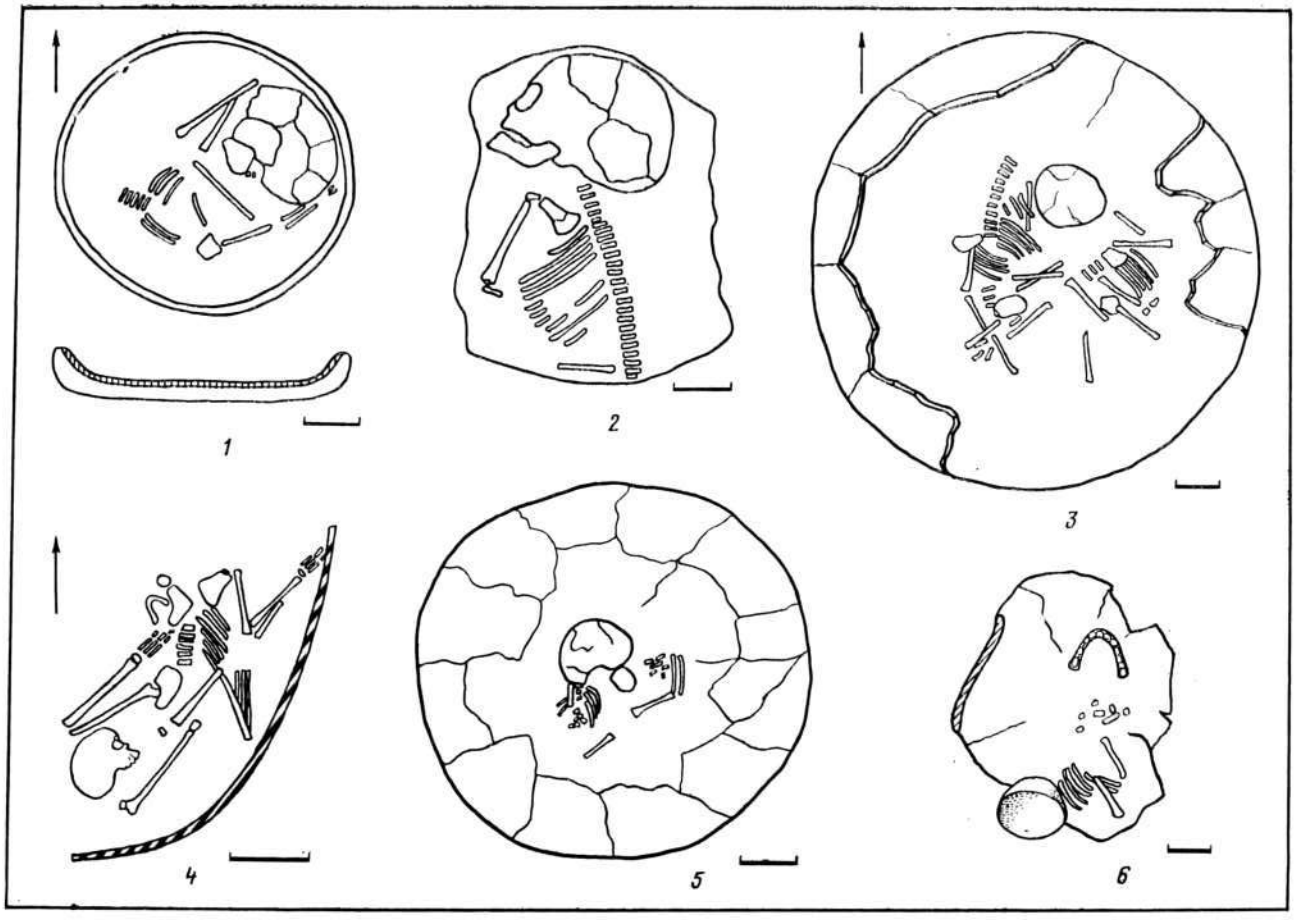

ТАБЛ. 52. Телль Сотто. Древние погребения

1 — погребение 21; *2* — погребение 14; *3* — погребение 15; *4* — погребение 19; *5* — погребение 10; *6* — погребение 22

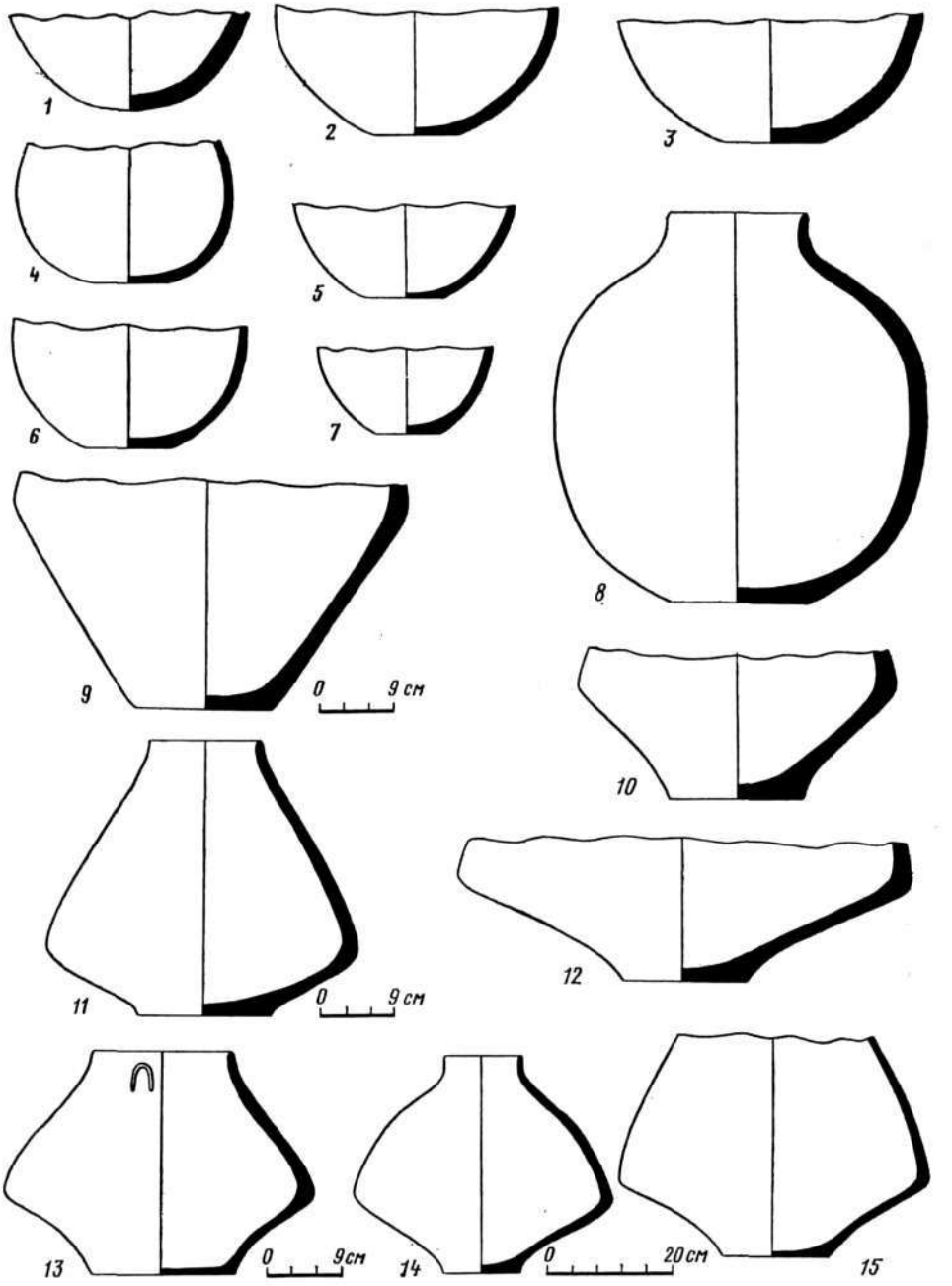

ТАБЛ. 53. Телль Сотто. Ребристые и сферические сосуды из горизонтов 4, 6, 7

1—8 — горизонт 7; *9*, *10*, *12* — горизонт 6; *11*, *13—15* — горизонт 4; *1* — сосуд 35, *2* — сосуд 65, *3* — сосуд 11, *4* — сосуд 81, *5* — сосуд 80, *6* — сосуд 115, *7* — сосуд 114, *8* — сосуд 112, *9* — сосуд 70, *10* — сосуд 42, *11* — сосуд 52, *12* — сосуд 72, *13* — сосуд 51, *14* — сосуд 73, *15* — сосуд 88

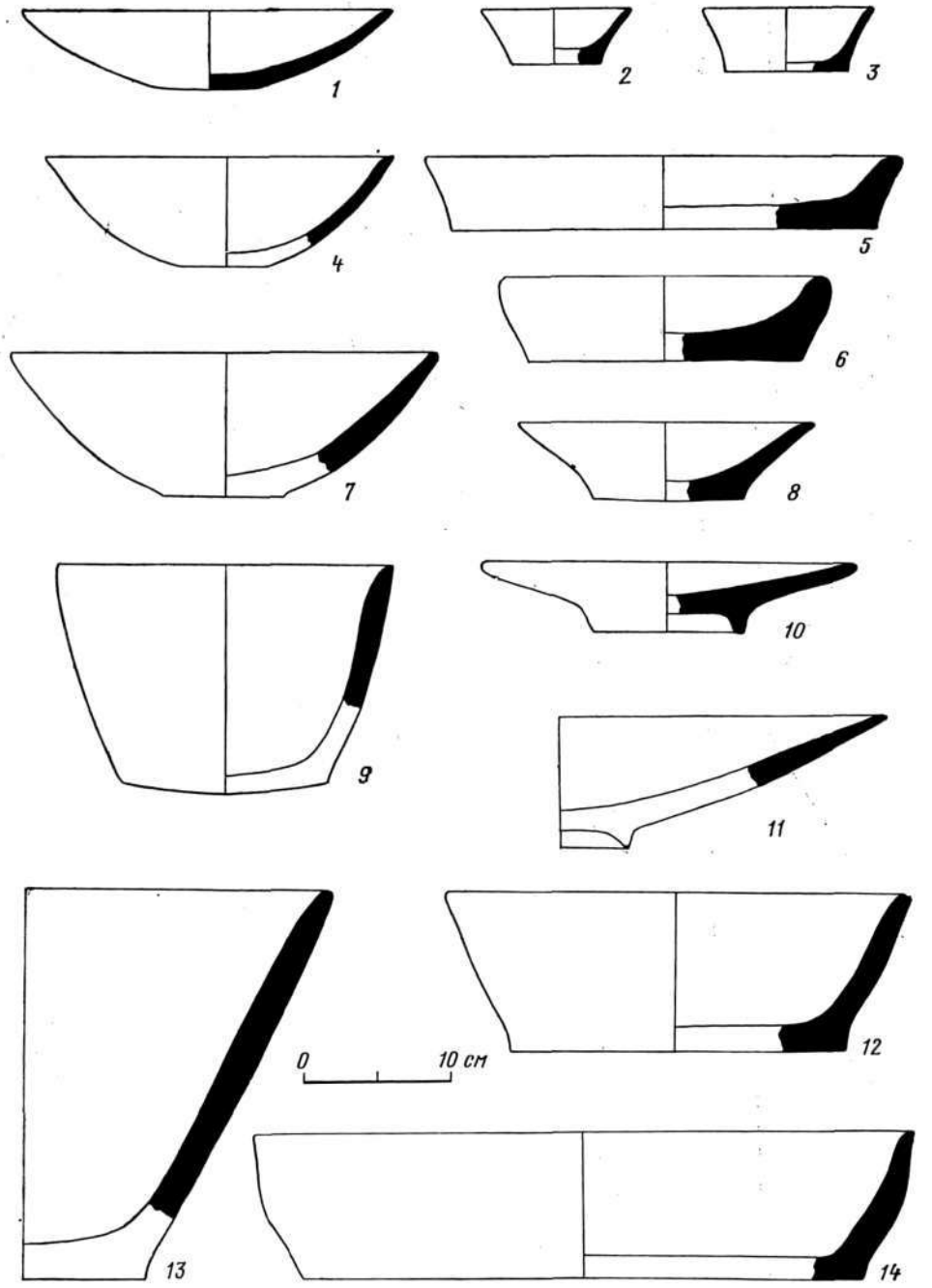

ТАБЛ. 54. Телль Сотто. Различные типы глиняной посуды из горизонтов 1, 2

1 — 10, *14* — горизонт 2, *11—13* — горизонт 1

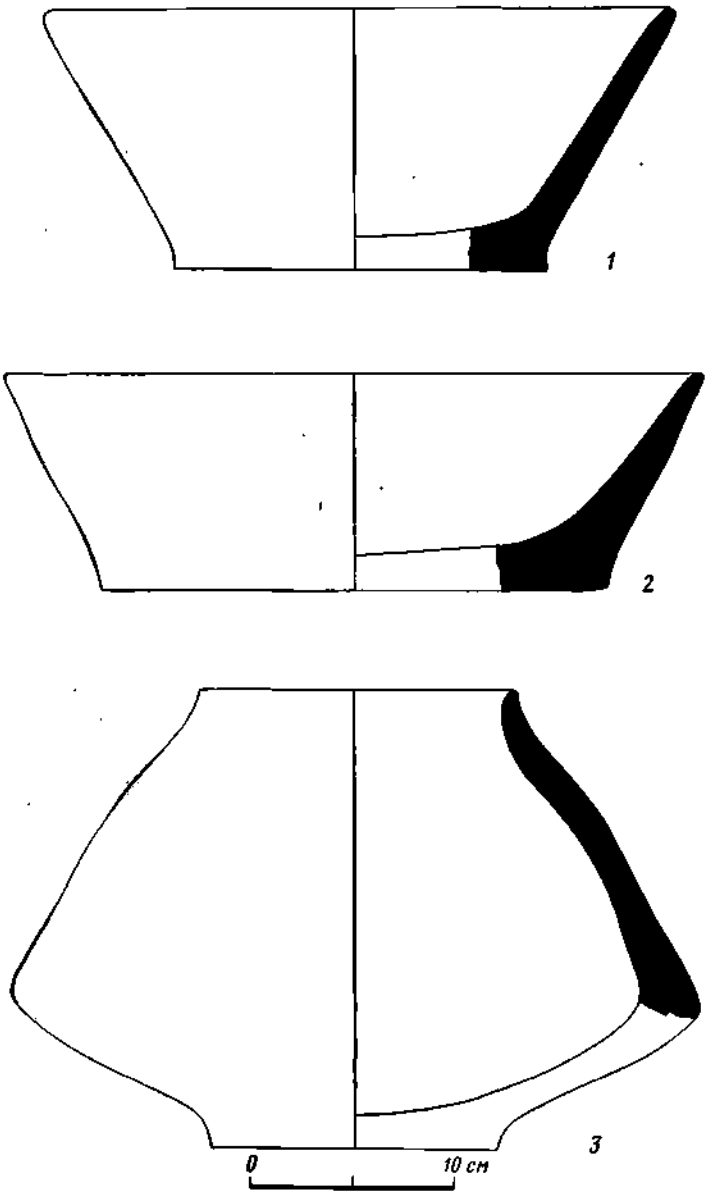

ТАБЛ. 55. Телль Сотто. Грубая керамика из горизонтов 5, 6

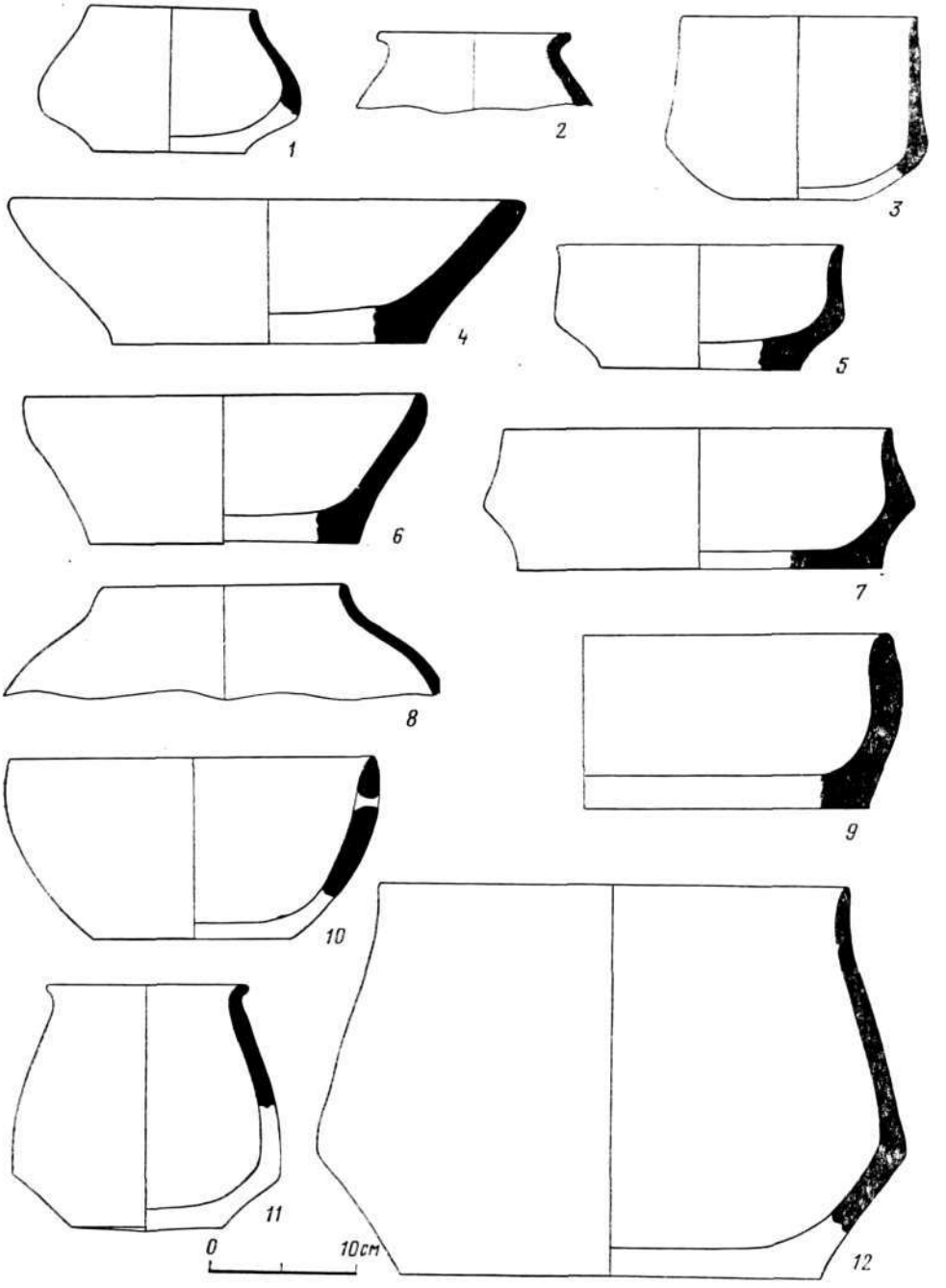

ТАБЛ. 56. Телль Сотто. Глиняная посуда из горизонтов 1, 2
1, 2, 3, 8, 11 — горизонт 2; *4—7, 10, 12* — горизонт 1

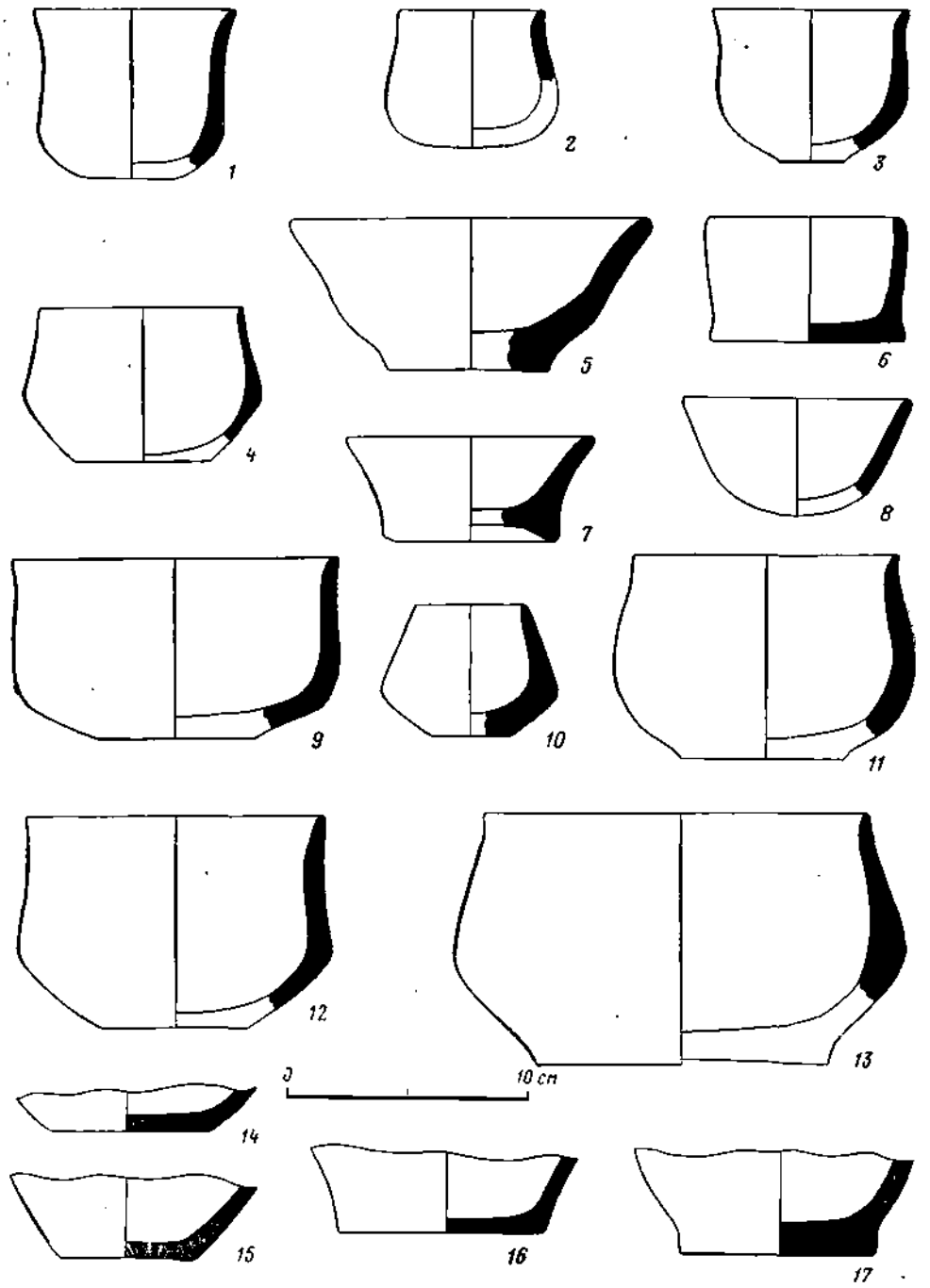

ТАБЛ. 57. Телль Сотто. Глиняная посуда из нижних горизонтов

1—4, 7—9, 11, 12, 14, 17 — горизонт 2; *5, 6, 10, 13, 15, 16* — горизонт 1

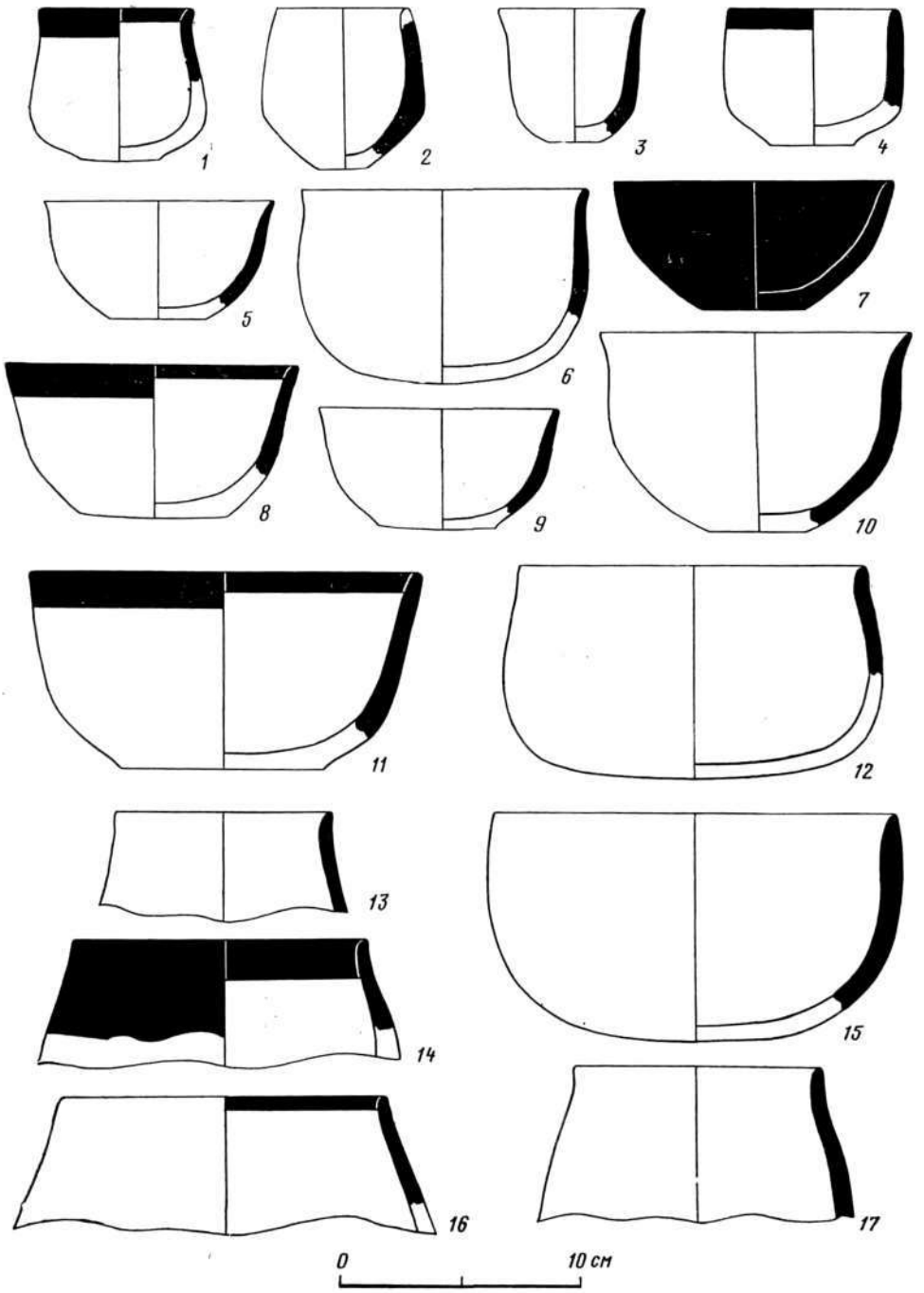

ТАБЛ. 58. Телль Сотто. Чаши, миски, кубки, горшки из горизонтов 2, 3

1, 2, 4—17 — горизонт 2, *3* — горизонт 3

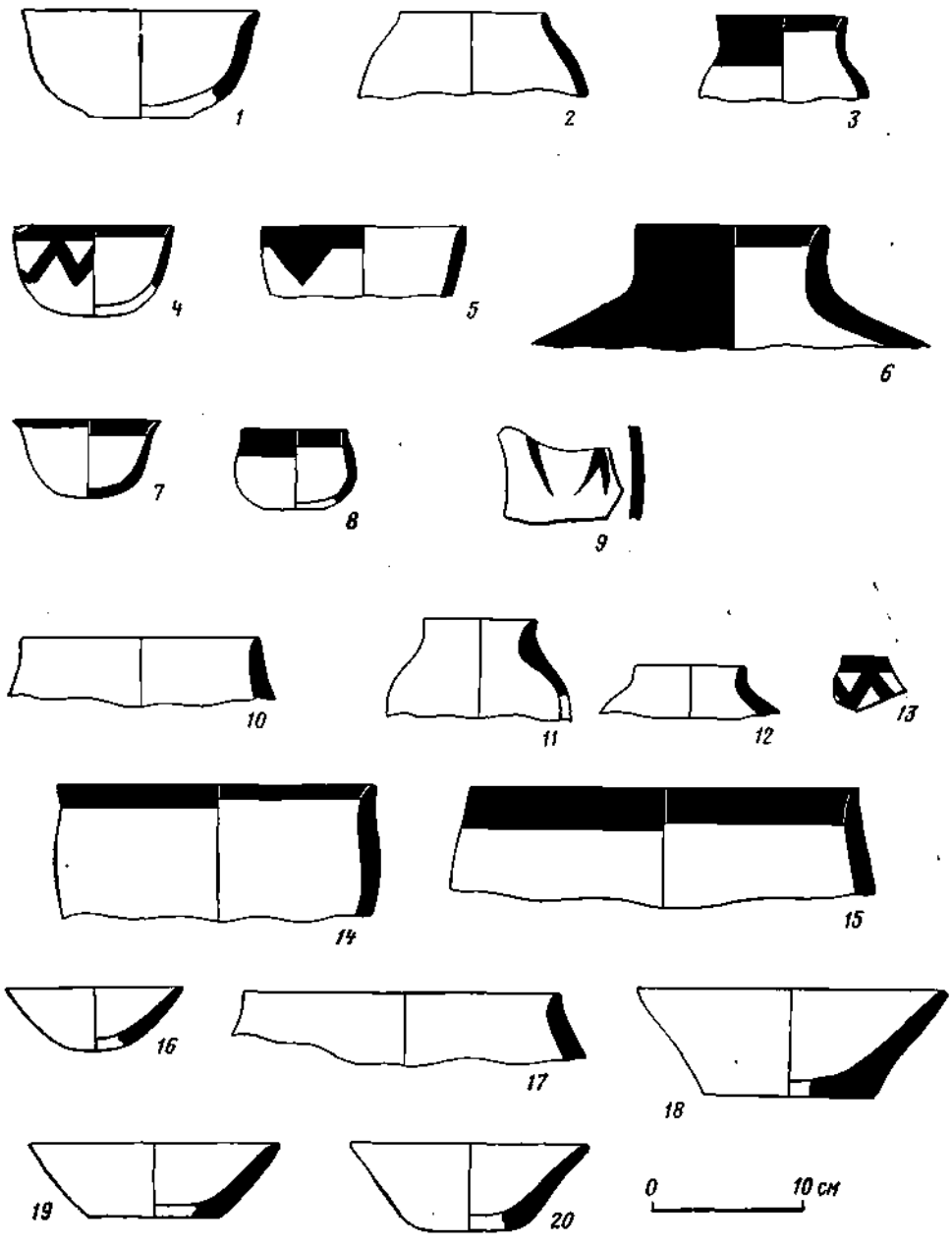

ТАБЛ. 59. Телль Сотто. Глиняная посуда

1—11 — горизонт 7; *12*, *13* — горизонт 6; *14—17*, *19* — горизонт 5; *18* — горизонт 2; *20* — горизонт 1

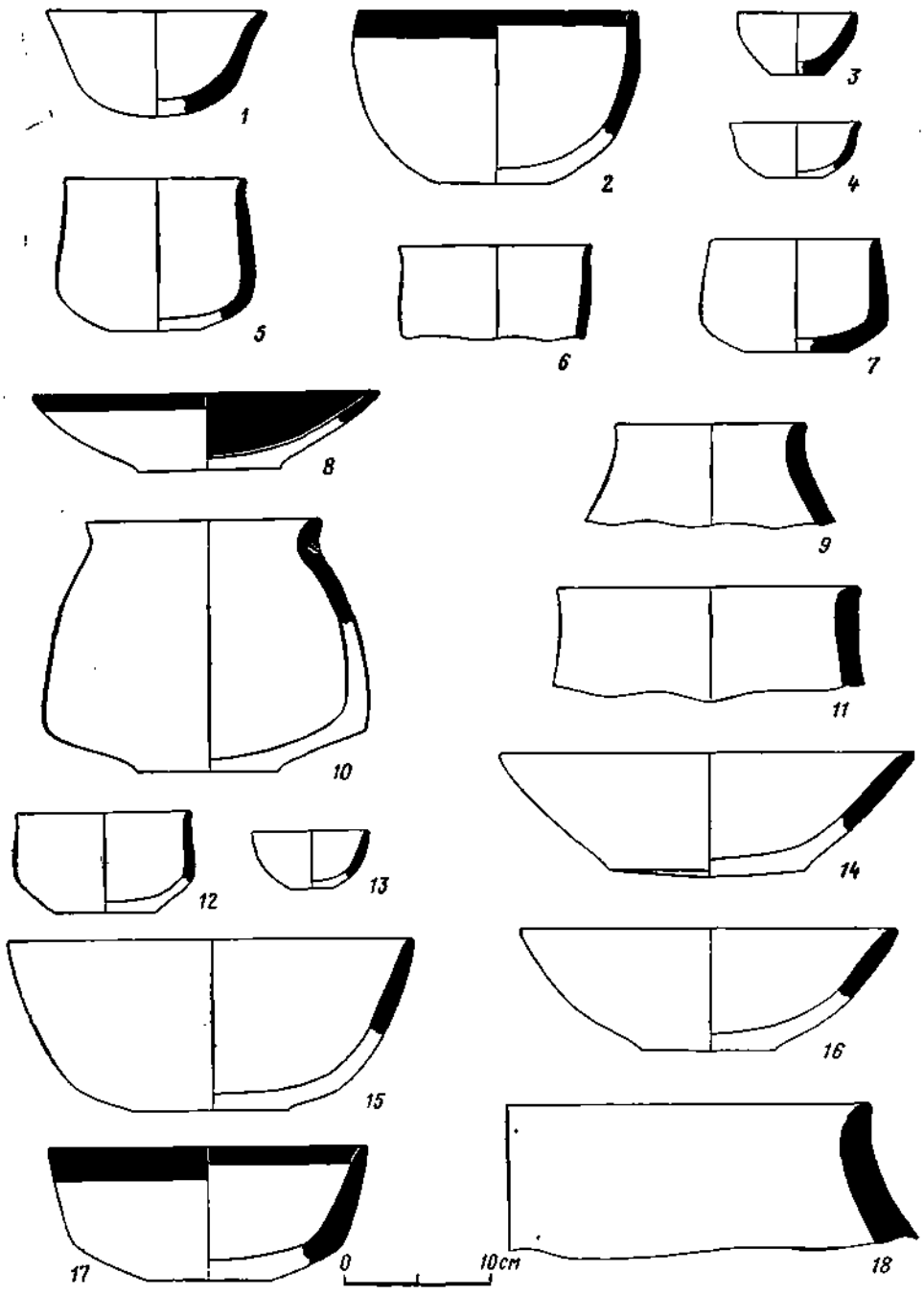

ТАБЛ. 60. Телль Сотто. Различные типы глиняной посуды из горизонтов 2–5

1, 3, 5 — горизонт 5; *2, 4, 6—11, 14, 18* — горизонт 4; *12, 13, 15, 16* — горизонт 3; *17* — горизонт 2

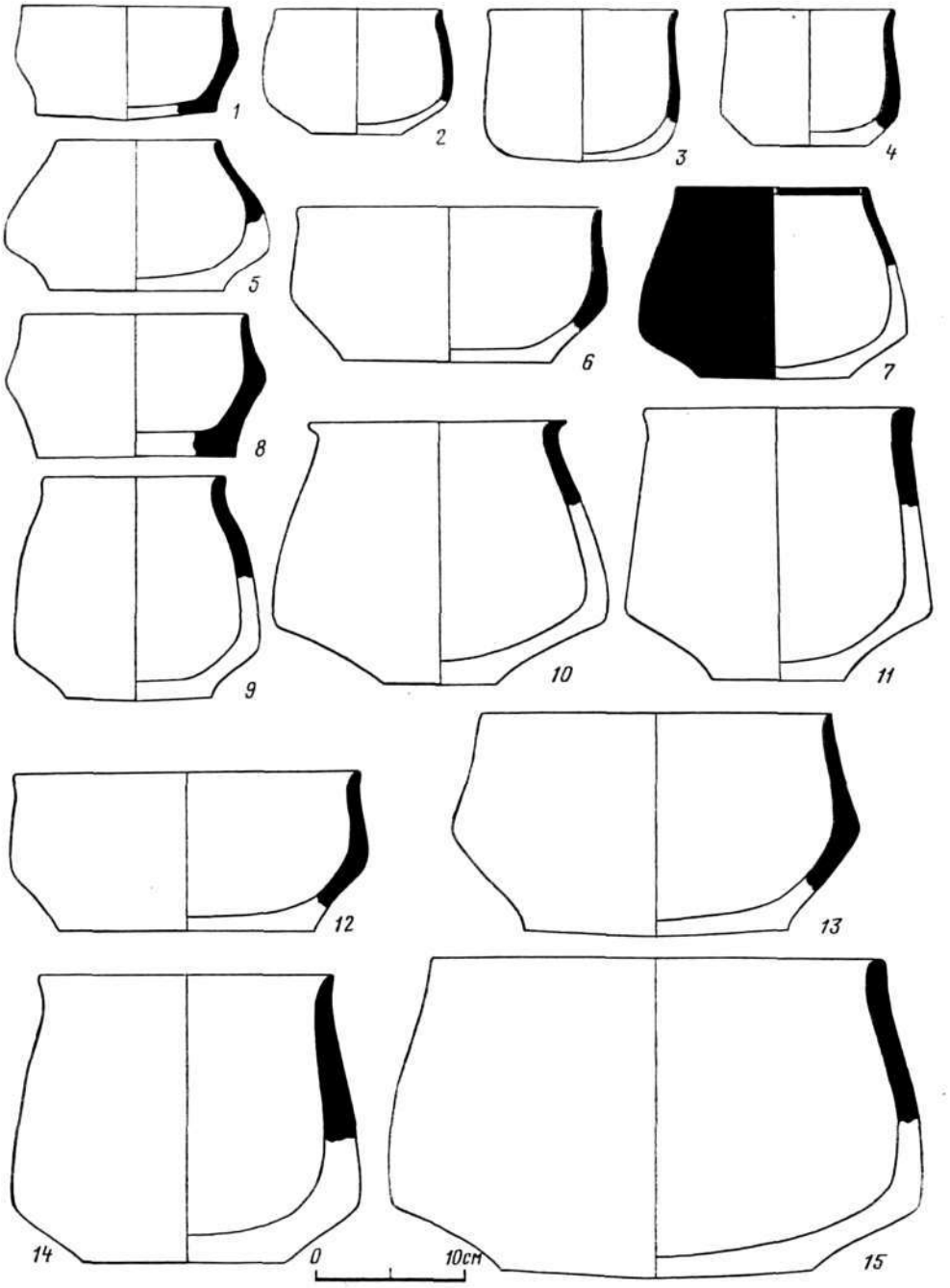

ТАБЛ. 61. Телль Сотто. Глиняные чаши, кубки, горшки из горизонтов 2, 3, 4

1—10, 12, 14, 15 — горизонт 2; *13* — горизонт 3; *11* — горизонт 4

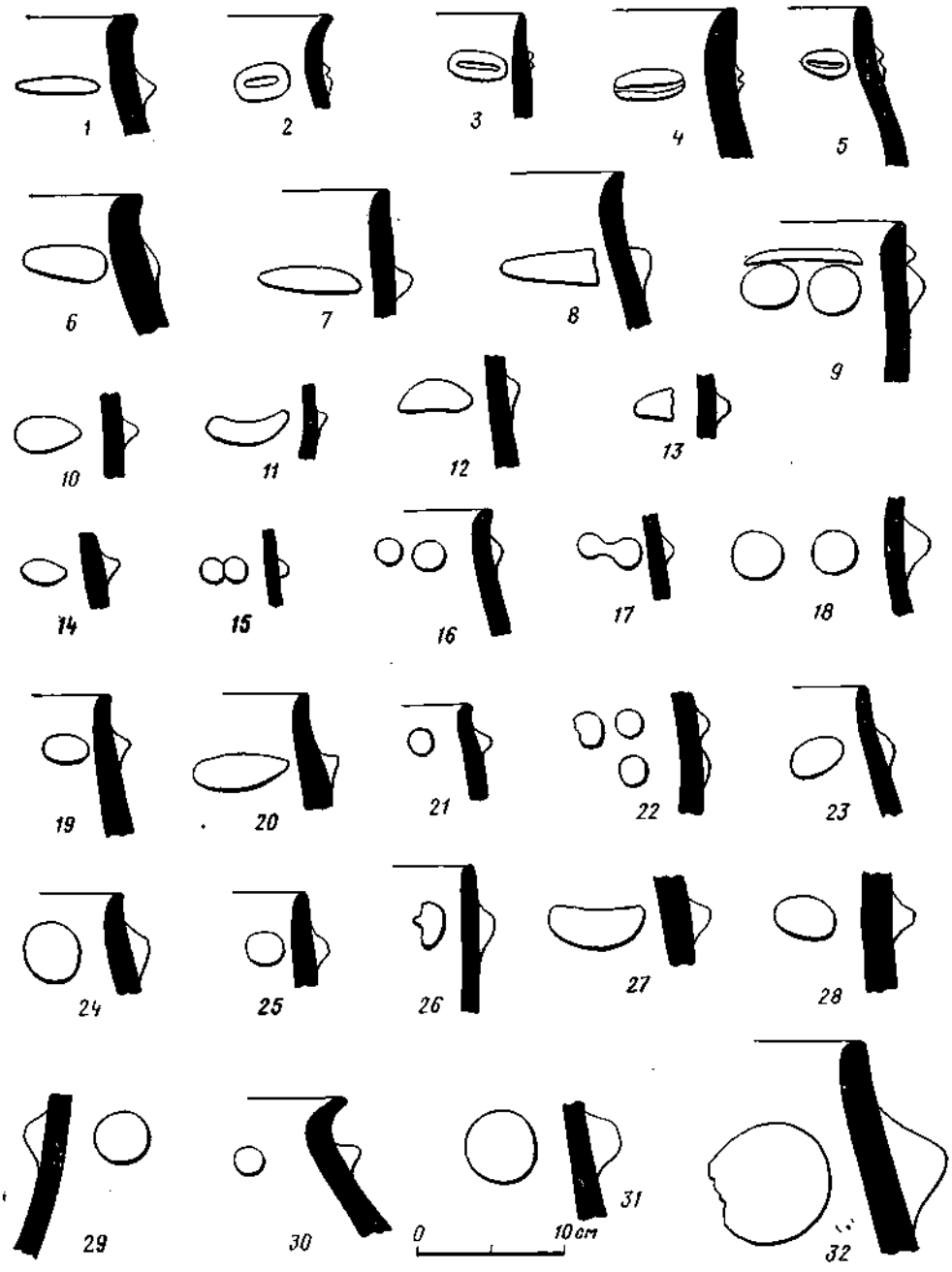

ТАБЛ. 62. Телль Сотто. Налепы на грубых сосудах

2, 17 — горизонт 6; *1, 3, 4, 5, 7, 8, 12, 13, 19, 20, 25, 27—30, 32* — горизонт 1; *6, 9, 10, 11, 14—16, 18, 21, 22, 24, 26, 31* — горизонт 2; *23* — горизонт 3

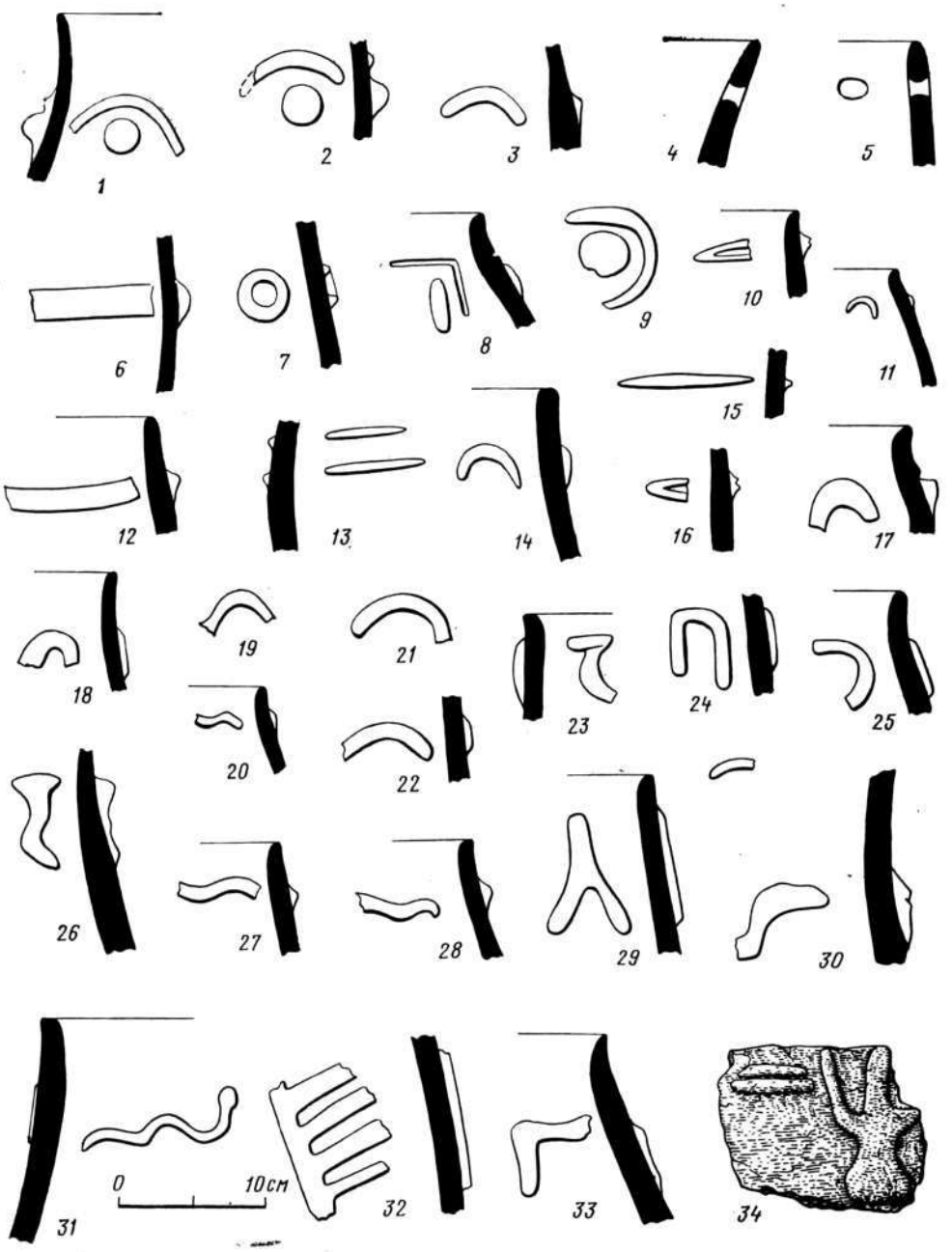

ТАБЛ. 63. Телль Сотто. Налепы на грубых сосудах

1, 4, 6, 9, 11, 13, 14, 20, 25, 26, 33 — горизонт 1; *2, 3, 5, 7, 10, 12, 15, 18, 19, 21, 27—32, 34* — горизонт 2; *8, 24* — горизонт 6; *17, 23* — горизонт 3; *22* — горизонт 5

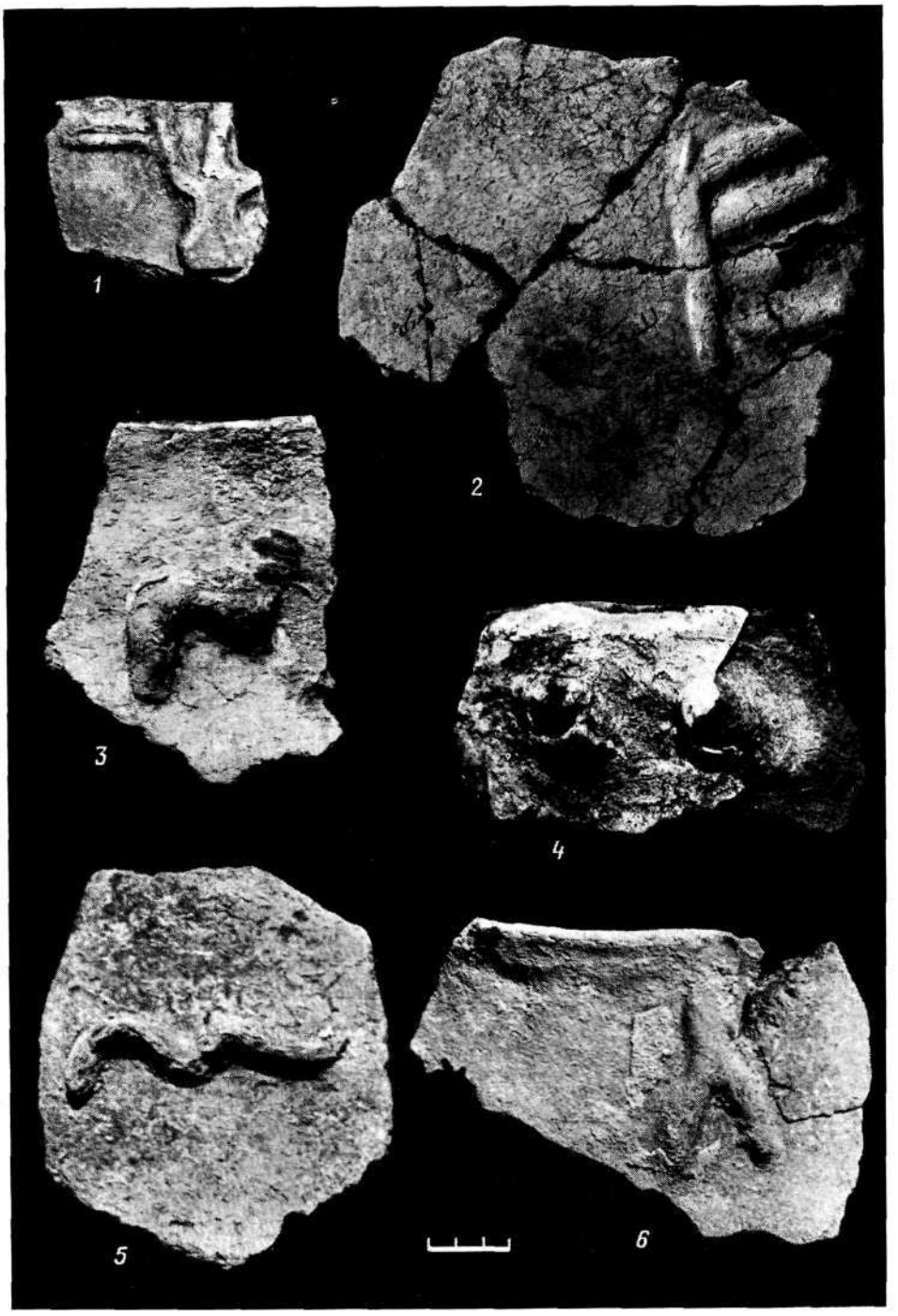

ТАБЛ. 64. Тель Сотто. Налепы на глиняных сосудах (*1–6*)

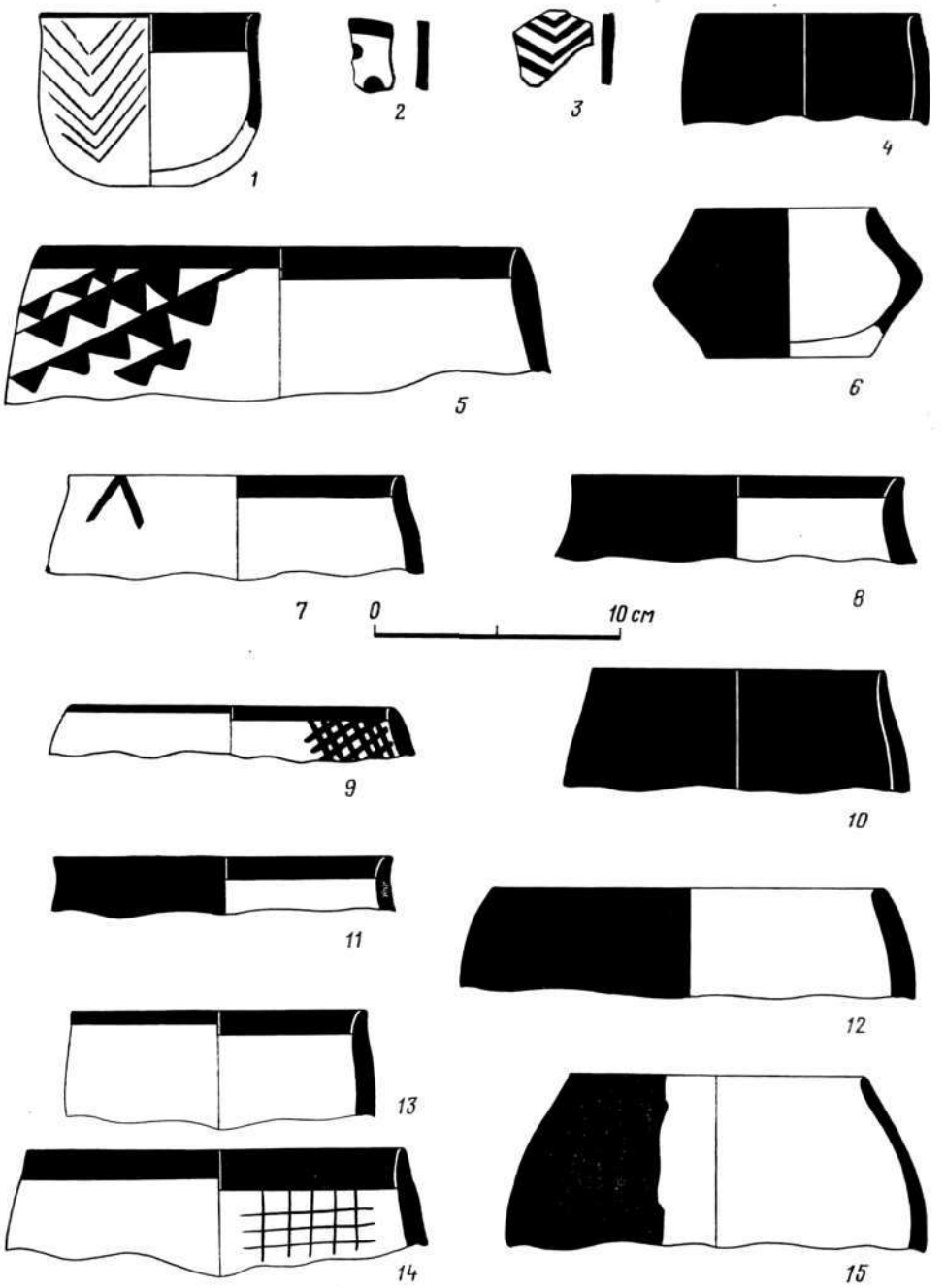

ТАБЛ. 65. Телль Сотто. Тонкая расписная керамика

1, 3, 7, 12, 14 — горизонт 2; *2, 6, 10* — горизонт 8; *4, 9* — горизонт 1; *5, 15* — горизонт 3; *8, 13* — горизонт 5; *11* — горизонт 4

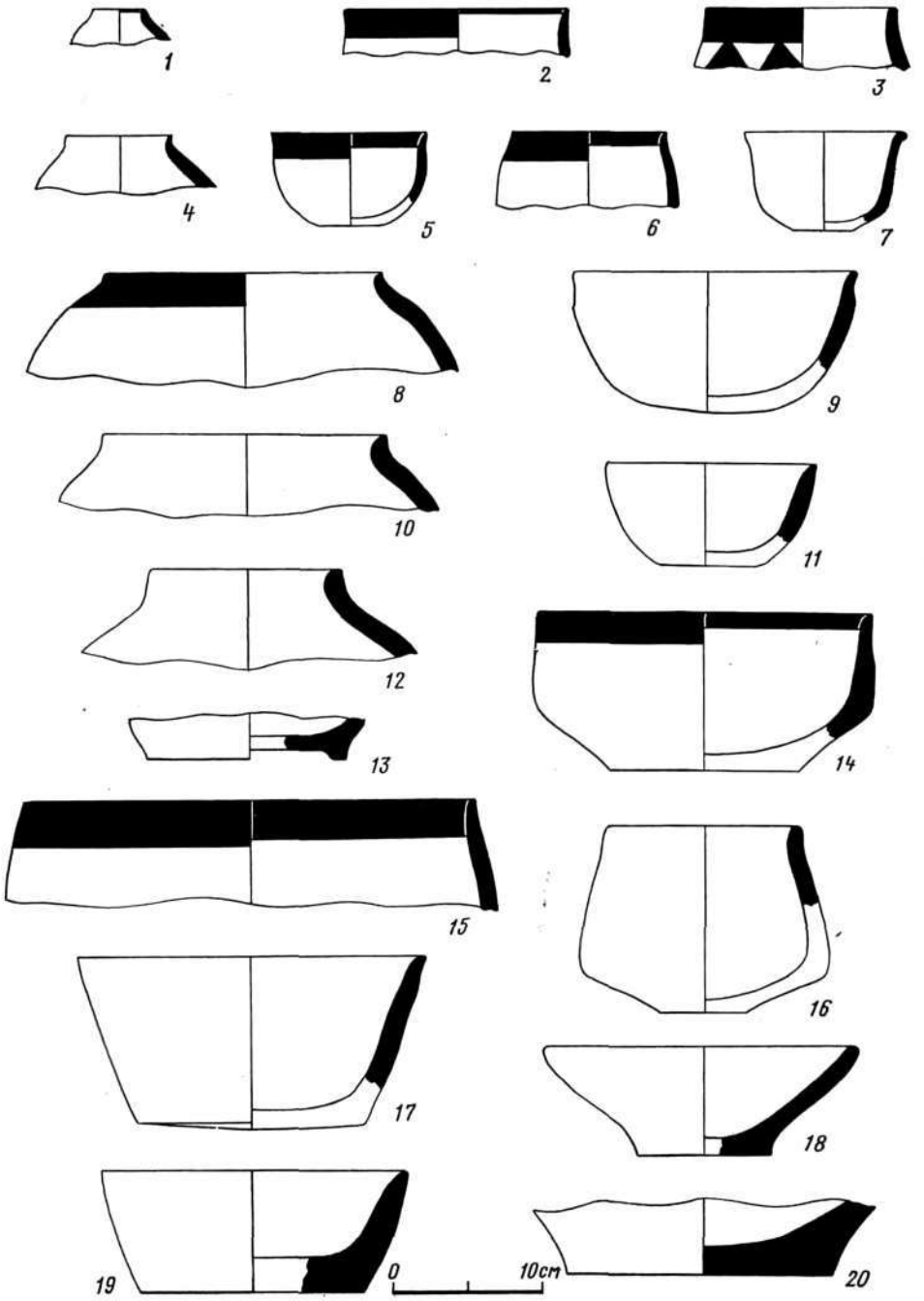

ТАБЛ. 66. Телль Сотто. Различные типы сосудов из горизонтов 6 (*1–20*)

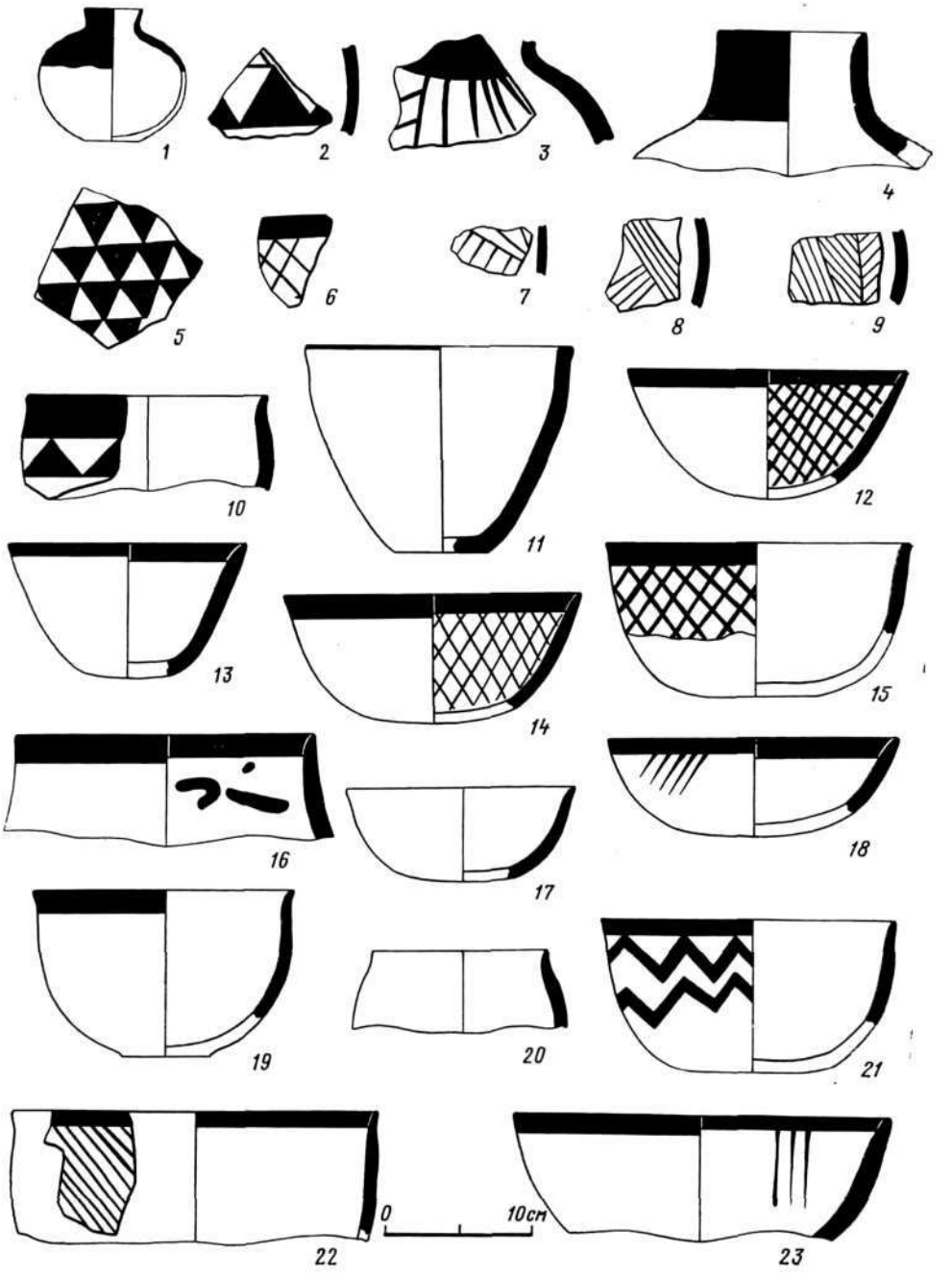

ТАБЛ. 67. Телль Сотто. Глиняная посуда из горизонта 8 (*1–23*)

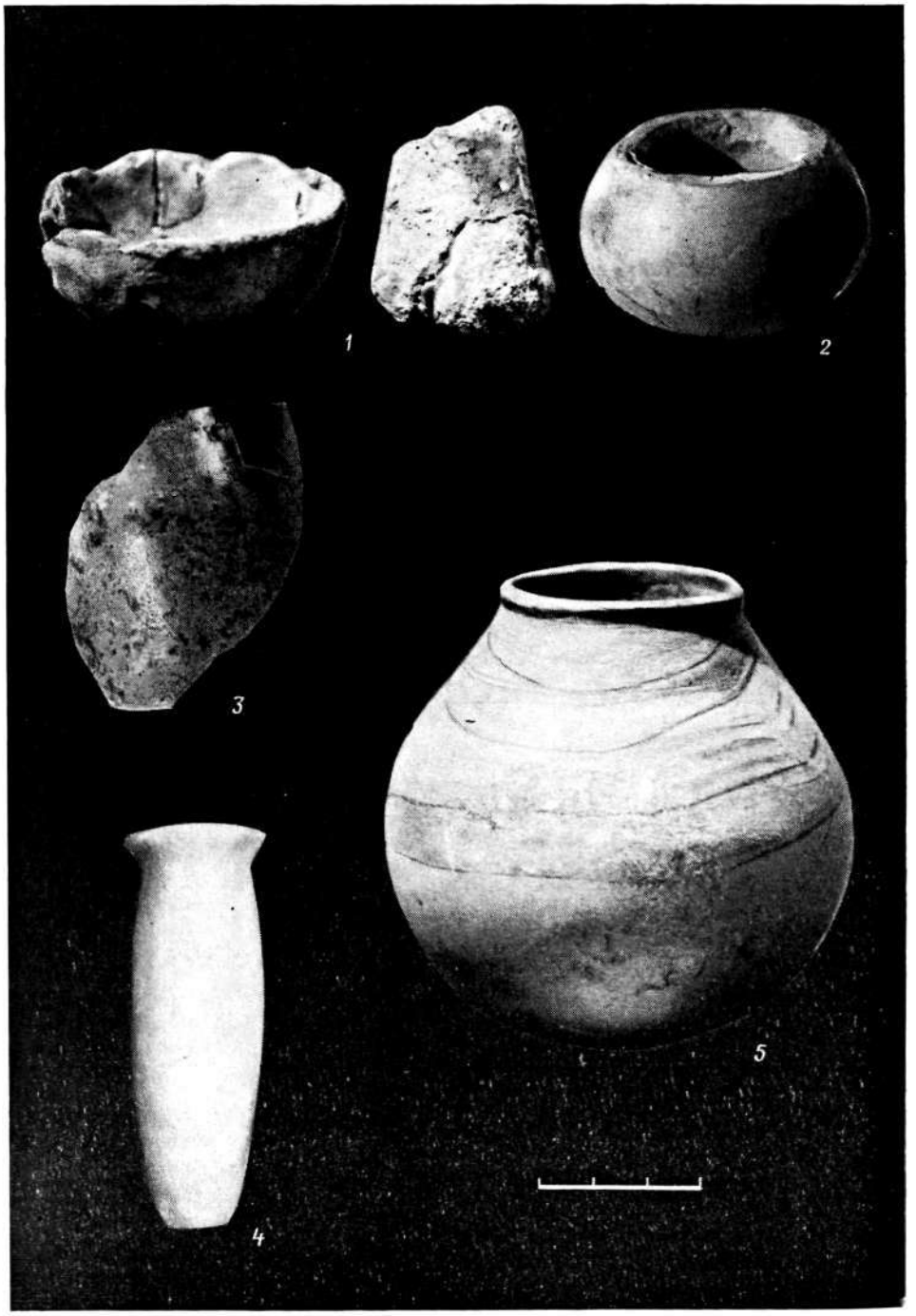

ТАБЛ. 68. Телль Сотто. Каменные сосуды и поделка из глины (*1–5*)

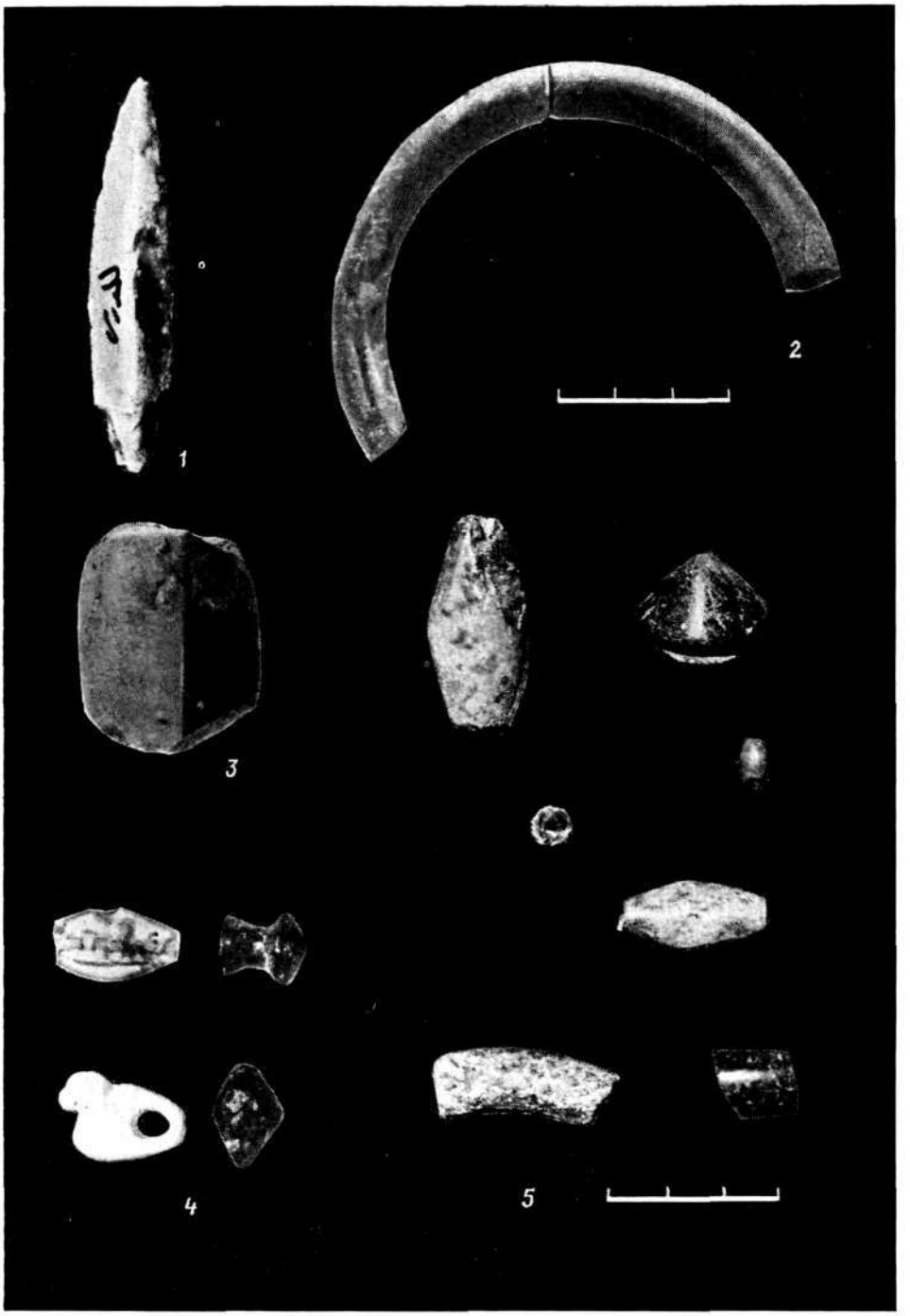

ТАБЛ. 69. Телль Сотто. Кремневый наконечник и украшения из камня (*1–5*)

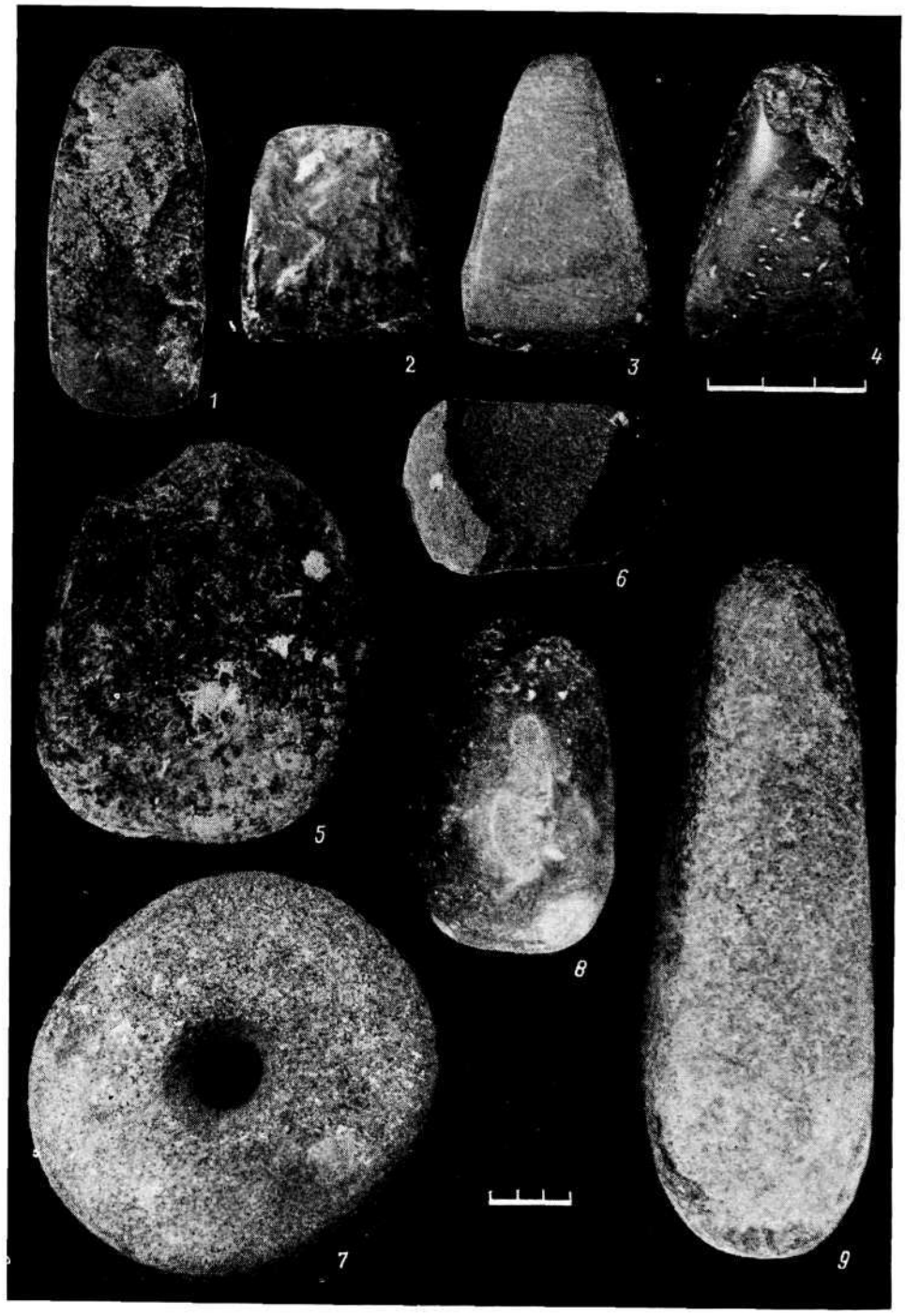

ТАБЛ. 70. Телль Сотто. Орудия труда из камня (*1–9*)

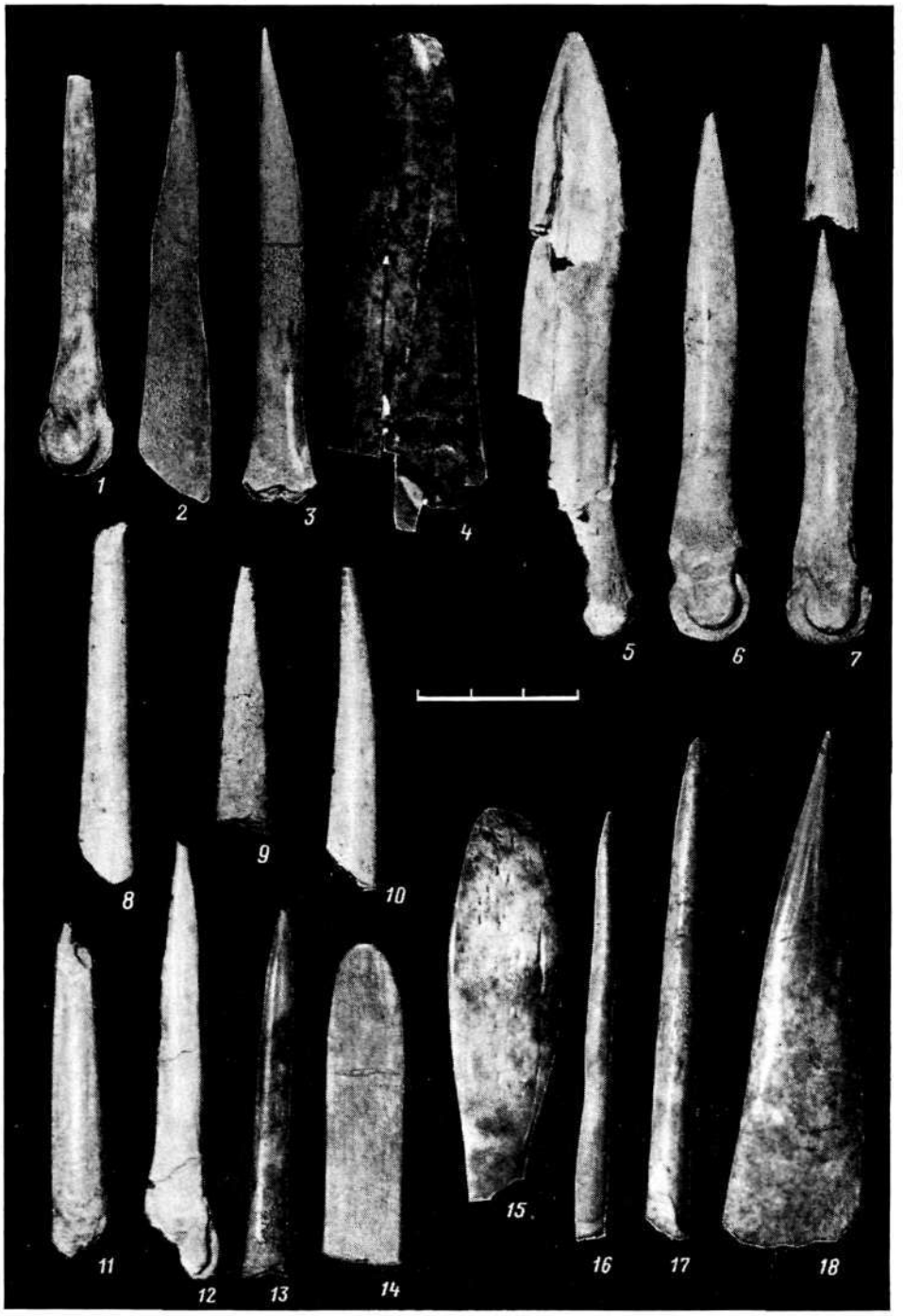

ТАБЛ. 71. Телль Сотто. Орудия труда из кости (*1–18*)

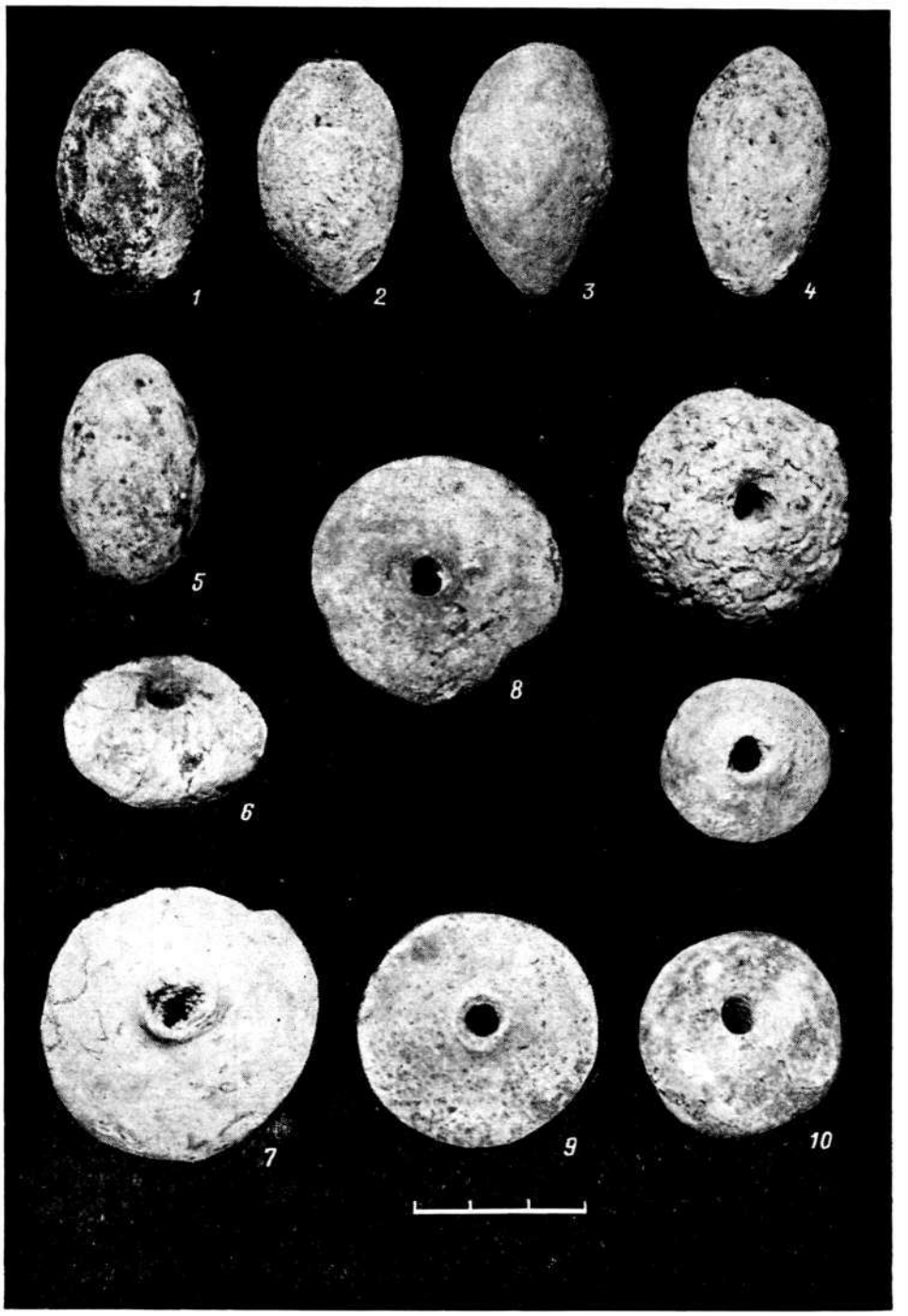

ТАБЛ. 72. Телль Сотто. Изделия из глины (*1–12*)

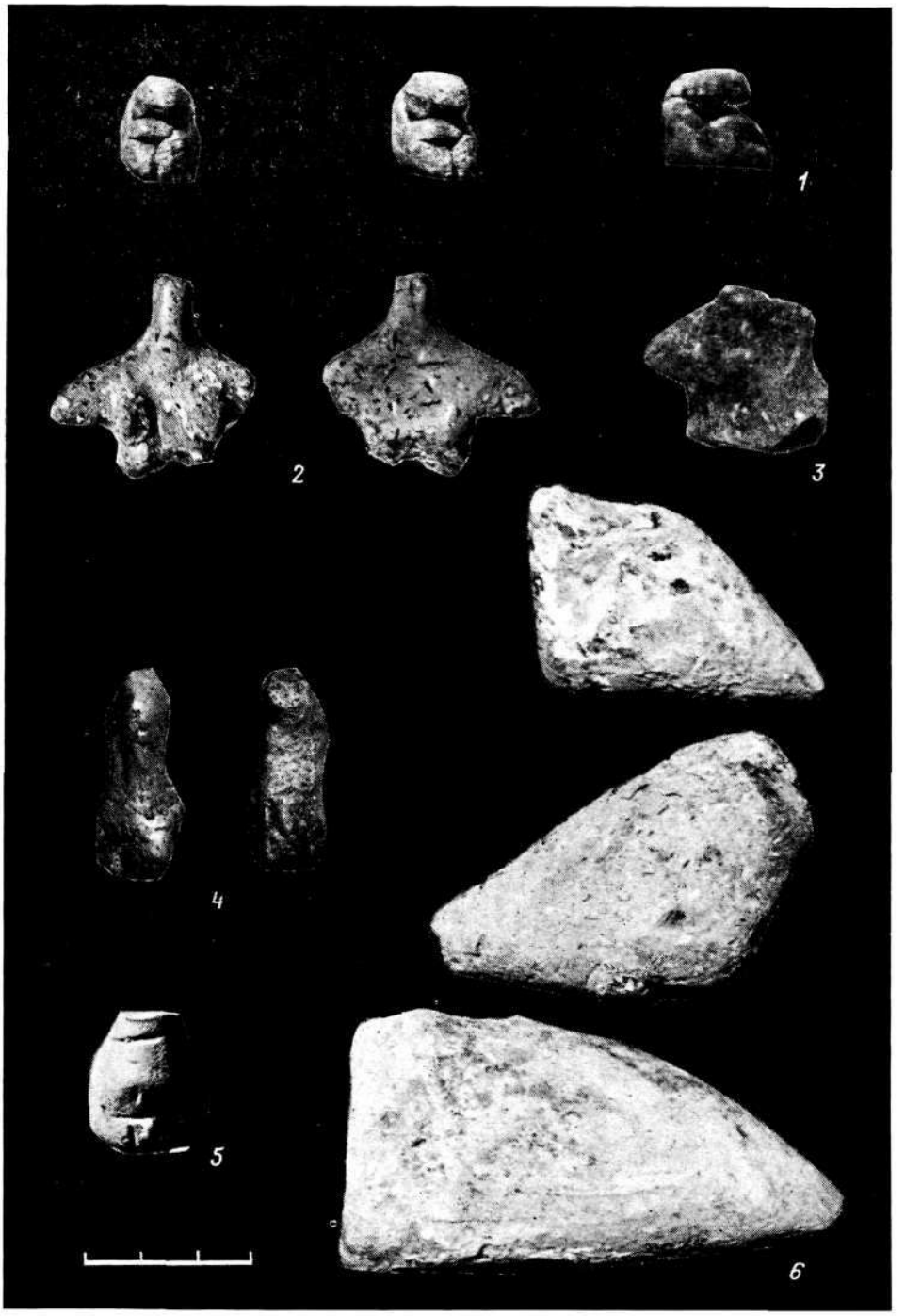

ТАБЛ. 73. Телль Сотто. Глиняные статуэтки (статуэтка 5 найдена на поверхности) (*1–6*)

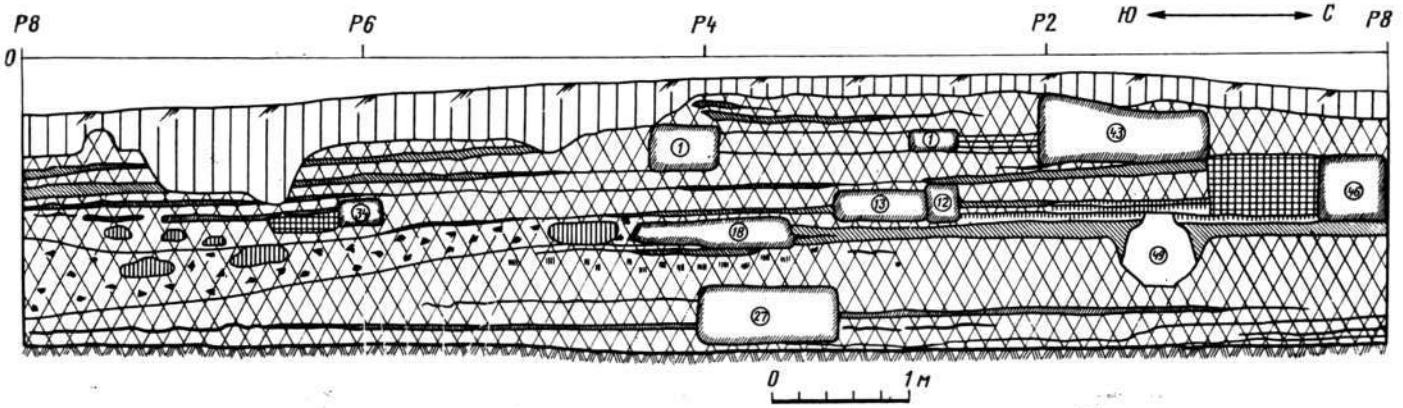

ТАБЛ. 74. Кюльтепе. Разрез 5 через квадраты 45, 55

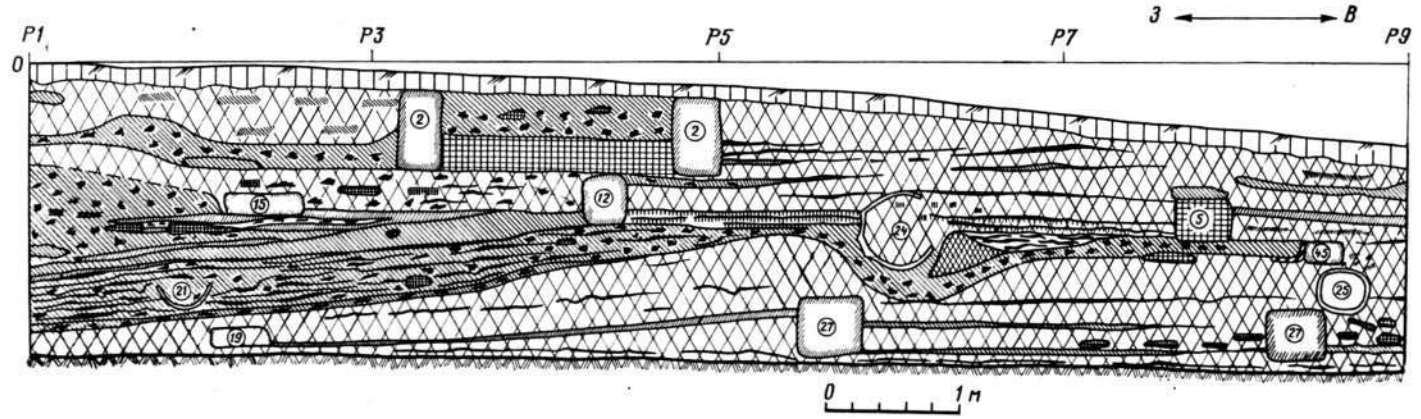

ТАБЛ. 75. Кюльтепе. Разрез 2 на квадрате 55

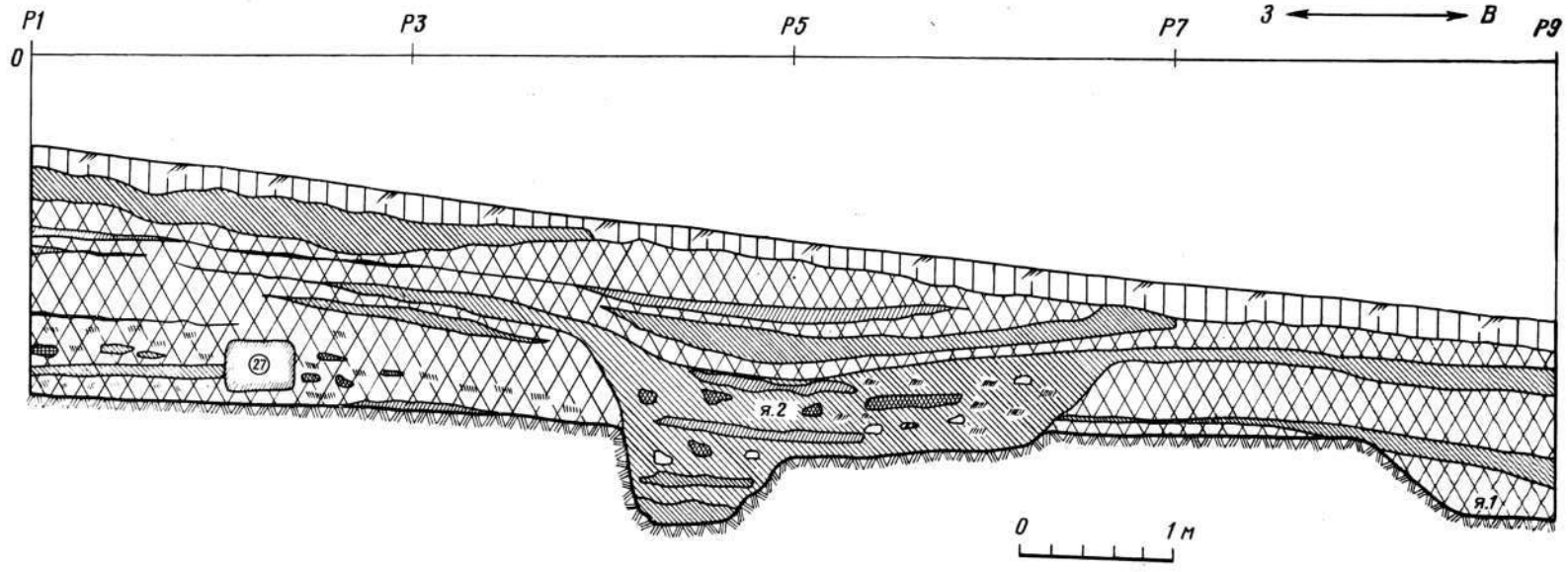
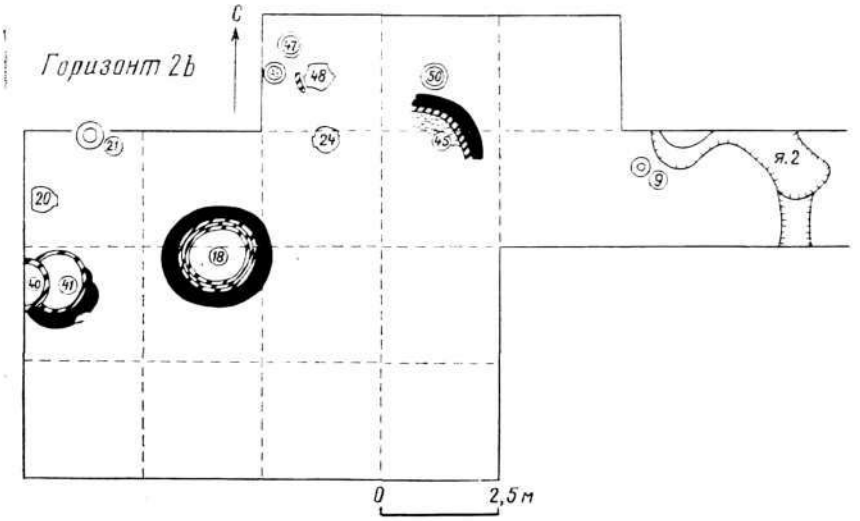

ТАБЛ. 76. Кюльтепе. Разрез 2 на квадрате 56

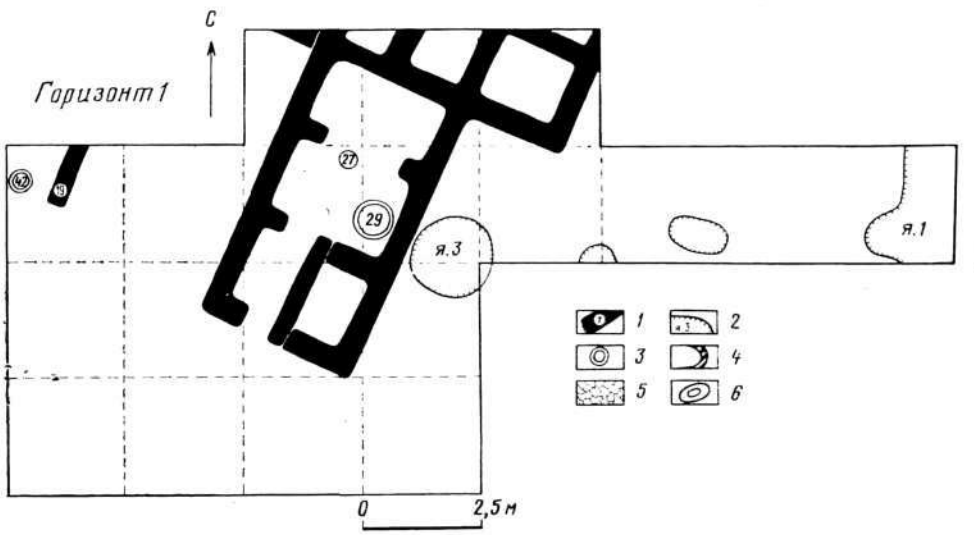

ТАБЛ. 77. Кюльтепе. План построек горизонтов 1, 2

1 — глиняные стены; *2* — контуры ям; *3* — сосуды; *4* — прокаленные обмазки печей; *5* — прокаленная глина, под печи, гипсовые обмазки; *6* — зернотерки

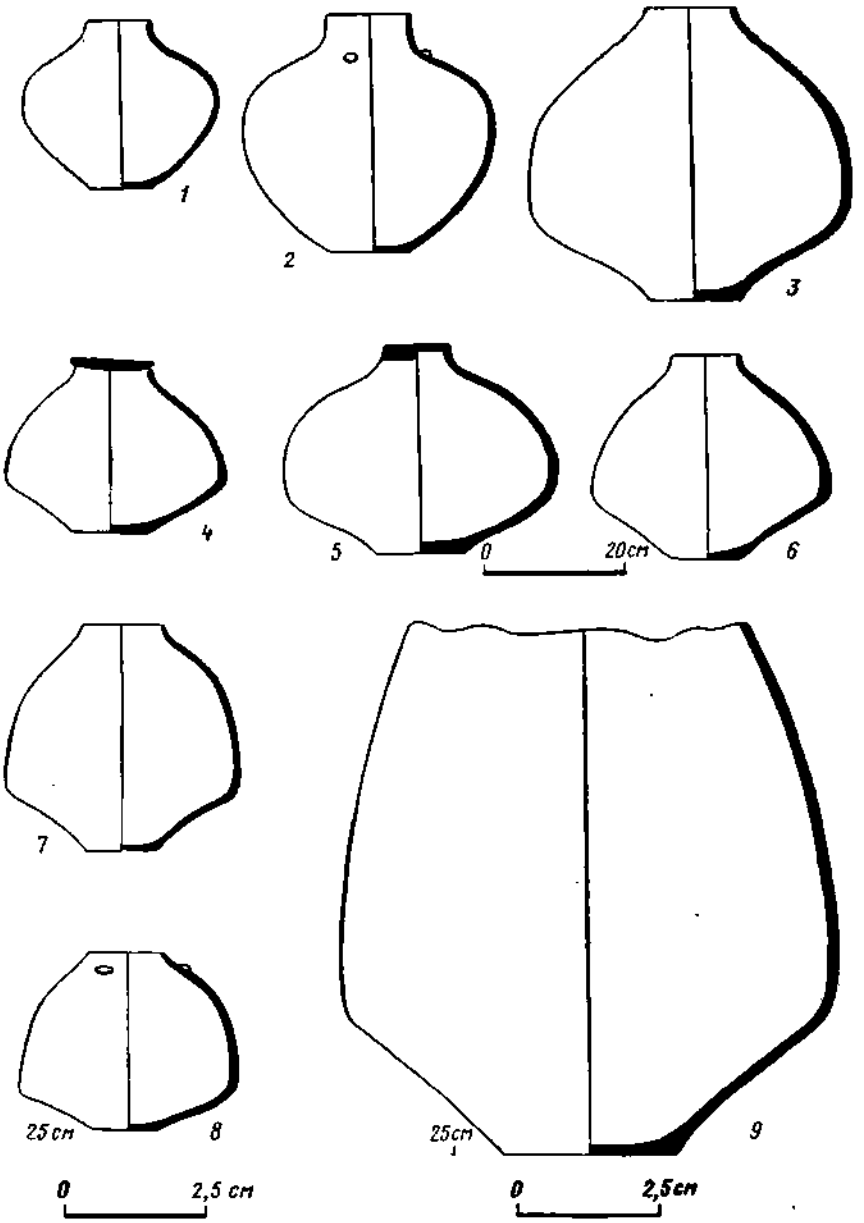

ТАБЛ. 78. Кюльтепе. Сосуды из горизонтов 2, 3, 4

1, 2 — горизонт 4; *3, 4, 9* — горизонт 3; *5—8* — горизонт 2; *1* — сосуд 39; *2* — сосуд 30; *3* — сосуд 7; *4* — сосуд 17; *5* — сосуд 25; *6* — сосуд 9; *7* — сосуд 49; *8* — сосуд 51; *9* — сосуд 44

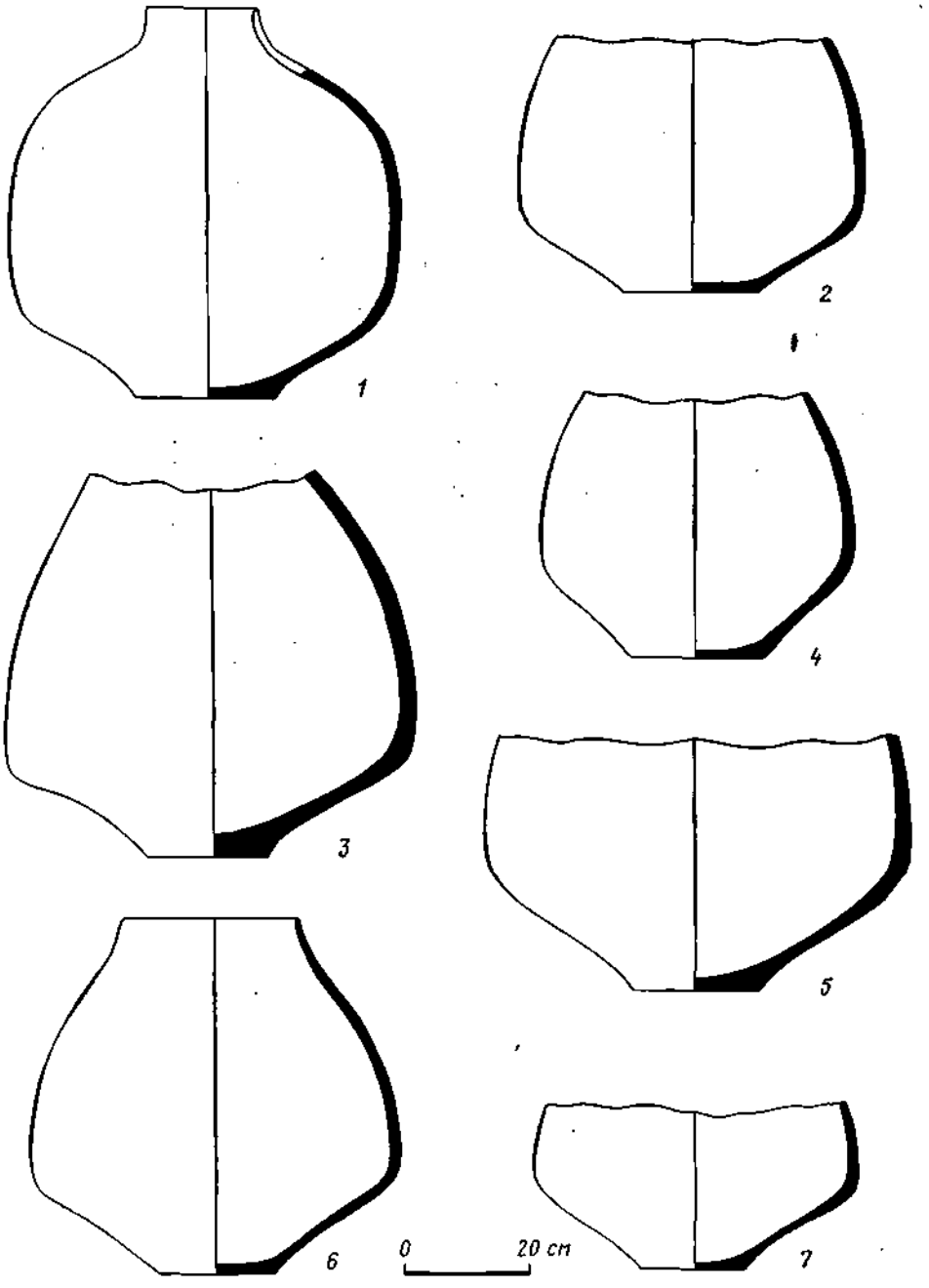

ТАБЛ. 79. Кюльтепе. Сосуды из горизонтов 1, 2

1, 2—5 — горизонт 2; *6, 7* — горизонт 1; *1* — сосуд 20; *2* — сосуд 21; *3* — сосуд 24; *4* — сосуд 30; *5* — сосуд 48; *6* — сосуд 1; *7* — сосуд 10

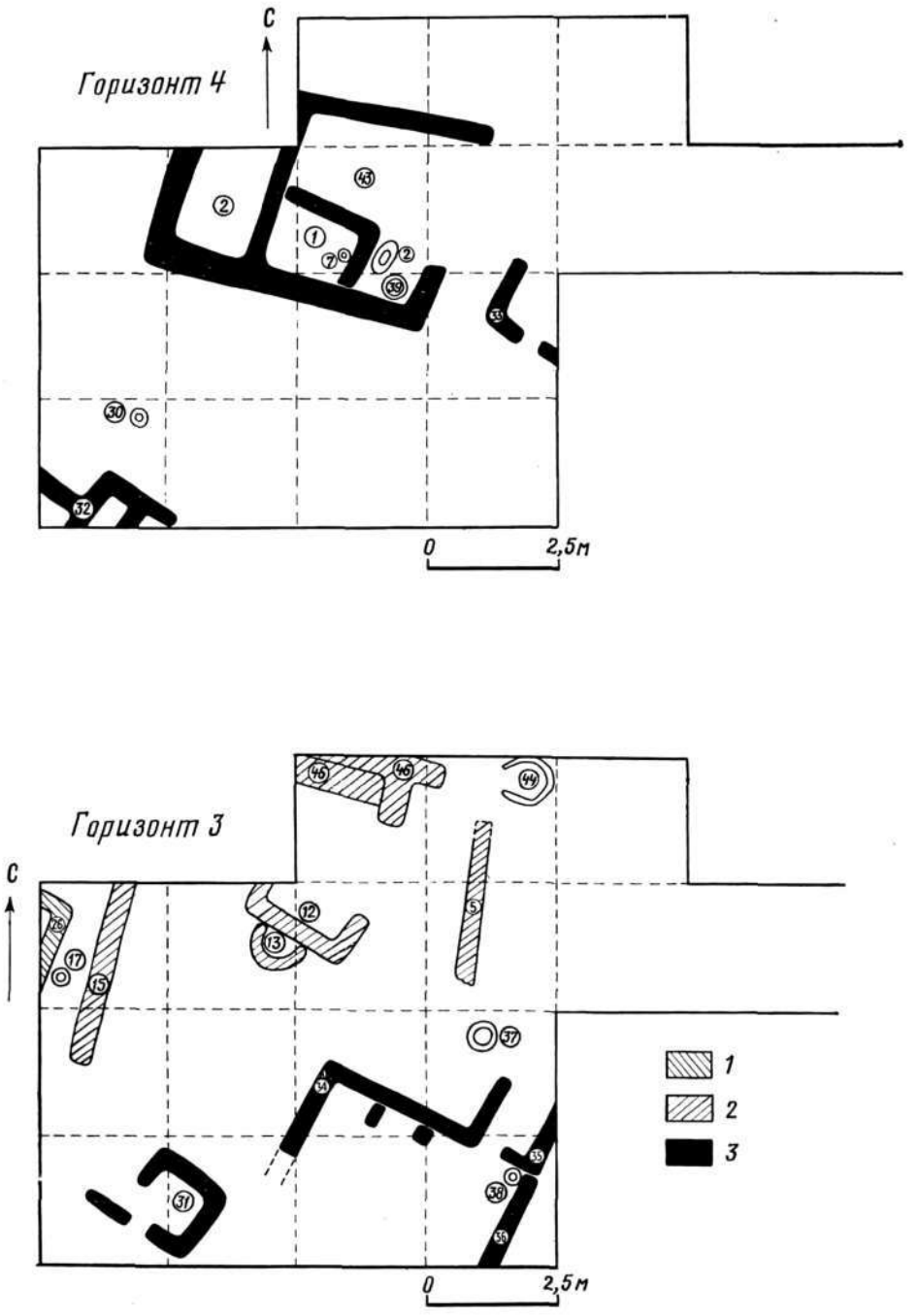

ТАБЛ. 80. Кюльтепе. План построек горизонтов 3, 4

1 — горизонт 3а; *2* — горизонт 3в; *3* — горизонт 3с

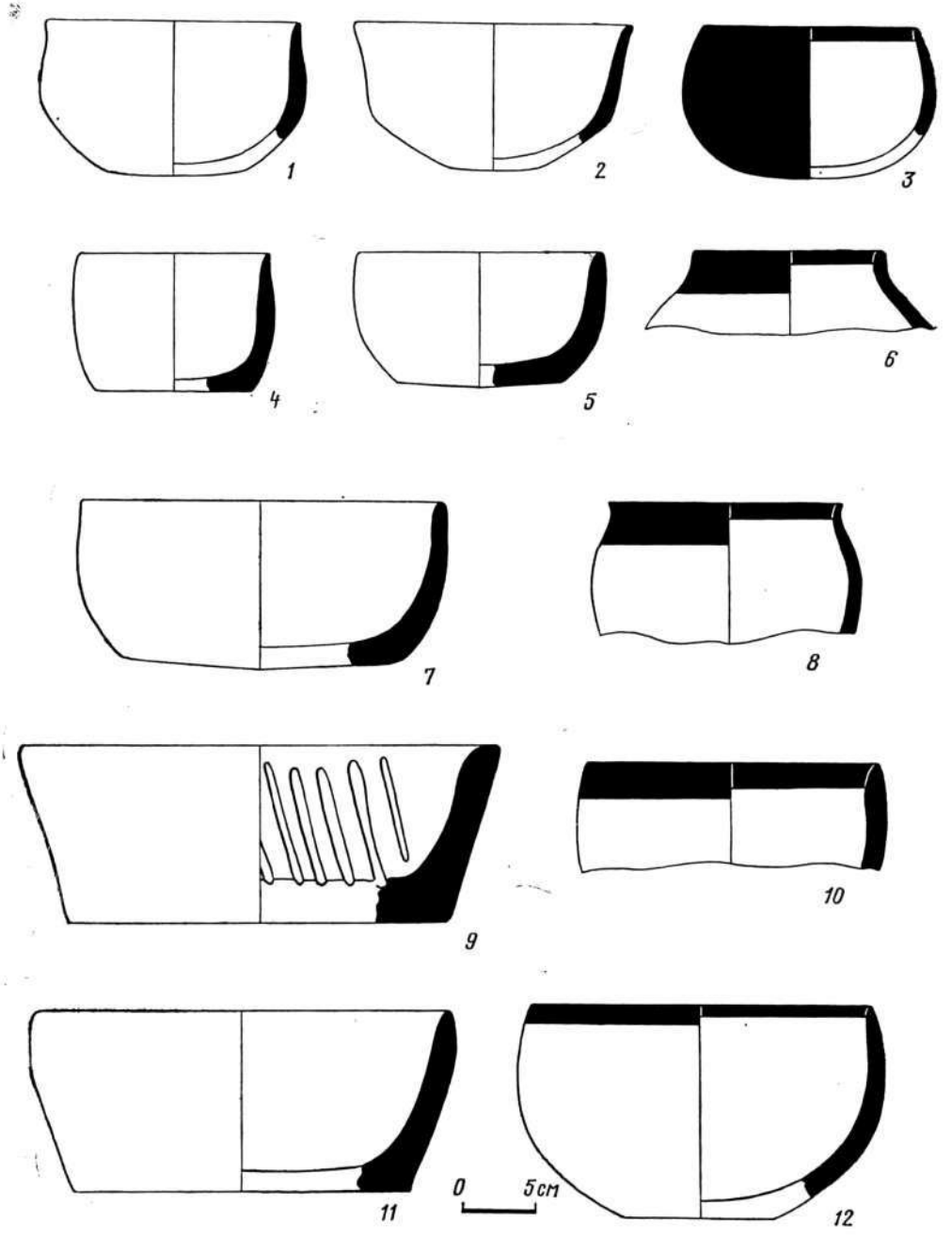

ТАБЛ. 81. Кюльтепе. Различные типы сосудов из горизонтов 1, 2

1, 4—10, 12 — горизонт 2; *2, 3, 11* — горизонт 1

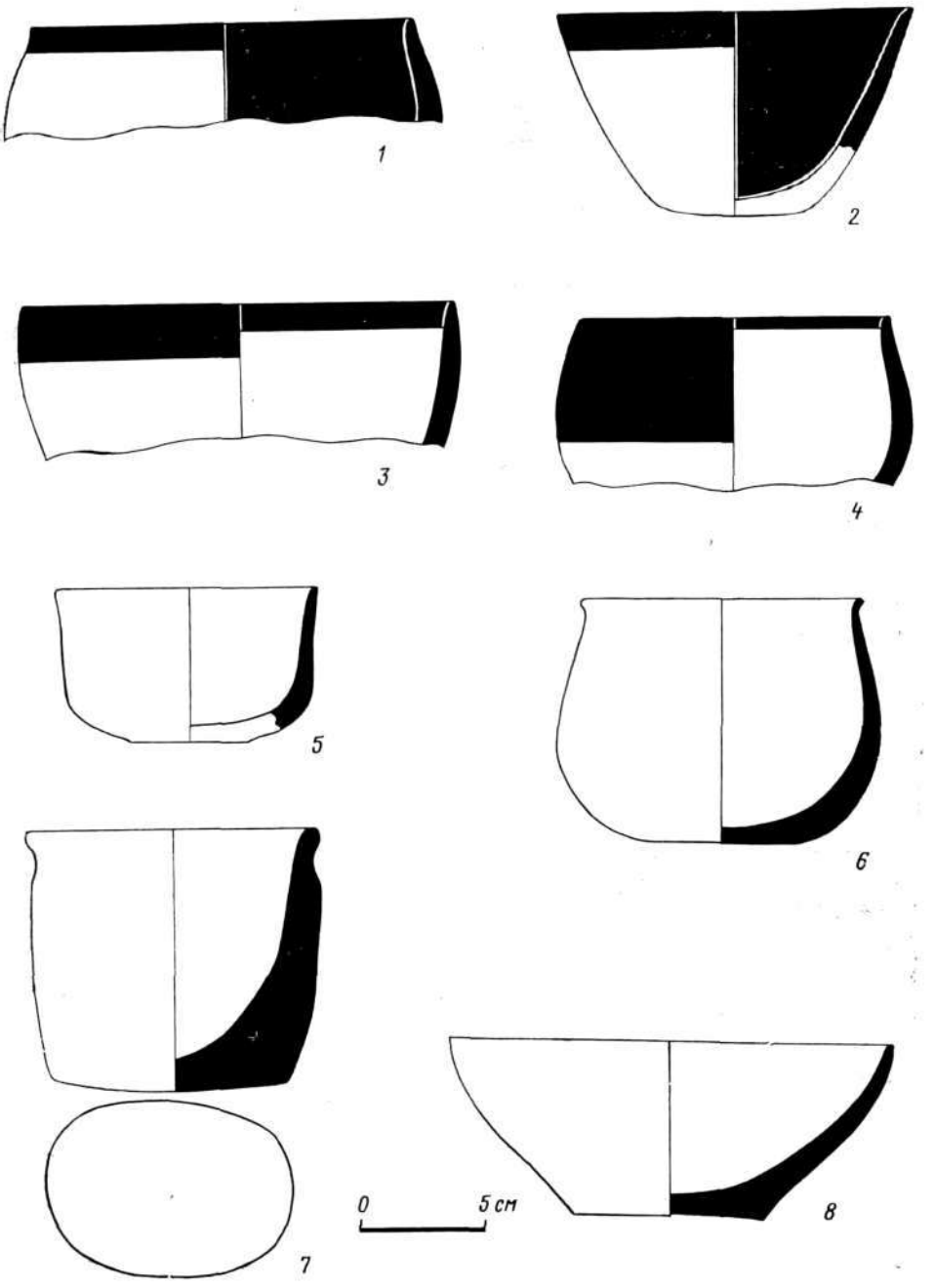

ТАБЛ. 82. Кюльтепе. Каменная и глиняная посуда

6—8 — мраморные сосуды из помещения 27; *1, 3, 4* — горизонт 4; *2* — горизонт 3; *5* — горизонт 2; *6—8* — горизонт 1

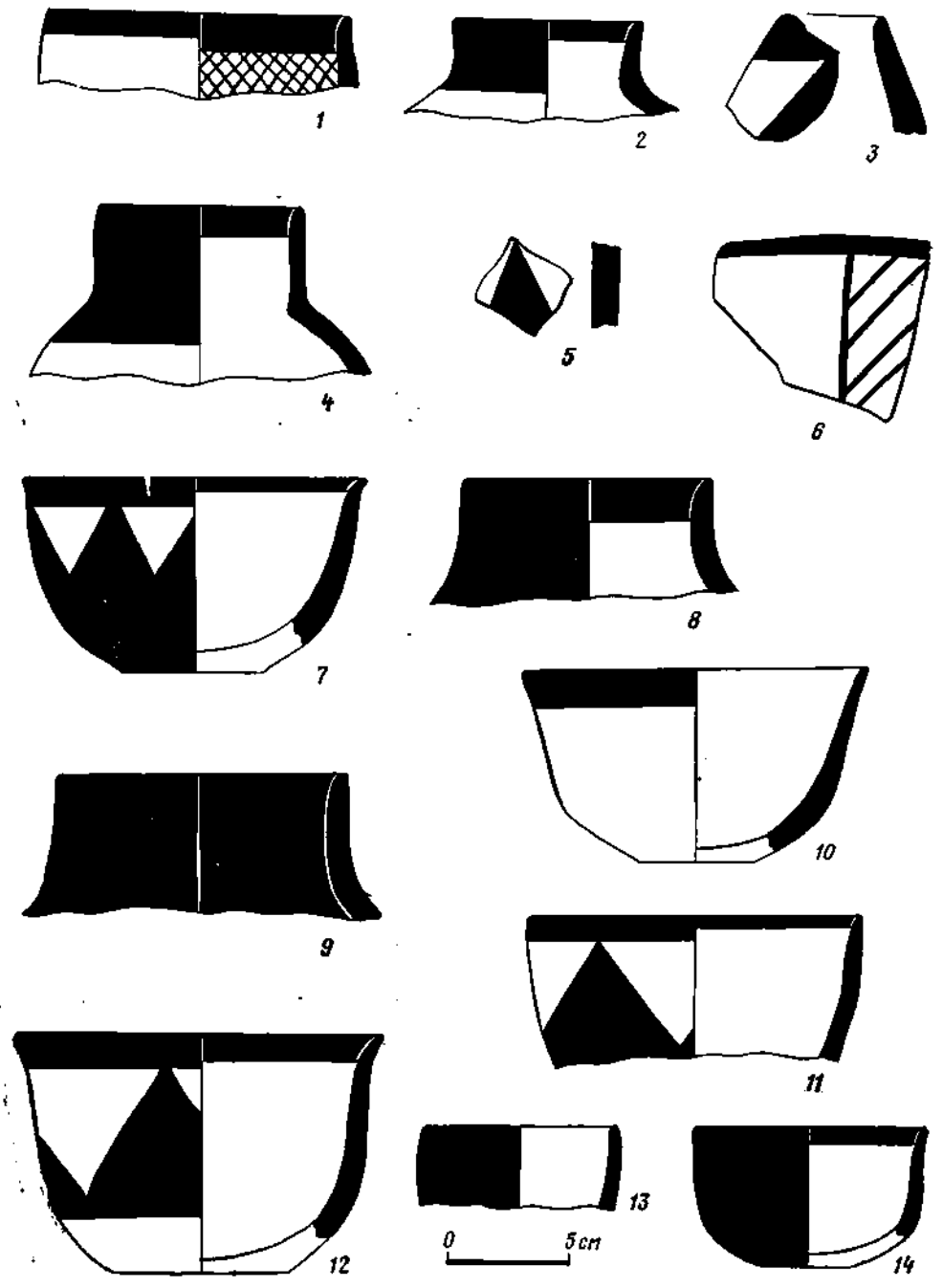

ТАБЛ. 83. Кюльтепе. Расписная посуда

1, 4 — горизонт 4; *2, 5, 12* — горизонт 2; *3, 5, 7—10* — горизонт 3; *11, 13, 14* — горизонт 1

признакам. Плохой обжиг, примитивность и однообразие форм говорит в пользу ее большой архаичности, однако специальный анализ показал, что в Сотто мы имеем дело уже со сложившимися приемами изготовления глиняной посуды (приложение 9). Этот вывод хорошо согласуется с общей исторической оценкой культуры Сотто.

Керамическое производство уходит своими корнями в предшествующую эпоху, а памятники типа Сотто знаменуют его сложение. Прототипами глиняной посуды послужила каменная и гипсовая, деревянная и плетеная, хорошо известная в Магзалии. Техника лепки начала отрабатываться на простейших гипсовых сосудах. Единичные черепки и большой необожженный сосуд-хранилище 215 из нижнего горизонта Магзалии наглядно показывает, что глина использовалась для изготовления посуды задолго до широкого распространения керамики в памятниках типа Сотто. Из глины делались дома и статуэтки. В глиняное тесто добавлялись растительные примеси, а статуэтки слабо обожжены. Широкое распространение глиняной посуды, с нашей точки зрения, было обусловлено развитием земледелия, потребовавшего много сосудов для хранения зерна и приготовления пищи. Этот переход был технически подготовлен и в определенных условиях мог совершиться достаточно быстро. Большое содержание навоза и отдельные покровные чешуйки зерен ячменя в глиняном тесте, использовавшимся для изготовления керамики, подтверждает земледельческо-скотоводческий характер поселения Сотто и Кюльтепе.

В Синджаре глиняная посуда распространилась в относительно короткий промежуток времени, разделяющий Магзалию и Сотто. Целый ряд аналогий указывает на определенную преемственность в культуре этих памятников. Здесь были все условия для сложения керамического производства, а керамика Сотто несомненно изготовлялась на месте. Однако правильно понять этот процесс можно только на широком историческом фоне. Он должен был захватывать обширную территорию Верхней Месопотамии и не мог проходить совершенно одинаково и синхронно в разных районах. В этих условиях вполне вероятны и заимствования. Западные аналогии Сотто, в том числе керамические импорты с запада, проникавшие сюда по Евфрату, вполне допускают это. К сожалению, для исследования этих связей пока слишком мало материала. Анализ показал, что серолощеная керамика сделана из местной глины. Вишневых черепков найдено всего пять. В Сотто три обломка происходят из третьего горизонта и один найден в пограничном слое между вторым и третьим горизонтами. В Кюльтепе единственный фрагмент происходит из первого горизонта. Таким образом, западные импорты относятся к расцвету культуры телль Сотто и охватывают относительно короткое время.

Вопрос о характере взаимосвязей комплекса Сотто с хассунской культурой и правомерности его выделения в самостоятельную культуру фактически зависит от того, как он соотносится со сменившей его архаической Хассуной. В телль Хассуне виден явный хронологический разрыв древнейшего слоя 1а и всей перекрывающей его толщи. Только в Ярымтепе I удается проследить преемственное развитие от позднего Сотто через культуру архаической Хассуны к стандартной хассунской культуре. Нами показано, что нижний (двенадцатый) горизонт Ярымтепе I, Кюльтепе и верхние слои Сотто практически тождественны по набору глиняной посуды. В. А. Башилов и О. Г. Большаков на основе стратиграфических наблюдений в основании Ярымтепе I выделили древнейшее поселение, культурно адекватное верхним слоям Сотто [1]. Н. Я. Мерперт

справедливо рассматривает этот материал в едином ряду развития архаической хассунской культуры [2]. Мы совершенно согласны с этой оценкой. Технологически керамика Сотто и архаической Хассуны неразличима,— а типологически тесно связана между собой. Культура архаической Хассуны характеризуется сферическими формами посуды, прямо продолжающими развитие керамики позднего Сотто и Кюльтепе.

Оба поселения были оставлены приблизительно одновременно. Представляется, их запустение не было случайным и связано с процессом укрупнения поселений. Этот вывод находит подтверждение и в ряде других памятников времени Сотто, открытых экспедицией. Также может быть объяснен и перерыв в накоплении отложений на телль Хассуне. Конечно, и на этапе Сотто были крупные поселения. Пример тому Умм Дабагия. И все же укрупнение поселений в процессе развития земледелия представляется закономерным и вполне реальным процессом.

Переход от архаической к стандартной Хассуне практически выходит за рамки настоящей работы и требует специальной аргументации. В данном случае важно, что он связан с достаточно быстрыми изменениями в культуре. Керамика начинает обжигаться в печах и в связи с этим резко возрастает ее качество. Несколько меняется типология и, главное, орнаментация посуды. Распространяется так называемая резная хассунская керамика. В это же время на хассунских памятниках прослеживается и влияние самаррской культуры, которое отражает какие-то сложные исторические процессы и показывает, что сложение стандартной хассунской культуры нельзя сводить к простой эволюции. Этот важный момент в истории хассунских племен прослеживается четче, чем переход от культуры памятников типа Сотто к архаической Хассуне, который не нарушает спокойного развития культуры и представляется в значительной степени условным.

[1] *Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В.* Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке // СА. 1980. № 1. С. 106–128.

[2] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 87–112.

IV

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА И ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В VII—VI ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

*

Джармо был одним из первых полно исследованных памятников, на материалах которого рассматривались общие вопросы возникновения производящих форм хозяйства на Ближнем Востоке, а Иракский Курдистан и прилегающая Месопотамия заняли важное место в их решении [1]. Сегодня исследования вышли на новый уровень и переросли в сложную комплексную проблему. Принципиально расширена их источниковедческая база, привлечены смежные дисциплины и разработаны новые методики. Полевые археологические работы захватили весь обширный регион Ближнего Востока, дали много ярких открытий, уточнили и конкретизировали наши представления о процессе становления земледелия и скотоводства, расширили его границы (рис. 47).

Начиная с 50-х годов материалы о древнейших земледельцах Ближнего Востока накапливаются систематически. Всеобщее внимание привлекают работы К. Кеньон в Иерехоне [2]. Д. Керкбрайт работает в Бейде [3]. Ведутся работы в Нахал Орен [4]. На примере натуфийских памятников удается проследить самые истоки земледелия, прямые генетические связи местной мезолитической культуры охотников и неолитической земледельческо-скотоводческой культуры. Поразительные материалы добывает Д. Мелларт в Хаджиларе и Чатал Гуюке, причем в основании этих памятников исследуются слои, характеризующие самое начало земледелия и скотоводства [5]. В начале 60-х годов экспедиции Дании, Канады, США расширили поиски раннеземледельческих памятников как на южных, так и на северных склонах Загроса [6]. Р. Брейдвуд и Х. Чембел предприняли разведки на западных склонах Тавра, в юго-восточной Турции [7]. На верхнем Евфрате работает также экспедиция США и Нидерландов [8]. Наконец, в 70-е годы раннеземледельческие памятники открыты и исследованы на Среднем Евфрате [9], предпринимаются раскопки в Букре [10]. Сегодня на Ближнем Востоке выявлено около 35 памятников и местонахождений VIII—VII тысячелетий до н. э. [11] К сожалению, изучены они очень неравномерно. Еще больше раннекерамических памятников VI тысячелетия до н. э., характеризующих завершающий этап и конец формирования земледельческо-скотоводческого способа хозяйства [12].

Исследования разнообразного в физико-географическом и культурном отношении региона Ближнего Востока, к тому же расчлененного сегодня многими политическими границами, естественно, переросли в комплексные исследования отдельных узких опорных районов. Работами советской археологической экспедиции в Синджаре создан еще один такой

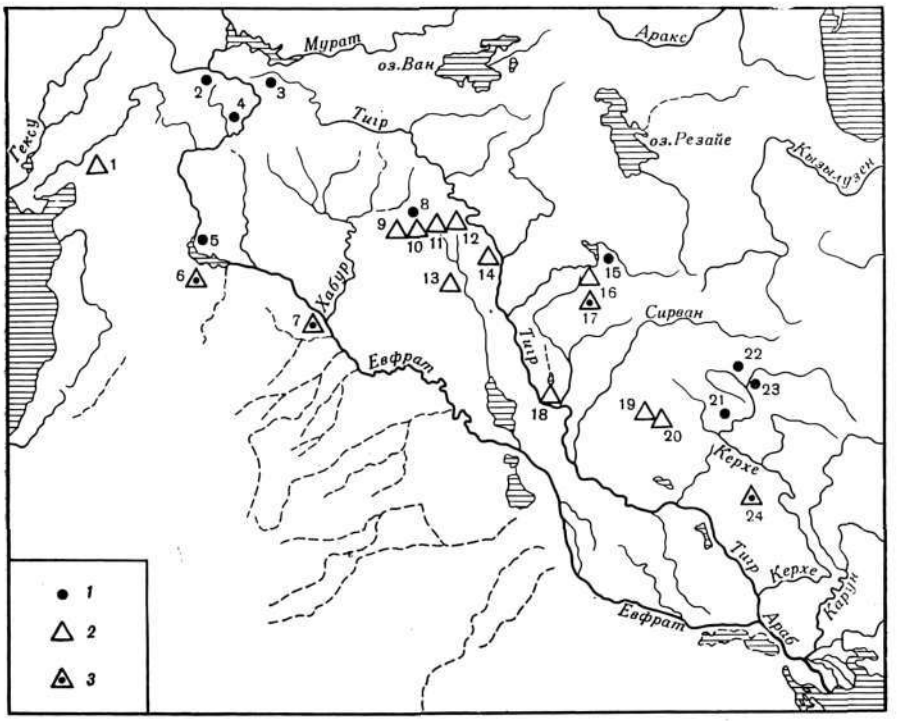

РИС. 47. Карта основных неолитических-энеолитических памятников Верхней Месопотамии

1 — докерамические поселения VIII—VII тысячелетий до н. э., *2* — раннекерамические поселения VI тысячелетия до н. э., *3* — поселения с докерамическими и раннекерамическими слоями

район, лежащий на путях традиционных торговых и культурных связей между средиземноморским и внутренними регионами Ближнего Востока.

Телль Магзалия — второй докерамический памятник после Джармо на территории современного Ирака и первое укрепленное поселение VII тысячелетия до н. э. в Северной Месопотамии — значительно расширяет ареал возникновения производящих форм хозяйства на Ближнем Востоке и дает новые яркие материалы, иллюстрирующие этот процесс. Сейчас вырисовывается целый пласт докерамических памятников Северной Месопотамии (поселения Магзалия, Джармо, Шимшара, Абу Хурейра, Чейеню Тепеси, Грайтил и некоторые другие, не так полно исследованные), которые позволяют подойти к реконструкции конкретной истории Верхней Месопотамии VII тысячелетия до н. э. и решению общих вопросов возникновения земледелия и скотоводства.

Телль Сотто и Кюльтепе вскрыли новый очень древний пласт раннеземледельческих памятников Ассирийской степи, который предшествует известной ранее архаической хассуне и позволяет проследить действительные истоки этой культуры. Знания о самой хассуне более чем удвоены работами Ярымтепе I. Все эти материалы существенно меняют сложившиеся представления о первых шагах земледелия и скотоводства на равнине Северной Месопотамии. Для их оценки остановимся кратко на характеристике территориально и хронологически близких памятников (рис. 48).

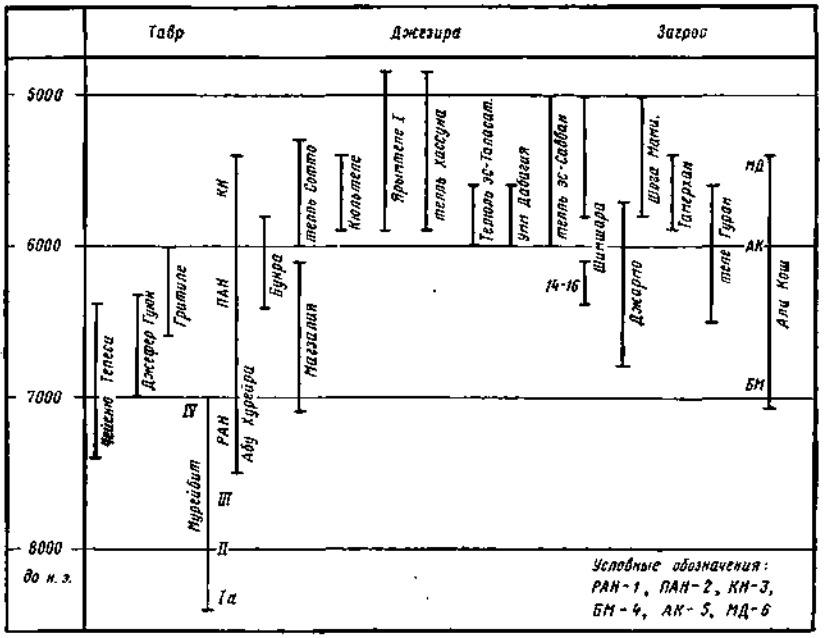

РИС. 48. Хронологическая таблица основных неолитических-энеолитических памятников Верхней Месопотамии и подгорной зоны Тавра и Загроса

1 — ранний акерамический неолит, *2* — поздний акерамический неолит, *3* — керамический неолит, *4* — фаза Бас Мардех, *5* — фаза Али Кош, *6* — фаза Мухаммед Джафар

Ограничимся сжатой характеристикой некоторых памятников VII—VI тысячелетий до н. э. из Иракского Курдистана, Ассирийской степи и Верхней Месопотамии, представляющих особый интерес для интерпретации этих новых материалов из Синджара.

КАЛАТ ДЖАРМО

Находится в Иракском Курдистане в окрестностях г. Сулеймании, в холмистых отрогах западных склонов Загроса. Памятник был открыт Департаментом древностей Ирака. Раскопки поселения проведены экспедицией Чикагского университета под руководством Р. Брейдвуда в 1948, 1950—1951 и 1954—1955 гг. В работах приняли участие Л. Брейдвуд, Ф. Хол, Р. Адамс, П. Ватсон [13]. На материалах Джармо Р. Брейдвуд впервые проследил процесс неолитической революции на Ближнем Востоке.

Поселение общей площадью около 1,3 га расположено на вершине одного из холмов над руслом небольшого притока реки Шемшемаль, которая образует широкую долину между поселением и первой грядой гор. Удобная для жизни площадка с трех сторон ограничена глубокими оврагами. При большой мощности культурного слоя памятник не имеет привычного облика тепля. Его границы теряются на естественных склонах холма. Поселение имело свободную планировку и тяготело к краю холма над рекой. Судя по характеру обнажения, река разрушила значительную его часть. Край обрыва возвышается не менее чем на 25 м над водой.

Критический обзор методики раскопок Джармо дан самим автором исследований Р. Брейдвудом [14]. В общей сложности на поселении вскрыто 1370 кв. м., но основная часть падает на шурфы, которых на памятнике 182 [15]. Шурфы, в основном 2 × 2, заложены в шахматном порядке по ориентированной по странам света сетке и покрывают всю центральную часть поселения. Их общая площадь превышает 700 кв. м [16]. Шурфы вскрыты на разную глубину, и их стратиграфические увязки затруднены. Материал из шурфов и раскопов брался по слоям. Вдоль обрыва к реке заложены раскоп I (10 × 15 м) и раскоп II (10 × 25 м), а также траншея А (5 × × 15 м). Общая площадь всех этих раскопов составляет около 475 кв. м, только 130 кв. м вскрыто до материка [17]. Стратиграфически эти изолированные площади объединяет обнажение вдоль реки. Шурфы 11, B, C, D имеют небольшую площадь, причем часть из них вскрыта только по поверхности.

Мощность культурных слоев и их количество в различных частях поселения сильно варьируют. Семиметровые напластования зафиксированы в центре обнажения на северо-западе поселения (раскоп II), в южной половине центральной площади они сокращаются до 4 м [18]. В раскопе I прослежено 8 жилых слоев, в траншее А — 6 жилых слоев, в центральном раскопе II и на примыкающем обнажении, включая траншею А, общее их число доходит до 16 [19]. Материал из шурфов делится по глубине на несколько условных горизонтов. Горизонт 1—0,75 см, гор. 2—75—100 см, гор. 3—100—150 см, гор. 4—150—200 см, гор. 5—200—250 см [20].

Шурфами выявлены некоторые характерные отложения и ареалы их распространения. В восточной половине поселения был серый золистый слой, в раскопе II он лежал под слоем 6 [21]. На северо-западе поселения на глубине 2 м зафиксирован широко распространенный оранжево-желтый плотный слой ила без построек. Под ним находились остатки домов и скопления керамики [22]. Керамика на поселении встречается только в верхних пяти слоях и происходит из нескольких четко локализованных скоплений. В раскопе II ее нет глубже 2,25 м. Все это наводит на мысль, что керамика Джармо связана с какими-то более поздними постройками на поверхности древнего поселения. Однако весь набор орудий из этих скоплений, по мнению исследователя, типологически ничем не отличается от основной коллекции [23].

По-видимому, постройки из глины характерны для всей толщи отложений, однако сохранность их не одинакова. В верхних полутора метрах слоя они сильно разрушены процессами известкования почвы, дождевыми водами, корневой системой. У поверхности остатки построек улавливаются лишь по каменным фундаментам.

Раскопки шурфами не позволили выявить планировку поселения. О конструкции жилых домов дает представление подробное описание дома из слоя 5 (раскоп II) [24]. Дом обособлен от соседних построек, только с запада к нему примыкали стены открытого хозяйственного двора. Это прямоугольная постройка, разделенная на семь помещений. По мнению исследователей, часть из них могла быть и не перекрыта крышей. Длинная (5,6 × 2,2 м) жилая комната площадью чуть больше 10 кв. м имела вход с улицы. В проеме двери стоял поворотный камень. Короткая перегородка делит комнату пополам. Рядом с жилой комнатой было четыре небольших помещения (2,0 × 1,5 м). В одном из них стояла печь, остальные три могли быть зернохранилищами. Судя по отсутствию дверных проемов, перегородки между хранилищами были низкими, а печь обогревала весь

дом. Она могла служить и для сушки зерна. Вдоль южной стены дома был узкий коридор неясного назначения. Пища готовилась на открытом хозяйственном дворе к западу, где найдено несколько зернотерок.

Стены дома были сделаны в технике «тоф». Толщина образующих стены слоев составляет 7,5—10 см, швов между ними — 1,5—2,5 см. Полы и крыши были покрыты циновками и обмазаны глиной. Детально прослежена конструкция печи. Она имела колоколовидную форму, стены изготовлены в технике «тоф». Топилась печь со двора или из соседнего помещения через маленькую топку на уровне пола. В своде имелось полукруглое отверстие, сбоку — вмазанный в стену дымоход. Под печи выложен гравием и обмазывался тонким слоем глины с соломой, причем обмазка часто трескалась от огня и поэтому неоднократно подновлялась.

По заключению Р. Брейдвуда, архитектура Джармо достаточно развита уже в самых нижних слоях, не претерпела заметных изменений на протяжении существования памятника и не дает материала о древнейших этапах домостроительства. Застройка была хаотичной; регулярные проходы между домами не прослеживаются. Р. Брейдвуд считает, что число домов, одновременно стоявших на поселении, не превышало 25, а население 150 человек [25]. Судя по пологим склонам телля и его значительной площади, застройка была достаточно свободной.

Материальная культура Джармо рассматривается исследователями суммарно. На поселении есть керамический и докерамический комплексы, однако массовый материал, прежде всего орудия труда, типологически однороден [26]. Культура поселения развивалась преемственно.

Высокая техника расщепления камня характеризуется коническими прямоплощадочными нуклеусами и большим количеством правильных ножевидных пластин, которые абсолютно преобладают в комплексе. Судя по следам битума на неретушированных пластинах, они могли использоваться как вкладыши в составных орудиях [27]. Около 60% орудий изготовлено из кремня, 40% — из обсидиана [28]. Грубый материал преимущественно галечный и может происходить из русла реки у подножия памятника. Великолепный желтый кремень, из которого делались большие вкладышевые пластины, приносили на поселение со стороны. Ближайшие месторождения обсидиана находятся в районе озера Ван, приблизительно в 400 км к северу, и в районе Аксарии, около 1000 км к северо-западу [29]. В нижних слоях обсидиана несколько меньше, чем в верхних. На Джармо много дымчатого обсидиана. На Магзалии же, кстати, встречается только черный обсидиан. По-видимому, поселения получали сырье из различных месторождений.

Типологическая характеристика комплекса основывается на коллекции багдадского музея, с которой мы смогли познакомиться. Набор и типология орудий Джармо однообразны, формы и техника их изготовления стандартны. Наиболее выразительную черту всего комплекса составляет вкладышевая техника. Наконечники стрел совершенно не встречаются. Для вкладышей использовались тонкие неретушированные пластинки, часто со следами битума. Многие из них приострялись тонкой ретушью по краю. Реже встречаются пластинки со скошенным концом, которые также могли использоваться в составных орудиях. Вкладышевых пластин с притупленным краем мало. Геометрических микролитов относительно больше. Встречаются высокие трапеции, высокие треугольники, высокие сегменты, низкие сегментовидные микроострия. Р. Брейдвуд подчеркивает, что геометрические вкладыши характерны лишь для верхних слоев

Джармо [30]. Ф. Хол в качестве ведущей формы верхних слоев выделяет трапеции, для нижних — удлиненные треугольники [31]. Если высокие трапеции, треугольники и сегменты характерны для местного неолита, то сегментовидные острия, микропластинки со скошенным концом, низкие треугольники ближе вкладышам Зарзи и типичны для мезолита. Такое разнообразие геометрических вкладышей создает впечатление их разновременности, однако некоторое время они могли и сосуществовать.

Охотничий инвентарь Джармо сочетается с вкладышами для серпов. Преимущественно это крупные кремневые пластины с залощенными от работы краями. Некоторые пластины имеют по краю заломы от работы, многие ретушированы. Рабочий край обычно заострен пологой ретушью. Ретушь наносилась с брюшка или со спинки. Иногда пластины обработаны противолежащей ретушью. Вместе с тем систематическая ретушь встречается редко. Обычно она наносилась для подправки рабочего края, а не для придания формы орудию. Специфических типов вкладышей, например жатвенных ножей с шипом, в Джармо нет. Многие из них имеют остатки битума на поверхности. Вместе с тем некоторые пластины настолько велики, что могли использоваться без основы, как жатвенные ножи. Материалом для серпов служил обычно прочный кремень.

Скребки, проколки, резцы встречаются в меньших количествах и типологически очень однообразны [32]. Среди скребков преобладают концевые орудия на правильных ножевидных пластинах. Встречаются массивные скребловидные орудия на обломках кремня и мелкие ногтевидные скребки на обломках ножевидных пластинок. Типичны резцы на углу сломанной пластины. Много проверток на ножевидных пластинах. Среди шлифованных орудий характерны мелкие клиновидные топорики и тесла из кремня и других твердых пород камня [33]. Несколько крупных каменных шаров с отверстиями могли служить утяжелителями для палок-копалок или навершиями булав.

Многочисленны базальтовые зернотерки, терочные камни, песты из речных валунов. Мелкие палетки сохранили следы охры на поверхности. К сожалению, типология зернотерок из Джармо осталась неразработанной.

Среди костяных орудий в коллекции преобладают шилья из обломков трубчатых костей мелких копытных. О высокой технике обработки кости говорят тонкие широкие лощила на ребрах или обломках трубчатых костей быка, костяные булавки и маленькие тонкие иголки с тщательно просверленным ушком. На одних — отверстие сделано на самом конце орудия, на других — отнесено от него на расстояние до одного сантиметра. Костяные рукоятки каменных орудий изготовлялись из фаланг сверлением в конце кости. Тщательно сделаны две костяные ложечки. Одна из них имеет отверстие для привязывания, ручка другой украшена спиральным орнаментом. Интересно костяное острие из косо срезанной трубчатой кости. Костяная подвеска луковичной формы находит аналогии в натуфийских памятниках. Из трубчатых костей птиц делались цилиндрические бусы и простые костяные кольца [14].

Разнообразны каменные украшения. Одну из самых ярких черт комплекса составляют великолепные мраморные браслеты, обломки которых в большом количестве найдены в Джармо: круглые, овальные, иногда подпрямоугольные в сечении; с желобком, процарапанными линиями или косой двойной нарезкой по наружному периметру [36]. Наконец, встречаются браслеты с красивой спиральной нарезкой. Много каменных бус: дис-

ковидные, цилиндрические, бочонковидные, крупные биконические или овальные уплощенные бусы с продольной сверлиной и вытянутыми подцилиндрическими концами. Делались они как из камня, так и из глины. Близкий тип бус распространен на хассунских памятниках. Грубая глиняная печать с елочной насечкой на плоской поверхности находит аналогии в телль Хассуне и Ярымтепе I [36]. Наконец, в Джармо найдено несколько каменных пуговиц характерной грибовидной формы с утолщением на ножке для привязывания. Аналогичные вещи также известны в хассунских комплексах [7]. Небольшие каменные пестики из галек могли служить для растирания краски.

Глиняная пластика представлена большим количеством зооморфных и антропоморфных статуэток [38]. Большое количество зооморфных фигурок изображают бегущего зверя (собаку или кабана) с длинным мощным туловищем на коротких, сделанных защипами ногах. Морда длинная, с хорошо заметными стоящими ушами, шерсть на холке вздыблена. Некоторые фигурки напоминают барана, а наиболее массивные — быка.

Антропоморфные статуэтки могут быть разделены на реалистические и стилизованные [39]. К реалистическим относятся женские сидячие фигурки. Руки согнуты на груди или сложены на животе. Ноги подтянуты к туловищу. Судя по большому количеству обломков, конечности моделировались каждая отдельно и приклеивалась к туловищу. Голова и лицо обычно проработаны в деталях. Брови и нос подчеркнуты изогнутым налепным валиком, рот и глаза выполнены прорезями. Глаза изображались круглыми глиняными налепами.

Среди стилизованных статуэток выделяется по крайней мере два типа, которые условно могут быть названы крестовидными и ступневидными. На крестовидных фигурках короткие, схематично вылепленные руки растопырены в стороны. Маленькая клиновидная головка сделана защипом. Иногда проработано и лицо. Брови и нос прочерчены одной изогнутой линией, глаза даны точками, рот — горизонтальным штрихом. На гладком цилиндрическом торсе иногда намечены груди. Основание целых статуэток образует плоская, слегка расплющенная база.

Ступневидные фигурки представляют цилиндр в виде расплющенного сапожка или ступни, симметрично вытянутой в противоположные стороны. Цилиндрическое туловище венчает маленькая, выполненная защипом головка. Лицо не детализировано, однако на голове часто видна ниспадающая вниз, согнутая вдвое, а может быть, и обернутая вокруг головы коса. Ее нетрудно передать в сырой глине.

Описанные статуэтки достаточно разнообразны, однако целый ряд переходных форм и близкие приемы проработки деталей дают основание говорить о единстве комплекса. Так, на одной из сидячих фигурок со схематичным цилиндрическим туловищем реалистично проработаны согнутые в коленях ноги. Другая фигурка имеет схематическое основание в виде ступни и реалистическую головку с прочерченными ртом, носом, бровями и прической или головным убором. Коса на схематических статуэтках также вылеплена в манере, характерной для реалистических фигур. Описанные приемы органично сочетаются в комплексе, характеризуют художественный стиль Джармо.

В верхних слоях Джармо появляется глиняная посуда, в нижних встречается только каменная. В один сезон 1950—1951 г. найдено 350 обломков [40]. Каменная посуда продолжает встречаться и в верхних слоях вместе с керамикой. Типичны простые полусферические чаши, плоскодонные

кубки с чуть отогнутыми прямыми стенками, плоские миски с короткой вертикальной стенкой и резко выраженным ребром на переломе к днищу. Перечисленные формы не исчерпывают всего многообразия каменной посуды Джармо. Среди обломков много прямых или чуть отогнутых, упрощенных по обрезу венчиков.

Коллекция керамики с поселения невелика [41]. Большая ее часть — обломки грубой кухонной посуды. В раскопе керамика встречается в пяти верхних слоях до глубины 2,25 м [42]. Наиболее богат керамикой слой 3 (глубина —100—150 см). В слое 5 (глубина —200—250 см) ее мало, однако отсюда происходят лучшие образцы [43]. Коллекция из верхних трех слоев насчитывает 12 000 черепков. В сезон 1950—1951 г. найдено всего 204 черепка, предположительно от 35 сосудов, в том числе 65 черепков из слоя 5 [44].

Существенно, что керамика не распространена в слое равномерно, а локализована в четырех скоплениях в двух верхних метрах отложений, внизу (слои 4, 5) встречена керамика лучшего качества, выше (слои 1—3) — худшего. Расписные сосуды почти исчезают в верхних слоях.

Вся керамика изготовлена от руки из глиняного теста с примесью рубленой соломы, имеет поверхность бурого или оранжево-бурого цвета, в разломе обычно черная [45]. Тонкая столовая посуда делалась из тщательно промешанного теста с мелкой, едва заметной растительной примесью, однородна по цвету. Сосуды обжигались при низкой температуре, в костре. Судя по микроскопическому анализу теста, часть керамики, по-видимому импортной, изготовлена из неместной глины [46].

Столовая посуда расписывалась или целиком покрывалась охрой, а по этой поверхности часто лощилась. Слой охры плохо держится на поверхности. Значительна группа серой лощеной керамики.

Ф. Р. Матсон выделяет грубые сосуды-хранилища диаметром до 60 см, глубокие ребристые чаши (миски) диаметром 8—20 см, неглубокие ребристые горшки диаметром 20—40 см, прямостенные кружки (кубки) с вертикальными ручками-налепами вдоль венчика [47].

Грубая кухонная керамика украшалась налепами, миски и горшки покрывались росписью. Композиция и техника нанесения росписи очень просты. Иногда сосуды целиком покрывались охрой как снаружи, так и изнутри [48]. Наиболее распространенный орнаментальный мотив — штриховка наклонными параллельными линиями верхней части сосуда. Она может сочетаться с горизонтальной линией вдоль венчика или просто начинается немного отступя от его края [49]. Несколько черепков в коллекции Багдадского музея расписаны ромбами, заштрихованными сеткой. Покрытые охрой и расписанные черепки часто залощены.

В верхних слоях появляется керамика с налепами и резным орнаментом; однако стандартной расписной и резной хассунской посуды на Джармо не найдено [50].

Небольшую очень своеобразную группу образует керамика, расписанная короткими наклонными каплевидными линиями с утолщениями, напоминающими головастиков [51]. Роспись нанесена красной краской по розовому фону, в разломе черепок обычно черный. Поверхность сосудов залощена. Форма и направление орнаментальных линий несколько варьируют, однако стилистически орнамент весьма однообразен [52].

Кухонная посуда не расписывалась, но часто имела налепы на венчике. Встречаются налепы в виде кнопки, выдавленной изнутри сосуда, небольшие полусферические, горизонтальные и вертикальные налепы, налепы

в виде вертикального валика с поперечным отверстием, налепы Т-образной формы, большие симметричные отверстия по краю венчика для крепления мягкой ручки, валики вдоль венчика с нарезкой в виде наклонных параллельных штрихов. Наиболее характерен крупный вертикальный налеп с оттянутым верхним краем и одним, а иногда и двумя отверстиями [53].

Р. Брейдвуд отмечает, что налепы на сосудах появляются в верхних (1—3) слоях [54]. Уховидные налепы чаще всего встречаются на прямостенных кружках, причем число их иногда превышает два. Всего найдено около 50 таких налепов-ручек [55]. Они встречаются и на горшках.

Описанная керамика делится на три основные группы. Грубая кухонная посуда несомненно местного производства. Р. Брейдвуд находит ей аналогии в Герд Али Ага, Маттаре, Хассуне Ia. Тонкая столовая посуда, покрытая охрой или расписанная штриховкой диагональными параллельными линиями, также близка керамике архаической хассуны. Познакомившись в поле с материалом Джармо, к этому выводу пришел Ф. Сафар, автор раскопок телль Хассуны [56]. Наконец, посуда, расписанная «головастиками», может считаться импортированной с востока [57].

Очень важно стратиграфическое распространение керамики в культурной толще. Р. Брейдвуд пишет, что керамика 5, 4, 3 слоев легко отличается от керамики 3, 2, 1 слоев по технике изготовления, обработке поверхности и орнаментации. В слое 3 встречаются оба типа керамики [58]. С нижними слоями связана импортная керамика, расписанная «головастиками». Большинство черепков, покрытых охрой и линейным орнаментом, происходит из верхних слоев, причем слой 2 содержит ее больше всего. Только 6 черепков, покрытых охрой, встречено в слое 4 и один — в слое 5.[59]. Р. Брейдвуд и Ф. Матсон отмечают, что керамика нижних слоев в целом более совершенна, чем верхних, где расписной керамики меньше [60]. Это мнение авторов раскопок разделяют и другие исследователи [61]. По-видимому, правильнее говорить о сокращении удельного веса расписной посуды с распространением грубой керамики в процессе расширения керамического производства. Р. Адамс наряду с различиями видит в керамике Джармо признаки преемственной производственной традиции [62].

Остаются открытыми несколько важных вопросов. Сосуществовали ли в нижних слоях Джармо местная и импортная керамика, или заимствованная с востока керамика была древнейшей в этом районе? Послужила ли импортная керамика прототипом местной и какое влияние эти заимствования оказали на местную традицию? Судя по опубликованным материалам, керамика с «головастиками» представлена в нижних слоях значительной серией. Кухонная же посуда с налепами, сосуды с характерными уховидными ручками и столовая посуда, покрытая охрой и линейной росписью, распространяются в верхних слоях [63]. Однако небольшое количество керамики с линейной росписью зафиксировано в нижних слоях вместе с керамикой, расписанной «головастиками». Импортная керамика действительно могла оказать влияние на местную традицию, однако нет веских оснований говорить, что это древнейшая керамика на поселении. В чем проявилось это влияние, предстоит еще проследить. Находка импортной керамики на одном поселении в неясных стратиграфических условиях недостаточна для окончательных выводов. Во всяком случае, местная керамическая традиция хорошо представлена в 2—3 слоях Джармо, где она уже достаточно развита.

Нет единой точки зрения на абсолютный возраст поселения и его роль в процессе становления производящих форм хозяйства на Ближнем

Востоке. Несколько радиокарбоновых дат Джармо сильно отличаются друг от друга. Одна из первых датировок, около 4750 г. до н. э., представляется сейчас явно завышенной. Р. Брейдвуд считает, что наиболее вероятная дата Джармо составляет 6500—6750 лет до н. э. [64] Она хорошо подтверждается всеми культурно-историческими аналогиями археологического комплекса Джармо с целым рядом поселений VII тысячелетия до н. э. Продолжает обсуждаться вопрос о культурном отставании Джармо. Г. Чайлд считал, что Джармо могло быть отсталым горным поселением, которое может относиться даже ко времени распространения халафской культуры [65]. По мнению Дж. Отс, материал Джармо не характеризует первичный центр земледелия или какие-либо технические нововведения, керамика была привнесена сюда из каких-то других центров, а остатки более развитых поселений того же времени лежат в основании огромных теллей в районе Шемшемаля, Киркука и Эрбиля [66]. Д. Мелларт определяет Джармо как небольшую провинциальную деревушку [67]. В советской литературе к этому мнению присоединяется В. М. Массон, который приходит к выводу, что «...архаические черты в материальной культуре Джармо сохранились, как и в Джейтуне, в результате сохранения архаических моментов в самом хозяйстве обитателей этого поселения» [68].

Вполне вероятно, что идея изготовления керамики действительно была заимствована. На это указывает и значительное количество импортной посуды в нижних слоях Джармо. Однако нужно иметь в виду, что типичная для Джармо грубая кухонная керамика с растительными примесями малотранспортабельна, технологически отличается от импортной посуды и, безусловно, характеризует местную керамическую традицию. Сейчас хорошо видно, что керамика широко распространяется на Ближнем Востоке с переходом к земледельческо-скотоводческому хозяйству, которое требовало больших емкостей для хранения припасов, приготовления пищи. Культурные же связи и заимствования на рубеже двух эпох, безусловно, были очень широкими. Распространение керамики требовало определенных экономических предпосылок, развитие же керамического производства в каждом районе, хотя и допускало заимствования, проходило в целом своеобразными путями.

Для характеристики хозяйства Джармо, помимо археологического, собран большой фаунистический и палеоботанический материал. В культурном слое Джармо собрано большое количество зерен доместифицированной пшеницы-двузернянки и ячменя (определения Г. Хельбека)[69]. О занятиях земледелием говорят и вкладыши для серпов, зернотерки, терочные камни и песты. В одном случае четыре кремневых вкладыша со следами работы лежали в непотревоженном положении. По следам битума видно, что они были закреплены в слабо изогнутой деревянной основе. В коллекции фауны преобладают кости овцы, козы, свиньи, коровы и собаки, причем овца и коза явно доминируют. Несомненно, они были уже домашними. Обитатели поселения занимались скотоводством. Диким животным принадлежит небольшое количество остатков [70].

Действительно, Джармо не самый богатый и древний памятник региона. И расположен он не в самом удобном для земледелия месте — высоко над равниной, в относительно трудно доступном районе, непригодном для интенсивного земледелия. Поселение с трех сторон ограждено глубокими оврагами. Посевы могли находиться только на каком-то удалении от него. Как и некоторые другие раннеземледельческие поселения,

Джармо более удобно для охоты и скотоводства, чем для земледелия. Характер самого поселения, пологие склоны телля, свободная застройка также говорят о том, что жизнь на нем была не очень интенсивна.

Естественно, что в 1950-е годы значение Джармо несколько преувеличивалось. Сейчас открыто и подробно исследовано много более ярких и более древних раннеземледельческих памятников. Они, в частности, наглядно показали, что Джармо характеризует не начало, а заключительные этапы первоначального становления производящих форм хозяйства, которое захватывало значительный разнокультурный регион. Ясно, что в этот регион входил и район Иракского Курдистана. Вклад каждого района в становление производящих форм хозяйства был различен, однако исключить Джармо из этого сложного процесса вряд ли возможно.

ГЕРД АЛИ АГА

Поселение находится на одной из террас левого берега реки Большой Заб, в широкой долине реки, прорезающей холмистую равнину у подножья невысоких отрогов Загроса. Это невысокий телль на вершине небольшого естественного холма. Его площадь составляет 80—100 кв. м, высота не превышает двух метров [71]. Памятник открыт и исследован экспедицией Чикагского университета под руководством Р. Брейдвуда в 1954—1955 гг. [72].

В 1954 г. на поселении было заложено две траншеи 2 × 6 м каждая. Траншея «А» находится в основании холма, траншея «В» в 6 м выше по склону, на его вершине. По-видимому, позже эти работы были продолжены. В последней публикации упоминается о трех зондажах на западном склоне холма общей площадью 45 кв. м [73]. В двух шурфах на глубине 1,5—2 м от вершины холма достигнут материк. В основном раскопе площадью 24 кв. м на месте траншеи «В» прослежено по крайней мере 3 жилых слоя на глубине 40, 55 и 70 см. Остатков построек не встречено. До материка раскоп не доведен. В нижнем слое прослежена неглубокая широкая яма неправильной формы, со средним связано несколько кухонных очагов и две небольших ямы. Основание найденных очагов устлано плоской речной галькой [74].

Культурные остатки с поселения рассматриваются Р. Брейдвудом как единый комплекс на основании типологического единства керамического материала [75]. Кухонная посуда с примесью соломы в тесте абсолютно преобладает во всей коллекции. Особенно часто встречаются большие корчаги с ребром. Найдено также одно большое овальное корыто. Встречаются и закрытые сосуды с невыделенным венчиком, по-видимому, также в большинстве случаев с ребристыми стенками. Обломки таких ребер найдены в большом количестве. Мелкие ребристые сосуды часто делались из грубого теста. Тонкую столовую посуду отличают тщательно промешанное тесто с мелкой растительной примесью и аккуратно заглаженная поверхность. В коллекции много венчиков широких открытых мисок, блюд, кубков. Встречаются как округлые, так и ребристые миски. Венчики кубков обычно уплощены. Роспись сосудов редка. Найдено два маленьких обломка керамики со следами росписи, два или три лощеных черепка. Два обломка с резным орнаментом могут происходить из верхних слоев.

Каменная индустрия развита слабо. Использовался местный кремень плохого качества. Орудий на ножевидных пластинах мало. Характерны

скребки на обломках кремня. Много грубых отщепов со следами работы. Обсидиан встречается редко. Костяные орудия, преимущественно шилья, обычных типов. Есть также грубые терочные камни и глиняные женские статуэтки. Зооморфных фигурок не обнаружено.

Р. Брейдвуд определяет Али Ага как прехассунский комплекс, занимающий промежуточное место между хассуной и керамическим Джармо, отмечает, что Али Ага вместе с Малефаатом важен для понимания дальнейшего развития пост-Джармо и прехассунской культуры ранних земледельцев [76]. По его мнению, существует культурная фаза, которая объединит верхние слои Джармо и базальные слои телль Хассуны [77]. Р. Брейдвуд не имел материала для развернутого обоснования этого принципиального вывода, однако совершенно верно определил общее направление дальнейших работ. Эти материалы получены сейчас советской экспедицией в Синджаре.

ТЕЛЛЬ ХАССУНА

Поселение находится в Ассирийской степи, приблизительно в 40 км южнее Мосула, и получило свое название по одноименной деревне, лежащей в одном километре к югу [78]. Оно приурочено к месту слияния двух пересыхающих вади и стояло на естественном возвышении на выходах известняка, поднимающемся почти на 7 м над уровнем воды. Слегка вытянутый холм имеет размеры приблизительно 150 × 200 м, его площадь составляет около 3 га. Максимальная мощность отложений достигает 7 м [79]. Естественно, что на протяжении существования поселения его центр смещался.

Памятник открыт Ф. Сафаром в 1942 г. Весной 1943 г. здесь заложен пробный шурф, а в 1944 г. С. Ллойдом и Ф. Сафаром проведены широкие исследования. Шурф площадью 50 кв. м заложен в 20 м к юго-востоку от вершины холма и вскрыл центр древнего поселения. Именно отсюда получен основной материал из слоя 1. Главный раскоп заложен на современной вершине холма. Впоследствии оба раскопа соединены траншеей шириной 2 м. Общая исследованная площадь достигла 2500 кв. м [80]. Нижние слои исследованы на площади около 200 кв. м, слой I вскрыт на 100 кв. м [81]. Раскопки велись квадратами 10 × 10 м. Семиметровая культурная толща разделена на 7 горизонтов. Некоторые из них расчленены на более мелкие слои.

Весь материал подразделен на дохассунский, хассунский, халафский и убеидский комплексы. Основной итог работ состоит в выделении хассунской культуры. С. Ллойд и Ф. Сафар четко проводят ее границы. Нижняя проходит между слоями Ia и Iв, верхняя — между VI и VII слоем. Слой VII целиком относится к халафу и хорошо маркирует конец хассуны. Слои Ia и Iв также заметно отличаются по облику культуры. Кроме того, в слое Ia не обнаружено остатков построек [82], открыты только большие ямы, выкопанные в материковой глине. С. Ллойд и Ф Сафар считали, что они могли использоваться как жилище, а поселение этого времени интерпретировали как временный лагерь скотоводов и охотников [83]. Находки были сконцентрированы вокруг очагов. Некоторые из них слегка углублены и выложены обломками керамики. В слое Ic вскрыто два однокомнатных прямоугольных дома с примыкающими к ним хозяйственными постройками. Их жилая площадь 18,5 и 25 кв. м [84].

Глиняные стены сделаны в технике «тоф». Слои II—V содержат обычные для хассуны прямоугольные постройки.

Ф. Сафар не дает подробного типологического анализа каменных орудий. По его оценке, в нижнем слое (Ia) орудий больше и они более высокого качества. Особенно интересны великолепные наконечники из обсидиана, сравнимые с наконечниками из Мерсина. Вкладыши для серпов для слоя Ia не характерны. Здесь, однако, найдены каменные мотыги со следами битума от крепления рукоятки. Много шлифованных топоров. Принципиального различия в технике обработки камня и наборе орудий нижнего и вышележащих слоев нет [85].

Уровень обработки кремня из хассунского комплекса невысок [86]. Обсидиан в коллекции встречается редко. Высокая мезолитическая техника раскалывания камня практически утрачена. В коллекции нет хороших нуклеусов, мало ножевидных пластин, преобладают отщепы и обломки кремня. Процент орудий невелик, многие сделаны на отщепах. Характерны вкладыши для серпов, скребки и провертки. Для работы использовались также неретушированные пластины. Вкладыши для серпов обычно можно выделить только по следам работы. Скребков и резцов мало, геометрических вкладышей нет совсем. Крупные каменные мотыги сделаны оббивкой. Среди большого количества клиновидных топоров и тесел встречаются крупные экземпляры. Вместе с наконечниками стрел найдены пули для пращи. Много базальтовых зернотерок. Костяные орудия исчерпываются двумя типами. Это шилья из расщепленных трубчатых костей с зашлифованным концом и плоские лощила из ребер быка. Небольшие сферические каменные сосуды, скорее всего, происходят из нижнего слоя.

Керамический комплекс сильно меняется от слоя к слою. С. Ллойдом и Ф. Сафаром выделена архаическая грубая, архаическая расписная, стандартная расписная, стандартная резная, стандартная с комбинированной орнаментацией, самарская расписная, самарская резная и халафская посуда [87]. Охарактеризуем коротко архаический хассунский материал.

Количество архаической грубой керамики не подсчитывалось, ее много в самом нижнем слое (Ia), а в слоях Ib, Ic и II встречены лишь отдельные грубые черепки. Резкое сокращение грубой керамики в слое Ib по сравнению с нижним слоем указывает на значительный хронологический разрыв между ними. В третьем слое грубая керамика очень редка, а выше вообще не встречается [88].

Грубая посуда имеет примесь соломы в тесте и обожжена при низкой температуре. Выделено два основных типа: большие ребристые корчаги-хранилища и овальные корыта-веялки с рифленым дном. Ребристые сосуды обычно украшены двумя, а иногда и большим количеством налепов по венчику. Чаще всего это два противолежащих налепа в виде простой кнопки, которые могли использоваться как ручки [89]. Встречаются налепы в виде горизонтальных валиков, Т-образные, полулунные. Венчики некоторых грубых сосудов имеют выемки, а иногда и отверстия по краю, которые могли служить для привязывания кожаных или веревочных петель [90]. В хассуне известны только развитые типы веялок с рифленым дном. С. Ллойд и Ф. Сафар отмечают, что они появляются только в слое II.

Архаическая расписная керамика появляется в слое Ia. В слое I и II количество ее достигает 8,5%, в слое III опять сокращается до 3%.

Выше она исчезает совсем и заменяется стандартной расписной керамикой. Последняя в небольшом количестве зафиксирована уже в слое Ic, в слое III количество ее возрастает до 34% и лишь несколько сокращается на последних этапах существования хассунского поселения [91]. Сейчас ясно видно, что архаический комплекс в телль Хассуне представлен недостаточно.

Интересно распределение архаической лощеной керамики. Ее максимум (12%) приходится на слой Iв. В слое Iа лощеной керамики мало, отдельные фрагменты встречаются во втором слое [92].

Более десяти серых и черных фрагментов с полированной поверхностью и минеральными примесями в тесте резко отличаются от всей прочей керамики. Они встречены в I и II слоях, но лучшие образцы происходят из слоев IV и V. Аналогии дают памятники Сиро-Киликии [93].

Стандартная резная керамика абсолютно преобладает во всех слоях, кроме самого нижнего (Iа), где ее нет совсем. В слоях Iв, Ic, II ее соответственно 85, 85,5 и 83% от общего количества посуды. Выше в слоях III—VI резная керамика сосуществует со стандартной расписной и самарской керамикой, но количество ее в комплексе все равно не падает ниже 50%. Наконец, самарская керамика появляется в слое III, и с этого времени количество ее постепенно увеличивается (до 16%) в слое VI. Небольшое количество халафских черепков зафиксировано в слое VI [94]. Важно проследить, как меняется набор сосудов от слоя к слою. В нижнем слое преобладают грубые ребристые сосуды. В слое Iв распространяются сферические корчаги, при этом 85% всей посуды покрыто резным орнаментом, который совершенно неизвестен в нижнем слое.

Украшения и глиняная пластика с поселения описаны суммарно. Наряду с обычными для хассунской культуры уплощенными биконическими бусами из камня и глины и мелкими цилиндрическими бусами на поселении встречаются архаичные подвески из просверленных клыков диких животных. Типологически разнообразны женские глиняные статуэтки. Фигурки «с высокой прической» идентичны найденным в Ярымтепе I [95]. Вместе с реалистическими встречаются схематичные фигурки, близкие статуэткам Джармо. Они типичны для слоя I. Есть в телль Хассуне и зооморфные фигурки. Кусок малахита указывает на то, что люди уже начали использовать металл.

Детские погребения — типичная находка для поселения. Захоронения совершались прямо под полами домов. Детское погребение в большом сосуде найдено в слое Iа, в сосуде были захоронены и расчлененные остатки двух взрослых.

С. Ллойд и Ф. Сафар считали, что в нижних слоях телль Хассуны им удалось зафиксировать момент первого появления земледелия в Ассирийской степи. Палеоботанический и зоологический материал из раскопок очень беден. По предварительному определению, в хассунских слоях найдены остатки газели, быка, осла, овцы и козы, дикой свиньи, зайца и некоторых мелких животных. Фауна не расчленена по слоям, не определены и домашние виды.

Резюмируя, следует отметить, что архаический комплекс телль Хассуны (слой Iа) не исчерпывает всего разнообразия культуры того времени, а отсутствие построек в древнейшем слое, несомненно, не случайно. В то же время есть хронологический разрыв в накоплении культурных отложений между слоями Iа и Iв. Этот пробел заполнен в результате работ советской экспедиции на телль Сотто и в Кюльтепе.

ТЕЛЛЬ ШИМШАРА

Телль находится в 40—50 км севернее долины Шемшемаль, где находится Джармо и другие исследованные Р. Брейдвудом памятники, на правом берегу реки Малый Заб, в долине Рния, в 25 км выше по течению от поселка Дока. Раскопки поселения начаты в 1957 г. датской экспедицией под руководством Харальда Ингхольда, а в 1958—1959 гг. продолжены Генеральным департаментом древностей Ирака под руководством Абу аль-Кадыр Тикрити и Халида аль-Адами. Иракская экспедиция вела раскопки в основном поздних слоев [96]. Материалы из нижних слоев, добытые датской экспедицией, опубликованы П. Мортенсеном [97].

Шимшара расположена в холмистых отрогах Загроса на высоте 520 м над уровнем моря. Телль высоко возвышается над долиной Малого Заба и состоит из двух слившихся холмов. Северный достигает высоты 19 м при ширине по основанию около 60 м и 25—30 м по плоской вершине. Более низкий южный холм вытянулся более чем на 330 м, однако высота его не превышает 6 м [98].

Датская экспедиция заложила два раскопа. На верхнем холме вскрыто 400 кв. м и на нижнем — 100 кв. м. Ни один из раскопов не доведен до материка. Глубина верхнего раскопа в некоторых местах достигает 6 м [99].

На поселении исследовано три разновременных комплекса. Верхние слои (1—3) дали остатки исламской культуры XII—XIV вв. н. э. Ниже вскрыты хурритские слои (4—8) первой половины II тысячелетия до н. э. Слои 9—16 дали остатки раннеземледельческой культуры, причем слои 14—16 не содержали керамики. Этот последний комплекс целиком получен из верхнего раскопа, на дне которого были заложены две пересекающиеся под прямым углом траншеи шириной 3—3,5 м, общей площадью около 100 кв. м. Работы велись квадратами 5 × 5 м, постоянные бровки оставлялись через 10 м. Нижний комплекс происходит из траншеи [100].

Мощность раннеземледельческих слоев в среднем составляет около 3 м. П. Мортенсен отмечает, что в накоплении этой толщи не было перерыва. Облик культуры меняется от слоя к слою постепенно. Резкого разрыва в культуре докерамических (слои 16—14) и раннекерамических (слои 13—9) слоев не ощущается. Это дает основание П. Мортенсену считать, что докерамический комплекс частично одновременен нижнему слою Маттары и телль Хассун Ia [101]. В основу стратиграфического членения материальной культуры положены выделенные при раскопках архитектурные комплексы, однако на исследованной площади постройки были не во всех слоях.

В узких траншеях планировка поселения нижних слоев не прослеживается. Некоторые наблюдения позволяют все же составить представление о характере поселения [102]. Слой 16 (нижний) имеет мощность 80—100 см. Планы построек не восстановлены. Глиняные стены сделаны в технике «тоф», укреплены полукруглыми контрфорсами и сохранились на высоту 55—60 см. В заполнении комнат много мелких галек. Слой 15, толщина которого варьирует от 25 до 65 см, содержит остатки каменных кладок, которые могли служить основанием глиняных стен. Прямоугольный фундамент сложен в несколько рядов камней. Ширина кладки 40—60 см. Пол помещения вымощен мелким камнем. В некоторых местах вымостка обожжена [103]. В слое 14 вскрыт каменный фундамент, почти точно повторяющий в плане и конструктивно фундамент предшествующего

слоя. С поверхности дома выкопана большая яма, заполненная речной галькой. Поблизости на той же поверхности было другое скопление гальки мощностью до 60 см.

В слое 13 построек нет. Прослежены две неглубокие овальные ямы размером 78 × 55 × 14 см и 63 × 39 × 8 см, частично перекрывающие друг друга. Стенки обмазаны глиной. Под полом около ям было детское погребение (скорченное, головой на северо-северо-запад, без инвентаря). Несколько жилых поверхностей в слое сильно обожжены. Авторы видят в них следы пожара. В слое 12 мощностью 25—70 см также не найдено построек. Один из участков слоя обожжен. Большой, высотой 73 см, сосуд был частично вкопан в землю. Его треснувшее дно отремонтировано гипсом. Ясно, что сосуд использовался на месте и не мог переноситься. К сожалению, не описана его форма. В слоях 11 и 10 найдены обрывки каменных кладок и обожженные полы. Планы построек не восстанавливаются. Слой 9 интересен находкой бассейна, заглубленного в землю очага, и скопления раковин. Очаг в неглубокой (70 см) куполообразной яме близок очагам Джармо и Тепе Гурана [104].

Небольшая коллекция орудий из кремня и обсидиана из телль Шимшары подробно опубликована [105]. В 1957 г. собрано всего 910 предметов, 850 из них — в слоях 9—16 и 60 во вторичном залегании. Кремневые орудия составляют 15% всей коллекции, остальные изготовлены из обсидиана. Соотношение сырья несколько меняется от слоя к слою [106]. По определению Ренфрю, найденный в Шимшаре обсидиан происходит из вулканического кратера Немрут Даг, в окрестностях озера Ван, в Восточной Анатолии [107]. Кремень, преимущественно галечный, добывался на месте. П. Мортенсен считает, что выбор материала для орудий функционально жестко не обусловлен, а скорее традиционен [108].

В слоях 16, 15, 13 и 9 найдено соответственно 45, 36, 33 и 9 орудий. *Пластины среди них составляют 75—97%. Отщепы единичны.* Может быть, дело в том, что места обработки кремня могли остаться за границами небольшой исследованной площади. Не исключено, что материал брался выборочно.

Набор орудий из 16—9 слоев слабо меняется. Высокую технику раскалывания кремня характеризуют великолепные прямоплощадочные нуклеусы и большое количество тонких ножевидных пластин. Характерна вкладышевая техника, в том числе геометрические микролиты и вкладышевые пластинки с притупленной спинкой. Типичны концевые скребки на ножевидных пластинах, угловые и боковые резцы. Вместе с геометрическими вкладышами для составных орудий, которые традиционно принято считать охотничьими, много вкладышей для серпов и жатвенных ножей.

Характерная для ранних слоев 16—14 высокая техника обработки камня сохраняется с появлением керамики в слоях 13—9. Продолжает встречаться и обсидиан. П. Мортенсен считает, что керамика могла быть заимствована жителями Шимшары у соседей — самаррцев и не оказала на первых порах заметного влияния на облик культуры [109]. По его мнению, охотничьи группы с культурой мезолитического облика и земледельцы с развитой культурой самаррского облика могли сосуществовать и тесно взаимодействовать на небольшой территории.

Предложенная П. Мортенсеном типология и группировка орудий по типам несколько отличаются от общепринятой. В категорию скребков включены пластины с поперечной ретушью. В категорию пластин с при-

тупленной спинкой вошли все пластины с притупляющей ретушью. Мелкие пластины-вкладыши составляют среди них небольшую часть. Два геометрических микролита (один из слоя 16, другой из нарушенных отложений) представляют обломки пластинок с косоретушированными концами, напоминающие трапеции. Большая, длиной 35,5 см, обсидиановая пластина в битумной основе интерпретируется как кинжал. Точно такие орудия, названные нами пластиной с шипом, обычны в Чейеню и Магзалии. Их обломки часто встречаются и в Шимшаре.

В коллекции — 70 шлифованных предметов. Среди них — каменные сосуды, браслеты, бусы, подвески, каменные изделия в форме гвоздя со шляпкой, клиновидные топоры и тесла, каменные диски. Каменные топоры и тесла сделаны из зеленоватого или темно-серого твердого камня. Одно тесло выделяется своими размерами (19 × 8 см) и могло использоваться в качестве мотыги [110].

Значительна коллекция зернотерок, терочников, пестов. Небольшие овальные зернотерки из туфа все происходят из слоя 16. У терочных камней для работы использовались обе поверхности. Единственный пест найден в слое II. Это вытянутая галька длиной 11,1 см со следами работы на обоих концах. Шесть небольших карандашевидных галек имеют на концах следы работы и могли использоваться для растирания краски [111].

В нижних слоях найдено всего 11 костяных орудий. Больше всего (4) происходит из слоя 13. Особенно интересна ланцетовидная костяная рукоятка составного орудия с пазом для вкладышей. Противоположная грань украшена мелкой поперечной насечкой по краю, в центре — отверстие для привязывания. В слое 13 найдено еще два обломка костяных составных орудий, обломок лощила из крупного ребра, костяные шилья на обломках трубчатых костей, а в слоях 14 и 10 — две костяные иголки с ушком [112].

Среди украшений из камня П. Мортенсен выделяет браслеты, бусы, подвески [113]. Из 13 обломков мраморных браслетов 9 происходят из слоя 10. Есть браслеты с круглым, овальным и подпрямоугольным сечением. Четыре подвески из слоев 9 и 10 представляют подпрямоугольные полированные сланцевые плитки длиной 6—7 см со сверлиной для подвешивания. Интересны шесть шлифованных гвоздиков со шляпками из обсидиана, мрамора, серпентина. Подобные гвоздевидные острия найдены в погребениях на поселении Али Кош. Судя по положению на лице погребенного, их носили на губах. Три круглых сланцевых диска имеют отверстия в центре (слой 16). Сферическая костяная подвеска с оттянутым ушком, аналогичная вещам из Джармо, найдена во вторичном залегании в основании хурритского слоя (слой 3) [114].

Из нижних слоев телль Шимшары происходят 22 обломка каменной посуды. П. Мортенсен выделяет 5 типов сосудов [115]. Это полусферические чаши диаметром 19—20 см с толстыми стенками и слабо отогнутым венчиком с округлым краем. Блюда с выпуклыми толстыми стенками, невыделенным венчиком и плоским дном. Одно из них имеет дно диаметром 35 см. Миски диаметром 23—30 см, усеченной конической формы, с тонкими, слегка выгнутыми стенками, вычурно изогнутым краем венчика и предположительно плоским дном. По единственному обломку выделен горшок с изогнутыми стенками и закрытым утолщенным венчиком диаметром 16,2 см. Сосуды декорировались нарезным орнаментом [116].

Керамика появляется в 13 слое. При ее анализе П. Мортенсен использует типологию керамического комплекса телль Хассуны, несколько мо-

дернизируя названия керамических групп. По технике изготовления вся керамика подразделена на тонкую, стандартную и грубую [117].

Тонкая керамика насчитывает 215 фрагментов. Это тарелки, миски, сферические сосуды и сосуды с воротничковым венчиком из тонкого глиняного теста с песком и небольшой примесью извести и черных минеральных частиц. Следы соломы в тесте установлены в одном случае, иногда растительная примесь добавлялась в ангоб. Поверхность сосудов заглажена или ангобирована. Керамика хорошо обожжена, кремового, зеленоватого или буро-желтого цвета по поверхности и зеленоватого или буро-желтого цвета в разломе. Тонкая посуда делится автором на самаррскую расписную и недекорированную [118].

Стандартная керамика (387 фрагментов) — из глины с большим количеством извести и кварца, редкими красными и черными минеральными включениями, песком и растительными примесями. Сосуды, обычно однородного зеленоватого цвета, заглаживались по влажной поверхности или покрывались ангобом. Выделено пять типов: хассунская расписная, самаррская расписная, хассунская резная, хассунская с росписью и нарезкой, самаррская расписная и резная, недекорированная керамика. Чаще всего встречаются сферические сосуды с воротничковым венчиком, миски и плоские тарелки [119].

Грубую керамику П. Мортенсен делит на архаическую расписную, архаическую лощеную и недекорированную грубую (всего 378 фрагментов) [120]. Недекорированная грубая керамика из теста с примесью мякины с минеральными примесями. П. Мортенсен выделяет 12 форм грубых неорнаментированных сосудов, в том числе овальные плоскодонные блюда, веялки с дном, рифленным мелкими параллельными или пересекающимися линиями, а иногда кружками, миски, полусферические чаши, сосуды на поддоне, сосуды на трех ножках, ребристые горшки, сферические сосуды с высоким и прямым венчиком. Около 50% определимых грубых черепков принадлежит подносам и веялкам, почти 30% — чашам и только около 20% — различным типам горшков и корчаг [121].

Архаическая расписная керамика представлена всего 75 фрагментами, в основном из 12—13 слоев [122]. В тесте-растительные и минеральные примеси, в том числе известь и слюда. Поверхность ангобирована, часто залощена, обжиг плохой. Посуда встречается трех основных форм: полусферические чаши, широкие ребристые чаши, сферические горшки с прямым высоким венчиком. Темно-красная или коричневая роспись обычно наносилась матовой краской по залощенной поверхности. Характерны композиции из групп неровных параллельных линий, в том числе вертикальные линии, горизонтальный зигзаг, наклонные линии, плетенка, зигзаг из наклонных линий, горизонтальные или вертикальные шевроны, зоны, заполненные пересекающимися линиями, дуги, волнистые линии, залитые краской треугольники вершиной вверх и вершиной вниз. Расписывались в основном венчик и верхняя часть стенки. Полусферические чаши расписывались снаружи и изнутри, ребристые — только снаружи. Дуговой орнамент характерен для крупных сосудов.

Лощеная керамика встречается редко и выглядит обособленно. Найдено всего три фрагмента: почти целая чаша самаррского облика (слой 10), фрагмент широкого горшка с ироким горлом и коротким венчиком и сферический сосуд с высоким вертикальным венчиком (слои 11 и 9) [123].

Люстрированная моно- и полихромная керамика отражает, по мнению

П. Мортенсена, влияние халафской культуры. Аналогии ей П. Мортенсен находит в телль Хассуне VI, телль эс-Савване, Багхузе и Самарре [124].

Распределение тонкой, стандартной и грубой керамики по слоям почти не меняется. В 13—9 слоях стандартная керамика составляет от 50 до 70% всей коллекции. Грубая керамика в нижнем керамическом слое (слой 13) составляет 26%, в верхнем (слой 9) — 21%. Несколько сокращается количество тонкой керамики — от 23% в слое 13 до 7% в слое 9 [125].

Докерамический комплекс Шимшары (слои 16—14) по технике расщепления кремня П. Мортенсен сближает с Джармо [126]. По его мнению, культура мезолитического облика в долине Докан была пережиточной и сосуществовала с хассунской и даже халафской культурами, а керамика принесена сюда с хассунских поселений Северной Месопотамии. Если она и изготовлялась на месте, то не местным населением, а кочующими группами горшечников. Архаическую хассунскую, стандартную хассунскую и самаррскую керамику 13—9 слоев Шимшары П. Мортенсен сближает с материалом слоев Хассуны III—V и лишь некоторые формы — Хассуны Iв, II [127]. Отдельные сюжеты, в том числе роспись в виде запятых или нарезной орнамент в виде мелких колечек, по-видимому, найдут аналогии в Иранском Курдистане.

С нашей точки зрения, в Шимшаре могут быть выделены три разновременные группы материала. Древнейший докерамический комплекс объединяет орудия на пластинах, в том числе обсидиановые пластины с шипом, мраморные сосуды, браслеты, некоторые подвески и бусы из камня и имеет аналогии в Джармо и Магзалии. Вторая группа включает грубую ребристую и, по-видимому, некоторые типы архаичной просто расписанной столовой посуды, хорошо исследованной сейчас в памятниках типа Сотто. Третья объединяет архаическую хассунскую, стандартную хассунскую и самаррскую керамику и может быть расчленена.

В культурной толще Шимшары архаическая и стандартная хассунская посуда встречаются вместе. П. Мортенсен объясняет это неравномерностью развития. Вместе с тем известно, как трудно бывает на практике четко расчленить такой небольшой материал. К сожалению, публикация не дает возможность проверить это. Во всяком случае, на больших памятниках в Синджаре, где прослежено все развитие хассунской культуры, описанные типы четко разделяются во времени. У нас нет достаточных оснований считать комплекс Шимшары пережиточным и разрывать эти памятники во времени. Импортный обсидиан говорит о широких культурных связях, которые также характерны для определенного времени. По-видимому, знаменательно, что в Шимшаре, как и в Джармо, совершенно нет наконечников стрел и много вкладышевых пластин, тогда как на правобережье Тигра наконечники широко распространены.

ТЕЛЮЛЬ ЭС-ТАЛАСАТ

Поселение находится в одном километре к юго-востоку от деревни Абу Мария, расположенной на дороге Мосул — Тельафар, в 10 км от последнего и расположено на широкой равнине среди холмистых отрогов Синджара, обрамляющих с севера Ассирийскую степь. Телюль эс-Таласат в переводе с арабского означает «Три холма». Всего здесь находится пять теллей. Древнейшее поселение расположено в основании холма 2. Его диаметр составляет около 100 м, сложен он в основном слоями убеидского времени. В 1956—1965 гг. экспедиция Токийского университета

под руководством Н. Эгами провела пять полевых сезонов, раскопки нижних слоев холма 2 велись только в 1964 г., исследованная здесь площадь не превышает 50 кв. м. В 1976 г. эти работы были продолжены С. Фукаи и Т. Матсутани. Раскоп на холме 2 доведен до 100 кв. м и на всей площади выведен на материк [128].

Раскопки велись 5-метровыми квадратами. При исследовании архитектурных остатков зафиксированы мелкие перестройки. В основании холма (слои XV—XVI) культурная толща мощностью около 0,5 м содержала очень архаичный материал. В слое XVI исследовано несколько жилых ям, вырытых в материке. Одна из них, диаметром около 3 м, обмазана глиной с примесью соломы. Овальный зольник на дне ямы рассматривается как следы очага. В заполнении ямы также много золы. Яма могла быть жилой [129]. Следов столбов около ямы нет. Она была выкопана на небольшом возвышении, по-видимому, для того, чтобы в нее не попадала вода.

Глинобитные постройки слоя XV делятся на три уровня и прямо перекрывают описанные ямы. Слой XVв изучен полнее всего. Здесь вскрыт прямоугольный дом 3,5 × 3 м с тремя или четырьмя помещениями, сильно нарушенными ямой убеидского времени. Одно из них выделено контрфорсом. В слое XVа дом был перестроен по тому же плану. Расстояние между параллельными стенами не превышает двух метров. Внутри помещения выявлена небольшая очажная яма диаметром около 30 см. Рядом с постройкой находилось две ямы неясного назначения диаметром около 2 м. Одна из них огорожена частично сохранившейся круглой стеной. На площадках около обоих домов было несколько овальных в плане очажных ям. Некоторые из них могли использоваться для обжига керамики. Стены всех построек выполнены в технике «тоф». Камень при строительстве не использовался [130].

В коллекции абсолютно преобладает грубая керамика [131]. Приблизительно 99% всех сосудов имеют ребро, некоторые — кольцевой поддон. Встречены фрагменты веялок с защипами на внутренней поверхности днища. Вся керамика с растительными примесями в тесте, обожжена плохо. Поверхность сосудов грязно-желтая, неоднородная, в разломе тесто черное. Тонкой керамики очень мало. На поверхности сосудов видны отпечатки растительных примесей. Расписные сосуды единичны. Несколько мелких фрагментов целиком покрыты охрой [132].

В 1976 г. найдено 65 фрагментов посуды с налепами. Чаще всего встречаются простые налепы в виде кнопки. Наиболее характерны вертикальные налепы с отверстиями, напоминающие налепы Джармо. В Телюль эс-Таласате они не так вычурны и похожи, скорее, на простые расплющенные кнопки. Обращает на себя внимание композиция из обычной кнопки и рельефного человеческого лица над ней.

Ребристая посуда обычно заглаживалась рукой по мокрой поверхности. Найдено 16 залощенных черепков. Цвет их варьирует от кремового и темно-красного до черного. Два фрагмента, включая сосуд с налепом в виде человеческого лица, имеют следы росписи. В обоих случаях это широкие параллельные вертикальные линии черного цвета.

Помимо грубой керамики, найдено 22 фрагмента сосудов сравнительно высокого качества с мелкими растительными примесями в тесте и полированной поверхностью, ровного обжига. Один фрагмент венчика имеет необычную ручку в виде оттянутой кнопки с отверстиями [133].

Интересны антропоморфные статуэтки. Только в 1976 г. найдено

28 фигурок. Они вылеплены из глиняного теста с растительными примесями. Поверхность фигурок заглажена мокрыми руками, как это делалось с керамикой. Исследователи не предложили типологии статуэток [134]. Большую группу образуют вылепленные отдельно ноги крупных сидячих статуэток, подобных найденным в Сотто и Тепе Гуране. Вместе с ними много разнотипных мелких статуэток. Среди них маленькие сидячие статуэтки, подобные описанным крупным образцам. Чаще встречаются стилизованные фигурки. Много статуэток с расплющенным торсом и совершенно необработанными ногами. Характерны небольшие головки на длинной шее с высокой прической. К группе стилизованных статуэток могут быть отнесены глиняный тетрапод и простые глиняные стержни. Весь этот комплекс имеет много общего с коллекциями статуэток из Джармо и в меньшей мере из Магзалии. Однако нельзя говорить об их тождестве.

Восемь найденных зооморфных фигурок напоминают овцу. Несколько изогнутых на конце кусочков глины могут быть поняты как рога таких фигурок, однако найденные целые статуэтки не имеют рогов. К фигуркам тяготеют также глиняные поделки в форме тетрапода [135].

Каменные орудия делались из местного галечного кремня и обсидиана. Обсидиановые пластины встречаются чаще кремневых. Из них делались концевые скребки и наконечники стрел, встречаются обсидиановые пластины с притупленным краем. Из кремневых пластин сделаны две проверткн и два вкладыша для серпов. Наконечники стрел, по мнению авторов, находят аналогии в Умм Дабагии и телль Хассуне. Интересна большая серия обломков с оббивкой на конце. Найдено также несколько больших (5—8 см длины) клиновидных шлифованных топориков округлых в плане и сечении и с узким овальным рабочим краем. Среди костяных орудий преобладают шилья и лощила обычных типов. В большом количестве найдены также пули для пращи [136].

Характерны каменная посуда и украшения. В 1976 г. в слое XV найдено три фрагмента каменных сосудов и обломок алебастровой булавы [137]. Пряслица делались из камня и глины. Глиняные образцы имеют биконическую форму. Есть пряслице из черепков и алебастровые. Каменные подвески представляют простые диски со сверлинами в центре и близко напоминают аналогичные предметы из телль Магзалии. На одном из небольших глиняных конусов сохранился отчетливый отпечаток ткани. Много разнообразных каменных бус. Среди них мелкие дисковидные пронизки, крупные овальные и плоские ромбические бусы хассунского типа. Ромбические и небольшие цилиндрические бусы делались также из глины. Плоская прямоугольная каменная подвеска имеет отверстие на одном из узких концов. Авторы работ сближают этот комплекс с материалами из Умм Дабагии и Сотто [138].

ЧЕЙЕНЮ ТЕПЕСИ

Широкое исследование Чейеню ведут Х. Чембел и Р. Брейдвуд [139]. Поселение находится в окрестностях города Эргали, в округе Диярбекир (Турция), около древних рудников, в холмистых предгорьях Тавра на высоте 830 м над уровнем моря в одной из широких долин у подножия низкой известняковой гряды, на берегу небольшой непересыхающей речки — одного из притоков Тигра. Судя по остаткам пыльцы в слое, поселение находилось в лесостепной зоне с преобладанием дуба и фисташ-

ковых деревьев. В окрестностях произрастали дикие пшеницы и ячмень [140]. Памятник находится на границе различных физико-географических зон, в разной мере удобных для занятий охотой, собирательством и примитивным земледелием. Физико-географические условия расположения Чейеню Тепеси и телль Магзалии очень близки.

Поселение представляет холм площадью около 3 га и высотой немногим более 4 м. Раскопками на разную глубину исследовано около одной десятой площади поселения [141].

Культурная толща разделена исследователями на четыре горизонта. Верхний сохранился плохо. Шире всего исследованы второй и третий горизонты. Четвертый горизонт в основании холма достигнут в шурфах на ограниченной площади. В основу членения положены изменения планировки. Планы построек по горизонтам охватывают длительный период существования поселения и могут включать разновременные сооружения. Участвовавший в работах Ч. Редман расчленяет четвертый горизонт [142]. Исследованная площадь представляет два не связанных между собой раскопа: в центральной части холма и на западном его склоне. Сопоставление планов стратиграфически не связанных между собой раскопов остается условным.

В основании холма (4 горизонт) исследована часть небольшой круглой постройки. Ее стены сделаны из обмазанного глиной плетня и не имеют каменного фундамента. Судя по нескольким обрывкам прямых стен, в этом же слое вместе с круглыми постройками могли быть и прямоугольные. Для нижнего слоя характерны также маленькие круглые кухонные ямы, выкопанные в материковом слое и заполненные камнями, золой и углем [143].

В третьем горизонте исследовано пять построек «решетчатой» планировки, представляющих прямоугольные помещения, разделенные большим числом параллельных перегородок. Образовавшиеся в результате узкие помещения не превышают метра в поперечнике. Не без основания предполагается, что эти каменные конструкции представляют цоколи. Лучшая по сохранности постройка занимала площадь около 5 × 10 м. Мощный гипсовый пол, перекрывающий ее каменный цоколь, по-видимому, покоился на деревянных балках. Пустоты между стенами фундамента служили для вентиляции. На поверхности пола сохранились основания легких внутренних перегородок из дерева, обмазанных глиной и гипсом. Две длинные перегородки делили дом на три узких помещения, среднее из которых разделено двумя поперечными стенками на три маленьких квадратных хранилища площадью около 1 кв. м каждое. Прямоугольная площадка у южных стен дома также ограничена стенами, но без каменных фундаментов.

В центре поселения, в нижней части третьего горизонта, найдено общественное здание — большое прямоугольное помещение без внутренних перегородок. Пол выложен крупными известняковыми плитами, аккуратно подогнанными друг к другу. Несколько камней поставлены вертикально и могли служить основаниями колонн, поддерживавших крышу [144].

Для второго горизонта типичны постройки с ячеистыми планами. В основании этих конструкций лежит каменный фундамент из шести или восьми квадратных помещений менее 1 м в поперечнике [145]. Иногда на каменных кладках сохранялись остатки глиняных стен. Не совсем ясным остается назначение этих маленьких помещений. По мнению исследователей, дома были двухэтажными. В ячейках цокольного этажа находи-

лись хранилища, второй этаж был жилым. Плохая сохранность построек не позволяет подтвердить это прямыми конструктивными деталями. В нескольких случаях перерыв в наружной стене цоколя образует проход между ячейками. Другие ячеистые конструкции имеют замкнутый план. Около одной из них прослежена ограниченная стенами хозяйственная площадка с очагами, зернотерками и терочниками. На использование ячеек в качестве хранилищ указывают находки в них различного производственного инвентаря; среди них — зернотерки, роговые орудия, кучка известняковых шаров для пращи, палетки для растирания красок, полированный камень с насечками, длинные кремневые и обсидиановые пластины, многочисленные костяные орудия, в том числе костяная основа вкладышевого орудия и цилиндрическая рукоятка из оленьего рога, небольшой высушенный на солнце глиняный шар с отпечатками плетения, глиняные модели домов, большое количество сколов с обсидиановых нуклеусов, каменные полированные топоры и долота, наковальня из крупной кости быка со следами работы. В одной из ячеек в аккуратной кучке лежало больше 20 морских раковин, в другой — три человеческих скелета [146].

В центре поселения в основании второго горизонта, как и в третьем, находилось общественное здание — прямоугольное помещение 9 × 10 м без перегородок [147]. Особенно интересен его пол, представляющий красно-белую мозаику, выложенную из мелких камней, скрепленных гипсом. В основании мозаики было два ряда каменной кладки. Внизу лежали белые известковые плиты, тщательно подогнанные друг к другу, может быть, даже предварительно оббитые, и скрепленные гипсовым раствором. Верхний слой выложен мелкой красной галькой на гипсовом растворе. Центр помещения пересекают две параллельные полосы из белой гальки, каждая имеет 5 см ширины и более 4 м длины. Белые линии соединяют внутренние пилястры стен. После того как цементирующий раствор мозаики затвердел, поверхность пола была залощена. В заполнении помещения в переотложенном положении найдена большая глыба известняка с рельефным изображением человеческого лица. Это еще раз подчеркивает необычное назначение постройки, возможно культовое. Насколько нам известно, такая конструкция остается уникальной для памятников VII тысячелетия до н. э.

Третья общественная постройка исследована пока частично. Скорее всего, она также относится ко второму горизонту. Это многокомнатная конструкция на мощных цоколях, возвышающихся над уровнем пола. Внутренняя поверхность стен оштукатурена гипсом и местами покрыта росписью. Рядом с центральным помещением расположено несколько более мелких. В двух из них найдены скопления разбитых человеческих черепов, некоторые из которых были обожжены. Вопрос о назначении постройки остается открытым [148].

Остатки построек первого (верхнего) горизонта выявлены в нескольких случаях под дерном. Это прямоугольные помещения на каменных цоколях, из одной или двух комнат. Целиком исследован однокомнатный жилой дом (5 × 9 м) с большими базальтовыми зернотерками и пестами на обмазанном гипсом полу [149].

Как говорилось, 9/10 поселения остается пока неисследованным, и судить о его общей планировке пока преждевременно. Сейчас ясно видно, что в каждом горизонте планировка принципиально менялась, однако общественные постройки возобновлялись в центральной части поселения.

По оценке Ч. Редмана, холм был заселен длительное время несколькими сменявшими друг друга общинами. В каждом поселке могло быть 25—30 строений преимущественно жилых домов. Остается отметить, что небольшие круглые жилища с легкими стенами из обмазанного глиной плетня и без фундамента напоминают жилища натуфийцев и явно примитивнее перекрывающих их каменных прямоугольных цоколей третьего горизонта, а их прямая связь нуждается еще в проверке.

Жители Чейеню стояли на пороге открытия глиняной посуды. Во втором горизонте найдено несколько массивных глиняных блюд. Судя по отпечаткам плетения на их днищах, это остатки обмазки корзин, а не глиняные сосуды. В первом горизонте найдено несколько простых гипсовых сосудов. Вместе с ними найдены модели домов из обожженной глины и несколько глиняных зоо- и антропоморфных фигурок [150].

Материальная культура Чейеню остается почти неизменной и рассматривается как единый комплекс. Основную часть производственного инвентаря составляют обсидиановые и кремневые орудия, зернотерки, песты, костяные орудия, шлифованные каменные топоры и тесла. Встречается резная кость, много каменных украшений, типичны мраморные сосуды, браслеты и т. д. Вместе с этим комплексом встречено медное шило, по форме и технике изготовления близко напоминающее шило из Магзалии. Сделано оно методом холодной ковки. Ч. Редман дает более подробную характеристику находок меди из Чейеню [151]. Он говорит о нескольких булавках, шильях и бусах, согнутых из плоского медного листа. Все вещи сделаны методом холодной ковки. Месторождения меди, откуда происходит сырье, расположены поблизости, около Эргали Маден. Все находки сделаны в нижних слоях. Выше горизонта с сетчатыми планами медь на поселении вообще не встречается. По-видимому, на поздних стадиях существования поселения навык обработки меди утрачивается. В условиях, когда металлообработка не имела сколько-нибудь большого значения в хозяйстве, это неудивительно.

Особый интерес представляет анализ массового каменного инвентаря, проведенный Ч. Редманом [152]. Каменные орудия сохраняют еще важное место в производственной деятельности коллектива, а приемы расщепления кремня и характер обработки орудий несут несомненные черты техники мезолитической эпохи. Каменная индустрия целиком основана на ножевидной пластине. В обработанной коллекции — около 10% орудий, а 33% отщепов и обломков несут следы работы. На поселении распространены как кремень, так и обсидиан, однако их соотношение постепенно меняется. Количество обсидиана увеличивается от слоя к слою. В нижнем горизонте кремня больше, чем обсидиана, в верхнем они встречаются приблизительно поровну [153].

Типология, набор и соотношение различных групп орудий меняются несущественно. Чаще всего встречаются ножевидные пластины и отщепы со следами работы. Характерны также угловые резцы на пластинах, проверт ки, скребки и вкладыши для серпов. Много базальтовых зернотерок, пестов и терочных камней. Месторождение базальта находится менее чем в 30 км от памятника [154].

Много костяных и роговых орудий. Чаще всего встречаются шилья. Среди них характерны орудия на астрагалах. Есть тонкие, великолепно выполненные костяные иглы с ушком. Встречаются сверления, нарезки и гравировки на кости. На поздних этапах существования памятника распространяются роговые рукоятки для каменных орудий. Встречаются

два основных типа. Первый представляет изогнутый рог с продольной прорезью для вкладышей. Второй имеет овальное отверстие на конце для крепления топора, тесла или скребка. В иллюстрациях представлены также трубчатые кости с обрезанными эпифизами, аналогичные встреченным в Магзалии, и широкие длинные лощила из ребер быка или расколотых вдоль трубчатых костей. Обычны шилья из обломков трубчатых костей.

Среди обсидиановых орудий наиболее характерны так называемые пластины с шипом, точно повторяющие аналогичные орудия из Магзалии и Шимшары. Следы работы показывают, что они использовались как жатвенные ножи. Пластины обработаны крутой струйчатой скошенной ретушью по краю. Этот же прием обработки часто встречается и на других обсидиановых пластинах.

Часто встречаются кремневые черешковые и листовидные наконечники стрел [155]. Среди них нет наконечников с четко выделенным черешком, характерных для Магзалии. В целом наконечники Чейеню несколько крупнее. Среди скребков встречаются крупные концевые орудия на пластинах и мелкие округлые скребки из кремня и обсидиана. Проверткн обычно очень мелкие. Среди нуклеусов также имеются очень мелкие карандашевидные формы. Боковые резцы встречаются редко. Распространены шлифованные орудия. Среди них — лощила с продольным желобом, использовавшиеся для обработки кости, топоры и тесла нескольких типов — крупные, овальные в плане и сечении топоры, которые могут быть признаны архаичными, и маленькие, плоские, тщательно отшлифованные мелкие топорики и тесла, иногда подтреугольной формы. Каменным пестам форма придавалась путем оббивки. Иногда они имеют выделенную круглую рукоятку. Подобный прием встречается на Магзалии.

В известных публикациях нет подробных описаний каменных сосудов из Чейеню. Один из обломков украшен прочерченным меандровым орнаментом. Керамика не известна в Чейеню, однако глина широко использовалась не только при строительстве, но и для разнообразных мелких поделок. Ч. Редман говорит о признаках моделирования глиняных сосудов в корзинах [156]. Как и в Магзалии, корзины могли обмазываться глиной. Среди глиняных поделок упоминаются диски, конусы и биконусы, напоминающие песочные часы. Последние могли быть какими-то стилизованными изображениями.

Из глины делались фигурки животных (овцы, козы, свиньи и коровы). Женских статуэток немного. Лучше других сохранились две фигурки. Первая представляет обломанный сверху конус с расплющенным массивным основанием, который мог служить базой статуэтки. Стилистически близкие вещи известны в Джармо и Магзалии. Вторая фигурка — реалистически выполненная сидячая статуэтка с массивным торсом и округлым выдающимся вперед животом. Торс прямо переходит в глиняный конус, схематично изображающий туловище. Как и в Магзалии, фигурки делались по частям [157].

Очень интересна глиняная модель дома. Она вылеплена на толстой глиняной базе. Дом однокомнатный, без внутренних перегородок. В одной из стен — большой дверной проем. Стены были перекрыты маленькими прутиками, отпечатки которых сохранились. На них, как на балках, лежала плоская глиняная крыша. По краю крыши проходил парапет [158]. Подобные строительные приемы можно и сегодня видеть в глинобитной архитектуре Ближнего Востока. Описанные конструктивные детали не

оставляют сомнения в том, что это действительно модели домов. Неясно однако, насколько точно они повторяли свои реальные прототипы.

Очень разнообразны и стилистически индивидуальны бусы, подвески и другие украшения из камня, кости, раковин. К сожалению, они описаны слишком суммарно. Камень для них мог приноситься издалека. Среди украшений — предметы, напоминающие шахматные пешки, которые могли служить фигурками для какой-то игры. Интересны каменные шары, декорированные прочерченным орнаментом. На некоторых каменных предметах встречается также меандровый прочерченный орнамент. Бусы были цилиндрическими или прямоугольными. Часто встречаются плоские обломки кости со сверлинами. Плоская овальная костяная пластинка с отверстиями на трех концах использовалась как подвеска или нашивалась на одежду. Подвеска из камня имеет прямоугольную форму и отверстие на одном из концов. Наконец, в комплексе описывается обломок массивного каменного браслета с вычурным угловатым сечением [159].

Хозяйство Чейеню характеризуется сочетанием присваивающей и производящей экономики, причем земледелие и скотоводство не сложились еще окончательно и находятся в стадии становления [160]. Многочисленные наконечники стрел свидетельствуют, что охота продолжает сохранять заметное место. На занятия земледелием и собирательством указывает большое количество вкладышей для серпов и зернотерок. На Чейеню найдены доместифицированная пшеница однозернянка и эммер. Много бобовых, среди которых горох, чечевица, горькая и дикая вика. Косточки фисташек и миндаля особенно многочисленны в нижних слоях. Зерен домашнего ячменя в слое не найдено.

Ч. Редман отмечает, что, хотя дикий ячмень и айнкорн произрастали в окрестностях поселения, его жители начиная с древнейшего периода собирали их в ограниченном количестве, предпочитая домашние виды. Население Чейеню занималось земледелием еще в ограниченных размерах, по крайней мере на первых этапах существования поселения. От слоя к слою значение земледелия увеличивается, что указывает на быструю доместикацию растений [161]. Условия для земледелия в окрестностях Чейеню были благоприятными. Количество осадков составляло приблизительно 700 мм в год. На других памятниках, расположенных в более засушливых и менее удобных для земледелия районах (например, Али-Кош), дикие злаки долгое время широко использовались наряду с домашними [162].

Наибольший интерес вызывает коллекция фауны с поселения. Во всех слоях найдены кости собаки с хорошо выраженными признаками доместикации. Наиболее распространены на поселении кости зубра, благородного оленя, овцы и козы [163]. На ранних стадиях кости зубра встречаются чаще, чем кости оленя, но, вместе взятые, они приблизительно вдвое превосходят кости овцы и козы. На поздних стадиях это соотношение принципиально меняется [164]. Кости овцы и козы почти в 13 раз превосходят по количеству кости зубра и благородного оленя. Как справедливо указывает Ч. Редман, само изменение соотношения фауны на памятнике является хотя и косвенным, однако красноречивым указанием на начавшуюся доместикацию животных. Меняются пропорции тела животных, они становятся мельче. В верхних слоях увеличивается количество костей молодых особей.

Кости свиньи встречаются во всех слоях. На поселении найдено также много раковин моллюсков и кости черепахи. Р. Брейдвуд считает, что

кабан не был еще одомашнен и на него охотились [165]. Ч. Редман отмечает некоторые признаки доместикации свиньи на поздней фазе существования памятника. Интересно, что в горизонте ячеистых конструкций под одной из построек найдено четыре нижних челюсти кабана. Возможно, это следы жертвоприношения при закладке дома. По мнению Р. Брейдвуда, скотоводство на поселении практически не было распространено. Ч. Редман склоняется к тому, что оно начало складываться на завершающих стадиях его существования.

Так, или иначе, начав заниматься земледелием уже на первых этапах существования поселения, его жители практически еще не были знакомы со скотоводством, его заменяла охота. Такое запаздывание в приручении животных могло зависеть и от каких-то местных условий. Можно допустить, что этот район просто был богаче дикой фауной, которая дольше могла удовлетворять потребности человека в мясе. В начале существования поселения земледельческо-скотоводческое хозяйство как единый хозяйственный комплекс еще не сложилось. Похожая картина прослеживается в Магзалии. Близок не только состав фауны, но и количественные изменения. Основным источником мяса для первых жителей Магзалии была охота на зубра. В верхних слоях его кости фактически исчезают, доминируют овца и коза, скорее всего уже домашние.

БУКРА

Поселение находится на правом берегу Евфрата, напротив впадения в него р. Хабур, на окраине современной деревни Букра Факаи. Памятник открыт в 1960 г. В. Д. ван Льером и Х. Контененсом, которые заложили на его вершине шурф [166]. Раскопки поселения проводились нидерландской экспедицией под руководством П. А. Аккермана и М. Н. ван Луна в 1976 и 1977 гг. [167] Верхний слой исследован на площади 1700 кв.м. Раскопом 300 кв. м на вершине телля прозондированы более глубокие слои. Поселение расположено над долиной р. Евфрат, на краю плато со степной растительностью. Современный уровень осадков в этом районе равен 150 мм, что недостаточно для богарного земледелия, которое ограничено сегодня только долиной реки, на плато распространено кочевое и полукочевое скотоводство. В долине развито поливное земледелие. П. А. Аккерман отмечает, что памятник запустел с неолитического времени. По-видимому, как и в Синджаре, с развитием земледелия человек ушел с поселения в поисках более удобных для посевов мест.

Площадь телля 3,5 га, мощность культурных отложений 5 м. Холм имеет пологие склоны и две вершины, частично занятые современным мусульманским кладбищем. П. А. Аккерман делит всю толщу на 8 фаз заселения [168]. На приведенном в публикации плане воспроизводятся постройки трех последовательных горизонтов. Остается неясным, как они соотносятся между собой на большой площади раскопа. Дома верхнего яруса почти не сохранились, а второй и третий ярусы расчищены ниже по склону. Дома второго яруса увязываются друг с другом в плане и поэтому могут рассматриваться как одновременные. Существенно, что северная и южная группы, на которые делятся постройки, находятся на одних высотных отметках.

На вершине телля раскопано, расчищено по поверхности, прослежено по цвету почвы или характеру растительности 140 построек. Они относятся к трем стратиграфическим периодам, однако ориентировка построек

по странам света и планировка всего поселения на протяжении всех трех периодов почти не меняются [169]. В отдельных случаях прослеживается несколько последовательных перестроек. Некоторые новые стены строились на развалах более древних и точно повторяют их. Другие пристраивались к уже существовавшим. Отдельные дома, перестраиваясь, существовали на протяжении всех трех строительных периодов. Все эти наблюдения говорят о преемственности и быстроте накопления культурного слоя.

Поселение вытянуто вдоль реки с северо-запада на юго-восток. Постройки всех трех горизонтов также ориентированы вдоль берега. Каждая из построек сооружалась самостоятельно и отделена от соседней узким проходом. Постройки на северном и южном склонах холма соединены только узким рядом домов. Это, однако, может объясняться и тем, что вершина холма сильно эрозирована и нарушена кладбищем. Увязка северной и южной частей поселения остается условной.

От первого горизонта на вершине холма сохранились всего 2—3 постройки. Они выявлены как в северной, так и в южной части поселения. Их синхронизация между собой не ясна. Второй горизонт насчитывает около 60 построек, а третий, исследованный на северо-восточных склонах холма,— около 80 построек.

Основным элементом планировки всех трех горизонтов является прямоугольный дом 8 × 10—10 × 12 м. Дома разделены перегородками на несколько длинных комнат, обычно занимающих площадь около 2 × 6 м. Некоторые из них разделены перегородками на небольшие прямоугольные ячейки. В жилых комнатах расчищены очаги и ниши в стенах для хранения припасов. Квадратный очаг с низкими стенками ставился обычно напротив входа. Небольшие овальные очаги делались в одном из углов в глубине комнаты. В некоторых ячейках были прямоугольные гипсовые ванны. В других помещениях около стен находились овальные емкости из того же материала. Ниши в стенах имели прямоугольную в плане форму и круглое входное отверстие.

Интересна постройка 7 × 10 м без перегородок, с толстыми, более метра стенами. Она явно выделяется из всех остальных и могла иметь общественный или культовый характер. Большинство построек только расчищено по поверхности. Полностью раскопано 18 домов. Стены сложены из высушенных на солнце кирпичей, выложенных на грязевом растворе поочередно вдоль и поперек стены. В отдельных случаях стены прослежены на высоту до 1,7 м. Внутреннее пространство забутовывалось под пол. Некоторые стены имели широкие внутренние контрфорсы. Иногда расчищены узкие дверные проемы между комнатами. В углах дверных проемов сохранились куски деревянных рам. Полы покрывались попеременно слоями глины и гипса. Стены штукатурились гипсом, иногда расписаны охрой. На стене одного из домов человеческое лицо моделировано в рельефе и покрыто охрой, глаза инкрустированы обсидианом.

По данным радиуглеродных анализов, поселение возникло около 6400 г. до н. э. и перестало существовать около 5900 г. до н. э., т. е. соответствует по времени верхним слоям Магзалии и сменившим их памятникам типа Сотто [170]. Материальная культура поселения не противоречит этим датам. Коллекция очень однородна и рассматривается как единый комплекс [171]. В верхних слоях появляется керамика. Основной материал составляют каменные орудия и отходы обработки камня. Использовался преимущественно местный камень. Высококачественный шоколадный и

кремовый кремень не известен в ближайшей округе и был принесен издалека в виде заготовок. Такой кремень встречается и на других неолитических поселениях по Евфрату и мог быть предметом обмена. Обсидиан составляет около 7% всего количества орудий и отходов производства. Он происходит из района Немрут Дага в юго-восточной Анатолии. Отходы производства показывают, что обсидиан также приносился на памятник в заготовках, которые обрабатывались на месте. Он использовался весь вплоть до мелких кусков. Топоры, долота и другие крупные орудия сделаны из базальта или зеленого камня. Технику раскалывания кремня характеризуют длинные пластины и крупные косоплощадочные нуклеусы. Многие орудия, прежде всего наконечники, обработаны плоской ретушью.

Среди обработанных кремней наиболее многочисленны ретушированные пластины (25%) и отщепы (27%). За исключением нескольких пластин характерной формы, вся эта группа типологически аморфна. Для работы использовалось любое попавшееся под руку острие. Резцы — наиболее многочисленная группа орудий (20%). Встречаются боковые, угловые и срединные типы на пластинах и обломках пластин. Проколки и провертки также очень часто встречаются (10%) и неоднородны. Среди них выделяются тонкие микропроколки на обломках резцов.

Листовидные наконечники стрел со слабо выделенным черешком, близкие наконечникам из Библа, составляют около 6% от всего количества орудий. Все изготовлены на кремневых пластинах. Острие круто ретушировано со спинки, оба конца подправлены плоской ретушью с брюшка. Лишь изредка ретушировано все орудие [172].

Вкладыши для серпов встречены в небольшом числе, что указывает на ограниченную роль земледелия на поселении. Для них использовались неретушированные пластины, которые выделяются по следам работы. Зернотерок и терочников, которые часто делались из известняка, также немного.

Каменные сосуды образуют большую серию. Большинство из них сделано из алебастра или мрамора. Многоцветный камень подбирался таким образом, чтобы естественная слоистость камня могла быть использована как декоративный элемент. Для поделок использовались и более твердые породы, такие, как диорит. Типичны небольшие полусферические, круглодонные или с едва выделенным дном чаши и миски с прямым или чуть отогнутым венчиком. Характерны сосуды на четырех массивных коротких ножках. Среди них — мисочка с невысокими выпуклыми стенками и коротким отогнутым венчиком, высокий прямостенный кубок с чуть суженным верхним краем и отогнутым венчиком, небольшие сосуды с четким ребром в нижней четверти стенки. Верхняя часть сосуда имеет форму усеченного конуса с почти прямыми стенками и коротким слабо изогнутым венчиком.

Вместе с каменной распространена гипсовая посуда. Особенно много больших грубых гипсовых сосудов. Встречаются низкостенные чаши с выгнутыми стенками и прямым венчиком и высокие прямостенные кубки. Корзины также часто обмазывались гипсом.

Стратиграфическое положение керамики из предварительной публикации остается неясным [173]. Целых сосудов здесь не найдено. Характерны небольшие плоскодонные сосуды с ребром, миски, чаши. Поверхность обычно залощена, иногда покрыта охрой и после этого залощена. Встречается роспись треугольниками и зигзагами. Поверхность сосуда желтобурая. По-видимому, все эти типы керамики были местными. Существенно

отличаются от них тонкие сосуды с темной поверхностью и нарезным орнаментом в виде заполненных пунктиром треугольников со следами белой инкрустации. П. А. Аккерман считает, что по технике лощения поверхности она находит аналогии в Амуке [174].

Тщательно сделаны разнообразные бусы и подвески из камня, кости, раковин. В одном из домов были найдены тысячи бус из камня, янтаря, раковин. Есть орнаментированные бусы. Подвеска в форме прямоугольной каменной дощечки с продольным отверстием в одном из узких концов покрыта нарезными, вписанными друг в друга прямоугольниками. Подпрямоугольная пуговица или печатка с двумя отверстиями в тыльной части орнаментирована серией нарезных линий, образующих зигзаг. Костяная бляшка со сквозным отверстием в центре имеет четыре изогнутые лопасти в виде солярного знака. Описанные вещи не исчерпывают всего многообразия украшений.

Маленькая женская головка из глины, алебастровые сосуды в виде фигурок быка и зайца и известняковая фигурка дикобраза напоминают по своей реалистичности скульптуру из натуфийских памятников Леванта [175]. Встречаются также более стилизованные сидячие женские статуэтки из глины. К сожалению, они не описаны и не представлены в таблицах. Одна женская и две мужских статуэтки сделаны из кости. Все три имеют реалистически проработанное лицо. Фигурки были стоячими, что легко объяснить спецификой материала. Несколько реалистичных костяных головок лошадей или газелей выполнены как навершия какого-то орудия, может быть, костяная основа для вкладышевого ножа. По форме они очень близки навершию в виде головки газели из Магзалии.

П. А. Аккерман отмечает, что анализ материала приводит к выводу о широких культурных связях населения Букры [176]. Набор кремневых орудий находит аналогии в докерамическом неолите Леванта. Диэдральные и трансверсальные резцы на крупных пластинах встречены в эль Кум, а наконечники с крутой ретушью по слабо выделенному черешку — в Абу Хурейре. Обсидиан на Букру доставлялся из Немрут Дага, а диорит и зеленый камень — из Аммана [177]. Как отмечалось, импортная керамика имеет аналогии в Сиро-Киликии.

СЕВЕРНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В VII ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Первые редкие памятники докерамического неолита, такие, как Джармо, позволили определить содержание и некоторые узловые моменты неолитической революции. Сейчас можно проследить, как шел этот процесс в отдельных районах, попытаться восстановить их историю, на общие вопросы взглянуть с конкретно-исторических позиций. Северная Месопотамия, расположенная между прибрежными средиземноморскими и внутренними районами Ближнего Востока, по своим физико-географическим особенностям и исторической роли занимает среди них особое место.

Когда экспедиция начинала свои работы в Синджаре, памятники долины Шемшемаль, в Иракском Курдистане, были единственным источником для характеристики процессов возникновения земледелия и скотоводства в соседней Месопотамии. Сегодня только в Северной Месопотамии и на обрамляющих ее холмистых склонах гор открыто и в разной степени исследовано около десятка поселений докерамического неолита. В холмистых предгорьях Иракского Загроса лежат Джармо и Шимшара,

в таких же физико-географических условиях к северо-западу, в отрогах Тавра, находятся Чейену Тепеси и Гритиле, на степной равнине в долине Евфрата расположены Абу Хурейра, Мурейбит, Телль Рамад, Телль Асвад, Телль эс-Син, Нар эль-Хомр, Букра. Телль Магзалия занимает среди них центральное место.

Все эти многослойные памятники занимают значительный период времени от начала IX до V тысячелетия до н. э. Подробнее остановимся на сравнительной характеристике культуры VII тысячелетия до н. э., времени телль Магзалии.

Материальная культура большинства из перечисленных памятников описывается исследователями суммарно. В этих случаях суммарно рассматривается и комплекс телль Магзалии. Следует учитывать, однако, что такой подход объясняется не только методическими неточностями или пробелами в публикации материала, но и действительной однородностью комплексов материальной культуры с этих памятников. В восьмиметровой толще культурных отложений телль Магзалии массовый археологический материал также практически не меняется. По-видимому, это не случайно.

Комплекс материальной культуры любой историко-культурной и хозяйственной общности эволюционирует с течением времени. Однако эти изменения не нарушают его целостного облика и основных особенностей. Неверно было бы видеть в них лишь простой эволюционный процесс. Комплекс материальной культуры отражает определенную этнокультурную общность, а ее смена обычно связана с гибелью памятника. Продолжительность существования каждого такого поселения не должна нас смущать. Исторические процессы шли еще достаточно медленно. Каждая группа памятников отражает определенные историко-культурные и экономические явления, а их смена обычно обусловлена нарушением экономического равновесия и этническими изменениями в регионе. В связи с этим рассмотрим, какие аналогии находит материальная культура телль Магзалии в соседних памятниках.

В докерамическом Джармо нет черешковых наконечников стрел, а в керамическом встречаются отдельные фрагменты посуды, покрытые росписью в виде «головастиков». Однако на этом основании было бы неверно преувеличивать восточные аналогии Джармо и совершенно исключать его связи с западом. Реальная картина сложнее и многообразнее.

В Магзалии и Джармо сохраняются мезолитические традиции обработки камня, большинство орудий из камня изготовлено на ножевидных пластинах. Большое количество привозного обсидиана еще более увеличивает это сходство. Однако его источники были различными. На Магзалии встречается только черный обсидиан, в Джармо очень много светло-серого обсидиана. В Джармо нет обсидиановых жатвенных ножей с шипом, однако много вкладышей для серпов на кремневых пластинах со следами работы. Типологически близки маленькие конические пестики и гальки для растирания краски. Одинаково орнаментированные мраморные браслеты близких форм указывают не только на стадиальную близость, но и на прямые культурные связи. Тут и там широко распространены мраморные сосуды.

Глиняные статуэтки Джармо и Магзалии, безусловно, близки стилистически, но не проявляют полного тождества. Среди большого количества зооморфных фигурок Джармо наиболее характерно и чаще всего встречается изображение бегущего животного со вздыбленной на холке шерстью. Скорее всего, это собака, может быть, кабан. Реже встречаются

фигурки животных, изображающие быка или мелких рогатых животных. Для Магзалии характерны слабо проработанные в деталях массивные фигурки, напоминающее быка. В Джармо и Магзалии вместе встречаются реалистические сидячие и стилизованные антропоморфные фигурки. Стилизованные фигурки с цилиндрическим туловищем из Магзалии стилистически близки статуэткам в виде «сапожка» из Джармо. Идентична техника лепки сидячих статуэток из трех частей.

Схожи приемы строительства и планировки домов. Постройки ставились на каменный фундамент, а глинобитные стены сделаны в технике «тоф». При строительстве широко использовался гипс. Очень интересно близкое совпадение конструкции дымовых печей с дымовым отверстием в наружной стене и выкладкой из камней в основании пода. Схожа планировка домов, состоящих из жилого помещения площадью 10—12 кв. м и нескольких более мелких хранилищ.

Перечисленные аналогии различны по своему историческому содержанию и возникли под воздействием различных экономических причин и культурных связей. Можно уверенно говорить о стадиальном сходстве этих памятников, возникшем в одинаковых условиях на одном уровне развития хозяйства. Совпадения форм украшений, стилистических особенностей статуэток и приемов строительства позволяют говорить о контактах населения и культурных заимствованиях. Во всяком случае, поселения близки хронологически.

Телль Шимшара находится всего в 40 км от Джармо, однако маленький докерамический комплекс из слоев 16—14 в ряде деталей проявляет сходство с материалом из Магзалии и отличается от Джармо. Три каменных диска со сверлинами в центре (слой 16) тождественны аналогичным предметам из Магзалии. Обсидиановые жатвенные ножи из Шимшары по форме рабочего края, следам работы и характеру ретуши идентичны найденным в Магзалии и Чейеню. Вместе с тем в Шимшаре, как и в Джармо, нет наконечников стрел. Очаги в куполообразных ямах, отмеченные П. Мортенсеном, также находят прямые аналогии в Магзалии и других памятниках.

Отсутствие точных датировок этих памятников заставляет воздержаться от категорических выводов. Во всем большом регионе Верхней Месопотамии и прилегающих подгорных районах пока не известно двух культурно тождественных памятников, хотя связи между ними, безусловно, были очень активными. Тесное соседство во многом отличных Шимшары и Джармо требует особого внимания.

Наибольшее сходство проявляет материальная культура Магзалии и Чейеню. Памятники удалены друг от друга почти на 600 км, однако они находятся в очень близких физико-географических условиях. К ним примыкает поселение Гритиле в предгорьях Тавра. В Магзалии и Чейеню близок весь набор орудий и техника их изготовления. Много ножевидных пластин со следами работы, которые могли использоваться в составных орудиях. Роговая основа одного из таких орудий найдена на Чейеню.

В Магзалии, Чейеню и Шимшаре в качестве жатвенных ножей использовались большие обсидиановые пластины с шипом, обработанные крутой скошенной зубчатой ретушью. На рабочем конце, на что указывают следы залощенности по краю, оставлен неретушированный выступ для удобства захвата стеблей. Совершенно очевидно, что такое сходство формы и техники обработки орудия не случайно. В Магзалии и Чейеню широко распространены близкие типы кремневых черешковых и листовидных

наконечников стрел, костяные шилья на астрагалах, тонкие иглы с ушком, длинные широкие лощила из ребер быка, трубчатые кости с аккуратно обрезанными эпифизами. Они могли использоваться как рукоятки для каменных орудий или в ожерельях. Следов битума от крепления орудий в них нет. Среди разнообразных украшений из камня в Магзалии и Чейеню встречаются плоские прямоугольные подвески и мраморные браслеты, украшенные продольными канавками по наружному краю. Такой же прием обработки браслетов применялся и в Джармо. На Магзалии и Чейеню распространены очень похожие пестики для растирания краски с характерной выделенной рукояткой. Среди глиняных женских статуэток Чейеню встречаются как реалистические, так и стилизованные типы. Некоторые из них, как в Магзалии, имеют расплющенную базу. Одна из реалистически выполненных женских головок несет характерную высокую прическу. Возможно, это один из прототипов женских статуэток с прической хассунского типа.

Бросаются в глаза различия планировки каменных построек Магзалии и Чейеню. На Магзалии не встречено ни ячеистых, ни решетчатых планов домов, типичных для Чейеню. Однако значение этого факта не следует преувеличивать. Приемы каменного строительства, в том числе способы каменных кладок, широкое использование гипса очень близки. Глинобитные стены построек на Магзалии сооружались в технике «тоф», в Чейеню они клались из кирпича. Очень близки некоторые приемы сооружения печей. На обоих поселениях зафиксированы случаи, когда дымоход домовой печи выводился на улицу через соседнюю стену, а под очага обмазывался глиной по вымостке из мелкой гальки.

Правильнее говорить о различиях в конструкции цоколей построек, а не планировке внутренних помещений. Р. Брейдвуд говорит о двух ярусах или даже двух этажах построек. Нужно иметь в виду, что сетчатые и решетчатые планы цоколей не повторяли и не могли повторять внутренних перегородок внутри самого дома. Некоторые элементы планировки каменных построек Магзалии все же, безусловно, близки Чейеню. Типичным элементом многокомнатного дома Магзалии являются вытянутые помещения с длинными параллельными стенами. Прямоугольные дома с обычными каменными цоколями по периметру стен встречены в верхнем слое Чейеню Тепеси. Так или иначе, различия в архитектуре и планировке построек никоим образом не перечеркивают большого сходства в культуре этих памятников, которое могло возникнуть в результате тесных культурных связей, а может быть, и прямых контактов при обмене сырьем. В связи с этим остается неясным, почему количество обсидиана на Чейеню заметно ниже, чем в Магзалии. Ведь Чейеню расположено гораздо ближе к месторождениям обсидиана, находится на путях обмена и могло выступать посредником. Все это позволяет видеть в Чейеню и Магзалии поселения двух близких, может быть родственных, групп племен, контакты между которыми укреплялись в процессе обмена сырьем.

Нужно иметь в виду, что поселение Букра на берегу Евфрата в 250 км к западу от Магзалии находится в несколько иных экологических условиях. Засушливое плато было удобно для охоты и менее благоприятно для развития земледелия. Докерамический комплекс Букры может быть сопоставлен с концом существования телль Магзалии. Материальную культуру характеризует пластинчатая техника раскалывания кремния. Вкладышей для серпов относительно мало, а листовидные наконечники стрел, обработанные струйчатой ретушью, отличны от единичных листо-

видных наконечников Магзалии, где преобладают черешковые наконечники. Они сближаются с наконечниками библосского типа. Букру характеризует высокая техника обработки кости, в том числе резная кость, гипсовые сосуды и обмазанные гипсом корзины, зооморфные и антропоморфные фигурки из камня и глины, каменная архитектура. Конкретных аналогий в формах орудий, украшений, предметов искусства заметно меньше. Основная часть орудий изготовлена в Букре из местного кремня. Обсидиан составляет всего 7% каменного инвентаря и происходит с севера, из месторождений Немрут Дага. Отсюда же, по-видимому, приносился высококачественный шоколадный кремень и некоторые породы камня для украшений [178]. Однако в целом связи с севером были значительно слабее, чем у обитателей Магзалии. Культурные связи Букры с западом устанавливаются по ряду аналогий. Листовидные наконечники стрел со слабо выделенным черешком, обработанные струйчатой ретушью, сопоставляются с наконечниками библосского типа. Близкие аналогии на западе находят и реалистические высокохудожественные фигурки людей и животных. Пути этих связей предстоит еще определить.

Абу Хурейра — большой раннеземледельческий телль на берегу Верхнего Евфрата — содержит культурные напластования мезолитического и неолитического времени. Между мезолитическим и неолитическим горизонтами есть определенный хронологический разрыв. Неолитические слои делятся на три достаточно продолжительные фазы существования [179]. Мезолитический комплекс дает сегментовидные вкладыши. В неолитических слоях — большое количество черешковых и иволистных наконечников стрел, каменные сосуды, глиняные фигурки животных, каменные и глиняные бусы. На поздней неолитической фазе появляется небольшое количество керамики. Магзалии ближе всего средненеолитический слой. Характерно, что на поздних этапах при обработке кремневых орудий наряду с крутой используется плоская отжимная ретушь. Черешковые наконечники из Абу Хурейры близки аналогичным формам из Магзалии. Иволистные наконечники покрыты скошенной струйчатой двусторонней ретушью и не имеют аналогий на востоке. Х. Контенсен назвал их сирийским типом наконечника [180].

В средиземноморской зоне геометрические вкладыши уже в натурфийское время сосуществуют, а в ранненеолитических памятниках вытесняются наконечниками стрел. Они распространяются в Верхней Месопотамии вплоть до района Синджара. Восточнее Тигра мезолитические традиции изготовления вкладышевых орудий сохраняются в ранненеолитических поселениях, а наконечники не получили распространения. Форма и техника изготовления наконечников в различных районах меняется. В Магзалии преобладают черешковые наконечники, среди которых наиболее характерен небольшой подтреугольный наконечник на пластине с четко выделенным черешком. Характерны черешковые наконечники и для Чейеню. На равнине Верхней Месопотамии вместе с черешковыми широко используются листовидные формы наконечников различных типов. Очень характерна их подправка плоской струйчатой ретушью со спинки и с брюшка. Наконечники стрел в ранненеолитических памятниках Верхней Месопотамии особенно наглядно подтверждают их тесные связи со средиземноморскими районами. Для восстановления путей этих связей пока недостаточно хорошо датированных материалов.

Вновь открытые в Северной Месопотамии раннеземледельческие памятники VII тысячелетия до н. э. позволяют включить эту обширную

область в зону возникновения и первоначального становления производящих форм хозяйства. Эти открытия еще раз наглядно показывают, что неолитическая революция — единый процесс, охватывающий широкий регион. Вместе с тем уже сейчас видно, что протекал он не везде одинаково. Культура Верхней Месопотамии того времени проявляет определенное единство, однако не была тождественной. Материала пока недостаточно, чтобы выделить на этой территории мелкие локальные варианты культуры. Каждый из известных памятников имеет черты своеобразия. Интересно, что до сих пор не найдено расположенных группами однокультурных памятников. Плотность поселений VII тысячелетия до н. э. оставалась еще низкой. На каждом поселении жил большой родовой коллектив. И все же экзогамность отношений в коллективе подразумевает существование минимум двух поселений в одном районе. Археологических подтверждений этому пока не найдено.

Вся область была заселена культурно близкими группами. Они обменивались сырьем, достаточно тесно связаны между собой. Во всем регионе заметны сильные западные влияния. Примечательно, что они постепенно затухают по мере продвижения на восток. Мурейбит проявляет большое сходство с памятниками Леванта. Географически и исторически в VII тысячелетии до н. э. в Верхней Месопотамии выделяются памятники вдоль Евфрата и памятники подгорной полосы Тавра и Загроса. Памятники по Евфрату особенно тесно связаны со средиземноморскими районами вплоть до Палестины. Эти влияния прослеживаются далеко на восток и четко зафиксированы в Магзалии. Наибольшее сходство проявляет Магзалия, Чейеню, Гритиле и Шимшара. Возможно, по мере накопления материала в этом районе будет выделен особый вариант ранненеолитической культуры Ближнего Востока. Памятники подгорной зоны сохранили следы тесных контактов. Этому способствовало единство физико-географических условий, в которых развивались сходные формы хозяйства. Существенную роль сыграл и обмен сырьем. В Джармо нет явных западных влияний, здесь не встречаются и наконечники стрел. По-видимому, западные влияния не распространяются на левый берег Тигра, который послужил естественной границей. Однако нет оснований совсем исключать Джармо из сферы контактов с соседними памятниками и общих процессов становления новой экономики. Ряд совпадений в культуре прямо указывают на такие связи.

Так или иначе, материалы Верхней Месопотамии VII тысячелетия до н. э. позволяют говорить о широких и очень активных культурных связях, в том числе с соседними районами Средиземноморья, развернувшимися под влиянием проходящих в это время процессов становления земледелия и скотоводства. При возможном своеобразии отдельных районов он проходил в условиях постоянных заимствований, захватил весь регион.

СЕВЕРНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В VI ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

К началу работ экспедиции телль Хассуна была древнейшим земледельческим поселением Ассирийской степи. Еще в 1931 г. М. Е. Маллован в основании Ниневии (слои 1, 2а, 2в) обнаружил очень архаичную керамику, которая, как позже оказалось, принадлежала хассунской культуре. Однако только десять лет спустя, в 1942 г., С. Ллойд и

Ф. Сафар исследовали поселение телль Хассуна, в Ассирийской степи южнее современного Мосула, которое и дало название хассунской культуре. Она была определена исследователями как первая земледельческая культура Северной Месопотамии. Нижний слой этого поселения (слой 1а) был расценен авторами как остатки временного лагеря охотников и собирателей, т. е. был отнесен еще к доземледельческой эпохе. Собственно, основанием для этого послужило то, что на вскрытой площади здесь не было найдено глинобитных домов, так характерных для всех вышележащих слоев. Более полно исследованные сейчас памятники показывают, что небольшой раскоп С. Ллойда и Ф. Сафара, который удалось довести до материка, просто попал в междомовое пространство.

Понятие «архаическая хассуна» также введено С. Ллойдом и Ф. Сафаром. Недостаточно исследованный нижний слой телль Хассуны (1а) хронологически оторван от вышележащих хассунских слоев и оставался несколько обособленным. Находки архаической керамики, сделанные в течение последующих трех десятилетий разными исследователями на Джармо, Али Ага, Матарре, Телль эс-Савване, Шимшаре, остались необобщенными и приципиально не изменили наших представлений о хассунской культуре. Недостаточными для этого оказались и проведенные недавно небольшие раскопки на Телюль эс-Таласате. Наконец, работы, предпринятые Д. Керкбрайт в 1971—1974 гг. на поселении Умм Дабагия, в окрестностях древней Хатры южнее Мосула, дали новые яркие материалы, которые были интерпретированы некоторыми исследователями как следы дохассунской раннеземледельческой культуры, пришедшей в Северную Месопотамию с запада [181]. Эта точка зрения нашла свое отражение и в последней сводной работе Д. Мелларта [182].

Работы советской экспедиции на телль Сотто, Кюльтепе, Ярымтепе I (слой XII) позволяют пересмотреть сложившиеся представления. Все эти памятники предшествуют хассуне, но тесно генетически с ней связаны. На всех памятниках хассунские слои прямо перекрывают подстилающие их слои типа Сотто и позволяют в деталях проследить преемственное развитие культуры во всей толще отложений. Н. Я. Мерперт видит в Сотто новую раннеземледельческую культуру Северной Месопотамии, предшествующую хассуне [183]. С нашей точки зрения, это ранний этап хассунской культуры, протохассуна. Ибо нет никакой принципиальной грани в развитии этих памятников. Культура Сотто плавно переходит в типичную архаическую хассуну. Генетическая преемственность между ними прослеживается во многих деталях на массовом материале, прежде всего в керамике.

Принципы выделения культур, тем более генетически связанных и сменяющих друг друга на одной территории, не всегда четко выдерживаются. Конечно, различие между крайними точками развития хассунской культуры очень велико. Однако сегодня они заполнены многими промежуточными ступенями. Многослойное поселение Ярым-тепе I убедительно демонстрирует единство развития культуры от архаической до стандартной хассуны, а телль Сотто и Кюльтепе еще углубляют эту колонку. На новых материалах ясно видно, что некоторый культурный разрыв слоев 1а и 2 телль Хассуны объясняется просто временным запустением этого поселения.

Комплекс Сотто, подробно исследованный в телль Сотто (горизонты 1—6) и Кюльтепе (горизонты 1—3), характеризуют обожженная на костре грубая кухонная керамика с примесью соломы в тесте и налепами по вен-

чику, столовая посуда с измельченной растительной примесью (лощеная, покрытая охрой или расписанная широкими лентами по венчику, закрашенными треугольниками и косыми линиями), низкая техника раскалывания камня и обработки кости, шлифованные клиновидные топорики и тесла, каменные браслеты и бусы, каменные сосуды, кремневые вкладыши для серпов, черешковые наконечники стрел и большое количество зернотерок, глиняная пластика. Встречаются медные бусы и почти нет обсидиана. Глиняная архитектура в технике «тоф» прямо связана с хассунской.

Абсолютно преобладает грубая кухонная керамика: ребристые сосуды-хранилища, веялки с рифленым дном, ребристые горшки, миски и кубки. Вся эта керамика выполнена из глины с примесью соломы, плохо обожжена, поэтому имеет поверхность серо-желтого цвета и черный разлом. Довольно часты овальные формы и сосуды на ножках. Грубые кухонные сосуды не орнаментировались. Венчик часто украшался налепами в виде кнопки, глаза, летящей птицы, змеи, антропоморфных и зооморфных фигурок. Керамический комплекс Сотто развивается во времени. Хорошо прослеживается эволюция биконических корчаг. Первоначально это сосуды с толстым расплющенным дном, выраженным ребром в придонной части, прямыми или слабо выгнутыми стенками и почти прямым венчиком. Постепенно стенки становятся выпуклыми, ребро смягчается, а венчик сильнее отгибается, становится длиннее и приобретает цилиндрическую форму. Через ряд переходных типов сосуды с ребром и невыраженным венчиком трансформируются в хассунские сферические корчаги с высоким прямым вертикальным венчиком. Это корчаги, типичные для архаической хассуны, как мы их знаем по материалам телль Хассуны Iв.

Для хассунской культуры характерны овальные корыта с рифленым изнутри днищем, получившие название веялок для зерна. Эта форма бытует длительное время, однако рифленое днище появляется относительно поздно. На этапе Сотто им предшествуют веялки с днищем, покрытые хаотичными защипами или тычками.

Тщательнее изготовлена столовая посуда. Измельченная растительная примесь едва заметна; тесто хорошо промешано. Обжиг проходил при невысокой температуре, однако цвет черепка обычно однородный — серый или грязно-желтый. Поверхность часто залощена. Иногда в процессе лощения весь сосуд покрывался охрой. Типична роспись красной полосой по краю венчика. Реже она дополнялась поясом заполненных охрой треугольников. Роспись сеткой реже распространена. Тулово сосуда обычно оставалось неорнаментированным. Охра легко смывается с поверхности. Объясняться это может низкой температурой обжига. Могла она наноситься и после обжига. Формы столовой посуды однообразны: небольшие стаканы или кубки, чаши и миски. Древнейшие формы обычно имеют ребро, довольно много овальных форм. В верхних слоях распространяется посуда со сферическими стенками.

Биконические сосуды 1—6 горизонтов телль Сотто образуют единую типологическую группу. Объединяющая их черта — резко выраженный изгиб (ребро) в нижней трети стенки сосуда. Кухонная посуда с ребром — наиболее характерная особенность всего комплекса Сотто. Хорошо прослеживается ее эволюция. Во втором горизонте несколько корчаг выделяются особо крупными размерами. Их диаметр достигает 84 см, ребро находится в придонной части стенки. Верхняя часть сосуда имеет форму

высокого усеченного конуса. Постепенно сосуды становятся меньше, ребро делается более плавным, стенки — слегка выпуклыми, а венчик сильнее отогнут. Эта тенденция заметна уже в горизонте 2в, а в горизонтах 4—6 становится еще более выраженной. Ребро на стенке делается выше, дно не так резко выделено. Это первый шаг к выработке сферической формы, типичной для архаической хассуны.

Горизонт 7 дает только сферические корчаги. Венчик на единственном целом экземпляре еще не выделен в вертикальный воротничок. Можно считать эту форму архаичной. И все же между седьмым и подстилающим его шестым горизонтами Сотто ощущается некоторый разрыв в развитии форм, который может быть связан и с перерывом в заселении памятника. Грубая керамика, определяющая облик всего памятника, образует непрерывный типологический ряд.

Кюльтепе культурно аналогичен Сотто, но несколько позже. Нижний слой Сотто в Кюльтепе аналогий не имеет, однако слои архаической хассуны в Кюльтепе гораздо богаче. Нижний горизонт Кюльтепе сопоставляется с 6—5 горизонтами Сотто. Ребристые корчаги из слоя 6 Сотто архаичнее. Они крупнее, дно и ребро более четко выражены. Сосуды высокие, с прямыми стенками выше ребра, имеют форму усеченного конуса. В горизонте 1 Кюльтепе ребристые сосуды меньше, со слегка выпуклыми стенками и отогнутыми венчиками. В горизонтах 2—3 Кюльтепе эти особенности выражены еще ярче, не имеют прямых аналогий в Сотто и близки нижнему слою Ярымтепе I. В целом материал трех нижних горизонтов Сотто и горизонтов 1—3 Кюльтепе образует единый развивающийся керамический комплекс. По эпонимному памятнику мы называем его комплексом Сотто, или протохассунским.

Наряду с глиняной посудой в памятниках типа Сотто продолжает бытовать и значительное количество каменной, по преимуществу мраморной, посуды. Разнообразные каменные сосуды широко использовались на докерамических памятниках этого района, таких, как Джармо и Магзалия. Для Сотто, Кюльтепе, Умм Дабагии характерны небольшие грушевидные мраморные сосуды. Близкие аналогии им известны в телль эс-Савване. Совпадает и техника изготовления сосудов. Обычно они делались из белого или белого с красными прожилками мрамора. Фактура камня подбиралась таким образом, чтобы розовые прожилки располагались вдоль венчика и подчеркивали его, как роспись. Несмотря на внешнюю простоту, эти сосуды очень красивы. В Кюльтепе и Умм Дабагии найдены и простейшие овальные сосуды в виде ведерок. Аналогии им также можно найти в телль эс-Савване, где собрана уникальная коллекция целых каменных сосудов. В обломках они известны в Джармо и в Магзалии. Каменные сосуды Магзалии и Джармо очень разнообразны. В телль Сотто, Кюльтепе, Умм Дабагии и Телюль эс-Таласате их меньше, проще становятся формы. На этапе Сотто эта техника постепенно вырождается, а вскоре и совсем вытесняется глиняной посудой.

Ценный материал для сопоставления может дать анализ украшений, прежде всего каменных бус и браслетов. На памятниках типа Сотто преобладают простые сферические и цилиндрические бусы. Изредка встречаются уплощенные биконические бусы из глины обычных хассунских типов. Сферические и цилиндрические бусы простых форм широко распространены. Существенно, что каменные и глиняные биконические уплощенные бусы хассунских типов появляются уже в Сотто. Интересны большие мраморные браслеты из телль Сотто, Кюльтепе, Умм Дабагии,

Телюль эс-Таласата. Они совершенно исчезают в памятниках архаической и стандартной хассуны, однако типичны для памятников докерамического неолита той же территории. На Сотто найдены гладкие браслеты, в Джармо они часто украшались поперечной, иногда двусторонней насечкой. Ясно, что это древняя традиция, которая доживает до Сотто.

Набор каменных орудий из памятников типа Сотто очень разнообразен. Микролитическая техника раскалывания кремня, столь характерная для древнейших земледельческих поселений докерамического времени, практически утрачивается. Обсидиан встречается редко. Основным сырьем служит местный низкокачественный галечный кремень, что накладывает отпечаток на весь комплекс. Требования к качеству каменных орудий явно снизились. На телль Сотто кремневые пластины составляют лишь незначительную часть комплекса. Карандашевидные и клиновидные косоплощадочные нуклеусы для скалывания пластин почти исчезают, их заменяют невыразительные нуклевидные обломки галечного кремня. Орудия изготовляются наспех из доступного низкокачественного материала. Это связано не просто со сменой традиции, а обусловлено меняющимся обликом всего хозяйства. Охотничье хозяйство предъявляло высокие требования к охотничьему инвентарю, от совершенства которого во многом зависел его успех. В земледельческом обществе роль охоты уменьшается, а кремневые орудия для разделки мяса и обработки шкур приобретают чисто утилитарное значение.

Если набор основных кремневых орудий на Магзалии и Сотто в целом совпадает, то их количество, типология и соотношение в комплексе различны. В Сотто значительно меньше резцов для обработки кости. Один черешковый наконечник стрелы в нижнем слое говорит о переживании архаических черт в инвентаре и его преемственной связи с предшествующим комплексом Магзалии. В телль Хассуне наконечники есть только в слое 1а, а в Ярымтепе I их вообще нет.

Шлифованные клиновидные топоры встречаются уже в телль Магзалии. Вместе с мелкими клиньями здесь найдены массивные топоры овального сечения. На телль Сотто и Кюльтепе их больше. Характерны мелкие клиновидные топорики и тесла. На материалах Магзалии и Сотто видна преемственность в их развитии.

Много зернотерок из черного туфа. Это крупные массивные овальные камни длиной до 40—50 см. Тыльная сторона лишь грубо оббита. Прямая рабочая поверхность сильно вогнута. Эффективность таких орудий была достаточно высока. Формы зернотерок очень стандартны. Плоских терочных камней мало. Чаще использовались круглые терочники-песты и шаровидные терочные камни. В целом зернотерки телль Сотто и других памятников этого типа отражают окончательное сложение земледельческого хозяйства, когда земледелие стало основой хозяйства. Размер сельскохозяйственного производства достигает на этих памятниках значительного объема. Как бы ни были совершенны и изящны зернотерки Магзалии, на них нельзя было переработать такое количество зерна, как на зернотерках Сотто. Дальнейшее развитие они получают в архаической и стандартной хассуне, что хорошо прослежено в Ярымтепе I.

Очень бедны набор и техника обработки костяных орудий Сотто и Кюльтепе. Преобладают шилья случайной формы из обломков трубчатых костей. Подшлифован только рабочий край. Лощила встречаются редко и никогда не достигают такого размера и совершенства обработки, как в Магзалии. В Сотто найдено несколько роговых орудий. По аналогии

с Ярымтепе I это могли быть наконечники мотыг для обработки земли. В Сотто нет костяных игл и резной кости. Форма орудий целиком подчинена функциональным целям, а их обработка менее тщательна. По облику и технике обработки орудия Сотто целиком тяготеют к более поздним хассунским памятникам. В равной мере это относится к глиняным пряслицам и пулям для пращи, широко распространенным в Сотто и Кюльтепе.

Материалы Умм Дабагии, телль Сотто, Кюльтепе, Ярымтепе I (нижний слой), телль Хассуна Ia, Телюль эс-Таласата (холм 2, слой XIV) культурно однородны и представляют ранее неизвестный пласт древнейших земледельческих памятников Ассирийской степи. Все эти поселения названы нами памятниками типа Сотто — Умм Дабагии. Памятники типа Сотто датируются первой половиной VI тысячелетия до н. э. Предварительно может быть намечена их относительная хронология. Телль Сотто (горизонты 4—6), Кюльтепе (горизонты 1—3), Ярымтепе I (слой XII), телль Хассуна 1а характеризуют последний период их существования и переход к архаической хассунской культуре телль Хассуны. Телль Сотто (горизонты 1, 2), Телюль эс-Таласат и Умм Дабагия предшествуют им. Умм Дабагия (горизонт IV), по-видимому, дает древнейший материал. Эта картина хорошо совмещается с известными абсолютными датами из перечисленных памятников [184]: телль Хассуна (слой V—5090 ± 200, телль эс-Савван (слой 1) — 5506 ± 73, Телюль эс-Таласат (слой XV) — 55700 ± 120, Матарра (нижний слой) — 5620 ± 250 лет до н. э.

Памятники типа Сотто вскрыли большой неизвестный ранее пласт культуры, протяженный в пространстве и времени. Ошибочно было бы искать в них полное тождество. Не все звенья этой цепи выявлены одинаково полно. На Сотто и в особенности на Кюльтепе хорошо прослежены этапы преемственного перехода памятников типа Сотто в культуру архаической хассуны. Ранние этапы существования этого культурного комплекса исследованы пока слабее. Нижний слой Сотто несколько архаичнее нижнего слоя Кюльтепе. Нижний слой Ярымтепе I близок Кюльтепе. Сопоставление отдельных слоев Сотто и Умм Дабагии затруднено из-за суммарной публикации этого материала. Приходится учитывать также, что памятники сильно отличаются по своему характеру. Умм Дабагия выделяется большими размерами. Крупные многокомнатные постройки могут быть хранилищами или какими-то общественными зданиями. Все это вместе с богатством материальной культуры придает поселению совершенно индивидуальный облик. В противоположность Умм Дабагии Сотто и Кюльтепе — небольшие провинциальные раннеземледельческие поселения, которых было много на подгорной равнине. Умм Дабагия выдвинута далеко на равнину и находится в менее удобном для земледелия месте. Наконец, своеобразие хозяйству Умм Дабагии придает специализированная охота на онагра. В кухонной посуде Умм Дабагии выделяются высокие прямостенные биконические сосуды. Вероятно, нижние слои Умм Дабагии несколько древнее нижнего слоя Сотто. Поэтому, может быть, Умм Дабагия и не дает убедительного перехода к архаической хассуне, как мы видим, это на телль Сотто.

Телюль эс-Таласат выделяет мелкая глиняная пластика, которая, несомненно, сближается с материалами Джармо и Магзалии. На Сотто статуэток меньше, они реалистичнее. Интересно, что в архаической хассуне эта традиция нарушается. В Ярымтепе I статуэтки совершенно отсутствуют ниже 5-го слоя, появляются только в стандартной хассуне, причем сразу выработанной стандартизованной формы. Действительно ли

эта традиция была совершенно прервана? В связи с этим интересно точно определить стратиграфическое положение фигурок из телль Хассуны, хранящихся в экспозиции багдадского музея. В Ярымтепе статуэтки появляются вместе с самаррским влиянием, однако этим вряд ли можно объяснить все возникающие вопросы. Женские статуэтки характерны практически для всех раннеземледельческих культур.

На местное происхождение комплекса Сотто указывают аналогии с предшествующей культурой Магзалии и широкое распространение грубой кухонной посуды с растительными примесями в тесте, характерной для Северной Месопотамии. Точка зрения о западном происхождении культуры Умм Дабагии не находит подтверждения в Сотто и Кюльтепе. Сходство этих памятников с одновременной культурой Сиро-Киликии ограничивается отдельными импортами. Это вишневая лощеная керамика с примесью дресвы или ракушки без растительных примесей, которая столь характерна для памятников Сиро-Киликии, таких, как Сакче-Гезу. В Восточном Средиземноморье находят аналогии черешковые и листовидные наконечники стрел, которых много в Леванте, начиная с натуфийской культуры и кончая Иерихоном и Бейдой на территории Иордании. В этих же районах широко распространена резная кость. Костяные зооморфные фигурки, близкие магзалийским, известны от Чейеню Тепеси и Букры до Леванта, где они появляются еще в натуфийских памятниках горы Кармел. Распространение вишневой керамики и близких форм наконечников стрел в широком регионе Восточного Средиземноморья вплоть до правобережья Верхнего Тигра говорит о культурных связях и взаимных влияниях. Направление культурных контактов отражают и пути обмена сырьем, прежде всего обсидианом и медью, которые хорошо документируются на массовом материале. Гораздо труднее проследить, были ли памятники типа Сотто едиными на всей территории, или уже сейчас могут быть намечены его варианты. О возможности их существования говорят некоторые различия в комплексах Сотто, Умм Дабагии и Телюль эс-Таласата, однако они могут быть и хронологическими. Сейчас можно ожидать, что по мере накопления материала выявится некоторое своеобразие культуры правобережья и левобережья Тигра. Видимо, река не была для человека непроходимой преградой.

На западе комплекс Сотто проявляет определенное сходство с материалами Букры [185]. Оно проявляется в растительных примесях в керамическом тесте, распространении ребристых форм керамики, близких мотивов росписи. Найденные в Букре каменные сосуды на ножках и с ребром не известны в Сотто и Кюльтепе, однако аналогичные керамические формы в этих комплексах обычны. Близкие формы каменных сосудов на ножках характерны для телль эс-Саввана. Все это позволяет предположить, что близкая культура занимала большую, до сих пор не исследованную область к северу и западу от Синджара. На востоке очень близкая Сотто керамика найдена в аналогичных памятниках в долине Шемшемаль в районе Сулеймании. Ребристая грубая керамика и веялки с рифленым дном известны в керамическом Джармо и Али Ага. Глиняная пластика Телюль эс-Таласата, по керамике целиком принадлежащего к памятникам типа Сотто, проявляет большое стилистическое сходство с фигурками из Джармо. Реалистические сидячие женские статуэтки телль Сотто имеют аналогии не только в Джармо, но и в одновременных комплексах Иранского Курдистана, таких, как Тепе Гуран. Каменные шлифованные браслеты распространены от Сотто и Магзалии до Джармо.

Столь же тесное сходство имеют каменные сосуды. Грушевидные и овальные сосуды Сотто и Умм Дабагии находят близкие аналогии в телль эс-Савване. В телль эс-Савване много овальных форм, есть ребристые сосуды и сосуды на поддонах и ножках. В целом эти приемы характерны для древнейшей керамики всего региона, в частности для керамики типа Сотто. Ее прототипом в известной мере послужила каменная посуда.

Материалы керамического Джармо, Али Ага [186], Тамерхана [187], телль эс-Саввана, слой 1 [188], Шимшары, слой 13 [189], Матарры, слой VI —5 [190] на левобережье Тигра стадиально одновременны памятникам типа телль Сотто, проявляют с ними определенное культурное сходство, однако в целом своеобразны. Тут и там преобладают грубые ребристые сосуды с примесью соломы в тесте и ручками-налепами по венчику. Столовая посуда целиком покрыта охрой или расписана лентами по венчику и диагональной штриховкой. Тут и там распространены близкие формы каменных сосудов, браслетов, бус. Однако ведущие формы налепов в в Джармо и Сотто, помимо элементарной кнопочной формы, различны. Антропоморфная и зооморфная пластика Джармо заметно отличается от пластики Сотто и Умм Дабагии, однако находит ряд аналогий в Телюль эс-Таласате. Ряд импортов из Иранского Курдистана в Тамерхане, Джармо, Шимшаре указывают на преимущественно восточное направление культурных связей этого региона.

В памятниках типа Сотто — Умм Дабагии на правом берегу Тигра и памятниках керамического Джармо на левобережье можно видеть два родственных, но в целом своеобразных варианта древнейшей керамической культуры Месопотамии начала VI тысячелетия до н. э. В своей основе оба варианта имеют местное происхождение. На правобережье преобладали западные культурные связи, на левобережье — восточные. Первоначально культура обоих регионов проявляет заметное сходство. Памятники типа Сотто дали начало хассунской культуре.

Хассунские памятники широко распространены в междуречье Тигра и Евфрата, однако не заходят южнее Багдада. На аллювиальную равнину Месопотамии хассунская культура не распространялась. Большое количество хассунских памятников известно в Синджаре. Зафиксированы они и у северного подножия Синджара [191]. По-видимому, центром ее распространения была Ассирийская степь в бассейне среднего течения Тигра. Именно здесь встречены памятники, где обнаружены древнейшие керамические комплексы типа Сотто, давшие начало хассунской культуре.

Ряд исследователей отмечают влияние хассунской культуры далеко на восток и северо-восток, в Эламе, Центральном Иране, на юге Средней Азии [192]. Такие широкие аналогии имеют не столько культурно-исторический, сколько самый общий стадиальный характер и нуждаются еще в тщательной проверке и осмыслении.

Работы на Шога-Мами и телль эс-Савване показали большую древность самаррских слоев на левобережье Тигра. Существует мнение, что в Среднюю Месопотамию самаррская культура пришла с юга. Но какими были более древние местные племена и как сложились взаимоотношения между ними, какую роль они сыграли в судьбе самаррской культуры? Эти вопросы еще ждут ответа.

В нескольких хассунских памятниках, в том числе и в телль Хассуне, телль Сотто, Умм Дабагии, встречаются вишневые лощеные черепки с минеральными примесями, по технике изготовления резко отличные от местной керамики. До сих пор принято было считать, что они происходят

из Сиро-Киликии [193]. В дальнейшем, по-видимому, можно будет отказаться от столь далеких аналогий. Сейчас в Верхней Месопотамии известно несколько находок древнейшей керамики. В Букре встречены грубые ребристые сосуды, близкие Сотто, и тонкие темноцветные сосуды с нарезным орнаментом в виде заполненных пунктиром треугольников с белой инкрустацией, которые принесены откуда-то с запада. По мнению П. А. Аккермана, такая техника лощения была известна в Амуке [194]. В Абу Хурейре небольшое количество глиняной посуды появляется на третьей неолитической фазе. Это обломки простых лощеных сосудов «мешковидной» формы с круглым или плоским дном. Один или два из них имеют воротничковый венчик и роспись в виде горизонтальных лент. Формы сосудов однообразны, техника изготовления грубая, обжиг слабый. Несколько обломков мелких сосудов тщательно залощены и некоторые покрыты красной росписью. Сходная чернолощеная посуда найдена и на нескольких соседних памятниках этого региона [195]. Как и в Ассирийской степи, керамика Абу Хурейры лепилась с растительными, а не минеральными примесями. Формы посуды различны. Наконец, в раннекерамическом слое Мурейбита встречена посуда с белыми минеральными примесями.

Эти находки, за которыми скрывается целый мир разнокультурных раннекерамических памятников Верхней Месопотамии, помогают провести западную границу распространения древнейших хассунских поселений типа Сотто, которая могла проходить по хребту Синджара или немного западнее. Букра если прямо и не относится к этой группе памятников, то явно тяготеет к ним.

Наконец, предстоит еще уточнить истоки культуры памятников типа Сотто, т. е. в конечном счете истоки всей хассунской культуры. Важные материалы для их решения дает Магзалия. Между культурой Магзалии и Сотто прослеживаются явные культурные аналогии, однако для установления генетических связей между ними материала пока недостаточно. Из культуры телль Магзалии можно вывести многие важные черты культуры Сотто. Для нее характерны каменные сосуды, которые продолжают бытовать здесь наряду с керамикой. Не только эта традиция, но и формы сосудов Сотто находят аналогии в Магзалии. Каменные браслеты Сотто также, несомненно, восходят к аналогичным предметам из Магзалии. Глинобитные стены тут и там изготовлены в одной технике, в технике «тоф». Интересно, что нижний слой Телюль эс-Таласата дает большую и разнообразную серию статуэток, близких статуэткам Джармо. Глиняная пластика Джебел Магзалии и телль Сотто пока недостаточно выразительна.

Вместе с тем типологический анализ материала приводит к выводу, что между этими комплексами существует определенный хронологический разрыв. В Сотто сильно деградирует техника раскалывания кремня и обработки кости, а черешковый наконечник найден только один. Исчезают жатвенные ножи с шипом, почти не встречаются резцы и скребки на пластинах. Уже отмечалось, что это прямо обусловлено изменениями в хозяйстве. При спокойном развитии культуры в условиях консервативного хозяйства эти изменения проходят медленно. Смена хозяйства в переломную эпоху могла ускорить этот процесс. Переориентация же многоукладного хозяйства в какой-то момент происходила достаточно быстро.

Видимые различия в культуре Сотто и Магзалии могут объясняться не только этнографическими различиями населявших их групп и разрывом во времени, но и тем, что в это время происходил окончательный переход на рельсы производящей экономики. Наконец, развитие земледелия приве-

ло к распространению керамики, что также сильно изменило облик всей культуры. Это был внутренний процесс развития в недрах культуры местного населения и не связан с его сменой. Вполне вероятно, что в этом районе будут найдены более развитые поселения типа Магзалии, которые заполнят пробел между Сотто и местными докерамическими памятниками. Не исключено, что нижний слой Сотто не самый древний памятник этой группы. И все же преемственная связь между культурой Магзалии и Сотто явно видна. Проще всего было бы предположить, что носители культуры Магзалии в определенный момент спустились в долину и освоили ее как земледельцы. В действительности все могло быть значительно сложнее. При этом нет оснований выводить раннеземледельческую культуру Сотто откуда-то со стороны. Работы на Магзалии показали, что район Синджара входит в зону возникновения производящих форм хозяйства.

Поселения типа Сотто — древнейшие раннеземледельческие памятники на подгорной равнине Северной Месопотамии. Самые подробные поиски в довольно широком районе работ экспедиции не дали более древних поселений. При этом характерно, что в основании многих теллей лежали именно слои типа Сотто. Судя по облику материала, время их очень близко. Все это заставляет достаточно обоснованно предположить, что на определенном уровне развития равнина была освоена земледельцами. Близкая раннекерамическая культура распространяется практически одновременно на обширной территории Месопотамии, в которую входят Синджар на правобережье Тигра и Загрос на левобережье. Земледельцы вышли за границы своего первоначального обитания и начали освоение новых территорий. Культура Магзалии характеризуется сочетанием земледелия и скотоводства с охотой, а само поселение расположено на склонах холмов, где удобно было сочетать обе формы хозяйства и где, судя по всему, и зародилось земледелие на основе развитого собирательства. Поселения типа Сотто — целиком земледельческо-скотоводческие; охота перестает играть сколько-нибудь заметную роль в хозяйстве их обитателей. Они расположены на удобной для земледелия плодородной лёссовой равнине, отражают первый этап ее освоения древними земледельцами. Выход земледельцев на равнину был обусловлен окончательной победой земледелия. Он знаменует собой новый качественный скачок в развитии земледелия, который подвел итог длительному периоду его первоначального становления. Освоение плодородной равнины земледельцами привело к специализации и интенсификации хозяйства. В слое телль Сотто найдены зерна голозерного ячменя, пшеницы-двузернянки, дикорастущего овса, вики; большое количество костей домашних козы и овцы. Постоянным и значительным компонентом пыльцевого спектра телль Сотто является пыльца злаков, причем в культурном слое ее значительно больше, чем в подстилающем. Значительная доля пыльцы злаковых в культурном слое указывает на большие площади посевов и, следовательно, возрастание роли земледелия в хозяйстве жителей телль Сотто. Значительная роль охоты на онагра в хозяйстве Умм Дабагии, по-видимому, обусловлена природной спецификой района этого памятника. С развитием земледелия связано и распространение глиняной посуды, сокращение роли охоты привело к деградации микролитической техники обработки камня. Если телль Магзалия характеризует завершающий этап первоначального становления земледелия и скотоводства, то памятники типа Сотто — их окончательную победу и конец неолитической революции.

[1] *Braidwood R. J.* Early food producers: Excavations in Iraqi Kurdistan // Archaeology. 1952. Vol. 5. P. 157–162; *Braidwood L.* Digging beyond the Tigris. N. Y., 1953.

[2] *Kenyon K. M.* Earliest Jericho // Antiquity. 1959. Vol. 129; *Idem.* Digging up Jericho. L., 1957; *Idem.* Jericho // Archaeology. 1967. Vol. 20. P. 268–275.

[3] *Kirkbride D. V. W.* Beidha: Early Neolithic village life south of the Dead Sea // Anthiquity. 1968. Vol. 42. P. 263–274.

[4] *Noy A., Legg A. J., Higgs E. S.* Recent excavations at Nahal Oren, Israel // PPS. 1973. Vol. 39. P. 75–97.

[5] *Mellaart J.* Catal Hüyük: A neolithic town in Anatolia. L., 1967.

[6] *Hole F., Flannery K. V.* The prehistory of Southwestern Iran: A preliminary report // PPS. 1968. Vol. 33. P. 147–206; *Hole F.* Studies in the archeological history of the Deh Luran Plain: The excavation of Choga Sevid. Ann Arbor, 1977.

[7] *Брейдвуд Р., Чемберл Х.* У истоков производящего хозяйства в Юго-Восточной Анатолии // Наука и человечество. М., 1984.

[8] *Voigt M. M.* Village on the Euphrates: Excavations at Neolithic Gritille in Turkey // Expeditions. Vol. 27, N 1; *Roodenberg J. J., Wilkinson T. J., Bayri-Baykan S.* Surveys and soundings at Kumartepe: an interium report // Anatolica. 1984. N 11. P. 1–16.

[9] *Cauvin J.* Le fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sedentarisations au Proche-Orient // Annu. Rep. Amer. School Orient. Res. 1977. N 27; *Idem.* L'Oasis d'El Kown: Bilan apral Trois campagnes: Methods, problèmes et premiers resultats // Cahiers de l'Euphrate. P., 1982. Vol. 3; *Cauvin J.* Cinq Annèes de Recherches (1978–1983) dans l'Oasis d'el Kowm (Syrie) // Ann. Archaeol. Arabes Syriennes. 1983. Vol. 33, N 1; *Cauvin J., Aurenche O.* Le neolithique de Çafer Höyük (Malatya, Turquie) Fouilles 1979–1980 // Cahiers de l'Euphrate. Vol. 3. P. 123–138; *Cauvin J., Cauvin M. C.* Sondage à Tell Assouad (Djesireh, Syrie) // AAAS. 1972. Vol. 22; *Le Mière M.* La Ceramique Prehistorique de Tell Assouad. Djezireh, Syrie // Cahiers de l'Euphrate. P., 1979. Vol. 2; *Cauvin J., Aurenche O.* La campagne de fouilles 1984 a Çafer Höyük // Kazi Sonuclary Toplantisi. Ankara, 1985. Vol. 7. P. 17–21; *Cauvin J., Auranche O.* Çafer Höyük, 1985 // Anatolian Stud. 1986. Vol. 36.

[10] *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roodenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras // AAAS. 1978. Vol. 28; *Roodenberg J. J.* Le Mobilier en Pierre de Bouqras: Utilisation de la pierre dans un site néolithique sur le Moyen Euphrate (Syrie). Istanbul, 1986; *Akkermans P. A., Fokkers H., Waterbolk H. T.* Stratigraphy, architecture and lay-out of Bouqras // Colloq. intern. CNRS. 1981. Vol. 598. P. 486–501.

[11] *Gebel H. G.* Tübinger Atlas des Vorderen Orients (TAVO) Akeramisches Neolitikum. Wiesbaden, 1982; *Gebel H. G.* Des Akeramische Neolitikum Vorderasiens // Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B. Wiesbaden, 1984. Bd. 52.

[12] *Vertesalji P. P.* Mesopotamien Chalkolitlikum // TAVO. Wiesbaden, 1982.

[13] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. 1960. Vol. 31; Prehistoric archaeology along the Zagros flanks/Ed. L. S. Braidwood et al. Chicago, 1983. (Univ. Chicago Orient. Inst. Publ.; Vol. 105). Далее: Prehistoric archaeology.

[14] *Braidwood R. J.* The Iraq Jarmo project // Archaeological researches in retrospect. Cambridge (Mass.), 1974.

[15] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 38.

[16] Prehistoric archaeology. P. 167, 168, fig. 24.

[17] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 3, 39.

[18] Ibid. P. 39.

[19] Ibid.

[20] Ibid. P. 64.

[21] Ibid. P. 39.

[22] *Braidwood R. J.* The Iraq Jarmo project. P. 75.

[23] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 40.

[24] Ibid. P. 42.

[25] Ibid. P. 43.

[26] Ibid. P. 40.

[27] Ibid. P. 44.

[28] Ibid. P. 45.

[29] Ibid. P. 48.

[30] Ibid. P. 45.

[31] *Hole F., Flannery K.* Excavations at Ali Kosh, Iran // Iranica Antiqua. 1962. Vol. 2, N 2. P. 122; *Массон В. М.* Поселение Джейтаун: (Проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180. С. 68.

[32] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 45.

[33] Ibid. P. 45.

[34] Ibid. P. 46.

[35] *Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B.* et al. Prehistoric archaeology. P. 315, fig. 142.

[36] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Ранне-

земледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 139.

[37] *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna // JNES St. 1945. Vol. 4, N 4. Аналогичные вещи встречены и в телль Сотто.

[38] *Morales V. B.* Jarmo figurines and other clay objects // Prehistoric archaeology. P. 369–428.

[39] Ibid. P. 377, 378.

[40] *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries // Prehistoric archaeology. P. 209–213.

[41] Ibid. P. 213–232; *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 63.

[42] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 40.

[43] Ibid. P. 64.

[44] Ibid. P. 43.

[45] *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. P. 215; *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 43.

[46] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 65; *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. P. 215, 216.

[47] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 64, 65.

[48] *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. P. 217, fig. 105, 106, 107. Значительная коллекция расписной керамики Джармо хранится в Национальном музее в Багдаде.

[49] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 65.

[50] Ibid. P. 44.

[51] Ibid. P. 43; *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. P. 217.

[52] *Oates J.* The background and development of early farming communities in Mesopotamia and the Zagros // PPS. 1973. Vol. 39, pl. XVII.

[53] *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. Fig. 107, 108. В коллекции Национального музея в Багдаде керамика с такими налепами составляет выразительную серию.

[54] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 44.

[55] Ibid. P. 64, 65.

[56] Ibid. P. 65.

[57] Ibid.

[58] Ibid. P. 43; *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. P. 214.

[59] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 65.

[60] Ibid. P. 44, 63.

[61] *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. L., 1975, P. 51.

[62] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 43.

[63] Ibid. P. 44, pl. 15; *Adams R. McC.* The Jarmo stone and pottery vessel industries. P. 225.

[64] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 159; Prehistoric archaeology. P. 538.

[65] *Чайлд Г.* Древнейший восток в свете новых раскопок. М.; Л., 1956. С. 167.

[66] *Oates D. and J.* The rise of civilization. Oxford, 1976. P. 59.

[67] *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. P. 80.

[68] *Массон В. М.* Средняя Азия и Ближний Восток. М.; Л., 1964. С. 48.

[69] *Helbaek H.* Cereals and wild grasses in phase A. // Excavations in the plain of Antioch: The earliest assemblages: Phase A. Chicago, 1960. Vol. 61. P. 47. (Orient. Inst. Publ.); *Watson P. J.* A note on Jarmo plant remains // Prehistoric archaeology. P. 501–504.

[70] *Braidwood R. J., Braidwood L. S.* The earliest village communities of Southwestern Asia // JWH. 1953. Vol. 1(2). P. 273, 274; *Stampfli H. R.* The fauna of Jarmo, with notes on animal bones from Matarrah, the Amuq and Karim Chahir // Prehistoric archaeology. P. 431–484.

[71] *Braidwood R. J.* The Iraq-Jarmo project of the Oriental Institute of the University of Chicago, Season 1954–55 // Sumer. 1954. Vol. 10, N 2. P. 120–138.

[72] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 26, 37, 66.

[73] Ibid. P. 37.

[74] *Mortensen P.* Tell Shimshara: The Hassuna period. København, 1970. P. 130.

[75] Коллекция из Али Ага хранится в Национальном музее Ирака в Багдаде.

[76] *Braidwood R. J.* The Iraq-Jarmo project of the Oriental Institute... P. 133.

[77] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 26.

[78] *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna: Excavations by Iraq Government Directorate of Antiquities in 1943–1944 // INES. 1945. Vol. 4, N 4. P. 259.

[79] Ibid. Fig. 35.

[80] Ibid. P. 260.

[81] Добытые материалы хранятся в Национальном музее Ирака в Багдаде и в Институте археологии в Лондоне.

[82] *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna. P. 261, 262.

[83] Ibid. P. 264, 271. Fig. 27.

[84] Ibid. P. 330.

[85] Ibid. Fig. 30.

[86] Характеристика массового материала дается нами с учетом материалов Национального музея Ирака в Багдаде.

[87] *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna. P. 276–283.

[88] Ibid. P. 268.

[89] Ibid. P. 277.
[90] Ibid. P. 177.
[91] Ibid. Fig. 5; *Mortensen P.* Tell Shimshara. The Hassuna Period. København, 1970. P. 127.
[92] Ibid.
[93] Ibid. P. 265.
[94] *Mortensen P.* Tell Shimshara. P. 127.
[95] *Merpert N. Ya., Munchajv R. M.* Early agricultural settlement in the Sindjar Plain, Northern Iraq // Iraq. 1973. Vol. 27. Pl. XLIII.
[96] *Alusi S.* Al-Shimshara // Sumer. 1959. Vol. 15.
[97] *Mortensen P.* Tell Shimshara.
[98] Ibid. P. 12, 17, pl. 1.
[99] Ibid. P. 17–26.
[100] Ibid. Pl. 1, fig. 8.
[101] Ibid. P. 129.
[102] Ibid. P. 18.
[103] Ibid. P. 19.
[104] *Melgaard J.. Mortensen P., Thrane H.* Excavations of Tepe Guran, Luristan // AA. 1964. Vol. 34. P. 97–133, pl. 7.
[105] *Mortensen P.* Tell Shimshara. P. 27–46.
[106] Ibid. P. 27.
[107] *Renfrew C.* Tell Shimshara and the Traffic in Obsidian // Mortensen P. Tell Shimshara. P. 139.
[108] *Mortensen P.* Tell Shimshara. P. 41, 42.
[109] Ibid. P. 43.
[110] Ibid. P. 53.
[111] Ibid. P. 47.
[112] Ibid. P. 58–61.
[113] Ibid. Fig. 41, 42.
[114] Ibid. Fig. 51.
[115] Ibid. P. 57.
[116] Ibid. P. 47, 48.
[117] Ibid. P. 62–122.
[118] Ibid. P. 63.
[119] Ibid. P. 76.
[120] Ibid. P. 103.
[121] Ibid. P. 111.
[122] Ibid. P. 105.
[123] Ibid. P. 106.
[124] Ibid. P. 129.
[125] Ibid. P. 119.
[126] Ibid. P. 44.
[127] Ibid. P. 120–122.
[128] *Fukai S., Matsutani T.* Excavations at Telul eth-Thalathat, 1976 // Sumer. 1977. Vol. 33, N 1. P. 48–54; *Fukai S., Matsutani T.* Telul eth-Thalathat: The excavations of Tell II: The fifth season (1976). Vol. 4 // The Tokyo University Iraq-Iran archaeological expedition. Tokyo. 1981. Rep. 17.
[129] *Fukai S., Matsutany T.* Excavations at Telul eth-Thalathat, 1976. P. 50, 51.
[130] Ibid. P. 50.
[131] Ibid. P. 51–54.
[132] Коллекция Национального музея Ирака в Багдаде.
[133] *Fukai S., Matsutany T.* Excavations at Telul eth-Thalathat, 1976. P. 51.
[134] Ibid. P. 51, 52; *Fukai S., Matsutani T.* Telul eth-Talathat. Pl. 41, 42, 43.
[135] *Fukai S., Matsutani T.* Excavations at Telul eth-Thalathat, 1976. P. 54; *Fukai S., Matsutani T.* Telul eth-Thalathat. Pl. 22.
[136] *Fukai S., Matsutany T.* Telul eth-Thalathat. P. 54, 55.
[137] Ibid. P. 55.
[138] Ibid. P. 65.
[139] *Çambel H., Braidwood R. J.* Prehistoric research in Southeastern Anatolia. Istanbul, 1980; *Çambel H.* Chronologie et organisation de l'Éspace à Çayönü // Colloq. internt. CNRS. 1981. Vol. 598. P. 532–553; *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии // Наука и человечество. М., 1984. С. 67–77; *Redman Ch. L.* The rise of civilization: From early Farmers to urban society in the Ancient Near East. San Francisco. 1978; *Redman Ch. L.* The Çayönü Tepesi Chipped stone industry: 1968 and 1970 excavations seasons. Interim report. N. Y. Б. г. Ч. Редман принимал участие в раскопках поселения, а при подготовке названных работ широко использовал материалы из собраний музеев Турции и США.
[140] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 153–164.
[141] *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии. С. 68.
[142] *Çambel H.* Chronologie et organisation de l'Éspace à Çayönü. P. 532–537; *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 155–157.
[143] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 154–157.
[144] *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии. С. 74.
[145] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 157, 158.
[146] Ibid. P. 159.
[147] *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии. С. 74.
[148] Там же.
[149] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 159, 160.
[150] *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии. С. 75–77.
[151] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 161.
[152] Ibid. P. 160; *Redman Ch. L.* The Çayönü Tepesi Chipped stone industry.
[153] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 159, 160.
[154] Ibid. P. 160.
[155] *Redman Ch. L.* The Çayönü Tepesi Chipped stone industry.

[156] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 160.
[157] Ibid. P. 163.
[158] *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии. С. 76.
[159] Там же. С. 77.
[160] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 163.
[161] *Çambel H., Braidwood R. J.* Çayönü Tepesi: Schritte zu neuen Lebensweisen // Beitrage zum Altertumskunde Klainasiens. Mainz am Rhein, 1983. S. 163; *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 164.
[162] *Zeist W. van.* On macroscopic traces of food plants of Southwestern Asia // Philos. Trans. Roy. Soc. London. 1976. Vol. 275. P. 27–41.
[163] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 162, 163.
[164] Ibid. P. 163.
[165] *Braidwood R. J., Çambel H.. Schermer W.* Beginning of village-farming communities in Southeastern Turkey: Çayönü Tepesi, 1978 and 1979 // Journal of Field Archeology. 1981. Vol. 8. P. 256, 257; *Çambel H., Braidwood H. J.* Prehistoric research in Southeastern Anatolia. P. 49.
[166] *Contensen H. de, Lier W. J. van.* Premier sondage à Bouqras en 1965. Rapport Préliminaire // AAAS. 1966. Vol. 16, N 2. P. 181–192.
[167] *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roodenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 exavations at Tell Bouqras // AAAS. 1978. Vol. 28; *Akkermans P. A., Fokkers H., Waterbolk H. T.* Stratigraphy, architecture and lay-out of Bouqras // Colloq. intern. CNRS. 1981. Vol. 598. P. 335–371; *Akkermans P. A., Boerma J. A. K., Clason A. T.* et al. Bouqras revisited: Preliminary report on a project in Eastern Syria // PPS. 1983. Vol. 49. P. 335–372.
[168] *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roodenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras. P. 1.
[169] Ibid. P. 2–4.
[170] Ibid. P. 1.
[171] Ibid. P. 4–7.
[172] *Roodenberg J. J.* Le Mobilier en Pierre de Bougras: Utilisation de la pierre dans un site neolithique sur le Moyen Euphrate (Syrie). Istanbul, 1986. P. 45.
[173] *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roodenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras. P. 5.
[174] Ibid. P. 7.
[175] Ibid. P. 19, fig. 12.
[176] Ibid. P. 7.
[177] *Roodenberg J. J.* Le Mobilier en Pierre de Bouqras. P. 170–177.
[178] *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roodenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras. P. 7.
[179] *Moore A. M. T.* The excavation of Tell Abu Hureyra in Syria: A preliminary report // PPS. 1975. Vol. 41. P. 50–77.
[180] Ibid. P. 59, 68.
[181] *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971: A preliminary report // Iraq. 1972. Vol. 34.
[182] *Mellaart D.* The neolithic of the Near East. L., 1975. P. 141.
[183] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. С. 145.
[184] *Mellaart J.* The neolithic of the Near East. P. 284; *Oates D. and J.* The rise of civilization. P. 138, 139; *Fukai S., Matsutany T.* Telul eth-Thalathat. P. 65.
[185] *Roodenberg J. J., Wilkinson T. J., Bayri-Baykan S.* Surveys and sounding at Kumartepe: an interium report // Anatolica. 1984. N 11. P. 1–16.
[186] Prehistoric archaeology; *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan.
[187] *Oates J.* Prehistoric investigations near Mandaly // Iraq. 1968. Vol. 30, N 1.
[188] *Agu al-Sooj B.* Tell es-Sawwan: Excavation of the fourth season (spring 1967) // Sumer. 1968. Vol. 24. P. 3–15.
[189] *Mortensen P.* Tell Shimshara.
[190] *Braidwood L. S., Braidwood R. J., Smith J. G., Leslie Ch.* Matarrah: A village of early farmers in Iraq. Chicago, 1952; *Idem.* Matarrah: A southern variant of the Hassunan assemblage, excavated in 1948 // JNES. 1952. Vol. 11, N 1; *Braidwood R. J.* Early food producers: Excavations in Iraqi Kurdistan // Archaeology. 1952. Vol. 5. P. 157–162.
[191] *Redman Ch. L.* The rise of civilization. P. 194.
[192] *Массон В. М.* Поселение Джейтун. С. 115.
[193] *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971: a preliminary report // Iraq. 1972. Vol. 34. P. 12, 13; *Mellaart J.* The neolithic of the Near East. P. 141.
[194] *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Rootenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras. P. 5.
[195] *Le Miére M.* La Céramique Préhistorique de Tell Assouad, Djezireh, Syrie // Cahiers de l'Euphrate. P., 1979. Vol. 2. P. 1–76.

V

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

*

Исследуя древнейшие земледельческие поселения, нельзя обойти некоторые общие вопросы становления производящих форм хозяйства. Попытаемся определить место публикуемых памятников в системе общих представлений о возникновении земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке.

Ф. Энгельс показал принципиальное значение перехода к производящей экономике в поступательном историческом процессе. В предложенной им периодизации истории первобытного общества победа земледельческо-скотоводческого хозяйства определяет переход от дикости к варварству [1]. Г. Чайлд развил эти представления на археологических материалах Ближнего Востока. В соответствии с предложенной им оазисной теорией, иссушение климата в связи с отступанием ледника в начале голоцена привело к концентрации людей, растений и животных в оазисах около воды, что и создало благоприятные условия для доместикации растений и животных и становления производящих форм хозяйства. Земледелие и скотоводство вызвали глубокие изменения в образе жизни, культуре, мировоззрении, общественном строе. Спокойное эволюционное развитие общин охотников было прервано принципиальной и относительно очень быстрой экономической перестройкой, определившей весь дальнейший ход исторического развития. По своим последствиям это был революционный процесс. Г. Чайлд назвал его неолитической революцией [2].

Р. Брейдвуд целиком принимает понятие «неолитическая революция» и впервые подробно прослеживает переход от присваивающего к производящему хозяйству на больших археологических материалах и создает экономическую схему этого процесса. Он выделяет две стадии в развитии хозяйства: стадию собирания и стадию производства пищи [3]. Первая делится на две эры: собирательство эпохи мустье и специализированное собирательство эпохи позднего палеолита. Последняя характеризуется адаптацией человека к окружающей среде, специализацией хозяйства в условиях того или иного природного окружения, интенсификацией хозяйства. Стадия производства пищи включает эру «начальной культивации» и эру «начальных земледельческо-скотоводческих общин».

По мнению Р. Брейдвуда, земледелие и скотоводство на Ближнем Востоке возникло в обширном регионе холмистых предгорий, в зоне «плодородного полумесяца», которая протянулась от Антиливана через Южный Тавр и Иракский Курдистан вплоть до южного Загроса. Этот регион культурно неоднороден. Культура Джармо также своеобразна, развитие

ее проходило в условиях постоянных интенсивных культурных связей и заимствований. На это указывает широкий обмен обсидианом на всей этой территории. Увеличение количества памятников в раннем неолите Р. Брейдвуд связывает не только с уровнем изученности, но и с ростом населения в процессе неолитической революции.

Р. Брейдвуд отмечал, что предложенная им схема ни в коей мере не исчерпывает конкретно-исторической полноты явления. Долина Шемшемаль не была культурно обособленной, а входила в обширную зону первоначального становления производящих форм хозяйства. Г. Чайлд видел в Джармо провинциальную деревушку, где архаический тип хозяйства сохранился пережиточно в условиях изоляции в замкнутых подгорных долинах [4]. С такой оценкой хорошо согласуется первая, явно завышенная, радиокарбоновая датировка памятника [5]. Точку зрения Г. Чайлда и сегодня разделяет ряд исследователей [6]. По мере открытия новых памятников и исследования соседних районов все труднее вырвать Джармо из общего контекста культурного развития.

Работы в Иерихоне [7], Бейде [8], Нахал Орен и других памятниках Палестины [9], в Чатал Гуюке [10], на Среднем Евфрате [11], в Загросе [12] и Южной Анатолии [13], в частности на Верхнем Евфрате [14], принципиально расширили наши знания, как о докерамических [15], так и раннекерамических памятниках Ближнего Востока [16], а их изучение вышло на качественно новый уровень и переросло в сложную междисциплинарную проблему. Она включает изучение палеогеографической среды и биологических аспектов доместикации, выявление причин и условий перехода к земледелию и скотоводству, их первичных и вторичных центров, исследование путей и форм становления производящей экономики, разработку его периодизации. Суммируем коротко основные подходы к решению этих сложных процессов.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОМЕСТИКАЦИИ

Ареал распространения диких злаков и их доместикация обусловлены определенными физико-географическими и климатическими условиями. В начале голоцена они существенно отличались от современных. Традиционно принято считать, что оледенениям севера на юге соответствовал плювиальный климат, способствовавший распространению лесов. С сокращением ледника становилось суше, леса сокращались, а природные условия приближались к современным. Конкретные исследования рисуют гораздо более сложную и во многом еще противоречивую картину. Работы в Загросе и Тавре показали, что линия снегов опускалась здесь так же низко, как в Альпах, и они вызвали сильное увлажнение и похолодание [17]. В этих условиях леса должны были захватывать и подгорную равнину, что, безусловно, должно было повлиять на состав флоры и фауны во всем регионе.

По мнению Г. Райта, палинологические исследования в Загросе показывают, что ледниковому климату высоких широт совершенно необязательно соответствует увлажнение на юге. Вплоть до IX тысячелетия до н. э. в современной зоне лесов Ближнего Востока была распространена степь с относительно прохладным и сухим климатом, о чем говорит широкое распространение полынных и маревых. По мнению исследователей, подобная картина наблюдается сегодня на анатолийском и иран-

ском плато [18]. В конце плейстоцена прохладный и относительно сухой, может быть даже засушливый, степной климат прослеживается и в других районах Средиземноморья. Разреженные дубовые леса, благоприятные для произрастания злаковых, были распространены в ограниченных районах предгорий. Смягчение климата, начавшееся в раннем голоцене около IX тысячелетия до н. э., повлекло смещение ландшафтных зон, однако эти процессы в различных районах шли неодинаково. Реконструировать их можно пока лишь в самых общих чертах.

В позднеледниковое время наиболее благоприятный климат был в южном Леванте, здесь раньше, чем в других областях, началось смягчение климата в раннем голоцене. На северо-востоке Сирии, в Загросе и Анатолии природные условия были менее благоприятны и менялись медленнее [19].

По палинологическим данным, в Леванте на протяжении всего последнего оледенения (24 000—14 000 лет назад) встречается дуб, а в конце этого периода (около 14 000—10 000 лет назад) начинается увлажнение и потепление. Позже годовые температуры продолжают повышаться, однако влажность уменьшается, вследствие чего количество древесной пыльцы сокращается и она вытесняется травянистой. Около 7400 лет назад количество древесной пыльцы вновь увеличивается [20].

В северо-западной Сирии в позднем плейстоцене (25 000—11 000 лет назад) прослеживаются две фазы травянистой растительности, указывающие на иссушение климата. В начале голоцена достаточно быстро начинают распространяться леса, которые достигают своего максимума около 8000 лет назад, после чего начинают сокращаться под влиянием повышения температур и иссушения климата.

В горах Загроса последнее оледенение (35 000—14 000 лет назад) характеризуется сильным, относительно современного уровня, понижением линии снегов, понижением температур и иссушением климата, что вызвало распространение полынных степей и почти полное исчезновение лесов. В позднем гляциале (14 000—10 000 лет назад) лесов становится несколько больше, однако уровень травянистой растительности остается высоким. В начале голоцена в Загросе продолжается расширение дубовых лесов и дубово-фисташковой лесостепи в подгорной зоне. Около 6000 лет назад, в условиях некоторого иссушения, леса в Загросе замещаются лесостепью [21].

Говоря о распространении дубово-фисташковых лесов на Ближнем Востоке около 11 000 лет назад, Г. Райт характеризует общую тенденцию развития климата в раннем голоцене, за которой, безусловно, скрывается большое региональное многообразие. К. Фланнери, например, отмечает, что пыльца злаков встречена во всех частях колонки озера Зарибар, в том числе и в плейстоцене [22]. Безусловно, в удаленных друг от друга, достаточно обособленных и очень разнообразных физико-географических районах Ближнего Востока развитие климата должно было иметь свои особенности, которые в конечном счете и помогут выделить возможные места древнейшей доместикации, их особенности и пути распространения древнейших злаков. Сейчас эти направления исследований едва намечены.

Переднеазиатский очаг возникновения земледелия охватывает огромный регион и очень разнообразен в физико-географическом отношении [23]. Вместе с тем Н. И. Вавилов отмечал, что видообразование проходило в относительно узких районах, и границы расспространения диких злаков почти ничего не дают для их выявления. По его мнению, они д лжны тя-

готеть к горным районам с засушливым тропическим и субтропическим климатом [24]. Археологические исследования последних лет полностью подтвердили этот вывод. Можно предположить, что в начале голоцена дикие злаки широко распространились в разреженных дубово-фисташковых лесах Антиливана, Тавра, Загроса и на прилегающих к ним подгорных равнинах. Именно здесь, в зоне так называемого «плодородного полумесяца», в межгорных долинах и на подгорной равнине концентрируются древнейшие земледельческие поселения. Верхняя Месопотамия занимает среди них центральное место. Большинство памятников докерамического неолита тяготеет к подгорной зоне. Мурейбит, Абу Хурейра, Букра, Млефаат и некоторые другие расположены на равнине. Здесь произрастали дикие злаки, а человек мог использовать ресурсы различных физико-географических зон в зависимости от времени года и получать максимум продуктов с минимальной территории. Сезонные миграции и многоукладность, специализация хозяйства в таких районах наиболее полно исследованы сейчас в Мезоамерике [25].

Колебания климата в раннем голоцене пока плохо исследованы, хотя также могли оказывать заметное воздействие на развитие древнего земледелия. Ж. Ковен считает, что запустение Иерихона в конце докерамического неолита А связано с иссушением климата. В это же время люди из Мурейбита (слой III) могли откочевать на север, на склоны Тавра. Возобновление жизни в Иерихоне в докерамическом неолите В Ж. Ковен также связывает с переселением с севера, из Мурейбита [26].

Некоторые исследователи определяют начало неолитической революции по появлению домашних злаков. Однако приходится иметь в виду, что они могли появиться только в результате определенных изменений в хозяйстве, закрепили первые шаги производящей экономики и в этом смысле были вторичными.

Доместикация началась с простого сбора диких злаков. Не требуя сложного оборудования, собирательство уже в глубокой древности могло дать значительное количество пищи достаточно высокого качества, которая хорошо хранилась и могла дополнять, а затем и заменить продукты охоты. Эксперименты показали, что семья за три недели могла собрать дикого зерна в количестве, достаточном для пропитания в течение года [27].

Домашние злаки и животные могли появиться только в районе распространения предковых форм. С биологической точки зрения для доместикации растений наиболее благоприятны были районы повышенного многообразия диких форм, ибо каждое формировалось стихийно на основе гибридизации нескольких родственных видов [28]. Наибольшее многообразие видов можно встретить на границе физико-географических зон. Н. И. Вавилов считал наиболее вероятными районами доместикации растений засушливые предгорья [29]. Кроме того, в нестабильных и разнообразных условиях растения более склонны к мутациям. В Северной Месопотамии это зона на границе степей и обрамляющих их гор Тавра и Загроса. Р. Брейдвуд назвал ее зоной «плодородного полумесяца», где сомкнулись воедино биологические и исторические предпосылки неолитической революции. Археологические находки подтверждают эту точку зрения.

Характеристике биологических изменений растений и животных в процессе доместикации посвящен ряд специальных работ [30]. Принципиально важно, что эти изменения не выходят за рамки внутривидовой изменчивости и в определенных условиях могли произойти достаточно быстро. Основное отличие домашних злаков от диких заключается в том, что они

легче обмолачиваются. Дикие формы имеют хрупкий колосовой стержень, который легко ломается и затрудняет сбор урожая[31]. По экспериментальным данным Ж. Харлана, дикий айнкорн удается собрать на 46%, в то время как домашний — на 73%. Эгилопс обмолачивается только на 10%, т. е. практически непригоден для сбора. Уже собиратели диких злаков автоматически отбирали зерна растений преимущественно с жестким стержнем. Урожайность могла расти позже, в процессе совершенствования возделывания почвы, агрономических приемов земледелия. Образование же жесткого стержня колоса требовало очень незначительных изменений в биологии растений, которые могли быть закреплены в 1—2 генах. По мнению Ж. Харлана, эти признаки могли накопиться на протяжении уже одной-двух генераций[32], а при самоопылении растений новые признаки быстро стабилизировались. Хорошо известно, какой эффект дает целенаправленная селекция на современных биостанциях. В древности, в условиях стихийного отбора, она проходила не прямолинейно, медленнее. По некоторым оценкам, доместикация злаков могла растягиваться на 150—300 лет[33]. Так или иначе, с биологической точки зрения переход к земледелию не представлял трудности и охватывал исторически короткий срок.

Становление производящих форм хозяйства происходило под влиянием различных факторов: природных, биологических, экономических, социальных. Их значение и характер воздействия очень различны. Физико-географические и биологические предпосылки образуют необходимые условия для возникновения земледелия и скотоводства, которые могли оказывать влияние на скорость и направление развития хозяйства. Однако решающими факторами в неолитической революции были социально-экономические.

Земледелие и скотоводство предопределили направление исторического развития. Однако и общества с присваивающей экономикой в благоприятных условиях могли достичь высокого уровня социального развития. На грани возникновения классового общества стояли индейцы Северной Америки. Условием для этого послужили богатые, до конца не исчерпанные охотничье-рыболовческие ресурсы[34]. Аналогичные процессы прослеживаются на археологических материалах Перу, где основой хозяйства служил морской промысел[35].

Древнейшими домашними злаками были пшеница-двузернянка (эммер, Triticum dicoccum Schrank,), пленчатый двурядный ячмень (Hordeum distichum L.), пшеница-однозернянка (айнкорн, Triticum monococcum L.). Эммер и ячмень известны в Нахал Орен, Айн Маллаха, Иерихоне А, Мурейбите IIIа и других памятниках VIII—VII тысячелетий до н. э. По мнению Дж. Харлана[36], первым был одомашнен ячмень, а среди пшениц — эммер[37]. Г. Хельбек считает, что первым был культивирован эммер, а ячмень сопровождал его на полях как сорное растение и был доместифицирован позже[38]. Это мнение разделяет и Г. Н. Лисицына. Некоторые считают, что делались смешанные посевы ячменя и пшеницы, во всяком случае, они до сих пор известны в том же регионе по этнографическим данным. Однако основным злаком древнейших земледельцев, по-видимому, был ячмень[39].

В палеоботанических коллекциях с первых земледельческих поселений ячмень почти всегда преобладает над пшеницей. Ячмень — однолетнее растение, характерное для травянистых покровов холмов и предгорий, где встречается на высотах 1500—2000 м над уровнем моря[40]. Важно отметить, что он очень засухоустойчив и неприхотлив к засоленным почвам[41].

Предком домашнего ячменя является дикий двурядный вид (Hordeum spontaneum C. Koch). Благодаря морфологическому разнообразию и большой приспособляемости к различным экологическим условиям дикий ячмень очень широко распространен в Северной Африке, Марокко, Абиссинии, Малой Азии, Иране, Закавказье, Средней Азии [42]. Г. Н. Лисицына отмечает, что «...доместикация ячменей во всех центрах идет на базе аборигенной флоры и экологические рамки возделывания этого вида достаточно широки» [43].

Древнейшие домашние пшеницы гораздо многообразнее. По количеству хромосом среди них выделяются диплоидные, тетраплоидные и гексаплоидные, а в пределах этих групп — пленчатые и голозерные формы. Чаще встречаются тетра- и гексаплоидные пшеницы. Эммер — тетраплоидная пшеница. В дикой форме он встречается сейчас в юго-восточной Турции, западном Иране, Советской Армении, однако по ряду цитогенетических признаков эта раса отличается от древнего домашнего вида, который принято сейчас выводить из южной расы, отличающейся крупнозернистостью. Она прослежена в Палестине, откуда, уже одомашненным, он распространился в другие районы Ближнего Востока [44]. Диплоидная группа, к которой относится айнкорн, считается более архаичной [45]. Дикая однозернянка сегодня достаточно широко распространена. Сейчас утвердилось мнение, что айнкорн был одомашнен в Тавре и на прилегающей к нему равнине несколько позже эммера [46]. Одомашнение этих злаков происходило независимо. Вместе с пшеницей и ячменем человек собирал, а затем и выращивал бобовые (вику, горох, чечевицу), овес, лен.

В VII—VI тысячелетиях до н. э. распространяются голозерные, мягкие, карликовая пшеница, шестирядный голозерный ячмень. Их происхождение во многом остается спорным. По мнению Г. Н. Лисицыной. мягкая пшеница возникла в процессе естественной гибридизации диких айнкорна и эммера с эгилопсами, причем Месопотамия не входит в центр их образования [47]. Это могло произойти в Северном Иране и Закавказье. Карликовая пшеница широко распространена в Прикаспии и на Кавказе. По мнению В. Е. Писарева, спельта появилась в результате естественной гибридизации эммера. Другие считают, что это гибрид Triticum aestivum и Triticum compactum. Распространившись на Ближнем Востоке около VI тысячелетия до н. э., голозерные пшеницы не заменили эммер вплоть до римских времен. Остается не совсем ясным соотношение двурядных и шестирядных ячменей. По мнению Ф. Х. Бахтеева, шестирядный ячмень. куда входит и его особая бутылковидная форма, составляет крайнюю форму Hordeum spontaneum и может быть назван Hordeym spontaneum var. languciliforme Bacht. В Ярымтепе I, II, III. З. В. Янушевич определила спельту, которая не имеет аналогий в этом регионе. По мнению Г. Хельбека, возникновение мягкой пшеницы, льна и шестирядного ячменя связано с распространением орошения [48]. Д. Харлан не без основания возражает, что древнейшее примитивное орошение не могло оказать большого влияния на видообразование.

При оценке процессов доместикации животных особенно важно найти четкие признаки одомашнения, в особенности на самых первых ступенях. Костные остатки пока единственный наш источник. Обычно исследователи оперируют несколькими описательными признаками, среди которых форма рогов, небольшие размеры животного, количество молодых особей в стаде и некоторые другие [49]. Пока критерии анализа этих признаков нечетки. Так, Вера Громова убедительно показала большую вариабельность скеле-

та, в частности рогов, диких и домашних коз и овец. Лишь недавно предприняты попытки разработки новых методик, основанных на объективном структурном анализе костного материала, например, оценки структуры костей диких и домашних животных [50]. Следует учитывать также, что изменения скелета, которые являются опосредствованным результатом доместикации, произошли не сразу, отражают определенный путь развития. В связи с этим важен вопрос, как быстро они могли произойти и могут ли быть привлечены для этих оценок данные современной направленной селекции. Так или иначе, первый этап доместикации по фаунистическим данным сейчас неуловим.

Первыми домашними животными, помимо собаки, были овца и коза. Их вероятный предок — безоаровый козел. Одни специалисты говорят о признаках доместикации мелкого рогатого скота уже в памятниках VIII—VII тысячелетий до н. э., среди них Али Кош, Асиаб, Джармо, Магзалия и др. Другие считают, что ясные признаки одомашнения козы и овцы прослеживаются на материалах из памятников VI тысячелетия до н. э. [51] Некоторые говорят об одномашнивании быка уже в VII тысячелетии до н. э. В частности, в Магзалии встречаются преимущественно мелкие особи. Другие считают, что первые надежные данные о крупном рогатом скоте на Ближнем Востоке появляются в памятниках IV тысячелетия до н. э.[52]

СЛОЖЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКИ

Говоря о сложении благоприятных условий и основных движущих факторах неолитической революции, особо следует выделить конкретные причины, которые могли послужить толчком к ее началу. К. Сойер и Л. Уайт считали, что поиски новых, более эффективных форм хозяйства были вызваны возникшим в начале голоцена несоответствием природных ресурсов и потребностями в пище. Изменение природных условий вызвало смену охотничьей фауны, в результате население уже не могло прокормиться за счет охоты и стало искать новые возможности для более полного использования природных ресурсов [53]. Л. Р. Бинфорд [54] также отмечал, что в начале голоцена было нарушено сложившееся равновесие между человеком и средой, а миграции, вызванные избыточным населением, привели в определенных районах к демографическому давлению. Таким образом, в начале голоцена изменился состав охотничьих животных, сократилось количество крупных стадных животных, дававших пищу позднепалеолитическому человеку [55]. Условия же произрастания злаковых, напротив, улучшились, и количество их возросло. В этих условиях восполнение недостатков пищи за счет собирательства было вполне естественным. Г. Леви отмечал, что экологическая стабильность могла нарушиться и самим человеком, использовавшим огонь при загонной охоте [56]. Наконец, интенсивная охота прямо вела к сокращению охотничьих стад.

Ж. Ковен видит причины перехода к земледелию не столько в ограниченных возможностях присваивающего хозяйства, сколько в демографическом давлении, возникавшем в определенных районах [57]. Само по себе присваивающее хозяйство было достаточно продуктивным. Большую продуктивность собирательства экспериментально показал Д. Харлан [58]. Д. Харлан и Д. Зохари выдвинули теорию возникновения земледелия на периферии зон естественного распространения диких злаков, где в первую очередь ощущался их недостаток [59]. Ее развил К. Фленнери [60].

Г. Н. Лисицына отметила, что на периферии ареалов своего распространения дикие злаки более разнообразны генетически, а это облегчало их доместикацию [61].

Становление производящих форм хозяйства прямо связано с доместикацией, т. е. имеет важный биологический аспект. Однако определяющими в этом процессе были социально-экономические факторы. Неолитическая революция — категория историческая. Возникновение земледелия и скотоводства было обусловлено определенными способами ведения хозяйства. Анализ ботанических и фаунистических материалов показывает, что доместикация злаков и животных могла произойти достаточно быстро и не требовала глубоких биологических изменений. Появление домашних злаков и животных было не столько предпосылкой, сколько первым последствием изменений в способе хозяйства.

Земледелие и скотоводство могли возникнуть лишь на основе определенных экономических предпосылок, а сложение земледельческо-скотоводческого типа хозяйства завершает длительный путь развития. Отдельные признаки, вплоть до появления домашних злаков, могли возникнуть в глубокой древности. Однако каждый из них не мог оказать заметное влияние на облик хозяйства и не означал еще начало неолитической революции. Решающий переход от присваивающего к производящему хозяйству стал возможен, когда произошло сложение комплекса этих разнохарактерных признаков, что привело к качественным изменениям.

Земледелие возникло на основе специализированного собирательства. В определенных условиях собирательство могло быть очень эффективным и древнейшее земледелие почти не отличалось от него по урожайности и стабильности урожаев [62]. Доместикация злаков проходила стихийно в процессе собирательства и примитивное земледелие долгое время сосуществовало с ним. Уже собирательство могло стать основным источником пищи и оказать решающее воздействие на образ жизни и хозяйственный уклад первобытных коллективов.

Широкое использование пищевых ресурсов привело к сложению сезонного многоресурсного хозяйства. К. Фленнери назвал этот процесс революцией широкого спектра [63]. Жизнь была жестко регламентирована сезонными перекочевками в узком районе. Собирательство вело к возникновению регулярно посещаемых сезонных поселений, обычно возобновляемых на старом традиционном месте. Комплексное охотничье-собирательское хозяйство позволило гораздо полнее использовать природные ресурсы. Замкнутые предгорные долины в местах контакта различных физико-географических зон были наиболее удобны для ведения комплексного охотничье-собирательского хозяйства. Типичными охотниками и собирателями были натуфийцы. Открытые натуфийские поселения X — первой половины IX тысячелетия до н. э. с небольшими круглыми полуземлянками, напоминающими по форме легкие наземные жилища охотников, не очень мощным культурным слоем и нечеткими контурами могли быть еще сезонными поселениями собирателей, совершавших традиционные перекочевки в замкнутом экономическом районе [64].

Принципиальное значение имел переход к оседлому собирательству. А. Леруа-Гуран характеризует этот момент как доземледельческую революцию [65]. Материал для такого вывода дал Мурейбит. Однако и на поселениях, где найдены отдельные зерна домашних злаков, собирательство продолжало играть важную, если не ведущую роль. Оседлые поселения могли возникнуть только в тех местах, где собирательство давало надеж-

ный прибавочный продукт. Переход к оседлости, безусловно, стимулировал дальнейшее развитие собирательства, делал его более регулярным и хорошо организованным. В определенных условиях это прямо вело к земледелию. С нашей точки зрения, переход к оседлости стал решающим моментом на пути перехода к производящей экономике и может считаться отправным моментом неолитической революции. Только благоприятные экологические и биологические условия Ближнего Востока способствовали быстрому возникновению земледелия и скотоводства.

Археологически переход к оседлости хорошо определяется по появлению больших долговременных поселений, широко распространившихся на Ближнем Востоке в VIII—VII тысячелетиях до н. э. Орудия труда не дают прямых данных о зарождении земледелия. Серпы, зернотерки и другие орудия могли использоваться для сбора и обработки диких злаков. В то же время известно, что часто урожай собирался руками, а для обмолота использовались деревянные песты и ступы [66]. В районе работ экспедиции мы сами наблюдали, как в засушливые годы, когда нельзя было использовать комбайн, урожай собирали руками, причем очень быстро. Д. Харлан экспериментально показал, что работа серпом не намного эффективнее работы руками [67]. В окрестностях Чейеню дикой однозернянки руками собрано 2,05 кг, серпом — 2,45 кг в час. Такие же данные приводит Р. Брейдвуд [68]. В связи с этим интересно, что в Мурейбите дикая однозернянка найдена в большом количестве уже в VIII слое, а серпы и зернотерки появились только в слое IVe [69]. В Мурейбите найдены ямы, заполненные камнями. Как считает М. ван Лун, с помощью горячих камней в них могли сушить зерно [70]. Аналогичные ямы известны на Магзалии. Ямы-хранилища зафиксированы и на более древних памятниках — в Зави Чеми, Карим Шахир, Айн Маллаха [71].

На раннеземледельческих памятниках домашнее зерно всегда находится вместе с диким, причем дикие формы часто преобладают. В Мурейбите не найдено зерен домашних злаков. На этом основании Ван Цейст делает вывод, что земледелие на этом памятнике было не известно. Вместе с тем, уже в слое IIIa в ямах найдено вместе большое количество костей грызунов и травяной пыльцы [72]. Ж. Ковен считает, что материал Мурейбита позволяет говорить о протоземледелии. В то же время культированная однозернянка известна в VIII тысячелетии в телль Асваде [73], эммер — в Абу Хурейре, однозернянка и эммер — в Чейеню, причем однозернянка была, по-видимому, принесена в Чейеню из западной Анатолии [74]. Для Палестины в это время характерна двузернянка. Интересно, что дикий эммер, распространенный в Палестине, найден также в Джармо [75]. В Иерихоне рано появилась домашняя коза и овца. В Чейеню известны только дикие животные. Пример летнего горного стойбища охотников и скотоводов на высоте около 1300 м над уровнем моря дает тепе Сараб [76]. В Али Кош земледелие и скотоводство развиваются параллельно уже на фазе Бас Мардех [77]. В Джефер Гуюке, в Тавре есть культивированные злаки, но нет домашних животных [78]. Все эти отрывочные пока материалы показывают, как сложна и многообразна была действительная картина зарождения земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке. Региональные особенности этого процесса, своеобразные пути, типы или модели развития предстоит еще исследовать.

Конечно, картина хозяйственного своеобразия отдельных регионов будет тем точнее, чем ближе хронологически будут сопоставляемые памятники. Она должна быть наложена на физико-географическую карту регио-

на и сопоставлена с изменениями климата во времени. К сожалению, мы не располагаем пока достаточными материалами для окончательного решения этой сложной задачи. Критерии для выделения культурно-хозяйственных типов, характеристики палеоклимата, изменений биологии растений и животных в процессе доместикации определены пока недостаточно четко. Ясно, однако, что различия в хозяйстве отдельных памятников в это время оставались значительными, новые формы хозяйства находились в процессе становления, единый земледельческо-скотоводческий тип хозяйства еще не сложился.

Весь период становления земледелия и скотоводства хозяйство сохраняет многоукладность. Классический пример общества, основанного на специализированном собирательстве, дает Мезоамерика, где в засушливых горных долинах археологические памятники великолепно сохранили органические остатки, в том числе зерно. Работая в долине Оахака, Р. Мак Нейш убедительно показал, что в дождливый сезон люди объединялись в большие группы для сбора диких злаков, в сухое время года занимались охотой мелкими группами [79].

На рубеже VI тысячелетия до н. э. складывается земледельческо-скотоводческий тип хозяйства, который вытесняет собирательство и охоту на второй план и явно становится определяющим. Земледельцы осваивают плодородную подгорную равнину. Этим важным событием и заканчивается период первоначального становления производящего хозяйства и завершается неолитическая революция.

При картировании поселений хорошо видно, что докерамические памятники с многоукладным хозяйством свободно распространены во всем регионе в разных физико-географических зонах. Раннеземледельческие поселения VI тысячелетия до н. э. с керамикой явно тяготеют к долинам и большим водоемам [80]. Главную роль в земледельческо-скотоводческом хозяйстве играет земледелие, разведение мелкого рогатого скота на земледельческих поселениях имело явно подсобный характер. Выделение кочевого скотоводства происходит значительно позже [81].

Древнейшее земледелие, несомненно, было багарным, т. е. могло развиваться в районах с количеством осадков не менее 400 мм в год [82]. Поля могли устраиваться в понижениях, где весной скапливалась вода (лиманное земледелие). К такому понижению приурочено телль Сотто. Об использовании скопившихся в низинах паводковых вод говорит и Г. Хельбек на материалах Умм Дабагии [83]. Примитивное поливное земледелие с использованием естественных русел стока дождевых вод с холмистых предгорий было известно уже в VI тысячелетии до н. э. Полив сводился к элементарному отводу весенних вод с учетом естественных русел стока. Дж. Отс проследила около Шога Мами канал шириной 1—1,25 м и глубиной до 1 м с самаррской керамикой в придонных линзах суглинка. Скорее всего, для него было использовано естественное русло. На материалах телль эс-Саввана и Шога Мами Г. Хельбек приходит к выводу, что уже примитивное поливное земледелие привело к улучшению сортов домашних злаков [84]. Ему не без оснований возражает Д. Харлан [85]. Резкое повышение интенсивности связано лишь с поливным земледелием на равнине Нижней Месопотамии накануне возникновения древнейших городов.

Говоря о полицентризме возникновения производящего хозяйства, следует разграничить биологический и исторический аспекты явления. Н. И. Вавилов полицентризм видит в существовании независимых друг от друга центров возникновения домашних злаков: мезоамериканского,

африканского южнее Сахары, африкано-средиземноморско-европейского центра и центра в Юго-Восточной Азии [86]. В процессе работы он неоднократно уточнял границы первичных центров. Основываясь на этих взглядах, археологи выделяют субцентры в средиземноморско-ближневосточном центре Н. И. Вавилова [87]. В этом случае речь идет уже об исторических путях реализации биологических предпосылок деместикации. Сложные взаимоотношения между ними, их биологические и хозяйственные особенности складываются в условиях меняющихся во времени историко-культурных взаимодействий. Д. Харлан считает, что процесс доместикации мог начаться неодновременно у ряда не связанных между собой групп населения в широком регионе, от Палестины и юго-восточной Турции до западного Ирана и Закавказья [88]. Н. Я. Мерперт отмечает, что даже в пределах ближневосточного центра нельзя говорить ни о едином факторе, ни о едином территориальном ядре неолитической революции [89].

Г. Н. Лисицына делила переднеазиатский очаг на семь центров: южноанатолийский, восточносредиземноморский, восточноанатолийский, загросский, месопотамский, закавказский и прикаспийский [90]. В то же время она отмечала, что каждый из этих районов не был изолированным, не имел четких границ, а некоторые из них могут быть объединены и в более крупные области [91].

В. М. Массон считает, что раннеземледельческие культуры различных районов Ближнего Востока складывались независимо [92]. Полицентричен был и переход к производящей экономике [93]. Вместе с тем различные по культуре общества в ряде случаев обнаруживают практически полное тождество в способе хозяйства [94]. По мнению В. М. Массона «...можно говорить о двух больших культурных ареалах» на Ближнем Востоке VIII—VI тысячелетий до н. э. [95] Первый охватывает докерамические памятники Восточного Средиземноморья с наконечниками стрел (Иерихон), а древнейшая керамика в этом районе не имеет здесь растительных примесей в тесте. Второй ареал характеризуется долгим сохранением геометрических микролитов и расписной керамикой с растительными примесями. Территориально он охватывает обширный регион от Загроса на западе до Закаспия и подгорной равнины Копетдага [96]. Каждый из этих ареалов также неоднороден и уже сейчас объединяет несколько родственных культур. По мере новых исследований эта картина должна еще более усложниться [97].

В предшествующую мезолитическую эпоху на той же территории им соответствовали натуфийская и сменившая ее тахунийская культура Леванта, зарзийская мезолитическая культура Загроса и сменившие ее памятники Шанидара B, Зави Чеми Шанидар, Павлигаврa, Карим Шахир, а также прикаспийская мезолитическая культура [98].

Как видим, выделение субцентров в пределах переднеазиатского очага Н. И. Вавилова основано на материалах из археологических памятников. Уровень их исследования недостаточен для определения специфики, территориальных границ и взаимосвязей между отдельными районами [99]. Так, выделяя загросский и месопотамский центры, Г. Н. Лисицына считала возможным объединять их в загросско-месопотамскую область [100]. Приходится, однако, иметь в виду, что в южной низменной части Междуречья земледелие распространилось только накануне возникновения городов и было уже поливным. Докерамические раннеземледельческие памятники известны пока только в Северной Месопотамии и Загросе, раннекерамические поселения распространены в Джезире на севере Месо-

потамии и в подгорной зоне Загроса на юге, а культура западных и восточных склонов Загроса различна. В то же время между соседними разнокультурными районами прослеживаются постоянные контакты. Таким образом, сами принципы деления переднеазиатского древнеземледельческого очага пока недостаточно четки.

Производственные отношения в конечном счете определяют общественный строй, однако сложные связи между ними не были прямолинейными. В реальных исторических условиях они складывались различно. Некоторые племена с присваивающим хозяйством стояли на пороге классового общества. Напротив, общество древнейших земледельцев сложилось на основе первобытнообщинных отношений охотников и собирателей, которые, несколько трансформируясь, сохранились вплоть до возникновения классового общества. Труднее проследить, как складывались новые производственные и социальные отношения в недрах старого общества.

Образ жизни коллективов, ведущих специализированное собирательство, хорошо прослеживается не только по данным этнографии, но и на археологических материалах Мезоамерики, где памятники концентрируются в небольших замкнутых долинах и хорошо группируются в сезонные группы, а великолепно сохранившаяся органика позволяет в деталях восстановить особенности их хозяйства. Особенно полно это прослежено на материалах IX—VII тысячелетий до н. э. в Мексике, в горных долинах Тамаулипас, Техуакан и Оахака. В основе хозяйства первобытных коллективов было собирательство диких растений и охота. Человек совершал правильные сезонные перекочевки в небольшом районе. В сухое время года он вел подвижной охотничий образ жизни мелкими родовыми группами по нескольку десятков человек [101].

Нет сомнений, что общественные отношения и социальная структура охотников и собирателей, с одной стороны, и примитивных земледельцев и скотоводов — с другой, очень близки. Однако ясно видно, что образ жизни на сезонных поселениях натуфийцев и долговременных раннеземледельческих теллях существенно различался.

Оценки численности населения раннеземледельческих общин очень противоречивы. По расчетам Б. Адамса, на 1 га поселения могло жить около 100 человек [102]. Судя по материалам Магзалии, эти цифры явно занижены. На поселении за стенами на площади немногим более 1000 кв. м могло стоять 6—8 домов, а общая численность населения вряд ли была меньше 60—80 человек. Общая площадь Иерихона, Абу Хурейры, Мурейбита достигала 2—3 га. По оценкам Дж. Мелларта, на Чатал Гуюке, площадь которого 13 га, жило 5—6 тыс. человек, а в Иерихоне до 2—3 тыс. [103] Нам кажется, что такие суммарные оценки требуют большой осторожности, ибо в каждый период своего существования поселение обычно занимало лишь часть телля, а вскрытые площади обычно не позволяют определить реальные границы поселения и их изменения во времени. Р. Брейдвуд считает, что население Джармо, площадь поселения 1,3 га, составляло 150 человек [104]. По-видимому, численность древних поселений VIII—VII тысячелетий до н. э. была невелика и вряд ли превышала 150—200 человек. Население Магзалии было меньше. Существенно, что наряду с крупными существовали мелкие поселения, такие, как Сотто. Можно предположить, что они принадлежали родственным группам, выделившимися из общин, помогают понять ее структуру.

Распространение прямоугольной архитектуры было прежде всего стадиальным явлением. Круглые постройки характерны для натуфийских

памятников, встречаются в Иерихоне PPNA, Мурейбите IIIa, нижнем слое Чейеню Тепеси [105], т. е. до середины VIII тысячелетия до н. э. Простейшие по форме и исполнению круглые полуземлянки быстро строились и хорошо вписывались в свободную планировку небольших сезонных поселений. Появление прямоугольной архитектуры связано с увеличением поселений, их тесной застройкой и первой примитивной планировкой. В новых условиях прямоугольные постройки были удобнее. Однокомнатный прямоугольный дом нетрудно было превратить в большую постройку.

Жилые помещения выделены нами по очагу и зернохранилищам. Площадь однокомнатных домов Магзалии и Сотто составляет 10—15 кв. м. Многокомнатные дома Магзалии с такими же жилыми комнатами достигают 100 кв. м. Были ли все помещения вокруг комнаты с очагом хранилищами? Может быть, комната с очагом служила для приготовления пищи, а в соседних наряду с хранилищами были и спальные помещения? Нетрудно представить, что однокомнатный дом Магзалии и Сотто строился малой семьей. Для строительства больших многокомнатных домов требовались усилия большого коллектива, кроме того, он просто велик для малой семьи. Было бы упрощением считать, что многокомнатные дома за стенами на телль Магзалии отличаются от однокомнатных только пристроенными к ним хранилищами и за ними не стоят какие-то более сложные, скорее всего социальные, процессы. Хочется видеть в многокомнатном доме один из признаков укрупнения и укрепления первобытной общины, усложнение внутриобщинных отношений.

Заслуживает внимания, что дома на поселениях обычно разделяются проходами и строились раздельно. Исключение составляет Чатал Гуюк, где застройка напоминает пуэбло. Однако и здесь элементарную ячейку планировки составляет небольшое помещение с очагом. Очень важно проследить, как проходила жизнь в каждом доме, с какой целью и в какой последовательности (в сторону увеличения или сокращения площади) делались перестройки. Материалы Магзалии пока недостаточны для широких выводов. Бросается в глаза большая традиционность застройки, повторение планировки жилых домов. Прослеженные перестройки больших домов также не вели к принципиальному изменению их плана. В выкладке мощных каменных фундаментов, скорее всего, участвовала вся община. Только коллективными усилиями всей общины могла быть сложена обводная стена вокруг поселения, хотя бы эта работа и делалась не сразу.

Некоторые исследователи считают, что обводные стены на раннеземледельческих поселениях не были оборонительными, а строились «...для защиты от наводнений и предотвращения оползней» [106]. Многометровые телли, хотя бы и стоявшие на равнине, не заливались. Как было показано при описании стены на поселении Магзалия, они действительно выполняли подпорные функции, а площадь за стенами выравнивалась под постройки. Однако это было не единственное и не главное назначение стены. Для удержания оползней на склонах холма не нужны были такие мощные кладки. Каменные фундаменты стены обычно возвышались над склоном, а на них прослежены остатки глиняных стен. Конструктивно стена не связана с жилыми домами, которые она окружает, и представляет самостоятельное сооружение. Стоит вспомнить, что в телль эс-Савване стена была окружена еще и рвом. Употребляя термин «оборонительная стена», опасно впасть в модернизм, однако иного убедительного объяснения ей пока не найдено. Естественно, она не делала поселение крепостью, но какие-то оборонительные функции несомненно несла.

Общественные здания, скорее всего святилища, зафиксированы в Чатал Гуюке (слой VI, PPNB), Чейеню Тепеси (горизонт 3), телль эс-Савване. Это были святилища. Женские статуэтки, да и фигурки животных, свидетельствуют о распространении связанного с земледелием культа плодородия.

Небольшой однокомнатный дом был типичной формой застройки оседлых раннеземледельческих поселений. В Иерихоне (PPNB) их площадь не превышала 20—28 кв. м [107]. Им предшествовали круглые однокомнатные дома такой же площади (слои PPNA). Однокомнатные дома Магзалии и Сотто несколько меньше (10—15 кв. м.). Скорее всего, однокомнатный дом принадлежал малой парной семье. Семьи одного поселения были объединены в род и вели общее хозяйство. В больших родах могли выделяться группы семей. По Дж. Мелларту, в Чатал Гуюке одно святилище приходится на 2—6 домов. Некоторые дома объединены вокруг общего двора. В Хаджиларе группы домов окружались стеной [108]. В процессе освоения территории такие группы семей могли выделяться и основывать новые небольшие поселения, подобные Сотто. Таким образом, по археологическим материалам, парная семья составляла основную ячейку раннеземледельческой общины.

Процесс становления земледелия и скотоводства сопровождался укрупнением общины. Это не был чисто механический процесс. Одновременно усложнялась структура общины, по-видимому, менялись и отношения в семье, с которыми должно быть связано и появление больших многокомнатных домов. Сложившееся земледельческое хозяйство обычно связывается с большесемейной патриархальной общиной. По мнению В. М. Массона, она появляется уже в начале VI тысячелетия до н. э. в хассунской культуре [109]. Археологический источник не дает прямых материалов для определения счета родства. Вместе с тем традиционно принято считать, что женские фигурки, культ плодородия, указывают на большую роль женщины в коллективе. Так или иначе, сложение земледельческо-скотоводческого хозяйства сопровождается укрупнением раннеземледельческой общины, которое неизбежно вело к изменениям социальных отношений. Распространение новых форм хозяйства стимулировало регулярные далекие контакты между племенами. При этом культурные и социальные связи внутри самих общин безусловно усилились. Культура известных раннеземледельческих поселений в деталях нигде не повторяется. Более полное экономическое освоение узких районов неизбежно вело к консолидации отдельных племен и их многообразию в регионе.

Новый способ хозяйства требовал более высокой организации труда и увеличения производственных коллективов. Переход к земледелию и скотоводству приводит к сложению больших оседлых общин, которые и оставили нам поселения с многометровым культурным слоем. Жизнь на больших поселениях и задачи ведения земледельческих работ, безусловно, требовали усиления власти. Укреплялись родственные связи, упрочивался культ предков, о чем говорят многочисленные погребения в домах.

Таким образом, накапливаясь постепенно, новые черты привели к принципиальным изменениям в образе жизни и производственных отношениях. Осваивать земледелие начинали небольшие полукочевые группы охотников и собирателей. Сложение земледельческо-скотоводческого хозяйственного комплекса, которым закончился этот процесс, привело к образованию больших оседлых общин, и появление надежного прибавочного про-

дукта создало реальную возможность и прямые предпосылки для возникновения классового общества и государства.

История этнических групп, в которых проходила доместикация, взаимодействие между ними должны были оказать заметное воздействие на распространение новых способов хозяйства. Земледелие и скотоводство могло зародиться независимо в разных регионах. Однако возникнув, они неизбежно приводили к заимствованиям, обмену идеями и сырьем, в том числе зерном и животными, усилению культурных связей. В результате в основных районах неолитическая революция слилась в единый процесс и в целом завершилась на рубеже VI тысячелетия до н. э. Однако эти процессы интеграции не перекрывают историко-культурного своеобразия отдельных районов.

В позднем мезолите на Ближнем Востоке прослеживается несколько больших культурных ареалов: кебарийская и сменившая ее натуфийская культуры средиземноморского региона, скифтьен и фалитьен в горах Антиливана, культура Зарзи и Шанидара В в Загросе, своеобразный мезолит Прикаспия (пещерные поселения Гари Камарбанд, Дам Дам Чешме, Джебел и открытые стоянки Закаспия). В мезолите прослеживается спокойное развитие больших своеобразных культурных общностей. В начале неолита явно увеличивается разнообразие культуры, которое может быть связано с определенной этнической дифференциацией. В конечном счете этот процесс обусловлен изменениями образа жизни в условиях меняющегося хозяйственного уклада [110].

Сегодня есть определенные материалы об обмене культурными злаками и домашними животными. Дикий эммер и древнейший окультуренный эммер характерны для Палестины, откуда они могли распространяться на север, в Анатолию и далее на восток вплоть до Джармо, где также найдены зерна домашнего эммера [111]. Однозернянка была одомашнена в западной Анатолии и оттуда проникла в Чейеню и далее на юг, в бассейн Евфрата [112]. Харлан и Зохари считают, что в засушливых районах Верхней Месопотамии однозернянка не могла расти и приносилась сюда из южной Турции. Коза и овца, по-видимому, были одомашнены в подгорной зоне Загроса, где они известны в Джармо, и отсюда распространились в южные степные районы.

Период становления производящей экономики отмечен и далекими контактами по обмену сырьем, прежде всего обсидианом и медью [113]. Безусловно, не случайно, что они, слабо развитые в IX тысячелетии до н. э., становятся очень интенсивными в VIII и особенно VII тысячелетии до н. э. и опять затухают в VI тысячелетии до н. э. В Карим Шахир обсидиан почти не известен. В VII тысячелетии обсидиановые пути прослежены от месторождений Немрутдага и озера Ван на севере до Палестины на юге. Судя по цвету обсидиана, с Магзалии он доставлен сюда из Немрутдага по пути, на котором находится поселение Чейеню. В окрестностях Чейеню есть и месторождения меди, где в Эргани Маден известны древние разработки, однако медь Магзалии происходит из месторождения Талмесси в Иране [114]. На памятниках хассунской культуры обсидиан опять встречается редко.

Историко-культурные варианты VIII—VII тысячелетий до н. э. на Ближнем Востоке пока лишь намечаются. А. М. Т. Мур выделяет локальные группы памятников в Палестине, Западной Сирии и на Среднем Евфрате [115]. Ж. Ковен говорит о трех фациях докерамического неолита в Палестине, на Евфрате и в Тавре.

Ранний неолит (PPNA) сформировался в Палестине на основе натуфийской культуры и генетически с ней связан. Фация PPNB представлена поселениями Иерихон и Бейда и характеризуется овальными наконечниками библосского типа, своеобразными биполярными нуклеусами с подтеской по основанию, топорами транше. По мнению Ж. Ковена, в VII тысячелетии до н. э. в Леванте круглые дома некоторое время сосуществуют с прямоугольными, что может быть связано с постепенным переходом к оседлости.

Фация ранненеолитических памятников в бассейне Евфрата представлена Мурейбитом IV, докерамическими слоями Абу Хурейры и характеризуется прямоугольной архитектурой, овальными наконечниками библосского типа, биполярными нуклеусами с подтеской, полированными топорами из зеленого камня или базальта.

В VII тысячелетии до н. э. в Палестине наблюдается некоторое запустение, что нашло отражение в разрыве слоев PPNA и PPNB в Иерихоне. По мнению Ж. Ковена, культура PPNB была принесена с севера, чем и объясняются ее близкие аналогии с Мурейбитом IV. В VI тысячелетии до н. э. в Палестине вновь наблюдается сокращение памятников в связи с иссушением климата. Незнакомые с ирригацией земледельцы переселились в северные районы Ливана. Лишь в V тысячелетии до н. э. в плодородных долинах появилось много раннеземледельческих памятников с керамикой [116].

В первой половине VII тысячелетия до н. э. в бассейне Евфрата (Абу Хурейра) и прилегающих с севера районах Тавра (Джефер Гуюк, Чейеню, Гритиле) распространяются памятники с большим количеством обсидиана и высокой техникой раскалывания камня. К ним тяготеет и Магзалия. Особенно большое сходство проявляют памятники подгорной зоны. Здесь встречаются близкие формы мраморных браслетов, костяные иглы с одинаково выполненным ушком, тождественные обсидиановые жатвенные ножи с шипом, черешковые и листовидные наконечники стрел близких типов. В строительстве широко использовался камень, встречаются хозяйственные ямы, заполненные камнем, для сушки зерна. Нет оснований говорить о полном культурном тождестве этих поселений, однако ясно, что весь этот район в VII тысячелетии был охвачен широкими культурными контактами [117]. К этому явлению целиком подходит понятие «сфера взаимодействия», предложенное Н. Йоффе [118].

В небольшом комплексе Шимшары на левобережье Тигра также встречены жатвенные ножи, с шипом, однако в целом памятники Загроса имеют заметно меньше аналогий на западе. Прежде всего здесь совсем нет наконечников стрел.

Интересна поздняя группа докерамических памятников, выделенная Ж. Ковеном в Джезире на Среднем Евфрате и объединенная в пережиточный неолит (PPNC). К ним относятся поселения Кдейр (5700—5800 лет до н. э.) и эль-Кум (около 5600 лет до н. э.). Для их культуры типичны черешковые наконечники стрел, большое количество нуклеусов, крупных скребков, угловых и срединных резцов на пластинах, почти полное отсутствие обсидиана. Характер орудий труда и самих поселений позволяют считать его обитателей полубродячими охотниками и собирателями.

В начале VI тысячелетия до н. э. сложившиеся исторические связи осложняются начавшимся расселением древних земледельцев и освоением ими плодородной равнины. Как было показано, раннекерамические памятники ассирийских степей, в том числе подгорной равнины Синджара, сохраняют определенные культурные связи с западными районами.

Переход к земледелию и скотоводству на первых порах не вызвал заметного улучшения жизни человека. На многих примерах известно, что охота могла быть очень эффективной и регулярно давала много качественного продукта. Яркий и лучше известный тому пример — охотники на буйвола североамериканских прерий. Подсчеты показали, что пища ранних земледельцев была недостаточно калорийна и требовала пополнения за счет охоты [119]. Примитивное малоэффективное земледелие в подверженных засухе районах, как и охота, не всегда служило надежным источником пищи.

Санитарно-гигиенические условия на раннеземледельческих поселениях, где люди жили очень скученно, по-видимому, даже ухудшились. Об этом наглядно говорит большое количество погребений на поселениях, прежде всего детских. Не улавливается и воздействие перехода к земледелию на физический облик человека. Экологические различия и колебания пищи по временам года, по-видимому, нивелировали изменения, произошедшие в составе пищи [120].

Неолитическую революцию принято связывать с демографическим взрывом. Правильнее говорить о нем как одном из последствий перехода к земледелию и скотоводству. Он связан с концом этого процесса и произошел не сразу. Во время неолитической революции он едва наметился и оценивается неоднозначно. Количество исследованных памятников позволяет сегодня приблизительно определить плотность населения, а значит, и его численность. По оценкам Б. Адамса, плотность населения в позднем палеолите составляет не более 1 человека, у ранних земледельцев — 1—2 человека и с распространением ирригации увеличилась до 6 человек и более на 1 кв. м [121]. По подсчетам В. М. Массона, в VI тысячелетии до н. э. плотность населения в Южной Туркмении составила 14 человек, на Крите V тысячелетия — 180 человек, в Молдавии V тысячелетия — 50 человек на 100 кв. км [122]. Исходя из количества ранненеолитических памятников, К. Фленнери считает, что на Ближнем Востоке население росло постепенно вплоть до V тысячелетия до н. э. [123] Наконец, на материалах европейской части СССР В. П. Алексеев приходит к выводу, что переход к производящим формам хозяйства не вызвал увеличения продолжительности жизни и демографического взрыва [124]. Нужно учитывать, однако, что в древности численность могла расти прежде всего за счет увеличения рождаемости, а не сокращения смертности. Конечно, известные материалы слишком фрагментарны, а их оценка очень приблизительна. Несомненно, что древние земледельцы в первую очередь освоили самые плодородные и удобные места. Охотники использовали угодья более равномерно. И все же приведенные наблюдения дают общее представление о динамике процесса. С аналогичной картиной мы столкнулись в Синджаре. Подгорная лёссовая равнина занимает узкий район на границе гор и засушливых степей и создает исключительно благоприятные условия для развития земледелия по сравнению с соседними районами. Сама подгорная зона достаточно однородна, и обследованный нами район может быть принят за эталонный для всего региона. Здесь на площади 100—150 кв. км нами открыто поселение VII тысячелетия до н. э. телль Магзалия, около десятка небольших памятников типа Сотто, не более пяти поселений хассунского времени, десяток халафских и столько же убеидских памятников. Конечно, нужно иметь в виду, что поселения на равнине традиционно возобновлялись на одном месте вплоть до ассирийских крепостей. И сегодня большинство деревень стоит на древних теллях. Поэтому об истинном количестве древ-

нейших поселений судить очень трудно, в действительности их может быть едва ли не вдвое больше. Не случайно нами открыты только мелкие поселения типа Сотто, крупные, подобные Умм Дабагии, по-видимому, погребены под более поздними памятниками. Сама Умм Дабагия находится на периферии плодородной зоны. В Ярымтепе II халафское поселение перекрывало небольшое хассунское, а на Ярымтепе III убеидское поселение стояло на вершине халафского телля. Наконец, начиная с хассунского времени постепенно увеличиваются размеры поселений. Сказанное приводит к выводу, что первое быстрое увеличение населения в этом районе связано с освоением подгорной равнины земледельцами в начале VI тысячелетия до н. э. В VI—IV тысячелетиях оно могло увеличиваться в несколько раз. По-видимому, этот процесс проходил неравномерно. Резкое увеличение количества и размеров поселений произошло с приходом халафской культуры.

СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДА К ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКЕ

Содержание неолитической революции определяется переходом от присваивающей экономики к производящей, создавшей условия для стабильного получения прибавочного продукта. Конечно, он требовал исходного биологического материала и мог совершиться только в определенных физико-географических условиях. Однако для него требовались и социально-экономические предпосылки, а происходил он в конкретно-исторических условиях по социально-экономическим законам. Это был прежде всего исторический процесс. Накопление предпосылок может быть и происходило достаточно долго, сам переход на новые экономические рельсы произошел в исторически короткий отрезок времени. Неолитическая революция — это прежде всего социально-экономическое явление. Наличие домашних злаков и растений, биологическая сторона доместикации была необходимым условием, одним из важных параметров процесса, но не определяла явления в целом. Социально-экономические и исторические явления лежат и в основе его периодизации.

Большинство западных исследователей предпочитают сегодня не употреблять понятие «неолитическая революция», исследуют пути становления земледелия и скотоводства и видят в нем эволюционный процесс. По мере накопления фактов эти схемы обосновываются в деталях и становятся все более дробными. Преемственность в развитии, эволюционные связи между отдельными звеньями цепи получают все новые подтверждения. При этом за исследованиями чисто хозяйственных нововведений, физико-географических и биологических аспектов доместикации утрачивается общая картина развития, изменений в обществе, культуре, религии, конкретно-историческая канва, на которой проходили эти процессы. Отчасти это объясняется тем, что археологические материалы мало дают для их реконструкции.

Новые формы хозяйства немедленно повлекли изменения в образе жизни, что должно было найти отражение и в общественной организации. Особенно велики были социальные последствия распространения производящей экономики, которые в конечном счете и привели к возникновению государства и цивилизации. Неолитическая революция — сложный социально-экономический процесс, и его нельзя сводить к сложению про-

изводящей экономики, хотя именно она определила суть и направление всех других сторон этого процесса.

Широкое толкование неолитической революции позволяет включить в нее длительный период сложения предпосылок и время первых ее последствий, вплоть до сложения государства и цивилизации в древнейших городах Месопотамии. При этом ее начало все более удревняется в связи с новыми находками доместифицированных злаков. Накопление знаний об этом периоде также ведет к размыванию наших представлений о неолитической революции, в понимании Г. Чайлда, от позднего натуфа до развитой хассуны, а может быть, и более поздних культур.

Взгляд на периодизацию неолитической революции прямо зависит от принципиальной оценки ее содержания и общих взглядов на ход исторического процесса. Выдвинув само понятие неолитической революции, Г. Чайлд оттенил ее социально-экономическое содержание и исторические последствия. Ее начало связывалось с отступлением ледника и иссушением климата, а верхняя граница практически поднята до рубежа возникновения цивилизации [125].

Р. Брейдвуд предложил понятие «революция производства пищи». Как говорилось, процесс становления земледелия и скотоводства он делит на эру начальной культивации и эру ранних земледельческо-скотоводческих общин, которая, в свою очередь, подразделяется на раннюю фазу Джармо и развитую фазу [126]. Эра начальной культивации, переходная, характеризуется сочетанием присваивающего и производящего хозяйства и представлена материалами Карим Шахир, Зави Чеми Шанидар, Млефаат. Все эти памятники — открытые поселения с простейшими жилищами-полуземлянками. Они могли быть постоянными, но существовали не очень долго. На поселениях встречаются скопления раковин, кости овцы и козы, которые могли уже быть доместифицированы. Совсем нет остатков растительной пищи, однако много зернотерок и других орудий для обработки зерна.

Эра «начальных земледельческих общин» делится на две фазы: фазу Джармо и «развитую фазу». Содержание и границы последней четко не определяются. Джармо — постоянное долговременное поселение по крайней мере из 20 глинобитных домов. Известна домашняя коза, а может быть, и другие домашние животные, два вида пшеницы и ячмень, орудия для обработки растительной пищи и хранилища для зерна. В то же время совершенная техника обработки камня сближает Джармо с предшествующей фазой Карим Шахир.

Нижняя граница неолитической революции определяется Р. Брейдвудом по первому появлению новых форм хозяйства и совпадает с началом эры «начальной культивации». Верхняя граница проведена менее четко. Развитая фаза эры начального земледельческо-скотоводческого общества Р. Брейдвуда включает хассунскую и халафскую культуры, т. е. неолитическая революция прямо переходит в «городскую революцию» Г. Чайлда.

Недавно Р. Брейдвуд пересмотрел эту схему и еще более расширил нижние границы неолитической революции. Предложенная периодизация включает три этапа (субэры): 1. Субэра интенсивной охоты и собирательства, время зарождения земледелия и скотоводства (15 000—10 000 лет до н. э.). Раньше Р. Брейдвуд начинал этот период с натуфийских памятников и Карим Шахир. Сейчас он включает в него позднемезолитические памятники кебарийской и зарзийской культуры, а заключительный этап субэры выделяет в фазу зарождающегося земледелия и скотоводства

(10 000—7500 лет до н. э.). Начало неолитической революции Р. Брейдвуд, вслед за Г. Райтом, связывает с распространением диких злаков на Ближнем Востоке в начале голоцена около 11 000 лет назад. 2. Субэра первоначального эффективного земледелия (7500—6000 лет до н. э.). 3. Расцвет земледельческих общин и городов на переходе к цивилизации [127].

В. М. Массон отмечал, что едва ли не самым важным вопросом для исследователя неолитической революции «...является определение начального и конечного этапов... и соответственно ее протяженность во времени» [128]. Однако именно эти вопросы трактуются не всегда последовательно. Эпоха производства пищи на Ближнем Востоке делится на три этапа: 1 — этап зарождения земледелия и скотоводства, 2 — время примитивных сельских общин, 3 — этап развитых сельских общин, появление плуга и тягловой силы [129]. «Начало неолитической революции, скорее всего, нужно относить ко времени первого появления культурных растений» [130], а время, когда проводились «начальные опыты по одомашниванию животных и культурных злаков... образуют первый, как бы подготовительный, этап неолитической революции» [131]. Первый этап неолитической революции «...мы отмечаем еще в пору мезолита» [132], а в долине Шемшемаль он включает нижний слой Зарзи [133]. Как видим, длительный период сложения предпосылок неолитической революции и ее начало четко не разделены. Конец неолитической революции следует определить временем, когда земледелие и скотоводство «...стали господствовать в экономической системе, доставляя не менее половины продуктов питания» [134]. В это время, когда распространение земледельческих культур стало «...значительно шире области, в которой были сосредоточены протоземледельческие поселки», начался процесс расселения земледельцев [135].

Г. Н. Лисицына процесс становления земледелия на Ближнем Востоке делит на два периода. Первый, период специализированного собирательства, начинается в мезолите. Второй, раннеземледельческий период,— время от древнейшего богарного до простейшего орошаемого земледелия [136]. Орошаемое земледелие описано в VI тысячелетии до н. э. в Шога Мами, на юге Иракского Курдистана [137]. Примитивное орошение могло быть известно и хассунцам.

Схема К. Фленнери отличается комплексным подходом к материалу и стремлением проследить механизм явления, смоделировать процесс и допускает существование на Ближнем Востоке нескольких независимых центров сложения производящей экономики. К. Фленнери вводит понятие «революция широкого спектра», которая характеризуется многоукладностью хозяйства и создала предпосылки для доместикации и возникновения земледелия и скотоводства как способа хозяйства [138]. По его представлениям, еще в позднем палеолите, около 20000 лет назад, на Ближнем Востоке происходит расширение ресурсной базы существования, когда наряду с охотой возрастает роль собирательства. По-прежнему 90% пищи дает охота, однако основным ее объектом вместо крупных становятся мелкие животные, в пищу широко используется рыба, крабы, водные черепахи, змеи, плоды и орехи, дикие злаки. Это видно на памятниках антелийской и кебарийской культур в прибрежной зоне, барадостской и зарзийской — в Загросе. Поселения этого времени могут быть разделены на базовые стоянки, например Ксар Акиль, и охотничьи лагеря, обычно выше по склонам гор.

Собирательство получает развитие в эпипалеолите, в натуфийских памятниках. Натуфийцы вели полуоседлый образ жизни, хозяйство было

основано на интенсивном собирательстве диких злаков и охоте. В зависимости от времени года использовались различные экологические ниши. В докерамических слоях Мурейбита также найдены только дикий ячмень и пшеница-однозернянка [139]. Собирательство было настолько эффективным, что создавало возможности для перехода к оседлости, а изобилие диких злаков снижало стимулы их доместикации [140]. Многоукладность хозяйства сохраняется приблизительно до 6000 лет до н. э. Земледелие распространилось достаточно быстро сразу в нескольких центрах — в Палестине, Хузистане, Анатолии и, возможно, в других районах на рубеже VIII тысячелетия до н. э. Переход к земледелию позволил получить более «стабильный продукт» и привел к быстрым изменениям в образе жизни [141]. Однако в некоторых условиях присваивающая экономика продолжала существовать еще длительное время.

На материалах западного Ирана К. Фленнери выделил три периода становления земледелия и скотоводства: 1. Полукочевая охота и собирательство (10 000—8000 лет до н. э.). 2. Богарное земледелие и разведение коз (8000—5500 лет до н. э.). 3. Эффективное ирригационное земледелие вплоть до возникновения первых городов [142]. Зарождение земледелия исследовано на поселении Али Кош, в Хузистане, на котором выявлены две последовательные фазы развития. Фаза Бас Мардех (7500—6750 лет до н. э.). Культивированное зерно составляет всего 3% от общего количества, однако оно значительно большего размера и по весу составляет около трети всего урожая. Мелкие стручковые составляют 94% зерен, а по весу более трети всего потребляемого зерна. Зерна диких трав — 1% количества зерен и около 15% их веса. Кости домашней козы и овцы составляют 67% от общего количества фаунистических остатков, однако по весу домашние виды давали всего одну треть мяса. Охотничья фауна составляет соответственно 25 и 60%. Таким образом, на первом этапе становления земледелия и скотоводства хозяйство оставалось многоукладным, а его основу по-прежнему составляли охота и собирательство. На фазе Али Кош (6750—6000 лет до н. э.) в коллекции из 45 000 карбонизированных зерен обнаружено 40 видов растений. Культурные виды составляют 40,1%, дикие злаки — 14,1 и бобовые — 18,5, фруктовые и орехоплодные — 20,5%. 10 000 определимых костей принадлежали 35 видам животных. Удельный вес домашних растений и животных увеличился, однако хозяйство остается многоукладным [143].

К. Фленнери дал наиболее развернутую и документально обоснованную картину сложения предпосылок и начала доместикации на основе специализированного собирательства. Он вообще не употребляет понятия «неолитическая революция», а возникновение производящей экономики рисует как эволюционный процесс. Естественно, что его социально-экономическая сторона разработана меньше. По К. Фленнери, качественные изменения должен был вызвать переход к богарному земледелию, однако он почти не прослеживает их. Закономерно замечание А. М. Т. Мура, который отметил, что большие поселения, некоторые из них были даже укреплены (Иерихон), явно не укладываются в схему К. Фленнери.

А. М. Т. Мур также видит корни земледелия и скотоводства в эпипалеолите, когда с изменением географических условий менялись отношения человека и среды, а отдельные предпосылки их появились еще в позднем палеолите [144]. Охотникам и собирателям были знакомы и планомерно использовались ими сотни растений и животных [145]. Вместе с тем происходит специализация охоты. Количество молодых особей, например боль-

шой процент молодых особей газели в Нахал Орен, позволяет предположить, что практиковалось сохранение животных [146].

А. М. Т. Мур считает, что переход к производящему хозяйству охватывает четыре этапа неолита [147]. По сравнению со схемой К. Фленнери начало земледелия удревняется приблизительно на 500 лет, причем признается разновременное его появление в разных районах. В Леванте неолит начался около 8500 лет до н. э., в Месопотамии — около 8000 лет до н. э. Многоукладность хозяйства, значительная роль охоты и собирательства сохранялась приблизительно до 6000 лет до н. э., когда земледелие окончательно побеждает, а может быть, распространяется и примитивная ирригация [148].

А. М. Т. Мур предлагает следующую периодизацию мезолитических раннеземледельческих памятников [149]: эпипалеолит 1 (18 000—10 000 лет до н. э.) характеризуется такими поселениями охотников, как Ксар Акиль, Вади Кебара, Нахал Орен и другие. Эпипалеолит 2 — 10 000—8500 лет до н. э., развитие специализированной охоты, полукочевые или постоянные поселения, такие, как Нахал Орен, Мугарет эль-Вад (натуфийские слои), Бейда, Абу Хурейра, Зави Чеми Шанидар. Четыре этапа неолита делятся на архаический (неолит 1, 2) и развитой (неолит 3, 4). Неолит 1 — 8500—7600 лет до н. э.— характеризуется появлением больших долговременных поселений, таких, как Иерихон, телль Асвад, Абу Хурейра, Мурейбит. Появляются домашние злаки. Скотоводство распространяется с некоторым запозданием и охота остается важным источником пищи. Характерно, что поселений становится меньше, чем в предшествующую эпипалеолитическую эпоху, и они крупнее. Неолит 2 — 7600—6000 лет до н. э. Экономика основана на культивации зерновых и стручковых и пастушестве. Одомашнены овца и коза. Часть пищи попрежнему давали дикие злаки и животные. С ростом населения увеличивается количество поселений. Распространяется прямоугольная архитектура. Сохраняется пластинчатая техника раскалывания кремня. Появляются гипсовые сосуды. Верхняя граница периода определяется распространением керамики [150]. Неолит 3 охватывает VI тысячелетие. Неолит 4 кончается около 3750 года до н. э. А. М. Т. Мур соглашается с К. Фленнери, что небольшие долговременные поселения, такие, как Мурейбит и Али Кош, могли возникнуть на основе высокоэффективного специализированного собирательства. Иерихон PPNA — пример одновременного им большого, долго обитаемого и плотно заселенного, даже укрепленного, поселения, которое никак не могло существовать только за счет собирательства и охоты. Другой пример — великолепный материал из нижнего слоя Абу Хурейры, датированный 8842 ± 82 года до н. э.[151] Учитывая многоукладность хозяйства и допуская неравномерность развития, легко можно представить, что не все известные сейчас небольшие поселения, к тому же находящиеся в несколько различных экологических условиях, полно отражают все происходившие в хозяйстве изменения. Сейчас исследовано слишком мало памятников. Именно крупные поселения важны для характеристики новых тенденций в экономике. К сожалению, данные о домашних злаках и животных в Иерихоне основаны на небольшом количестве определений и нуждаются в проверке. Убедительного объяснения мощной архитектуре Иерихона до сих пор не найдено. Возможны и новые неожиданные открытия.

Дж. Отс считает, что в Месопотамии и Загросе процесс становления земледелия и скотоводства произошел между 9000—5000 лет до н. э. и де-

лится на три фазы [152]. Первая (9000—7000 лет до н. э.) характеризуется сложением предпосылок и появлением первых домашних растений и животных. К ней отнесены поселения Карим Шахир, Зави Чеми Шанидар, Шанидар B_1. Гандж Дере Е, Мурейбит (слой X), Млефаат [153]. Вторая фаза (7000—6000 лет до н. э.) характеризуется широким распространением домашних пшеницы и ячменя и появлением постоянных поселений, таких, как Джармо, Тепе Гуран, Гандж Дере Д [154]. Третья фаза начинается около 6000 лет до н. э. освоением равнины земледельцами, включает хассунскую, самаррскую и убеидскую культуру и доводится до рубежа возникновения государства. Дж. Отс почти не касается материалов Палестины. Фактически ее датировки допускают некоторое запаздывание в Месопотамии начала доместикации.

Полевые работы в разных районах и привлечение смежных дисциплин к анализу материала принципиально расширили наши представления о становлении земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке, вывели исследования на новый уровень. Вместе с тем стало ясным, какой это сложный и многообразный процесс и как несовершенны наши оценки. Большинство исследователей очень широко определяют границы перехода к производящей экономике. Критерии их определения неодинаковы, однако нижняя граница постоянно удревняется. Расширение границ неолитической революции неизбежно ведет к ее пониманию как чисто эволюционного процесса.

Не отрицая значения произошедших изменений, большинство западных исследователей отказалось от понятия «неолитическая революция». Социально-экономическая и конкретно-историческая стороны перехода к производящей экономике разработаны пока совершенно недостаточно. Впрочем, это объясняется прежде всего пробелами в исследованиях, отсутствием разработанных методик анализа материала, сложностью этих вопросов. Расхождения в оценках понятны на современном уровне знаний. Споры по конкретным вопросам будут решены по мере накопления материала. Сейчас важнее определить подходы и принципиальные направления исследований.

Неолитическую революцию нельзя смешивать с ее предпосылками и последствиями. В процессе становления производящих форм хозяйства нужно четко разделять время сложения благоприятных природных и социально-экономических условий, момент перехода к производящей экономике, первые результаты распространения земледелия и скотоводства. Нужно понять содержание самого переходного периода, определить его границы и региональную специфику, наряду с экологическими и биологическими условиями и хозяйственными предпосылками исследовать социально-экономическое содержание и конкретно-исторические особенности. Такое конкретное толкование неолитической революции должно помочь исследовать ее как историческое явление.

Первые опыты по доместикации действительно могли начаться в начале голоцена, однако всегда будут трудно уловимы и обычно не вели к принципиальным изменениям в хозяйстве и образе жизни. Отдельные предпосылки производящего хозяйства появились очень рано, важно когда они сложились в определенную систему и привели к качественным изменениям в жизни. Даже сложение многоукладного хозяйства, основанного на собирательстве, далеко не всегда вело к возникновению производящего хозяйства, а его становление могло идти различными путями. Пример тому — длительность неолитической революции в Мезоамерике,

где она затянулась не на одну тысячу лет. В Перу возделывание кукурузы началось задолго до начала неолитической революции и земледелие органично сочеталось с охотой [155].

Революция широкого спектра К. Фленнери еще не означала перехода к производящим формам хозяйства. Она могла и не привести к возникновению производящей экономики. Все элементы комплексного собирательского хозяйства складываются еще в натуфийское время. Начало неолитической революции определяет момент, когда новый способ хозяйства доказал свою эффективность и стал определять дальнейший ход исторического развития. Это произошло тогда, когда эффективность хозяйства в определенных условиях позволила перейти к оседлости, а оседлость стимулировала возникновение земледелия и доместикацию злаков. Наиболее благоприятны для этого замкнутые подгорные долины, где можно было заниматься собирательством вокруг постоянных поселений, а для охоты, в зависимости от времени года, подниматься в горы или выходить на равнину. В этих условиях в определенный момент спокойное развитие сменяется быстрой перестройкой. Сложение производящего хозяйства как экономической системы происходит в исторически короткое время. Длительное количественное накопление отдельных признаков приводит к сложению их в новую систему хозяйства и быстрым качественным изменениям.

Комплексное многоукладное хозяйство было жестко сбалансировано. Начало перехода к земледелию определенно связано с нарушением этого равновесия. Это был момент, когда собирательство, а затем и земледелие становятся определяющей тенденцией в развитии экономики, а вес земледелия в хозяйстве быстро увеличивается. Важно возможно подробнее проследить, как произошел этот переход, каково было его содержание, территориальные и хронологические границы, региональные особенности. При всех прочих условиях доместикация обусловлена совершенно определенным способом хозяйства, в известном смысле вторична, а сами биологические изменения растений на первых порах были невелики. Социально-экономические предпосылки не менее важны, чем наличие диких злаков или физико-географические условия.

Общие предпосылки сложения производящего хозяйства в целом ясны. Труднее точно определить момент перехода к производящему хозяйству и возникновению земледелия. Недостаточны пока палеоботанические материалы, возможны неравномерность развития и региональные различия, связанные с физико-географическими особенностями.

Важный, хотя и не единственный, признак начала неолитической революции состоит в появлении больших долговременных поселений. Оседлость — необходимое условие земледелия. Большие долговременные поселения могли возникнуть только на основе хозяйства, дававшего устойчивый прибавочный продукт, скорее всего земледелия. Первые постоянные поселения могли принадлежать и собирателям, а в некоторых засушливых районах оседлое собирательство не привело к земледелию. По эффективности и орудиям труда примитивное земледелие практически неотличимо от собирательства, серпы и зернотерки могли использоваться для сбора и обработки диких злаков. И все же возможности собирательства, безусловно, были ограниченны, тогда как даже примитивное земледелие и скотоводство давали в целом более стабильные и эффективные стимулы роста, в том числе роста поселений. Собирательство по природе своей многоукладно и связано с полукочевым образом жизни. Оседлость

и большие поселения характеризуют качественно новую ступень в развитии хозяйства, в конечном счете связаны с возникновением земледелия. В определенных благоприятных условиях Ближнего Востока интенсивное собирательство, начало культивации злаков и появление постоянных поселений составили три взаимосвязанные стороны единого процесса, а переход к прочной оседлости прямо связан с возникновением земледелия.

Многоукладность — характерная особенность всего переходного периода, охватывающего время от возникновения древнейшего земледелия и скотоводства до победы земледельческо-скотоводческого типа хозяйства над охотой и собирательством. Собирательство, охота, земледелие и скотоводство в переходный период дополняют друг друга и служат важным источником пищи, постепенно меняется лишь их удельный вес в хозяйстве. Сейчас трудно расчленить этот динамичный процесс. Перспективно исследование его региональных особенностей в различных экологических зонах и историко-культурных районах, своеобразных путей становления производящего хозяйства, выявление хозяйственных типов и моделей развития. В Палестине земледелие, по-видимому, несколько опережало скотоводство. В горах могла сложиться обратная ситуация. В засушливых районах, как это видно в Мурейбите, долго сохранялось собирательство, а в подгорной зоне Чейеню была развита охота. Нижняя граница неолитической революции, в том числе данные из Иерихона PPNA, еще требует уточнения. Долговременные докерамические поселения с прямоугольной архитектурой явно относятся к переходному периоду, т. е. в Палестине он начался никак не позже 7500 лет до н. э. Допуская полицентризм возникновения земледелия и скотоводства, нельзя отрицать, что уже в VII тысячелетии до н. э. процесс становления производящей экономики охватил практически весь обширный регион Ближнего Востока и завершился в основных районах к VI тысячелетию до н. э.

Неолитическая революция кончается освоением плодородной равнины земледельческо-скотоводческими общинами. С этим моментом на Ближнем Востоке связано и распространение керамики. Ее появление обусловлено экономически, ибо земледелие требовало много простой в изготовлении водонепроницаемой посуды. Ф. Хол считает, что сложение земледельческо-скотоводческого типа хозяйства произошло еще на фазе Бас Мардех [156]. Однако роль земледелия и скотоводства в хозяйстве была еще очень невелика. Только победа земледельческо-скотоводческого типа хозяйства создала условия для его выхода из районов возникновения и освоения земледельцами плодородной равнины, где земледелие становится основой хозяйства. Некоторый культурный разрыв между докерамическими и раннекерамическими памятниками, как видно на примере Магзалии и Сотто, также в известной мере объясняется значительностью произошедших перемен в хозяйстве. Дж. Отс справедливо считает, что выход земледельцев на равнину, где земледелие обычно тесно связано с недостатком воды и необходимостью компенсировать его, означает начало подлинной культивации [157]. В хассунское время охота, а может быть, и сезонные охотничьи походы в предгорья сохраняют заметное место. Д. Керкбрайт называет Умм Дабагию охотничьим лагерем на онагра, хассунская керамика на подгорных памятниках Али Ага, Барадост, в пещере Шанидар была оставлена охотниками. И все же земледелие и скотоводство, безусловно, служат основным источником пищи и определяют образ жизни. Хассунская культура — культура сложившегося земледелия. Орошение было очень примитивным, требовало более высокой

организации и сложилось в экономическую систему в Нижней Месопотамии лишь накануне возникновения городов.

Было бы ошибкой пытаться окончательно решить сегодня весь комплекс вопросов, связанных с первоначальным возникновением производящей экономики на Ближнем Востоке. Вместе с тем расширение круга источников и новые методические подходы к их анализу помогают определить пробелы и направления будущих исследований. Нуждается в дополнительном обосновании нижняя граница неолитической революции, граница между длительным периодом сложения предпосылок и временем возникновения земледелия и скотоводства. Конец неолитической революции прослежен гораздо полнее и сейчас четко улавливается.

Исследования советской археологической экспедиции на телль Магзалии, телль Сотто и Кюльтепе хорошо иллюстрируют этот заключительный момент первоначального становления производящего хозяйства на Ближнем Востоке.

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Л. Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 28–33.

[2] *Childe G.* Man makes himself. L., 1951.

[3] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. 1960. Vol. 31. P. 176–182.

[4] *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.; Л., 1956. С. 165.

[5] *Oates D. and J.* The rise of civilization. Oxford, 1976. P. 84.

[6] *Mellaart J.* The neolithic of the Near East. L., 1975; *Oates D. and J.* The rise of civilization. P. 59.

[7] *Kenyon K.* Earliest Jericho // Antiquity. 1959. Vol. 129; *Idem.* Excavations at Jericho, 1957–1959 // PEQ. 1960. Jul.-dec. P. 88–102; *Idem.* Jericho // Archaeology. 1967. Vol. 20. P. 268–275.

[8] *Kirkbride D. V. W.* Beidha: Early neolithic village life south of the Dead Sea // Anthiquity. 1968. Vol. 42. P. 267–274.

[9] *Noy T., Legge A. G., Higgs E. S.* Recent excavations at Nahal Oren, Israel // PPS. 1973. Vol. 39: *Higgs E. S.* Papers in economic prehistory. Cambridge, 1972.

[10] *Mellaart J.* Catal Hüyük. L., 1967.

[11] *Cauvin J.* Les fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sedentarisation au Proche-Orient // Annu. Rep. Amer. School Orient. res. 1977. N 27; *Idem.* La Mtission Archaéologique Permanente à El Kowm (Syrie) // Cahiers de l'Euphrate. P., 1982. Vol. 3. P. 7–9: *Idem.* Cinq annëes de Reoherches (1978–1983) dans l'Oasis d'el Kowm (Syrie) // AAAS. 1983. Vol. 33, N 1; *Cauvin J., Aurenche O.* Le neolithique de Çafer Höyük (Malatya, Turquie) Fouilles 1979–1980 // Cahiers de l'Euphrate. Vol. 3; *Cauvin J., Cauvin M. C.* Sondage à Tell Assoid, Djezireh, Syriel // AAAS. 1972. Vol. 22; *Cauvin J.* La Campagne 1985 à Çafer Hüyük. Rapport Scientifique (Novembre 1985) // Institute de Prehistoire Orientale et Maison de l'Orient. Lyon; *Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roodenberg J. J., Waterbolk H. T.* The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras // AAAS. 1978. Vol. 28; *Roodenberg J. J.* Le Mobilier en Pierre de Bouqras: Utilisation de la pierre dans un site néolithique sur le Moyen Euphrate (Syrie). Istanbul, 1986.

[12] *Hole F.* Studies in the archaeological history of the Deh Luran Plain: The excavation of Choga Sefid // Mem. Mus. Anthropol. Univ. Mich. 1977. N 9; *Hole F., Flannery K.* Excavations at Ali Kosh, Iran, 1961 // Iranica Antiqua. 1962. Vol. 2, N 2.

[13] *Braidwood L. S., Braidwood R. J.* Prehistoric village archaeology in South-Eastern Turkey: The eight millenium B. C. Site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains // BAR. Intern. Ser. Oxford, 1982. Vol. 138; *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии // Наука и человечество. М., 1984.

[14] *Voigt M. M.* Village on the Euphrates: Excavations at Neolithic Gritille in Turkey // Expeditions. Vol. 27, N 1; *Roudenberg J. J., Wilkinson T. J., Bayri-Baokan S.* Surveys and soundings at Kumartepe: an interum report // Anatolica. 1984. N 11.

[15] *Gebel H. G.* Tübinger Atlas des Vorderen Orients (TAVO): Akeramisches Neolitikum. Wiesbaden, 1982; *Idem.*

Des Akeramische Neolitikum Vorderasiens: Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden, 1984.

[16] *Vertesalji P. P.* Tubinger Atlas des Vorderer Orients (TAVO). Mesopotamien. Chalcoliticum. Wiesbaden, 1982.

[17] *Wright H. E. (Jr.).* The environmental setting for plant domestication in the Near East // Science. 1976. Vol. 194, N 4263. P. 385–389.

[18] Ibid. P. 385–389; *Zeist W. van.* Late Quarternary vegetation history of Western Iran // Rev. Paleobot. and Palinol. 1967. Vol. 2. P. 301–311.

[19] *Zeist W. van. Bottema S.* Vegetational history of the Eastern Mediterranean and the Near East during the last 20 000 years / Palaeoclimates, palaeoenvironments and human communities in the Eastern Mediterranean region in later prehistory. L., 1982. (BAR. Intern. Ser.; Vol. 133).

[20] *Braidwood L. S., Braidwood R. J.* Prelude to the appearence of village-farming communities in Southeastern Asia // Ancient Anatolia: Aspects of change and cultural development. Madison, 1986. P. 3–11.

[21] Ibid. P. 4.

[22] *Flannery K. V.* The ecology of early food production in Mesopotamia // Science. 1965. Vol. 147, N 3663. P. 1247–1256.

[23] *Вавилов Н. И.* Ботанико-географические основы селекции // Избр. тр. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 42–46.

[24] *Вавилов Н. И.* Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Избр. тр. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 148–151; *Он же.* Центры происхождения культурных растений // Там же. С. 88–202.

[25] *MacNeich R. S.* The origin of American agriculture // Antiquity. 1965. Vol. 39. P. 154; *Flannery K. V.* Archaeological systems theory and early Mesoamerica / Prehistoric agriculture. N. Y.. 1971; The early Mesoamerican village/Ed. K. V. Flannery. N. Y., 1976; *Башилов В. А.* «Неолитическая революция» в древнем Перу // КСИА. М., 1984. Вып. 180. С. 91–95; *Гуляев В. И.* Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // Там же. С. 85–90.

[26] *Cauvin J.* Les fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sedentarisation au Proche-Orient // AASOR. 1977. Vol. 44. P. 41; *Idem.* Civilisation protonéolithique en Asie Antérieure // La Prehistoire de l'Europe: La Néolithique et le Chalcolithique. P., 1985. P. 165, 166.

[27] *Harlan J. R.* A wild wheat hurvest in Turkey // Archaeology. 1967. Vol. 20, N 3. P. 197–201.

[28] *Комаров В. Л.* Происхождение культурных растений. М.; Л., 1938; *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984. С. 398, 399.

[29] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений.

[30] *Вавилов Н. И.* Ботанико-географические основы селекции. С. 42–46; *Он же.* К познанию мягких пшениц // Избр. тр. Т. 2; *Бахтеев Ф. Х.* Современные проблемы происхождения и филогении ячменя: Успехи современной генетики. М., 1976. Т. 7; *Harlan J. R., Wet J. M. J. de, Price E. G.* Comparative evolution of cereals // Evolution. 1972. Vol. 27. P. 311–325; *Harlan J. R., Wet J. M. J. de.* On the quality of evidence for origin and dispersal of cultivated plants // Curr. Anthropol. 1973. Vol. 14. N 1/2. P. 51–64; *Harlan J. R.* The origins of cereal agriculture in the Old World // Origins of agriculture. The Hague, 1977; *Helbaek H.* Commentary on the philogenesis of Triticum and Hordeum // Econ. Bot. 1966. Vol. 20; *Bökönyi Sh.* Archaeological problems and methods of recognizing animal domestication // The domestication and exploitation of plants and animals. Chicago, 1969; *Reed Ch. A.* Osteo-archaeology // Science in archaeology. N. Y., 1963; *Idem.* The pattern of animal domestication in the prehistoric Near East // The domestication and exploitation of plants and animals. P. 361–380.

[31] *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheat and barley // Science. 1966. Vol. 153, N 3740. P. 1074–1079.

[32] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 197–201; *Zohary D.* The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agricultural dispersal in the Old World // The domestication and exploitation of plants and animals. P. 47–66.

[33] *Титов В. С.* Некоторые проблемы возникновения и распространения производящих форм хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Европы // КСИА. Вып. 180. С. 71–79.

[34] Индейцы Америки // ТИЭ. Н. С. М., 1955. Т. 25; *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Там же. М., 1961. Т. 70.

[35] *Башилов В. А.* Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу // Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 104–109.

[36] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.*

Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977. С. 53–57, 97–104.

[37] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. С. 96–120; *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 201.

[38] *Helbaek H.* How farming began in the Old World // Archaeology. 1959 Vol. 12, N 3.

[39] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 53; *Бахтеев Ф. Х.* Ячмень. М.; Л., 1955; *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. С. 116.

[40] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. С. 96–120.

[41] *Бахтеев Ф. Х.* Ячмень.

[42] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. М. 96–120.

[43] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 57.

[44] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 201.

[45] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 75.

[46] *Cauvin J.* Le Moyen-Euphrate au VIIIe millenaire d'après Mureybet et Sheikh Hassan // Le Moyen Euphrate. Zone de confacts et d'éschanges: Actes du Colloque. Strassburg, 1977. P. 29; *Idem.* Civilisations protonéolithiques en Asie antérieure // Lichardus J., Lichardus-Itten M., Bailloud G., Cauvin J. La Neolithique et le Chalcolithique. P., 1985.

[47] *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии // КСИА. Вып. 180. С. 66–67.

[48] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 201; *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства... с. 66, 67; *Helbaek H.* Ecological effect of irrigation in ancient Mesopotamia // Iraq. 1960. Vol. 22.

[49] *Reed Ch. A.* The pattern of animal domestication in the prehistoric Near East // The domestication and exploitation of plants and animals. P. 361–380.

[50] *Drew J., Perkins D., Daly P.* Prehistoric domestication of animal: effectson bone structure // Science. 1971. Vol. 171.

[51] *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984. С. 434–438.

[52] Там же. С. 457.

[53] *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and Near East // The domestication and exploitation of plants and animals. 1969. P. 77.

[54] *Binford L. R.* Post-Pleistocene adaptations // New perspectives in archaeology. Chicago, 1968. P. 313–341.

[55] *Шнирельман В. А.* Натуфийская культура // СА. 1973. № 1. С. 32; *Он же.* Происхождение скотоводства. М., 1980.

[56] *Lewis H.* The role of fire in the domestication of plant and animals in Southwest Asia: A hipothesis // Man. 1972. Vol. 7, N 2. P. 195–219.

[57] *Cauvin J.* Le premiers village de Serie // Palestine du IX[e] au VII[e] millenaire avant J. C. Lion, 1978. P. 73.

[58] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 197–201.

[59] *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheat and barley. P. 1074–1079.

[60] *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and Near East. P. 80.

[61] *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства... С. 69.

[62] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 197.

[63] *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and Near East. P. 77.

[64] *Vita-Finzi C., Higgs E. S.* Prehistoric economy in the Mount Carmel Area of Palestine. Site Catchment analysis // PPS. 1970. Vol. 36. P. 1–35; *Noy T., Legg A. J., Higgs E. S.* Recent excavations at Nahal Oren, Israel // PPS. 1973. Vol. 39. P. 75–97; *Higgs A. S., Vita-Finzi C.* Prehistoric economies: a territorial approach // Papers in economic prehistory. L., 1972. P. 27–36.

[65] *Henry D. O., Leroi-Gourhan A., Davis S.* The excavations of Hayonim terrace: An examinations of Teminal Pleistocene climatic adaptive changes // JAS. 1981. Vol. 8, N 1. P. 33–58.

[66] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 199.

[67] Ibid. P. 198.

[68] *Braidwood R. J.* Prehistotic man. Illinois, 1976. P. 110.

[69] *Zeist W. van.* The Oriental Institute excavations at Mureybit, Syria: Preliminary report on the 1965 campagn. Pt III. The paleobotany // INES. 1970. Vol. 29. P. 167–176; *Loon M. van.* The Oriental Institute excavations at Mureybit. Syria: Preliminary report on the 1965 Campaign // INES. 1968. Vol. 27. P. 265–290.

[70] *Loon M. van.* First results of the 1965 excavations at Tell Mureybit near Meskene // AAAS. 1966. Vol. 16. P. 211–217.

[71] *Solecki R. L.* An early village site at Zawi Chemi Chanidar // Bibl. Mesopotamica. 1980. Vol. P. 53; *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. 1960. Vol. 31; *Perrot J.* Le gisement natoufien de Mal-

laha (Eynan) // Anthopologie. Vol. 70, N 5/6.

[72] *Cauvin J.* Le Moyen-Euphrate au VIIIe millénaire d'après Mureybet et Cheikh Hassan. P. 29; *Idem.* Les fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sedentarisation au Proche-Orient. P. 19–48.

[73] *Zeist W. van, Bakker-Heers J. A. H.* Some economic and ecological aspects of the plant husbandry of Tell Aswad // Paleorient. 1979. Vol. 7. P. 161–169.

[74] *Zeist W. van.* Palaeabotanical results of 1970 season at Çayönü, Turkey // Helinium. 1972. Vol. 12, N 1. P. 9, 10.

[75] *Oates D. and J.* The rise of civilization. P. 143.

[76] *Flannery K. V.* The ecology of early food production in Mesopotamia. P. 1255; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л. 1976. С. 36.

[77] *Hole F., Flannery K. V.* The prehistory of Southwestern Iran: A preliminary report // PPS. 1967. Vol. 33. P. 147–206; *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.

[78] *Cauvin J., Aurenche O.* La campagne de fouilles 1984 a Çafer Höyük // Kazi Sonuçlary Toplantisi. Ankara, 1985. Vol. 7. P. 17–21; *Cauvin J.* Cafer Höyük, 1985 // Anatolian Stud. 1986. Vol. 26. P. 182–186.

[79] *MacNeish R. S.* A summary of subsistance // Prehistory of Tehuacan Valley. Austin, 1967. Vol. 1: Environment and subsistance. P. 304, 305; *MacNeish R. S.* Ancient Mesoamerican civilization. P. 531–537; *Гуляев В. И.* Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике. С. 85–90.

[80] *Moore A. M. T.* A four-stage sequence for the Levantine Neolithic, ca. 8500–3750 B. C. // BASOR. 1982. Vol. 346. Fig. 3, 8, 14, 19; *Uertmann H.-P.* Vorderer Orient. Protoneolitikum // TAVO. Wiesbaden, 1980; *Gebel H. G.* Vorderer Orient: Akeramisches Neolitikum // TAVO. Wiesbaden, 1982; *Vertesalji P. P.* Mesopotamien. Chalcolitikum // TAVO. Wiesbaden, 1982.

[81] *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 219, 220.

[82] *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства... С. 68; *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 25.

[83] *Helbaek H.* Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah // Iraq. 1972. Vol. 34. P. 17–19.

[84] *Helbaek H.* Ecological effect of irrigation in Ancient Mesopotamia // Iraq. 1962. Vol. 22; *Idem.* Early Hassunan vegetable at Es-Sawwan near Samarra // Sumer. 1964. Vol. 20, N 1/2; *Idem.* Samarran irrigation agriculture at Choga Mamy in Iraq // Iraq. 1972. Vol. 34. P. 35–48; *Oates J.* The background and development of early farming communities in Mesopotamia and Zagros // PPS. 1973. Vol. 39. P. 166, 167.

[85] *Harlan J. R.* The plants and animals that nourish man // Sci. Amer. 1976. Vol. 235, N 3. P. 88–97; Археология Средней Азии и Ближнего Востока: II Сов.-амер. симпоз.: Тез. докл., Самарканд, 6–12 сент. 1983 г. Ташкент, 1983.

[86] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений; *Алексеев В. П.* Становление человечества. С. 387–397; *Лисицына Г. Н. Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 14–22.

[87] *Массон В. М.* Средняя Азия и Ближний Восток. М.; Л., 1964. С. 86, 88, 91–93, 450; *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 31; *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства... С. 65, 69.

[88] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey. P. 201.

[89] *Мерперт Н. Я.* «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (Некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // КСИА. Вып. 180. С. 55.

[90] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 31.

[91] *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства... С. 65.

[92] *Массон В. М.* Средняя Азия и Ближний Восток. С. 91, 110.

[93] Там же. С. 450.

[94] Там же. С. 88.

[95] Там же. С. 91.

[96] Там же. С. 91, 92.

[97] Там же. С. 91–93.

[98] Там же. С. 92–108; *Бадер Н. О.* Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. М., 1989.

[99] *Gebel H. G.* Das Akeramische Neolitikum Vorderasien // Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden, 1984.

[100] *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства... С. 65.

[101] *Flannery K. V.* Archaeological systems Theory and early Mesoamerica // Prehistoric agriculture. N. Y., 1971.

[102] Цит. по: *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East // Prehistoric agriculture. P. 75.

[103] *Mellaart J.* Çatal Hüyük: A neolithic town in Anatolia. L., 1967; *Титов В. С.* Несколько замечаний о «неолитической революции» // КСИА. Вып. 180. С. 97–99.

[104] *Braidwood R. J.* The site of Jarmo and its architectural remains // Prehistoric archaeology along the Zagros flanks/ Ed. L. S. Braidwood et al. Chicago, 1983. P. 155–158. (Univ. Chicago Orient. Inst. Publ.; Vol. 105). Далее: Prehistoric archaeology.

[105] *Aurenche O.* La Maison Orientale: L'Architecture du Proche-Orient ancien des origines au milieu du quatrième millénaire. P., 1981. T. 2.

[106] *Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. с. 273.

[107] *Kenyon K.* Jericho and tis setting in near eastern history // Antiquity. 1956. Vol. 120, P. 184–193; *Idem.* Earliest Jericho // Ibid. 1959. Vol. 129. P. 6, 7.

[108] *Mellaart J.* Çatal Hüyük. P. 70.

[109] *Массон В. М.* Средняя Азия и Ближний Восток. С. 328.

[110] *Бадер Н. О.* Различия в верхнепалеолитической культуре Закавказья и Ближнего Востока // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 135–143.

[111] *Helbaek H.* Palaoethnobotany of the Near East and Europe; *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 99–118; *Watson P. J.* A note on the Jarmo plant remains // Prehistoric archaeology. P. 501–504.

[112] *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheat and barley. P. 1074–1079; *Zeist W. van.* Palaeobotanical results of the 1970 season at Çayönü, Turkey // Helinium. 1972. Vol. 12, N 1. P. 9, 10; *Oates J.* The background and development of early farming communities in Mesopotamia and the Zagros // PPS. 1973. Vol. 39. P. 153.

[113] *Cann J. K., Renfrew C.* The characterization of obsidian and its application to the Mediterranean region // PPS. 1964. Vol. 30. P. 111–133; *Dixon J. E., Cann J. R., Renfrew C.* Obsidian and the origins of trade // Sci. Amer. 1968. Vol. 218, N 3. P. 38–46; *Renfrew C.* Tell Shimshara and the traffic in obsidian // Mortensen P. Tell Shimshara: The Hassuna period. København, 1970; *Renfrew C.* Obsidian and early cultural contacts in the Near East // PPS. 1966. Vol. 34. P. 319–331.

[114] *Рындина Н. В., Яхонтова Л. К.* Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии // СА. 1985. Вып. 2. С. 155–165.

[115] *Moore A. M. T.* A four-stage sequence for the Levantine Neolithic, ca. 8500–3750 B. C. // BASOR. 1982. Vol. 246. P. 16.

[116] *Moore A. M. T.* The Late neolithic in Palestine // Levant. 1973. Vol. 5. P. 36–68; *Idem.* A four-stage sequence for Levantine Neolithic, ca. 8500–3750 B. C. P. 16–25; *Cauvin J.* Les cultures villageoéses et civilisations Preurbaines d'Asie Antérieure // La Prehistoire de l'Europe: le Néolithic et le Chalcolithic. P., 1985. P. 165–170; *Waterbolk H. T.* Working with radiocarbon dates in Southwestern Asia // Chronologies in the Near East: Relative chronologies and absolute chronology 16 000–4000 B. P. // BAR. Intern. Ser. Vol. 379. Oxford, 1987. P. 39–60, graph. 6.

[117] *Moore A. M. T.* The excavation of Tell Abu Hureyra: A preliminary report // PPS. 1975. Vol. 41. P. 50–77; *Cauvin J., Aurenche O.* Çafer Höyük. P. 182–185; *Çambel H.* Chronologie et organisation de l'Espace à Çayonü // Colloq. intern. CNRS. 1981. Vol. 598. P. 531–553; *Voigt M. M.* Village on the Euphrates: Escavations at Neolithic Gritile in Turkey // Expedition. Vol. 27, N 1. P. 10–24.

[118] *Yoffe N.* Explaining trade in Ansient Western Asia // MANE. 1981. Vol. 2, N 2. P. 14–17.

[119] *Карнейро Р. Л.* Переход от охоты к земледелию // СЭ. 1969. № 5.

[120] *Алексеев В. П.* Становление человечества. С. 443, 444; *Козинцев А. Г.* Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980.

[121] *Adams R. McC.* Agriculture and urban life in Early Southwestern Iran // Science. 1962. Vol. 136. P. 109–122.

[122] *Массон В. М.* Поселение Джейтун: Проблемы становления производящего хозяйства // МИА. 1971. Т. 180.

[123] *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East. P. 76–79.

[124] *Алексеев В. П.* Становление человечества. С. 441.

[125] *Childe G.* Man makes himself. L., 1939. P. 112.

[126] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. P. 175–184.

[127] *Braidwood L. S., Braidwood R. J.* Prelude to the appearance of village-farming communities in Southwestern Asia // Ancient Anatolia: Aspects of change and cultural development. Madison, 1980. P. 3–11; *Braidwood R. J.* The first great change // Studi di Paletnologia in Onore di Salvatore M. Puglisi. Roma, 1985. P. 141–148.

[128] *Массон В. М.* Поселение Джейтун. С. 109.
[129] *Массон В. М.* Средняя Азия и Ближний Восток. С. 83.
[130] Там же. С. 110.
[131] Там же.
[132] Там же. С. 134.
[133] Там же. С. 104, 105.
[134] Там же. С. 110.
[135] Там же. С. 138, 139.
[136] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. С. 23.
[137] *Oates J.* Prehistoric investigations near Mandaly, Iraq // Iraq. 1968. Vol. 30. P. 1–20; *Idem.* Choga Mamy 1967–68: a preliminary report // Iraq. 1969. Vol. 31. P. 115–152; *Idem.* A radiocarbon date from Choga Mamy // Iraq. 1972. Vol. 34. P. 49–53.
[138] *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East. P. 50–79.
[139] *Loon M. van.* Mureybet: An early village in Inland Syria // Archaeology. 1966. Vol. 19. P. 215, 216; *Idem.* The Oriental Institute excavations at Mureybet, Syria: Preliminary report on the 1965 campaign // JNES. 1986. Vol. 27. P. 265–290.
[140] *Flannery K.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East. P. 59.
[141] Ibid. P. 52.
[142] Ibid. P. 51.
[143] Ibid. P. 50–79; *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969. P. 29–49, 342–354.
[144] *Moore A. M. T.* Agricultural origins in the Near East: a model for 1980s // World Archaeol. 1982. Vol. 14, N 2. P. 232.
[145] *Higgs E. S., Jarman M. R.* The origins of agriculture: a reconsideration // Antiquity. 1969. Vol. 43. P. 31–41.
[146] *Legg A. J.* The origins of agriculture in the Near East // Hunter, gatherers and first farmers beyond Europa. 1977. P. 54–59.
[147] *Moore A. M. T.* Agricultural origins in the Near East; *Idem.* A four-stage sequence for the Levantine Neolithic, ca. 8500–3750 B. C.
[148] *Moore A. M. T.* Agricultural origins in the Near East. P. 232.
[149] *Moore A. M. T.* A four-stage sequence for the Zevantine Neolithic, ca. 8500–3750 B. C.
[150] Ibid. P. 9–16.
[151] *Moore A M. T.* The excavation of Tell Abu Hureyra in Syria.
[152] *Oates J.* The background and development of early farming communities in Mesopotamia and Zagros. P. 148.
[153] Ibid. P. 150.
[154] Ibid. P. 153.
[155] *Башилов В. А.* Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 104–109.
[156] *Холе Ф.* Происхождение и развитие земледелия: значение памятников Дех Луран // Археология Средней Азии и Ближнего Востока: II Сов.-амер. симпоз. С. 82–85.
[157] *Oates J.* The background and development of early farming communities in Mesopotamia and Zagros. P. 176.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы телль Магзалии, телль Сотто и Кюльтепе, суммированные в этой работе, не только расширяют наши представления о культуре древних земледельцев Северной Месопотамии, но и вводят нас в круг общих вопросов становления производящего хозяйства на Ближнем Востоке. помогают восстановить конкретно-исторические условия, в которых проходили эти процессы.

Открытие телль Магзалии показало, что район Джебел Синджара входил в обширную зону первоначального становления земледелия и скотоводства, протянувшегося по отрогам гор и подгорным равнинам Антиливана, Тавра и Загроса. Исследования на телль Сотто и телль Магзалии позволили документированно зафиксировать в узком замкнутом районе завершающий момент перехода к производящей экономике и завершение неолитической революции.

Сотто расположено на равнине, Магзалия — в обрамляющих ее холмистых предгорьях. Край равнины проходит всего в 1 км от Магзалии, однако каменистые склоны вокруг поселения неудобны для земледелия. Сегодня верхняя граница полей и пастбищ проходит у подножия поселения. Палеогеографические реконструкции показывают, что окружающие предгорья были заняты дубово-фисташковыми разреженными лесами с дикими злаками. Для посевов удобны лишь небольшие увлажненные площадки в узкой долине вдоль реки, и в особенности при выходе ее на равнину.

Коллекция злаков и фауны с телль Магзалии убедительно документирует многоукладность хозяйства этого поселения. Вместе с зернами домашних пшеницы и ячменя в значительном количестве встречаются дикий ячмень, эгилопс, бобовые. Определенно можно говорить о домашних козе и овце. Найденные на поселении глиняные фигурки барана с характерными изогнутыми рогами, скорее всего, изображают уже домашних животных. Во многом спорным остается вопрос о начале доместикации быка, кости которого в большом количестве встречены на памятнике. Во всяком случае, большое количество кремневых наконечников стрел указывает на значительную роль охоты в жизни поселения. Высокая техника расщепления камня, еще не забытая обитателями телль Магзалии, явно уходит своими корнями в традиции мезолитических охотников предшествующей эпохи. В разное время года человек мог охотиться как на склонах гор, так и на подгорной равнине. Положение телль Магзалии на границе гор и равнины наилучшим образом соответствует целям многоукладного хозяйства и, безусловно, не случайно.

Телль Сотто, Кюльтепе, Ярымтепе I расположены на равнине вдоль небольших русел стока весенних вод, берущих начало на обрамляющих равнину холмах. Некоторые памятники типа Сотто, обнаруженные во

время разведок, находятся на самом краю равнины, всего в 2—3 км от Магзалии. Однако их положение совершенно различно. Поселения на равнине тяготеют к берегам речек или едва заметным понижениям, которые хорошо увлажнялись весенними дождями. В отличие от каменистых, быстро высыхающих склонов гор плодородные лёссовые почвы равнины могли давать высокие урожаи. Холмы в верховьях вади очень удобны для устройства поселений, но с развитием земледелия человек предпочитает селиться около полей. Земледелие стало определяющим в жизни первобытных коллективов. Оно требовало плодородных земель, которые человек и нашел на равнине. Освоение равнины земледельцами знаменует сложение производящего хозяйства в единую экономическую систему и завершение неолитической революции.

Под влиянием изменений в хозяйстве меняется и облик культуры. Роль охоты сокращается, а земледелие и скотоводство требуют иных орудий труда. Охотничий инвентарь почти исчезает, а вместе с ним и высокая техника обработки камня и кости. Почти нет резцов. Скребки на обломках местного низкокачественного галечного кремня играют чисто служебную роль. Вместе с тем для хранения и обработки зерна широко распространяется глиняная посуда.

Исчезновение каменной архитектуры объясняется полным отсутствием камня на равнине. При отсутствии транспорта доставлять его с гор было слишком сложно.

На телль Сотто, Ярымтепе I и других равнинных памятниках хассунского времени в коллекции злаков исчезает дикий ячмень, распространяются многорядный голозерный и бутылковидный виды ячменя. Такое разнообразие домашних видов, несомненно, указывает на прогресс земледелия. Большое количество пыльцы злаковых, зафиксированное в культурном слое Сотто, могло быть принесено сюда только с соседних полей. Наконец, зарнотерки телль Сотто гораздо крупнее этих орудий на телль Магзалии. В коллекции фауны Сотто абсолютно преобладают остатки домашних овцы и козы, а костей быка становится меньше. Разведение мелкого рогатого скота, по-видимому, играло подсобную роль по сравнению с земледелием. В целом памятники типа Сотто характеризуются сложившимся земледельческо-скотоводческим хозяйством при преобладающей роли земледелия.

Принципиальным моментом на пути возникновения земледелия, безусловно, был переход к оседлости. Археологически он хорошо определяется по распространению больших долговременных поселений с прямоугольной архитектурой в середине VIII тысячелетия до н. э. Новые способы хозяйства требовали новой организации труда, создали условия для увеличения численности коллективов. В то же время социальная организация общин должна была быть тесно связана с предшествующей эпохой. Важный материал для социально-экономических реконструкций дает планировка древних поселений и жилых построек.

Люди, основавшие поселение Магзалии, жили в небольших прямоугольных однокомнатных домах, свободно стоявших вдоль берега реки. Площадь домов обычно не превышала 12 кв. м. Очевидно, в них жили малые (парные) семьи. Большие очажные ямы на хозяйственных площадках между домами, служившие, по-видимому, для сушки зерна, могли использоваться коллективно.

В конце существования поселения на нем начинают строить большие многокомнатные дома площадью до 100 кв. м. В каждом из исследованных

домов лишь в одной из комнат площадью 10—12 кв. м прослежен очаг, загородка для хранения зерна, иногда скамьи вдоль стен, т. е. можно определенно говорить, что она была жилой. Ясно, что здесь готовилась пища. Существование спальных мест можно допустить и в некоторых соседних подсобных помещениях. Так или иначе, планировка однокомнатных домов нижних слоев Магзалии, жилых помещений с очагом в многокомнатных домах и маленьких домов в нижнем слое Сотто практически ничем не отличается, что говорит о несомненной близости социальной организации общин, оставивших эти поселения.

На исследованной площади телль Магзалии не было найдено общественных зданий, однако они известны на других одновременных поселениях. Среди них большое помещение с жертвенным камнем в центре на Чейеню Тепеси и несколько более поздние культовые помещения Чатал Гуюка и телль эс-Саввана.

Для понимания взаимосвязей внутри общины и ее отношений с соседями большой интерес представляет оборонительная стена, исследованная на телль Магзалии. Мы не склонны преувеличивать значение этой постройки и модернизировать на этом основании социальные отношения того времени. Однако этот факт также требует объяснения, преуменьшать или замалчивать его нет никаких оснований. Стена окружала поселение с напольной его стороны, несколько проходов в ней вели на поселение. На исследованной площади стена проходит вокруг жилых домов, а не закрывает проходы между ними. Она была выстроена в короткое время и по единому плану. Мощные оборонительные цоколи также заставляют видеть в ней оборонительное сооружение. Первобытный характер общественных отношений не противоречит этому выводу. Нельзя забывать, какие широкие связи поддерживали обитатели телль Магзалии. Поселение стояло на оживленных и очень далеких торговых путях, по которым осуществлялся обмен обсидианом и медью. На первом этапе существования поселения обсидиановые орудия и отходы производства составляют около трех четвертей от общего количества кремня и обсидиана. В средней части толщи (горизонты 6—12) они сокращаются до двух третей. На поселении за стенами количество кремня и обсидиана сравнивается (горизонт 13), а начиная с 14 горизонта кремень начинает преобладать над обсидианом. Можно связать строительство оборонительной стены на поселении с возникшими сложностями импорта сырья, а запустение памятника — с нарушением сложившихся торговых путей. Вместе с тем телль Магзалия осталась небольшим поселением. За стеной могло стоять не больше восьми-десяти больших домов, а численность населения вряд ли превышала 100—150 человек.

На этапе Сотто отношения внутри коллектива принципиально не изменились. Об этом говорят размеры и планировка небольших однокомнатных домов, исследованных на телль Сотто и Кюльтепе. Нет сомнений, что большие постройки, в том числе общественные здания, были известны в это время. Сложная планировка исследована на Умм Дабагии. Жилое помещение Кюльтепе также входило в какую-то более крупную постройку. Однако маленькое жилое помещение, безусловно, остается важной первичной ячейкой первобытного коллектива.

Переход к земледелию и скотоводству мог произойти только в благоприятных физико-географических условиях в зоне распространения диких злаков и предков домашних животных и связан с их доместикацией. Однако становление производящих форм хозяйства определяется не этими необ-

ходимыми условиями, а социально-экономическими закономерностями развития. Археологические материалы позволяют наметить своеобразные культурные ареалы и направление взаимосвязей ранних земледельцев, в конечном счете подойти к восстановлению исторических процессов раннего периода человечества.

Джармо и телль Хассуна дали представление об общих особенностях хозяйства и культуры ранних земледельцев подгорной зоны Загроса. Телль Магзалия и памятники типа Сотто, лежащие на путях традиционных связей Месопотамии и прибрежных районов Средиземноморья, позволили наметить конкретные исторические взаимосвязи Месопотамии и Загроса, северной Джезиры, Южного Тавра и Леванта в VII—VI тысячелетиях до н. э.

Известные сейчас докерамические памятники VII тысячелетия до н. э. проявляют определенное стадиальное сходство. Процесс становления земледелия и скотоводства захватил большой регион предгорий и подгорных равнин Леванта, Тавра, Загроса и проходил в условиях постоянных тесных контактов и заимствований между различными, часто удаленными друг от друга группами населения. Это был единый процесс, захвативший большую разнокультурную территорию. Во всех районах, где встречался камень, от Бейды на юго-западе «плодородного полумесяца» до тепе Гурана и Али Кош на северо-востоке, распространена каменная архитектура. В строительстве широко использовался гипс. Со второй половины VIII тысячелетия до н. э. повсеместно распространяется прямоугольная планировка построек. Практически тождественна конструкция печей. Основание печи обычно мостилось щебнем или речной галькой. Овальные очажные ямы, заполненные камнями, по-видимому, использовались для сушки зерна. Широко распространены мраморные сосуды, высока техника плетения. Изобретению глиняной посуды предшествовало использование корзин, обмазанных гипсом, и простейших гипсовых сосудов. Близкий набор орудий труда говорит о сходстве хозяйства во всем этом обширном регионе.

За многие сотни километров из Тавра и Загроса на юг доставлялись обсидиан и медь. Вместе с сырьем могли распространяться зерно, домашние животные, заимствоваться приемы ведения хозяйства. На удаленных друг от друга памятниках, в разнокультурной среде, встречаются одинаковые типы украшений. Так, трубчатые кости с обрезанными эпифизами, по-видимому, использовавшиеся в ожерельях, встречены не только в Магзалии и Чейеню, но и далеко на востоке, в тепе Гуране. Широко распространены мраморные браслеты. Все эти аналогии говорят о стадиальном сходстве, достаточно тесных связях, но не о единстве всей этой территории, которая была заселена различными этнокультурными группами людей.

В настоящее время в культуре Ближнего Востока VII тысячелетия до н. э. может быть выделено три больших своеобразных области: в Леванте и прилегающих районах Верхней Джезиры, в Южном Таврe и Западном Загросе, в Восточном Загросе. По-видимому, свои особенности имеет и культура Западной Анатолии. Конечно, по мере накопления материала эта картина будет уточняться и дифференцироваться.

Магзалия и Джармо — стадиально близкие памятники. Нет оснований в докерамическом Джармо видеть поселение VI тысячелетия до н. э. с культурой, пережиточно сохранившейся в замкнутых горных долинах. Слишком много аналогий связывает Джармо с соседними докерамическими памятниками в Загросе. Однако в культурном отношении Магзалия тя-

готеет к западному кругу памятников с кремневыми наконечниками стрел, а Джармо — к памятникам с геометрическими и пластинчатыми вкладышами составных орудий на востоке. Границу между этими большими ареалами можно сейчас ориентировочно провести по берегам Тигра.

Наконечники стрел обычны в докерамических памятниках Леванта (Бейда, Иерихон), Верхней Джезиры (Абу Хурейра, Мурейбит), Южного Тавра (Чейеню Тепеси, Джефер Гуюк). Много их и в телль Магзалии. Близкие типы наконечников могли распространиться в области постоянных культурных связей, и все памятники внутри ее неоднородны и делятся на две группы. Наибольшее сходство проявляют памятники Верхней Джезиры (Мурейбит IV) и Палестины (Иерихон PPNB). В частности, только на этой территории встречаются характерные крупные скребки с перехватом. Некоторые исследователи считают возможным относить эти поселения к единой культуре докерамического неолита.

Вторую группу образуют поселения Западного Загроса и Южного Тавра (Магзалия, Чейеню Тепеси, Джефер Гуюк и другие памятники). Помимо наконечников стрел, здесь распространены обсидиановые жатвенные ножи с шипом, сделанные в очень своеобразной технике. Они ретушированы характерной скошенной зубчатой ретушью, конец орудий преднамеренно оставлен необработанным и образует выступ (шип) для удобства захвата стеблей. Такое совпадение формы и техники обработки не могло быть случайным. Жатвенные ножи с шипом относятся к одной культурной традиции, которая нашла свое отражение и в некоторых других орудиях и украшениях. Так, в Магзалии и Чейеню встречаются практически одинаковые мраморные браслеты с характерным декоративным рельефным ребром по наружному периметру кольца. Много общих черт в совершенной технике обработки кости. Тут и там встречаются костяные пронизки ожерелий из мелких трубчатых костей с обрезанными эпифизами, много костяных игл с ушком. Отверстие в ушке прорезано с двух сторон, отступя от приостренного тыльного конца иголки.

Предстоит еще объяснить различия в архитектуре поселений Магзалия и Чейеню. Дома делались на каменных фундаментах. Близка техника каменных кладок, при строительстве широко использовался гипс. Вместе с тем планировка построек заметно различается. В Магзалии совершенно нет «решетчатых» и «сетчатых» планов, характерных для Чейеню. Следует, однако, учитывать, что план каменного цоколя мог отличаться от плана стоявших на нем построек. Авторы раскопок Чейеню также допускают, что дома могли быть двухэтажными. Частые перегородки внутри внешнего контура цоколя могли делаться для усиления пола. Во всяком случае, в качестве жилых такие мелкие помещения не годятся. В цокольном этаже домов могли быть хранилища. Помещения жилого второго этажа, скорее всего, были крупнее и не отличались так сильно от планов телль Магзалии. При этом узкие длинные, явно непригодные для жилья помещения встречаются и на Магзалии. Таким образом, описанные различия в дошедших до нас планах построек двух поселений могут быть сведены к различиям в приемах строительства и не должны переоцениваться при определении различий этих памятников.

Близкое совпадение мелких деталей в материальной культуре Магзалии и Чейеню может отражать единство происхождения или возникнуть в результате долгих регулярных связей, может быть даже прямых контактов, которые легко допустить между двумя близкими группами людей.

Все эти наблюдения приводят к выводу, что подгорная зона Западного

Загроса и прилегающих районов Тавра была заселена родственными племенными группами, поддерживавшими между собой тесные связи. Пути этих связей могли проходить по подгорным равнинам и холмистым отрогам гор вдоль Тигра, который прорезает их первую гряду. Они совпадали с торговыми путями, по которым осуществлялся обмен обсидианом и медью. Реже обмен шел нетрадиционными путями, а иногда мог захватывать и разнокультурные районы. Предстоит еще исследовать возможные связи Магзалии с медными месторождениями Талмеси в Луристане, откуда происходит и медь Али Кош. Интересно в связи с этим, что обсидиановые жатвенные ножи с шипом найдены в Шимшаре, т. е. всего в 40 км от Джармо. Естественно, что реальная историческая картина была значительно сложнее той, которую мы можем нарисовать по доступным сейчас материалам. Не вписывающиеся в нее факты определяют направление будущих исследований.

Как уже говорилось, Джармо в целом выпадает из сферы этих западных связей и по ряду признаков тяготеет к востоку. В Восточном Загросе наконечники стрел не вытеснили вкладышевой техники составных орудий и остались практически неизвестными. Цветной обсидиан Джармо отличается от черного обсидиана Магзалии и происходит из других источников. Глиняные женские статуэтки с расплющенным основанием в виде сапожка, столь характерные для Джармо, встречаются также в Али Кош. Отсюда же происходит и найденные в Джармо лощеные черепки, расписанные «головастиками».

Коротко суммированные выше материалы VII тысячелетия до н. э. показывают, как единые процессы становления производящих форм хозяйства захватили большой разнокультурный регион Ближнего Востока. В VI тысячелетии до н. э., после завершения перехода к производящему хозяйству, многие прежние связи ослабевают, складываются новые культуры, усиливается их обособленность в отдельных районах. В Верхней Месопотамии в это время распространяются памятники типа Сотто — Умм Дабагии, давшие начало хассунской культуре.

Работы на телль Сотто и Кюльтепе наглядно показали прямую культурную связь этих памятников с архаической Хассуной. Признавая генетическую преемственность в развитии телль Сотто, телль Хассуны и Ярымтепе I, некоторые исследователи все же видят в них различные культуры. Мы пытались показать, что материалы телль Сотто не позволяют провести сколько-нибудь четкую границу между грубой керамикой телль Сотто и архаической Хассуны. Различие между архаической и стандартной хассунской керамикой прослеживается значительно четче. Действительно, хассунская культура претерпела очень большие изменения на протяжении своего длительного развития. И все же для выделения памятников типа Сотто в самостоятельную культуру, с нашей точки зрения, нет достаточных оснований. Нам они представляются древнейшим этапом хассунской культуры. Неразрывная генетическая связь между ними не вызывает сомнений у большинства исследователей, а решение вопроса о культуре Сотто сводится к определению принципов выделения археологической культуры и расчленению генетически связанных культур.

Нет сомнений, что хассунская культура имеет местное происхождение, а не принесена с запада. Характерная для нее грубая кухонная посуда с растительными примесями широко распространена в Ассирийской степи, не могла транспортироваться на большие расстояния и изготовлялась на месте. Лишь единичные фрагменты вишневой и серой лощеной керами-

ки с минеральными примесями могут расцениваться как импорт с запада и едва ли связаны со сменой населения в этих районах.

Представляется, что памятники типа Сотто были древнейшими земледельческими поселениями в Ассирийской степи. Они очень однородны и быстро распространились на подгорной равнине. Высокие ребристые корчаги Умм Дабагии типологически несколько отличаются от более широких корчаг Сотто и телль Хассуны. Является ли это хронологическим признаком — предстоит еще выяснить. Позднюю группу памятников типа Сотто, безусловно, представляет поселение Кюльтепе.

На какой основе сформировалась, откуда и как распространилась в Ассирийской степи культура памятников типа Сотто? Определенные генетические связи видны между культурой телль Сотто и предшествующей ему Магзалии. Освоив керамику, жители Сотто продолжают делать каменные сосуды, носить браслеты из мрамора, а на охоте использовать кремневые черешковые наконечники стрел. Различия в технике обработки камня, распространение глиняной посуды могут быть обусловлены прежде всего изменениями в хозяйстве. И все же некоторый культурный и хронологический разрыв между телль Магзалией и телль Сотто явно ощущается. Соединительное звено между памятниками остается пока неизвестным.

Ясно, что вопросы происхождения хассунской культуры и ее древнейший этап должны исследоваться на широком фоне одновременных ей культур соседних территорий, прежде всего Верхней Джезиры. Еще предстоит определить западную границу распространения грубой керамики с растительными примесями и более точно определить источники импортной керамики с минеральными примесями, которые могли и не быть столь далекими. Ответы на эти вопросы должны дать раннекерамические памятники Верхнего Евфрата, исследование которых сейчас начато.

Архаичная грубая керамика с растительными примесями, по-видимому, широко распространена в Ассирийской степи, а по подгорной равнине Загроса проникает далеко на юг. Она известна в Умм Дабагии и телль Хассуне, а на левобережье Тигра в телль Эс-Савване, Али Ага, Джармо и в Тамерхане, в окрестностях Мандели. В слабо документированных пока нижних слоях телль эс-Саввана керамика этого типа хорошо увязывается с широко известной коллекцией мраморных сосудов и фигурок, аналогии которым есть не только в Сотто и Умм Дабагии, но и в докерамической Букре на Евфрате.

На рубеже VII—VI тысячелетий до н. э. процесс освоения подгорной равнины древними земледельцами захватил всю эту обширную территорию. Распространившаяся в Джезире и вдоль Загроса грубая керамика с растительными примесями проявляет большое сходство. Трудно, однако, представить, что вся эта огромная территория была занята одной культурой. К сожалению, для исследования ее вариантов пока слишком мало материала. Позже на ее основе сформировались стандартная хассунская культура на севере и самаррская на юге. Условная граница между ними может быть проведена сейчас по Тигру.

Время сложения земледельческо-скотоводческого хозяйства на Ближнем Востоке, исследуемое нами, и возникновение первых городов в междуречье Тигра и Евфрата разделяет 2—2,5 тыс. лет, которые были насыщены многими историческими событиями. В VI—IV тысячелетиях до н. э., на пути к цивилизации и государству, человек преодолеет еще длительный и сложный путь, связанный в Северной Месопотамии со сменявшими друг друга хассунской, халафской и убеидской культурами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ РАЙОНА ДЖЕБЕЛ СИНДЖАРА (СЕВЕРНЫЙ ИРАК) В VII—VI ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Э. М. ЗЕЛИКСОН, К. В. КРЕМЕНЕЦКИЙ

Поселения, исследовавшиеся советской археологической экспедицией в Ираке, расположены в Синджарской долине, у подножия изолированного горного массива Джебел Синджар (наибольшая высота 1457 м). Эта территория находится в области субтропического континентального климата с прохладной и сравнительно влажной зимой и сухим и жарким летом [1]. В Мосуле средняя температура января составляет 6,6°, средняя температура июля 33°, годовая сумма осадков — 385 мм. В Синджаре (метеостанция находится на высоте 538 м над уровнем моря) выпадает в год 505 мм осадков, причем больше половины — зимой, остальные весной и в меньшей степени осенью. Такой порядок выпадения осадков типичен для всего Средиземноморья.

В геоботаническом отношении север Ирака относится к Иранско-Туранскому региону. Характер растительности зависит от степени увлажненности территории [2]. Предгорья Загроса и Восточного Тавра, где осадки составляют 300—500 мм в год, заняты злаково-разнотравными степями, широко распространены полынные формации. Из древесных пород, присутствуют фисташка, кустарник прозопис, вдоль рек — ива, тополь, тамариск. В горах, где осадков выпадает больше, чем в предгорьях, появляются дубовые леса с боярышником, можжевельником, держи-деревом, дикой сливой. В районе Мосула сохранился участок леса из алеппской сосны, в горах у турецкой границы на высоте около 1840 м над уровнем моря известно одно из самых южных местонахождений березы.

В горах Джебел Синджар современная нижняя граница леса проходит на высоте 800 м. Леса состоят из нескольких видов дуба, с участием фисташки, клена, алеппской сосны.

Серии образцов на спорово-пыльцевой анализ с поселений телль Сотто, Кюльтепе и телль Магзалия отобрал автор раскопок Н. О. Бадер. Обработка образцов проведена в Институте географии АН СССР с применением кавитационного метода.

Условия захоронения и фоссилизации пыльцы в отложениях древних поселений были в целом неблагоприятными. Большинство образцов либо совсем не содержали пыльцы и спор, либо содержали их в незначительном количестве. Так, в 16 образцах из Кюльтепе и телль Сотто определены лишь единичные зерна сложноцветных и зонтичных. В образце из заполнения хассунского сосуда 5 из телль Сотто определены немногочисленные пыльцевые зерна березы и рожкового дерева.

В настоящей работе приводятся данные анализа наиболее репрезентативных образцов.

Телль Магзалия. Образец 1. Поверхностная проба. Взята из современного дерна на западном склоне холма с отметки — 200 см от его вершины.

Телль Магзалия. Образец 2. Взят в западной бровке квадрата М-10 с глубины —360—370 см из-под каменных фундаментов культурного горизонта 9. Образцы из предматериковых слоев телль Магзалии дали материал очень плохой сохранности и здесь не приводятся.

На телль Сотто несколько пыльцевых колонок. Ниже приводятся результаты анализа двух характерных образцов.

Телль Сотто. Образец 11, взят в западной бровке квадрата 10-С-3 из черного гумусного слоя под жилыми поверхностями культурного горизонта 4 с глубины —190—200 см ниже репера на вершине холма.

Телль Сотто. Образец 7. Взят в южной половине кв. 11-Д-4 из подстилающего стерильного суглинка с отметки —290 см ниже репера.

Кюльтепе. Образец 1. Взят в бровке 8 на квадрате 55-С-2 из углистозолистого слоя с глубины 80 см ниже репера. Относится к культурному горизонту 3.

Состав спорово-пыльцевых спектров образцов, в которых насчитывается достаточное для выполнения достоверных реконструкций число пыльцевых зерен и спор, представлен в таблице. Следует подчеркнуть, что вследствие неизбежной избирательности при разрушении пыльцы после ее захоронения эти спектры являются селективными и их палеогеографическая интерпретация связана с потерей информации. Дополнительным указанием на это является значительное содержание в некоторых образцах пыльцы столь плохой сохранности, что определение ее таксономической принадлежности оказалось невозможным (образцы из телль Сотто).

О степени достоверности отражения в составе спорово-пыльцевых спектров свойств растительности, развитой на окружающей территории, можно судить на основании сопоставления состава поверхностной пробы на территории поселения телль Магзалия и современной растительности в районе этого поселения. В спектре четко проявляется безлесный характер растительности: небольшое число пыльцы древесных пород представлено легко переносимой на значительные расстояния и в данном конкретном спектре несомненно дальнезаносной пыльцой сосны; ее источник — сосновые леса, местами сохранившиеся в прилегающих горах. Заметное содержание пыльцы полыни отражает значительную роль полынных формаций в современной растительности региона. Вместе с тем значительное содержание пыльцы цикориевых и астровых можно расценить как указание на заметную антропогенную нарушенность естественной растительности, а, возможно, также и на начавшийся процесс избирательного разрушения наименее стойких оболочек пыльцевых зерен ряда таксонов (пыльца цикориевых и астровых благодаря мощной экзине менее подвержена разрушению в процессе захоронения, чем пыльца и споры многих других растений).

В спектрах образцов из культурного слоя поселений преобладает пыльца травянистых растений, что указывает на степной характер растительности в окрестностях. Пыльца древесных пород представлена в незначительном количестве. Она была занесена с близлежащих горных массивов, причем наиболее вероятен ее занос с Джебел Синджара. Ее состав (в сравнении с составом поверхностной пробы) позволяет сделать ряд выводов о характере древесной растительности на прилегающей к району исследований территории.

Состав спорово-пыльцевых спектров образцов
с поселений телль Магзалия, телль Сотто и Кюльтепе

Наименование вида	Телль Магзалия		Телль Магзалия		Кюльтепе		Телль Сотто		Телль Сотто	
	обр. 1		обр. 2		обр. 1		обр. 11		обр. 7	
	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n
Pinus	+	38	+	5	1,5	3	+	2	+	7
Abies	—	—	—	—	—	—	—	—	+	1
Quercus	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—
Tilia	—	—	—	—	—	—	—	—	+	1
Acacia	—	—	—	—	—	—	—	—	+	1
Ceratonia	—	—	—	—	95	190	—	—	—	—
Acer	—	—	+	1	—	—	—	—	—	—
Carpinus orientalis	—	—	+	2	—	—	+	2	+	1
Betula	—	—	+	5	2	4	+	1	+	1
Corylus	—	—	—	—	—	—	—	—	+	1
Alnus	—	—	—	—	—	—	+	1	+	1
Всего древесных	11,5	38	5	14	51	200	6	9	17,5	15
Asteraceae	45,5	91	44	115	6	12	7	9	13,5	9
Cichoriaceae	22	44	8	21	10	20	18,5	24	48	32
Chenopodiaceae	2,5	5	3	9	1	2	—	—	—	—
Poaceae	2,5	5	19	50	1,5	3	5,5	7	7,5	5
Carealia	—	—	2	5	—	—	8	10	—	—
Artemisia	11	22	1	3	+	1	4,5	6	—	—
Centaurea sp.	—	—	+	1	—	—	4	5	—	—
Centaurea cyanus	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2
Ranunculaceae	—	—	—	—	9,5	18	1	1	—	—
Lamiaceae	—	—	—	—	48,5	97	—	—	—	—
Malvaceae	—	—	12	31	2	4	1	1	—	—
Brassicaceae	—	—	—	—	17,5	35	1	1	—	—
Fabaceae	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Rosaceae	1	2	—	—	1,5	3	—	—	—	—
Apiaceae	+	1	1,5	4	1,5	3	—	—	—	—
Plumbaginaceae	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—
Cariophyllaceae	3	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Geraniaceae	9,5	19	2	6	—	—	—	—	—	—
Dipsacaceae	+	1	2	6	—	—	—	—	—	—
Plantago	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—
Thalictrum	—	—	2	6	—	—	—	—	—	—
Rumex acetosella-typ	—	—	+	1	—	—	—	—	—	—
Sanguisorba	+	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Cuperaceae	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Polygonaceae	—	—	—	—	—	—	4,5	6	—	—
Fagopyrum tataricum	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
Неопределенные травянистые							45	58	7,5	5
Polypodiaceae	—	—	+	1	—	—	1	1	—	—
Equisetum	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Eucalypta	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Не определенные	1,5	3	7	20	5	18	—	—	—	—
Сумма зерен		229		295		418		139		85

Примечание: n — число зерен.

Как и ныне, в горах произрастала сосна. Пыльца пихты занесена, по-видимому, с гор Восточного Тавра. Сейчас она там отсутствует, изолированные местонахождения пихты (Abies cilica Carr.) известны в Центральном Тавре; отсутствие пыльцы пихты в современной пробе можно интерпретировать как указание на то, что в рассматриваемый временной интервал пихта росла значительно ближе к месту исследования, чем в настоящее время. С гор занесена и пыльца березы. Также дальнезаносной является, вероятно, и пыльца липы. Ареал ольхи в голоцене был, по-видимому, значительно шире, чем в настоящее время. Имеются данные о ее произрастании в долине Оронта [3] и в окрестностях озера Зрибар в горах Загроса [4]. Возможно, ольха произрастала и в долине протекающей недалеко от поселения реки Абра.

Грабинник (Carpinus orientalis Mill.) является типичным элементом дубовых лесов средиземноморского типа на территории Сирии и на юго-западе Турции [5]. В настоящее время грабинник, как и вечнозеленые дубы, в Ираке не встречаются.

Листопадные виды дубов и клен и теперь растут в Джебел Синджаре. Показательно присутствие пыльцы Acacia. Сейчас на юге Ирака известна Acacia fornesiana Willd [6]; все виды этого рода являются четким индикатором саванн.

Характерным представителем средиземноморской флоры является Ceratonia. В одном из образцов (Кюльтепе) отмечено необычно высокое содержание ее пыльцы, что, по-видимому, следует объяснить произрастанием этого дерева на территории поселения непосредственно вблизи места отбора образца. Рожковое дерево (Ceratonia siliqua L.) является характерным компонентом лесных формаций в Восточном Средиземноморье. Его плоды съедобны и служили объектом собирательства.

В целом состав пыльцы древесных пород свидетельствует о том, что распространение горных лесов на севере Ирака в период существования исследуемых поселений, т. е. 7—8 тыс. лет назад, было существенно большим, чем в настоящее время, а в их составе принимали участие древесные породы, характерные для регионов со средиземноморским климатом.

Состав пыльцы травянистых растений в образцах из культурного слоя близок к составу группы пыльцы травянистых растений в спорово-пыльцевом спектре поверхностной пробы, однако есть и некоторые отличия. Наиболее показательно присутствие пыльцы растений, связанных с хозяйственной деятельностью человека. В первую очередь следует сказать о пыльце хлебных злаков (Cerealia); в естественных условиях пыльца их диких представителей, морфологически очень сходная с пыльцой примитивных культурных форм, встречается в незначительном количестве. В связи с этим обращает внимание факт, что в спектре из более раннего поселения телль Магзалия пыльца типа Cerealia составляет всего 2%, в то время как в образце из более позднего поселения телль Сотто их содержание достигает 8%, что можно расценить как указание на то, что жители этого поселения уже занимались выращиванием хлебных злаков. Этот вывод подтверждается присутствием пыльцы сорняков — василька (Centaurea cyanus L.), гречихи татарской (Fagopyrum tataricum (L.), (Gaertn.), щавелька (Romex acetosella L.).

Состав спектра образца из Кюльтепе отражает особенности растительности, нарушенной в результате антропогенного воздействия. Судя по спектру, рядом с местом отбора образца произрастали представители грубоцветных и крестоцветных (эти семейства включают в большей своей

части сорные виды). Высокая доля пыльцы мальвовых в образце из телль Магзалии также объясняется антропогенной нарушенностью территории: растения этого семейства насекомоопыляемые, их пыльцевая продуктивность невысока, поэтому в естественных условиях столь высокое содержание пыльцы этого семейства маловероятно. Распространенный на Ближнем Востоке вид просвирника Malva silvestris L. из этого семейства был одним из объектов собирательства для жителей раннеземледельческих поселений. На некоторых из поселений находили их семена. Последние и до сих пор собираются бедуинами.

В целом состав спорово-пыльцевых спектров образцов из исследованных раннеземледельческих поселений позволяет заключить, что в период существования последних растительность на прилегающей территории была представлена злаково-разнотравными степями и саваннами, вдоль реки существовали заросли деревьев и кустарников, включая ольху. На отрогах близлежащих гор росли средиземноморские и горные широколиственные леса, в которых преобладали различные виды дуба. Состав спектров указывает на лучшие по сравнению с современными условия увлажнения.

Приведенные данные являются пока единственными, характеризующими растительность и климат на территории Ирака и прилегающих районов Ближнего Востока 9—8 тыс. лет назад. Рядом исследователей опубликованы материалы, касающиеся более раннего и более позднего времени; можно указать, в частности, на палинологические данные по разрезам поселений Мурейбит [7], Шанидар [8] и Гхаб в северо-западной Сирии [9]. Эти поселения относятся к периоду около 10 тыс. лет назад. Примерно тот же временной интервал отражен в разрезе поселения телль Асвад на юге Сирии (9,7—8,7 тыс. лет назад) [10]. Отложения поселения Гхаб III [11], как и ряд поселений на территории Турции [12], относятся к среднему голоцену. К сожалению, все перечисленные разрезы характеризуют относительно непродолжительные этапы голоцена. Более поздние данные получены по разрезу озерных отложений озера Зерибар в западном Иране [13], где в едином разрезе представлены отложения, формировавшиеся в течении последних 20 тыс. лет. К сожалению, тот факт, что озеро находится на значительной высоте над уровнем моря, препятствует сопоставлению с ним разрезов, расположенных на равнине.

В целом все приведенные материалы однозначно свидетельствуют о заметном повышении влажности климата в период около 10 тыс. лет назад, и в результате этого процесса существовавшие здесь ранее сухие и опустыненные степи сменяются степями в комплексе с участками древесно-кустарниковых ценозов, саваннами с фисташкой и листопадными дубами. Не всегда можно однозначно определить, является ли проявляющееся в спорово-пыльцевых спектрах возрастание влажности климата результатом увеличения осадков или снижения температур и вследствие этого — уменьшением испарения. В частности, В. ван Цейст и Х. Волдринг [14] склонны именно так объяснять увеличение влажности климата северо-западной Сирии около 10 тыс. лет назад; во-первых, потому, что в это время имело место четко выраженное в Европе и зафиксированное в ряде других регионов похолодание, а во-вторых, потому, что на этом уровне отмечается некоторое увеличение дальнезаносной пыльцы кедра, что расценивается авторами как свидетельство снижения верхних горных поясов. Возможно, такое объяснение справедливо для такого узкого интервала, который характеризуется спектрами с повышенным содержанием пыльцы

кедра, но период с более влажным, чем современный, климатом растягивается, по данным разреза Гхаб I, не менее чем на два тысячелетия. Если привлечь данные по более молодому разрезу Гхаб II (к сожалению, не датированному радиоуглеродным методом), то следует заключить, что период с большей влажностью климата был значительно более продолжительным, причем начальный этап этого периода характеризуется в рассматриваемых районах наибольшей степенью увлажнения [15].

Вывод о большей влажности климата первой половины голоцена по сравнению с современностью согласуется с результатами спорово-пыльцевого анализа разреза озера Зерибар, которые позволяют наметить верхний предел этого периода. Согласно полученным по этому разрезу данным, влажность климата возрастала, начиная примерно с 10 тыс. лет назад, когда дубово-фисташковая лесостепь сменилась на прилегающей территории листопадными дубовыми лесами. Падение содержания пыльцы листопадных дубов в спорово-пыльцевых спектрах, сигнализирующее о сокращении площади этих лесов, а следовательно, и о сокращении влажности климата, относится примерно ко времени 4500 лет назад.

О существовании плювиального эпизода в рассматриваемом временном интервале свидетельствуют, помимо палинологических данных, также и материалы, полученные иными методами, в частности данные об изменении уровня озер в долине реки Иордан и на Аравийском полуострове, говорящие о существенном подъеме уровня озер в интервале 9—6 тыс. лет назад. Таким образом, существование поселений телль Магзалия и телль Сотто относится к периоду с более благоприятными по сравнению с современными климатическими условиями, что, несомненно, способствовало становлению земледелия.

[1] *Al-Shalash A. H.* The climat of Iraq. Amman, 1966. P. 85.

[2] *Handel-Mazzetti H.* Die Vegetationverhältnisse von Mesopotamien und Kurdistan // Ann. kgl. Naturhist. Hofmus. 1914. Bd. 28. S. 48—111; *Guest E.* Flora of Iraq. Baghdad, 1966. Vol. 1. P. 213.

[3] *Zeist van W., Woldring H.* Holocene vegetation and climate of Northwestern Syria // Palaeohistoria. 1980. Vol. 22. P. 111—125.

[4] *Zeist van W., Bottema S.* Palinological investigations in Western Iran // Ibid. 1977. Vol. 19. P. 19—85; *Iidem.* Vegetational history of the Eastern Mediterranean and the Near East during the last 20 000 years // Palaeoclimates, palaeoenvironments and human communities in the Eastern Mediterranean region in the later prehistory. L., 1982. P. 277—321. (BAR. Intern. Ser.; Vol. 133).

[5] *Zeist van W., Woldring H.* Holocene vegetation and climate of Northwestern Syria.

[6] *Handel-Mazzetti H.* Die Vegetationverhältnisse von Mesopotamien und Kurdistan. P. 213.

[7] *Leroi-Gourhan A.* Etudes palynologiques des derniers 11 000 ans en Syrie sémidesertique // Paléorient. 1974. Vol. 2. P. 443—451.

[8] *Leroi-Gourhan A.* Les analyses polliniques au Moyen-Orient // Ibid. 1980. Vol. 6. P. 79—91.

[9] *Zeist van W., Woldring H.* Holocene vegetation and climate of Northwestern Syria.

[10] *Leroi-Gourhan A.* Analise pollinique à Tell Aswad // Paléorient. 1979. Vol. 5. P. 170—174.

[11] *Zeist van W., Woldring H.* Holocene vegetation and climate of Northwestern Syria.

[12] *Zeist van W., Timmers R., Bottema S.* Studies of modern and holocene pollen precipitation in Southeastern Turkey // Palaeohistoria. 1968 (1970). Vol. 14. P. 19—39.

[13] *Zeist van W., Bottema S.* Palinological investigations in Western Iran.

[14] *Zeist van W., Woldring H.* Holocene vegetation and climate of Northwestern Syria.

[15] *Zeist van W., Bottema S.* Palinological investigations in Western Iran.

Приложение 2

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ[1]

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

Образцы с поселений телль Сотто, Кюльтепе и телль Магзалия взяты и обработаны Г. Н. Лисицыной в 1977—1978 гг. В 1978 г. коллекция злаков с телль Магзалии пополнена В. И. Гуляевым по методике Г. Н. Лисицыной.

Карбонизированные зерна очень редки на исследованных памятниках. На телль Сотто в процессе раскопок собрано всего несколько зерен. Вся коллекция получена в результате промывки образцов грунта из культурного слоя. Промывка велась на биологических ситах. Пробные образцы глинобитных стен с телль Сотто оказались почти пустыми. Основной материал получен в результате промывки углисто-золистых линз культурного слоя около очагов, с полов жилых и хозяйственных помещений. Собранные зерна из дробно взятых образцов объединены в три репрезентативные группы, характеризующие древнейший комплекс Сотто, начальный и заключительный этапы существования телль Магзалии. Материалы из хассунского поселения Ярымтепе I были обработаны Ф. Х. Бахтеевым и З. В. Янушевич [2].

Образцы с телль Сотто взяты из придонных отложений ямы 19 (кв. 17а) в разрезе I. Все образцы четко стратифицированы, бесспорно относятся к 1—2 культурному горизонту поселения и характеризуют древнейший этап существования памятника, этап Сотто. На телль Магзалии взяты две серии образцов, в основании культурных отложений и из слоев поселения за стенами на вершине телля. Ранняя серия (нижний зольник Г. Н. Лисицыной) взята на кв. Р-3, Р-4, Р-5 из 2—3 культурных горизонтов из зольников вокруг очажных ям, в том числе ям 130, 131 (табл. 5, 6 основного текста). Поздняя серия (верхний зольник Г. Н. Лисицыной) объединяет образцы из 14 культурного горизонта с квадратов линии *L*, М из гумусно-золистых слоев около помещений 238, 240, 260 (табл. 3, 8, 19 основного текста). Образцы отбирались таким образом, чтобы получить представление о начальном и заключительном этапах жизни поселения. Отбор образцов на зерно и пыльцу велся параллельно, и они хорошо увязываются между собой (см. приложение 1).

Полученная палеоэтноботаническая коллекция с телль Магзалии насчитывает около 300 фрагментированных и целых зерен и семян культурных и дикорастущих растений, сильно деформированных во время флотации.

Нижний зольник

Triticum sp.	— пшеница без видового определения
Triticum monococcum L.	— пшеница однозернянка
Triticum dicoccum Schrank	— пшеница двузернянка, эммер
Hordeum vulgaris L.	— ячмень пленчатый
Aegilops sp.	— эгилопс
Avena sp.	— овес дикорастущий
Linum sp.	— лен

Lens sp.	— чечевица
Vicia sp.	— вика
Adonis sp.	— адонис
Lithospermum arvense L.	— воробейник полевой

Верхний зольник

Triticum sp.	— пшеница без видового определения
Triticum monococcum L.	— пшеница однозернянка
Triticum dicoccum Schrank	— пшеница двузернянка, эммер
Hordeum sp.$_1$	— ячмень без видового определения
Hordeum sp.$_2$	— ячмень дикий
Aegilops sp.	— эгилопс
Avena sp.	— овес дикорастущий
Lens sp.	— чечевица
Lolium sp.	— плевел
Leguminosae	— растения семейства бобовых
Gramineae	— растения семейства злаковых, не определенные до рода

В собранной коллекции есть основания колосков эммера. Зерна культурных злаков имеют очень архаичный облик. Дикорастущий овес, по-видимому, является засорителем посевов пшеницы двузернянки.

В процессе земледелия осваивались расположенные близ поселения плакорные участки с маломощными каменистыми почвами, на которых высевались пшеницы однозернянки и двузернянки и пленчатые ячмени. Выращивание зерновых подкреплялось сбором бобовых растений. Сравнение полученной коллекции с палеоэтноботаническими материалами из Джармо, расположенного в дубово-фисташковой зоне гор Загроса, показывает несомненное сходство в составе возделывавшихся злаков (см. таблицу). Вместе с тем ассортимент продуктов собирательства здесь более широк, среди них дикие пшеницы, бобовые, плоды деревьев и кустарников [3].

Большое сходство коллекция из Магзалии обнаруживает с палеоэтноботаническими материалами, полученными для древних земледельческих поселений, расположенных на примыкающей к Синджарскому хребту аллювиальной равнине и относимых к культуре Сотто — Умм Дабагии (архаическая хассуна) и собственно хассунской, генетически связанной с культурой ранних земледельцев Северной Месопотамии VII тысячелетия до н. э. (табл.)[4].

Отмывка образцов из нижних культурных слоев телль Сотто, проведенная в 1978 г., дала следующие результаты:

Triticum sp.	— пшеница без видового определения
Triticum dicoccum Schrank	— пшеница двузернянка, эммер
Hordeum sp.	— ячмень без видового определения
Hordeum vulgare ver. nudum	— ячмень голозерный
Avena sp.	— овес дикорастущий
Vicia sp.	— вика
Lathyrus sp.	— чина
Leguminosae	— растения семейства бобовых

Палеоэтноботанические находки с земледельческих поселений VII—VI тысячелетий до н. э. Северной и Центральной Месопотамии

Памятник	Наименование вида									
	Пшеница однозерянка *Triticum monococcum* L.	Пшеница двузерянка *Triticum dicoccum* Schrank.	Пшеница мягкая *Triticum aestivum* L.	Пшеница карликовая *Triticum compactum* Host.	Пшеница спельта *Triticum spelta* L.	Ячмень *Hordeum* sp.	Ячмень пленчатый *Hordeum vulgare distichum* L.	Ячмень многорядный голозерный *Hordeum vulgare* var. *nudum*	Ячмень дикий *Hordeum spontaneum* C. Koch.	Ячмень бугыкковидный *Hordeum lagunculiforme* Bacht.
Джармо VII тыс. до н. э.	+	+	—	—	—	—	+	—	+	—
Умм Дабагия VI тыс. до н. э.	+	+	—	—	—	+	—	+	—	—
Телль эс-Савван VI тыс. до н. э.	+	+	+	—	—	—	+	+	—	—
Ярымтепе I VI тыс. до н. э.	+	+	+	+	+	—	—	+	—	+

Памятник	Наименование вида									
	Лен *Linum usitatissimum* L.	Чечевица *Lens* sp.	Вика *Vicia* sp.	Горох *Pisum* sp.	Костер *Bromus danthoniae* Trin.	Эгилопс *Aegilops* sp.	Каперсы *Capperis spinosa* L.	Растения семейства *Chonopodiaceae*	Плоды дуба *Quercus* sp.	Фисташка *Pistica atlantica* L.	Прозопис *Prosopis stephaniana* L.
Джармо VII тыс. до н. э.	—	+	—	+	—	—	—	—	+	+	—
Умм Дабагия VI тыс. до н. э.	—	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—
Телль эс-Савван VI тыс. до н. э.	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	+
Ярымтепе I VI тыс. до н. э.	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—

Сравнение материалов телль Сотто, Умм Дабагии [5] и Ярымтепе I (определения З. В. Янушевич, Ф. Х. Бахтеева и Л. В. Летниковой, дополненные материалами отмывки, проведенной в 1978 г.) показывает их большую близость (табл.). Расширение состава возделывавшихся культур на равнине происходит за счет гексаплоидных пшениц (мягкой, карликовой, спельты). Имеется также определенное сходство и с палеоэтнобота-

РИС. 1. Телль Магзалия. Зерна домашних злаков из культурного слоя

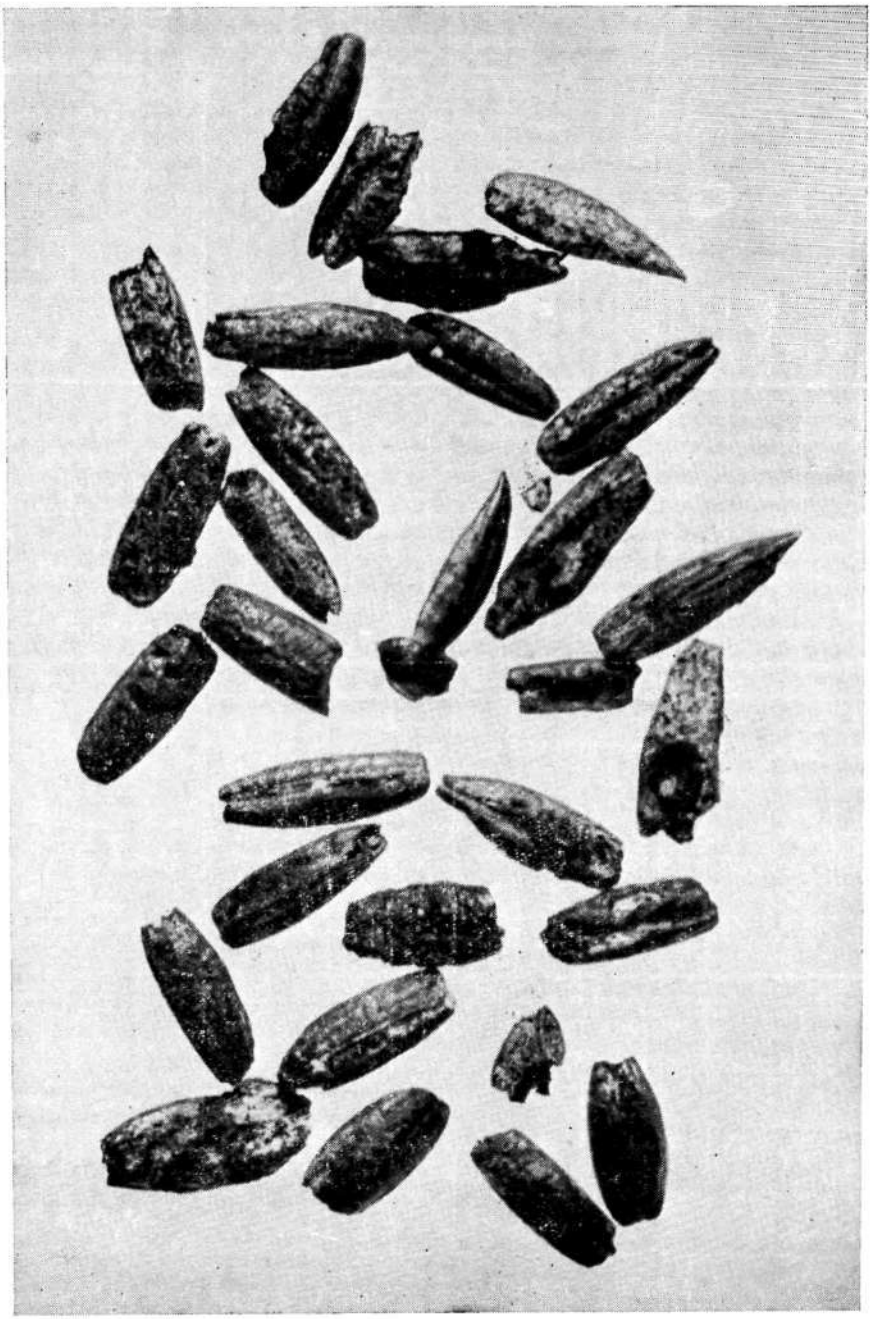

РИС. 2. Телль Магзалия. Семена бобовых и злаков из культурного слоя

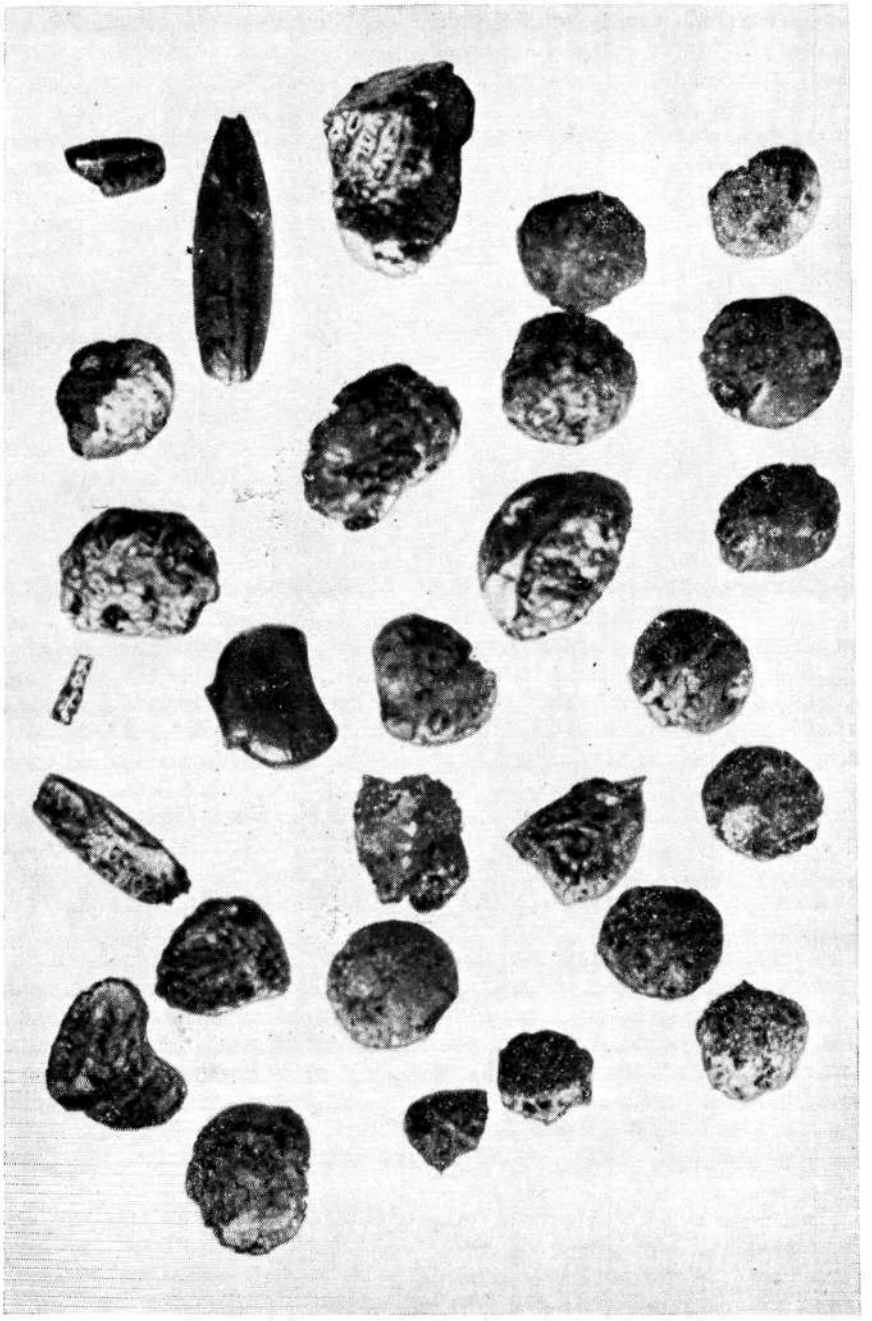

РИС. 3. Телль Магзалия. Зерна злаков из культурного слоя

ническими данными из хронологически одновременного, но расположенного южнее телль эс-Саввана, несмотря на различия в формах водения хозяйства [6]. Земледелие в северной части равнины Месопотамии было богарным, при среднегодовом количестве осадков до 400 мм в год [7], но, по-видимому, с целенаправленным использованием естественного увлажнения почвы в периоды паводков [8]. В телль эс-Савване земледелие было орошаемым (среднегодовое количество осадков 200 мм в год не позволяло выращивать посевы по богаре), что не отразилось, однако, на составе основных возделываемых культур.

Полученные для памятников Северной Месопотамии VII—VI тысячелетий до н. э. новые палеоэтноботанические материалы, несомненно, представляют интерес для решения вопросов возникновения и становления производящих форм хозяйства не только в данном центре, но и в целом на территории Ближнего Востока.

[1] Настоящий текст представляет доклад, подготовленный Г. Н. Лисицыной для V симпозиума палеоэтноботаников в Халле в 1980 г. Вводная часть доклада с общей характеристикой памятников заменена характеристикой отобранных образцов (составил Н. О. Бадер). Определения собранной коллекции злаков сделаны Г. Н. Лисицыной и Т. Димитровой-Атанасовой (НРБ). Во время симпозиума с коллекцией и итогами работы познакомились М. Хопф и В. ван Цейст (см.: *Лисицына Г. Н.* Проблемы становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии // КСИА. 1984. Вып. 180. С. 63—70). Коллекция хранится в Институте археологии АН СССР.

[2] *Бахтеев Ф. Х., Якушевич З. В.* Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе 1 и Ярымтепе 2 в Северном Ираке // *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 287—298.

[3] *Helbaek H.* Paleoethnobotany of the Near East and Europe // SAOC. 1960. Vol. 31. P. 99—118.

[4] *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973, 1974 гг.) // СА. 1979. № 2; *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии; *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah 1971: A preliminary report // Iraq. 1972. Vol. 34; *Helbaek H.* Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah // Ibid. P. 17—19.

[5] *Helbaek H.* Early Hassunan vegetable at Es-Sawwan near Samara // Sumer. 1964. Vol. 20, N 1/2. P. 192.

[6] *Guest E. R.* The climath of Iraq // Flora of Iraq. 1966. Vol. 1. P. 12—21.

[7] *Helbaek H.* Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah. P. 19.

[8] Ibid.

Приложение 3

ФАУНА С ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ

Д. В. ГАДЖИЕВ

Настоящая работа основана на коллекции 1977—1978 гг. По предварительным оценкам, эти материалы мало отличаются от коллекции 1979—1980 гг. и могут считаться репрезентативными. Материал описан суммарно. В коллекции 1977—1978 гг. представлены все горизонты. Около половины коллекции происходит из 13—16 горизонтов, т. е. позднейшего поселения на вершине холма. Это значит, что охота продолжает занимать важное место в хозяйстве до конца существования поселения.

Телль Магзалия. Видовой состав млекопитающих

Наименование вида	Количество костей	Количество особей	Наименование вида	Количество костей	Количество особей
I. Дикие			Дикий осел (Equus asinus L.)	38	22
Кабан (Sus scrofa L.)	5	4	Лисица (Vulpes vulpes L.)	5	3
Олень (Cervus sp.)	3	3	Заяц (Lepus sp.)	2	1
Джейран (Gazella subgutturosa Gül.)	41	28	*II. Домашние*		
Обыкновенная газель (Gazella gazella Pallas)	10	5	Коза домашняя (Capra Hircus)	112	70
Безоаровый козел (Capra aegagrus Erxleb.)	18	10	Овца домашняя (Ovis aries)	134	40
Муфлон (Ovis ammon L.)	20	14	Крупный рогатый скот (Bos taurus)	6	2
Тур (Bos primigenius Bojans)	39	9	Собака (Canis familiaris)	8	6

Остеологический материал 1977—1978 гг. представлен 4500 фрагментами костей скелета диких и домашних форм млекопитающих. Однако большинство костей сильно раздроблены, у них отсутствуют суставные концы (эпифизы), структурные особенности которых являются надежными критериями таксономических определений. Из общего числа костей определены до вида 435. Они принадлежат 10 видам диких и 3 — домашним формам (см. таблицу). Домашние виды в остеологическом материале составляют 58,3%, а дикие — 41,6%. Столь высокий процент диких форм по сравнению с более поздними раннеземледельческими поселениями Месопотамии свидетельствуют о том, что охота хотя и не была основной хозяйственной деятельностью магзалийцев, но занимала довольно существенное место в ее экономике.

Состав териофауны характеризует наличие в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита животных, адаптированных к открытым пространствам степного и полустепного характера (джейран, дикий осел), зоне лесостепей саванного типа (тур, олень, обыкновенная газель), а также горным массивам (безоаровый козел, муфлон). Человек охотился преимущественно на степных и лесостепных животных.

Основным объектом охоты были джейран и дикий осел. Превалирование костей джейрана, правда в сочетании с куланом, является весьма характерным в поселениях степных районов всей Передней Азии, датируемых мезолитом и ранним неолитом. В это время на обширной территории Ближнего Востока существовала массовая охота на степных копытных, и в первую очередь на джейрана. Остеологические материалы из телль Магзалии свидетельствуют о том, что в Северной Месопотамии джейран по численности значительно превосходил обыкновенную газель и его стада паслись совместно с дикими ослами, а не с куланами, как в более восточных регионах Передней Азии.

Второе место по количеству особей занимает тур. Кости первобытного тура (Bos primigenius) из телль Магзалии отличаются от широко распространенного в Европе, ныне вымершего, тура мелкими размерами. Учиты-

вая то, что в плейстоцене и раннем голоцене Ближнего Востока встречаются остатки тура, не имевшего столь внушительных размеров, как европейские формы, есть все основания кости крупного полорогого из телль Магзалии относить не к домашнему быку, а к первобытному вымершему туру.

Третье место по численности костных остатков (и особей) занимают безоаровый козел и муфлон. Единичны остатки кабана, кости лисицы, зайца и мышевидных грызунов. Имеется несколько рогов оленей, которые были уже сброшены самцами (костного материала по этому виду нет) и в последующем подобраны магзалийцами для каких-то своих хозяйственных нужд.

Таким образом, основные охотничьи угодья составляли окружающие поселение участки степи, в меньшей степени лесостепь. Реже охотились на горные виды.

Стадо домашнего скота состояло из овец и коз (с небольшим доминированием овец) с относительно слабо выраженными доместикационными изменениями. Так, например, рога козлов имеют незначительную гомонимную скрученность, а кости скелета баранов по всем остеометрическим параметрам лишь незначительно уступают по величине своим диким сородичам. Вместе с тем все самки в стаде овец уже были безрогими, что говорит о довольно длительном предшествующем периоде одомашнения.

Судя по нескольким особенно мелким костям среди бесспорных остатков тура, можно предполагать использование в хозяйстве и крупного рогатого скота.

Кости домашних собак хотя и относятся к крупным догообразным пастушеского типа собакам, но они заметно мельче волчьих и обнаруживают все признаки длительной доместикации.

Видовой состав животных в различных частях культурной толщи принципиально меняется. На первом периоде существования поселения (горизонты 1—5) в коллекции абсолютно преобладают дикий осел, обыкновенная газель и бык, а домашних животных нет совершенно. Иными словами, в это время была развита охота и не известно скотоводство. В 5—6 горизонтах количество костей дикого осла резко сокращается, преобладают остатки барана и козы, скорее всего уже домашних. Смена происходит достаточно быстро. С этого времени и до конца существования поселения остатки диких и домашних животных равноправно сосуществуют в коллекции. В верхней части толщи наряду с бараном и козой появляется значительное количество молодых особей свиньи.

Эти важные наблюдения приоткрывают завесу над конкретными процессами доместикации животных на Ближнем Востоке. Предстоит еще возможно детально и объективно, на всем добытом материале и с привлечением сравнительных данных, оценить степень доместикации овцы, козы и свиньи. Однако общий вывод о быстрой смене дикой и домашней фауны на телль Магзалии уже сейчас представляется бесспорным.

Приложение 4

ОДОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИЙ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИИ

А. А. ЗУБОВ

Одонтологическая коллекция телль Магзалии происходит из погребений, сделанных на поселении в толще третьего культурного горизонта на кв. Р-3 и Р-4. Стратиграфическое положение погребений и обряд захоронений подробно описаны во втором разделе настоящей работы.

Костный материал из погребений сохранился очень плохо. Нами исследованы изолированные зубы 7 индивидуумов разного возраста и пола. В погребении 10 захоронен подросток 14—15 лет мужского пола. Погребение 6 содержало останки взрослого мужчины 25—30 лет, а остальные захоронения, судя по морфологии зубов, по-видимому, женские (4—18—20 лет, 7 и 9—25—30 лет). Возраст захороненных индивидуумов можно было определить по состоянию зубов достаточно надежно; что же касается диагностики пола, то достоверность определения значительно ниже, так как одонтологический материал обладает большой трансгрессией в отношении пола, а кроме того, комплекты зубов, найденные в захоронениях, весьма неполны, что внесло дополнительные сложности в данное исследование. Половой диморфизм по одонтологическим признакам сильно варьирует в человеческих популяциях, иногда практически сходя на нет. В данном случае изучаемый материал как будто обнаруживает значительный половой диморфизм по размерам зубов и, возможно, по некоторым признакам редукционного комплекса. Так, моляры в погребениях, рассматриваемых нами как мужские, достигают значительных размеров, особенно по вестибуло-лингвальному диаметру (M^1 — 12,0 мм, M^2 — 12,4 мм в погребении 10; M^1 — 13,5 мм, M^2 — 12,3 мм в погребении 6). К сожалению, о размерах гомологичных зубов в других погребениях мы не можем судить из-за отсутствия материала, за исключением одного случая (вестибуло-лингвальный диаметр M^2 в погребении 4 равен 11,2 мм, т. е. невелик). По размерам других зубов можно заключить, что в остальных погребениях преобладают небольшие одонтометрические показатели. Нужно особо отметить весьма сильно выраженную морфологическую редукцию моляров в рассматриваемой серии зубов. Это с наибольшей яркостью проявляется в морфологическом облике третьих нижних моляров, среди которых весьма редкая форма $У_3$ (трехбугорковый моляр) отмечена в трех случаях из четырех. Для сравнения скажем, что этот предельно редуцированный тип зубов в современных популяциях чаще всего совсем не наблюдается и до сих пор отмеченная максимальная его частота равна 6% (Северная Индия) [1]. Связь этого признака с южноевропеоидными расовыми группами сейчас не вызывает сомнения. Значительный уровень редукции нижних моляров характерен для одонтологического типа, известного в советской антропологии под названием южного грацильного. К нему относится большая часть населения Индии, Кавказа, часть групп Средней Азии, Болгарии. Группа, представленная изученной нами серией зубов, также относится к этому типу. Вторые нижние моляры в ней имеют по 4 бугорка (формы +4 и Х4), а в одном случае отмечен четырехбугорковый первый нижний моляр. Сильно редуцированы в изученной серии и верхние моля-

ры (формы 3 и 3+ в двух случаях из четырех, редкая форма 2+, на третьем моляре в погребении 5). На всех первых молярах гипоконус редуцирован до 4—. Сильно редуцированы верхние и нижние премоляры (кроме одного случая), а также верхние латеральные резцы. Серия выделяется очень высоким уровнем редукции даже в пределах южного грацильного типа. Из изученных современных групп она, пожалуй, наиболее близка к населению Северной и Западной Индии (материалами по современным группам Передней Азии мы, к сожалению, не располагаем).

В исследованных захоронениях мы практически не обнаружили никаких одонтологических показателей «восточного» (монголоидного) характера. Выраженность лопатообразной формы резцов характеризуется баллами 0 и 1 (лишь в одном случае на латеральном резце констатирована форма 2). Не встретилась коленчатая складка метаконида. Дистальный гребень тригонида отмечен 1 раз, что не вызывает удивления, учитывая принадлежность группы к южному грацильному типу.

Известный американский одонтолог А. Дальберг [2], изучая серию зубов из могильника Джармо (6750 ± 500 лет до н. э., Ирак), отметил ряд особенностей, сближающих последнюю с «восточносредиземноморским» одонтологическим типом (выделенным А. Дальбергом), а именно: выраженный микродонтизм, очень высокий уровень морфологической редукции, отсутствие монголоидных черт. Как локальные особенности были отмечены незначительная редукция метаконуса при сильно редуцированном гипоконусе и умеренная стертость жевательной поверхности. Все эти особенности, включая две последние, можно констатировать и в изученной нами серии, что дает право отнести последнюю к «варианту Джармо» восточносредиземноморского одонтологического типа, входящего в выделенный нами южный грацильный тип. Вариант Джармо, как мы уже говорили, повторяется в современных группах севера и запада Индии, что может быть результатом либо широкого распространения восточносредиземноморского комплекса во всех его модификациях, либо конвергенции в зонах сходного протекания микроэволюционных процессов.

А. Дальберг объясняет специфику описанного им одонтологического комплекса Джармо условиями жизни населения, оставившего могильник: рассматриваемое время характеризуется переходом к земледелию, к производящему типу хозяйства, обусловившего «пищевую революцию» (американский одонтолог озаглавил свою статью «Зубная система первых земледельцев»). Произошедшие морфологические изменения зубной системы, связанные с «пищевой революцией», должны были носить как генетический, так и негенетический характер [3]. Состав и структуру пищи предположительно следует считать одним из факторов эволюции зубов, особенно после неолита: снижение нагрузок на жевательный аппарат должно было привести к редукции через эффект накопления мутаций и «эффект краудинга» [4]. По-видимому, изученная нами серия отражает именно этот этап микроэволюции человека. О снижении жевательных нагрузок может свидетельствовать, в частности, сравнительно небольшая степень стертости моляров и премоляров. Тип в целом является, таким образом, непосредственным следствием специфики исторической эпохи, которая характеризовалась серьезными изменениями в экономике и культуре, в частности изменениями состава, структуры пищи и техники ее приготовления.

Предлагаемое объяснение генезиса микродонтного одонтологического типа не может, однако, считаться единственно возможным. Дело в том, что еще задолго до рассматриваемой эпохи в средиземноморском регионе

существовали микродонтные варианты. Мы имеем в виду выделенный М. А. де Люмлей «тип микродонтного средиземноморского неандертальца» или «тип Ортю» [5]. Причины возникновения микродонтизма в столь отдаленную эпоху установить довольно трудно. Для нашей работы важен сам факт наличия этого феномена, так как популяции современных людей в рассматриваемом регионе могли быть генетически связаны с какими-то местными группами неандертальцев и унаследовать их одонтологический тип либо в процессе прямой трансформации, либо путем метисации между неандертальцами и людьми современного типа, по современным представлениям возникшими в Африке 100 тыс. лет назад (афро-европейская теория Бройера [6]) и мигрировавшими в Европу и Азию через Ближний Восток. Кстати, афро-европейская теория предусматривает возможность метисации между неандертальцами и людьми современного типа в рассматриваемом регионе.

Нужно сказать, что два изложенных варианта объяснения генезиса «варианта Джармо» не исключают друг друга, а действие более позднего фактора редукции по отношению к более раннему (филогенетическому) могло носить аддитивный характер, чем и обусловлена гиперредукция в «варианте Джармо».

[1] *Зубов А. А.* Антропологическая характеристика населения Союзной территории Дели по одонтологическим признакам // Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980.

[2] *Dahlberg A. A.* The dentition of the first agriculturists (Jarmo, Iraq) // Amer. J. Phis. Anthropol. 1960. Vol. 18, N 4. P. 243–256.

[3] *Dahlberg A. A.* Dental evolution and culture // Hum. Biol. 1963. Vol. 35, N 3. P. 237–248.

[4] *Зубов А. А., Халдеева Н. И.* Специфика механизма эволюции человека (на примере зубной системы) // Вопросы антропологии. 1987. Вып. 78.

[5] *Lumley M. A. de.* Les neandertaliens de la grotte de l'Hortus // Etudes quaternaires. Hrm I. P. 375–385. 1972.

[6] *Bräueer G.* Adam kam aus Afrika // Bild Wiss. 1987. Bd. 24. N 11. S. 38–45.

Приложение 5

МЕДНОЕ ШИЛО ИЗ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИИ

(Итоги химико-технологического исследования)

Н. В. РЫНДИНА, Л. К. ЯХОНТОВА

Свидетельства развития металлургии у раннеземледельческих племен Северной Месопотамии еще недавно были крайне ограниченны. Древнейшими медными изделиями считались найденные единичные украшения позднехалафского периода из Арпачии и Чагар Базара, датируемые не ранее середины V тысячелетия до н. э. [1]

Представления о позднем возникновении металлургии в Северной Месопотамии были впервые поколеблены в 1965 г. в связи с находками металлических бусин и небольшого ножичка в самаррском поселении телль эс-Савван [2]. Их предполагаемая дата — середина VI тысячилетия до н. э. [3]

Значительно более определенные и многообразные данные для характеристики месопотамского металла VI—V тысячилетий до н. э. были получены в 70-х годах благодаря работам советской археологической экспе-

диции АН СССР на севере Ирака. 12 полевых сезонов (1969—1980 гг.), проведенных советскими археологами в Синджарской долине Ирака, позволили собрать целую коллекцию медных бус, пронизок, подвесок и образцов медной руды при изучении поселений трех раннеземледельческих культур Северной Месопотамии — телль Сотто, хассунской и халафской. Надежные свидетельства использования металла в хассунское и дохассунское время (VI тысячелетие до н. э.) получены раскопками поселений Ярымтепе I и телль Сотто. При вскрытии слоя в Ярымтепе I металл и руда зафиксированы 27 раз, в телль Сотто — 3 раза [4]. Эти новые материалы дополнили прежние наблюдения, сделанные в телль эс-Савване, они доказали, что медь не была нововведением позднехалафского периода и широко применялась в Месопотамии на протяжении всего VI тысячелетия до н. э.

Активное накопление данных по истории древнейшей металлургии шло на протяжении двух последних десятилетий и в сопредельных с Месопотамией районах Ближнего Востока, весьма близких ей по темпу исторического развития. Раскопки памятников докерамического неолита Анатолии, Восточного Средиземноморья, подгорной зоны Загроса показали, что истоки металлургических знаний восходят здесь к еще более раннему времени, связанному с концом VIII—VII тысячелетием до н. э. [5]. На этом фоне кажущееся запаздывание месопотамских достижений VI тысячелетия до н. э. вызывало справедливое недоумение исследователей, заставляло ожидать и здесь появления соответствующих по древности находок из металла [6].

Подсказанное научным предвидением открытие было сделано в 1979 г. в процессе раскопок поселения докерамического неолита телль Магзалия. Исследования этого замечательного памятника, расположенного на границе предгорий Джебел Синджара и долины, впервые позволили составить представление не только о начальных этапах развития производящего хозяйства на севере Месопотамии, но и о начальных шагах становления металлургии.

В культурных отложениях телль Магзалии найдены три куска медной руды (малахита) и медное шило, хорошо вписывающееся в коллекцию наиболее ранних медных изделий Ближнего Востока (рис. 1). Все находки происходят из слоев XIII—XIV горизонто", вскрытых в пределах верхнего раскопа телль Магзалии (поселение за стеной). Особо следует остановиться на условиях местонахождения медного орудия. Оно лежало в непотревоженном культурном слое, на глубине —236 см, под основанием глинобитной стены помещения 240 большого многокомнатного дома II, в кв. L-8. Стратиграфия памятника позволяет относить находку к основанию горизонта XIV В. К сожалению, радиоуглеродных дат для телль Магзалии пока нет. Но материал памятника проявляет большое сходство с поселениями докерамического неолита, раскопанными на западных склонах Загроса (докерамическое Джармо, Шимшара), в юго-восточной части Анатолии (Чейеню Тепеси), в Сирии (Мурейбит, Букра). На основании этих ближайших аналогий поселение уверенно датируется авторами раскопок VII тысячелетием до н. э. [7]. Таким образом, шило из телль Магзалии можно считать древнейшей медной находкой Северной Месопотамии.

Огромная научная ценность изделия определяется не только его древностью, но и рядом интереснейших историко-металлургических вопросов, которые могут быть поставлены в связи с его изучением. Какие приемы

РИС. 1. Шило из телль Магзалии

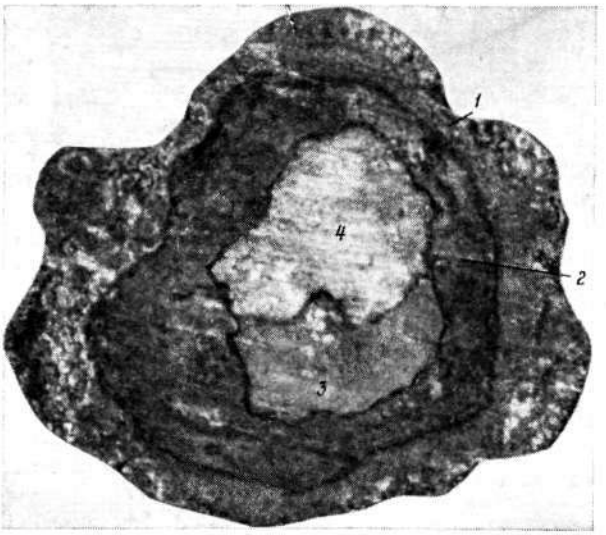

РИС. 2. Микроструктура поперечного среза шила (увеличение 3, 5)

получения и обработки металла стоят у истоков месопотамских металлургических знаний? Как эти приемы эволюционировали во времени? Какие общие закономерности развития древнейшей металлургии Ближнего Востока они отражают?

Уникальная находка телль Магзалии прошла всестороннее металлографическое исследование в лаборатории структурного анализа при кафедре археологии исторического факультета МГУ [1*]. Потребовавшиеся дополнительно спектральные и рентгеноспектральные анализы были проведены в лабораториях геологического факультета МГУ, Всесоюзного института минерального сырья и Государственного научно-исследовательского института сплавов и обработки цветных металлов (Гипроцветметобработка).

Предварительный поверхностный осмотр изделия позволил уточнить особенности его формы. Шило имело вид подквадратного в сечении стержня, один конец которого был плоско обрублен, а другой заострен проковкой, а возможно, и специальной заточкой. Угол «заточки» рабочего окончания составил не более 30° (рис. 1). Общая длина шила 38 мм, толщина 5 × 5 мм.

Невзирая на хороший внешний вид орудия, следовало, прежде всего, установить, в какой степени его металл поврежден окислением. Поперечный срез изделия был заплавлен в органическое соединение — полистерол, тщательно заполирован и исследован макро-структурно с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9. При увеличении в 23 раза удалось

[1*] Пользуюсь случаем поблагодарить Н. О. Бадера за предоставленную возможность подвергнуть уникальное орудие из телль Магзалии химико-технологическому изучению.

проследить три последовательно сменяющих друг друга, разные по степени плотности и окрашенности слоя коррозии, которые окружают сохранившееся в сердцевине нетронутое металлическое ядро (рис. 2). Два наружных слоя связаны с зоной полной коррозионной минерализации металла и один внутренний — с зоной частичной минерализации.

Наружный слой продуктов полной минерализации (рис. 2, *1*) отличается рыхлым строением и состоит из минералов зеленого и голубовато-зеленого цвета. Рентгеноспектральный анализ на микроанализаторе «Camebax» [2*] позволил установить, что основной частью этого слоя являются минералы атакамит $Cu_2Cl(OH)_3$ с содержанием 72% Cu_2O и нантокит CuCl (Cu $\approx$ 60%) с примесью Zn ($\approx$0,1%). Кроме хлоридов, в наружном слое почвенной коррозии содержатся и другие минералы: это высокогидратированные фазы типа лимонита, содержащие до 2% Zn и до 10—20% Cu, халькозин Cu_2S (Cu $\approx$ 74%) с примесью Zn (0,1—0,2%) и Sn (0,1%), небольшое количество брошантита $Cu_4SO_4(OH)_6$.

Основу следующего слоя (рис. 2, *2*) составляет минерал куприт Cu_2O. Местами темно-красный куприт прерывается трещинами и округлыми полостями, заполненными зеленоватым атакамитом.

На границе между описанными слоями полной коррозионной минерализации и нетронутым металлическим ядром расположена зона частичной минерализации металла (рис. 2, *3*). Она имеет смешанный характер и состоит из сложного переплетения некорродированных остатков металла с продуктами коррозии, имеющими черно-красную окраску и скрытокристаллическое строение. Продукты коррозии представляют здесь смесь нескольких аморфных веществ, содержащих окись-закись меди и хлориды этого элемента.

Особый интерес для дальнейшего изучения по составу и структуре представлял незатронутый окислением металл, находившийся в сердцевине шила (рис. 2, *4*). Именно он таил в себе информацию о характере исходного сырья и о методах его обработки при формовке изделия. Для определения химического состава металла была подготовлена стружка, высверленная из сердцевины стальным сверлом. Предварительно сердцевина была тщательно очищена от всех поверхностных слоев коррозии. С целью усреднения стружки, уменьшения ее возможной неоднородности она высверливалась из восьми различных мест образца, а затем смешивалась в корундовой ступке. Полученная таким образом средняя проба была подвергнута количественному спектральному анализу [3*]. По его результатам, шило изготовлено из меди, примеси которой представлены в следующем наборе и концентрации: Sn — 0,09%; Pb — 0,01%; Zn — 0,08%; Ag — 0,2%; Fe — 0,02%; Bi — 0,0001%; Ni — 0,001%.

При работе над данными усредненного состава металла обратило на себя внимание повышенное содержание в нем серебра. Дело в том, что серебро часто ассоциируется с самородной медью, образуя в ней рассеянные зерна или скопления, заполняющие трещины и пустоты [8]. Особенно характерны самостоятельные выделения серебра для так называемой первичной самородной меди, связанной с эндогенными (глубинными) процессами образования медных месторождений [9]. В ряде случаев такая медь образует богатые поверхностные выходы. Ярким примером этого явля-

[2*] Анализ проведен во Всесоюзном институте минерального сырья, аналитик Н. И. Чистякова.

[3*] Анализ проведен в лаборатории «Гипроцветметобработка», аналитик Л. Г. Емельянов.

ются медные месторождения Анарекского рудного поля центрального Ирана — Талмеси и других, в которых ведущую роль в первичной минерализации играет самородная медь [10]. Сложность и неравномерность состава самородков Талмесси, их загрязненность сопутствующими примесями, частое присутствие в них вкраплений серебра установлены многими как химическими, так и металлографическими исследованиями [11].

Итак, повышенная концентрация серебра в металле шила позволила предположить возможную связь его сырья с первичной самородной медью. Критически проанализировать это предположение предстояло с помощью более детального исследования различных участков его металлической сердцевины с точки зрения состава и структуры.

Форму и характер распределения различных включений удалось уточнить на основе данных рентгенофазового анализа [4*]. Он обнаружил интересную зональность в строении металлической сердцевины шила, которая в поперечном сечении имела членение на две четко обозначенные области. Внешняя область, узкая и плотная по строению металла, отмечалась более высоким отражением и заметной загрязненностью состава; внутренняя область, широкая и рыхлая, имела низкий показатель отражения и более чистый состав. Наружная область содержала 0,15% Zn, 0,14% Sn и около 0,05% Fe. Внутренняя дала отрицательный результат при проверке на присутствие указанных элементов. Отрицательный результат был получен и при изучении обеих зон сечения на As, Sb, Pb, Bi, S и кислород.

Особенно важные сведения удалось получить при исследовании металла на серебро. Его наличие установлено только в центральной части внутренней зоны, где оно образует каплевидные выделения размером до 0,3 микрона, вытянутые вдоль оси шила (рис. 3, *1*). Местами выделения чистого серебра сменяются каплевидными включениями медно-серебряного интерметаллида, содержащего до 60% Cu и до 40% Ag (рис. 3, *2*).

Сразу следует оговорить, что порог чувствительности рентгеноспектрального анализа значительно ниже, чем количественного спектрального: он выявляет присутствие элемента в пробе только при содержании его в количествах, превышающих 0,02—0,03%. Поэтому естественно расхождение его результатов с приведенными выше результатами усредненного состава металла, в том числе по Pb, Bi и Ni. Но причины расхождения кроются не только в этом. В наибольшей степени они определяются неравномерностью состава изученной меди. По данным С. Смита, специально исследовавшего с этой точки зрения первичную самородную медь из разных источников, вариации ее состава и структуры даже в едином по происхождению куске проявляют себя очень существенно [12]. Представляется, что установленное зональное своеобразие в составе и строении металла шила наиболее естественно связывать с исходной неоднородностью самородка, использованного при его изготовлении. Самородный характер изученной меди в еще более четкой форме можно подтвердить двумя другими рентгеноспектральными наблюдениями: присутствием вкраплений серебра и отсутствием в ее составе кислорода. Как известно, кислород никогда в самородной меди не фиксируется и это служит надежным индикатором распознания ее генетической природы [13].

Какой формующей обработке был подвергнут самородок при изго-

[4*] Анализ проведен в рентгеноспектральной лаборатории геологического факультета МГУ Г. П. Кудрявцевой.

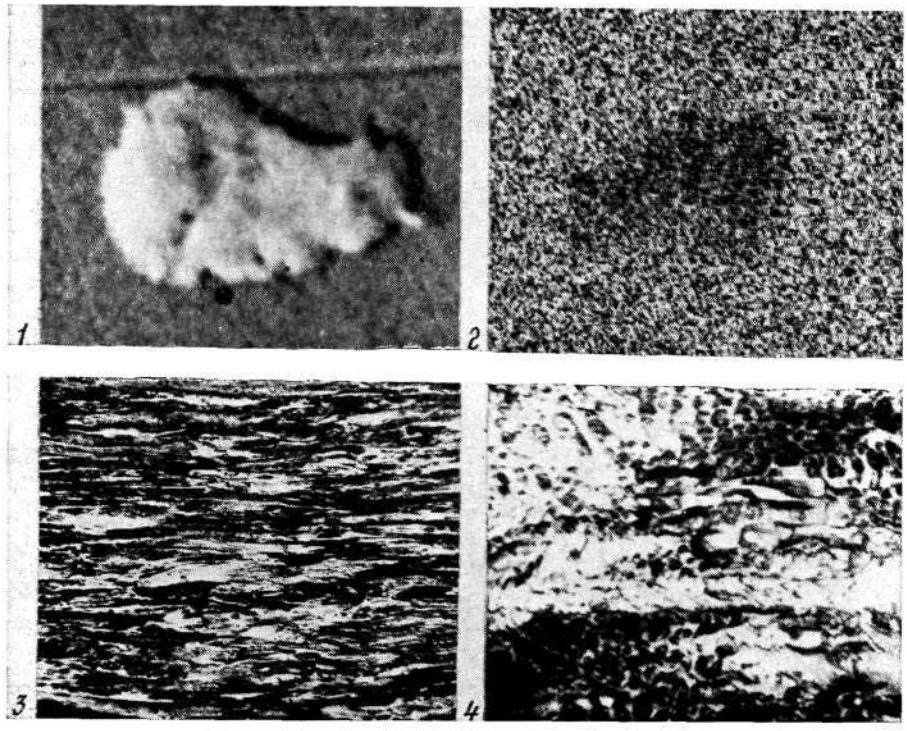
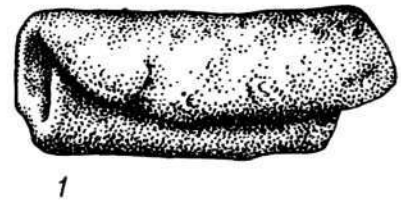

РИС. 3. Фотографии микроструктуры медной сердцевины шила

1, 2 — электронномикроскопическое изображение (увеличение в 10 000);
3, 4 — металлографическое изображение (*3* — увеличение в 130,
4 — увеличение в 400 раз)

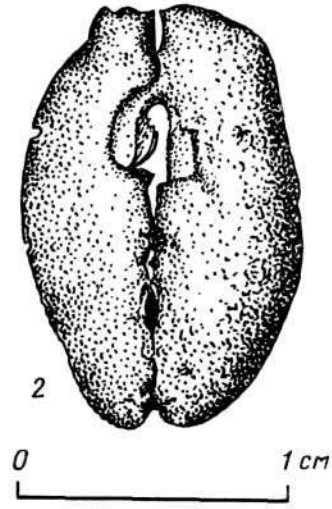

РИС. 4. Украшения VII тысячелетия до н. э. из памятников докерамического неолита

1 — пронизка из Али Кош,
2 — бусина из телль Рамад

товлении шила? Выяснить это помог микроструктурный анализ на металлографическом микроскопе МИМ-7. Необходимый для анализа шлиф был получен подполировкой продольного среза его металлической сердцевины. Попеременное травление шлифа в смеси перекиси водорода с аммиаком и в соляно-кислом растворе хлорного железа выявило волокнистую структуру, типичную для интенсивной холодной ковки меди (рис. 3, *3*, *4*). Характер волокнистого строения кристаллов позволил заключить, что степень обжатия металла при ковке составляла не менее 80—90%. На это указывали и высокие показатели его микротвердости (106 кг/мм^2).

Тщательное исследование шлифа при увеличениях порядка 800—1000 раз не позволило обнаружить никаких видимых включений, в том числе и ожидаемых включений серебра. Это легко объясняется разрешающими возможностями металлографического микроскопа, способного улавливать примеси, размер которых превышает 0,5 микрона. Величина же изученных образований серебра составляла всего 0,3 микрона.

С технологической точки зрения чрезвычайно важен факт отсутствия на шлифе включений закиси меди, установленный ранее рентгенофазовым исследованием, так как появление в меди кислорода сопутствует ее любому нагреву [14]. Отсутствие кислорода исключает возможность переплавки металла шила и его отжига. Таким образом, шило было получено одной холодной ковкой куска самородной меди, форма которого существенно отличалась от готового изделия и потому потребовала сильной и длительной кузнечной обработки.

Остается поставить вопрос о возможных источниках получения самородка, послужившего сырьем для изготовления шила из телль Магзалии. Крайняя скудность геологических сведений о геохимических и структурных особенностях ближневосточной самородной меди пока не позволяет решить этот вопрос окончательно. Можно высказать лишь предварительные соображения, которые потребуют дополнительной проверки после целенаправленного изучения самородного металла Ближнего Востока. Кажется наиболее вероятным предположить, что самородок из телль Магзалии связан по происхождению с медными выходами Анарекского рудного поля в центральном Иране. Так, с Талмесси его роднит отмеченная неравномерность строения, наличие обособленных включений серебра, присутствие чрезвычайно редких в самородной меди примесей цинка [15]. Общий набор выявленных элементов — примесей также не выходит за пределы усредненной характеристики самородков Талмесси, известной в литературе [16].

Вероятность использования в древности месторождений Анарекского рудного поля подтверждается и результатами современных геологических обследований. Здесь в месторождении Талмесси обнаружен рудный столб, содержащий до 500 кг первичной самородной меди. Общая площадь оруденения с преобладанием самородков даже в настоящее время достигает здесь около 100 м^2 [17].

В Талмесси зафиксированы следы древних разработок, приуроченные к особенно богатым поверхностным выходам природной меди и окисленной медной руды [18].

Итак, результаты аналитического изучения шила из телль Магзалии позволяют заключить, что у истоков месопотамской металлургии стоит кузнечная обработка самородного металла. Как согласуется это наблюдение с тем, что известно о зарождении металлургических знаний в других районах Ближнего Востока? Можно ли считать, что ковка самород-

ной меди составляет необходимый, естественноисторически и технически обусловленный этап развития древнейшей металлургии в целом? Ответ на этот вопрос потребует краткого обзора данных, полученных при изучении других металлических находок VII тысячелетия до н. э. ближневосточной зоны.

К числу интересующих нас древнейших медных изделий Ближнего Востока принадлежит трубчатая пронизка из Али Кош, многослойного поселения докерамического неолита, раскопанного американской экспедицией на юго-западной оконечности Иранского плато (рис. 4, *1*). Слой, из которого происходит пронизка, датирован по радиоуглероду серединой VII тысячелетия до н. э. [19]. Украшение изучено металлографически профессором металлургии С. Смитом в лаборатории Массачусетского технологического института (США). По его данным, пронизка получена путем изгибания пластины, раскованной из самородка, обогащенного вкраплениями серебра. Происхождение исходного самородного сырья С. Смит уверенно связывает с месторождением Талмесси [20].

Близка по времени к пронизке из Али Кош овальная медная подвеска из телль Рамад — поселения, изученного французской археологической экспедицией неподалеку от Дамаска в Сирии (рис. 4, *2*). Культурный слой, в котором она найдена, относится ко второй половине VII тысячелетия до н. э. [21].

Подвеска исследована А. Франс Ланором и А. Контансоном в лаборатории археологии металлов в г. Джарвиле (Франция). Микроскопический анализ обнаружил в металле очень крупные полиэдрические кристаллы и двойники, типичные для самородной меди. По справедливому заключению французских ученых для изготовления подвески был использован маленький медный самородок, не подвергавшийся никакой особой формирующей обработке. К нему отнеслись как к разновидности камня и не подправили даже ковкой, которая оставила бы свои следы в строении металла. Его просто просверлили кремневым сверлом, чтобы получить отверстие для подвешивания [22]. Микрохимический анализ показал высокую чистоту его меди. Это помешало решить окончательно вопрос об источнике ее получения. Авторы исследования лишь предполагают возможную связь самородка с месторождением Эргани Маден, расположенным в верховьях Тигра и имеющим следы древних разработок [23].

Важные сведения о древнейшем применении металла поступили в распоряжение археологов после раскопок анатолийских поселений докерамического неолита — Чатал Гуюк и Чейеню Тепеси. В коллекции уникальных находок Чатал Гуюка, добытой английской экспедицией во главе с Д. Меллартом в долине р. Конья, находилась целая серия бус и трубчатых пронизок, датируемых по радиоуглероду рубежом VII и VI тысячелетий до н. э. [24] Д. Мелларт полагает, что все эти предметы изготовлены ковкой из самородной меди упомянутого турецкого месторождения Эргани [25]. Но, к сожалению, это лишь гипотеза, не проверенная с помощью специальных исследований, хотя она и весьма вероятная. Во всяком случае, геохимическая характеристика изученных спектрально кусков малахита, найденных в Чатал Гуюке, весьма близка к составу окисленных руд предполагаемого источника [26].

Всего в 20 км от Эргани Маден находится другое поселение — Чейеню Тепеси, раскопанное американско-турецкой экспедицией. В докерамических напластованиях памятника, датированных по радиоуглероду временем 7250—6750 лет до н. э. [27], зафиксировано свыше сорока находок из меди

и малахита. Медные предметы представлены шильями, бусами, пронизками, подвесками [5*]. Значительная их часть была исследована в лаборатории структуры материалов при Пенсильванском университете США с помощью методов современной металлографии, рентгеновской и атомно-абсорбционной спектроскопии. По предварительным аналитическим заключениям, большинство изделий изготовлено из очень чистой самородной меди (99% Cu), обработанной холодной ковкой [6*]. Вполне вероятна ее связь с месторождением Эргани Маден.

Из общей массы находок выделяется по составу единственное в коллекции сверло. В его металле, по данным ранее проведенных спектральных анализов, присутствует 0,8% мышьяка [28]. Дополнительное исследование его состава пенсильванской историко-металлургической группой с помощью рентгеноспектрального анализа индуцированными протонами показало присутствие в меди орудия не 0,8 а 0,031% мышьяка. Разница в результатах может объясняться склонностью мышьяковых компонентов к образованию скоплений в металле при его коррозии. Вполне вероятно также, что вариабельность состава предопределена исходной неоднородностью обогащенного мышьяком самородка. Как бы то ни было, считать мышьяк показателем использования плавленого металлургического металла, как это принято в ряде работ [29], в данном случае нет никаких оснований. Достаточно вспомнить, что в самородках Талмесси содержание мышьяка колеблется от 0,1 до 1,0% [30].

Таким образом, основную часть древнейших находок Ближнего Востока можно рассматривать в качестве историко-технических аналогов шила из телль Магзалии. Эти находки демонстрируют неизвестную ранее, хотя и предполагаемую теоретически, стадию кузнечной обработки самородной меди, которая знаменует зарождение древнейшей металлургии Ближнего Востока. Первые изделия из самородков в виде мелких бусин, пронизок, подвесок, шильев найдены в поселениях докерамического неолита, датированных концом VIII—VII тысячелетием до н. э. Обитатели этих поселений не знали керамики, но уже сделали первые шаги на пути овладения земледелием и скотоводством. Культура их, в целом связанная с каменным веком, совершенно неожиданно обнаружила того человека, который впервые обработал самородный металл. Это открытие изменило традиционный взгляд на время становления металлургических знаний на Ближнем Востоке, в том числе и в Месопотамии. Стало ясным, что его следует относить не к V, а по крайней мере к VII тысячелетию до н. э.

Зона, в пределах которой зародилось знакомство с самородным металлом, охватывает значительный район Ближнего Востока от Анатолии и Восточного Средиземноморья на западе до Иранского Хузистана на востоке. Месопотамское поселение телль Магзалия находится в центральной части этой зоны. Как можно судить по расположению других металлоносных памятников, их территориальная разобщенность выражена весьма отчетливо. Это позволяет предположить, что освоение самородной меди началось почти одновременно в разных, сильно удаленных друг от друга

[5*] Приношу свою искреннюю признательность Х. Чембел за информацию об этих уникальных находках, пока не опубликованных.

[6*] Сведения о результатах аналитического изучения медных изделий из Чайеню-Тепеси получены из доклада Х. Чамбел, прочитанного ею на Международном семинаре по истории и культуре Фракии («Филипопольские седницы») в Пловдиве в октябре 1986 г.

центрах. Таким образом, новый фактический материал как будто подтверждает возможность полицентрического, многоочагового возникновения металлургических знаний в достаточно широкой области, но в условиях постоянных связей и контактов между самостоятельными очагами. Представить себе механизм развития этих контактов просто: они основывались на продвижении сырьевого самородного металла из различных источников, и прежде всего из Эргани Маден и Талмесси. Самородная медь, как и обсидиан, находилась в сфере активного торгового обмена, разрушавшего неолитическую замкнутость первобытных коллективов Ближнего Востока.

Результаты аналитического исследования шила из телль Магзалии и других древнейших находок ближневосточной зоны позволяют думать, что техника формовки самородного металла в VII тысячелетии до н. э. включала только приемы его холодной кузнечной обработки: свободную ковку, плющение, изгиб, обрезку, сверление, обточку и, видимо, полировку. В наборе этих приемов особо выделяются обточка и сверление, которые были освоены в процессе камнеобработки и лишь приспособлены к меди. Свободная ковка, близкая по характеру нанесения удара к оббивке, *предполагает уже знакомство с ее новыми, неизвестными в камне* пластическими свойствами. Осознание металла как принципиально нового материала, отличного от камня, особенно отчетливо выступает в использовании таких операций, как плющение, изгибание и обрезка. Самородок, освоенный человеком сначала как разновидность мягкого камня, очень скоро в его сознании приобретает специфические свойства, выделяющие его среди прочих природных материалов. Представляется поэтому, что проблему происхождения металлургии нельзя отделить от проблемы происхождения металла как материала. Начатки металлургических знаний формируются задолго до открытия плавления и литья и уходят своими корнями в кузнечный этап обработки самородной меди.

Как ни сложен и противоречив процесс развития древнейшей металлургии, как ни растянут он во времени и пространстве, как ни подвержен случайностям, течение этого процесса закономерно, естественноисторически и технически обусловлено. Именно поэтому мы вправе ожидать открытия еще одного пласта в ближневосточном материале, пласта, связанного с горячей ковкой и литьем самородного металла. Металлографически проверенные данные, говорящие об их освоении вслед за холодной обработкой самородков, пока отсутствуют. Но этот пробел, безусловно, будет восполнен дальнейшим изучением находок VII—VI тысячелетий до н. э., и прежде всего находок Северной Месопотамии из четко стратифицированных памятников культур телль Сотто и Хассуны. К сожалению, пока изделия дохассунского и хассунского времени исследованы только с помощью качественного спектрального анализа [31], характер которого не позволяет установить уровень местных навыков получения и обработки металла. Раскрыть их подлинную эволюцию в VI тысячелетии до н. э. поможет накопление результатов новых исследований. Факты, которыми мы располагаем сегодня, позволяют утверждать высочайший расцвет месопотамской металлургии IV тысячелетия до н. э. В это время уже известны и высокотемпературная плавка меди в горнах с искусственным дутьем, и литье в сложные формы, и специальное упрочнение металла ковкой [32]. Но подъем в развитии местных металлургических достижений венчает долгий и сложный путь производственных поисков, у истоков которых стоит использование самородной меди. Шило из телль Магзалии с должной достоверностью документирует этот вывод.

[1] *Wertime T. A.* Man's first encounters with metallurgy / Science. 1964. Vol. 146. N 3649. P. 1260, tab. 3; *Tylecote R. F.* A history of metallurgy. L., 1976. P. 9.

[2] *El Wailly F., Abu es-Soof E.* Excavations at Tell es-Sawan // Sumer. 1965. Vol. 21. P. 22; *El Wailly F.* Foreword // Ibid. 1964. Vol. 20. P. 2; *Al-A'dami K. A.* Excavations at Tell es-Sawan // Ibid. 1968. Vol. 24.

[3] *Mellaart J.* The neolithic of the Near East. L., 1975. P. 151.

[4] *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. М., 1981. С. 310, 311.

[5] *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1978. № 6. С. 76—77.

[6] Там же. С. 77; *Mellaart J.* The neolithic of the Near East. P. 166; *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. С. 308.

[7] *Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестн. АН СССР. 1979. № 2. С. 110, 112; *Бадер Н. О.* Телль Магзалия — ранненеолитический памятник на севере Ирака // СА. 1979. № 2. С. 130, 131.

[8] *Liversidge A.* On the crystalline structure of some silver and copper nuggets // J. and Proc. Roy. Soc. New South Wales. 1900. Vol. 34. P. 255, 256; *Вернадский В. И.* Изб. соч. М., 1955. Т. 2. С. 258.

[9] *Вернадский В. И.* Избр. соч. Т. 2. С. 252, 255; Минералы: Справочник/ Под ред. Ф. В. Чухрова. М., 1960. Т. I: Самородные элементы. С. 26—27.

[10] *Barian D., Hügner H.* Copper deposits in Iran // Geol. Surv. Iran. Rep. 1969. N 13. P. 40.

[11] *Wertime T. A.* Man's first encounters with metallurgy. P. 1260, tab. IV; *Barian D., Hügner H.* Copper deposits in Iran. P. 40; *Smith C. S.* Metallographic study of early artifacts made from native copper // Actes du XI Congr. Intern. d'histoire des sciences. Worclaw etc., 1968. Vol. 6. P. 240, tab. I.

[12] *Smith C. S.* Metallographic study... P. 237.

[13] *Bergsøe P.* The gilding process and the metallurgy of copper and lead among Pre-Columbian Indians. Copenhagen, 1938. P. 14; *Voce E.* Notes on some analyses of native copper and ancient aftifacts // Man. 1948. Vol. 48. P. 21; *Thompson F. C.* The early metallurgy of copper and bronze // Man. 1958. Vol. 58. P. 1.

[14] *Bergsøe P.* The gilding process and the metallurgy of copper and lead among Pre-Columbian Indians. P. 17; *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971. С. 43.

[15] *Smith C. S.* Metallographic study... P. 237—240, tab. I.

[16] *Barian D., Hügner H.* Copper deposits in Iran. P. 40.

[17] Минеральные ресурсы зарубежных стран // Минеральные ресурсы Ирана и Афганистана. М., 1949. Вып. 15. С. 49, 50.

[18] *Lamberg-Karlovsky C. C.* Archaeology and metallurgical technology in prehistoric Afganistan, India and Pakistan // Amer. Anthropol. 1969. Vol. 69, N 2. P. 149.

[19] *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain: An early village sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969. P. 42, 399; *Smith C. S.* Analyses of the copper bead from Ali Kosh // Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain P. 427, 428.

[20] *Smith C. S.* Metallographic study... P. 237.

[21] *Contenson H. dè.* Quatrième et Cinquième campagnes à Tell Ramad, 1967—1968: Rapport préliminaire // Annu. Rep. Amer. School Orient. Res. 1969. N 19. P. 27.

[22] *France-Lanord A., Contenson H. de.* Une pendeloque en cuivre natif de Ramad // Paléorient. 1973. Vol. 1. P. 111—115.

[23] Ibid. P. 115; *Birgi S. E.* Notes on the influence of the Ergani copper mine on the development of the metal industry in the ancient Near East // Jb. Kleinasiatische Forschung. 1950. N 1. S. 339.

[24] *Mellaart J.* Çatal Hüyük: A neolithic town in Anatolia. L., 1967. P. 22, 209, 212, 217, 218.

[25] Ibid.

[26] *Neuninger H., Pittioni R., Siegl W.* Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolien // Archaeol. Austr. 1964. H. 35. S. 109.

[27] *Braidwood R.* The early village in Southwestern Asia // JNES. 1973. Vol. 32, N 1/2. P. 37; *Braidwood R., Çambel H., Lowrence B.* et al. Beginnings of village-farming communities in Southeastern Turkey // Proc. Nat. Acad. Sci. US. 1974. Vol. 71, N 2. P. 570.

[28] *Esin U.* Die Anfänge der Metallverwendung und Bearbeitung in Anatolien (7500—2000 v. Chr) // Les débuts de la metallurgie, Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques: (IXe Congrès, Nice). Nice, 1976. P. 212; *Selimkhanow J. R.* Zur Frage einer Kupfer-Arsen-Zeit // Germania. 1977. N 55. S. 4.

[29] *Selimkhanov J. R.* Zur Frage... S. 4–6; *Esin U.* Anfänge der Metallverwendung und Bearbeitung in Anatolien. S. 210–213; *Maddin R., Wheeler T. S., Muhly J. D.* Distinguishing artifacts made from native copper // J. Archaeol. Sci. 1980. N 7. P. 223.

[30] *Tylecote R. F.* Early metallurgy in the Near East // Metals and Mater. 1970. July. P. 288, tab. I.

[31] *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. С. 314, 315.

[32] *Moorey P. R. S.* Metallurgy in Mesopotamia // Iraq. 1982. Vol. 44, N 1. P. 10–21.

Приложение 6

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ДАТИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ И ТЕЛЛЬ СОТТО

А. Г. ЧЕРКИНСКИЙ

Предлагаемые ниже даты получены радиоуглеродной группой лаборатории географического почвоведения Института географии АН СССР. Предложенные для анализа образцы имеют следующую стратиграфическую привязку.

1. Телль Магзалия. Образец взят из очажной ямы (кв. М-7, глубина 340—400 см ниже репера на вершине холма). Конструкция относится к культурному горизонту 10. Этот образец содержал больше других углистой массы. Попытка получить дату по костям пока удовлетворительного результата не дала.

2. Телль Сотто. Оба анализа сделаны по одному образцу. Он взят из нижней части заполнения древней ямы 10 (центр кв. 17, глубина 350—360 см ниже репера на вершине холма). Отложения в яме относятся к 1—2, древнейшему, культурному горизонту.

Образцы с обоих памятников представляют собой зольную массу, смесь мелкодисперсного угля и минеральной массы, содержащей значительное количество карбонатов. Мелкодисперсный уголь обладает большой удельной поверхностью, является хорошим адсорбентом и поэтому может фиксировать «молодые» органические вещества, которые могут исказить радиоуглеродный возраст образцов. Очистка образцов затруднена, так как для экстракции адсорбированных веществ обычно применяются щелочные растворы, а в нашем случае их применение приводит к растворению углей. Поэтому нами была применена следующая методика подготовки образцов для радиоуглеродного датирования.

Образец сначала кипятили в 5% HCl в течение двух часов для удаления карбонатов, а также кислото- и водорастворимой органики, которая, как правило, имеет молодой радиоуглеродный возраст, затем образец отмывался дистиллированной водой до pH = 5,5—6 и обрабатывался 2% NaOH при комнатной температуре до тех пор, пока не прекращалось выделение гуминовых кислот и мелкодисперсного угля (5—6 раз). Из щелочной вытяжки уголь и гуминовые кислоты осаждались концентрированной серной кислотой при pH = 1, осадок собирался, отмывался в центрифуге при 3000 об/мин до pH = 5,5—6 и высушивался. Полученная фракция названа «холодной».

Остаток зольной массы после выделения «холодной» фракции вновь заливался 2% NaOH и кипятился в течение двух часов. Затем горячий щелочной экстракт сливался, в нем концентрированной серной кислотой осаждались не выделенные холодной обработкой гуминовые кислоты и

угли. Образовавшийся осадок отмывали в центрифуге при 3000 об/мин до pH = 5,5—6 и высушивали. Полученная фракция названа «горячей».

Из препаратов «холодной» и «горячей» фракций по стандартной методике [1] методом прямого спекания [2] готовилось счетное вещество бензол и определялся радиоуглеродный возраст путем жидкого сцинтиляционного счета. Результаты определения представлены в таблице.

Радиоуглеродный возраст различных фракций органического вещества, выделенного из зольной массы

Фракция	Поселение		
	телль Сотто	телль Сотто	телль Магзалия
«Холодная»	7470±60 (ИГАН — 769)	7150±50 (ИГАН — 774)	8010±50 (ИГАН — 772)
«Горячая»	7010±150 (ИГАН — 780)	Не определялось	7490±50 (ИГАН — 773)

Как видно из таблицы, обе фракции образца из поселения телль Магзалии с достоверностью 95% имеют одинаковый радиоуглеродный возраст, что позволяет нам говорить об отсутствии возможности загрязнения и о надежности полученных датировок. Поселение относится к культуре докерамического неолита В, датируемой в 8—9 тыс. лет (поселения Иерихон, Чейеню Тепеси, Бейда и другие), причем датировки получены по древесному углю. Полученная нами дата приводит к выводу, что поселение телль Магзалия относится к позднейшей группе этих памятников. Дата по «горячей» методике представляется завышенной относительно известных уже датировок близких по культуре памятников [3]. Нужно иметь в виду, что пока она остается единственной и нуждается в проверке. При оценке возраста телль Магзалии следует учитывать также, что образец взят из верхней части культурной толщи и характеризует заключительный этап третьего периода существования поселения.

При датировании фракций органического вещества, выделенных из зольной массы поселения телль Сотто, выявлено, что «холодная» фракция с достоверностью 95% имеет более древний радиоуглеродный возраст. Это явление, вероятно, можно объяснить проникновением единичных корней растений в культурный слой, и при жесткой лабораторной обработке горячей щелочью возможны гидролиз мелких корневых остатков и загрязнение образца. Полученная датировка 7470 ± 60 для поселения телль Сотто хорошо согласуется с радиоуглеродными датировками других дохассунских поселений, которые были получены по древесному углю, например: Телюль эс-Таласат — 7520 ± 120 (ТК-24) и 7360 ± 100 (ТК-23); телль эс-Савван — 7456 ± 73 (Р-855) и 7299 ± 86 (Р-856) и Маттара — 7570 ± 250 (W-623).

[1] *Чичагова О. А., Черкинский А. Е.* Отбор и химическая подготовка проб для радиоуглеродной датировки // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 5. С. 111–120.

[2] *Черкинский А. Е.* Получение карбида лития из гумусных кислот // Методы изотопной геологии. М., 1987. Ч. II. С. 300.

[3] *Waterbolk H. T.* Working with radiocarbon Dates in Southwestern Asia // Chronologies du Proche Orient: Chronologies in the Near East: Relative Chronologies and Absolute Chronology 16 000–4 000 B. P. // BAR. Intern. series. 1987. V. 379(I). P. 39–60.

Приложение 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КУЛЬТУРНЫМ ГОРИЗОНТАМ ОРУДИЙ ТРУДА И ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА ИЗ КРЕМНЯ И ОБСИДИАНА НА ПОСЕЛЕНИИ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ

Н. О. БАДЕР

Весь найденный археологический материал, в том числе изделия из камня, заготовки и отходы производства, брались небольшими пакетами с полов помещений, хозяйственных комплексов или из связанных с ними слоев. Всего за четыре года работ было взято 263 пакета обсидиана и кремня, не считая индивидуальных находок. В лаборатории каждый пакет был продатирован по разрезам в соответствии с принятой стратиграфической схемой. Материал из нарушенных или пограничных слоев был выделен и при подсчетах не учитывался.

ТАБЛИЦА I

Телль Магзалия. Количественное распределение предметов из кремня и обсидиана в культурных горизонтах 1—7

Предмет *	Горизонт								
	1	2	2—3	3	4	4—5	5	6	7
Орудия	15 / 3	28 / 8	6 / 6	27 / 18	49 / 70	7 / 22	66 / 73	37 / 21	26 / 13
Ретушированные пластины	2 / 36	6 / 33	7 / 31	13 / 72	21 / 215	6 / 49	67 / 225	22 / 98	24 / 53
Пластины без ретуши	13 / 72	59 / 322	16 / 115	42 / 240	82 / 650	4 / 144	215 / 1134	81 / 762	46 / 445
Косоплощадочные нуклеусы	2 / 0	6 / 0	—	—	0 / 2	—	0 / 1	2 / 0	—
Конические нуклеусы	—	1 / 0	—	1 / 1	0 / 2	—	1 / 2	1 / 0	1 / 0
Нуклевидные ядрища	—	0 / 1	—	1 / 0	3 / 0	—	2 / 1	—	—
Обломки	12 / 0	38 / 0	7 / 13	47 / 15	92 / 52	8 / 0	70 / 47	48 / 32	35 / 16
Отщепы	35 / 64	184 / 65	28 / 61	88 / 145	216 / 315	27 / 47	181 / 420	113 / 196	103 / 114
Всего:	79 / 175	322 / 429	64 / 226	219 / 491	463 / 1306	52 / 262	601 / 1903	304 / 1109	235 / 641

* Верхняя цифра в графе означает количество кремневых предметов, нижняя — предметов из обсидиана.

ТАБЛИЦА II

Телль Магзалия. Количественное распределение орудий из кремня и обсидиана в культурных горизонтах 1—7

Орудие *	Горизонт								
	1	2	2—3	3	4	4—5	5	6	7
Ретушированные пластины	2/36	6/33	7/31	13/72	21/221	6/49	67/225	22/98	24/53
Скребки концевые	2/1	9/2	1/5	9/8	21/29	2/4	41/19	23/4	8/1
Скребки округлые	5/0	5/1	2/1	4/3	11/1	2/1	5/7	1/4	1/1
Отщепы со скребковой ретушью	1/0	4/0	—	1/0	2/0	—	—	—	2/0
Резцы угловые	1/1	0/2	—	1/1	1/4	1/3	2/2	—	1/4
Резцы срединные	—	—	—	—	—	1/0	—	—	—
Обломки с резцовыми сколами	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стамески	0/1	—	—	—	0/2	—	—	—	2/1
Провертки	—	3/1	—	1/0	2/0	—	2/0	3/1	1/0
Наконечники черешковые	5/0	4/0	1/0	7/0	7/0	—	8/0	6/0	5/0
Наконечники листовидные	1/0	2/0	—	3/0	2/0	—	4/0	2/0	2/0
Обломки наконечников	—	—	2/0	1/0	3/0	1/0	4/0	—	2/0
Вкладыши серпов	—	1/0	—	—	—	—	—	2/0	2/0
Жатвенные ножи с шипом	—	0/2	—	0/6	0/34	0/14	0/45	0/12	0/6
Всего:	17/39	34/41	13/37	40/90	70/291	13/71	133/198	59/119	50/66

* Верхняя цифра в графе означает количество кремневых предметов, нижняя — предметов из обсидиана.

ТАБЛИЦА III

Телль Магзалия. Количественное распределение предметов из кремня и обсидиана в культурных горизонтах 8—12

Предмет *	Горизонт								
	7—8	8	8—9	9	9—10	10	11	12	12—14
Орудия	4/1	31/4	2/1	7/0	17/1	39/7	17/1	17/3	1/0
Ретушированные пластины	8/15	11/23	—	25/24	10/3	36/40	15/13	15/20	2/6
Пластины без ретуши	9/81	61/519	6/10	17/124	10/73	71/495	35/226	31/218	1/13
Косоплощадочные нуклеусы	—	1/0	—	—	—	1/0	1/0	1/0	—
Конические нуклеусы	—	—	—	0/1	—	1/1	—	0/1	—
Нуклевидные ядрища	—	—	—	—	—	—	4/0	1/0	—
Обломки	4/3	72/5	4/2	20/0	13/1	98/0	16/2	42/2	1/0
Отщепы	8/10	110/73	—	14/21	23/15	126/90	55/26	—	7/2
Всего:	33/110	286/624	12/13	83/170	73/93	372/632	143/268	107/244	12/21

* Верхняя цифра в графе означает количество кремневых предметов, нижняя — предметов из обсидиана.

ТАБЛИЦА IV

Телль Магзалия. Количественное распределение орудий из кремня и обсидиана в культурных горизонтах 8—12

Орудие *	Горизонт								
	7—8	8	8—9	9	9—10	10	11	12	12—14
Ретушированные пластины	8/15	11/23	—	25/24	10/3	34/39	15/13	15/20	—
Скребки концевые	3/1	18/1	2/0	3/0	6/0	16/0	2/1	2/0	—
Скребки округлые	—	—	—	—	0/1	2/0	3/0	4/1	—
Отщепы со скребковой ретушью	—	1/0	—	—	—	3/0	—	2/0	—
Резцы угловые	—	5/0	—	—	—	12/4	4/0	4/1	1/0

ТАБЛИЦА IV (окончание)

Орудие *	Горизонт								
	7–8	8	8–9	9	9–10	10	11	12	12–14
Резцы срединные	—	—	—	—	—	—	—	0/1	—
Обломки с резцовыми сколами	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стамески	—	3/1	—	—	—	1/3	—	—	—
Провертки	—	—	—	—	1/0	—	1/0	3/0	—
Наконечники черешковые	—	3/0	—	3/0	—	1/0	—	—	—
Наконечники листовидные	—	1/0	—	1/0	—	—	—	1/3	—
Обломки наконечников	1/0	—	—	—	—	1/0	—	—	—
Вкладыши серпов	—	—	—	—	10/0	3/0	7/0	—	—
Жатвенные ножи с шипом	—	0/2	1/0	—	—	—	—	0/1	—
Всего:	12/16	42/27	2/1	32/24	27/4	73/46	32/14	17/3	1/0

* Верхняя цифра в графе означает количество кремневых предметов, нижняя — предметов из обсидиана.

ТАБЛИЦА V

Телль Магзалия. Количественное распределение предметов из кремня и обсидиана в культурных горизонтах 13—17

Предмет *	Горизонт							
	13	13–14	14	14–15	15	15–16	16	17
Орудия	37/13	5/1	47/14	3/0	55/4	3/2	25/5	18/11
Ретушированные пластины	11/19	3/8	18/62	—	12/27	1/2	15/31	17/25
Пластины без ретуши	41/290	11/63	64/397	2/8	82/602	4/29	57/483	6/180
Косоплощадочные нуклеусы	—	—	1/0	—	2/0	1/0	1/0	—
Конические нуклеусы	0/1	—	—	—	1/1	—	4/1	2/0
Нуклевидные ядрища	1/0	—	3/0	—	1/0	—	4/0	1/0
Обломки	79/0	36/0	243/0	—	240/0	13/0	246/0	9/0

* Верхняя цифра в графе означает количество кремневых предметов, нижняя — предметов из обсидиана.

ТАБЛИЦА V (окончание)

Предмет *	Горизонт							
	13	13—14	14	14—15	15	15—16	16	17
Отщепы	137 54	64 11	447 62	—	543 56	25 1	401 85	98 34
Всего:	306 377	119 83	823 535	—	936 689	47 34	753 605	151 250

ТАБЛИЦА VI

Телль Магзалия. Количественное распределение орудий из кремня и обсидиана в культурных горизонтах 13—17

Орудие **	Горизонт							
	13	13—14	14	14—15	15	15—16	16	17
Ретушированные пластины	11 19	3 8	18 62	—	12 27	1 2	15 31	17 25
Скребки концевые	10 2	2 0	5 2	1 0	4 2	1 0	10 2	5 5
Скребки округлые	—	—	6 0	—	10 0	—	3 0	4 0
Отщепы со скребковой ретушью	7 0	—	1 0	—	4 0	—	2 0	—
Резцы угловые	5 3	2 0	9 4	—	16 0	2 1	5 1	4 5
Резцы срединные	0 1	—	2 0	—	—	—	0 1	—
Обломки с резцовыми сколами	—	1 0	—	—	—	1 0	—	—
Стамески	1 0	—	—	—	2 0	—	2 0	—
Провертки	—	—	—	—	—	—	—	—
Наконечники черешковые	2 0	—	7 0	—	7 0	—	1 0	—
Наконечники листовидные	1 0	—	—	—	1 0	—	2 0	—
Обломки наконечников	—	—	2 0	—	—	—	—	1 0
Вкладыши серпов	7 0	—	13 1	—	6 1	—	—	1 0
Жатвенные ножи с шипом	0 7	0 1	0 7	—	0 1	0 1	0 1	—
Всего:	48 32	8 9	65 76	1 0	67 31	4 4	40 36	35 36

* Верхняя цифра в графе означает количество кремневых предметов, нижняя — предметов из обсидиана.

Приложение 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КУЛЬТУРНЫМ ГОРИЗОНТАМ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ТЕЛЛЬ СОТТО И КЮЛЬТЕПЕ

Н. О. БАДЕР

Весь керамический материал с поселений брался небольшими пакетами по помещениям или связанным с ними слоям. За четыре года работ на телль Сотто было взято 523 пакета керамики, в том числе 136 в 1974 и 116 в 1975 гг. Коллекция из Кюльтепе насчитывает 132 пакета керамики. По завершении работ весь материал был подразделен по горизонтам. К анализу привлечен только хорошо стратифицированный материал. Материал из контактных слоев, где было возможно смешение, и из тонких слоев на периферии поселений при подсчетах не учитывался.

В поле бралась вся керамика. После мытья из коллекции выделились формообразующие и орнаментированные фрагменты. Невыразительные стенки подсчитаны по четырем технологическим группам с учетом толщины сосудов. 1. Толстые, плохого обжига, с грубыми растительными примесями (корчаги, веялки, корыта и т. п.). Тонкие, толщиной до 1,5 см., фрагменты плохого обжига, с грубыми растительными примесями (кухонная посуда, преимущественно чаши различного размера). 3. Тонкие фрагменты равномерного несильного обжига с мелкой растительной примесью в тесте (небольшие чаши и миски, отнесенные нами к столовой посуде, мягкий черепок легко ломается руками). 4. Тонкие плотные фрагменты сильного обжига, типичные для стандартной хассуны. Твердый черепок не крошится. 5. Единичные вишневые черепки с минеральными примесями в глиняном тесте и серолощеные черепки. Все мелкие обломки просчитаны по этой шкале и суммированы в таблицах 1—4. Формообразующие фрагменты в эти подсчеты не вошли. Массовый материал телль Сотто из раскопок 1971 и 1973 гг. в том числе из горизонта 7, также учтен лишь частично. Халафского и убеидского материала на поселениях не было. Единичные фрагменты круговой керамики с поверхности и из погребений не учитывались.

Подразделение материала на технологические группы в поле проведено на основе внешних признаков и в известной степени субъективно. Очень своеобразна грубая толстостенная керамика. По мелким фрагментам трудно выделить кухонную посуду, в особенности в нижних слоях Сотто, где часто встречаются крупные ребристые чаши. Наоборот, в верхних слоях Сотто и Кюльтепе ребристые сосуды-хранилища становятся значительно мельче и по толщине черепка приближаются к кухонной керамике. Качество обжига тонкой столовой посуды постепенно улучшается, а в верхних слоях она становится очень плотной и трудно отличима от стандартной керамики. По-видимому, в это время небольшие сосуды обжигаются в печах. Серая лощеная керамика в пятой группе была выделена нами по цвету и характеру обработки поверхности и первоначально считалась импортной. Лабораторный анализ показал, что она делалась из местной глины. Несомненно, импортной была вишневая керамика с минеральными примесями. Постепенное изменение керамики от слоя к слою отражает совершенствование техники ее изготовления.

ТАБЛИЦА I

Телль Сотто. Количественное распределение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам (по материалам 1971, 1973—1975 гг.)

Горизонт	Грубая толстая (корчаги, веялки)	Грубая тонкая (кухонная)	Мягкая тонкая (столовая)	Плотная тонкая (стандартная)	Вишневая, серая лощеная	Всего
8	1 867	133	166	718	—	2 884
7	623	34	38	225	—	920
6	2 223	76	79	80	2	2 460
5	1 070	42	29	6	—	1 147
4	1 272	66	21	17	2	1 378
3	834	32	17	6	4	893
2	12 364	564	217	31	4	13 180
1	4 099	256	54	—	—	4 409
1—8	24 352	1203	621	1083	12	27 271
1—6	21 862	1036	417	140	12	23 467

ТАБЛИЦА II

Телль Сотто. Процентное соотношение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам

Горизонт	Грубая толстая (корчаги, веялки)	Грубая тонкая (кухонная)	Мягкая тонкая (столовая)	Плотная тонкая (стандартная)	Вишневая, серая лощеная	Всего
8	64,7	4,6	5,8	24,9	—	100
7	67,7	3,7	4,1	24,5	—	100
6	90,4	3,1	3,2	3,2	0,1	100
5	93,3	3,7	2,5	0,5	—	100
4	92,3	4,8	1,5	1,2	0,2	100
3	93,4	3,5	1,9	0,7	0,5	100
2	93,8	4,3	1,7	0,2	0,3	100
1	93,0	5,8	1,2	—	—	100
1—8	89,3	4,4	2,3	4,0	0,05	100
1—6	93,2	4,4	1,8	0,6	0,05	100

ТАБЛИЦА III

Кюльтепе. Количественное распределение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам

Горизонт	Грубая толстая (корчаги, веялки)	Грубая тонкая (кухонная)	Мягкая тонкая (столовая)	Плотная тонкая (стандартная)	Вишневая, серая лощеная	Всего
5	496	58	49	24	—	627
4	497	62	40	1	—	600
3	1317	149	89	—	—	1555
2	1577	263	101	—	—	1941
1	2354	323	107	4	2	2790
1—5	6241	855	386	29	2	7513
1—4	5745	797	337	5	2	6886

ТАБЛИЦА IV

Кюльтепе. Процентное соотношение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам

Горизонт	Грубая толстая (корчаги, веялки)	Грубая тонкая (кухонная)	Мягкая тонкая (столовая)	Плотная тонкая (стандартная)	Вишневая, серая лощеная	Всего
5	79,1	9,3	7,8	3,8	—	100
4	82,8	10,3	6,7	0,2	—	100
3	84,7	9,6	5,7	—	—	100
2	81,3	13,5	5,2	—	—	100
1	84,4	11,6	3,8	0,1	0,1	100
1—5	83,1	11,4	5,1	0,4	0,03	100
1—4	83,4	11,6	4,9	0,07	0,03	100

ТАБЛИЦА V

Телль Сотто. Количественное распределение основных форм керамики по культурным горизонтам (по материалам 1974, 1975 гг.)

№	Форма	Горизонт						Итого	Горизонт		Всего
		1	2	3	4	5	6		7	8	
1	Корчаги биконические с прямым венчиком	143	123	15	6	—	—	287	—	9	296
2	Корчаги биконические с отогнутым венчиком	7	42	7	9	7	13	85	—	6	91
3	Корчаги округлые с отогнутым венчиком	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
4	Корчаги недифференцированные	108	251	24	20	20	6	429	—	11	440
5	Корчаги сферические с вертикальным венчиком	—	—	—	—	—	5	5	—	1	6
6	Веялки, корыта, сковороды	70	106	13	6	13	12	220	—	13	233
7	Чаши и кубки ребристые	68	66	20	12	4	10	180	—	17	197
8	Чаши и кубки прямостенные	36	90	20	6	5	8	165	—	17	182
9	Чаши округлые	22	56	10	4	10	14	116	—	14	130
10	Миски с прямыми стенками и ребром	31	57	11	9	3	9	120	—	3	123
11	Миски округлые	3	7	1	—	—	2	13	—	2	15
12	Блюда	—	12	1	1	—	—	14	—	—	14
	Всего (1—12)	488	810	122	73	62	79	1634	—	94	1728
	Корчаги (1—5)	258	416	46	35	27	24	806	—	28	834
	Веялки, корыта, сковороды (6)	70	106	13	6	13	12	220	—	13	233
	Чаши и кубки (7, 9)	126	212	50	22	19	32	461	—	31	492
	Миски и блюда (10, 11)	34	76	13	10	3	11	147	—	—	147

ТАБЛИЦА VI

Телль Сотто. Процентное соотношение основных форм керамики по культурным горизонтам (по материалам 1974, 1975 гг.)

№	Форма	Горизонт						Итого	Горизонт		Всего
		1	2	3	4	5	6		7	8	
1	Корчаги биконические с прямым венчиком	29,3	15,2	12,3	8,2	—	—	17,6	—	9,5	17,1
2	Корчаги биконические с отогнутым венчиком	1,4	5,2	5,7	12,3	11,3	16,5	5,2	—	6,4	5,3
3	Корчаги округлые с отогнутым венчиком	—	—	—	—	—	—	—	—	1,1	0,05
4	Корчаги недифференцированные	22,1	31,0	19,7	27,4	32,2	7,6	26,2	—	11,7	25,5
5	Корчаги сферические с вертикальным венчиком	—	—	—	—	—	6,3	0,3	—	1,1	0,4
6	Веялки, корыта, сковороды	14,4	13,1	10,7	8,2	20,9	15,3	13,5	—	13,8	13,5
7	Чаши и кубки ребристые	13,9	8,1	16,4	16,5	6,4	12,7	11,0	—	18,1	11,4
8	Чаши и кубки прямостенные	7,4	11,1	16,4	8,2	8,0	10,0	10,1	—	18,1	10,5
9	Чаши округлые	4,5	6,9	8,2	5,5	16,4	17,7	7,1	—	14,9	7,5
10	Миски с прямыми стенками, ребром	6,4	7,0	9,0	12,3	4,8	11,4	7,3	—	3,2	7,1
11	Миски округлые	0,6	0,9	0,8	—	—	2,5	0,8	—	2,1	0,9
12	Блюда	—	1,5	0,8	1,4	—	—	0,9	—	—	0,8
	Всего (1—12)	100	100	100	100	100	100	100	—	100	100
	Корчаги (1—5)	52,9	51,3	37,8	48,0	43,6	30,3	49,3	—	29,8	48,3
	Веялки, корыта (6)	14,4	13,1	10,6	8,2	21,0	15,3	13,5	—	13,8	13,5
	Чаши и кубки (7, 9)	25,8	26,2	41,0	30,1	30,6	40,5	28,2	—	51,1	29,4
	Миски и блюда (10, 11, 12)	7,0	9,4	10,6	13,7	4,8	13,9	9,0	—	5,3	8,8

Данные лабораторного исследования, суммированные в приложении 9, в целом совпадают с результатами оценки материала в поле.

Все формообразующие фрагменты рисовались, по лучшим и оригинальным образцам восстанавливалась форма сосудов. Типологические подсчеты сделаны по сумме всех найденных обломков. На телль Сотто просчитаны материалы последних двух лет раскопок, когда типология посуды была окончательно отработана. Седьмой горизонт исследован на вершине холма в 1973 г. и в настоящей работе не учтен.

Чтобы снизить вероятные ошибки при выделении типов по обломкам, невыразительные фрагменты объединены в таблицах в недифференцированные группы. Каждый из выделенных для подсчета основных типов объединяет ряд переходных форм, что ведет к некоторому схематизму, однако снижает вероятность ошибок. Анализ таблиц VII, VIII позволяет выявить и объяснить некоторые искажения, допущенные при подсчетах. Большие корчаги-хранилища дают наибольшее количество обломков, в том числе формообразующих. Это хорошо видно уже в таблицах I—IV. В группу формообразующих обломков вошли венчики, ребра и днища, в том числе от одних и тех же сосудов. Особенно много ребер крупных

ТАБЛИЦА VII

Кюльтепе. Количественное распределение основных форм керамики по культурным горизонтам

№	Форма	Горизонт				Всего
		1	2	3	4	
1	Корчаги биконические с прямым венчиком	16	—	1	1	18
2	Корчаги биконические с отогнутым венчиком	42	22	21	3	88
3	Корчаги округлые с отогнутым венчиком	8	6	9	2	25
4	Корчаги недифференцированные	87	42	21	13	163
5	Корчаги сферические с вертикальным венчиком	16	18	16	18	68
6	Веялки с защипами	3	1	—	—	4
7	Веялки рифленые	1	6	—	—	7
8	Корыта	50	38	27	14	129
9	Сковороды	1	—	2	—	3
10	Веялки, корыта, сковороды недифференцированные	4	4	4	1	13
11	Чаши и кубки ребристые	12	13	—	—	25
12	Чаши и кубки прямостенные	15	34	15	7	71
13	Чаши округлые	35	62	49	18	164
14	Чаши и кубки недифференцированные	65	28	20	13	126
15	Миски с прямыми стенками, ребром	9	10	14	6	39
16	Миски округлые	8	6	7	3	24
17	Миски недифференцированные	7	5	—	1	13
	Всего	379	295	206	100	980
	Корчаги (1—5)	169	88	68	37	362
	Веялки, корыта, сковороды (6—10)	59	49	33	15	156
	Чаши и кубки (11—14)	127	137	84	38	386
	Миски (15—17)	24	21	21	10	76

корчаг, т. е. их количество явно завышено. При подсчетах ребра вошли в группу недифференцированных корчаг, однако в нижних слоях Сотто они явно принадлежат к архаичному типу больших прямостенных биконических сосудов, которые здесь преобладают. Во втором горизонте Сотто в нерасчлененную группу биконических сосудов могло попасть и некоторое количество ребер от крупных чаш, характерных для этого слоя. Чаши и кубки обычно восстанавливались по венчикам, поэтому подсчеты точнее отражают их количество. Так или иначе, большие биконические корчаги и чаши с ребром явно доминируют в нижних слоях Сотто. В целом по обломкам можно лишь приблизительно оценить соотношение различных типов керамики и особенно количество сосудов.

Среди биконических корчаг и ребристых чаш много переходных форм. Округлые корчаги с отогнутым венчиком и корчаги с вертикальным высоким венчиком выделялись по обломкам горла, и эти две группы, безусловно, не отражают всего их многообразия. Корыта с гладким дном и веялки с рифленым дном неразличимы по стенкам. Скорее всего, коли-

ТАБЛИЦА VIII

Кюльтепе. Процентное соотношение основных форм керамики по культурным горизонтам

№	Форма	Горизонт				Всего
		1	2	3	4	
1	Корчаги биконические с прямым венчиком	4,2	—	0,5	1,0	1,8
2	Корчаги биконические с отогнутым венчиком	11,1	7,5	10,2	3,0	9,0
3	Корчаги округлые с отогнутым венчиком	2,1	2,0	4,4	5,0	2,6
4	Корчаги недифференцированные	23,0	14,3	10,2	13,0	16,6
5	Корчаги сферические с вертикальным венчиком	4,2	6,1	7,8	18,0	7,0
6	Веялки с защипами	0,8	0,3	—	—	0,4
7	Веялки рифленые	0,3	2,0	—	—	0,7
8	Корыта	13,2	12,9	13,1	14,0	13,2
9	Сковороды	0,3	—	1,0	—	0,3
10	Веялки, корыта, сковороды недифференцированные	1,1	1,4	2,0	1,0	1,3
11	Чаши и кубки ребристые	3,1	4,4	—	—	2,5
12	Чаши и кубки прямостенные	4,0	11,5	7,2	7,0	7,2
13	Чаши округлые	9,2	21,0	23,7	18,0	16,7
14	Чаши и кубки недифференцированные	17,1	9,5	9,7	13,0	12,9
15	Миски с прямыми стенками, ребром	2,4	3,4	6,8	6,0	4,0
16	Миски округлые	2,1	2,0	3,4	3,0	2,5
17	Миски недифференцированные	1,8	1,7	—	1,0	1,3
	Всего	100	100	100	100	100
	Корчаги (1—5)	44,6	29,8	33,0	37,0	36,9
	Веялки, корыта, сковороды (6—10)	15,6	16,6	16,0	15,0	15,9
	Чаши и кубки (11—14)	33,5	46,5	40,8	38,0	39,4
	Миски (15—17)	6,3	7,1	10,2	10,0	7,8

чество веялок несколько занижено. Ребристые и прямостенные кубки также можно разделить только по большим фрагментам, поэтому в итоговой таблице IX они объединены в одну группу. Индивидуальные единичные формы, в том числе прямоугольные, в подсчетах не учитывались.

Выделение типов по фрагментам создало известные сложности при статистическом анализе, однако возможные ошибки, безусловно, не исказили принципиальной характеристики комплексов. Таблицы V—VIII дают общее представление об облике керамики Сотто и Кюльтепе, развитии отдельных форм во времени, соотношении типов глиняной посуды с памятников между собой и, безусловно, представляют доброкачественный материал для анализа. Об этом говорит близкое совпадение процентного соотношения различных типов сосудов в соседних слоях, как и в обоих памятниках, их постепенные изменения во времени, отражающие развитие культуры. Небольшая коллекция керамики из нижних слоев Ярымтепе I, в обобщенном виде представленная в таблице IX, обработана по аналогичной методике и дала близкие результаты [1]. Таблицы количества

ТАБЛИЦА IX

Процентное соотношение основных типов глиняной посуды в телль Сотто, Кюльтепе и древнейших слоев Ярымтепе I

№	Форма	Телль Сотто						Кюльтепе				Ярымтепе I * ярус 1, 2
		горизонт						горизонт				
		1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	
1	Корчаги биконические с прямым венчиком	29,3	15,2	12,3	8,2	—	—	4,2	—	0,5	1,0	8,8
2	Корчаги биконические с отогнутым венчиком	1,4	5,2	5,7	12,3	11,3	16,5	11,1	7,5	10,2	3,0	5,8
3	Корчаги округлые с отогнутым венчиком	—	—	—	—	—	—	2,1	2,0	4,4	2,0	0,2
4	Корчаги недифференцированные	22,1	31,0	19,7	27,4	32,2	7,6	23,0	14,1	10,2	13,0	36,3
5	Корчаги сферические с прямым вертикальным венчиком	—	—	—	—	—	6,3	4,2	6,1	7,8	18,0	—
6	Веялки, корыта, сковороды	14,4	13,1	10,7	8,2	20,9	15,3	15,6	16,6	16,0	15,0	27,7
7	Чаши и кубки ребристые и прямостенные	21,3	19,2	32,8	14,7	14,4	22,7	7,1	15,9	7,2	7,0	2,0
8	Чаши и кубки округлые	4,5	6,9	8,2	5,5	16,4	17,7	9,2	21,0	23,7	18,0	17,5
9	Чаши и кубки недифференцированные	—	—	—	—	—	—	17,1	9,5	9,7	13,0	—
10	Миски с прямыми стенками, ребром	6,4	8,5	9,8	12,3	4,8	11,4	2,4	3,4	6,8	6,0	—
11	Миски с округлыми стенками	0,6	0,9	0,8	1,4	—	2,5	2,1	2,0	3,4	3,0	—
12	Миски недифференцированные	—	—	—	—	—	—	1,8	1,7	—	1,0	1,8
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

*Материал по древнейшим слоям Ярымтепе I см., *Башилов В. А., Куза А. В., Большаков О. Г.* Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке // СА. 1980. № 1. Табл. 2.

основных типов посуды из архаических хассунских слоев Ярымтепе I позволяют судить о ее близости комплексу Сотто и его дальнейшем развитии [2]. Вслед за авторами мы воздержались от перевода этих данных в процентные соотношения.

[1] *Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В.* Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке // СА. 1980. № 1. С. 120.

[2] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 87–113.

Приложение 9

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ ИЗ ТЕЛЛЬ СОТТО И КЮЛЬТЕПЕ

А. А. БОБРИНСКИЙ

Раскопками советской археологической экспедиции в телль Сотто и Кюльтепе обнаружены древнейшие на сегодняшний день находки бытовой глиняной посуды. Они датируются началом VI тысячелетия до н. э. [1] Уже одно это обстоятельство привлекает к ним повышенное внимание.

Ожидалось, что выяснение технологии изготовления столь ранних образцов глиняной посуды, помимо всего прочего, позволит выявить новые данные по проблеме происхождения гончарного искусства. И, забегая вперед, должен отметить, что эти ожидания хотя и частично, но подтвердились.

Технологическому изучению были подвергнуты обломки примерно от 100 различных сосудов.

По морфологическим признакам, согласно с данными Н. О. Бадера, они распадаются на четыре группы:

Группа 1 — грубая толстостенная кухонная посуда.

Группа 2 — грубая, но относительно тонкостенная кухонная посуда.

Группа 3 — тонкостенная («мягкая») столовая посуда.

Группа 4 — тонкостенная («плотная») столовая посуда.

Все эти находки происходят из нижних горизонтов культурных напластований. Керамика из телль Сотто — из первого, второго и третьего горизонтов, керамика Кюльтепе — из первого, второго, третьего и четвертого горизонтов, соответствующих четвертому, пятому и шестому горизонтам телль Сотто [2].

В целях индивидуального учета технологической информации обломки от разных сосудов были пронумерованы числами натурального ряда (1, 2, 3, 4 и т. д.) в соответствии с последовательностью их нахождения в горизонтах культурных напластований, начиная с первого горизонта.

Особенности их распределения по памятникам, горизонтам и морфологическим группам показаны в таблицах I и II.

Как видно из данных таблиц I и II, представленные для изучения образцы керамики весьма неравноценно распределены по памятникам, горизонтам и группам. Проводить на их основе детальный сравнительный анализ невозможно. Но этот материал вполне достаточен для составления

ТАБЛИЦА I

Распределение образцов керамики из телль Сотто по группам и горизонтам

Номер группы керамики	Распределение образцов						Общее число образцов
	горизонт 1		горизонт 2		горизонт 3		
	число	номер	число	номер	число	номер	
1	17	4—11, 15, 16, 18, 20, 23, 25, 26, 29, 31	20	33, 34, 36, 38—40, 43, 44, 48, 49, 53, 54, 59, 61, 64, 66, 67, 72, 73, 75	7	76—78, 80, 82—84	44
2	11	1—3, 12, 13, 14, 17, 19, 21, 22, 24	23	35, 37, 41, 42, 45—47, 50—52, 55—58, 60, 62, 63, 65, 68—71, 74	2	79, 81	36
3	4	27, 28, 30, 32	—	—	—	—	4
Всего образцов по горизонтам	32	32	43		9		84

ТАБЛИЦА II

Распределение образцов керамики из Кюльтепе по группам и горизонтам

Номер группы керамики	Распределение образцов						Общее число образцов
	горизонт 4		горизонт 5		горизонт 6		
	число	номер	число	номер	число	номер	
1	1	87	1	93	1	100	3
2	2	85, 86	1	94	8	88—90, 97—99, 101, 102	11
3	—	—	2	95, 96	1	91	3
4	—	—	1	92	—	—	1
Всего образцов по горизонтам	3		5		10		18

предварительной характеристики навыков труда, с помощью которых были изготовлены различные морфологические группы глиняной посуды. Следует остановиться на итогах изучения только начальных ступеней гончарной технологии, а именно: 1) навыков отбора глин, 2) навыков подготовки компонентов, слагавших формовочные массы, 3) рецептурных особенностях формовочных масс, которые использовались при изготовлении керамики различных морфологических групп.

В роли источников информации по всем этим вопросам рассматриваются сами обломки глиняной посуды. Методика выделения по ним технологической информации изложена в работе автора данного сообщения [3]. Единственный новый методический прием, использованный здесь (он касается определения концентрации органических компонентов, вводившихся в формовочные массы), описан по ходу изложения наблюдений.

Сами наблюдения осуществлялись с помощью бинокулярного микроскопа марки МБС. В соответствии с принятой методикой подготовки образцов к анализу все они изучались не только по естественным их состояниям, зафиксированным при раскопках, но и по обломкам, которые подвергались вторичному нагреванию в муфельной печи до температуры 850—900° С.

Ниже приведены предварительные итоги изучения начальных ступеней гончарной технологии по материалам из телль Сотто и Кюльтепе.

I. В качестве глиняного сырья для производства посуды различных групп в том и другом памятнике отмечено использование исключительно легкоплавких ожелезненных глин. Они различаются по признакам пластичности и составу грубых минеральных включений естественного происхождения.

По особенностям пластичности различаются высокопластичные («жирные») и среднепластичные глины. Первые характеризуются почти полным отсутствием мелкого кварцевого песка (с величиной зерен менее 0,5 мм), а вторые, напротив, наличием такого песка, представленного окатанными минералами кварца в концентрации не менее 10% к общему объему глины.

Глина высокой пластичности использовалась по преимуществу для изготовления керамики первых двух групп. Но она же отмечена по некоторым образцам керамики третьей группы из телль Сотто (см. образцы № 28, 30 и 32) и Кюльтепе (см. образец № 95). Наряду с этой глиной для изготовления керамики третьей группы зафиксировано использование условно среднепластичной глины. Она же отмечена по образцу, который характеризует четвертую группу посуды (см. образец № 96 из Кюльтепе).

По составу грубых минеральных примесей глины высокой пластичности распадаются на три варианта.

Вариант 1 характеризуется присутствием окатанного кварцевого песка средних размеров (от 1,5 до 2,0 мм) в очень небольшой концентрации и мелких обломков гипса в концентрации не более 10% в общем объеме глины.

Вариант 2 отличается присутствием только окатанного кварцевого песка в незначительной концентрации (размеры песчинок колеблются от 1,0 до 1,5 мм).

Вариант 3 характеризуется наличием оолитового известняка в сочетании с мелкими обломками гипса.

Присутствие оолитового известняка отмечено и в первом варианте высокопластичных глин, а также в глине средней пластичности. По-видимому, эта примесь является наиболее распространенным «спутником» местных залежей глин. Она присутствует в них в виде круглых или яйцевидных включений размерами от 0,5 до 2—3 мм, имеющих обычно темно-серые поверхности. В изломе цвет включений более светлый (серый, светло-серый). При вторичном нагревании образцов цвет их меняется. Они приобретают молочно-белую окраску, но, как правило, не распадаются под воздействием высоких температур. Бурно реагируют (вскипают) под действием соляной кислоты. В отличие от известковых включений, обломки

гипса, также имеющие молочно-белую окраску, при вторичном нагревании образцов практически целиком разрушаются, переходя в порошкообразное состояние, что позволяет различать ту и другую примесь при осмотрах.

Факт применения различных вариантов глин высокой пластичности допускает предположение, что местные гончары пользовались несколькими местами ее добычи, ориентируясь, по-видимому, на разную внешнюю окрашенность таких глин в сыром состоянии.

Распределение керамики из разных вариантов высокопластичных глин по памятникам, горизонтам и группам дано в таблицах III и IV.

ТАБЛИЦА III

Распределение керамики телль Сотто
из различных вариантов высокопластичной глины

Порядковый номер		Вариант 1		Вариант 2		Вариант 3		Общее число образцов
горизонта	группы	число	номер	число	номер	число	номер	
1	1	3	15, 16, 20	4	4, 5, 25, 29	9	6—10, 18, 23, 26, 31	16
1	2	2	12, 19	4	3, 13, 17, 24	6	1, 2, 11, 14, 21, 22	12
1	3	3	28, 30, 32	—	—	—	—	3
2	1	9	33, 39, 40, 44, 54, 59, 64, 66, 67	3	36, 72, 75	8	34, 38, 43, 48, 49, 53, 61, 73	20
2	2	5	47, 58, 63, 69, 74	4	46, 65, 70, 71	14	35, 37, 41, 42,45, 50—52, 55—57, 60, 62, 68	23
3	1	—	—	5	76, 78, 80, 83, 84	2	77, 82	7
Всего по вариантам глин		22		20		39		81

ТАБЛИЦА IV

Распределение керамики Кюльтепе
из различных вариантов высокопластичной глины

Порядковый номер		Вариант 1		Вариант 2		Вариант 3		Общее число образцов
горизонта	группы	число	номер	число	номер	число	номер	
4	1	—	—	—	—	1	87	1
4	2	3	89, 90, 101	1	85	1	86	5
5	1	—	—	1	93	—	—	1
5	2	—	—	2	88, 94	—	—	2
5	3	—	—	—	—	1	95	1
6	1	—	—	—	—	1	100	1
6	2	1	102	—	—	3	97—99	4
Всего по вариантам глин		4		4		7		15

Массовое использование различных вариантов высокопластичных глин свидетельствует в пользу предположения, что мы имеем дело с продукцией нескольких групп гончаров, каждая из которых придерживалась своих представлений о навыках отбора глин, необходимых для производства глиняной посуды. На это же указывают случаи применения глин условно-средней пластичности для изготовления керамики третьей и четвертой групп. Существование таких групп гончаров подтверждается и результатами анализа навыков составления формовочных масс.

II. В качестве основных компонентов, слагающих формовочные массы керамики телль Сотто и Кюльтепе, отмечена глина и навоз жвачных животных. Использование навоза фиксируется по целому ряду специфических признаков, диагностическая надежность которых многократно проверена экспериментальными данными. Наибольшей универсальностью обладают две группы таких признаков. Во-первых, признаки характерной размельченности травянистых растений. Во-вторых, специфические выделения из организмов животных избыточного кальция, магния и т. д., которые почти неизменно присутствуют в отходах жизнедеятельности не только животных, но и птиц. Эти выделения обладают, по-видимому, свойством сжиматься по мере высыхания навоза и приобретать форму округлых очертаний диаметром в поперечнике от 1,5—2,0 до 4—5 мм.

Химический состав таких выделений еще мало изучен. Поэтому на их основании пока сложно делать заключение о том, навоз какого травоядного животного был использован. Но само присутствие подобных выделений в сочетании с измельченными растительными остатками или их отпечатками в формовочных массах является вполне надежным свидетельством применения именно навоза жвачных животных.

Исходя из результатов сравнительного изучения экспериментальных образцов формовочных масс, составленных на основе смешения глины и навоза крупного и мелкого рогатого скота, с формовочными массами керамики из телль Сотто и Кюльтепе, допустимо предположить следующее.

1. В качестве компонента формовочных масс использовался навоз крупного и мелкого рогатого скота. Преобладающим в материалах оказался навоз крупного рогатого скота. Он отмечен в 79 образцах из 102.

2. Судя по явному преобладанию шаровидных форм, какими представлены в том и другом навозе выделения избыточных количеств микроэлементов, навоз использовался в сухом состоянии.

3. Среди растительных остатков отмечены измельченные стебли травянистых и злаковых растений, в частности покровные чешуйки зерен ячменя (?), что, по-видимому, допустимо связывать с одомашненными травоядными животными.

Сравнительное изучение экспериментальных серий формовочных масс, составленных на основе использования сухих измельченных и влажных глин, с глинами образцов из телль Сотто и Кюльтепе позволило заключить следующее.

1. Практически вся керамика первой и второй групп изготовлена из формовочных масс, образованных путем смешения влажной глины с измельченным сухим навозом.

2. Такое же состояние глины и навоза отмечено по некоторым образцам керамики третьей группы (см. образцы № 28, 30, 95).

3. Все остальные образцы третьей и четвертой групп изготовлены из формовочных масс, образованных путем смешения глины и измельченного навоза, находившихся в сухом состоянии.

Все эти данные указывают на существование явных различий в навыках подготовки компонентов, из которых образовывались затем формовочные массы.

III. При изучении обломков посуды различных морфологических групп было отмечено, что все они без исключения изготовлены из формовочных масс, составленных на основе смешения глины и органических материалов животного происхождения. Но концентрация этих органических материалов оказалась довольно различной. Достаточно строгие соотношения глины и органических материалов, выраженные в процентах, удалось проследить с помощью методики, разработанной автором данного сообщения. Она основана на зависимостях между величиной пористости черепка и концентрацией органических добавок, выявленных на большом экспериментальном материале. Суть методики состоит в следующем. Вначале путем микроскопического изучения изломов и поверхностей анализируемых образцов определяется качественный состав формовочных масс. После чего от каждого образца отделяется обломок площадью не менее 3 см^2, который подвергается вторичному нагреванию в муфельной печи до температуры 850° С. Когда обломок остыл, он взвешивается с точностью до 0,001 мг. и погружается в воду на 24 часа. После чего он вновь взвешивается с той же точностью. Если обозначить вес испытуемого образца в сухом состоянии (после вторичного нагревания) через «А», а вес его после насыщения водой — через «Б», то его условная пористость (сокращенно — УП), выраженная в процентах, может быть определена с помощью следующего выражения: $\text{УП} = \frac{\text{Б} - \text{А}}{\text{А}} \times 100\%$.

Зафиксированное значение пористости образца сравнивается со значениями пористости экспериментальных формовочных масс того же качественного состава, для которых строго учтены соотношения, в каких смешивалась глина с минеральными, органическими или теми и другими материалами. С помощью этой методики и были проанализированы обломки от 102 сосудов.

В результате выяснилось следующее.

1. В образцах керамики групп один и два в подавляющем числе случаев навоз присутствует в очень большой концентрации. В общем объеме глины он занимает не менее 50%. Причем концентрация его в значительной части образцов колеблется между 50 и 60%. Но наряду с этим отмечены образцы керамики первой и второй группы, в которых навоз присутствует в еще большей концентрации, занимая в общем объеме формовочной массы не менее 70%.

2. Для керамики третьей и четвертой групп зафиксировано присутствие навоза в несколько меньшей концентрации — от 40 до 50%. Такие же сравнительно невысокие концентрации отмечены для некоторой части образцов первой и второй групп.

Особенности распределения керамики с различной концентрацией навоза в формовочных массах представлены в таблицах V и VI.

Признаки явной устойчивости составления различных рецептов формовочных масс (с введением в них разных концентраций сухого навоза), отмеченные по материалам телль Сотто и Кюльтепе, подтверждают высказанное ранее предположение о том, что проанализированная керамика является результатом деятельности нескольких групп гончаров, каждая из которых придерживалась своих традиций при выборе глин и составлении формовочных масс.

ТАБЛИЦА V

Распределение керамики телль Сотто
с разными концентрациями навоза по горизонтам и группам

Порядковый номер		Присутствие сухого навоза в формовочных массах					
		40–50%		50–60%		70%	
горизонта	группы	число	номер	число	номер	число	номер
1	1	4	4, 5, 25 29	12	6—10, 15, 16, 18, 20, 23, 26, 31	—	—
1	2	1	13	11	1—3, 11, 12, 14, 17, 19, 21, 24	—	—
1	3	2	28, 30	2	27, 32	—	—
2	1	1	33	18	34, 36, 38, 39, 40, 43, 44, 48, 49, 53, 54, 59, 64, 66, 67, 72, 73, 75	1	61
2	2	2	47, 52	16	35, 37, 41, 42, 45, 46, 51, 55, 58, 62, 63, 65, 69, 70, 71, 74	5	50, 56, 57, 60, 68
3	1	2	78, 80	5	76, 77, 82—84	—	—
3	2	—	—	2	79, 81	—	—

ТАБЛИЦА VI

Распределение керамики Кюльтепе
с разными концентрациями навоза по горизонтам и группам

Порядковый номер		Присутствие сухого навоза в формовочных массах					
		40–50%		50–60%		70%	
горизонта	группы	число	номер	число	номер	число	номер
4	1	—	—	1	87	—	—
4	2	1	101	3	85, 89, 90	1	86
4	3	1	91	—	—	—	—
5	1	1	93	—	—	—	—
5	2	1	88	1	94	—	—
5	3	—	—	2	95, 96	—	—
6	1	—	—	—	—	1	100
6	2	—	—	2	97, 98	2	99, 102
6	4	1	92	—	—	—	—

Зафиксированные особенности гончарной технологии, изложенные выше, вынуждают признать, что речь идет о продукции гончарных производств, в которых действовали хотя и явно архаичные, но уже сформировавшиеся основные звенья гончарной технологии, связанные с подготовительной стадией (навыки отбора определенных глин, приемы их особой подготовки, в частности высушивания и измельчения, приемы высушивания и измельчения навоза, приемы дозирования его концентрации). Все

это свидетельствует не о самых первых проявлениях формирования гончарной технологии, а позволяет предполагать, что проанализированная керамика характеризует не самое раннее ее состояние. По-видимому, в дальнейшем возможно ожидать открытия на Ближнем Востоке памятников с еще более ранней посудой, изготовленной из смеси глины и органических материалов животного происхождения.

В настоящей небольшой работе мы смогли подробнее остановиться на подготовке формовочной глиняной массы, использовавшейся при изготовлении керамики Сотто и Кюльтепе. Не касаясь специально обжига посуды, необходимо сказать, что качество обжига больших сосудов и кухонной посуды низкое и связано это с несоблюдением необходимых требований термического режима. Его характеризуют быстрое повышение температуры и недостаточная продолжительность обжига. Такие условия вполне могли создаваться в кострах на дне ям, исследованных на телль Сотто. В некоторых из них найдены керамические шлаки. Порядок термической обработки легче было выдержать при изготовлении столовой посуды. Ее качество заметно выше.

Практически на всех исследованных под микроскопом фрагментах на поверхности были видны остатки охры разного качества, охристая глина или смесь охры с глиной. Она одинаково часто встречается на разных частях сосуда, почти всегда на внешней и внутренней поверхности и обычно нанесена уже после обжига. В большинстве случаев это не следы росписи. По-видимому, охрой или охристо-глинистым раствором покрывался весь сосуд. Судя по этнографическим параллелям, это могло делаться в магических целях.

[1] Информация Н. О. Бадера.
[2] Информация Н. О. Бадера.
[3] *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Тель Магзалия. План холма

1 — толстой линией показан контур холма; *2* — заштрихованы квадраты, исследованные до материка. Сечение сплошных горизонталей через один метр 21

Рис. 2. Тель Магзалия. Вид на поселение с северо-востока через реку Абру 22

Рис. 3. Тель Магзалия. Вид на поселение с северо-запада. На переднем плане видны цоколи оборонительной стены 264 (на юге) и встроенной в стену башни 236 (на севере) 22

Рис. 4. Тель Магзалия. Западный фасад оборонительной стены с перестройками (стены 264, 267) 23

Рис. 5. Тель Магзалия. Стратиграфическая схема нижнего раскопа (кв. N — 2; O — 3, 4, 5; P — 3, 4, 5)

1 — каменные и глинобитные постройки; *2* — ямы; *3* — ямы с обожженными стенками, очаги; *4* — ямы, обмазанные гипсом; *5* — полы и другие поверхности, обмазанные гипсом; *6* — обожженные поверхности; *7* — погребения; *8* — большие многокомнатные дома. Цифры на конструкциях обозначают их порядковый номер. Горизонтальные линии отмечают условные границы между культурными горизонтами. Цифры слева по вертикали указывают порядковый номер горизонта от основания холма 26

Рис. 6. Тель Магзалия. Нижний раскоп. Планы конструкций горизонта 5 (кв. P — 3, 4, 5) и горизонта 6 (кв. O — 5, P — 4). Условные обозначения смотри на таблице 5 33

Рис. 7. Тель Магзалия. Стратиграфическая схема среднего раскопа (кв. M — 7, 8, 9, 10; N — 7, 8) 35

Рис. 8. Тель Магзалия. Стратиграфическая схема верхнего раскопа (кв. J, K, L, M — 6, 7, 8; G, H, J — 9, 10, 11, 12, 13) 41

Рис. 9. Тель Магзалия. Горизонт 14а. Помещение 237 в доме II. Вид с юго-запада 45

Рис. 10. Тель Магзалия. Горизонт 14а. Западная стена башни 236 45

Рис. 11. Тель Магзалия. Горизонт 15а. Помещения 245 и 246 (на переднем плане) в доме III. Вид с юга 48

Рис. 12. Тель Магзалия. Горизонт 16. Часть южной стены помещения 253. Вид с юга 50

Рис. 13. Тель Магзалия. Погребения 5, 6, 7 на кв. P — 4 53

Рис. 14. Тель Магзалия. Погребение 5 54

Рис. 15. Тель Магзалия. Планы древних погребений на поселении

1 — погребение 7; *2* — погребение 4; *3* — погребение 5; *4* — погребение 6 . . 55

Рис. 16. Тель Магзалия. Карандашевидные нуклеусы из обсидиана (*1*, *2*) и каменные шлифованные топоры (*3*, *4*)

4 — горизонт 2; *6* — горизонт 6; *1* — горизонт 9; *2*, *5*, *8* — горизонт 10; *3*, *7* — горизонт 12 58

Рис. 17. Тель Магзалия. Каменные ступы. Горизонт 14 (*1*, *2*) 60

Рис. 18. Тель Магзалия. Сосуды из глины и гипса . . . . . .

1 — гипсовые ванны 261, 262; *2* — глиняный сосуд *215* 61

Рис. 19. Тель Магзалия. Отпечатки циновки на битуме. Горизонт 14 62

Рис. 20. Тель Магзалия. Глиняная женская статуэтка, вид сбоку. Горизонт 15 63

Рис. 21. Тель Магзалия. Горизонт 12. Глиняная зооморфная фигурка . . . 63

Рис. 22. План холма тель Сотто

Пунктиром показана сетка квадратов. В левом углу дана схема квадрата 10×10 м и нумерация разрезов на квадрате. Сечение сплошных горизонталей через 50 сантиметров 110

Рис. 23. Тель Сотто. Момент раскопок 110

Рис. 24. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 10
1 — глинобитные стены; *2* — очажные ямы; *3* — печи; *4* — ямы, обмазанные гипсом; *5* — ямы; *6* — крупные сосуды; *7* — погребения 112
Рис. 25. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадратов 5, 6 112
Рис. 26. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 11 113
Рис. 27. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 17 113
Рис. 28. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 12 114
Рис. 29. Телль Сотто. Стратиграфическая схема квадрата 18 114
Рис. 30. Телль Сотто. Общий вид западной половины раскопа. Горизонт 2 116
Рис. 31. Телль Сотто. Дом 78. Горизонт 2 118
Рис. 32. Телль Сотто. Конструкции 83, 84, 85. Горизонт 2 120
Рис. 33. Телль Сотто. Сосуды 74 и 71 перед конструкцией 83. Горизонт 2 . . . 120
Рис. 34. Телль Сотто. Сферические корчаги 112, 113 из горизонта 7 136
Рис. 35. План холмов Кюльтепе
Пунктиром показана сетка квадратов. Заштрихована вскрытая площадь. В правом верхнем углу дана схема квадрата 10×10 м и нумерация разрезов на квадрате. Сечение сплошных горизонталей через 50 сантиметров . . 144
Рис. 36. Кюльтепе. Стратиграфическая схема раскопа 145
Рис. 37. Кюльтепе. Жилое помещение дома 27 145
Рис. 38. Кюльтепе. Подсобные помещения дома 27 147
Рис. 39. Кюльтепе. План построек горизонта 2а 148
Рис. 40. Кюльтепе. *Орнаментированные фрагменты тонкой керамики из горизонтов 1, 2 (1–8)* 153
Рис. 41. Кюльтепе. Миска из известняка. Горизонт 1 154
Рис. 42. Кюльтепе. Мраморные сосуды из горизонта 1 (*1–2*) 154
Рис. 43. Кюльтепе. Миска из туфа. Горизонт 2 155
Рис. 44. Кюльтепе. Изделия из кости, камня и глины (*1–10*) 155
Рис. 45. Кюльтепе. Зернотерка из туфа и песты (*1–5*) 156
Рис. 46. Кюльтепе. Каменное точило с насечками (горизонт 1), глиняная головка быка (горизонт 2) (*1–2*) 157
Рис. 47. Карта основных неолитических-энеолитических памятников Верхней Месопотамии и подгорной зоны Тавра и Загроса
1 — Сакча Гезу, *2* — Джефер Гуюк, *3* — Чейену Тепеси; *4* — Гритиле; *5* — Мурейбит; *6* — Абу Хурейра; *7* — Букра; *8* — Магзалия; *9* — Кюльтепе; *10* — телль Сотто; *11* — Ярымтепе 1; *12* — Телюль эс-Таласат; *13* — Умм Дабагия; *14* — телль Хассуна; *15* — телль Шимшара; *16* — Гёрд Али Ага; *17* — Джармо; *18* — Телль эс-Савван; *19* — Шога Мами; *20* — Тамерхан; *21* — тепе Гуран; *22* — Асиаб; *23* — Гандж Дере; *24* — Али Кош. Условные обозначения: *1* — памятники докерамического неолита VIII—VII тысячелетий до н. э.; *2* — раннекерамические памятники VI тысячелетий до н. э.; *3* — поселения VII—VI тысячелетий до н. э. с докерамическими и раннекерамическими слоями 200
Рис. 48. Хронологическая таблица основных неолитических-энеолитических памятников Верхней Месопотамии и подгорной зоны Тавра и Загроса 201
Табл. 1. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадрата М – 10
1 — современная поверхность; *2* — суглинок; *3* — плотная глина, развалы глинобитных стен; *4* — углисто-золистые слои; *5* — скопления золы и угля; *6* — гумусные слои; *7* — глинобитные стены; *8* — камни и каменные кладки; *9* — гипсовые обмазки полов; *10* — прокаленная глина, под печи; *11* — поверхность материка; *12* — номера конструкций, римскими цифрами обозначены многокомнатные дома 65
Табл. 2. Телль Магзалия. Разрез по южной стенке квадратов L – 8, K – 8 66
Табл. 3. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадратов М – 8, М – 9 67
Табл. 4. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадратов М – 6, М – 7 68
Табл. 5. Телль Магзалия. План построек горизонтов 1, 2
1 — каменные кладки и отдельные камни (косой линией заштрихованы лицевые камни стен, толстой линией показана лицевая поверхность стен, пунктиром обозначены камни в основании глинобитных стен, гипсовых обмазок, или нижний ряд камней в кладке); *2* — глинобитные стены; *3* — развалы глинобитных стен; *4* — скопления плотной глины, развалы глинобитных стен; *5* — обожженный под печи, обожженные поверхности, гипсовые обмазки; *6* — гипсовые обмазки полов и других поверхностей; *7* — скопления золы и угля; *8* — контуры ям с обожженными стенками; *9* — контуры ям; *10* — контуры скоплений камней, золы, основания колоколовидных ям; *11* — разрушенные стены; *12* — границы обнажения; *13* — номера конструк-

ций. Границы квадратов обозначены толстой сплошной линией, пунктиром — линии бровок. Буквенно-цифровой индекс указывает номер квадрата. Цифры на конструкциях обозначают их порядковый номер 69
Табл. 6. Телль Магзалия. План построек горизонта 3 70
Табл. 7. Телль Магзалия. План построек горизонта 4 71
Табл. 8. Телль Магзалия. Средний раскоп. План построек горизонтов 1—5 72
Табл. 9. Телль Магзалия. Средний раскоп. План построек горизонтов 6, 7 73
Табл. 10. Телль Магзалия. Средний раскоп. План построек горизонтов 8, 9 74
Табл. 11. Телль Магзалия. Средний раскоп. План построек горизонтов 10, 11 75
Табл. 12. Телль Магзалия. Средний раскоп. План построек горизонта 12 . . . 76
Табл. 13. Телль Магзалия. План оборонительной стены и построек горизонта 13 (линии квадратов 6, 7) 77
Табл. 14. Телль Магзалия. План построек горизонта 13 (линии квадратов 7, 8) 78
Табл. 15. Телль Магзалия. Западный участок оборонительной стены 79
Табл. 16. Телль Магзалия. Южный участок оборонительной стены 80
Табл. 17. Телль Магзалия. План построек горизонта 14а (линии квадратов 7, 8) 81
Табл. 18. Телль Магзалия. План оборонительной стены и построек горизонта 14в (линии квадратов 6, 7) 82
Табл. 19. Телль Магзалия. План построек горизонта 14в (линии квадратов 7, 8) 83
Табл. 20. Телль Магзалия. Бастион 236. Аксонометрия 84
Табл. 21. Телль Магзалия. План построек горизонта 15а (линии квадратов 6, 7) 85
Табл. 22. Телль Магзалия. План построек горизонта 15а (линии квадратов 7, 8) 86
Табл. 23. Телль Магзалия. План построек горизонта 15в (линии квадратов 6, 7) 87
Табл. 24. Телль Магзалия. План построек горизонта 15в (линии квадратов 7, 8) 88
Табл. 25. Телль Магзалия. План построек горизонта 16 (линии квадратов 7, 8) 89
Табл. 26. Телль Магзалия. Кремневые и обсидиановые орудия
3 — горизонт 2; *4* — горизонт 4; *6*, *7*, *8* — горизонт 5; *9*, *10* — горизонт 6; *2* — горизонт 7; *1* — горизонт 13 90
Табл. 27. Телль Магзалия. Геометрические вкладыши и кремневые наконечники стрел 91
5, *8* — горизонт 1; *3*, *4*, *12*, *14* — горизонт 3; *9*, *10*, *13* — горизонт 5; *1*, *6* — горизонт 6; *11* — горизонт 7; *2* — горизонт 8; *7* — горизонт 16 92
Табл. 28. Телль Магзалия. Жатвенные ножи из обсидиана
6 — горизонт 1; *4*, *5*, *7* — горизонт 4; *2*, *8* — горизонт 5; *3* — горизонт 6; *1* — горизонт 17 93
Табл. 29. Телль Магзалия. Обломки гипсовых и мраморных сосудов
3 — горизонт 7; *4—6* — горизонт 14; *1*, *2* — горизонт 15 94
Табл. 30. Телль Магзалия. Обломки гипсовых и каменных сосудов, каменная булава (*1—7*) . . . . . .
Табл. 31. Телль Магзалия. Каменные орудия
5 — горизонт 2; *4* — горизонт 3; *3* — горизонт 4; *2* — горизонт 13; *6* — горизонт 15; *1* — горизонт 17 95
Табл. 32. Телль Магзалия. Костяные шилья (*1—14*) 96
Табл. 33. Телль Магзалия. Костяные лощила (*1—10*) 97
Табл. 34. Телль Магзалия. Костяные иглы с ушком (*1—17*) 98
Табл. 35. Телль Магзалия. Трубчатые кости с обрезанными эпифизами, резьба по кости (*1—15*) 99
Табл. 36. Телль Магзалия. Базальтовые зернотерки и терочники (*1—12*) . . . 100
Табл. 37. Телль Магзалия. Отпечатки плетений (*1—6*) 101
Табл. 38. Телль Магзалия. Дисковидные подвески из речных галек, заготовки подвесок из галек, пестик из гальки, обломок мраморного браслета (*1—14*) 102
Табл. 39. Телль Магзалия. Каменные бусы, подвески, печать, обломки браслетов и другие поделки
23, *30* — горизонт 2; *3*, *13*, *16* — горизонт 3; *12*, *15*, *18* — горизонт 4; *11*, *21*, *25*, *26*, *28* — горизонт 5; *5*, *19*, *24* — горизонт 6; *2*, *8*, *9* — горизонт 7; *10* — горизонт 9; *4*, *27* — горизонт 10; *22* — горизонт 12; *17* — горизонт 13; *6*, *7*, *20* — горизонт 14; *14*, *29* — горизонт 16; *1* — горизонт 17 103
Табл. 40. Телль Магзалия. Обломки антропо- и зооморфных фигурок из глины и камня (*1—15*) 104
Табл. 41. Телль Магзалия. Глиняные женские статуэтки, кремневая зооморфная фигурка, медное шило и куски руды, костяная головка газели, мраморный пестик, обломки глиняного сосуда (*1—21*). Обломок сосуда происходит из горизонта 6 105

Табл. 42. Телль Магзалия. Обломки антропо- и зооморфных фигурок из глины и кости
1 — горизент 9; *3, 4, 6—8* — горизонт 10; *14* — горизонт 11; *10* — горизонт 13; *2, 13* — горизонт 14; *5, 9, 11, 12* — горизонт 15; Фигурка газели (*1*) сделана из кости, остальные — из глины 106
Табл. 43. Телль Сотто. Разрез 5 на квадрате 10
1 — дерн; *2* — суглинок; *3* — углисто-золистые слои; *4* — скопления угля и золы; *5* — гумусные слои; *6* — глинобитная стена; *7* — плотная жилая поверхность; *8* — гипсовая обмазка; *9* — прокаленная глина, под печи; *10* — поверхность материка; *11* — плотная глина, развал глиняных стен, глиняная забутовка 160
Табл. 44. Телль Сотто. Разрез 8 на квадрате 10 161
Табл. 45. Телль Сотто. Разрез 8 на квадрате 11 162
Табл. 46. Телль Сотто. План древних ям и первых построек (горизонты 1, 2)
1 — глиняные стены; *2* — очажные ямы; *3* — прокаленная глина, под печи, гипсовые обмазки полов; *4* — контур ямы; *5* — плотная глиняная забутовка; *6* — глиняные сосуды; *7* — зернотерки; *8* — ямы; *9* — погребения; *10* — гипсовые обмазки. Цифрами обозначены номера конструкций, сосудов, погребений 163
Табл. 47. Телль Сотто. Горшки с ребром из горизонтов 1, 2, 3
1 — сосуд 91 с погребением 22; *2* — сосуд с погребением 14; *3* — сосуд 74; *4* — сосуд 71; *5* — сосуд 87; *6* — сосуд 54; *7* — сосуд 58; *8* — сосуд 89; *9* — сосуд 55. *1* — из горизонта 3; *2—7, 9* — из горизонта 2; *8* — из горизонта 1 164
Табл. 48. Телль Сотто. Планы построек горизонтов 3, 5, 7
1 — горизонт 3, *2* — горизонт 5, *3* — горизонт 7 165
Табл. 49. Телль Сотто. План построек горизонта 4 166
Табл. 50. Телль Сотто. План построек горизонта 6а 167
Табл. 51. Телль Сотто. План построек горизонта 6в 167
Табл. 52. Телль Сотто. Древние погребения
1 — погребение 21; *2* — погребение 14; *3* — погребение 15; *4* — погребение 19; *5* — погребение 10; *6* — погребение 22 168
Табл. 53. Телль Сотто. Ребристые и сферические сосуды из горизонтов 4, 6, 7
1—8 — горизонт 7; *9, 10, 12* — горизонт 6; *11, 13—15* — горизонт 4. *1* — сосуд 35, *2* — сосуд 65, *3* — сосуд 11, *4* — сосуд 81, *5* — сосуд 80, *6* — сосуд 115, *7* — сосуд 114, *8* — сосуд 112, *9* — сосуд 70, *10* — сосуд 42, *11* — сосуд 52, *12* — сосуд 72, *13* — сосуд 51, *14* — сосуд 73, *15* — сосуд 88 169
Табл. 54. Телль Сотто. Различные типы глиняной посуды из горизонтов 1, 2
1—10, 14 — горизонт 2, *11* — горизонт 1 170
Табл. 55. Телль Сотто. Грубая керамика из горизонтов 5, 6 171
Табл. 56. Телль Сотто. Глиняная посуда из горизонтов 1, 2
1—3, 8, 11 — горизонт 2; *4—7, 10, 12* — горизонт 1 172
Табл. 57. Телль Сотто. Глиняная посуда из нижних горизонтов
1—4, 7—9, 11, 12, 14, 17 — горизонт 2; *5, 6, 10, 13, 15, 16* — горизонт 1 . . . 173
Табл. 58. Телль Сотто. Чаши, миски, кубки из горизонтов 2, 3
1, 2, 4—13—17 — горизонт 2; *3* — горизонт 3 174
Табл. 59. Телль Сотто. Глиняная посуда
1—11 — горизонт 7; *12, 13* — горизонт 6; *14—17, 19* — горизонт 5; *18* — горизонт 2; *20* — горизонт 1 175
Табл. 60. Телль Сотто. Различные типы глиняной посуды из горизонтов 2—5
1, 3, 5 — горизонт 5; *2, 4, 6—11, 14, 18* — горизонт 4; *12, 13, 15, 16* — горизонт 3; *17* — горизонт 2 176
Табл. 61. Телль Сотто. Глиняные чаши, кубки из горизонтов 2, 3, 4
1—10, 12, 14, 15 — горизонт 2; *3* — горизонт 3; *11* — горизонт 4 177
Табл. 62. Телль Сотто. Налепы на грубых сосудах
2, 17 — горизонт 6; *1, 3—5, 7, 8, 12, 13, 19, 20, 25, 27—30, 32* — горизонт 1; *6, 9, 10, 11, 14 — 16, 18, 21, 22, 24, 26, 31* — горизонт 2; *23* — горизонт 3 . . 178
Табл. 63. Телль Сотто. Налепы на грубых сосудах
1, 4, 6, 9, 11, 13, 14, 20, 25, 26, 33 — горизонт 1; *2, 3, 5, 7, 10, 12, 15, 18, 19, 21, 27—32, 34* — горизонт 2; *8, 24* — горизонт 6; *7, 23* — горизонт 3; *22* — горизонт 5 179
Табл. 64. Телль Сотто. Налепы на глиняных сосудах (1—6) 180

Табл. 65. Телль Сотто. Тонкая расписная керамика
1, 3, 7, 12, 14 — горизонт 2; *2, 6, 10* — горизонт 8; *4, 9* — горизонт 1; *5, 15* — горизонт 3; *8, 13* — горизонт 5; *11* — горизонт 4 181
Табл. 66. Телль Сотто. Различные типы сосудов из горизонта 6 (*1—20*) . . . 182
Табл. 67. Телль Сотто. Различные типы сосудов из горизонта 8 (*1—23*) . . . 183
Табл. 68. Телль Сотто. Каменные сосуды и поделка из глины
1, 2, 4, 5 — горизонт 1; *3* — горизонт 2 184
Табл. 69. Телль Сотто. Кремневый наконечник и украшения из камня
1, 3, 4 — горизонт 6; *2* — горизонт 3 185
Табл. 70. Телль Сотто. Орудия труда из камня (*1—9*) 186
Табл. 71. Телль Сотто. Орудия труда из кости (*1—18*) 187
Табл. 72. Телль Сотто. Изделия из глины (*1—12*) 188
Табл. 73. Телль Сотто. Глиняные статуэтки
1—4, 7 — горизонт 2; *6* — горизонт 1; *5* — с поверхности 189
Табл. 74. Кюльтепе. Разрез 5 через квадраты 45, 55 190
Табл. 75. Кюльтепе. Разрез 2 через квадрат 55 190
Табл. 76. Кюльтепе. Разрез 2 через квадрат 56 191
Табл. 77. Кюльтепе. План построек горизонтов 1, 2в
1 — глиняные стены; *2* — контуры ям; *3* — сосуды; *4* — прокаленные обмазки печей; *5* — прокаленная глина, под печи, гипсовые обмазки; *6* — зернотерки 192
Табл. 78. Кюльтепе. Сосуды из горизонтов 2, 3, 4
1, 2 — горизонт 4; *3, 4, 9* — горизонт 3; *5—8* — горизонт 2. *1* — сосуд 39, *2* — сосуд 30, *3* — сосуд 7, *4* — сосуд 17, *5* — сосуд 25, *6* — сосуд 9, *7* — сосуд 49, *8* — сосуд 51, *9* — сосуд 44 193
Табл. 79. Кюльтепе. Сосуды из горизонтов 1, 2
1, 2—5 — горизонт 2; *6, 7* — горизонт 1. *1* — сосуд 20, *2* — сосуд 21, *3* — сосуд 24, *4* — сосуд 50, *5* — сосуд 48, *6* — сосуд 1, *7* — сосуд 10 194
Табл. 80. Кюльтепе. План построек горизонтов 3, 4
1 — горизонт 3а, *2* — горизонт 3в, *3* — горизонт 3с 195
Табл. 81. Кюльтепе. Различные типы сосудов из горизонтов 1, 2
1, 4—10, 12 — горизонт 2; *2, 3, 11* — горизонт 1 196
Табл. 82. Кюльтепе. Каменная и глиняная посуда
6—8 — мраморные сосуды из помещения 27, горизонт 1; *1, 3, 4* — горизонт 4; *2* — горизонт 3; *5* — горизонт 2 197
Табл. 83. Кюльтепе. Расписная посуда
1, 4 — горизонт 4; *2, 5, 12* — горизонт 2; *3, 5, 7—10* — горизонт 3; *11, 13, 14* — горизонт 1 198

Таблица к приложению 1

Таблица. Состав спорово-пыльцевых спектров образцов с поселений телль Магзалия, телль Сотто и Кюльтепе 287

Иллюстрации к приложению 2

Рис. 1. Телль Магзалия. Зерна домашних злаков из культурного слоя . . . 294
Рис. 2. Телль Магзалия. Семена бобовых и злаков из культурного слоя . . . 295
Рис. 3. Телль Магзалия. Зерна злаков из культурного слоя 296
Таблица. Палеоэтноботанические находки с раннеземледельческих поселений VII—VI тысячелетий до н. э. 293

Таблица к приложению 3

Таблица. Телль Магзалия. Видовой состав млекопитающих 298

Иллюстрации к приложению 5

Рис. 1. Шило из телль Магзалии 304
Рис. 2. Микроструктура поперечного среза шила (увеличение в 3, 5) 304
Рис. 3. Фотографии микроструктуры медной сердцевины шила
1, 2 — электронномикроскопическое изображение (увеличение в 10 000); *3, 4* — металлографическое изображение (*3* — увеличение в 130, *4* — увеличение в 400 раз) 307

Рис. 4. Украшения VII тысячелетия до н. э. из памятников докерамического неолита
1 — пронизка из Али Кош, *2* — бусина из телль Рамад 307

Таблицы к приложению 7

Табл. 1. Телль Магзалия. Количественное распределение предметов из кремня и обсидиана в 1—7 культурных горизонтах 315
Табл. 2. Телль Магзалия. Количественное распределение орудий из кремня и обсидиана в 1—7 культурных горизонтах 316
Табл 3. Телль Магзалия. Количественное распределение предметов из кремня и обсидиана в 8—12 культурных горизонтах 317
Табл. 4. Телль Магзалия. Количественное распределение орудий из кремня и обсидиана в 8—12 культурных горизонтах . . . . . 317—318
Табл. 5. Телль Магзалия. Количественное распределение предметов из кремня и обсидиана в 13—17 культурных горизонтах . . . . . 318—319
Табл. 6. Телль Магзалия. Количественное распределение орудий из кремня и обсидиана в 13—17 культурных горизонтах 319

Таблицы к приложению 8

Табл. 1. Телль Сотто. Количественное распределение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам 321
Табл. 2. Телль Сотто. Процентное соотношение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам 321
Табл. 3. Кюльтепе. Количественное распределение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам 321
Табл. 4. Кюльтепе. Процентное соотношение основных технологических групп керамики по культурным горизонтам 322
Табл. 5. Телль Сотто. Количественное распределение основных форм керамики по культурным горизонтам (по материалам 1974, 1975 гг.) 322
Табл. 6. Телль Сотто. Процентное соотношение основных форм керамики по культурным горизонтам (по материалам 1974, 1975 гг.) 323
Табл. 7. Кюльтепе. Количественное распределение основных форм керамики по культурным горизонтам 324
Табл. 8. Кюльтепе. Процентное соотношение основных форм керамики по культурным горизонтам 325
Табл. 9. Процентное соотношение основных типов глиняной посуды в телль Сотто, Кюльтепе и нижнем горизонте Ярымтепе I 326

Все иллюстрации выполнены автором.

В подготовке иллюстративных материалов по телль Магзалии принимали участие сотрудники экспедиции *В. А. Башилов, О. Г. Большаков и А. В. Куза.*

Fig. 1. Tell Magzaliya. Plan of the tell
1 — the tell's contour is shown in thick line; *2* — shaded squares studied to the bedrock 21
Fig. 2. Tell Magzaliya. View of the settlement from north-east across the Abra river 22
Fig. 3. Tell Magzaliya. View of the settlement from north-west. Seen in the foreground are socles of the defensive wall 264 (in the south) and of the in — built into the wall tower 236 (in the north) 22
Fig. 4. Tell Magzaliya. Western facade of the defensive wall with reconstructions (walls 264, 267) 23
Fig. 5. Tell Magzaliya. Stratigraphic scheme of the lower dig (squares N — 2; O — 3, 4, 5; P — 3, 4, 5)
1 — stone and clay-walled structures; *2* — pits; *3* — pits with burnished walls, hearths; *4* — gypsum coated pits; *5* — gypsum coated floors and other surfaces; *6* — burnished surfaces; *7* — burials; *8* — large multiroomed houses. Figures on the construction denote their serial numbers. The horizontal lines mark conditional boundaries between cultural levels. Figures on the left of the vertical indicate serial numbers of the levels as counted from the basis of the tell 26

Fig. 6. Tell Magzaliya. Lower dig. Plans of structures in level 5 (squares P – 3, 4, 5) and level 6 (squares O – 5, P – 4). For symbols see Table 5 33
Fig. 7. Tell Magzaliya. Stratigraphic scheme of the middle dig (squares M – 7, 8, 9, 10; squares N – 7, 8) 35
Fig. 8. Tell Magzaliya. Stratigraphic scheme of the upper dig (squares J, K, L, M – 6, 7, 8; squares G, H, I – 9, 10, 11, 12, 13) 41
Fig. 9. Tell Magzaliya. Level 14a. Room 237 in structure II. View from south-west
Fig. 10. Tell Magzaliya. Level 14c. Western wall of tower 236 45
Fig. 11. Tell Magzaliya. Level 15a. Rooms 245 and 246 (in the foreground) of structure III. View from south 48
Fig. 12. Tell Magzaliya. Level 16. Part of the southern wall of room 153. View from south 50
Fig. 13. Tell Magzaliya. Burials 5, 7 in square P – 4 53
Fig. 14. Tell Magzaliya. Burial 6 54
Fig. 15. Tell Magzaliya. Plan of ancient burials in the settlement
1 — burial 7; *2* — burial 4; *3* — burial 5; *4* — burial 6 55
Fig. 16. Tell Magzaliya. Pencil-shaped nucleusus of obsidian (1, 2) and polished stone axes (3, 4)
4 — level 2; *6* — level 6; *1* — level 9; *2*, *5*, *8* — Level 10; *3*, *7* — level 12 58
Fig. 17. Tell Magzaliya. Stone mortars. Level 14 (*1*, *2*) 60
Fig. 18. Tell Magzaliya. Vessels of clay and gypsum
1 — gypsum baths 261, 262; *2* — clay vessel 215 61
Fig. 19. Tell Magzaliya. Mat imprints on bitumen. Level 14 62
Fig. 20. Tell Magzaliya. Female figurine of clay, side view. Level 15 63
Fig. 21. Tell Magzaliya. Level 12. Zoomorphic clay figurine 63
Fig. 22. Plann of Tell Sotto mound
Dashed line shows the grid of squares. Placed in the left corner is the scheme of a square 10 × 10 m and numeration of sections in it 110
Fig. 23. Tell Sotto. Excavations are underway 110
Fig. 24. Tell Sotto. Stratigraphic scheme of square 10
1 — clau walls; *2* — hearth pits; *3* — ovens; *4* — gypsum coated pits; *5* — pits; *6* — large vessels; *7* — burials 112
Fig. 25. Tell Sotto. Stratigraphic scheme of squares 5, 6 112
Fig. 26. Tell Sotto. Stratigraphic scheme of square 11 113
Fig. 27. Tell Sotto. Stratigraphic scheme of square 17 113
Fig. 28. Tell Sotto. Stratigraphic scheme of square 12 114
Fig. 29. Tell Sotto. Stratigraphic scheme of square 18 114
Fig. 30. Tell Sotto. General view of the western half of the dig. Level 2 116
Fig. 31. Tell Sotto. House 78. Level 2 118
Fig. 32. Tell Sotto. Structures 83, 84, 85. Level 2 120
Fig. 33. Tell Sotto. Vessels 74 annd 71 in front of structure 83. Level 2 120
Fig. 34. Tell Sotto. Large spherical pot-shaped vessels 112, 113 from level 7 . . . 136
Fig. 35. Plan of Kül Tepe tells 144
Fig. 36. Kül Tepe. Stratigraphic scheme of the dig 145
Fig. 37. Kül Tepe. Living room of house 27 145
Fig. 38. Kül Tepe. Service rooms of house 27 147
Fig. 39. Kül Tepe. Plan of structures in level 2a 148
Fig. 40. Kül Tepe. Fragments of fine ornamented vessels from levels 1, 2 (*1–8*) 153
Fig. 41. Kül Tepe. Limestone basin. Level 1 154
Fig. 42. Kül Tepe. Marble vessels from level 1 (*1–2*) 154
Fig. 43. Kül Tepe. Tufa basin. Level 2 155
Fig. 44. Kül Tepe. Bone, stone and clay artifacts (*1–10*) 155
Fig. 45. Kül Tepe. Tufa quern and pestles (*1–5*) 156
Fig. 46. Kül Tepe. Whetstone with incisions (level 1), clay head of a bull (Level 2) (*1–2*) 157
Fig. 47. Map of main neolithic – eneolithic sites of Upper Mesopotamia and the foothill zone of the Taurus and the Zagros
1 — Sakça Gezu, *2* — Jefer Göyük, *3* — Cayönü Tepesi, *4* — Gritile, *5* — Murey bet, *6* — Abu Hureira, *7* — Bukra, *8* — Magzaliya, *9* — Kül Tepe, *10* — Tell Sotto, *11* — Yarim Tepe I, *12* — Telül eth-Talathat, *13* — Umm Dabaghiya, *14* — Tell Hassuna, *15* — Tell Shimshara, *16* — Gerd Ali Agha, *17* — Jarmo, *18* — Tell es-Sawwan, *19* — Shoga Mami, *20* — Tamerhan, *21* — Tepe Guran, *22* — Asiab, *23* — Gandj Dere, *24* — Ali Kosh. Symbols: *1* — aceramic neolithic sites, 8th — 7th millennia B. C.; *2* — Early ceramic sites, 6th millenium

B. C.; *3* — settlements, 7th — 6th millennia B. C., with aceramic and early ceramic levels 200
Fig. 48. Chronological table of the main neolithic – eneolithic sites of Upper Mesopotamia and the foothill zone of the Taurus and the Zagros 201
Table 1. Tell Magzaliya. Section along the western side of square 10
1 — present day suarface; *2* — loam; *3* — compact clay, pise wall ruins; *4* — layers rich in charcoal and ashes; *5* — accumulations of ashes and charcoal; *6* — humus layers; *7* — pise walls; *8* — stones and masonry; *9* — gypsum coated floors; *10* — hard burnished clay, hearth — stone; *11* — bedrock; *12* — structures' serial numbers, Roman numerals designating multiroom houses 65
Table 2. Tell Magzaliya. Section along the southern side of squares L – 8, K – 8 66
Table 3. Tell Magzaliya. Section along the western side of squares M – 8, M – 9 67
Table 4. Tell Magzaliya. Section along the western side of squares M – 6, M – 7 68
Table 5. Tell Magzaliya. Plan of structures in levels 1, 2
1 — masonry and separate stones, frontal stones of the walls are shown with retouch, bold line indicates the front surface of the walls, and dashed line indicates stones found in the foundations of pise walls, gypsum coatings or the lower row of stones in a mason; *2* — pise walls; *3* — pise wall ruins; *4* — accumulations of compact clay, clay wall ruins; *5* — burnished hearth — stone, burnished surfaces, gypsum coatings; *6* — gypsum-coated floors and other surfaces; *7* — accumulations of ashes and charcoal; *8* — contours of pits with burnished walls; *9* — pit contours; *10* — contours of accumulations of stones and ashes, foundations of bell — shaped pits; *11* — ruined walls; *12* — outcrop boundaries; *13* — serial numbers of structrues. The borders of squares are shown with a continuous thick line, edges are marked with dashed lines. Letter and figure indices are used to designate squares. Figures on the structures denote their serial numbers 69
Table 6. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 3 70
Table 7. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 4 71
Table 8. Tell Magzaliya. Middle dig. Plan of structures in Levels I – 5 72
Table 9. Tell Magzaliya. Middle dig. Plan of structures in levels 6, 7 73
Table 10. Tell Magzaliya. Plan of structures in levels 8, 9 74
Table 11. Tell Magzaliya. Middle dig. Plan of structures in levels 10, 11 75
Table 12. Tell Magzaliya. Middle dig. Plan of structures in level 12 76
Table 13. Tell Magzaliya. Plan of the defensive wall and structures in level 13 (lines of squares 6, 7) 77
Table 14. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 13 (lines of squares 7, 8)
Table 15. Tell Magzaliya. Western part of the defensive wall 79
Table 16. Tell Magzaliya. Southern part of the defensive wall 80
Table 17. Tell Magzaliya. Plan of strucures of level 14a (lines of squares 7, 8) 81
Table 18. Tell Magzaliya. Plan of the defensive wall and structures in level 14c (lines of squares 6, 7) 82
Table 19. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 14c (lines of squares 7, 8) 83
Table 20. Tell Magzaliya. Bastion 236. Axonometry 84
Table 21. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 15a (lines of squares 6, 7) 85
Table 22. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 15a (lines of squares 7, 8) 86
Table 23. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 15c (lines of squares 6, 7) 87
Table 24. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 15c (lines of squares 7, 8) 88
Table 25. Tell Magzaliya. Plan of structures in level 16 (lines of squares 7, 8) 89
Table 26. Tell Magzaliya. Flint and obsidian tools
3 — level 2; *4* — level 4; *6, 8* — level 5; *9, 10* — level 6; *2* — level 7; *1* — level 13 90
Table 27. Tell Magzaliya. Geometrical inserts and flint arrowheads
5, 8 — level 1; *3, 4, 12, 14* — level 3; *9, 10, 13* — level 5; *1, 6* — level 6; *11* — level 7; *2* — level 8; *7* — level 16 91
Table 28. Tell Magzaliya. Reaping knives of obsidian
6 — level 1; *4, 5, 7* — level 4; *2, 8* — level 5; *3* — level 6; *1* — level 17 92
Table 29. Tell Magzaliya. Fragments of gypsum and marble vessels
3 — level 7; *4–6* — level 14; *1, 2* — level 15 93
Table 30. Tell Magzaliya. Fragments of gypsum and stone vessels, stone mace (*1–7*) 94
Table 31. Tell Magzaliya. Stone tools and implements
5 — level 2; *4* — level 3; *3* — level 4; *2* — level 13; *6* — level 15; *1* — level 17. 95

Table 32. Tell Magzaliya. Bone awls (*1–14*) 96
Table 33. Tell Magzaliya. Bone spatulae (*1–10*) 97
Table 34. Tell Magzaliya. Bone needles with eyeholes (*1–17*) 98
Table 35. Tell Magzaliya. Tubular bones with cut-off ends, carving (*1–15*) . . . 99
Table 36. Tell Magzaliya. Basalt querns and graters (*1–12*) 100
Table 37. Tell Magzaliya. Mat imprints (*1–6*) 101
Table 38. Tell Magzaliya. Disk-shaped pendants of river pebbles, semifinished pebble pendants, pebble pestle, fragments of a marble bracelet (*1–14*) 102
Table 39. Tell Magzaliya. Stone beads, pendants, seal, fragments of bracelets and other artifacts
23, 30 — level 2; *3, 16* — level 3; *12, 15, 18* — level 4; *11, 13, 21, 25, 26, 28* — level 5; *5, 19, 24* — level 6; *2, 8, 9* — level 7; *10* — level 9; *4, 27* — level 10; *22* — level 12; *17* — level 13; *6, 7, 20* — level 14; *14, 29* — level 16; *1* — level 17 103
Table 40. Tell Magzaliya. Fragments of anthropo- and zoomorphic figurines of clay and stone (*1–15*) 104
Table 41. Tell Magzaliya. Female figurines of clay, zoomorphic figurine of flint, copper awl and ore pieces, marble gazelle head, marble pestle, fragments of a cley vessel (1–21). The vessel fragments come, from level 6 . . 105
Table 42. Tell Magzaliya. Fragments of anthropo- and zoomorphic figurines of clay and bone
1 — level 9; *3, 4, 6–8* — level 10; *14* — level 11; *10* — level 13; *2, 13* — level 14; *5, 9, 11, 12* — level 15; gazelle figurine (*1*) is of bone, the rest are of clay. 106
Table 43. Tell Sotto. Section 5 in square 10
1 — turf; *2* — loam; *3* — layers with high percent of charcoal and ashes; *4* — accumulations of charcoal and ashes; *5* — humus layers; *6* — pise wall; *7* — compact living surface; *8* — gypsum coating; *9* — burnished clay, hearth — stone; *10* — bedrock surface; *11* — compact clay, pise wall ruins, clay rubble filling 160
Table 44. Tell Sotto. Section 8 in square 10 161
Table 45. Tell Sotto. Section 8 in square 11 162
Table 46. Tell Sotto. Plan of ancient pits and early structures (levels 1, 2)
1 — clay walls; *2* — hearth pits; *3* — burnished clay, hearth-stone, gypsum coated floors; *4* — pit contour; compact clay filling; *6* — clay vessels; *7* — querns; *8* — pits; *9* — burials; *10* — gypsum coatings. Figures denote serial numbers of structures, vessels, burials 163
Table 47. Tell Sotto. Pots with a rib from levels 1, 2, 3
1 — vessel 91 with burial 22; *2* — vessel with burial 14; *3* — vessel 74; *4* — vessel 71; *5* — vessel 87; *6* — vessel 54; *7* — vessel 58; *8* — vessel 89; *9* — vessel 55. *1* — from level 3; *2–7, 9* — from level 2; *8* — from level 1 164
Table 48. Tell Sotto. Plans of structures in levels 3, 5, 7 165
Table 49. Tell Sotto. Plan of structures in level 4 166
Table 50. Tell Sotto. Plan of structures in level 6a 167
Table 51. Tell Sotto. Plan of structures in level 6b 167
Table 52. Tell Sotto. Ancient burials
1 — burial 21; *2* — burial 14; *3* — burial 15; *4* — burial 19; *5* — burial 10; *6* — burial 22 167
Table 53. Tell Sotto. Ribbed and spherical vessels from levels 4, 6, 7
1–8 — level 7; *9, 10, 12* — level 6; *11, 13–15* — level 4. *1* — vessel 35, *2* — vessel 65, *3* — vessel 11, *4* — vessel 81, *5* — vessel 80, *6* — vessel 115, *7* — vessel 114, *8* — vessel 112, *9* — vessel 70, *10* — vessel 42, *11* — vessel 52, *12* — vessel 72, *13* — vessel 51, *14* — vessel 73, *15* — vessel 88 169
Table 54. Tell Sotto. Various types of clay vessels from levels 1, 2
1–10, 14 — level 2, *11* — level 1. 170
Table 55. Tell Sotto. Crude ceramics from levels 5, 6 171
Table 56. Tell Sotto. Earthenware from levels 1, 2
1, 2, 3, 8, 11 — leve 12; *4–7, 10, 12* — level 1. 172
Table 57. Tell Sotto. Earthenware from the lower levels
1–4, 7–9, 11, 12, 14, 17 — level 2; *5, 6, 10, 13, 15, 16* — level 1. 173
Table 58. Tell Sotto. Bowls, basins, cups from levels 2, 3
1, 2, 4–17 — level 2; *3* — level 3 174

Table 59. Tell Sotto. Earthenware
1—11 — level 7; *12, 13* — level 6; *14—17, 19* — level 5; *18* — level 2; *20* — level 1 175
Table 60. Tell Sotto. Various types of earthenware from levels 2–5
1, 3, 5 — level 5; *2, 4, 6 —11, 14, 18* — level 4; *12, 13, 15, 16* — level 3; *17* — level 2 176
Table 61. Tell Sotto. Clay bowls, cups from levels 2, 3, 4
1—10, 12, 14, 15 — level 2; *3* — level 3; *11* — level 4 177
Table 62. Tell Sotto. Applications on crude vessels
2, 17 — level 6; *1, 3 —5, 7, 8, 12, 13, 19, 20, 25, 27—30, 32* — level 1; *6, 9, 10, 11, 14—16, 18, 21, 22, 24, 26, 31* — level 2; *23* — level 3 178
Table 63. Tell Sotto. Embossements on crude vessels
1, 4, 6, 9, 11, 13, 14, 20, 25, 26, 33 — level 1; *2, 3, 5, 7, 10, 12, 15, 18, 19, 21, 27—32, 34* — level 2; *8, 24* — level 6; *7, 23* — level 3; *22* — level 5 179
Table 64. Tell Sotto. Embossements on clay vessels (*1–6*) 180
Table 65. Tell Sotto. Fine painted ceramics
1, 3, 7, 12, 14 — level 2; *2, 6, 10* — level 8; *4, 9* — level 1; *5, 15* — level 3; *8, 13* — level 5; *11* — level 4 181
Table 66. Tell Sotto. Various types of vessels from level 6 (*1–20*) 182
Table 67. Tell Sotto. Various types of vessels from level 8 (*1–23*) 183
Table 68. Tell Sotto. Stone vessels and artifacts of clay
1, 24, 5 — level 1; *3* — level 2 184
Table 69. Tell Sotto. Flint point and stone decorations
1, 3 — marble zoomorphic pendant from level 6; *2* — level 3 185
Table 70. Tell Sotto. Stone tools and implements (*1–9*) 186
Table 71. Tell Sotto. Tools and implements of bone (*1–18*) 187
Table 72. Tell Sotto. Artifacts of clay (*1–12*) 188
Table 73. Tell Sotto. Clay figurines
1—4, 7 — level 2; *6, 8* — level 1; *5* — from the surface 189
Table 74. Kül Tepe. Section 5 across squares 45, 55 190
Table 75. Kül Tepe. Section 2 across square 55 190
Table 76. Kül Tepe. Section 2 across square 56 191
Table 77. Kül Tepe. Plan of structures in levels 1, 2c
1 — pise walls; *2* — pit contours; *3* — vessels; *4* — burnished oven coatings; *5* — burnished clay, hearth-stone, gypsum coating s; *6* — querns 192
Table 78. Kül Tepe. Vessels from levels 2, 3, 4
1, 2 — level 4; *3, 4, 9* — level 3; *5—8* — level 2. *1* — vessel 39, *2* — vessel 30, *3* — vessel 7, *4* — vessel 17, *5* — vessel 25, *6* — vessel 9, *7* — vessel 49, *8* — vessel 51, *9* — vessel 44 193
Table 79. Kül Tepe. Vessels from level 1, 2
1, 2—5 — level 2; *6, 7* — level 1. *1* — vessel 20, *2* — vessel 21, *3* — vessel 24, *4* — vessel 30, *5* — vessel 48, *6* — vessel 1, *7* — vessel 10 194
Table 80. Kül Tepe. Plans of structures in levels 3, 4
1 — level 3a, *2* — level 3b, *3* — level 3c 195
Table 81. Kül Tepe. Various types of vessels from levels 1, 2
1, 4—10, 12 — level 2; *2, 3, 11* — level 1 196
Table 82. Kül Tepe. Stone and clay vessels
6—8 — marble vessels from room 27; *1, 3, 4* — level 4; *2* — level 3; *5* — level 2 197
Table 83. Kül Tepe. Painted ceramics
1, 4 — level 4; *2, 5, 12* — level 2; *3, 5, 7—10* — level 3; *11, 13, 14* — level 1 198

Tables to Supplement 1

Table. Spectrum of spore-and-pollen samples from the settlements of Tell Magzaliya, Tell Sotto and Kül Tepe 287

Illustrations to Supplement 2

Table 1. Paleoethnobotanic finds from the early agrarian settlements of the 7th-6th millennia B. C. . . . . .
Fig. 1. Tell Magzaliya. Grains of domesticated cereals 294
Fig. 2. Tell Magzaliya. Seeds of pulses and cereals 295
Fig. 3. Tell Magzaliya. Grains of cereals 296

Tables to Supplement 3

Table. Tell Magzaliya. Mammal species represented 298

Illustrations to Supplement 5

Fig. 1. Awl from Tell Magzaliya 304
Fig. 2. Awl's microstructure, transverse section (magnified 3, 5 times) 304
Fig. 3. Awl's copper core microstructure, photoes
1, 2 — photoes by an electronic microscope (magnified 10,000 times); *3, 4* — metallographic depiction (*3* — magnified 130 times, *4* — magnified 400 times) 307
Fig. 4. Decorations from aceramic neolithic sites. 7th millennium B. C.
1 — piercers from Ali Kosh, *2* — a bead from Tell Ramad 307

Tables to Supplement 7

Table 1. Tell Magzaliya. Quantitative distribution of flint and obsidian objects over the 1st-7th levels 315
Table 2. Tell Magzaliya. Quantitative distribution of flint and obsidian tools over levels 1—7 316
Table 3. Tell Magzaliya. Quantitative distribution of flint and obsidian objects over levels 8—12 317
Table 4. Tell Magzaliya. Quantitative distribution of flint and obsidian tools over levels 8—12 . . . . . 317—318
Table 5. Tell Magzaliya. Quantitative distribution of flint and obsidian objects over levels 13—17 . . . . . 318—319
Table 6. Tell Magzaliya. Quantitative distribution of flint and obsidian tools over levels 13—17 319

Tables to Supplement 8

Table 1. Tell Sotto. Quantitative distribution of main technological groups of ceramics over cultural levels 321
Table 2. Tell Sotto. Distribution of the main technological ceramic groups over the levels in per cent 321
Table 3. Kül Tepe. Quantitative distribution of the main technological groups of ceramics over the levels 321
Table 4. Kül Tepe. Distribution of the main technological groups of ceramics over the levels 322
Table 5. Tell Sotto. Quantitative distribution of the main forms of ceramics over the levels (materials of 1974, 1975) 322
Table 6. Tell Sotto. Distribution of the main forms of ceramics over the levels in per cent (material of 1974, 1975) 323
Table 7. Kül Tepe. Quantitative distribution of the main forms of ceramics over the levels 324
Table 8. Kül Tepe. Distribution of the main forms of ceramics over the levels in per cent 325
Table 9. Main types of earthenware in Tell Sotto, Kül Tepe and in the lower level of Yarim Tepe I, in per cent 326

All illustrations have been done by the author and those on Tell Magzaliya with the assistance of the Expedition's members *V. A. Bashilov, O. G. Bolshakov and A. V. Kouza.*

SUMMARY

In 1969—1980 a Soviet archaeological expedition headed by R. M. Munchajev carried on its research in the foothill plain Jabal Sinjar. Its principal research objects were Yarim Tepe I, II and III which belong to the Hassuna, Halaf and Ubeid cultures, respectively. In 1985 the expedition studied an Ubaid settlement of Sheikh Homsi situated on the right bank of the Tigris river in the flooded area of the Eski Mosul reservoir. Undertaken in parallel was a continuous archaeological survey of the vicinities of Tel Afar which yielded a few sites of an even earlier origin. Three of these, i. e. Tell Sotto, Kül Tepe and Tell Magzaliya have been studied by this author and are published in the present volume.

Prior to the expedition Jarmo in Iraqi Kurdistan was the only aceramic Neolithic site on the territory of Iraq and the Hassuna culture was known only from the excavations at the eponymic site of Tell Hassuna. The new materials uncovered by the Soviet expedition together with the results of excavations by the British expedition in Umm Dabaghiya and by the Japanese in Telül eth-Talathat have radically widened the factological research basis and changed our notions concerning the time of origin and the early development stages of agriculture and animal husbandry in North Mesopotamia, and made it possible to study the closing moment in the formation of the food-producing economy as well as to begin the reconstruction of the concrete historical conditions within which these processes were taking place

History and Research Techniques

The basic goal of the Expedition was to study the early development processes of the food-producing forms of economy in North Mesopotamia. Chosen as research area was the archaeologically poorly studied foothill plain Jabal Sinjar at the crossroads of the coastal and inland territories of the Near East. Before the work begun the earliest agrarian site known in the Assyrian steppe had been Tell Hassuna and, therefore, a Hassuna settlement Yarim Tepe I was chosen as the main research object of the Expedition.

As a result of the archaeological surveys conducted over the territory of 100—150 sq. km around the Expedition's base in Yarim Tepe more than fifty Ubeid, Halaf, Hassuna and pre-Hassuna sites were registered. About a dozen of small tells hardly visible above the plain's level but with a lot of very archaic pottery on the surface were explored. In 1971, 1973—1975 the Expedition studied one of these, called Sotto, and unearthed under its archaic Hassuna level a small early-agrarian settlement with clay architecture and extremely archaic ceramics. The 1976 excavations in Kül Tepe repeated, on the whole, the material of Tell Sotto and confirmed the conclusion about a connection between the Sotto complex and the archaic Hassuna.

Studies in the Sotto-type sites have made the agriculture in North Mesopotamia look much older but procured no answer concerning its origins. Our most careful surveying of the plain failed to reveal any older settlements there. It was logical to expect that the Sotto-type settlements were the earliest in the plain and that any settlements of hunters and gatherers could be found in the hilly spurs of the surrounding mountains, which supposition was convincingly confirmed by the 1977 discovery of the fortified aceramic settlement Tell Magzaliya in the upper reaches of the Abra. Tell Magzaliya was extensively researched in 1977—1980.

The early-agrarian settlements of the Near East provide us with unique materials for studying their ways of life, economy and social relations. Of special interest are the plans of structures and settlement lay-outs, succession of building and reconstruction as well as building techniques. But to establish and register these important details particular attention should be paid to the stratigraphy of the settlements under study. The monuments with clay architecture found on the plain were excavated by squares of 2,5 × 2,5 m level by level, with all the sections being registered at the intervals of 2,5 m. Tell Magzaliya with its large stone structures was excavated by squares of 5 × 5 m with sections at the intervals of 5 m.

The work on larger sites continued for a few years, and special attention was paid therefore to studying the sections in laboratory conditions. The results thus obtained were summarized in stratigraphic diagrams which reflected the succession order in the building of the settlement and exact relationship among the main structures in time.

The entire cultural stratum was subdivided by us into occupation surfaces, cultural levels, suites of homogeneous levels, cultural horizons and periods of each monument's existence. A cultural level is usually connected with a complex of simultaneous structeres, a change of horizons — with significant reconstructions, while periods are marked by drastic rearrangements of the general lay — out of a settlement as a whole.

All archaeological material was collected by structures and levels connected with them, at the stage of analysis it was classed into horizons and periods of life of relevant settlements. This made it possible to follow in detail the development of culture, changes in the composition of the fauna, etc.

All these observation allow a reconstruction of the real life of the settlements — an important source for social and economic reconstructions.

Early Agrarian Settlement of the 7th Millennium B.C. Tell Magzaliya

The settlement is found 7,5 km north-east of Yarim Tepe on the right bank of the Abra river, approximately one kilometer away from the point where it comes to the plain and 50—70 m above it. The tell stretches along the river which runs here in a deep kanyon. After the life in the settlement died its eastern slope was strongly eroded by the river and its northern slope is damaged by a ravine and a road crossing it. The surviving part of the settlement occupies some 4,500 sq. m. In the centre of the settlement its cultural stratum is 8,2 m thick.

The three studied parts of the tell found at its northern basis, on the eastern slope and at its top have been united into a single dig of 625 sq. m and provided us with an idea about the entire thickness of the stratum. To sum it up the excavations have involved about one tenth of the tell's territory. 325 sq. m were excavated at the top of the tell. The late settlement beyond

the defensive wall occupies some 1,500 sb. m, i. e. about one fourth of the settlement of that time has been studied.

The tell is formed entirely of clay structure ruins on stone foundations. As a result of the work the whole thichness of cultural deposits was divided into 16 building horizons, each being some 50 cm thick on the average. The recovered material has been conditionally united into horizon 17. The time of accumulation of a layer is actually determined by the life of the structures that form it. It is hardly probable that the big houses of Tell Magzaliya stood for more than 50 years each while the smaller ones could be reconstructed even more frequently. If this is so than the life time of the settlement can be calculated to have lasted 700 years. No discontinuities have been registered in the accumulation of the cultural deposits.

At present three larger periods of the settlement can be distinguished. The earliest settlement (horizons 1—5) was formed by a chain of houses along the river bank. Structures in the horizons 6—12 run mostly not along but at an angle to the river, and on the strength of this feature they have been united into the second period of the settlement's existence. The settlement's lay-out of that time remains unclear and the articulation of the stratum may be specified further.

The third period unites building horizons 13—16 at the top of the tell. In its time the settlement consisted of some rectangular houses with many rooms that were oriented along the river. The settlement was surrounded by a defensive wall (horizons 13—14). The wall did not continue into the horizons 15 and 16 from which the settlement's desolation began.

Common to the lower part of the cultural stratum are small rectangular single-room houses of 10—12 sq. m. Their wall socles were made of stone, floors were faced with fine stones and rammed with clay or, sometimes, were coated with gypsum. In the house 120 we have studied a big oven with a river pebble hearth and a flue which led to the outside through the outer wall of the house. Frequently met next to the houses are large and deep oval hearth pits filled with ashes and stones. Even in the first period side by side with the smaller dwellings some larger structures (№ 205, 216) were found. In the horizons 5 and 6 of square M—8 some supporting walls, probably, have been traced at the edge of the settlement (№ 185, 191), and in the horizon 12 — ruins of the first wall around the settlement (№ 174).

The settlement at the top of the tell consisted of large rectangular multi-roomed houses of up to 100 sq. m each, and was surrounded with a wall. All the structures have stone socles. Socle walls are usually 50—60 cm high and up to 80 cm thick. Techniques of their construction vary. The most commonly used technique of wall laying consists in having three rows of stone with the outer and inner rows made of carefully flagged large limestone slabs, the space between which is filled with small stones. Floors were usually filled with rubble and small stones and coated with pure clay brought from outside. The floor and wall surfaces were plastered with a few layers of gypsum. Frequently found among the debris of the structures are pieces of gypsum with imprints of reed mats on them, these are remains of their roofs. In smaller structures only the outer surface of socles was sometimes laid and all the inner space for the floor was filled with small stones flush with the masonry to form a high monolithic socle projecting above the ground. We have registered only one case with the socle masonry sunk below the ground's surface; and room 253/258 is made of some slabs set vertically. The clay walls resting on stone socles are made in the «tauf» technique.

The economic details found in some rooms indicate that these could be used for living in or for food cooking. Surviving in room 239 (house II) is a gypsum coated partition for grain and a small open hearth faced with stone and coated with clay. In room 249 (house III) by the marks left on the gypsum coating we were able to trace the remains of a stove-couch and some small storage niches in the wall. The living rooms are usually of 10—12 sq. m. Often found next to them are long premises not more than 1—1,5 m wide with clean gypsum floors but with no hearths. These seem to have been some storerooms. An almost squared room 232 in house I occupies almost 25 sq. m. Its roof was supported by some poles whose symmetrically arranged pits have survived on the floor. A similar large room (242) probably existed in house II. In horizon 15 at the northern edge of the settlement a rectangular platform with a shed has been found. Its floor is flagged with limestone slabs and is coated with gypsum, pole pits have survived.

The settlement of the horizons 13 and 14 was surrounded by a wall which has been studied to the length of 60 m. Outside the dig in the southwestern part of the settlement the wall is traceable on the tell's surface by the large stones of its socle. In the northern sector of the settlement a horseshoe projection of the wall (structures 223, 236) forms a 'tower', and in the western sector there had been an entrance to the settlement (structure 271) Having been built according to a single plan, this powerful wall surrounded the houses but was structurally independent from them. After the reconstruction of the houses the wall was reconstructed too. Different parts of the wall were built in different techniques from stones of different sizes. This fact, however, did not interrupt the over-all unity of this construction the more so that different sections of the wall were, as a rule, connected structurally. The 'tower' and the part of the wall adjoining it from the west are actually socles made of flat slabs one meter of more across. These socles are set on the ground. The part of the wall east of the 'tower' and its western part connected with reconstructions are made of small stones. However, it is here that the wall has been traced to the height of 1,8 m. The northern end of the western part of the wall (masonry 264) is made of some vertically set blocks up to one and a half meters across (Fig. 3). They seem to have been sunken slightly below the surface level. Apart from everything else the wall performed here the function of supporting masonry, and the territory behind it was levelled for more structures to be built on. In some spots of the stone masonry surface there have survived some remnants of clay walls. The unity of its plan, its independence of the dwelling houses and its size lead to the conclusion that the encircling wall was built for defensive purposes.

The settlement behind the wall occupied about 1,500 sq. m. That territory could room eight to ten multiroom houses. Each of the houses studied had only one living room, and it seems hardly conceivable that it could accomodate more than 10 to 15 people. In this case the population of the settlement did not exceed 100 to 150 persons together with children.

In the third cultural horizon of squares P—3 and P—4 eight burial places have been unearthed. All of them were found below the level of masonry works 117, 122, 123 and 124, and all of them had been made in the settlement by its inhabitants. Topographically the graves form two groups, northern and southern. The internments were not synchronous but they are related in plan, i. e. the dead were buried next to the older but not yet forgotten ones. The grave pits not more than 40—50 cm deep were found under the floors of the structures. The pit walls were usually faced with flat limestone

slabs. In the graves 4 and 7 the heads of the dead rested on flat stones. In some cases the filling of graves contained a few stone slabs too. Only in the grave 5 a marble bead was found under the shoulder bone of the right arm. All the other graves had no inventory at all. Out of the eight graves five belonged to adults, one to a teenager, one to a three or five-year old child and one to an infant. All the bodies were buried contracted. The child's body rested on its right side with the head to the east; four out of the rest had their heads oriented to the south (two on the right and two on the left side), and two — to the north (one on the right and one on the left side). The infant's orientation has not been established.

The material culture of Tell Magzaliya is characterized by a highly developed technique of flint splitting and bone working. All the levels are rich in imported obsidian and high quality yellow stone. The relationship between flint and obsidian in different layers gradually changed. At the first phase of the settlement's existence obsidian tools and production wastes accounted for nearly three quarters of the total amount of flint and obsidian there. In the middle part of the stratum (horizons 6—12) the amount of obsidian dimished to two thirds, and at the time of the settlement with walls (horizon 13) flint and obsidian became equal while later, starting from the 14th horizon, flint predominated. It is a very tempting idea to connect the construction of the defensive wall around the settlement with some difficulties that arose in the importation of raw materials, and the desolation of the site — with the disruption of the established trade routes.

Small obsidian flakes were used unretouched, probably, for compound implements. However, the settlement has yielded only two geometrical flint inserts (a segment and a trapezoid) with carelessly worked ends.

A characteristic series of implements consists of flint arrowheads on knife-shaped flakes, some which have tang and some are leaf-shaped. The edges of these implements are finished with flat retouch on the belly parts, theis hafts are made with the help of steep retouch from the beck, while their lateral cutting edges are usually left unretouched.

Reaping knives are of two types. The first group includes large unretouched knife-shaped plates of high quality yellow stone with sheen from the use. The second one is formed reaping knives with a tenon on obsidian flakes. The cutting edge is finished with steep toothed retouch from the belly and from the back, the working edge and both surfaces have a sheen from use. The sheen is more frequent on the belly part of the surface. The tip of the flake is left intentionally unretouched and forms a projection to facilitate catching plant stems. There are marks of work on it too.

Prevalent among the cutters are those made on the corners of knife-shaped flint flakes, only a few side cutters have been found. There are many end scrapers on flint and obsidian knife-shaped flakes, end scrapers on massive flint plates are rarer.

There are many grain-grinders, raspers, and pestles. Some implements retain traces of ochre. Particularly typical are small quasi-rectangular raspers with convex working surfaces and rounded corners.

The inhabitants practised grinding various marble vessels, bracelets, pendants, beads and stone wedge-shaped axes as well as adzes. Stone maces and pendants were supplied with holes. The obsidian bored pendants are unique.

The technique of bone working was very high. A lot of awls made of tubular bone fragments, big spatulas of ox ribs, thin bone needles with eye-holes, and many tubular bones with their ends cut off — these could be

used in necklaces — have been found. Sometimes they were decorated with carved rhombic ornaments. And, at last, a realistically carved head of a gazelle on the finial of a bone tool has been found.

Imprints of cane mats and of plaited baskets on pieces of gypsum and bitumen are many. Gypsum coated baskets were predecessors of the earthen vessels. Some primitive flat-bottomed basins of gypsum have been encountered. No earthenware was in evidence yet. The settlement has yielded only one clay fragment and a big stationary pot-shaped vessel of primitive form of raw clay.

Characteristic among the decorations are marble bracelets, barrel—shaped marble beads, various stone and obsidian pendants, and stone disks with a hole. A limestone button-seal with a hole in its centre is decorated with a carved ornament. Two stone pendants are cut in the shape of a snail shell.

Minor artifacts of clay, female and zoomorphic figurines of raw or poorly burnt clay are quite numerous. Some of the zoomorphic figurines ane horned. There are many fragments of sitting female figurines. Two intact figurines help to reconstruct the technique of sculpturing. The stylized body has the form of a high cone and the breast is represented by an oval-shaped protrusion, while the top of the figurine is pinched to imitate its head. The bodies of thise figurines have some analogues in Telül eth-Talathat and in Jarmo, and their legs and torsoes are indentical with those found in Sotto.

And, at last, a cold hammered copper awl and a few pieces of malachite have been found in the settlement behind the walls. According to the röntgenospectral and structural analysis the copper came from the Talmesi in Luristan.

The collection of cereals and fauna from Tell Magzaliya provides a convincing reflection of its diverse economy. The excavations produced not only domesticated wheat and barley but also some wild barley, egilops and pulse. The osteological collection has identified ten species of wild and three species of domesticated animals. Judging by the recovered bones the portion of domesticated animals was 58.4 per cent against 41.6 per cent of the wild. Among the wild animals there are steppe species (jeiran and wild donkey), forest-steppe ones (aurochs, deer, common gazelle) and mountainous (Gazella Subgutturosa Gul., goat, mouflon). Judging by the numbers of individuals representing the species jeiran and wild donkey clearly prevailed. The great number of flint arrowheads also point to the considerable role hunting played in the life of the settlement. The live-stock consisted of sheep and goats with poorly expressed traits of domestication.

Proto-Hassuna Settlements of Tell Sotto and Kül Tepe on the Foothill Plain of Sinjar

As a result of surveys conducted within the radius of 10 km around Yarim Tepe about ten small Hassuna settlements with very archaic ceramics on the surface were discovered. Two of them, i. e. Tell Sotto and Kül Tepe have been studied.

Tell Sotto

The settlement is found 3 km west of Yarim Tepe. The tell is only 2,5 m above the plain's level, its cultural stratum is 2,8 m thick. Together with its very gentle slopes the tell occupies some 3,500 sq. m, with its central

part of not more than 2,000 sq. m. At each period of its existence the settlement was considerably smaller, e. g., the Hassuna settlement at its top was not more than 500 sq. m in area. The tell's earliest settlement was situated under the eastern slope and together with its sparsely developed periphery occupied not more than 500—600 sq. m of which 475 sq. m. have been studied.

The cultural stratum has been divided into seven building horizons, with the eightth uniting materials collected from the turf layer and the surface. The horizons 1—6 yielded an original complex of wery archaic ribbed kitchen ceramics with floral admixtures, which developed successively from one level to another, and the 7th horizon produced some archaic Hassuna material with coarse large spherical pot-shaped vessels.

The first (lower) cultural horizon unites over a dozen ancient pits of different sizes. Some of these preceded the first structures of the 2nd horizon, the earliest in the settlement. We have failed to determine exactly the situation of all the pits with reference to the structures. Some of them could well be meant for living in. Thus, for instance, at the bottom of pit 11 stood a vessel lying around which were a few fragments of grain grinders. Many ceramic fragments have been found in the charcoal and humus layers at the bottom of pit 19. Pit 10 was filled with ashes and ceramic dross and could have been used for ceramic baking.

Studied in horizon 2 have been three contemporary dwelling houses and a complex of reservoirs connected with them as well as a number of auxiliary structures. The rectangular one-room houses of 12—16 sq. m had a hearth, an oven, compartments for storing grain and storage vessels dug into the floors. The clay walls are in «tauf» technique. The reservoirs were shallow gypsum coated pits between parallel clay walls. An opinion about their purpose can be formed from the gypsum coated drain found at the butt-end of reservoir 84. The wooden platform over them could be used for grain drying too. Similar lattice construction, but without pits between them, have been discovered in the Hassuna settlements.

Approximately three quarters of the settlement in horizon 2 have been studied. Only in the southwestern part of the tell one or two houses more could have been found, that is to say that there were not more than four of five houses in that settlement. If we assume that each house could accomodate five to seven persons the total population of the settlement will amount to 25—35 people, including children.

The overlying levels 3—7 do not present such a wholesome picture. Two houses with storage vessels have been studied in level 4. Level 6 has revealed several one—type storage vessels and ovens that functioned simulaneously and were connected with a certain kind of economic activities. It is possible that some dwelling houses were situated in the unstudied western part of the tell, but it is also possible that there was no permanent settlement there at the time and that the storages and ovens were built by some people who used to come to the place from some larger neighbouring settlement during their field work. It should be pointed out, however, that the accumulation of the layer in the settlement was uninterrupted.

The nine ancient burials studied in Tell Sotto were found under the floors of the houses or next to them, many of them in vessels. Level 1 contained one burial, level 2 — six, level 4 — one, and level 7 — one, too. Eight burials belonged to infants and children aged one to three; six of the bodies were interned in vessels and two — in shallow pits. Two of the bodies

lay with their heads to the east (on the left and right sides), and one was orientated to the west (the body lay on its right side). The bodies interned in vessels seem not to have been strictly orientated to any of the cardinal points. In three cases the bodies were dismembered, all the others lay strongly contracted and in some instances their bones were even displaced. In one of the pits the body was carelessly thrown in its head first. Accompanying one body was a crude cup of clay, while another burial had a small basin with some bones in it (remnants of food) and a rich necklace of stone beads, including some of marble and lapis lazuli and one made of a copper plate bent into a small pipe. All the other burials had no inventory at all. Only one burial belonged to a youth aged ten to fourteen, its dismembered body was interned in a hearth pit with no inventory.

The earthenware from levels 1—6 forms an original ceramic complex. The crude kitchen earthenwere was made from dough with an admixture of straw while the finer samples were made of well kneaded dough with some finely cut plant admixtures. All the ceramic samples are poorly burnt. A few glazed cherry-coloured and grey fragments have some mineral admixtures in their dough. Found in levels 7—8 were a few fragments of compact and strongly burnt Hassuna ceramics.

According to their shapes the kitchen and table-things of Tell Sotto have been divided by us into 12 basic types: biconical vessels with a rib, spherical vessels with a straight vertical reem, flat oval troughs winnowing, troughs with chequered bottoms, oval troughs with smooth bottoms, flat frying pans, ribbed bowls, rounded bowls, straight walled basins, round basins, dishes with saucers, ribbed cups, and round cups.

The first and second levels have produced an extensive and expressive collection of crude ribbed earthenware with diverse anthropomorphic and zoomorphic figures stuck onto them. From the point of view of typology it clearly precedes the archaic earthenware of Hassuna, and has been united by us into the Tell Sotto—Umm Dabaghiya complex. The third-sixth levels characterize its evolution from the ribbed to the spherical forms of earthenware. Level 7 has yielded some crude spherical pot-shaped vessels of large sizes with vertical crowns that are characteristic of the archaic Hassuna complex.

The microlithic processing technique of stone was on the decline. Used as the raw material for tools was local pebble stone. Obsidian was very rare. Only one stemmed arrowhead of flint has been found. It was made on a blades. Scrapers are mostly on flakes, corner cutters are very rare. Awls were made from fragments of tubular bones. There are also some small polished axes and adzes, marble vessels and bracelets, and beads of stone and clay. Clay was widely used for various articles. Sling bullets of clay and spindle whorls appeared. Occasional clay female figurines were encountered.

Registered in the collection of cereals is bare-grained barley, and the great amount of cereal pollen present in the pollen spectre of Tell Sotto could well originate from the surrounding fields of the settlement. Prevalent in the collection of fauna are bones of domesticated sheep and goat.

Kül Tepe

The settlement is found in the plain on left bank of the Wadi Sharaya 6 km due west of Yarim Tepe. The group consists of two tells. The locality was givenits name after the tell on the bank of the wadi. We have studied

the second settlement 100 meters away to the South—East. Kül Tepe 2, we have studied, is 60×80 m in area, it is situated on a slightly inclined toward the river slope and has very gentle slopes in general. The tell is slightly above 2 m. The excavations began with a stratigraphic trench which was later expanded into a dig, with a total area of 120 sq. m. The entire cultural stratum of 2.25 m has been divided into four building levels, No interruptions have been registered in the accumulation of the deposits.

Unearthed in level 1 was a part of a dwelling house. An area of 14 sq. m with a grain storage compartment and a storage vessel dug into the floor have been found. Adjoining the house were a few small rectangular service structures. Under the floor of one of them three beautiful marble vessels were hidden. Level 2 unites several hearth pits and large surface ovens with some large storage vessels around them. The size of the ovens and a lot of ashes around them attract attention. The adjoining territory of the tell is too small to accomodate any large houses. It is possible that at that time the tell was not ihabited permanently but was visited during agricultural seasons. A similar situation has been registered in level 6 of Tell Sotto. Among the poorly preserved structures in levels 3—4 there were some small one-room houses with storage vessels, compartments for storing grain, and querns.

The Tell Sotto and Kül Tepe ceramics belong unquestionably to one and the same culture but Kül Tepe was peopled somewhat later than Tell Sotto. Levels 1—4 of Kül Tepe compare well with levels 3—6 of Tell Sotto and supply materials which characterize the final stages in the development of the Tell Sotto complex. The inventory of tools and their typology in Tell Sotto and Küll Tepe are very much close. The stone vessels of Kül Tepe have their direct analogues in Tell Sotto and Umm Dabaghiya.

The Food-producing Forms of Economy in the Making and History of Northern Mesopotamia, in the 7th—6th millennia B. C.

The chapter provides a history of studies in the early agrarian settlements of North Mesopotamia and describes some of the most significant ones (Kalat Jarmo, Gerd Ali Aga, Tell Hassuna, Tell Shimshara, Telül eth-Talathat, Çayonü Tepesi, Bukra) which are drawn upon to evaluate the materials from Tell Magzaliya, Tell Sotto and Kül Tepe obtained by the expedition. As a result of this analysis an attempt is made to determine the historical—cultural communities and reconstruct the cultural ties of the population of North Mesopotamia in the 7th—6th millennia B. C.

Tell Magzaliya and Jarmo are phasically close and display a certain cultural similarity. We can even suppose some contacts between the populations of these sites, however, differences between them are significant. Thus, for example, no arrowheads typical of Magzaliya are known in Jarmo. Magyzaliya gravitates towards the western group of the sites and looks most similar to Çayonü Tepesi, Jefer Guyük, Gritill and Shimshar found in the foothill zone of Zagros and Taurus on the raw materials exchange roads. The obsidian reaping knives with tenons, marble bracelets, bone needles, stemmed leaf-shaped arrowheads widespread in that area provide evidence about constant ties among the population and, probably, about its historical and cultural unity.

The studies in Tell Sotto and Kül Tepe together with the materials from

Umm Dabaghiya and Telül eth-Talathat have brought to light a new layer of early agrarian sites of the 6th millennium B.C. that had preceded the archaic Hassuna of Tell Hassuna. Tell Sotto and Kül Tepe have made it possible to retrace the evolution of this culture and its genetic ties with culture of the archaic Hassuna. The Tell Sotto and Umm Dabaghiya-type sites represent the early stage of the Hassuna culture or proto-Hassuna.

The diffusion of the Tell Sotto-type sites over the foothill plain was connected with the victory of agriculture, with the development of agricultural economy there and with the initial mastering of the foothill plain by the early agrarians.

Between the Tell Sotto-type sites and Tell Magzaliya there are some distinct traits of similarity but a certain chronological gap is also present. Pointing to the local origin of the Hassuna culture is the massive presence of its typical crude ceramics with vegetable admixtures in the Assyrian steppe. The point of view concerning the western origins of the sites of the Tell Sotto and Umm Dabaghiya-type is based on the imported from the west earthenware with mineral admixtures, absolutely untypical of the area.

On the Euphrates the complex of Tell Sotto finds its analogues in the materials of the ceramic levels of Bukra which have also yielded some crude ribbed ceramics with vegetable admixtures present in the dough, stone vessels with legs and some other forms. In Zagros and along the Tigris similar material is found in ceramic Jarmo and Ali Aga, and in the lower levels of Tell es-Sanan, Shimshara and Tamerhan in the Mandely area. Widespread in all this wide area is crude ribbed ceramics with vegetable admixtures, however, for all the great similarities the cultures of the Assyrian steppes and of the foothill plains of Zagros were not a single one. Thus, for instance, the typical of Jarmo vertical stretched up embossements with holes are represented in Tell Sotto by a single sample on a stone vessel. Clay figurines of these sites are also different.

The sites of the Tell Sotto and Umm Dabaghiya-type found on the right bank of the Tigris and those of the ceramic Jarmo on the left may represent to related variations of the early agrarian culture of Mesopotamia of the early 6th millennium B.C. The Tell Sotto-type sites gave rise to the Hassuna culture while of the left bank of the Tigris the Samarra culture was formed.

Some General Questions concerning the Making of the Food-Producing forms of Economy in the Near East

The chapter is devoted to the physico-geographical conditions, sources of domestication, historical and socio-economic prerequisites, contents and periodization of the initial formative stages of the food-producing forms of economy. The author undertakes to show that the emergence of agriculture and animal husbandry was possible only in certain physico-geographical conditions and was inseparably linked with the emergence of domesticated cereals and animals, and that, however, it was a historical phenomenon, before all, which was determined by the socio-economic regularities of the development.

The emergence of food-producing economy cannot be treated as a purely evolutionary process. One should distinguish within it a period of time taken for the formation of some preconditions, the time of the transition proper to the food-producing economy and its early consequences. Each of

these periods is specific in its own way. The accumulation of the prerequisites proceeded at a slow rate within the framework of an old economy. The transition to the food-producing economy was characterized by relatively rapid qualitative changes in the economy and in the ways of life. The victory of agriculture and animal husbandry was accompanied with a radical reconstruction of entire economy.

The period during which the prerequisites were formed was comleted with the formation of a complex economy of hunter/gatherers which was surviving to a certain degree during the Neolithic revolution too. To determine its beginning it is principally important to know the time of transition to the sedentary way of life which is distinctly traceable in the archaeological materials by the appearance of stationary settlements. The end of the transition period is marked by the formation of the agrarian and animal—breeding economy and by the development of the fertile plain by agrarians.

The regional traits of culture and the directions of cultural ties show that it was a single process that embraced a vast territory with different cultures and was accompanied, however, by constant contacts and interactions. Their analysis helps our understanding the history of formation and development of agriculture and animal husbandry in the Near East.

Conclusion

The work of the Soviet archeological expedition on the sites of Tell Magzaliya, Tell Sotto and Kül Tepe has made it possible to follow the closing stage of the Neolithic revolution, the initial phase of the mastering of the plain by agrarians and the formation of the agrarian and animal—breeding type of economy.

The settlements of Magzaliya, Çayonü, Jefer Guyük, Gritile and Shimshara found in the foothill zone of Western Zagros and South Taurus belonged to kindred groups of population which lived on the routes of raw material exchanges and maintained close cultural ties.

The sites of the Tell Sotto and Umm-Dabaghiya-type characterize the earliest, previously unknown, phase of the Hassuna culture. In the 6th-4th millennia B.C. North Mesopotamia was overcoming a complicated historical path connected with the Hassuna, Halaf and Ubaid cultures on its way to the emergent statehood.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки // ТИЭ. Новая серия. М., 1961. Т. 70.

Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.

Андрианов Б. В. Роль перехода к земледелию в историческом процессе // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.

Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978.

Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Второй советско-американский симпозиум, тезисы докладов. Самарканд, 1983. Ташкент. 1983.

Бадер Н. О. Различия в верхнепалеолитической культуре Закавказья и Ближнего Востока // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.

Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973, 1974 г. г.) // СА. 1975. № 4.

Бадер Н. О. Телль Магзалия — раннеземледельческий памятник на севере Ирака // СА. 1979. № 2.

Бадер Н. О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Бадер Н. О. Первоначальное становление земледелия и скотоводства в Северном Ираке // КСИА. 1984. вып. 180.

Бадер Н. О. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. М., 1989.

Бахта В. М. К вопросу о структуре первобытного производства // Вопросы истории. 1960. № 7.

Бахтеев Ф. Х. Ячмень. М.; Л., 1955.

Бахтеев Ф. Х. Дальнейшее осуществление научных идей Н. И. Вавилова в изучении зерновых злаков // Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.; Л., 1966.

Бахтеев Ф. Х. Современные проблемы происхождения и филогении ячменя // Успехи современной генетики. М., 1976. Т. 7.

Бахтеев Ф. Х., Янушевич З. В. Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе II в Северном Ираке // *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

Башилов В. А. Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу // Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1969.

Башилов В. А. Появление производящего хозяйства в Центральных Андах // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Башилов В. А. «Неолитическая революция» в древнем Перу // КСИА. М., 1984. Вып. 180.

Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В. Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке // СА. 1980. № 1.

Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.

Брейдвуд Р., Чембел Х. У истоков производящего хозяйства в Юго-Восточной Анатолии // Наука и человечество. М., 1984.

Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, июнь-июль 1931). Отдел научно-технической информации. М.; Л., 1932.

Вавилов Н. И. Ботанико-географические основы селекции // Избр. тр. М.; Л., 1960. Т. 2.

Вавилов Н. И. К познанию мягких пшениц // Избр. тр. М.; Л., 1960. Т. 2.

Вавилов Н. И. Центры происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Избр. тр. М.; Л., 1965. Т. 5.

Гореликов С. Г. Ирак. М., 1963.

Громова В. И. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М., 1940. Т. 1.
Громова В. И. Остеологические отличия родов Ovis и Capra // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода. 1952. Т. 10.
Гуляев В. И. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // КСИА. М., 1984. Вып. 180.
Ефименко П. П. Неолитический Мерсин // СА. 1959. № 1.
Индейцы Америки // ТИЭ. Новая серия. М., 1955. Т. 25.
Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию // СЭ. 1969. № 5.
Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л., 1980.
Комаров В. Л. Происхождение культурных растений. 1931.
Лисицына Г. Н. Основные этапы истории земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке // Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.
Лисицына Г. Н. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. // СА. 1970. № 3.
Лисицына Г. Н. Проблемы становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии // КСИА. М., 1984. Вып. 180.
Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палео-этноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
Ллойд С. Реки-близнецы. М., 1972.
Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984.
Массон В. М. Докерамический неолит Иерихона // СА. 1958. № 3.
Массон В. М. Средняя Азия и Ближний Восток. М.; Л., 1964.
Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопросы истории. 1970. № 6.
Массон В. М. Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики) // МИА. Л., 1971. Т. 180.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976.
Массон В. М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3.
Мерперт Н. Я. К вопросу об архаическом этапе хассунской культуры // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
Мерперт Н. Я. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // КСИА. М., 1984. Вып. 180.
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии // СА. 1971. № 3.
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Древнейшая металлургия Месопотамии // СА. 1977. № 3.
Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских индейцев. Л., 1934.
Мунчаев Р. М. Первая встреча советских и английских археологов (англо-советский симпозиум, Кембридж, ноябрь 1974) // Вестник АН СССР. 1975. № 4.
Мунчаев Р. М., Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР. М., 1979. № 2.
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Советская археологическая экспедиция в Ираке // Вестник АН СССР. М., 1969. № 9.
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Советские археологические исследования в северо-западном Ираке // Вестник АН СССР. М., 1970. № 10.
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Работы советских археологов в Ираке // Вестник АН СССР. М., 1972. № 1.
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия и его первоначальных формах // СА. 1959. № 4.
Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
Тахтаджян А. Л. Флористические области земли. М., 1978.
Титов В. С. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящих форм хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Азии // КСИА. М., 1984. Вып. 180.
Хол Ф. Происхождение и развитие земледелия: значение памятников Дех Лурап // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Ташкент, 1983.
Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.; Л., 1956.
Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
Шнирельман В. А. Натуфийская культура // СА. 1973. № 1.
Шнирельман В. А. Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии // Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.
Шнирельман В. А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // СЭ. 1974. № 3.
Шнирельман В. А. Проблема происхождения натуфийской культуры // СА. 1975. № 4.
Шнирельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства // СА. 1978. № 3.
Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980.
Шнирельман В. А. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии: научно-аналитический обзор. М., 1987.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (в связи с исследованиями Л. Г. Моргана) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 21.

Abu al-Soof B. Tell es-Sawwan: Excavation of the fourth season/spring 1967 // Sumer. 1968. Vol. 24.
Abu al-Soof B. Two prehistoric sites in Iraq // Archaeology. 1969. Vol. 22.
Adams R. McC. Agriculture and urban life in early Southwestern Iran // Science. 1962. Vol. 136.
Adams R. McC. The Jarmo stone and pottery vessel industries // *Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B. et al.* Prehistoric archaeology along Zagros flanks // SAOC. 1983. Vol. 105.
Akkermans P. A., Boerma J. A. K., Clason A. T. et al. Bouqras revisited: preliminary report on a project in Eastern Syria // PPS. 1983. Vol. 49.
Akkermans P. A., Fokkers H., Waterbolk H. T. Stratigraphy, architecture and lay-out of Bouqras // Prehistoire du Levant. Colloques internationaux du C.N.R.S. 1981. Vol. 598.
Akkermans P. A., van Loon M. N., Roodenberg J. J., Waterbolk H. T. The 1976–1977 excavations at Tell Bouqras // AAAS. 1978. Vol. 28.
Alusi S. A. C. Shimshara // Sumer. 1959. Vol. 15.
Al-A'dami K. A. Excavations at Tell es-Sawwan // Sumer. 1968. Vol. 24.
Anderson-Gerfaud P. Comment préciser l'utilisation agricole des outils préhistoriques? // Cahiers de l'Euphrates. Paris, 1982. Vol. 3.
Aurenche O. La Maison Orientale L'Architecture du Proche Orient ancien. Des Origines au milieu du qatrième millénaire. Paris, 1981. Vol. 1–3.
Aurenche O., Cauvin M. Cl. Qdeir 1, campagne 1980: une installation néolithique de VIIe millénaire // Cahierè de l'Euphrate. Paris, 1982. Vol. 3.
Aurenche O., Desfarges P. Utilisation et transformation de l'èspase architectural à El Kowm (Syrie) // Cahiers de l'Euphrates. Paris, 1982. Vol. 3.
Bakhteev F. Kh. Present problems of the origin of barley // Folia Quaternaria. 1976. Vol. 46.
Bader N. O., Merpert N. J., Munchaev R. M. Soviet expedition's surveys in the Sinjar Valley // Sumer. 1981. Vol. 37. N 1–2.
Bar-Yosef O. Prehistory of the Levant // Annual Review of Anthropology. 1980. Vol. 9.
Bender B. Farming in prehistory from hunter-gatherer to food-producer. London, 1975.
Berry R. I. The genetical implications of domestication in animals // The domestication and exploitation of plants and animals. Chicago, 1969.
Besançon J., Copeland L., Hours F., Muhesen S., Sanlaville P. Prospection géographique et préhistorique dans le bassin d'El Kowm (Syrie). Rapport prèliminaire // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1982. Vol. 3.
Bialor G. The chipped stone industry of Catal Höyük // Anatolian Studies. 1969. Vol. 12.
Binford L. R. Post-pleistocene adaptations // New perspectives in archaeology. Chicago, 1968.
Boerma J. A. K., Roodenberg J. J. Une deuxiéme industrie epipaléolithique sur le Nahr el Homr // Palaeohistoria. 1977. Vol. 19.
Bökönyi S. Archaeological problems and methods of recognizing animal domestication // The domestication and exploitation of plants and animals. Chicago, 1969.
Bökönyi S. The fauna of Umm Dabaghiyah: A preliminary report // Iraq. 1973. Vol. 35.
Bordaz J. Suberde // Anatolian Studies. 1966. Vol. 16.
Bordaz J. Current research in the neolithic of south Central Turkey: Suberde, Erbaba, and their chronological implications // American Journal of Archaeology. 1973. Vol. 77.

Bostanci E. V. Researches on the mediterranean coast of Anatolia // Anatolia. 1959. Vol. 4.
Braidwood L. The Jarmo. Flint and obsidian industry // Sumer. 1951. Vol. 7.
Braidwood L. Digging beyond the Tigris. N. Y., 1953.
Braidwood L. S. The Çayönü chipped stone industry and its possible interrelationships // Türk Tarih Kongresi. 1979. Vol. 8.
Braidwood L. S., Braidwood R. J. Prehistoric village archaeology in South-Eastern Turkey: The eighth millennium B. C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains // BAR. International Series. 1982. Vol. 138.
Braidwood L. S., Braidwood R. J. Prelude to the appearance of village-farming communities in Southwestern Asia // Ancient Anatolia: Aspects of Change and Cultural Development. Univ. of Wisconsin Press. Madison, 1986.
Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B., Reed C. A., Watson P. J. Prehistoric archaeology along the Zagros flanks // SAOC. Chicago, 1983. Vol. 105.
Braidwood L. S., Braidwood R. J., Smith J. G., Leslie C. Matarrah. A village of early farmers in Iraq. Chicago, 1952.
Braidwood R. J. Mounds in the plain of Antioch: An archaeological survey // SAOC. Chicago, 1937. Vol. 48.
Braidwood R. J. From cave to village in prehistoric Iraq // BASOR. 1951. Vol. 124.
Braidwood R. J. From cave to village // Scientific American. 1952. Vol. 187.
Braidwood R. J. Early food producers: Excavations in Iraqi Kurdistan // Archaeology. 1952. Vol. 5.
Braidwood R. J. Jericho and its setting in eastern history // Antiquity. 1957. Vol. 31.
Braidwood R. J. The agricultural revolution // Scientific American. 1960. Vol. 203, N 3.
Braidwood R. J. The Iranian prehistoric project 1959–1960 // Iranica Antiqua. 1961. Vol. 1.
Braidwood R. J. Courses toward urban life. N. Y., 1962.
Braidwood R. J. Prehistoric investigation in Southern Turkey // Science. 1969. Vol. 164.
Braidwood R. J. Prehistory into history in the Near East // *Ollson I. U.* Radiocarbon variations and absolute chronology. N. Y., 1970.
Braidwood R. J. Prehistoric investigations in Southern Asia // Proceedings American Philosophical Society. 1972. Vol. 116, N 4.
Braidwood R. J. The early village in Southwestern Asia // JNES. 1973. Vol. 32, № 1–4.
Braidwood R. J. The Iraq Jarmo project // Archaeological Researches in Retrospect. Cambridge; Massachusetts. 1974.
Braidwood R. J. The beginnings of village farming communities in Southeastern Turkey // Proceedings of the National Academy of Sciences. USA. 1974. Vol. 68.
Braidwood R. J. Prehistoric man. Illinois. 1976.
Braidwood R. J. Paleoenvironment and the appearance of village-farming communities in Southwestern Asia // Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1979. Vol. 8.
Braidwood R. J. The first great change // Studi di Paletnologia in Onore di Salvatore M. Puglisi. Roma, 1985.
Braidwood R. J., Çambel H., Schirmer W. Beginnings of village-farming communities in southeastern Turkey: Çayönü Tepesi, 1978 and 1979 // JFA. 1981. Vol. 8.
Braidwood R. J. et al. The Iraq-Jarmo project, 1954–55 // Sumer. 1954. Vol. 10. N 2.
Braidwood R. J., Braidwood L. S., Smith J. J., Leslie C. Matarrah. A southern variant of the Hassunan assemblage, excavated in 1948 // JNES. 1952. Vol. 11. N 1.
Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. Chicago, 1960. Vol. 31.
Brice W. C. The environmental history of the Near and Middle East since the last ice age. London, 1978.
Butzer K. W. Physical conditions in Eastern Europe, Western Asia and Egypt before the period of agricultural and urban settlement // The Cambridge ancient History. Cambridge, 1965. Vol. 1.
Butzer K. W. Quaternary stratigraphy and climate in the Near East. Bonn; N. Y., 1969.
Butzer K. W. Environment and archaeology: An ecological approach to prehistory. Chicago, 1971.
Çambel H. Chronologie et organisation de l'éspasá Cayönü // Préhistoire du Levant. Colloques du C.N.R.S. Paris, 1981. Vol. 598.
Çambel H., Braidwood R. J. Prehistoric research in Southeastern Anatolia. Istanbul, 1980.
Çambel H., Braidwood R. J. Çayönü Tepesi: Schritte zu neuen Lebensweisen // Beitrage zum Alterumskunde Klainasiens. Mainz am Rhein, 1983.
Cann J. K., Renfrew C. The characterization of obsidian and its application to the Mediterranean region // PPS. 1964. Vol. 30.
Cauvin J. Le outillages néolithiques de Biblos et du Littoral libanis // *Donand M., Maisonnuve J. A.* Fouilles de Byblos. Paris, 1968.
Cauvin J. Les debuts de la ceramique sur le Moyen-Euphrate: nouveaux documents // Paléorient. 1974. Vol. 2.

Cauvin J. Troisième campagne de fouilles à Tell Mureybet // AAAS. 1974. Vol. 24.
Cauvin J. Le Moyen-Euphrate au VIII millénaire d'apre Mureybet et Cheikh Hassan // Travaux du Centre de Recherche sur le Proche – Orient et la Grèce antique. Strasbourg. 1977. Vol. 5.
Cauvin J. Le fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sedentarisation au Proche-Orient // AASOR. 1977. Vol. 44.
Cauvin J. L'oasis d'El Kown au néolithique: Bilan après trois campagnes: methodes, problèmes et premiers résultats // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1982. Vol. 3.
Cauvin J. La Mission Archaeologique permanente à El Kowm (Syrie) // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1982. Vol. 3.
Cauvin J. Nouvelles stations néolithique dans la cuvette d'El Kowm // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1982. Vol. 3.
Cauvin J. Cing années de recherhes (1978–1983) dans l'oasis d'ei Kowm (Syrie) // AAAS. 1983. Vol. 33. N 1.
Cauvin J. Typologie et fonctions des outils préhistoriques: apport de la traccologie a un vieux debat // Travaux de la Maison de l'Orient. Lyon, 1983. N 5.
Cauvin J. Civilisation protonéolithique en Asie Antérieure // La Préhistoire de l'Europe: Le Néolithique et le Chalcolithique. Paris, 1985.
Cauvin J. La Campagne 1985 à Çafer Höyük. Rapport scientifique (novembre 1985) // Institute de Prehistoire Orientale et Maison de l'Orient. Lyon, 1985.
tute de Prehistoire Orientale et Maison de l'Orient. Lyon, 1985.
Cauvin J. Çafer Höyük. 1985 // Anatolian Studies. 1986. Vol. 36.
Cauvin J., Aurenche O. Le neolithique de Çafer Höyük (Malatya, Turquie). Fouilles 1979–1980 // Cahiers de L'Euphrates Paris, 1982. Vol. 3.
Cauvin J., Aurenche O. La campagne de fouilles 1984 é Çafer Höyük // Kazi Sonuclary. Ankara, 1985. Vol. 7.
Cauvin J., Aurenche O. Çafer Hyyük. 1985 // Anatolian Studies. 1986. Vol. 36.
Cauvin J., Cauvin M. C. Sondage a Tell Assouad (Djezireh, Syrie) // AAAS. 1972. Vol. 22.
Cauvin J., Cauvin M. C., Stordeur D. Recherches préhistoriques à El Kowm (Syrie): premiere campagne 1978 // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1979. Vol. 2.
Cauvin J., Cauvin M. C. Origines de l'agriculture au Levant facteurs biologiques et socioculturels // The Hilly Flanks and beyond. Chicago, 1984.
Cauvin M. C. Outillage lithique et chronologie à Tell Aswad (Damascene-Syrie) // Paléorient. 1974. Vol. 2. N 2.
Cauvin M. C. L'Outillage lithique de la phase IV de Tell Mureibet // AAAS. 1974. Vol. 24.
Cauvin M. C. Fléches à encoches de Syrie: essai de classification et d'interprétation culturelle // Paléorient. 1974. Vol. 2. N 2.
Cauvin M. C. Du natufien sur l'Euphrate? // Travaux du Centre de Recherche sur le Proche-Orient et la Grèce antiques. Strasbourg, 1977. Vol. 5.
Cauvin M. C. Les faucilles préhistoriques du Proche-Orient: données morphologiques et fonctionnelles // Paléorient. 1983. Vol. 9. N 1.
Cauvin M., Stordeur D. Les outillages lithiques et osseux de Murybet, Syrie // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1978. Vol. 1.
Childe G. Man makes himself. London, 1951.
Childe G. New light on the most Ancient East. London, 1954.
Childe G. Social evolution. N. Y., 1963.
Chronologies du Proche Orient. Relative chronologies and absolute chronology 16 000 – 4000 B. P. // BAR. International series. Oxford, 1987. Vol. 379. Part 1, 2.
Cole S. The neolithic revolution. London, 1965.
Contensen H. de A further note on the archaeology of basal Ras Shamra // BASOR. 1964. Vol. 175.
Contensen H. de Notes on the chronology of near eastern neolithic // BASOR. 1966. Vol. 184.
Contensen H. de. Tell Ramad, a village of Syria of the 7th and 6th millenia B. C. // Archaeology. 1971. Vol. 24.
Contensen H. de. Chronologie absolue de Tell Aswad: Damascene, Syrie // BSPF. 1973. Vol. 70.
Contensen H. de. Tell Aswad. Damascene // Paléorient. 1979. Vol. 5.
Contensen H. de, Liere W. van. Sondages à Tell Ramad en 1963: Rapport preliminaire // AAAS. 1964. Vol. 14.
Contensen H. de, Liere W. J. van. Premier sondage a Bouqrus en 1965. Rapport Preliminaire // AAAS. 1966. Vol. 16. N 2.
Cohen M. N. The food crisis in prehistory: Overpopulation and the origins of agriculture. New Haven, 1977.
Daniel G. The first civilizations: The archaeology of their origins. N. Y., 1968.
Dimbleby G. W. Pollen analysis // Science in Archaeology. N. Y., 1970.

Dixon J. E., Cann J. K., Renfrew C. Obsidian and the origins of the trade // Scientific American. 1963. Vol. 218. N 3.
Dorrel P. A note on the geomorphology of the country near Umm Dabughiyah // Iraq. 1972. Vol. 24.
Drew I. M., Perkins D., Daly I. P. Prehistoric domestication of animals: Effects on bone structure // Science. 1971. N 171 (3968).
Ducos P. Methodology and results of the study of the earliest domesticated animals in the Near East (Palestine) // The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. Chicago. 1969.
Egami N. The excavations of Telul eth-Tha'athat // Sumer. 1957. Vol. 13.
Egami N., Sono T., Horiuchi R. Brief report of the third season's excavations at Tell II of Telul eth-Thalathat and some observations // Sumer. 1966. Vol. 22.
El-Wailly F. The excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary report // Sumer. 1965. Vol. 21.
Ewing J. E. Preliminary note on the excavations at the paleolithic site of Ksar Akil // Antiquity. 1947. Vol. 21.
Ellis R. S. A bibliography of Mesopotamian archaeological sites. Wiesbaden, 1972.
Flannery K. V. The ecology of early food production in Mesopotamia // Science. 1965. № 147 (3663).
Flannery K. V. Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East // Domestication and Exploitation of Plants and Animals. London, 1969.
Flannery K. V. Archaeological systems theory and early Mesoamerica // Prehistoric Agriculture. N. Y., 1971.
Flannery K. V. The cultural evolution of civilizations // Annual Review of Ecology and Systematics. 1972. № 3.
Flannery K. V. The origins of the village as a settlement type in Mesoamerica and Near East // Men, Settlement and Urbanism. London, 1972.
Flannery K. V. The origins and agriculture // Annual Review of Anthropology. 1973. № 2.
Flannery K. V. Guila Naquitz. Archaic foraging and early agriculture in Oaxaca, Mexico. Orlando. Academic Press. 1986.
Franch D. H. Excavations at Can Hasan: Fifth preliminary report // Anatolian Studies. 1966. Vol. 16.
Fukai S., Horiuchi K., Matsutani T. Telul eth-Thalathat: The excavations of Tell II // Tokio University Irak-Iran Archaeological Expedition, Report II. Tokio, 1970.
Fukai S., Matsutani T. Excavations at Telul eth-Thalathat 1976 // Sumer. 1977. Vol. 33. N 1.
Fukai S., Matsutani T. Telul eth-Thalathat: The excavation of Tell II. The fifth season (1976) volume IV, The University of Tokio. 1981.
Gale N. H. Mediterranean obsidian source characterization by strontium isotope analysis // Archaeometry. 1981. Vol. 23.
Garrod D. A. E. The palaeolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the caves of Zarzi and Hazar Merd. American School of Prehistoric Research Bulletin. 1930. N 6.
Garrod D. A. E. The Natufian culture: The life and economy of the mesolithic people in the Near East // Proc. of the British Acad. 1958. Vol. 43.
Garrod D. A. E., Bate D. M. A. The stone age of mount Carmel. Oxford, 1937. Vol. 1.
Garstang J. The story of Jericho. London, 1940.
Garstang J. Prehistoric Mersin. Clarendon Press, Oxford, 1953.
Gebel H. G. Tübinger Atlas das Vorderen Orients (TAVO): Akeramisches Neolitikum. Wiesbaden, 1982.
Gebel H. G. Das Akeramisches Neolitikum Vorderasiens. Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden, 1984. Geisteswissenschaften. Vol. 52.
Guest E., Al-Rawi A. Flora of Iraq. Baghdad, 1966. Vol. 1.
Harlan J. R. A wild wheat harvest in Turkey // Archaeology. 1967. Vol. 20. N 3.
Harlan J. R. Agricultural origins: centers and non-centers // Science. 1971. Vol. 174.
Harlan J. R. The plants and animals that nourish man // Scientific American. 1976. Vol. 235.
Harlan J. R. The origins of cereal agricultural in the Old World // Origins of agriculture. The Hague, 1977.
Harlan J. R., Wet J. M. J. de. On the quality of evidence for origin and dispersal of cultivated plants // Current Anthropology. 1973. Vol. 14. N 1–2.
Harlan J. R., Wet J. M. J. de, Price E. G. Comparative evolution of cereals // Evolution. 1972. Vol. 27.
Harlan J. R., Zohary D. Distribution of wild wheat and barley // Science. 1966. Vol. 153.
Harris D. R. Agricultural systems, ecosystems and the origins of agriculture // The domestication and exploitation of plants and animals. Chicago, 1969.

Harris D. R. Alternative pathways toward agriculture // Origin of Agriculture. The Hague, 1977.
Hassan F. A. On mechanism of population growth during the neolithic // Current Anthropology. 1973. V. 14. N 5.
Hassan F. A. The dynamics of agricultural origins in Palestine. A theoretical model // Origin of agriculture. The Hague, 1977.
Helbaek H. Ecological effects of irrigation in Ancient Mesopotamia // Iraq. 1960. Vol. 22.
Helbaek H. Paleoethnobotany of the Near East and Europe // *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigation in Iraqi Kurdistan/SAOC. Chicago, 1960. Vol. 31.
Helbaek H. Early Hassuna vegetable of es-Sawwan near Samarra // Sumer. 1964. Vol. 20. N 1, 2.
Helbaek H. First impressions of the Çatal Hüyük plant husbandry // Anatolian Studies. 1964. Vol. 14.
Helbaek H. Pre-pottery neolithic farming at Beidha // PEQ. 1966. Vol. 98.
Helbaek H. Plant collecting, dry-farming and irrigation agriculture in prehistoric Deh Luran // Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain: An Early Village Sequence from Khusistan, Iran. Ann Arbor, 1969.
Helbaek H. The plant husbandry of Haçilar // Mellaart J. Excavations at Haçilar. Edinburgh, 1970. Vol. 1.
Helbaek H. Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah // Iraq. 1972. Vol. 34.
Helbaek H. Samarran irrigation agriculture at Choga Mami in Iraq // Iraq. 1972. Vol. 34.
Henry D. O., Leroi-Gourhan A., Davis S. The excavations of Hayonim terrace: An examinations of terminal pleistocene climatic adaptive change // JAS. 1981. Vol. 8. N 1.
Herzfeld E. Die Ausgrabungen von Samarra: Die Vorgeschichtlichen Topferein von Samarra. Berlin, 1930.
Higgs E. S., Jarman M. R. The origins of agriculture: a reconsideration // Antiquity. 1969. Vol. 43.
Higgs E. S., Jarman M. R. The origins of animal and plant husbandry // Papers in Economic Prehistory. Cambridge, 1972.
Higgs E. S., Vita-Finzi C. Prehistoric economics: A territorial approach // Papers in Economic Prehistory. Cambridge, 1972.
Hole F. Studies in the archaeological history of the Deh Luran Plain // The Excavation of Chaga Sefid. Ann Arbor, 1977.
Hole F., Flannery K. Excavations at Ali Kosh, Iran, 1961 // Iranica antiqua. 1962. Vol. 2. N 2.
Hole F., Flannery K., Neely J. Early agriculture and animal husbanrdy in Deh-Luran, Iran // Current Anthropology. 1965. Vol. 6. N 1.
Hole F., Flannery K. The prehistory of Sothwestern Iran: A preliminary report // PPS 1967. Vol. 33.
Hole F., Flannery K., Neely J. Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969. Vol. 1.
Hole F. The archaeology of Western Iran. Settlement and society from prehistory to the islamic conquest. N. Y., 1987.
Hooijer D. A. Preliminary notes on the animal remains found at Bouqras and Ramad in 1965 // AAAS. 1966. Vol. 16. N 2.
Hopf M. Plant remains and early farming in Jericho // The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. Chicago. 1969.
Jarman H. N., Legge A. J., Charles J. A. Retrieval of plant remains from archaeological sites by froth flotation // Papers in economic prehistory. Cambridge, 1972.
Kenyon K. M. Jericho and its setting in near eastern history // Antiquity. 1956. Vol. 30.
Kenyon K. M. Digging up Jericho. London, 1957.
Kenyon K. M. Earliest Jericho // Antiquity. 1959. Vol. 129.
Kenyon K. M. Jericho // Archaeology. 1967. Vol. 20.
Kenyon K. M. Archaeology in the Holy Land. London, 1979.
Kenyon K., Kirkbride D. Excavations at Jericho // PEQ. 1960. Vol. 92. N 2.
Kirkbride D. V. W. A Kebarah rock shelter in Wadi Madamagh, near Petra, Jordan // Man. 1958. Vol. 58.
Kirkbride D. V. W. A brief report on the pre-pottery flint cultures of Jericho // PEQ. 1960. Vol. 92. N 2.
Kirkbride D. V. W. The excavation of a neolithic village at Seyl Aqlat, Beidha, near Petra // PEQ. 1960. Vol. 92.
Kirkbride D. V. W. Five seasons at the pre-pottery neolithic village of Beidha in Iordan // PEQ. 1966. Vol. 98.
Kirkbride D V. W. Beidha: early neolithic village life south of the Dead Sea // Antiquity. 1968. Vol. 42.

Kirkbride D. V. W. Umm Dabaghiyah 1971: A preliminary report. An early ceramic farming settlement in marginal north central Jazira, Iraq // Iraq. 1972. Vol. 34.
Kirkbride D. V. W. Umm Dabaghiyah 1972. A second preliminary report // Iraq. Spring 1973. Vol. 35.
Kirkbride D. V. W. Umm Dabaghiyah 1973: A third preliminary report // Iraq. Autumn 1973. Vol. 35.
Kirkbride D. V. W. Umm Dabaghiyah: A trading outpost? // Iraq. 1974. Vol. 36. Part 1, 2.
Kirkbride D. V. W. Umm Dabaghiyah 1974: a fourth preliminary report // Iraq. 1975. Vol. 37.
Le Mier M. La ceramique prehistorique de Tell Assouad. Djezireh, Syrie // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1979. Vol. 2.
Leroi-Gourhan A. Les possibilitiés de l'analyse pollinigue en Syrie et au Liban//Paléorient. 1973. Vol. 1.
Leroi-Gourhan A. Études palynologiques des derniers 11 000 ans an Syrie semi-desertique // Paléorient. 1974. Vol. 2.
Leroi-Gourhan A. Analyse pollinique à Tell Aswad // Paléorient. 1979. Vol. 5.
Leroi-Gourhan A. Les analises polliniques au Moyen-Orient // Paléorient. 1980. Vol. 6.
Levis H. The role of fire in the domestication of plants and animals in Southwest Asia. A hipotesis // Man. 1972. Vol. 7. N 2.
Lloyd S. The archaeology of Mesopotamia. London, 1978.
Lloyd S. Some ancient sites in the Jebel Sinjar district // Iraq. 1938. Vol. 5.
Lloyd S. Iraq government soundings at Sinjar // Iraq. 1940. Vol. 7.
Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1943–44 // JNES. 1945. Vol. 4. N 4.
Loon M. van Mureybat: An early village in inland Syria // Archaeology. 1966. Vol. 19.
Loon M. van. First results of 1965 excavations at Tell Mureybet // AAAS. 1966. Vol. 16. N 2.
Loon M. van. The oriental institute excavations at Mureybat, Syria: Preliminary report on the 1965 campaign // JNES. 1968. Vol. 27. N 4.
Mac Neich R. S. The origin of American agriculture // Antiquity. 1965. Vol. 39.
Mallowan M. E. L. The prehistoric soundage of Nineveh 1931–1932 // Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool, 1933. Vol. 20.
Mallowan M. E. L. Twenty-five years of mesopotamian discovery: British school of archaeology in Iraq. London, 1956.
Masson A. Les pieus lustrées des sources d'El Kown (Syrie) // Cahiers de l'Euphrates. Paris, 1982. Vol. 3.
Melgaard J., Mortensen P., Thrane H. Excavations of Tepe Guran, Luristan // Acta Archaeologica. 1964. Vol. 34.
Mellaart J. Excavations at Haçilar // Anatolian Studies. 1961. Vol. 11.
Mellaart J. The chalcolithic and early bronze ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966.
Mellaart J. Çatal Hüyük: a neolithic town in Anatolia. N. Y., 1967.
Mellaart J. The earliest settlements in Western Asia. Cambridge, 1967.
Mellaart J. Excavations at Haçilar. Edinburgh, 1970. Vol. 1, 2.
Mellaart J. The neolithic of the Near East. London. 1975.
Merpert N., Munchajev R. The investigation of the Soviet archaeological expedition in Iraq. Spring, 1969: Excavations at Yarim Tepe // Sumer. 1969. Vol. 25. N 1, 2.
Merpert N., Munchajev R. Excavations at Yarim Tepe 1970: The archaeological research in the Sinjar Valley. 1971 // Sumer. 1971. Vol. 27. N 1, 2.
Merpert N., Munchajev R. Early agricultural settlement in the Sinjar Plain, Northern Iraq // Iraq. 1973. Vol. 35.
Merpert N., Munchajev R., Bader N. The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1973 // Sumer. 1976. Vol. 32. N 1, 2.
Merpert N., Munchajev R., Bader N. The investigations of Soviet expedition in Iraq. 1974. // Sumer. 1977. Vol. 33. N 1.
Merpert N., Munchajev R., Bader N. Report of the works of Soviet archaeological expedition in Iraq, 1975 // Sumer. 1979. Vol. 35.
Merpert N., Munchajev R., Bader N. Investigations of the Soviet Expedition in Northern Iraq. 1976 // Sumer. 1981. Vol. 37. N 1, 2.
Moore A. M. T. The late neolithic in Palestine // Levant. 1973. Vol. 5.
Moore A. M. T. The excavation of Tell Abu Hureyra in Syria: A preliminary report // PPS. 1975. Vol. 41.
Moore A. M. T. A pre-neolithic farmers village of the Euphrates // Scientific American. 1979. Vol. 241.
Moore A. M. T. A four stage sequence for the levantine neolithic. 8500–3750 B. C. // BASOR. 1982. Vol. 246.

Moore A. M. T. Agricultural origins in the Near East: A model for the 1980s // World Archaeology. 1982. Vol. 14. N 2.
Morales V. B. Jarmo figurines and other clay objects // *Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B. et al.* Prehistoric archaeology along Zagros flanks // SAOC. 1983. Vol. 105.
Mortensen J. On the chronology of early village-farming communities in Northern Iraq // Sumer. 1962. Vol. 18.
Mortensen P. Additional remarks on the chronology of early village farming communities in the Zagros Area // Sumer. 1964. Vol. 20. N 1, 2.
Mortensen P. A preliminary study of the chipped stone industry from Beidha // Acta Archaeologica. 1970. Vol. 41.
Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period // Historisch – Filosofische Shrifter Danske Videnshabernes. Copenhagen, 1970. Vol. 5. N 2.
Mortensen P. A preliminary report of the chipped stone industry from Beidha on early neolithic village in Southern Jordan // Acta Archaeologica. Copenhagen. 1971. Vol. 16.
Munchajev R., Merpert N. The archaeological research in the Sinjar valley (1971) // Sumer. 1973. Vol. 27.
Munchajev R., Merpert N. Excavations at Yarim Tepe 1972: Fourth preliminary report // Sumer. 1973. Vol. 29. N 1, 2.
Munchajev R., Merpert N. Soviet expedition's research at Yarim Tepe III, Settlement in Northern Iraq, 1978–1979 // Sumer. 1984. Vol. 43, N 1, 2.
Munchajev R., Merpert N., Bader N. Archaeological studies in the Sinjar Valley, 1980 // Sumer. 1984. Vol. 43. N 1, 2.
Neuville R. Le paléolithique et le mesolithique du desert de Iudée // Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Paris, 1951. Vol. 24.
Noy T., Legge A. J., Higgs E. S. Recent excavations at Nahal Oren, Israel // PPS. 1973. Vol. 39.
Oates J. The baked clay figurines from Tell es-Sawwan // Iraq. 1966. Vol. 28.
Oates J. First preliminary report on a survey in the region of Mandali and Badra // Sumer. 1966. Vol. 22.
Oates J. Prehistoric investigations near Mandali, Iraq // Iraq. 1968. Vol. 30. N 1.
Oates J. Choqa Mami 1967–68: a preliminary report // Iraq. 1969. Vol. 31. N 2.
Oates J. A radiocarbon date from Choqa Mami // Iraq. 1972. Vol. 34.
Oates J. The background and development of early farming communities in the Mesopotamia and the Zagros // PPS. 1975. Vol. 39.
Oates J. Religion and ritual in the sixth-millenium B. C. Mesopotamia // World Archaeology. 1978. Vol. 10. N 2.
Oates D. J. The rise of civilization. Oxford, 1976.
Perkins D. J. The faunal remains of Shanidar cave and Zawi Chemi Shanidar, 1960 season // Sumer. 1960. Vol. 16. N 1–2.
Perkins D. J. Prehistoric fauna from Shanidar, Iraq // Science. 1964. Vol. 144.
Perkins D. J. The fauna from Madamagh and Beidha: A preliminary report // PEQ. 1966. Vol. 98. N 1.
Perkins D. J. Fauna of Çatal Hüyük: Evidence for early cattle domestication in Anatolia // Science. 1969. Vol. 164.
Perkins D. J. The beginnings of animal domestication in the Near East // American Journal of Archaeology. 1973. Vol. 77.
Perrot J. La troisième campagne de fouilles à Hunhata // Syria. 1966. Vol. 43.
Redman Ch. L. The Çayönü Tepesi chipped stone industry: 1968 and 1970 excavations seasons. Interum report. State University of New York. б. г.
Redman Ch. L. The rise of civilization: From early farmers to urban society in the Ancient Near East. San Francisco, 1978.
Reed Ch. A. Origin of agriculture. The Hague, 1977.
Reed Ch. A., Braidwood R. J. Toward the reconstruction of the environmental sequence of Northeastern Iraq. // Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. Chicago, 1960. Vol. 31.
Renfrew C. Tell Shimshara and the trafic in obsidian // *Mortensen P.* Tell Shimshara: The Hassuna Period. København, 1970.
Renfrew C., Dixon J. E., Cann J. K. Further analysis of Near Eastern obsidians // PPS. 1968. Vol. 34.
Roodenberg J. J. Soundage des niveaux neolithiques de Tell es Sinn, Syrie // Anatolica. 1980. Vol. 7.
Roodenberg J. J. An epipaleolithic industry on the Nah-el-Homr // AASOR. Vol. 44.
Roodenberg J. J. Le Mobilier en pierre de Bouqras: Utilisation de la pierre dans un site néolithique sur le Moyen Euphrate (Syrie). Istanbul. 1986.

Rootenberg J. J., Wilkinson T. J., Bayri-Baykan S. Surveys and sounding at Kumartepe: an interim report // Anatolica. 1984. Vol. 11.
Shmond-Bessarat D. The use of clay before pottery in Zagros // Expedition. 1974. Vol. 16. N 2.
Shmond-Bessarat D. The earliest uses of clay in Syria // Expedition. 1977. Vol. 19. N 3.
Smith P. E. L. Gandj Dareh Tepe // Paléorient. 1974. Vol. 2.
Smith P. E. L. Ganj Dareh Tepe // Iran. 1975. Vol. 13.
Smith P. E. L., Mortensen P. Three new «early neolithic» sites in Western Iran // Current Anthropology. 1980. Vol. 21.
Solecki R. L. An early village site at Zawi Chemi Shanidar. Biblioteca Mesopotamica. Undena Publications, 1980. Vol. 13.
Solecki R. S., Solecki R. L. Grooved stones from Zawi Chemi Shanidar, a proto-neolithic site in Northern Iraq // American Anthropologist. 1970. Vol. 72.
Stampfli H. R. The fauna of Jarmo, with notes on animal bones from Matarrah, the Amuq and Karim Shahir // *Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B. et al.* Prehistoric archaeology along Zagros flanks // SAOC. Chicago, 1983. Vol. 105.
Taylor J. P., Williams M. V., Waechter J. W. The excavations at Saksé Gözu // Iraq. 1950. Vol. 15. N 2.
Todd I. A. Asikli Hüyük – a protoneolithic site in Central Anatolia // Anatolian Studies. 1966. Vol. 16.
Ucko P. J., Dimbleby G. W. The domestication and exploitation of plants and animals. Chicago. 1969.
Uertman H. P. Vorderer Orient. Protoneolithikum // TAVO. Wiesbaden, 1980.
Vertesalji P. P. Mesopotamien Chalkolithikum // TAVO. Wiesbaden, 1982.
Vita-Finzi C., Higgs E. S. Prehistoric economy in the Mount Carmel area of Palestine: Site catchment analysis // PPS. 1970. Vol. 36.
Voigt M. M. Village on the Euphrates: Excavations at neolithic Gritile in Turkey // Expeditions. Vol. 27. N 1.
Wahida G. The re-excavation of Zarzi, 1971 // PPS. 1981. Vol. 47.
Waily F. al., Abu al Soof B. The excavations at Tell es-Sawwan. First preliminary report (1964) // Sumer. 1965. Vol. 21.
Watson P. J. A note on Jarmo plant remains // *Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B. et al.* Prehistoric archaeology along Zagros flanks // SAOC. Chicago, 1983. Vol. 105.
Wheeler M. Walls of Jericho. London, 1956.
Wheeler M. The first town? // Antiquity. 1956. Vol. 119.
Wright H. E. Natural environment of early production north of Mesopotamia // Science. 1968. Vol. 161.
Wright H. E. The environmental setting for plant domestication in the Near East // Science. 1976. Vol. 194 (4263).
Zeist W. van. Paleobotanical results of the 1970 season at Çayönü, Turkey // Helinium. 1972. Vol. 12.
Zeist W. van. On macroscopic traces of food plants of Southwestern Asia // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. 1976. Vol. 275.
Zeist W. van, Bakker-Heeres J. A. H. Some economic, and ecological aspects of the plant husbandry of Tell Aswad // Paléorient. 1979. Vol. 5.
Zeist W. van, Bottema S. Paleobotanical investigations at Ramad // AAAS. 1966. Vol. 16. N 2.
Zeist W. van, Bottema S. Palinological investigations in Western Iran // Palaeohistoria. 1977. Vol. 19.
Zeist W. van, Bottema S. Vegetational history of the Eastern Mediterranean and the Near East during the last 20 000 years // Palaeoclimates, palaeoenvironments and human communities in the Eastern Mediterranean region in the later prehistory // BAR. International series. London, 1982. Vol. 133.
Zeist W. van, Casperie W. A. Wild einkorn wheat and barley from Tell Mureybet in Northern Syria // Acta Bot. Neerl. 1968. Vol. 17. N 1.
Zeist W. van, Woldring H. Holocene vegetation and climate of north-western Syria // Palaeohistoria. 1980. Vol. 22.
Zeist W. van, Wright H. E. Preliminary pollen studies at Lake Zeribar, Zagroz Mountains, Southern Iran // Science. 1963. Vol. 140.
Zohary D. The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agricultural dispersal in the Old World // The domestication and exploitation of plants and animals. Chicago. 1969.
Zeuner F. E. The radiocarbon age of Jericho // Antiquity. 1956. Vol. 120.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 8

I. ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ 9

II. РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ. VII ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. 19

III. ПРОТОХАССУНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ СОТТО И КЮЛЬТЕПЕ НА ПОДГОРНОЙ РАВНИНЕ СИНДЖАРА 109

IV. СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА И ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В VII—VI ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э. 199

V. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ . . . 247

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 278

ПРИЛОЖЕНИЯ 285

Приложение 1. Палеогеография района Джебел Синджара (Северный Ирак) в VII—VI тысячелетиях до н. э. (*Э. М. Зеликсон, К. В. Кременецкий*) 285

Приложение 2. Древнейшие палеоэтноботанические находки в Северной Месопотамии (*Г. Н. Лисицына*) 291

Приложение 3. Фауна с поселения телль Магзалия (*Д. В. Гаджиев*) 297

Приложение 4. Одонтологическая характеристика древних погребений телль Магзалии (*А. А. Зубов*) 300

Приложение 5. Медное шило из телль Магзалии (*Н. В. Рындина, Л. К. Яхонтова*) 302

Приложение 6. Радиоуглеродная датировка поселений телль Магзалия и телль Сотто (*А. Г. Черкинский*) 313

Приложение 7. Распределение по культурным горизонтам орудий труда и отходов производства из кремня и обсидиана с поселения телль Магзалия (*Н. О. Бадер*) 315

Приложение 8. Распределение по культурным горизонтам различных типов глиняной посуды на поселениях телль Сотто и Кюльтепе (*Н. О. Бадер*) 320

Приложение 9. Технологическая характеристика керамики из телль Сотто и Кюльтепе (*А. А. Бобринский*) 327

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 335

SUMMARY 346

CONTENTS

INTRODUCTION 5

LIST OF ABBREVIATIONS 8

I. HISTORY AND RESEARCH METHODS 9

II. EARLY AGRARIAN SETTLEMENT TELL MAGZALIYA, 7TH MILLENNIUM B. C. 19

III. PROTO-HASSUNA SETTLEMENTS OF TELL SOTTO AND KÜL TEPE IN THE FOOTHILL PLAIN OF THE SINJAR 109

IV. FOOD-PRODUCING FORMS OF ECONOMY IN THE MAKING AND HISTORY OF NORTHERN MESOPOTAMIA IN THE 7TH – 6TH MILLENNIA B. C. 199

V. SOME GENERAL QUESTIONS CONCERNING TO THE MAKING OF THE FOOD-PRODUCING FORMS OF ECONOMY IN THE NEAR EAST 247

CONCLUSION 285

Supplement 1. Paleogeography of the area Jebel Sinjar in the 7th – 6th millenia B. C. (*E. M. Zelikson, K. V. Kremenetskii*) . . . 285

Supplement 2. Earliest Paleoethnobotanic finds in Northern Mesopotamia (*G. N. Lisitzina*) 291

Supplement 3. Fauna from settlement Tell Magzaliya (D. V. Gadjiev) 297

Supplement 4. Odontological discription of the ancient burials in Tell Magzaliya (*A. A. Zoubov*) 300

Supplement 5. A copper awl from Tell Magzaliya (*N. V. Ryndina, L. K. Yakhontova*) 302

Supplement 6. About the absolute dating of the settlements of Tell Magzaliya and of Tell Sotto (*A. G. Cherkinskii*) 313

Supplement 7. Distribution of tools and wastes of flint and obsidian over cultural levels of Tell Magzaliya settlement (*N. O. Bader*) 315

Supplement 8. Distribution of various types of earthenware over the cultural levels of the settlements of Tell Sotto and Kül Tepe (*N. O. Bader*) 320

Supplement 9. Technological description of the ceramics from Tell Sotto and Kül Tepe (*A. A. Bobrinskii*) 327

LIST OF ILLUSTRATIONS 335

SUMMARY 346